

ЛУИ АНТУАН СЕН-ЖЮСТ • РЕЧИ • ТРАКТАТЫ

ЛУИ АНТУАН
СЕН-ЖЮСТ
•••
РЕЧИ
ТРАКТАТЫ

Луи Антуан Сен-Жюст.

Портрет работы П. П. Приюдона, 1793 г. Музей изящных искусств,
Лион.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

LOUIS ANTOIN
SAINT-JUST

DISCOURS
TRAITÉS

ЛУИ АНТУАН СЕН-ЖЮСТ

РЕЧИ ТРАКТАТЫ

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ:

**А.В. ГОРДОН, О.С. ЗАБОТКИНА,
Т.А. ЧЕРНОВЕРСКАЯ**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

А.В. ГОРДОН

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«НАУКА»

1995

ББК 84(04)5
С31

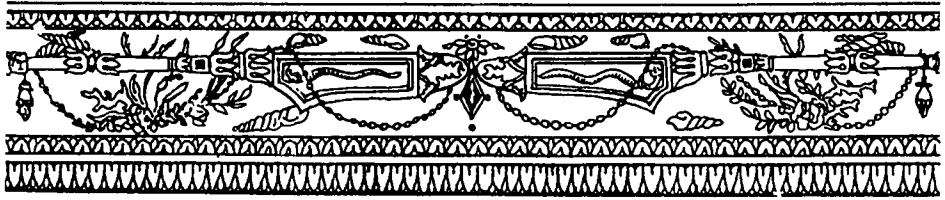
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*Д.С. Лихачев (почетный председатель), В.Е. Багно,
Н.И. Балашов (заместитель председателя),
В.Э. Вацуро, М.Л. Гаспаров, А.Л. Гришунин,
Л.А. Дмитриев, Н.Я. Дьяконова, Б.Ф. Егоров (председатель), А.В. Лавров,
А.Д. Михайлов, И.Г. Птушкина (ученый секретарь),
И.М. Стеблин-Каменский, С.О. Шмидт*

С $\frac{0202000000-501}{042(02)-95}$ 1-93 (1)

ISBN-5-02-028136-0

- © М. А. Бобович, О. С. Заботкина,
Э. Я. Кушкина, перевод, 1995
- © Т. А. Черноверская, перевод, статья,
комментарии, 1995
- © А. В. Гордон, составление, статья,
комментарии, 1995
- © Российская академия наук, 1995

РЕЧИ И ДОКЛАДЫ

О ДЕПАРТАМЕНТСКОЙ СТРАЖЕ

(О предложении окружить Конвент вооруженной стражей,
набранной в 83 департаментах.)

Речь, произнесенная в Якобинском клубе 22 октября 1792 г.)

Если учреждение национальной стражи вокруг нас продиктовано стремлением к власти, я отпускаю свою часть этой стражи и отсылаю ее назад, чтобы вооружить народ для борьбы против его угнетателей. Если эта мера направлена против беспорядка и анархии, то средство от этих зол должно основываться не на принципе силы. Наконец, если авторы проекта рассматривают его как основание порядка в политическом организме, они опять-таки заблуждаются. Великим народом, который трижды за три года менял конституцию и дух, народом, который борется против собственной смуты и недостатков своих законов, таким народом следует управлять с помощью средств более мягких. Объедините всех вокруг отечества, призовите мир и уймите распущенность, побуждая честь и общественную гордость граждан к сохранению всех прав.

Граждане, если задумав окружить себя войсками,¹ вы имели целью вернуть спокойствие государству, я заявляю, что, выступая против вашего проекта, я руководствуюсь теми же намерениями. Изучив обстоятельства, в которых мы находимся, к чему мы пришли и какие подводные камни нас ожидают, я считаю, что необходимы другие меры и для нас самих, и для установления той «моральной связи», о которой вы говорите.

Вслед за Бюзо я определяю республику как «священное содружество людей, которые считают себя братьями, равными и независимыми, но мудрыми и признающими господином лишь закон, который исходит из общей воли, свободно выражаемой представителями всей республики».²

Исходный принцип у нас общий, но выводы разные.

Вам говорили также, граждане, что республика едина и неделима, «что вы всегда должны рассматривать ее в полной отвлеченности от мест и лиц». Вам сказали, «что вы исходили из такого понятия республики, принимая решение привлечь некоторую часть ее граждан для охраны собрания ее представителей».³

Здесь я остановлюсь, чтобы рассмотреть, какова природа той силы, которая поддерживает в республике согласие и единство ее составных частей.

Разобщенность гражданской общины состоит не в раздробленности территории; единство не вытекает из неделимости домена;⁴ разобщенность заключается как раз в том, что докладчик определяет как принцип единства, она состоит в выделении части граждан из общей массы; докладчик смешивает то, что, безмерно усиливая политическое ярмо, превращает его в тиранию, с тем, что сплачивает народ и объединяет его против любой незаконной силы как в магистрате,⁵ так и в нем самом.

Таким образом, порядок в общественном организме проистекает от полной отвлеченности от мест и лиц; но как только магистрат, приравненный закону, получает в свое распоряжение вооруженную силу, в государстве появляются два лица. Порядок становится результатом не согласованности движений одного лица, а импульсивного действия господствующей силы.

Докладчик добавляет: *«Представители принадлежат всей нации, поэтому нация должна быть призвана оказать им честь своей бдительностью»*.

Если бы к этой бдительности был призван сам народ, я сказал бы, что это разумно и что народ должен обеспечить вашу свободу, ибо вы — его провидение, и ничто не должно мешать вашей мудрости при решении его судьбы; но вы не только не призываете народ для вашей защиты, вы отстраняете его посредством особого формирования, которое теряет всякое тождество с ним, как только становится особым.

То же самое произошло бы и с вами; окруженные войсками, вы были бы отделены от народа, а это неизбежно извратило бы сущность вашего с ним тождества. Чтобы народ охранял вас, нужно, чтобы он делал это сам. Понятно, что народ сосредоточивает свою волю в Конвенте; воля всех выражает их интерес; но когда говорят о сосредоточении в военном формировании принципа вашего тождества с народом, это представляется мне уже пробуждающимся ростком единоличной власти среди народа, который вовсе не хочет, чтобы над ним господствовали, но желает создать свою свободу из подчинения каждого гармонии неразделимого и однородного общественного организма.⁶

Если бы вашей комиссии было поручено высказаться против той вооруженной силы, которую она вам предлагает, она употребила бы те же самые выражения.

Я отнюдь не собираюсь сравнивать этот проект с примером преторианской гвардии. Здесь речь идет о законодательном корпусе, который не собирается ничего узурпировать с помощью оружия, если только не усматривать у тех, кто склоняется к этому декрету, намерения образовать центумвират под прикрытием восстания.

Но, чтобы отвергнуть мысль воспользоваться защитой гостеприимной администрации Парижа, докладчик добавляет, что *«стража, сформированная из жителей этого города и подчиненная воле одного лица, может уподобиться преторианской гвардии и генеральному штабу Лафайета»*.⁷

Это утверждение не имеет под собой никакого основания. Оружие оппозиции следует повернуть против нее самой. Действительно, разве есть что-либо общее между политическим организмом Рима эпохи Цезарей, не имевшего

ни правительства, ни законов, и Национальной гвардией Парижа, подчиненной законам и свободной от власти государя?

Говорят о генеральном штабе Лафайета. Лафайет был законодателем и генералом в период анархии. Разве сегодня Сантер⁸ вызывает у вас какие-либо опасения? Возможно, вам следует более опасаться начальника штаба этой независимой армии, поставленной между народом и вами.

Я думаю, что ваш комитет легкомысленно отнесся к политической стороне этого проекта и к вопросу единства.

Докладчик говорил здесь о заговорах.⁹ Как и он, я желаю прекращения заговоров. Не все зло происходит от чрезмерной пылкости душ. Я внимательно наблюдал и за этим собранием, и за парижанами. Я следил за ходом народных волнений и их отражением в сердцах людей, способных, на мой взгляд, вызвать эти волнения. Среди них, возможно, есть и такие, которые хладнокровно приобретают влияние при новых порядках; они свергли короля лишь для того, чтобы самим занять трон, их оружием станут коварные законы; чудовища под маской кротости, они изгонят естественную и бесхитростную добродетель. Я меньше опасаясь суровости или неистовства одних, чем изощренности других. Философ из глубины своего одиночества увидит, как дорогою свободы они поведут народ к рабству и построят собственное величие на несчастьях родины. Вот они — мятежники, которых не остановить и с помощью стражи. Их честолюбие под видом законности будет постоянно будоражить народ, возмущать армию, законы. Разве смогут ваши войска воспрепятствовать праву все говорить, возможности все делать? Нет! Не дадим оружия тиранам! Вооружите добродетель ловкостью преступления — против преступления, вооружите народ: господствовать должен он. Узурпацию всегда распознают слишком поздно. Я чувствую, как закрадываются сомнения в сердца тех, кто меня слышит. Решающий момент еще не настал. Понимая, кто мы есть, помните, что самый верный, самый искусный способ обратить народ в рабов состоит в том, чтобы утомить его кризисами свободы, постоянно ставить стремление к величию на место потребности в добре. Подождем еще, граждане, преступный замысел должен созреть: я жду этого момента.

Это еще не все: опасайтесь, как бы создаваемая вами стража, заблуждаясь в суждениях и прегрешая против мудрости ввиду пылкости своего нрава, не заставила вас принимать решения под угрозой направленного на вас оружия.

Это установление,¹⁰ как его здесь представили, будет неизбежно обладать, в силу своей природы, особым духом. Вы призовете людей со всех концов Республики; вы сосредоточите вокруг себя силу государства, в то время как его воля сосредоточена в вас. Дай Бог, чтобы эта сила, которая может принять себя за магистратуру, вооруженную для защиты воли народа, не стала по-своему толковать эту волю, чтобы она видела эту волю только в ваших декретах, чтобы она не подалась гордыне, возбуждаемой духом партий. Даже если бы учреждение стражи не было губительным для единства Республики и для вашей безопасности, я все равно сказал бы, что не всегда следует решаться на то, что, являясь благом само по себе, перестает быть им в относительном смысле. Дерзнем все увидеть и все услышать, чтобы здраво судить о положении дел.

Париж, вероятно, не имеет права обижаться на то, что представители пытаются предотвратить раскол, который, говорят, зреет внутри него. Но Париж, считающий себя вне соблазна, как и те, кто прибудет в столицу со всех концов страны, Париж, уже наученный своими несчастьями, опытом трех законодательных собраний и интригами, сплетаемыми на его глазах, Париж, дорожащий своей свободой и славой, будет доверять такой вооруженной страже не больше, чем вы — парижскому народу.

Не следует полагать, что Париж удовлетворится доводами, согласно которым его хотят предохранить от волнений, усилить перед лицом недоброжелателей. Самолюбие народа пронизательнее нас. По-видимому, Париж не останется нечувствительным к тому, каким способом (как говорит Бюзо) хотят связать его с департаментами, но он не может не видеть, что ваш принцип создания стражи не объединяет его с департаментами, а скорее привязывает его к ним цепью, ограничивающей свободу и тех, и других. Вы говорите парижскому народу о *«его многочисленных сынах, о его просвещенности, добродетелях и талантах»*. И тут же говорите о том, что намерены охранять себя с помощью солдат: вы бросаете вызов *«его многочисленным сынам, его добродетелям и талантам»*, которые охраняют вас от раскола лучше, чем оружие. Вы забываете о том, что посторонняя сила всегда является орудием угнетения; она нарушает права гражданской общины, которая законным путем не может принуждаться к тому, чтобы допустить увеличение силы в руках магистрата, в то время как возможности сопротивляться остаются у нее прежними.

Неужели вы надеетесь таким образом устранить мятежников? Напротив, вы дадите им дополнительный повод для волнений. Живой и восприимчивый парижский народ будет охотно слушать тех, кто станет говорить ему о свободе, об ущемлении ее, кто напомним ему о рабстве и борьбе с ним, о крови его близких, пролитой за установление новых законов и скрепившей свободу всех французов. Ему покажут следы его крови и места его побед, оскверненные вашей вооруженной стражей. Принятые вами меры предосторожности станут постоянным поводом для его гнева и для анархии. Ибо анархия, граждане, является последней надеждой угнетенного народа; народ имеет право предпочесть ее рабству; он скорее обойдется без повелителей, чем без свободы.

Народ с сочувствием будет внимать тем, кто станет говорить ему о его несчастьях — его единственной и печальной награде. Париж скорбит; в каждой семье есть погибшие или сражающиеся в армии сыны. Париж с болью видит, что повсюду в его стенах таятся преступления, неизбежность которых приписывают тяжелым временам. Не говорите ему о его славных деяниях, о поверженной тирании: в устах тех, кто ратует за солдат со стороны, это будет звучать изощренным оскорблением.¹¹

Но кроме всех перечисленных доводов, есть еще один: не забывайте, что это ваше учреждение предназначено для вас самих.

Народ не создавал себе господ, он искал лишь истины и счастья. Если народу станут коварно внушать, что вы хотите укрепить свою власть; если в департаментах будут распускать слухи, что они поставляют вооруженную силу

для собственного угнетения, если еще более коварно народу дадут понять, что теперь подстрекателями зовут тех, кого двор называл мятежниками,¹² если в ваших рядах произойдет раскол и слухи об этом подтвердит прямое преступление одних или неосторожная доблесть других, я призову к ответу вашу мудрость.

Что может сила, даже действующая в соответствии с чистотой ваших помыслов, против людей, быть может, фанатичных, но говорящих о природе и праве? Если они введут народ в заблуждение, ваши войска не посмеют стрелять в него. Если же вы не боитесь, что народ введут в заблуждение, зачем нужна стража?

Все вы возмущаетесь, когда вам говорят о возможности применения силы: никаких кровопролитий, заявляете вы постоянно. Тогда позвольте спросить: что вы собираетесь делать с вооруженной силой, которую призываете сюда, если вы намерены никогда не использовать ее? Если вы не собираетесь применять эту силу, зачем учреждать ее?

Вы сами говорите, что философия и убеждение — единственно приемлемый для вас путь. Декрет, представленный вашей комиссией, не есть проявление вашей твердости, ибо твердость заключается не в силе, а в постоянной мудрости, чистой и неодолимой в своих намерениях; она сама обнажает всю гнусность злонамеренных, и народ это видит. Но при нашей борьбе страстей и наличии вооруженной силы народ постараются убедить в том, что его хотят подчинить, что анархия не в нем, а в тех, кто управляет им или борется за власть.

Вот почему у меня нет доверия к этой силе, будь она даже законной. Кроме того, может статься, что ваша стража, переняв обычаи народа Парижа, станет думать, как он. Она правильно поступит, если предпочтет вам народ и не пожелает ущемлять его свободу.

Те, кто намеревался править посредством силы, погибли на ваших глазах или стали вашими пленниками; даже окруженные самыми опасными заговорами, законодатели успешно продвигались вперед, вооруженные поддержкой народа, как и вы: слово тут ничего не меняет. Законодатели! Служителей свободы сила защитит не более, чем слуг тиранов.

Если в Париже существует группа заговорщиков, намеревающихся узурпировать власть, используя недовольство народа, они будут рады закону, который вы собираетесь принять. Если кто-нибудь собирается использовать создаваемую вооруженную силу, чтобы завоевать доверие к себе, он заблуждается. Уничтожив вместе с королями всякую систему насилия, которая есть не что иное, как разновидность тирании, народ, привыкший побеждать, еще не утратил сил для сопротивления.

Разумеется, вы не хотите господствовать, вы — не политический орган и не орган насилия; сила заключается в законах, а не в вас. Сила находится в руках магистратов, а не законодателей.

Вот что возразят вам те, у кого создаваемые вами войска вызовут чувство скорби. Опасайтесь отчаяния и зависти заговорщиков, опасайтесь, как бы они не попытались восстановить трон, который они предпочтут любой другой тирании, кроме своей собственной. Среди мер предусмотрительности не забывай-

те о необходимости покарать предателей. Действительно, вы хотите вооружиться против заговоров, а ваша политика позволяет преступному семейству возбуждать из тюрьмы¹³ жалость одних, злобу других, гнев народа, вызванный вашими врагами: крупные неудачи и отъявленные преступники привлекают слабые души! Не слишком обольщайтесь этим возвращением к справедливости и к природе, как это обычно происходит после падения тиранов; это — вспышки, которые быстро погаснут: во времена анархии добродетель соединяется с преступлением, и тогда развивается испорченность нравов, сама изумляясь своим успехам. Имейте мужество выслушать все это: ваше бездействие страшнее. К сказанному я добавлю, что вооруженная сила, прибывая из разных концов страны, принесет с собою слабость; преступление будет повсюду искать освободителей...

Я доказал, мне кажется, что план вашей комиссии может обернуться против вас самих, что использование силы не в вашей природе и что законодатель, подобно богам, должен править с помощью мудрости.

Подытожу сказанное мною: верните жизнь законам, пожираемым анархией; смирите заговорщиков ярмом свободы; откажитесь от особых мнений; противопоставьте тиранам заговор всех французов; остановите беспорядок, который возникает и растет при непоследовательности принципов; судите жестокого врага отечества, чьи преступления вписаны повсюду кровью народа,¹⁴ возбудите в народе республиканскую добродетель: с этой целью я призываю вас отклонить декрет, предусматривающий организацию вооруженной стражи, набранной в 83 департаментах, и предлагаю вам следующий проект декрета...

ПЕРВАЯ РЕЧЬ О СУДЕ НАД КОРОЛЕМ

(Мнение гражданина Сен-Жюста, депутата департамента Эна относительно суда над Людовиком XVI.

Речь, произнесенная в Национальном конвенте 13 ноября 1792 г.)

Я намерен доказать вам, граждане, что король может быть судим и что мнение Мориссона, отстаивающего неприкосновенность короля, и мнение комитета, предлагающего судить его как гражданина, в равной мере ошибочны. Короля следует судить согласно принципам, не имеющим ничего общего ни с тем, ни с другим мнением.

Комитет законодательства, прекрасно показавший несостоятельность представлений о неприкосновенности короля и сославшийся на принципы извечной справедливости, не объяснил, мне кажется, всех последствий, вытекающих из этих принципов; так что проект декрета, который он вам представил, не исходит из этих принципов и лишен, если можно так выразиться, их жизненной силы.

Единственной целью комитета было убедить вас, что короля надлежит судить как простого гражданина; я же утверждаю, что короля следует судить как врага, что мы должны не столько судить его, сколько поразить. И по-

сколько ничто более не связывает его с договором, объединяющим французов, формы судебной процедуры определяются не гражданским законом, а законом международного права.¹

Не проведя этих различий, увлеклись формами судебной процедуры и пренебрегли принципами, что повлечет за собой безнаказанность короля, надолго сосредоточит внимание на его особе или же наложит на его процесс печать несправедливой и чрезмерной суровости. Я часто замечал, что легкие меры предосторожности, проволочки, раздумья являются в данном случае подлинной неосторожностью. И самой пагубной неосторожностью, если не считать промедления в деле издания законов, была бы отсрочка решения судьбы короля. Наступит, быть может, день, и люди, столь же чуждые наших предрассудков, как чужды нам предрассудки вандалов, изумятся варварству эпохи, когда суд над тираном вызывал некий благоговейный трепет; когда народ, призванный судить тирана, возвел его в ранг гражданина, прежде чем рассмотреть его преступления, и думал больше о том, что о нем станут говорить, нежели о том, что ему следует совершить; когда преступника, принадлежащего к самому последнему разряду людей, иными словами, к разряду угнетателей, превратили в мученика, в жертву собственной гордыни.

Когда-нибудь поразятся, что в XVIII веке люди были более отсталыми, чем в эпоху Цезаря. Тогда тирана умертвили на глазах всего сената без всяких иных формальностей, кроме двадцати трех ударов кинжалом, без всякого иного закона, кроме свободы Рима.² А ныне с чрезвычайной почтительностью вершат суд над убийцей народа, застигнутым на месте преступления, с руками, обгавленными кровью!

Те же люди, кому предстоит судить Людовика, должны будут установить республику; никогда не установят ее те, кто придает хоть какое-то значение справедливому наказанию короля. Среди нас изощренность умов и характеров является великим препятствием для свободы. Приукрашивают все свои заблуждения и зачастую в самой истине видят лишь приманку для своих личных вкусов. Пример тому можно найти в докладе, представленном комитетом законодательства. Но более разительный пример находим у Мориссона: по его мнению, свобода, суверенитет нации уже действительно установлены. Вам изложили принципы, оставив без внимания их естественные последствия. Какая-то нерешительность обнаружилась после чтения доклада. Каждый рассматривает суд над королем со своей личной точки зрения. Одни, по-видимому, боятся поплатиться впоследствии за проявленное ими мужество; другие не отказались от мысли восстановить монархию; этих страшит пример добродетели, который укрепит общественный дух и станет основой единства республики; а те вовсе лишены энергии. Раздоры, вероломство, злонамеренность, гнев сменяют друг друга и либо искусно сдерживают порыв всеобщей энергии, в которой мы так нуждаемся, либо свидетельствуют о бессилии человеческого разума. Мы должны смело продвигаться к нашей цели, и если мы хотим республики, добиваться этого со всею настойчивостью. Мы все судим друг друга сурово, я бы сказал даже, с яростью. Мы думаем только о том, чтобы направить энергию народа и стремление к свободе по иному руслу, и вместе с тем воздерживаемся от обвинения общего врага: и те, кто подвержен

или причастен к преступлению, присматриваются друг к другу, прежде чем нанести первый удар. Мы жаждем свободы и становимся рабами друг друга! Мы стремимся к природе, а сами постоянно вооружены, подобно свирепым дикарям.³ Мы хотим республики, независимости и единства, а сами враждуем друг с другом и щадим тирана!

Граждане, если римский народ, после шести веков добродетели и ненависти к царям,⁴ если Великобритания после смерти Кромвеля, несмотря на всю энергию этого человека, стали свидетелями возрождения королевской власти,⁵ то разве теперь у нас честные граждане, друзья свободы, не должны испытывать страха, видя, как секира дрожит в наших руках, как народ с первого же дня своей свободы хранит благоговейное воспоминание о своем рабстве. Какую республику хотите вы создать, если все мы заняты личными раздорами, если всем нам недостает твердости?

По-видимому, выискивают закон, который позволил бы покарать короля; но и при той форме правления, которая существовала ранее, если один этот человек был неприкосновенным, то по своей сути он являлся таковым лишь в глазах каждого отдельного гражданина: теперь же, насколько мне известно, не существует более естественной связи между королем и народом. Возможно, что какая-либо нация, утверждая статьи общественного договора, сумеет наделить своих магистратов полномочиями, способными внушить уважение ко всем правам и заставить каждого соблюдать их. Но поскольку эти полномочия служат на благо народа и нет гарантии, что они не будут обращены против него, нельзя использовать их против народа, ибо он сам, по своей воле, наделяет ими и их отбирает. Граждане связаны между собой договором; суверен не связан ничем; иначе государь не мог бы подлежать суду и превратился бы в тирана. Таким образом, неприкосновенность Людовика заканчивается там, где начинаются его преступления и народное восстание. Если же считать его неприкосновенным после этого, если даже сделать это предметом обсуждения, тогда, граждане, следует заключить, что он не мог быть низложен и что он вправе угнетать нас, под ответственность всего народа.

Договор есть соглашение граждан между собой, а не соглашение граждан с правительством; нельзя вступить в соглашение, не взяв на себя никаких обязательств. Следовательно, Людовик, который не был связан никакими обязательствами, не подлежит гражданскому суду.⁶ Такое соглашение было бы настолько деспотическим, что налагало бы обязательства только на граждан, а не на короля; такое соглашение неизбежно несостоятельно, ибо не может быть законным то, что не находит подтверждения в морали и в природе.

Таковы мотивы, которые побуждают вас судить Людовика не как гражданина, а как мятежника; но помимо этого, по какому праву мог бы он требовать гражданского суда, ссылаясь на наши обязательства по отношению к нему,⁷ если сам он явно нарушил единственное свое обязательство по отношению к нам, обязательство сохранять нам жизнь? Это было бы воистину проявлением тирании — требовать суда в соответствии с законами, которые он сам уничтожил. Если мы согласимся, граждане, судить его гражданским судом, иными словами, судить как гражданина, в соответствии с законами, то на этом основании он обретет право судить нас, судить сам народ!

Что до меня, то я не вижу среднего пути: этот человек должен или царствовать, или умереть. Он станет вам доказывать, что все, что он сделал, было сделано для сохранения вверенного ему достоинства; ибо, вступив с ним в этот спор, вы не сможете потребовать у него отчета о его тайных происках. Он ввергнет вас в порочный круг, созданный вами самими для того, чтобы его обвинить.

Граждане, так угнетенные народы по своей воле связывают себя нерасторжимыми узами, теща собственную гордыню, тогда как единственной первоосновой законов должна быть мораль и общая польза. Так, придавая особую важность своим заблуждениям, попусту тратят время на борьбу с ними, вместо того чтобы стремиться прямо к достижению истины.

Какую еще судебную процедуру, какое дознание собираетесь вы проводить относительно неблагоприятных поступков и пагубных замыслов короля? Когда вы признали, что он не обладает неприкосновенностью перед лицом суверена; когда его преступления против народа вписаны повсюду кровью народа; когда потоки крови ваших защитников хлынули, если можно так выразиться, к самым вашим ногам и обагрили даже изображение Брута;⁸ можно ли проявлять уважение к королю? Он угнетал свободную нацию; он объявил себя ее врагом; он преступил законы; он должен умереть, дабы народ обрел спокойствие, ибо он намеревался подавить народ, чтобы обеспечить спокойствие себе. Разве не произвел он смотра войскам перед тем, как началось сражение? Разве не обратился он в бегство вместо того, чтобы помешать им стрелять?⁹ Что он сделал, чтобы сдержать ярость своих солдат? Вам предлагают судить его гражданским судом, тогда как вы сами признаете, что он не был гражданином и вместо того, чтобы сохранить народ, принес его в жертву собственным интересам.

Скажу больше: дело в том, что конституция, принятая королем, не налагала никаких обязательств на граждан; даже до совершения им преступления они имели право отрешить его от власти и изгнать. Судить короля как гражданина! Эти слова поразят бесстрастных потомков. Судить — значит применить закон. Закон есть правовое отношение, но какое же правовое отношение может существовать между человечеством и королями? Что общего между Людовиком и французским народом, чтобы щадить его и после свершенного им предательства?

Когда-нибудь человек, воодушевленный благородными порывами, скажет, что короля нужно судить не за преступления его правления, но за преступление быть королем, ибо ничто в мире не может оправдать подобной узурпации; какими бы иллюзиями, какими бы соглашениями ни прикрывалась королевская власть, она является извечным преступлением, против которого всякий человек имеет право восстать и вооружиться; это одно из тех преступлений, которое не может быть оправдано даже ослеплением всего народа. Пример, который подает такой народ, губителен, ибо он противен природе; именно природа негласно повелевает всем людям уничтожать деспотическую власть в любой стране.

Невозможно царствовать и не быть виновным; нелепость этого слишком очевидна. Всякий король — мятежник и узурпатор. Разве сами короли иначе

относились к так называемым узурпаторам их власти? Разве не была подвергнута осуждению память Кромвеля?¹⁰ Между тем Кромвель был узурпатором не более, чем Карл I. Ибо если народ настолько труслив, что позволяет тиранам держать себя в повиновении, то первый встречный имеет право захватить власть: она не более священна и не более законна в руках одного, нежели в руках другого.

Вот те соображения, которые не должен забывать великодушный республиканский народ, когда он вершит суд над королем.

Нам говорят, что короля должен судить трибунал, как и прочих граждан. Однако трибуналы установлены только для членов гражданской общины. Мне непонятно, как можно настолько пренебречь принципами общественных установлений, чтобы предоставить трибуналу рассудить короля с сувереном. Разве вправе трибунал вернуть стране повелителя, оправдав его; и каким образом можно подвергнуть суду трибунала общую волю?

Вам скажут, что приговор будет утвержден народом. Но если народ утверждает приговор, почему он не может судить? Если мы не осознали всей несостоятельности этих идей, мы навсегда останемся рабами, какую бы форму правления мы ни избрали; ни суверен, ни магистрат никогда не займут там подобающего им места, и народ лишится гарантии, защищающей его от угнетения.

Граждане, трибунал, который должен судить Людовика, не судебное учреждение: это совет, это — народ, это — вы; и законы, которыми мы должны руководствоваться, — это законы международного права. Именно вы должны судить Людовика: но по отношению к нему вы не можете быть ни трибуналом, ни присяжными, ни обвинителем; гражданский порядок ведения суда сделает этот суд несправедливым; а король, признанный гражданином, не может быть судим теми же лицами, которые его обвиняют. Людовик — чужеземец среди нас; он не был гражданином до того, как свершил преступление; он не мог участвовать в голосовании; он не имел права носить оружие; еще менее является он гражданином после содеянных им преступлений. С помощью каких юридических ухищрений вы сделаете короля гражданином, чтобы осудить его? Ведь если человек виновен, он выходит из гражданской общины; как же допустить, чтобы Людовик вступил в нее благодаря своим преступлениям? Кроме того: если вы объявите короля простым гражданином, он станет для вас недостижимым. О каком обязательстве с его стороны можно будет говорить при существующем порядке вещей?

Граждане, если вы хотите поразить Европу справедливостью вашего приговора, он должен основываться именно на этих принципах; то же, что предлагает нам Комитет законодательства, увековечивает несправедливость. Формальности судебного процесса — не более чем лицемерие; судить о вас будут по вашим принципам.

Я никогда не откажусь от мысли, что республику вы будете устанавливать в том же духе, в каком будете судить короля. Теоретическая основа вашего суда станет также основой деятельности вашей магистратуры. Твердость ваших философских принципов, проявленная на этом процессе, станет также мерилом свободы в вашей Конституции.

Повторяю: нельзя судить короля по законам страны, или, вернее, по законам гражданской общины. Докладчик вам об этом сказал; но зародившаяся в его душе мысль слишком рано угасла и поэтому оказалась бесплодной. Не было ничего в законах Нумы, что позволило бы судить Тарквиния;¹¹ так же не было ничего в законах Англии, что позволило бы судить Карла I.¹² Их судили на основании международного права; силе противопоставили силу; отвергли чужеземца, врага. Вот что оправдывало эти приговоры, а вовсе не пустые формальности, основанные только на согласии гражданина, связанного договором.

Я никогда не противопоставлю свою личную волю воле всех. Я желаю того же, чего желает французский народ или большинство его представителей; но поскольку личная воля является как бы частью еще не созданного закона, я считаю нужным высказаться здесь со всей откровенностью.

Недостаточно сказать, что, согласно извечной справедливости, суверенитет не зависит от существующей формы правления, и сделать из этого вывод, что король должен быть судим; нужно также, чтобы естественное правосудие и принцип суверенитета определили сам дух, которым будет проникнут суд над королем. У нас не будет республики, если мы не примем во внимание эти различия, которые приводят все стороны общественного порядка в общее естественное движение, подобно тому как природа воссоздает жизнь из сочетания отдельных элементов.

Итак, все сказанное мною доказывает, что Людовик XVI должен быть судим как чужеземный враг. Добавлю, что нет необходимости представлять вынесенный ему смертный приговор на утверждение народа,¹³ ибо народ может своей волей устанавливать законы, если они способствуют его счастью; но даже сам народ не может изгладить из памяти преступления тираннии, и право людей выступить против нее есть право личное; и сам суверен не в силах принудить отдельного гражданина простить тирану.

Поэтому именно вы должны решить, является ли Людовик врагом французского народа, является ли он чужеземцем: и если большинством голосов вы признаете его невиновным, тогда это решение должно быть передано на утверждение народу; ибо если законным путем, актом суверенной власти нельзя заставить ни одного гражданина простить короля, то тем более решение магистратов не может стать обязательным для суверена.

Поспешите же осудить короля, ибо каждый гражданин имеет на него такие же права, какие были у Брута по отношению к Цезарю; посягательство на этого чужеземца заслуживает наказания не более, чем смерть Леопольда и Густава.¹⁴

Людовик — второй Катилина; подобно римскому консулу, убивший его будет убежден, что спас отечество.¹⁵ Людовик боролся против народа; он побежден. Это варвар, это чужеземный военнопленный. Вы убедились в коварстве его замыслов; вы видели его войско. Изменник не был королем французов, он был королем кучки заговорщиков. Он тайно набирал войска, имел собственных магистратов; он видел в гражданах своих рабов; он был гонителем всех честных и мужественных людей. Он виновник кровопролития в Бастилии, в Нанси, на Марсовом поле, в Турне, Тюильри;¹⁶ какой враг, какой

чужеземец причинил нам больше зла? Суд над ним должен быть скорым; этого требуют мудрость и здравая политика. Злоумышленники хотят сохранить его в качестве заложника. Они пытаются пробудить к нему жалость; вскоре заставят подкупленных ими лиц проливать слезы; сделают все, чтобы вызвать у нас сочувствие и даже развратить нас. Народ, если когда-нибудь король будет оправдан, помни, что мы не достойны более твоего доверия, и ты сможешь обвинить нас в измене.

О ПРОДОВОЛЬСТВИИ

(Мнение гражданина Сен-Жюста о продовольствии.
Речь, произнесенная в Конвенте 29 ноября 1792 г.)

Граждане, я не разделяю мнения комитета;¹ мне не по душе насильственные законы о торговле. Можно сказать народу то, что один карфагенский солдат сказал Ганнибалу: «Вы умеете побеждать, но не умеете пользоваться плодами своей победы». Неужели же те доблестные люди, которые уничтожили тиранию, не владеют искусством управлять собою и охранять себя?

Сколько бедствий связано с глубоко укоренившейся разрухой. Источник этого беспорядка следует искать в плохой системе нашей экономики. Требуя закона о продовольствии. Положительный закон такого рода никогда не будет разумным. Изобилие есть результат хорошего управления; а его-то нам и не хватает. Пусть же тот, кому чуждо всякое лицемерие, представит ныне истину в ее подлинном свете. Я не могу надлежащим образом рассуждать о продовольствии, не углубившись в некоторые подробности нашей порочной экономики. Я считаю необходимым изложить принципы, забвение коих нас погубило. Одни и те же пороки подорвали основы нашей торговли и нашего земледелия, а впоследствии поколеблют основы всех законов. Если вы хотите, чтобы возродились порядок и изобилие во Франции, внесите свет в лабиринт нашей экономической системы, установившейся с начала революции.

Бедствия нашего великого народа, видевшего, как рушится монархия из-за пороков своего экономического режима, народа, издавна одолеваемого влечением к философии и к свободе, — эти бедствия вызваны трудностями восстановления экономики в условиях, когда общественный дух укрепился и обрел независимость.

Но что усугубляет зло, так это неудобство существования временного порядка управления, который мы слишком долго терпели. При нем все смешалось, при нем все чистые элементы свободы враждуют друг с другом; именно так изображают первобытный хаос.

Посмотрите же, каково наше нынешнее положение. В том ужасном состоянии анархии, в котором мы пребываем, человек, как бы превратившийся вновь в дикаря, не знает более узды закона. Независимость одних, ополчившаяся на независимость других, не признает более над собой ни закона, ни судей. Все идеи справедливости порождают лишь насилие и преступление из-за отсутствия гарантии. Воли всех людей разобщены и ни к чему не обязывают ни одну из них. И поскольку каждый берет на себя часть функций законо-

дателя и магистрата и действует соответствующим образом, представления каждого о порядке порождают общий беспорядок.

В порядке вещей, что наши дела в сфере экономики будут все более запутываться; это будет продолжаться до тех пор, пока установленная Республика не упорядочит все отношения, все интересы, все права, все обязанности и не сообщит всем частям государства общего направления.

Народ, который несчастлив, не имеет отечества. Он ничего не любит. Если вы хотите основать республику, вы должны позаботиться от том, чтобы вывести народ из состояния неуверенности и нищеты, которые его развращают. Если вы хотите республики, сделайте так, чтобы народ имел мужество быть добродетельным. Без гордости нет политических добродетелей, нет гордости в нужде. Напрасно вы призываете к порядку; вы сами должны создать этот порядок посредством действенных законов.

Часто говорят, когда речь идет о морали: это хорошо только в теории. Не хотят понять, что мораль должна быть теоретической основой законов, прежде чем стать основой гражданской жизни. Мораль, которая сводится к предписаниям, ведет к всеобщему разобщению, но растворенная, так сказать, в законах, она склоняет всех к мудрости, устанавливая справедливые отношения между гражданами.

Нельзя закрывать глаза на то, что наша экономика в настоящий момент ущербна, как и все остальное, из-за отсутствия законов и справедливых отношений. Феро в своем выступлении опирался на Смита и Монтескье.² Но ни Смит, ни Монтескье не познали на своем опыте того, что происходит у нас. Бефруа нарисовал вам картину многочисленных злоупотреблений; он предложил средства их исцеления, но не указал, как их применять.³ Ролан повторил советы экономистов, но этого явно недостаточно. Правильна та мысль, что свобода торговли — мать изобилия, но откуда же берутся пути, связывающие эту свободу? Существует тысяча причин возникновения голода; и если нехватка зерна во Франции вызвана особой причиной, а мы хотим прибегнуть к средству, которое хорошо само по себе, но не имеет к данному злу прямого отношения, то это средство окажется по меньшей мере бесполезным, если не пагубным.

Вот что случилось у нас. Напрасно говорить о свободе хлебной торговли, ибо первопричина наших несчастий коренится не в отсутствии этой свободы, или, вернее, это отсутствие свободы вызвано обстоятельствами, на которые мы закрываем глаза.

Осмелюсь сказать, что не может быть хорошего трактата по практической экономике. Каждому правительству свойственны свои злоупотребления; недуги общественного организма столь же неисчислимы, как и недуги организма человеческого. То, что происходит в Англии и во всех других странах, не имеет ничего общего с тем, что происходит у нас. В самой природе нашей деятельности следует искать причину наших недугов и средства для их исцеления.

С начала революции торговля зерном во Франции была приведена в расстройство из-за беспорядочного выпуска денежных знаков. Все наши богатства в запасах металла и в земле уже представлены. Знаки любой ценности

имеют хождение в торговле: и все эти ценности ничего не стоят, ибо они не используются для потребления. У нас много знаков и очень мало предметов первой необходимости.

Законодатель должен учесть все имеющиеся в государстве продукты и добиться того, чтобы они были соответственно представлены знаками. Если же знаками будут представлены земельные фонды и продукты этих земель, то равновесие нарушится и цены на предметы потребления повысятся вдвое. Знаками должны быть представлены только продукты земли, а не сами земли.⁴

Что же происходит у нас? Роскошь упразднена, все металлы, купленные по дорогой цене или извлеченные из потайных мест, где их хранили богачи, обращены в знаки. Не остается более ни металлов, ни роскоши, нужных для промышленности: из-за этого количество <денежных> знаков увеличивается вдвое и торговый оборот наполовину сокращается. Если так будет продолжаться, знаки, в конечном счете, потеряют всякую ценность, обмен придет в расстройство, наша промышленность зачахнет, наши ресурсы иссякнут; у нас останется только земля, чтобы делить ее и пожирать ее плоды.

Когда я прохожу по улицам этого великого города, я скорблю при мысли о бедствиях, которые подстерегают его и настигнут также и другие города, если мы не предотвратим полного крушения наших финансов. Наша свобода пронесется, как гроза, а ее триумф прозвучит, как удар грома. Я не буду говорить о продовольственном снабжении Парижа; это дело местного управления и не имеет отношения к экономике.

Наши продовольственные запасы исчезали по мере того, как распространялась наша свобода, ибо мы увлеклись принципами свободы и пренебрегли принципами управления.

В силу самой природы вещей, энергия наших действий должна была быстро подняться до нынешнего уровня. Наши насущные нужды поглотили все наши предубеждения; наша свобода — дочь нищеты. Теперь не время обольщаться; но не следует и впадать в уныние. Установим же республику, не будем больше медлить с изданием законов. Какое нам дело до суждений всего света? Стоит ли искать мудрости так далеко от нас? К чему послужат нам наставления других народов, если мы потеряем свободу?

Пока мы ждем, чтобы люди просветили нас, пока мечтаем узреть владычество свободы во всем мире, человеческие слабости, злоупотребления всякого рода, преступления, честолюбие, заблуждения, голод не замедлят произвести свои опустошения и с триумфом поведут нас назад к рабству. Видя, сколькими опасностям подвергаем мы свободу, можно подумать, что мы не боимся рабства. Мы рискуем погубить себя, если не выясним наконец, каково наше нынешнее положение и какова наша цель. Дороговизна продовольствия и всех предметов потребления объясняется несоразмерным количеством денежных знаков; билеты доверия еще увеличивают эту несоразмерность, ибо в обращении находятся и фонды, их обеспечивающие.⁵ Пропасть углубляется с каждым днем из-за военных расходов. Мануфактуры ничего не производят, никто ничего не покупает, торговля существует только для солдат. В торговле я вижу лишь следы нашего безрассудства и пролитой нами крови; все обменивают на деньги, продукты земли скупают или прячут; в конечном счете, в на-

шем государстве я вижу только нищету, гордыню и бумагу. Я не знаю, чем живет такое множество торговцев. Не следует обманываться на этот счет: они долго не продержатся. Мне кажется, я вижу семьи, уединившиеся в своих домах, охваченные безудержной скорбью. В таком положении нельзя долго оставаться. Пора приподнять завесу: никто не жалуется, но сколько семей проливают слезы в одиночестве! Напрасно вы льстите себя надеждой создать республику, ибо изнуренный народ не в состоянии принять ее.

Говорят, что поденная плата ремесленника растет соответственно ценам на продукты; но если ремесленник не имеет работы, кто оплатит его праздность? В Париже есть скрытый хищник. Что делает сейчас множество людей, живших за счет привычек богача? Нищета породила революцию, нищета может ее погубить. Спросим себя, может ли масса людей, живших еще недавно за счет излишеств, роскоши, пороков другого класса, может ли она теперь существовать, за счет одних лишь собственных потребностей? Такое положение очень опасно. Ибо если люди зарабатывают только на удовлетворение своих потребностей, то торговый класс не сможет при этом заработать на погашение своих обязательств: или же торговля, доведенная в конце концов до уровня своих скромных потребностей, вскоре зачахнет, выродившись в простой обмен. Эта разорительная система установится во всей стране. А что мы будем делать с нашими кораблями? Торговые связи установились по всему миру; мы не можем вытеснить голландцев, англичан и другие народы. К тому же, не имея больше ни продуктов для вывоза, ни денежных знаков, пользующихся доверием за границей, мы будем вынуждены в конце концов отказаться от всякой торговли.

Мы все еще не задались вопросом, какова наша цель и какую систему торговли хотим мы установить. Не думаю, что вы намереваетесь жить подобно скифам или индейцам. Наш климат и наши нравы не располагают нас ни к лени, ни к пастушеской жизни; однако мы идем, сами того не замечая, именно к такому образу жизни.

Не думайте, что торговые нации Европы встанут на нашу сторону в борьбе, которую мы ведем с мятежниками и с монархами, объявившими нам войну: эти народы наблюдают за нами; наша экономика, наши финансы стали предметом их пристального внимания. И при нынешнем положении наших дел, они не без удовольствия ожидают предстоящего упадка нашей торговли и раздела наших владений. Эти народы — наши враги; если бы мы были благоразумны, они объявили бы нам войну. Теперь же они ведут ее посредством своего золота.⁶

Неумеренный выпуск денежных знаков подорвал первоосновы торговли и экономики; сама природа знаков предопределила нехватку зерна.

Прежде не существовало такого обилия знаков. Всегда имелись значительные сбережения, что еще более снижало цены вещей. Были годы, когда мы наблюдали изменение цен на продукты даже посреди изобилия. Это объяснялось тем, что именно в то время из-за целого ряда превратностей припрятанные знаки выходили из своих тайников и вновь появлялись в обращении, в большем или меньшем количестве. Теперь уже никто больше не накапливает. У нас совсем нет золота, в котором так нуждается государство; теперь собирают

или припрятывают съестные припасы, а знаки с каждым днем теряют свою ценность. Только этим и объясняется нехватка зерна. Земледелец (laboureur), не желающий наполнять свою кубышку бумагой, неохотно продает зерно. В любом другом торговом деле приходится продавать, чтобы жить на свои доходы. Земледелец же, напротив, ничего не покупает: он удовлетворяет свои потребности вне сферы торговли. Эта категория людей привыкла ежегодно откладывать в копилку деньги, вырученные от продажи части продуктов земли; теперь же они предпочитают сохранять свое зерно, чем накоплять бумагу. Вследствие этого государственные знаки не могут быть обменены на самую значительную часть продуктов земли, которые сокрыты; земледелец не нуждается в этих знаках и продает лишь часть своих продуктов, необходимого для внесения арендной платы.

Кто-то здесь сетовал на то, что земледельцы живут в роскоши.⁷ Я не решаю вопрос о том, является ли роскошь сама по себе благом. Но если бы мы были настолько счастливы, если бы земледелец действительно любил роскошь, тогда ему пришлось бы продавать свое зерно, чтобы позволить себе излишества. Вот к каким мрачным выводам я пришел; я предлагаю вам, создателям наших законов, поразмыслить над этим. В Республике, которую вы установили, необходимо или допустить роскошь, или ввести жесткие законы против земледельцев, которые погубят Республику. Надо всесторонне обдумать наше положение; до сего времени этому уделялось мало внимания. Все хотят республики; никто не хочет ни бедности, ни добродетели. Можно сказать, что свобода ведет войну с моралью и хочет властвовать наперекор морали.

Итак, законодатель должен принять меры, чтобы земледелец больше тратил или не отказывался накоплять бумагу, чтобы все продукты земли поступали в торговлю и уравнивали бы количество денежных знаков. Нужно наконец установить соответствие между знаками, продуктами и потребностями; в этом секрет экономической политики.

Итак, я прошу вас поразмыслить над тем, соразмерны ли друг другу в нашей Республике продукты питания, потребности и знаки. Продукты припрятаны; потребности исчезли вместе с тиранией; количество же знаков, и фактическое и относительное, увеличилось вчетверо. Лишь с трудом удается вырвать продукты из алчных рук тех, кто их придерживает. Таковы пороки общественных нравов, которые мы должны искоренить, дабы прийти к республиканским порядкам; ибо люди стали бессердечными, чудовища и злодеи наводняют нашу страну.

Поспешите же облегчить недуги и предотвратить еще большие бедствия. Те, кто предлагает нам неограниченную свободу торговли, высказывают великую истину, но в виде общего тезиса, между тем речь идет о бедствиях нашей революции; речь идет о создании республики из народа, рассеянного посреди развалин монархии и ее преступлений; речь идет о том, чтобы восстановить доверие, чтобы научить добродетели людей черствых, живущих только для себя. Самое удивительное в этой революции то, что республика была построена из пороков; перестройте ее на основе добродетели; это дело не невозможное.

Народу легко внушить самые здравые мысли. Я полагаю, что легче сделать целый народ мудрым, чем одного человека добродетельным. Вы, кто готовит для нас законы, знайте же, что пороки и добродетели народа будут творением ваших рук. Есть такие нравы в государстве, для установления которых требуется время. Но есть политические нравы, которые народ обретает в тот самый день, когда он получает законы. Вам предстоит решить, будет ли французский народ завоевателем или торговцем; я не останавливаюсь на этом вопросе. Вы можете в один миг дать народу отечество,⁸ и тогда бедняк перестанет предаваться распутству и смягчится сердце богача. Я не очень твердо знаю, какие временные меры следует принять, чтобы предотвратить бедствия, порождаемые анархией и плохим управлением; нужна совершенная конституция, которая связала бы воедино все интересы. Если отсутствует закон, свобода не может править государством; не существует мер, которые позволили бы искоренить злоупотребления, народ не имеет устойчивого правительствa. Это нежный организм, которому пригодна не всякая пища. Если вы будете покровительствовать свободной торговле зерном, этой свободой воспользуются скупщики; если вы окажете нажим на собственников, изгоните посредников, оправданием для торговцев станет террор. И наконец, у нас отсутствует общественная гармония, которой вы сможете достигнуть только с помощью законов.

Невозможно издавать отдельные законы против злоупотреблений. Изобилие возникает благодаря совокупному действию всех законов. Но если вы хотите дать этому великому народу республиканские законы и нерасторжимо связать его счастье со свободой, примите его таким, какой он есть, облегчите его страдания, восстановите поколебленное общественное доверие. Ибо в конечном счете (я сам страшусь этой мысли), если государство будет расчленено, всякий, кто придает какое-либо значение своему благополучию, может спросить себя: что станет с его мнимыми богатствами, обращению которых будет положен предел. Вы поклялись сохранить единство; но ход событий сильнее законов такого рода, если только они не подтверждены конституцией.

Необходимо понять все душевные движения, разгадать причину всех несчастий; и не рассматривать народ как дикарей; это достойный любви, умный, чувствительный народ, единственное преступление которого состоит в том, что он нуждается в хлебе.

Страна потрясена до самого основания: война уничтожила стада; раздел и распаивание общинных земель окончательно их погубят, и скоро у нас не будет ни кожи, ни мяса, ни шерсти. Следует заметить, что голод особенно усилился после эдикта 1763 года,⁹ либо из-за сокращения поголовья скота, что привело к уменьшению удобрений, либо оттого, что крайнее изобилие открыло путь для неумеренного вывоза продуктов. Придет день, когда вы будете вынуждены побуждать земледельца улучшать свои земли и заниматься с одинаковым усердием и выращиванием зерна, и скотоводством. Не надо думать, что если часть земли отведена под пастбища, то другой части окажется недостаточно для удовлетворения наших нужд; будет больше удобрений, и земля благодаря лучшему уходу даст лучший урожай. Торговля зерном прекратится. У народа будут стада, которые снабдят его пропитанием и одеждой;

мы будем торговать кожами и шерстью. Тридцать лет назад мясо стоило 4 су за фунт, сукно — 10 ливров, башмаки — 50 су, хлеб — 1 су за фунт; пастбища не были тогда распаханы. Затем их распахали. Чтобы не брать в качестве примера нынешнее время преходящего кризиса, заметим: в 1787 году сукно стоило 20 ливров, мясо — 8 су, башмаки — 5—6 ливров, хлеб — 2.5 су за фунт. Что мы выиграли от распашки пустошей и холмов? Мы отправили наши деньги в Англию и в Голландию, откуда получили кожу; мы продали свое зерно, чтобы одеться; мы трудились только на Европу.

Мы стали более скупыми и более хитроумными; чрезмерно интенсивная обработка земли вызвала эпидемии; экономисты усугубили бедствие, правительство занялось незаконной торговлей. В течение сорока лет сеньоры трижды захватывали общинные земли.¹⁰ И чтобы закрепить свое право владения на эти земли, они сажали на них плохие леса, что приводило к размножению дичи, наносило ущерб урожаю зерна и уменьшало поголовье скота. Таким образом, блага природы и свободный досуг предназначались лишь для дворян и для дичи, а бедняк распахивал землю только для них. Потом пришла революция; и, как я уже сказал, тогда стали припрятывать продукты, денежные знаки обесценились.

Таково наше положение. Мы бедны, как испанцы, из-за обилия золота и знаков и недостатка продуктов в обращении. У нас нет для торговли ни скота, ни шерсти, ни промышленных изделий. Трудоспособные люди находятся в армии; мы торгуем только с государственной казной; мы находимся как бы в порочном кругу и торгуем без всякой выгоды. Мы потребляем все на месте, ничего не вывозим за границу, что приводит к нарушению товарообмена.

Если я не ошибаюсь, то, что стоит сегодня экю, через полтора года, если мы не изменим свою систему, будет стоить 10 ливров. Отчеканят примерно на 200 млн звонкой монеты; выпустят знаки, представляющие все имущества эмигрантов; недоимки по налогам будут покрыты эмиссиями ассигнатов, и вся сумма налогов будет находиться в обращении вместе со знаками, представляющими недоимки. Народные стенания раздадутся тогда в портике храма законов. Мятеж нищеты потрясет ваши законы. Постоянная рента обратится в ничто. Для самого государства изготовление знаков перестанет быть источником дохода, ибо они утратят всякую ценность. Мы не сможем честно погасить наши долги этими обесцененными знаками. На что же тогда надеяться? Тирания, отмщенная и победоносная, выйдет из лоно народных мятежей. Если права человека еще будут существовать, их начертаят кровью народа на гробнице свободы. Разорят приют земледельца, исчезнет, разумеется, надежда на будущие урожаи; и мы станем посмешищем для Европы.

Граждане, простите мне эти мрачные предсказания: все способствует тому, чтобы они осуществились. Но средства для исцеления зла в ваших руках. Законодателю неведом страх; не страх, а здоровое суждение руководит им в его расчетах. Будем же наконец трудиться для блага народа; и пусть законодатели, которые, подобно солнцу, несут свет миру, смело устремятся вперед.

Поскольку пороком нашей экономики является избыток денежных знаков, мы должны приложить все старания, чтобы не увеличивать его еще больше, ибо это приведет к еще большему падению их ценности. Необходимо издать постановление об уменьшении выпуска знаков, насколько это возможно.

Но чтобы добиться этого, надо облегчить бремя обязательств государственной казны, либо путем передачи земель нашим кредиторам,¹¹ либо используя для расчета с ними годовые обязательства, не создавая новых знаков; ибо таким способом мы нанесем ущерб экономике и, как я уж объяснял, нарушим свободное обращение и пропорцию между товарами и деньгами. Если, например, вы продаете имущество эмигрантов, предполагаемая стоимость этих земельных фондов, которые сами по себе недвижимы, поступит в обращение и не будет соразмерена с продуктами, стоящими в тридцать раз меньше. Поскольку эти поместья будут проданы очень дорого, продукты соответственно вздорожают, как это уже произошло при продаже национальных имуществ, и вы будете всегда конкурировать сами с собой.

Наоборот, поскольку годовые обязательства являются простыми договорами и не войдут, подобно денежным знакам, в торговое обращение, они не смогут также вступить в конкуренцию с продуктами. Равновесие мало-помалу восстановится. Если ваши армии завоевывают свободу для других народов, то несправедливо, чтобы вы истощали себя ради этих народов. Они должны облегчить бремя, лежащее на нашей государственной казне, и тогда у нас будет меньше расходов на содержание наших армий. Итак, я утверждаю, что восстановить доверие и увеличить обращение продуктов можно только одним способом: ограничив эмиссию бумажных денег и воздерживаясь от создания новых денежных знаков. Таким путем можно будет погасить государственные долги, не подвергаясь никакому риску; кредиторы в этом случае будут кровно заинтересованы в судьбе Республики; уплата долгов не нарушит естественного обращения. Напротив, если вы будете производить досрочные платежи, то это вызовет внезапное расстройство торговли; неразумным управлением вы подготовите наступление голода и утрату свободы.

Вот то, что я должен был вам сказать о нашей экономике. Как видите, народ невиновен; но действия правительства не отличаются мудростью. Они приводят к бесчисленным пагубным последствиям, которые все вменяют ему в вину. Отсюда и разногласия, подрывающие основы законов: они вводят в заблуждение тех, кто их создает. А между тем люди умирают от голода, свобода гибнет и рассеиваются те сладостные надежды, которые вселила в нас природа.

Граждане, беру на себя смелость сказать вам, что все злоупотребления сохраняются, пока жив король; мы никогда не придем к согласию, мы будем враждовать друг с другом. Республика не может мириться с проявлениями слабости. Сделаем же все для того, чтобы ненависть к королям вошла в плоть и кровь народа; и тогда взоры всех обратятся к отечеству.

В настоящий же момент необходимо делать все для того, чтобы не увеличивалось количество бумаги, чтобы земледелец продавал свое зерно, чтобы правительство располагало зерновыми складами на случай возможных бедствий и, наконец, чтобы уменьшилось бремя государственных налогов.

Я предлагаю вам следующие мероприятия, с которыми прошу ознакомить соединенные комитеты финансов и земледелия.

1. Что имущества эмигрантов должны поступить в продажу, годовые обязательства надлежит обратить в договоры, которые и послужат для уплаты долгов.

2. Что поземельный налог уплачивается натурой: зерно и фураж направляются в государственные склады;¹² пусть будут приняты меры по взысканию недоимок.

3. Что необходимо издать инструкцию относительно свободного обращения зерна, которая будет вывешена во всех коммунах Республики.

4. Что Национальный конвент декретирует свободное обращение зерна внутри страны и запрещает под страхом смерти вывоз зерна за границу.

5. Что будет издан закон, которого нам недостает, относительно свободы речного судоходства, а также закон, который поставит под охрану самого народа свободу торговли, в соответствии с духом Республики.

И наконец, последнее, что я предлагаю.

6. Что будет узаконен принцип, согласно которому стоимость земельных фондов не должна быть представлена в торговле.

Таковы меры, которые, на мой взгляд, способны ослабить нынешнюю напряженность. Но если управление останется таким же, как теперь, если не будет сделано ничего для укрепления республиканского духа; если позволят захлестнуть свободу потоком безрассудных и безнравственных действий, которые я наблюдаю сейчас, если Национальный конвент не будет зорко следить за всеми злоупотреблениями; если гордыня и жажда глупой славы будут править нашими делами в большей мере, чем искренность и твердое стремление к добру; если все решения будут ненадежны и противоречивы; если мы незамедлительно не заложим основы Республики; тогда через шесть месяцев свобода перестанет существовать.

ВТОРАЯ РЕЧЬ О СУДЕ НАД КОРОЛЕМ

(Речь о Людовике XVI, произнесенная 28 декабря <1792 г.>
в Национальном конвенте гражданином Сен-Жюстом,
депутатом от департамента Эна)

Когда народ был угнетен, его защитники подвергались гонениям. О вы, кто защищает человека, которого обвиняет весь народ, вам не придется сетовать на подобную несправедливость! Короли преследовали добродетель тайно; мы же судим королей открыто, пред лицом всего человечества! Наши заседания проходят публично, дабы никто не смог обвинить нас, что мы не ведаем жалости. Я снова обращаюсь к вам, защитники Людовика! Вы оберегаете французов от приговора, который вынесет все человечество! Народ останется великодушным до самого последнего дня! Он не захотел сам судить своего врага; он позволил применить все возможные средства, дабы убедить его, что он на ложном пути, а между тем сколько семей носят траур по своим сыновьям, сколько доблестных граждан погребено из-за измены и тирании в Аргонских горах,¹ повсюду в государстве, в самом Париже, рядом с вами!

И при этом еще требуют, чтобы несчастный народ, разбивающий свои оковы, карающий злоупотребления власти, оправдывался в том, что был смел и добродетелен. О вы, кто выдавал себя за самых непреклонных противников

анархии, ведь вы не допустите, чтобы вас считали жестокими по отношению к народу и милостивыми по отношению к королям!

Мы же не можем позволить себе быть слабыми. Потребовав изгнания Бурбонов, изгнав невиновных, мы не вправе щадить того из них, кто действительно виновен!²

Если бы здесь меня слышал кто-либо из приверженцев тирании, тайно разделяющий намерение нас подавить, быть может, он нашел бы способ вызвать у вас сострадание, быть может, ему удалось бы искусно обрисовать противников короля как бесчеловечных дикарей; не забыли бы упомянуть и о потомстве, дабы возбудить гордость представителей народа... Потомство! Оно благословит своих отцов, оно узнает, какой ценой они обрели свободу; это их кровь проливается сейчас на поле брани, чтобы затем из их праха возродились освобожденные поколения!

Всякий, кто на нашей земле обладает чувствительным сердцем, воздаст должное нашему мужеству. Какой еще народ принес столь великие жертвы свободе! Какой еще народ столь часто предавали! Какой еще народ столь часто оставался неотмщенным! Пусть же сам король спросит себя, как он, будучи полновластным правителем, обращался с этим народом, который всегда был справедливым, а ныне стал великим? Когда вы в первый раз приступили к обсуждению этого дела, я заявил вам, граждане, что король находится как бы вне государства и что, каким бы ни было соглашение, заключенное между ним и народом, при всем том, что подобное соглашение незаконно, оно не может наложить никаких обязательств на суверен, который по своей природе стоит выше законов. Но, несмотря на это, вы превратили себя в гражданский трибунал, и суверен предстал перед судом вместе с королем, который выступает против него и произносит здесь речи в свою защиту!

И вы допустили подобное посягательство на величие народа!

Людовик возложил ответственность за свои преступления на министров, которых он сам притеснял и вводил в заблуждение.

«Государь, — писал Мург королю 16 июня 1792 г., — я прошу у вас отставки; решения, принятые лично вашим величеством, лишают меня возможности исполнять законы». В другой раз Мург оправдывается в том, что он посоветовал королю утвердить декрет против священников фанатиков. Что это за государь, перед которым нужно было оправдываться в своей честности! И такого человека объявят неприкосновенным! Вы оказались в порочном кругу: вы — судьи, Людовик — обвинитель, а народ — обвиняемый!

Не знаю, куда вас может завести подобное искажение самых ясных принципов правосудия! Западня была бы менее хитроумной, если бы Людовик отверг ваше право вершить над ним суд; такое отрицание суверенитета народа стало бы крайним доказательством его тирании. Однако можно было заметить, что с самого начала революции король не проявлял склонности к открытому сопротивлению. Изворотливый, прикидывающийся грубоватым и простодушным, он глубоко изучил искусство сеять раздор между людьми. Его политика всегда сводилась к тому, чтобы бездействовать или же идти в ногу со всеми партиями. А теперь, похоже, он идет в ногу со своими судьями, чтобы заставить их увидеть в восстании народа только преступный бунт.

Легко можно исказить дух многочисленного собрания, возбуждая в нем неистовые страсти. Кто не видит, что тот же дух, которым некогда было проникнуто правление тирана с его показным простодушием и коварством, ныне главенствует при защите тирании? Тогда король не оказывал открытого противодействия народу; теперь же он не противодействует и вам; угнетая народ, он проявлял сдержанность; таким же образом он защищает себя сейчас. Подобный образ действия вселяет в вас не столько убежденность, сколько чувство сострадания, которое вопреки вашей воле ослабляет вашу энергию. Какие же ухищрения, какая магия великих событий побуждают вас щадить злейших преступников?

Следует, однако, вернуться к истоку событий, дабы нас не могли обвинить в том, что мы приняли необдуманное решение в столь серьезных обстоятельствах. Не стану останавливаться на всех подробностях, приведенных защитой; я прослежу лишь ее общее направление.

Не думаю, что вас хотят убедить в том, что созыв Генеральных штатов в 1789 году был вызван желанием облегчить участь народа и вернуть ему свободу. Необходимость принизить парламенты, притязания которых уязвляли гордость монарха, расстройство экономики и финансов, стремление выжимать налоги руками самого народа,³ брожение умов во всех концах страны, главенство двора, с которым не желал мириться мрачный нрав короля, наконец, честолюбие заносчивого министра-плебея⁴ — вот истинные причины созыва Генеральных Штатов.

В первые дни своего прихода к власти Национальное собрание оттеснило только промежуточные слои; оказавшаяся в одиночестве королевская власть одолела сословия с помощью народа.⁵ Король не предполагал, что падение сословий повлечет за собой падение тирании. После того как Национальное собрание нанесло первые удары, король собрал все свои силы, чтобы подавить само Собрание. Представьте себе единоличную тираническую власть в громадном государстве, где сословия упразднены и законодательная власть подчинена государю! Иногда преступления тирании столь хитроумно переплетены, что удастся разгадать их непостижимый ход лишь много времени спустя.

Король пытался парализовать власть, которую он признал только для того, чтобы она находилась у него в подчинении. Известно, сколь энергично он поначалу изъяснял свою волю представителям Общин.⁶ Не следовал ли он даже в этом основным законам монархического правления? Познакомьтесь с этими законами и вы увидите, что ни один король до него не прибегал, правя государством, к столь изощренным, столь тираническим, столь глубоко скрытым расчетам. Вспомним, как хитроумно он отклонял законы, упразднившие феодальные и церковные порядки. Но когда смелый порыв народа смел все на своем пути, Людовик вооружился умеренностью; все добрые дела, которыми можно было пленить народ, не нанося ущерба своей власти, были им приняты; он не скупился на кроткие речи, способные пролить бальзам на раны, нанесенные народу, вызывающие у него слабость и восторженную любовь к бывшим угнетателям. Он сотворил все зло, которое только можно было сотворить, причем так, чтобы народ этого не заметил; он сотворил зло, делая вид, что чтит новые законы, хотя сам стремился внушить к ним ненависть.

Мы видели тогда короля, хмурого и ожесточенного, среди его придворных, которых он презирал за их слабость и неспособность к решительным действиям; мы видели его среди народа, когда он выставлял напоказ свою чувствительность и радовался его победам. Несчастный народ! Ты испускал крики радости по дороге из Версаля;⁷ ты торжественно встречал того, кто готовил эшафот твоим защитникам, а тебе — оковы и нищету. Ты не знал, сколь дорогую цену тебе придется заплатить в скором времени за твою слабость и твоё ослепление!

Когда ваш председатель стал расспрашивать Людовика о насилиях, которые он совершил против народа, тот ответил: «Я был повелителем тогда и делал то, что мне казалось благом».

Я не оспариваю те способы, к которым прибег Людовик, чтобы притеснить народ и осуществить то, что он называет благом; я также не оспариваю, что его можно считать повелителем, хотя при нашем монархическом строе, и даже по признанию его предка, короли правят только согласно законам.

Но после того как потерпели провал действия, к которым он прибег, ибо, по его словам, он был повелителем, после этого он лицемерно выказал радость, когда народ одержал верх; после того как он послал свои войска против народа и применил все насильственные меры, присущие тирании, он сказал народу, что жаждет только его свободы, что радуется бегству своих солдат и гибели тех, кто только выполнял его волю, ибо он был повелителем. Заявляя о своем бескорыстии, о своей любви к народу, он в то же время таил совершенно иные мысли и прибегал к самым пагубным мерам, дабы утвердить свое господство. После всего этого как же можно расценить показную наивность его слов: «Я был тогда повелителем и желал блага»?

По крайней мере, Людовик, вы не были лишены искренности. Какой же закон государства, какое же благородное чувство заставили вас прибегнуть к вероломству, когда вы почувствовали себя более слабым?

Нужно согласиться, что в то время не существовало положительного права, позволяющего осудить государя, которого не очень-то тревожила совесть честного человека. Как вы сами сказали, вы стояли над народом; но вы не стояли над правосудием и ваша власть не могла оградить вас от возмущения мужественных людей, которые пеклись об общественном спасении. Тогда вас не могли судить; но были ли вы от этого менее виновны и не следовало ли вам отчитаться в своих деяниях после того, как собственное вероломство лишило вас власти?

Я мог бы извинить притворство, направленное на сохранение гнусных привилегий, столь дорогих для человека, не ведающего жалости, если бы это притворство объяснялось привычкой править, неуверенностью и страхами, возникшими при первых бурях. Но впоследствии, когда Национальное собрание провело полезные реформы, когда оно представило на утверждение короля Декларацию прав человека, какое подлое недоверие, или, вернее, какая причина если не жажда власти, если не отвращение к общественному благу воздвигла преграды перед представителями народа? Тот, кто говорил: «мой народ, мои дети», кто говорил, что жаждет только блага для нации, что счастлив лишь ее благополучием и несчастлив ее бедами, отказался признать ее

самые священные права, колебался между народом и своей гордыней и желал общественного блага, отвергая его сущность. Людовик плакал: от ярости или от избытка чувств. Страх и жестокость, как известно, ослабляют силу духа; так Людовик XI, готовясь к кровопролитию, взывал к небу.⁸ Но впервые в этом мире с тех пор, как история запечатлела ход событий, мягкосердечие и показное добродушие служат прикрытием для тирании. Всюду он ставил себя на место отечества и пытался привлечь к себе любовь, которой достойно лишь оно одно; это западня, тем более коварная, что, тайно прибегая к насилию и интриге, Людовик подрывал основы законов и использовал для этого и силу, и хитроумные действия, и сочувствие удрученной добродетели.

Эти слезы не были напрасными: они еще находят отзвук в сердцах всех французов. Им непонятно подобное вероломство. Долгое время они любили Людовика, который обдумывал план их порабощения. Презренный человек, он повелел потом убивать тех, кто тогда его любил!

И сколько надо было совершить преступлений, чтобы рассеять заблуждения народа! Ни бегство короля, ни его попытка уничтожить свободу, ни его отказ подойти к алтарю на празднике Федерации,⁹ куда призывало его отечество, готовое раскрыть ему свои объятия, ничто не смогло открыть глаза народу, который упорствовал в своей преданности королю.

Ему оставили престол. Был ли он признателен за это? Какие добрые дела он совершил? Как он правил? Народ познал свободу только когда был развернут красный флаг.¹⁰ Правительство, намеревавшееся подавить дух свободы, не рассталось со своим оружием при этом монархическом правлении; и в то время как истребляли народ в Нанси, в то время как поздравляли с победой Буйе, в Париже разыгрывались трогательные сцены, заранее подготовленные хладнокровными преступниками.

Король, обманывающий народ, желающий растрогать его, бросил ему несколько монет, говоря: «Я хотел бы быть богаче!». Однако вам уже говорили об огромных суммах, переданных Септейлю, а также о деньгах, переведенных за границу.¹¹ Людовик же прикидывался чуть ли не нищим!

Людовик оскорблял добродетель. Кому отныне она покажется безгрешной? Итак, чувствительные души, если вы любите народ, если его судьба не оставляет вас равнодушными, вас будут избегать с отвращением, ибо лживость короля, прикрывавшаяся этими благородными чувствами, и вас теперь лишит доверия; будут стыдиться проявления своей чувствительности.

Какие же заботы тревожили Людовика, когда он возвращался в свой дворец после прогулки по городу? Познакомимся с его бумагами. Подкупали негодаев, которые должны были совращать общественный дух; измена проникла всюду, как яд, вызывала рукоплескания на трибунах, поражала слух людей в народных собраниях; нанимали шпионов; и вам уже известно, как искусно была налажена система подкупов.

В бумагах короля мы не нашли ни мудрых изречений по делам управления, ни упоминаний о правах человека; самый изощренный софист не мог бы утверждать на основании этих документов, что король когда-либо любил свободу. Были там планы извратить и уничтожить конституцию. Вот что мы там находим, вот каковы были предметы размышлений короля. Всякому здраво-

мыслящему человеку должно быть ясно, что поведение короля согласуется с его принципами, ставшими достоянием гласности.

Народ добр и доверчив, ибо ему чужды и честолюбие, и склонность к интриге; он никогда бы не возненавидел государя, если бы тот уважал его права и правил им со всей справедливостью. Король подстрекал к мятежам, дабы применить силу закона, обвинить народ и оправдать насильственные действия.

Однако он старается представить все в благоприятном свете. Людовик оправдывает злодеяние тем, что оно вызвано гуманными побуждениями. Даже словам придают двусмысленное значение: так, например, сумма в 600 000 ливров была передана не по приказу короля, а по приказу Месье.¹² Но как узнал об этом Людовик и какое конституционное отношение существует между ним и Месье; какие расчеты велись между ним и Месье?

Стремятся все представить в ложном свете; чтобы опозорить восстание, именуя его мятежом.

Народ не придет в волнение раньше времени, если монарх справедлив, как море не приходит в волнение при безветренной погоде. Мог ли народ чувствовать себя счастливым и не ведать тревог, если его права попирали, если препятствовали осуществлению общественного порядка? При дворе находилось множество мошенников и проходимцев; там не было ни одного честного человека, светским острякам оказывали покровительство, а люди достойные внушали там страх.

Народ 20 июня требовал утверждения закона, который избавил бы его от тревог. Что это за свободное правительство, при котором из-за злоупотребления законами преступление становится неприкосновенным, а тирания — священной? Закон — не более чем ловушка, которую сила расставляет для народа, позволяя сильному безнаказанно подавлять слабого.

Как мог народ пребывать в спокойствии посреди опасностей, подстерегающих его со всех сторон? Нетрудно скрыть вменяемый в вину Людовику сговор с императором и прусским королем при заключении Пильницкого договора;¹³ у правосудия нет вещественных доказательств сокрытия великих преступлений. Нетрудно также оправдать беспорядки в Авиньоне и мятеж в Жалесе¹⁴ ссылками на то, что великая революция требует жертв. Пусть же судят, исходя из морали короля, из его взглядов, отразившихся в документах, из его влечения к контрреволюционным проектам, *которые осмелились здесь ему представить*. Мы не видим преступления, но оно нас потрясает. Нетрудно скрыть все злодеяния. Однако враг стоял у наших границ; всюду в государстве царил страх; армии разваливались; генералы были в сговоре с двором и с противником. Враги общественного блага держались чрезвычайно нагло. Охрана Тюильри угрожала гражданам, угрожала законодателям, угрожала свободе. Король не правил; его исполнительная власть давала ему неприкосновенность; но сохранилась ли его неприкосновенность, когда он отказался управлять? Никаких политических отношений не существовало между ним и администрацией. Исполнительная власть проявляла себя только в организации заговоров; с этой целью использовали законы, свободу, народ. И после этого еще сетуют на беспорядки, еще изумляются тому, что весь народ прибег к законному восстанию, которое хотят объяснить подстрекательством мятеж-

ных фракций! Когда в государстве каждому частному лицу нанесено оскорбление, когда нарушено доверие, скрепляющее союз граждан с государем, когда ненависть, таящаяся в сердцах отдельных лиц, усугубляет бурю и вызывает всеобщее потрясение, тогда государь перестает существовать и суверен вновь берет в свои руки бразды правления.

Людовик слишком поздно заметил, что гибель предрассудков подорвала устои тирании. Мог ли голос совести удержать его от наложения санкции, когда его отказ подвергнул опасности государство? О какой совести, о какой религии можно говорить, если они заглушили в нем всякое гуманное чувство по отношению к родине и заставили его забыть, что правят для ее блага, а не ради себя?

Разве религиозное чувство, иными словами благочестие, побудило короля написать письмо епископу Клермонскому, где он, по всей видимости, поверяет ему замысел восстановить тиранию; и это после того, как он дал клятву сохранить свободу? По крайней мере нельзя отрицать, что его честолюбие оказалось сильнее его религиозных убеждений, поскольку сердцем он не принял закон; чтобы не стать клятвопреступником, нужно было перестать быть королем. Бог не может потребовать, чтобы сеяли смуту на земле и во славу его прибегали к вероломству. Таким образом, с какой бы стороны ни рассматривать образ действий Людовика, представляется очевидным, что он обманул небо, обманул людей, что он виновен в глазах всех партий. Народ слишком чист, слишком простодушен, чтобы не распознать или не почувствовать этот обман; мог ли он оставаться спокойным? Вам известны теперь те враждебные планы, которые сам король замышлял против народа. Со временем недоверие народа полностью оправдалось. Вам заявили, что в папке с делами, хранящейся в Тюильри, находились такие документы, не опечатанные судебными властями, которые Людовик мог бы противопоставить другим, выставляемым против него. Но почему же он хранил последние с такой тщательностью? Почему на полях сделаны пометки его рукой?¹⁵ Разве не должен он был отвергнуть их с возмущением? Но откажемся от удовольствия нанести виновному жестокий удар в самое уязвимое место. Перейдем к событиям 10 августа.

Во дворце было полно убийц и солдат. Вы прекрасно знаете, что там произошло; защитники короля ступили краски, сказав тем самым правду. Людовик сказал, что он неповинен в кровопролитии 10 августа; но что он сделал, чтобы этому помешать? Какое мужество, какое великодушие проявил он в тот памятный день? По его словам, он хотел избежать тяжкого преступления. Но какое преступление может быть более тяжким, чем истребление граждан? Он явился к вам, ему проложили дорогу силой. Здесь, в этих стенах, сопровождавшие его солдаты угрожали представителям народа. Он искал прибежища в Законодательном собрании, а его солдаты нарушили неприкосновенность этого места. Он проник силой оружия в самое сердце отечества, чтобы там укрыться. В разгар этих бурных событий почувствовал ли он хотя бы на один миг тревогу от того, что льется кровь? Поскольку он не испытывал признательности ни к одной из враждующих сторон, опасность, которой подвергались его защитники, беспокоила его не больше, чем судьба народа. Содрога-

ешься при мысли о том, что одно его слово, одно единственное слово могло бы усмирить ярость солдат, что, быть может, одно слово, один жест призвал бы народ к спокойствию. Но он не питал доверия к тем, кого он предал.

Стремясь оправдать введение вооруженной силы в Тюильри перед 10 августа, нам задали вопрос: что бы мы делали, если бы разъяренная толпа ворвалась сюда? А какие меры приняло Законодательное собрание, чтобы оградить себя от угроз королевских стражников, швейцарцев и придворных? Что делало оно 10 августа? Что делало оно в окружении шестидесяти тысяч иностранцев, находившихся в Париже? А что делали Генеральные Штаты в Жё-де-Пом.¹⁶

А разве мы сами не отвергали до сего дня проект введения вооруженной силы?

Защитники короля, что вы требуете от нас, желая его спасти? Если невиновен он, тогда виновен народ. Следует прекратить допрос, ибо подобный порядок обсуждения приводит к тому, что обвиняемым оказывается отечество.

Я слышал, как здесь говорили об обращении к народу, о том, что сам народ должен вынести приговор нашими устами.

Граждане, если вы допустите обращение к народу, тем самым вы скажете ему: «Сомнительно, чтобы твой убийца был виновен». Разве вы не видите, что такое обращение разъединит народ и законодательный корпус и приведет к ослаблению представительства. Само представительство стремится восстановить монархию, уничтожить свободу. И если путем интриги заставят вас изменить приговор, тогда, господа, вам не останется ничего другого, как отказаться от республики и вернуть тирана во дворец. Ибо от помилования один шаг до победы короля, а от нее к торжеству и восстановлению королевской власти. Но разве народ обвинитель, народ жертва, народ угнетенный должен быть судьей? Не отказался ли он сам от этого после 10 августа? Более великодушный, более щепетильный, более человечный, чем те, кто намеревался отдать ему на суд виновного, он сам захотел, чтобы совет решил судьбу короля. Этот суд уже в достаточной степени ослабил общественное мнение. Если тиран обратится к народу, который его обвиняет, он сделает то, чего не посмел сделать и Карл I. Когда монархия в силе, не вы обвиняете, не вы судите короля, ибо сами по себе вы ничто; это народ в вашем лице судит и обвиняет его.

Граждане, преступление распространится в государстве как на крыльях, оно привлечет на свою сторону народ. О вы, хранители общественной нравственности, не отрекайтесь от свободы! Когда народ освободился от гнета, тиран подлежит суду. Сделают все, чтобы ослабить народ, внушив ему страх перед его собственными насильственными действиями. Человечность, о которой вам говорят, есть жестокость по отношению к народу; прощение, которого от вас добиваются, есть смертный приговор свободе. А сам народ, разве должен он прощать тирана? Разве суверен, как и Верховное существо, не черпает свои законы в нравственности и высшей справедливости?

Какой естественный закон оправдывал когда-либо тяжкие преступления? Требуют обращения к народу! Каким иным языком могли бы говорить, если бы хотели спасти короля, если бы голоса были куплены на иностранное золото?

Помните, что когда речь идет о тиране, уже одного голоса достаточно, чтобы воспрепятствовать его помилованию.

Этот день должен решить судьбу Республики; она погибнет, и придет конец всему, если тиран избегнет кары.

Вновь появились на свет противники общественного блага; они стовариваются, собираются вместе, надеются. Тирания собирает свои обломки подобно тому, как у ящерицы заново отрастает отрубленный хвост. Все злоумышленники на стороне короля; кто же здесь за него? Одни выражают лицемерную жалость; другие — негодование; применяются все средства, для того чтобы развратить сердца людей или вселить в них страх. Постарайтесь же своей суровостью заслужить в будущем признательность народа. Пусть вас волнуют его подлинные интересы, а не пустые соображения и бессмысленные крики, которые искусно используют, чтобы внушить вам уважение к его правам, а затем обойти их и уничтожить.

Вы провозгласили военный закон против тиранов всего мира, и вы хотите пощадить собственного тирана!

Неужели же кровавые законы применимы только к угнетаемым, а угнетатель будет помилован?

В народе и даже среди вас слышались голоса, требовавшие отстранить от голосования тех, кто откровенно высказал свое мнение. Те, кто, не имея никаких корыстных целей, жаждет только установить счастье на земле, никогда не будут преследовать короля из чувства мести; но опасности, которым подвергались народ и свобода в течение последних двух лет, а также любовь к отечеству заставят их быть справедливыми и непреклонными. А те, чей слух оскорбит страшная правда, так ли уж они безупречны? Все, что говорилось здесь для спасения виновного, каждый мог бы сказать и про себя в порыве искренности и прямоты. Но если отечество доселе еще не отвергло нас, из-за нашей слабости, по какому праву виновный отвергает наше правосудие? Как только кто-либо из вас высказался по этому делу, личное мнение каждого из нас стало частью того решения, на основе которого должен быть вынесен приговор. Можно ли сказать, что, выступив против короля, тем самым становишься его обвинителем? Вовсе нет, шло обсуждение; и Людовик не может отвергнуть судей, посланных народом, ибо это означало бы, что он отвергает сам народ.

Странное заблуждение возникло здесь относительно принципов и характера этого судебного дела. Людовик хочет быть королем, он хочет говорить как король, хотя и воздерживается от этого; но человек, которого несправедливость поставила над законами, может предстать перед своими судьями только как невиновный или как преступник. Так пусть Людовик докажет, что он невиновен; только при этом условии он может дать нам отвод: невиновный не отвергает ни одного из своих судей, он ничего не боится. Пусть Людовик докажет, что документы, предъявленные вам, говорят в пользу свободы, пусть он покажет свои раны: тогда мы будем судить народ.

Могут сказать, что революция завершена, что тирана уже не следует бояться, что закон карает смертью узурпатора. Но, граждане, тирания подобна тростнику; ветер его пригибает к земле, но он вновь распрямляется.

Что же вы называете революцией? Падение престола, удары, поражающие различные злоупотребления? Нравственный порядок можно уподобить явлением физическим:¹⁷ злоупотребления исчезают на мгновение и вскоре возрождаются; так влага испаряется с поверхности земли и вновь появляется, когда тучи проливаются дождем.

Революция начинается, когда кончается жизнь тирана.

Я попытался обрисовать вам образ действий короля; ваш же долг — вынести справедливое решение. Вы должны отбросить в сторону любые соображения, кроме соображений справедливости и общественного блага; и прежде всего вы не должны подвергать опасности свободу, обретенную столь дорогой ценой; решение которое вы вынесете, должно быть окончательным. Если злейший из преступников, каковым в первую очередь является король, воспользуется правом, в котором отказано гражданам, тиран вновь станет недосягаемым для закона, даже после того как он будет осужден. Вы также не должны допустить, чтобы кому-либо был дан отвод; ибо при обсуждении были выслушаны мнения и пожелания всех. Если отвергнут тех, кто выступал против короля, то мы отвергнем от имени отечества тех, кто ничего не сказал в его защиту, или тех, кто его предаст.

Отечество незримо присутствует здесь, среди вас; выбирайте же между ним и королем, между исполнением воли народа и вашей личной слабостью.

Положите же на одну чашу весов пример, который вы должны подать всему человечеству, порыв, который вы обязаны сообщить свободе, непоколебимое правосудие, которого ждет от вас народ, а на другую — преступную жалость к тому, кто сам никогда не ведал жалости. Скажите Европе, призванной в свидетели: «Служи своим королям против нас, мы были мятежниками»; имейте мужество сказать правду, ибо здесь, по-видимому, боятся быть искренними. Свет истины безмолвно мерцает во всех сердцах, подобно факелу в гробнице. Но если есть кто-то, кого не тревожит судьба республики, пусть он падет к ногам тирана и отдаст ему кинжал, которым тот убивал ваших сограждан. Пусть он забудет все его преступления и заставит народ говорить, что нас подкупили, что его интересы были нам менее дороги, чем судьба убийцы.

Дабы смягчить ваш приговор, вам будут говорить о фракциях. Так значит, монархический дух еще господствует в нашей среде, а республиканские нравы не ставятся ни во что. Это республиканский дух и законодательный орган должны подчинить себе фракции.

Неужели же в силу соглашения, заключенного между преступником и народом, тиран станет хранителем свободы и судьба родины будет покоиться на его безнаказанности!

Подобная слабость недостойна вас. Нелегко обрести свободу; но при нынешнем положении нам нельзя поддаваться страху: нужно победить, и мы сумеем добиться победы. Никакие соображения не должны преграждать ход правосудия; ему сопутствуют мудрость и победа.

Я требую, чтобы каждый член Конвента поочередно поднялся на трибуну и сказал, изблещен Людовик или нет. Далее, мера наказания или оправда-

ние будут поставлены на поименное голосование. Затем председатель составит и объявит приговор.

О ПОЛНОМОЧИЯХ ВОЕННОГО МИНИСТРА

(Речь, произнесенная в Национальном конвенте 28 января 1793 г.)

Уже давно я собирался рассмотреть, насколько это в моих силах, причины беспорядка, царящего в военном ведомстве; я задался вопросом: кто виноват в этом беспорядке — министр или порочный режим самого ведомства. Вы можете требовать у должностного лица отчет лишь о тех обязанностях, которые на него налагает закон, и средствах, которые он ему представляет.

Реорганизация министерства, которую предложил вам Сийес, представляется мне в устах этого члена Конвента косвенным доказательством того, что лично министр безупречен и что, несмотря на все разговоры, нам недоставало множества законов. В прежние времена гордыня и воля государя, интересы, связанные с его персоной и его благосклонностью, поддерживали определенную активность. В администрации все подчинялось тиранической связи, соединявшей в один узел с государем различных чиновников или министров. Монархия пала, когда король, плетя заговоры против общественного порядка, ослабил все свои связи с народом и с его магистратами и обрек себя на изоляцию. Республика погибнет, если механизмам временной администрации будет недоставать согласованности в движениях и единого центра, ибо принципы и идеи свободы не заменят гармонии в управлении. Еще недавно злонамеренность и бездействие государя препятствовали ходу дел; сегодня отсутствие связей в политических отношениях приводит к такому же результату: ничто не может заменить порядок и стать на его место. И если, не исследовав природу зла, ограничиться суровыми мерами по отношению к чиновникам, можно отвратить от службы людей просвещенных, жаждущих принести пользу на столь беспокойном поприще.

Возможно, мне скажут, что Конвент является центром верховной власти, заменившим того, кого больше нет. Нужно иметь в виду, что по отношению к любому министру скорее Совет,¹ чем вы сами, является той властью, о которой я говорю. Королевская власть — это не только правление одного лица, это — независимость власти, которая управляет. Если власть, управляющая вами, независима от вас, то налицо *своего рода королевская власть*; такая власть особенно опасна в руках тех, кто не располагает законами на все случаи жизни, ибо они ставят на их место свою волю.

Сегодня исполнительная власть, которая управляет Республикой, не может самостоятельно ничего предписать, пресечь, ничем руководить, у нее для этого нет полномочий. Очень часто единственное средство, которым располагают министры против злоупотреблений, — *публичное обвинение*. На первый взгляд может показаться, что такая слабость исполнительной власти благоприятна для свободы и исключает возможность действовать против народа, но

это заблуждение. Если вы отказываете магистратам в необходимых полномочиях, основанных на законах, то в их действия непременно проникает произвол или же все чахнет из-за отсутствия законов.

Военный министр удален от всяких сношений, поэтому механизм действия его министерства остается для него как бы неизвестным. Я покажу вам это, проанализировав деятельность данной части правительства. Существует специальная служба по снабжению армии обмундированием; один склад у нее в Париже, другой — в Ла Фер. Чиновники этой службы по ее поручению заключают сделки и осуществляют закупки. В настоящее время часть купленного товара находится на центральных складах, часть — на складах военных комиссаров в разных городах — Страсбурге, Меце, Валансьене, Лилле и др.

Центральные склады посылают в воинские части обмундирование, подогнанное по росту или нет; предметы мелкой экипировки и лагерного обустройства посылаются прямо в армии и на склады прифронтовых городов: там они распределяются по воинским частям военными комиссарами, которые должны немедленно отчитываться в этом министру, но никакие отчеты к нему не поступают: таким образом, неизвестно, правильно ли сделано удержание из жалованья. Кроме того, для министра в подобной отчетности недостает точности: закупки не проходят через его руки, он не знает качества купленного товара, у него нет возможности непосредственно следить за его использованием; в армии отсутствует дисциплина, много злоупотреблений; вероломство заразило чиновников вплоть до министра; все обманывают друг друга и Исполнительный совет.

В кавалерии есть главный ветеринарный инспектор. Существует пять округов по снабжению, в каждом округе есть несколько резервных конюшен, которые держат с ним связь; при каждой резервной конюшне есть четыре инспектора, которые вместе с ветеринаром принимают лошадей.

С начала революции закупка лошадей производится путем сделок, заключаемых между военным министром и поставщиками, которые доставляют лошадей в депо. Не наказан ни один инспектор, принимающий плохих лошадей; министр лишен средств надзора и, следовательно, гарантий. Министр, заключив сделку по ремонту, не может судить о точности исполнения, об ужасающей растрате общественных средств; отсюда — огромные барыши поставщиков. Если потребуется, я докажу, что одно частное лицо заключало сделки, в результате которых торговцы получали по 48 ливров прибыли за каждую лошадь; по моим сведениям, один из этих торговцев заработал таким образом 30 тыс. ливров за четыре месяца. Добавьте к этому прибыли посредников и поставщиков и судите сами, какие лошади поступают в армию, если такие огромные суммы уходят на барыши торговцам. Закон перекладывает на министра преступления, совершенные другими, и не дает ему возможности так вести дела в своем ведомстве, чтобы выявить скрытую злонамеренность подчиненных.

Деньги не проходят через руки министра; у Казначейства при армиях есть свои плательщики, с которыми оно поддерживает связь. Министр делает запрос Казначейству, а оно отправляет деньги прямо по назначению. В распо-

ряжении министра нет служащих для непосредственного надзора за этими операциями. Как видите, министерство похоже на дерево, ветви которого отделены от ствола.

Организация продовольственного снабжения армий не менее порочна. С недавних пор существует Комитет по закупкам, состоящий всего из трех человек, на который возложена обязанность закупать все продовольствие, необходимое армии и военно-морскому флоту Республики. Этот комитет находится в Париже, поэтому сведения о необходимом и закупленном продовольствии теряются по пути к этому удаленному единственному центру многочисленных и разнообразных кругов.

В каждом департаменте этот комитет располагает уполномоченными, в чьи обязанности входит закупка продовольствия. В этом случае министр также лишен средств надзора за правильностью операций. Комитет подчиняется министру, но не несет реальной ответственности, ибо министр лишен влияния и мер воздействия. Министр сам не заключает ни одной сделки по закупке продовольствия, он — главное лицо ведомства, а зритель. Охрана обзоров, распределители и их помощники подчиняются Управлению заготовок, которое не может их контролировать, равно как и министр, — это управление, которое не имеет точных сведений о количестве и личном составе воинских частей. Половина пайков разворовывается; лагеря представляют собой ярмарку, где отечество распродается с молотка. Все сходит с рук, и мошенники спокойно обделывают свои дела. Вы должны поверить — этот печальный опыт повторяется изо дня в день, вы должны поверить, что такой же беспорядок по тем же причинам царит во всех областях. Если бы храбрость солдат зависела от этих беспорядков и анархии, свобода и Республика не дожили бы и до весны. Министры, как и вы, не знают, за что братья. Хрупкое здание временного правления дрожит под вашими шагами, нынешний порядок — это возведенный в закон беспорядок. Отечество можно спасти не жалобами и воплями, а мудростью. Пусть другие обвиняют, сколько хотят, ваших министров; я же обвиняю их самих. Вы хотите, чтобы порядок родился из хаоса: вы хотите невозможного. Мне кажется, что Сийес обратил свое внимание на совершенно неотложные проблемы.

Я поддерживаю установление экономата, предложенного Сийесом:² это способ ввести экономику, ответственность и надзор в управлении заготовками. Что касается второго декрета, представленного Сийесом и касающегося организации военного министерства, у меня есть по этому поводу несколько идей, которые я вам сейчас изложу.

Я выступаю не только против того могущества, которое получил бы министр, но и против могущества Совета, членом которого он становился бы. Не исключено, что Совет, заключающий в себе все компоненты силы и разложения, из-за злоупотребления властью породил бы ситуацию, которая возвращает великий народ к монархии.

Для разделения властей недостаточно разделить их обязанности между несколькими отдельными министерствами, поскольку эти обязанности сливаются затем в одной точке, образуя *один* орган власти. С другой стороны, даже неподкупный министр имел бы всего лишь один голос в Совете, состоящем из

многих членов, и власть его была бы иллюзорна. Следовательно, необходимо выбрать нечто среднее между двумя крайностями, чтобы министр не был *ни ничтожным, ни всемогущим*.

Но разве война не является особым насильственным состоянием и разве военное министерство должно входить в состав постоянного внутреннего управления? Не думаю.

Гражданское правительство в таком государстве, как наше, с необходимостью должно обладать определенной прямою; быть может, в некоторых отношениях две разные власти должны будут *уравновешивать* друг друга, ибо без такого равновесия властей свобода может оказаться в опасности, поскольку ее основа будет подвижной и непостоянной, если бы законодатели в некоторых случаях не имели сдерживающих начал. Прошу позволить мне остановиться на этом существенном вопросе, не выходя за рамки темы; я еще вернусь к нему; сейчас же скажу лишь, что в большом республиканском государстве власть, издающая законы, в некоторых случаях должна быть уравновешена той, которая их исполняет; опасно, если эта последняя приобретет особую силу и принизит первую, законодательную, которая опирается лишь на разум. В обширном государстве большое количество военных должностей, блеск и престиж военных действий, расчеты честолюбия — все это усиливает исполнительную власть. Если внимательно рассмотреть, какова основная причина рабства в мире, то оказывается, что она заключается в том, что у всех народов армией управляет правительство. Я требую, чтобы власть, именуемая *исполнительной*, управляла только гражданским населением.

Управление вооруженными силами (я не говорю: военная исполнительная власть) неотчуждаемо от законодательной власти суверена, в этом гарантия народа против магистрата. Тогда отечество становится центром чести. Поскольку магистрат больше ничего не может получить, используя покровительство и низости, развращающие его, он старается добиваться постов благодаря собственным заслугам и честно заработанной славе. Вы становитесь тогда верховной властью и привязываете к себе и к народу армию и генералов.

Следует рассмотреть данный вопрос еще с одной стороны. Война относится к области чисто внешних сношений; только суверену надлежит принимать решение по поводу применения силы, ибо оно подвергает опасности жизнь граждан и общественное благополучие; если же такие вопросы входят в компетенцию исполнительной власти, магистрат с легкостью может применить против народа силу, учрежденную лишь против внешних врагов. Используются все средства, чтобы продлить войну, вплоть до организации поражений; спекулируют спасением отечества.

Народ не заинтересован в войне. Исполнительная власть благодаря войне усиливает свое влияние; война дает ей тысячу способов узурпировать власть. Вот почему я хочу предложить вам отделить военное министерство от исполнительной власти, чтобы оно зависело лишь от вас и подчинялось только вам. Если вы хотите упрочить ваше учреждение в условиях, когда народ не имеет больше *сословий*, нужно сделать так, чтобы магистрат не стал бы *сословием* и чем-то вроде патрициата, который управляет армией по своему усмотрению, поскольку война не знает ни узды, ни правил, присущих законам; превратно-

сти судьбы превращают все действия магистрата в акты его воли. Необходимо, чтобы в государстве была лишь одна воля,³ чтобы те, кто издает законы, управляли военными действиями. Магистрат должен полностью посвятить себя поддержанию гражданского порядка. Внешние же сношения в стране, где народ подчинен законам, а не государю, являются прерогативой суверена или его представителей. Я касаюсь данного предмета лишь постольку, поскольку он относится к обсуждаемой проблеме.

Я требую, чтобы те функции по общему руководству военными действиями, которые Сийес передает Совету, т. е. всем министрам вместе, вы взяли на себя, чтобы министр отвечал *перед вами* за исполнение законов: таким образом вы защитите народ от злоупотреблений военных властей. При этом их ответственность вовсе не будет подорвана, ибо вы не будете управлять; министр же будет отвечать *непосредственно* перед вами за *исполнение законов*, он не будет связан; и поскольку все звенья военной цепи будут зависеть от вас, генералы не смогут больше плести интриги в Совете, а Совет не сможет узурпировать власть.

Сийес предлагает учредить в Совете должности председателя и главного управляющего с совещательным голосом. Наличие в Совете этих должностных лиц, имея они совещательный голос, я думаю, было бы опасно, ибо тогда они могли бы объединиться с другими членами Совета, чтобы противостоять министру. Без совещательного голоса их функции были бы неясными; они стали бы независимыми, в то время как нужно стараться не разделять управление, а упрощать его. Иначе ответственность распределяется на многих лиц и ослабевает.

Я не достиг бы своей цели, если, высказавшись о пороках военного ведомства, не сказал бы о том, что порядок в финансовых вопросах является основой порядка в военных делах. До настоящего времени революция свершалась лишь в политической системе; Республика живет еще по финансовым правилам монархии. Нужно или внести изменения и в эту область, или отказаться от свободы.

Все убеждены в том, что беспорядочный выпуск денежных знаков приводит к хаосу. Возможно ли, чтобы те, кто может предвидеть последствия этого чудовищного несоответствия между количеством денег и количеством товаров, не знали никакого способа устранить его? Какой смысл говорить об ипотеке на владения эмигрантов и на леса, ведь они не являются предметами потребления, с которыми должны соизмеряться денежные знаки. 10 января Камбон, сообщая нам о необходимости нового выпуска ассигнатов, сказал, что никакой заем, никакие налоги не могут противостоять затратам по 200 миллионов в месяц. Между тем Камбон почувствовал необходимость некоторого колебания количества денежных знаков, но он, кажется, видит единственный способ противостоять неизменно растущей потребности в деньгах во все большем их печатании.⁴ Это действительно быстрый способ, но он губит Республику и делает нас похожими на дикарей, о которых говорил Монтескье: чтобы сорвать плоды, они рубят дерево.⁵

Если позволите, в другой раз я предложу вам некоторые средства для восстановления порядка в финансах.

Впрочем, я отношусь к нашему сегодняшнему положению с хладнокровием: у нас богатые ресурсы, нужно использовать их, но для этого каждый должен забыть о своих интересах и своей гордыне. Счастье и интересы частного лица являются угрозой общественному порядку, если они не становятся частью общего интереса и общего счастья. Забудьте о себе. Французская революция находится между триумфальной аркой и скалой, которая всех нас может раздавить. В ваших интересах — избежать раскола. Какими бы ни были наши расхождения во мнениях, сегодня существование тиранов заставляет нас забыть о них. Мы все победим или все погибнем. В ваших интересах — забыть личные интересы; ваше спасение — в общественном спасении.

Я предлагаю в заключение, чтобы военный министр подчинялся непосредственно Национальному конвенту и не входил в Совет.

О РЕОРГАНИЗАЦИИ АРМИИ

(Речь, произнесенная в Национальном конвенте 12 февраля 1793 г.)

Не только от численности солдат и дисциплины войска следует вам ожидать победы; вы добьетесь ее лишь по мере распространения в армии революционного духа. Ничто не кажется в большей степени способным внушить его, чем план вашего Военного комитета, представленный Дюбуа-Крансе. Я остановлюсь лишь на одном разделе этого плана — на том, который вызвал самые большие трудности, который я считаю наиболее способным восстановить дисциплину, хотя его и оспаривали, полагая, что он направлен на ее развал. Я имею в виду амальгаму регулярных полков и батальонов волонтеров и особенно — выборность командиров.

Ваш Военный комитет понял, что нет ничего более опасного, чем вооруженная корпорация — последний угрожающий нам осколок монархии. Хотя Барер и говорил о том, что соперничество между определенными корпорациями возбуждает в них храбрость, мне представляется безосновательным приводимое им сравнение соперничества между разными родами войск при монархии с соперничеством между военными организациями в Республике.¹ Действительно, разве есть какое-нибудь сходство между подразделениями, которые, являясь слабыми сами по себе, отличаются друг от друга лишь местом, занимаемым в голове тирана, которыми тиран управляет по своей прихоти, которые окружают его и соперничают в желании угодить ему, — существует ли сходство между этими войсками и двумя корпорациями по 200 тысяч человек, которые, начни они соперничать между собой, привели бы нас путем гражданской войны к узурпации и военному правлению?

Я заявляю, что слияние регулярных полков и батальонов волонтеров не только является проявлением мудрости, но что текущий момент требует срочно провести его. Было бы неосторожно распространяться по поводу всех тех причин, которые меня к этому принуждают. Если бы вы терпели поражения, подумайте, кто в такой ситуации первым отрекся бы от Республики. Ес-

ли вы одерживаете победы, гордость военных возвысится над вашей властью; единство Республики требует единства армии; у родины только одно сердце, и вы не хотите, чтобы ее сыновья делили его силою оружия.

Мне известен лишь один способ устоять перед Европой: противопоставить ей дух свободы. Некоторые полагают, что выборность командиров ослабит и расколет армию. Я считаю, напротив, что сила ее от этого возрастет.

Конечно, мне возразят, что неуверенность в продвижении по службе может оттолкнуть командиров, привести к своеволию солдат, расшатать дисциплину и подорвать принцип субординации. Но все эти опасения напрасны; необходимо, не останавливаясь даже перед насилием, подавлять дурные нравы; нужно прежде победить армию, если вы хотите, чтобы она, в свою очередь, побеждала. Если законодатель смиряется с трудностями, трудности захлестывают его; если он борется с ними, он тотчас же одерживает над ними верх. Не знаю, кому требуется больше смелости — законодателю или воину. Один сражается лишь с людьми, тогда как другой — с ошибками, пороками и предрассудками. Но если тот или другой поддается слабости — он погиб. Только действуя в таком духе, вы сможете довести революцию до конца. Я опасаюсь лишь одного: что мощный порыв французского народа не встретит со стороны врагов серьезных препятствий, которые обычно склоняют народ к добродетели. Революции не делаются наполовину.² Мне кажется, вам предназначено изменить лицо европейских правительств; вы сможете обрести покой, только когда Европа будет свободной; ее свобода станет гарантией вашей свободы. На земле существуют три зла, с которыми республиканская добродетель не может мириться: первое — это короли; второе — это повиновение им; третье — это прекращение борьбы, если где-то остается хоть один раб и хоть один господин.

Та же самая добродетель требует от вас выборов в армии; должности установлены не для тех, кто их занимает, а для блага Республики. Когда я слышу, как здесь говорят, что должностному лицу за его скромную службу следует платить серебром, у меня возникает желание предложить ему три бунчука паши.³ Точно так же, когда интересы нескольких честолюбивых офицеров становятся препятствием на пути перемен, необходимых для усиления мощи наших армий, я задаюсь вопросом, не является ли отечество рабом военных. Я не намерен преуменьшать опасность принципа выборности командиров, в случае если бы он распространился на генеральный штаб армий и на генералитет; но необходимо определить принципы и отвести им соответствующее место. Воинские подразделения имеют право избирать себе офицеров, так как они являются корпорациями в собственном смысле слова. Сама же армия не может выбрать высшее командование, ибо в ней нет неизменных компонентов, в ней все постоянно меняется; армия — это не отдельное подразделение, а совокупность множества подразделений, которые связаны между собой лишь назначаемыми Республикой командующими; армия, которая избирала бы себе командующего, была бы армией мятежников.

Мне скажут, что выдвинутые мною принципы не дают гарантий против насилия. Я могу ответить тем же; гарантии заключены в самой истине; она — в основе всего; заблуждение же порождает преступление!

Избрание командиров отдельных подразделений — право сообщества солдат. Поскольку это право осуществляется по частям, всегда наготове сила, способная пресечь злоупотребление им, но подобное злоупотребление невозможно, так как командиры какого-нибудь отдельного полка не могут представлять опасность для отечества.

Избрание командующих — право всей гражданской общины. Армия не может устраивать ассамблеи и дебатировать. Право выбирать тех, от кого зависит общественное спасение, принадлежит всему народу или его законным представителям.⁴

Рассмотрим, на чем основано право голоса солдат: будучи свидетелем поведения, проявления смелости и характера людей, рядом с которыми он находится, солдат лучше, чем кто-либо, может судить о них.

С другой стороны, если право назначать на все эти военные должности вы оставите в руках генералов или в руках исполнительной власти, вы обратите его в силу против вас самих и восстановите монархию.

Как правило, монархия существует там, где исполнительная власть распределяется честью и карьерой военных.⁵

Если вы хотите создать Республику, предоставьте народу как можно больше власти и дайте ему возможность исполнять те функции, на которые он способен.

Если кто-нибудь здесь и после этих доводов воспротивится выборности командиров, я прошу его сообразовать свои принципы с благом Республики.

Что касается меня, то я принимаю во внимание лишь свободу народа, права солдат и уничтожение всех сил, чуждых духу независимости народа. Нужно, чтобы приемные министров перестали быть местом торговли должностями, чтобы величие для нас заключалось только в одном понятии — отечество.

Как только человек занимает должность, он перестает интересоваться мной, я даже считаю его несвободным. Слово «командовать» кажется мне неподходящим, ибо если человек на любом уровне соблюдает законы, он не командует.

Истинное командование — это общая воля и закон: перед ними исчезают ложная честь и чрезмерная гордыня. Если бы все прониклись этой истиной, не нужно было бы опасаться узурпации власти, ибо она является той ценой, которую мы платили разбойнику за нашу слабость.

Бескорыстная любовь к отечеству — основа свободы. Несвободен народ, которому при исполнении государственной службы безразличен блеск богатства. Вот почему та часть плана вашего комитета, которая предусматривает увеличение на экую месячного жалованья волонтерам, прослужившим более одной кампании, кажется мне недостойной чести солдата.

В тот день, когда будет покончено с монархическим высокомерием, чины в армии будут различаться не жалованьем, а проявленной доблестью. Чины — это нечто надуманное. Человек при должности отчужден от суверена. А тот, кто не занимает никакой должности, — выше министра.

Республику можно построить лишь с помощью воздержанности и добродетели. Разве есть что-либо общее между славой и богатством?

Итак, я поддерживаю план вашего комитета. Если кто-то сомневается в возможности быстрого его исполнения, я заявляю, что военным потребуется время, необходимое всего на один смотр, чтобы осуществить его.

Я желал бы, чтобы в духе такой же политической мудрости ваш комитет внес предложения относительно набора в армию. Я хотел бы, кроме того, чтобы главнокомандующие избирались только Конвентом. Я требую, чтобы план комитета был поставлен на голосование с той поправкой, что его исполнение приостанавливается в армиях, находящихся в непосредственной близости от неприятеля.

О КОНСТИТУЦИИ ФРАНЦИИ

(Речь, произнесенная в Национальном конвенте 24 апреля 1793 г.)

Взоры всех тиранов были обращены на нас, когда мы вершили суд над одним из них; теперь, когда благосклонная судьба позволяет вам подумать о свободе мира, на вас будут смотреть народы, эти истинные хозяева на земле.

Когда вы казнили короля, вы опасались людского осуждения. Совершенное вами затрагивало лишь вашу гордость; сейчас же речь пойдет о более важном — о вашей славе. Конституция станет вашим ответом и вашим манифестом на Земле.

Да будет мне позволено высказать вам несколько практических соображений. Публичное право пространно изложено в книгах, но они ничего не говорят о применении его и о том, что нам подходит.

Европа запросит у вас мира в тот день, когда вы дадите французскому народу конституцию.

В тот же день прекратятся распри, обессиленные фракции смирятся с бременем свободы; граждане вернуться к труду, в свои мастерские, и мир, воцарившийся в Республике, заставит трепетать королей.

Находитесь ли вы в состоянии мира или ведете войну, вам необходимо сильное правительство. Слабое, лишенное порядка правительство, ведущее войну, напоминает человека слабого сложения, который предается излишествам. Ибо в том деликатном положении (если можно так сказать), в котором он находится, французский народ не обладает должной энергией, чтобы противостоять насилию со стороны иностранных монархий: законы чахнут и стремление к свободе угасает. Пришло время вывести свободу из младенческого возраста, упрочить ее основы.

Мир и процветание, общественная добродетель, победы — все это зависит от силы законов; вне законов все бесплодно и мертво.

Всякий народ способен быть добродетельным и побеждать, но вести его к этому следует не силой, а мудростью. Французами управлять легко: им нужна мягкая, но справедливая конституция. Французскому народу свойственны живость и демократичность, но не следует слишком утомлять его сложностью общественных дел: им должно управлять твердо, но без принуждения.

Вообще порядок не может быть результатом действий, навязываемых силой. Поддается упорядочению лишь то, что происходит само собой, подчиня-

ясь внутренней гармонии. Силой следует устранять лишь то, что чуждо этой гармонии. Этот принцип применим прежде всего к естественной конституции держав. Законы отвергают только зло; добродетель и невинность на земле независимы.

Я думаю, что общественный порядок заключен в самой природе вещей, а человеческий ум призван лишь определить место его различных элементов; я думаю, что народом можно управлять, не угнетая и не подавляя его, и при этом он не будет злоупотреблять свободой. Человек рождается для мира и для истины, а портят его и делают несчастным гнусные законы, подавляющие его.

И вот я подумал, что, если бы дать человеку законы, соответствующие его природе и сердцу, он перестал бы быть несчастным и испорченным.

Всякое искусство порождает чудеса, искусство управления порождало одних чудовищ; дело в том, что мы старательно искали удовольствия в природе, а принципы — в собственной гордости.¹

Так народы потеряли свою свободу: они обретут ее вновь, когда законодатели установят между людьми отношения, основанные лишь на справедливости, таким образом, чтобы неизменным и определенным интересом каждого стала справедливость, ибо зло чуждо интересам человека.

Установить такой порядок проще, чем принято считать. Общественный порядок предшествует политическому. Причиной возникновения последнего явилась необходимость сопротивляться завоевателям. Члены одного и того же общества естественным образом живут в мире между собой; войны возникают лишь между разными народами или, вернее, между теми, кто над ними господствует.

Общественное состояние есть отношения людей между собой; политическое состояние есть отношение между народами.

Если придерживаться этого принципа и осуществлять его на практике, то становится очевидным, что основная деятельность правительства должна быть направлена на внешние сношения и что внутри страны правительство является скорее орудием достижения гармонии, чем власти, поскольку естественная справедливость в отношениях между людьми рассматривается как основа общества.

Следовательно, в правительстве необходимо отделить энергию, в которой оно нуждается для сопротивления внешним врагам, от более простых средств, нужных ему для управления внутри страны.

Причиной порабощения народов является эта двойственность власти правительств: они использовали против народа ту же силу, что и против внешних врагов.

Испорченность человеческой души породила иные взгляды: человека считают жестоким от природы и преступным существом, что дает право порабощать его.

Так представление о рабстве и несчастье человека утвердилось даже в его сердце; он поверил тиранам, назвавшим его дикарем; он с кротостью позволял укрощать свою предполагаемую свирепость.

Люди являются дикарями только по мнению угнетателей; в отношениях между собой они вовсе не жестоки. А разве те, кто сегодня воюет против сво-

боды, не считают нас свирепыми, поскольку мы решительно сбрасываем их гнет?

Позвольте развить мои мысли; они приводят меня к определенным выводам, которые я сумею соотнести с существующим порядком вещей. Я не отрицаю, что закон, управляющий человеком, как он есть, должен быть сильным. Но я считаю, что правление должно быть сильным и справедливым одновременно; не следует помышлять о естественной политике, я далек от такого понимания.

Но я выступаю против приводимого тиранами довода о свойственной человеческой природе жестокости; под этим предлогом они угнетают человека. Но разве смогли бы они господствовать над ним, если бы он был столь жестоким? И разве у всех нас не одинаковая природа? Кто первым стал мудрым и цивилизованным? На каком языке общался он с бессловесными животными? И если он вступал в общение с ними, не значит ли это, что общественный порядок возник намного раньше политического?

Монтескье считает признаком глупости ужас дикаря при встрече с нами в лесу; но этот дикарь, который, по словам Монтескье, *дрожит и бросается в бегство* при виде нас,² будет ли он дрожать и убегать от существа, подобного себе, говорящего на том же языке? Хищные животные тоже могли бы принять нас за дикарей, когда мы дрожим и спасаемся от них бегством.

Люди утратили общественное состояние не сразу; они пришли к положению цивилизованных дикарей, придуманному тиранами, в результате длительного процесса изменений.

У древних франков, у древних германцев не было магистратов; народ был государь и суверен. Но когда народы, занявшись торговлей и войной, утратили вкус к собраниям, государь отделился от суверена и путем узурпации сам стал сувереном.

Так началась жизнь политическая. Тогда потерял свое значение статус гражданина — важным стал лишь статус господина.

Если вы хотите вернуть человека свободе, создайте законы лишь для него; не подавляйте его силою власти. Сегодня многие заблуждаются, считая, что угнетатели исчезли навсегда. После Ликурга пришли угнетатели, которые уничтожили его труд. Если бы Ликург установил для Лакедемона свод законов, чтобы сохранить его свободу, угнетатели раздавили бы и эти законы. Минос заложил в своих законах право на восстание,³ тем не менее жители Крита остались в подчиненном положении. *Свобода народа — в силе и длительности его конституции: она всегда погибает вместе с нею*, потому что ее уничтожают тираны, ставшие сильнее самой свободы.

Позаботьтесь же, граждане, о том, чтобы защитить конституцию от ею же созданной власти и от извращения ее принципов. Всякая ее слабость отнюдь не послужит благу народа, но обернется против него, к выгоде узурпатора.

Вы провозгласили, что одно поколение не может навязывать свои законы другому; но одно поколение вливается в другое и всегда оказывается в меньшинстве и слишком слабым, чтобы заявить о своих правах. Недостаточно провозгласить права человека; может случиться, что появится тиран, который вооружится этими правами против народа; и самым угнетенным окажется

ся тот народ, которого, опираясь на его же право, будет угнетать тирания, полная лицемерной мягкости. Под гнетом освященной таким образом тирании народ не осмелится ничего предпринять, боясь совершить преступление против свободы. Тогда преступление ловко возведет себя в своего рода религию и мошенники окажутся в священном ковчеге.

Сейчас нам нужно бояться не грубого подавления; угнетение будет более скрытым и опасным. Гарантией для народа может служить только сильная и долговременная конституция, которую правительство не сможет поколебать.

Законодатель управляет будущим; ему нельзя быть слабым; именно он должен возлюбить добро и увековечить его; именно ему надлежит сделать людей такими, какими он хочет их видеть. По мере того как законы одушевляют общественный организм, бесчувственный сам по себе, они порождают добродетель или преступления, добрые нравы или жестокость. Добродетель Лакедемона была заключена в сердце Ликурга, а непостоянство жителей Крита — в сердце Миноса.

При монархии наша развращенность заключалась в сердце всех королей; развращенность вовсе не присуща народам.

Но когда революция резко изменяет народ, когда, исходя из того, что он представляет собой в действительности, пытаются улучшить его нравы, следует учитывать его слабости и исподволь подчинять его духу установлений. Нужно, чтобы не народ соответствовал законам, а законы соответствовали народу. Наша конституция должна соответствовать французскому народу. Дурные законы подчиняли его правлению одного человека. Народ — это растение, пересаженное в другое полушарие. Нужно, чтобы искусство садовника помогло ему дать зрелые плоды в новом климате.

Необходимо сказать несколько слов о природе законодательства.

По этому поводу существуют две точки зрения: конституция — это свод предписаний; конституция — это свод законов.

Конституция, основанная на предписаниях, недолговечна; предписания — это принципы законов, но еще не сами законы. Если смешивают эти два понятия, права и обязанности народа и магистрата теряют свою силу. Законы, которые должны быть отношениями, становятся не более чем отдельными поучениями, которым они рано или поздно уподобляются под действием насилия и из-за недостатка гармонии. И тогда принципы свободы при отсутствии законов или их неприменении допускают злоупотребление властью. Права человека были заключены в голове Солона; он не записал их, но он их освятил и осуществил.

Полагают, что осуществление на практике этого порядка зависит от просвещенности и от нравов. Просвещенность дает знание нравов, но сами они проистекают из природы правления.

При монархии основой нравов почиталась утонченность ума, однако все те, кто усвоил эти основы, сегодня являются врагами народа и свободы. Идеи справедливости не достигли их сердец; голова могла быть полна примеров добродетели и мужества, возвышенных уроков и истин, но человек оставался подлым и негодяем. Знание становилось любезностью порока, а добродетель казалась роскошью преступления.

Правительство ведало всем, все сводилось к идее государя; в государстве изобиловали почтенные и преступные профессии, на них работало воспитание. В подобном обществе, где требовались только воры и лицемеры, готовые на любые преступления, воспитание, основанное на предписаниях, забывалось в тот самый момент, когда человек вступал в мир; оно служило лишь для того, чтобы сделать ум более изощренным, в ущерб сердцу. Чтобы быть уважаемым человеком, нужно было попортить природу. Самые чистые наклонности закон превращал в преступные. Искреннее чувство и дружба подвергались осмеянию. Чтобы считаться мудрым, нужно было превратиться в чудовище. В зрелом возрасте благоразумие означало подозрительность по отношению к себе подобным, неверие в добро, убеждение в том, что все плохо, но так и должно быть. Человек жил лишь для того, чтобы обманывать и быть обманутым, а отвратительные черты, в которых были повинны государь и природа правления, рассматривались как присущие человеческой натуре.

Тирания путем длительного пагубного воздействия развращает человека и делает его неспособным к добру в собственных глазах. Уничтожьте повсюду тиранию, и вы восстановите мир и добродетель.

Тирания заинтересована в слабости народа, в преступлениях; она замешана во всех низостях и злодеяниях. С помощью гражданских законов она вооружила сына против отца, мертвых — против живых. Все — давление и подавление. Это тирания рукой грабителя убивает на проезжих дорогах, это она своим гнетом развращает и портит сердца. Она усыпляет душу человека. Но если подобным порядкам приходит конец, если у народа больше нет перед глазами великолепия роскоши, развращающей завистью как бедного, так и богатого, унижающей соблазном наживы, толкающей на гнусные занятия и обольщающей человека, то народ возрождается и снова становится самим собой.

Из сказанного мною следует, что умеренность правителя является источником добрых нравов и свободы в государстве; нужно, чтобы хранители ваших законов вели скромный образ жизни: тогда дух и вкусы общества будут порождаться любовью к законам и к родине.

Народ должен уважать магистратов, он не должен ни угождать им, ни бояться их; он не должен считать законы проявлением их воли, иначе законы будут служить не для управления народом, а для подавления его. Недостаточно отвлечь внимание народа от блеска должностей и направить его на претворение в жизнь законов; нужно, чтобы деятельность народа постоянно отвечала общественному интересу; законодатель должен действовать таким образом, чтобы народ двигался по направлению к цели, которую он поставил перед собой.

Развращенность народа является следствием его лени и политики властей; основа добрых нравов в том, чтобы все трудились на благо родины и никто не оставался ни угнетенным, ни праздным.

Монархия держится до тех пор, пока половина народа трудится, а другая половина обладает деньгами вместо добродетели.

Французская монархия пала потому, что класс имущих вызвал у бедных отвращение к труду. Чем больше труда и деятельности в государстве, тем оно

крепче. Вот почему свободы и добрых нравов меньше в государстве, управляемом одним человеком, чем в государстве, управляемом многими: в первом случае государь обогащает множество праздных людей, а во втором — аристократия расточает меньше милостей. При народном правлении добрые нравы устанавливаются сами собой, потому что магистраты никого не развращают, все граждане свободны и все трудятся.

Если вы хотите знать, как долго просуществует ваша Республика, учтите всю производимую в Республике работу, а также посмотрите, соответствует ли скромность магистратов энергии, необходимой для исполнения возложенных на них обязанностей.

В представленной вам конституции — и пусть это не преуменьшит ее достоинств, которые я не собираюсь ни возвышать, ни принижать, — больше, по-видимому, предписаний, чем законов, больше власти, чем гармонии, больше движения, чем демократии. Она — священный образ свободы, но не сама свобода. Вот ее основной принцип — издает законы *федеративное* представительство, а исполняет их совет *представителей*.⁴ Но всеобщее представительство, образованное из отдельных представительств всех департаментов, — это уже не представительство, а конгресс; министры, исполняющие законы, не могут образовывать Совет: такой Совет был бы противоестествен. Каждый из министров исполняет решения, которые они принимают сообща; они могут легко вступать в сговор между собой; такой Совет — исполнитель своей собственной воли, его контроль над самим собой — иллюзия.

Совет и министры — вещи разные и несовместимые; если их смешивают, то народ должен искать богов на должность министров, ибо Совет делает министров неприкосновенными, а они оставляют народ без гарантий по отношению к Совету. Неустойчивый характер этой двойственности делает из Совета палку о двух концах, один из которых угрожает представительству, другой — гражданам. Любой министр найдет в Совете голоса, всегда готовые на условиях взаимности узаконить несправедливость. Исполнительная власть мало-помалу набирает силу при самом свободном правлении, какое только можно себе представить, а если эта власть и принимает решения, и исполняет их, она скоро становится независимой. Тираны разделяют народ, чтобы властвовать; разделите власти, если вы хотите, чтобы властвовала свобода. Королевская власть не есть правление одного человека. Она находит воплощение в любой силе, которая и принимает решения, и управляет. Если конституция, которую вам представили, просуществует два года, национальное представительство утратит тот престиж, который оно сегодня имеет, — оно прекратит свои заседания, когда больше не нужно будет принимать законов. Тогда останется лишь Совет, без правил и без ограничений.

Этот Совет назначается самим сувереном, и лишь его члены действительно являются представителями народа. В их руках сосредоточены все средства коррупции, под их властью находится армия, они легко обращают в свою пользу общественное мнение, злоупотребляя законами под видом законности; дух общества — в их руках, со всеми средствами принуждения и совращения. Кроме того, имейте в виду, что в соответствии с природой выборов эта королевская власть министров⁵ будет принадлежать лишь людям знаме-

нитым. Подумайте о том, каким весом обладает их авторитет, соединенный с их статусом представителей, с их могуществом, с их личным влиянием, с силой их непосредственной власти, с общей волей, которая их выдвигает и которую они всегда смогут противопоставить сопротивлению отдельного человека; представьте себе законодательный корпус, лишенный своего престижа: каковы же будут тогда гарантии свободы? Вы почувствовали, какие изменения могут произойти в стране за полгода; так кто же поручится через полгода за свободу общества, покинутого на произвол судьбы, как ребенок в колыбели — на волю волн?

Ибо не исключена возможность, что вы примете свободную конституцию, которая станет лишь торжественным и легким переходом к рабству.

В настоящий момент слабая конституция может повлечь за собой великие несчастья и новые революции, роковые для дела свободы. Конституция должна быть сильной.

Если Республика не будет низвергнута, не исключено, что через двадцать лет установится патрициат во главе с Советом министров; только знаменитые люди и члены их семей становились бы тогда министрами, ибо поддержка стольких голосов такому малому числу избираемых лиц, уважение, которое вскоре начали бы испытывать к людям, облеченным подобной властью, их соперничество, их честолюбие — все отдалило бы народ от этих постов. Законодатели свободны от подобных недостатков: они более многочисленны, они не распоряжаются общественными средствами, их положение меньше связано с управлением. Вы запретили передачу должностей по наследству, но что произойдет через пятнадцать лет? Кто знает, не будете ли тогда вы сами осуждены на основании вами же созданных законов, не подвергнитесь ли преследованиям как мятежники? Гарантия соблюдения конституции заключается лишь в ней самой. Слабая конституция просуществует недолго; она расчистит дорогу деспотизму, который задушит сопротивление и под предлогом обеспечения свободы народа подготовит и облегчит возвращение тиранов и их безнаказанность.

Вот такое зрелище видится мне в будущем, если исполнительная власть станет в Республике хозяйкой, против которой свобода окажется лишенной правовой силы. Если рассматривать национальное представительство так, как его задумал комитет, то, повторяю, оно кажется мне всего лишь конгрессом.

Совет министров назначается в некотором роде всей Республикой в целом; представительство же формируется по департаментам. Разве не было бы более естественным, чтобы представительство, блюститель единства страны и хранитель законов, избиралось всем народом, а Совет — иным способом, обеспечивающим его подчиненное положение и легкость проведения выборов.

Получается же наоборот: Совет министров, избираемый Республикой, представляет ее и становится ведущим органом, а конгресс законодателей, назначаемых департаментами, является лишь уполномоченным народа и в моральном отношении отходит на второй план. Когда я прочел со всем вниманием, какого оно заслуживает, изложение основных принципов предложенной комитетом конституции, состоящих в том, что основой законодательства

в свободном государстве является общая воля и что этот принцип определяет все, я попытался уяснить, что понимается под общей волей, ибо из этой идеи проистекает все остальное.

Общая воля, если говорить языком свободы, складывается из большинства волеизъявлений граждан, выражаемых индивидуально без постороннего влияния. Основанные на этой базе законы безусловно отражают всеобщий интерес, ибо поскольку волю каждого определяет его интерес, большинство волеизъявлений должно выражать интерес большинства.⁶

Мне кажется, комитет определяет общую волю в духовном аспекте; поскольку общая воля рассматривается чисто умозрительно, как выражение скорее духа, чем интересов общественного организма, законы отражают скорее вкусы общества, чем общую волю.

Так искажается общая воля; свобода в действительности больше не принадлежит народу, она становится чуждой процветанию общества; это — Афины, незадолго до своего конца утратившие демократию, узаконившие потерю собственной свободы.⁷

Если такое понятие общей воли распространится на земле, оно изгонит свободу, которая тогда покинет сердца и превратится в подвижную игру ума; свобода будет мыслиться в любой из возможных форм правления, ибо в воображении все теряет свою естественную форму, все искажается, и люди создают формы свободы, как глаза — различные фигуры из облаков. Сводя понятие общей воли к ее истинному значению, следует определить ее как материальную волю народа, его волю в данный момент, ибо нужно узаконить активные, а не пассивные интересы большинства.

Руссо, писавший сердцем и желавший сделать миру как можно больше добра, никогда не считал, что, беря за основу законов общую волю, можно принять в качестве ее принципа нечто чуждое ей.

Ваши действия могут привести к тому, что через двадцать лет трон будет восстановлен из-за колебаний и иллюзий в трактовке общей воли, ставшей умозрительной.

Если вы хотите республики, свяжите себя с народом и делайте все только для него; формула его счастья проста, счастье не дальше отстоит от народов, чем от отдельного человека.

Самым простым правлением не всегда оказывается то, которое представляется таковым. В Японии правление простое, но народ там угнетен. Простым правлением является такое, при котором народ независим благодаря справедливым законам и гарантиям, где народу не нужно сопротивляться угнетению, так как угнетать его невозможно; как только появляется возможность угнетения народа, его угнетают, и он долго томится в рабстве, прежде чем ему удастся разорвать цепи. Возможно, что народу предоставят право сопротивляться угнетению, но при условии установления затем еще более сильного сопротивления против народа и его свободы.

Какой-нибудь султан мог бы дать своему народу кодекс прав, но сказал бы ему при этом: *«Я желаю, чтобы эти права соблюдались; и если кто-то из вас восстанет против моей воли сделать вас свободными, я предаю его смерти»*.

Свобода должна находиться не в книгах, а в народе, ее нужно осуществить на практике.

Конституция французов должна разоблачить перед всей Европой нелепость королевской власти, показав, что она лишена цели, представительства, нравственности. Конституция должна быть простой, легкой в установлении, исполнении и распространении. Нравственность сильнее тиранов, ее принципы разошлись по всему свету, когда формы ее были еще простыми. Революции, свершившиеся в умах людей, пожирают тех, кто выступает против них. Ликургу выбили глаз,⁸ Лакедемон следовал его законам. Тираны борются с вами: пусть же они испытают на себе силу ваших законов.

Скоро просвещенные нации подвергнут суду тех, кто царствовал над ними; королям придется спасаться в пустынях, среди подобных им хищных зверей; природа вновь обретет свои права.

Все это должно стать плодом законов, которые вы примете. Не оставляйте же ни одного ростка угнетения и узурпации; уже готовы камни для строительства здания свободы, но из одних и тех же камней вы можете построить ей как храм, так и склеп.

Немного таких людей, которые втайне не мечтали бы об успехе. Расчеты честолюбия непостижимы; перекройте же все пути, ведущие к преступлению. В жизни человечества было не много примеров, когда добродетель давала людям законы, делающие их свободными: не упускайте же представившейся вам возможности. На свете немного людей, желающих блага народу ради него самого. Гордыня и честолюбие причинили много зла на земле, но их плоды умерли вместе с ними. А вы, наконец, вы будете работать на благо человечества, вы будете первыми, ибо давно уже все делалось в ущерб ему. Сколько добродетелей исчезло бесследно!

Презрение к принципам следует считать признаком тайного честолюбия.

Вернусь теперь к тому, о чем уже говорил. Главным принципом нашей Республики я считаю следующий: национальное представительство должно избираться всем народом в целом.

Тот, кто не выбран непосредственно народом, не является его представителем.⁹ Когда я говорю о представительстве народа, я вовсе не имею в виду, чтобы был представлен его суверенитет; просто решения выносятся по его поручению, а он отвергает их или принимает.

Тот, кого назначает не общая воля, представляет лишь ту часть народа, которая его назначила; представители этих отдельных групп, собираясь вместе, чтобы представлять целое, остаются все же изолированными друг от друга частями, лишенными связей с избравшими их людьми, они не образуют законного большинства. Общая воля неделима: вы сами позавчера заявили об этом; общая воля распространяется не только на законы, но и на представительство, и так должно быть, ибо оно принимает решения от имени народа в повседневных актах, где голос самого народа не слышен. Следовательно, представительство и законы имеют общее основание. Представительство не должно основываться ни на территориальном делении, ни на разделении населения, части которого были бы представлены в соответствии с их численностью. Законы, даже самые простые, не должны основываться на федератив-

ном представительстве, ибо большинство в конгрессе имеет власть лишь благодаря добровольной поддержке всех частей державы, а суверен, если он расчленен, прекращает свое существование.

Таким образом, представители должны избираться путем изъявления общей воли в порядке, определенном количеством поданных за них голосов.

Я уже доказал, что министры, составляющие исполнительную власть, не могут образовывать Совет.

Совет — это промежуточный орган между представителями и министрами, обеспечивающий гарантии народу; этих гарантий не существует, если министры и Совет не отделены друг от друга.

Совет не должен иметь характера представительного органа: нельзя представить народ в исполнении его воли. Если же Совет избирается общей волей, он возводится в ранг представительного органа и власть его становится грозной и опасной. Поэтому я считаю, что члены Совета должны избираться по департаментам; такой неделимый Совет благодаря концентрации управления в его руках способствовал бы единству Республики.

Единство Республики сохраняется через единство управления, но такое единство может быть гарантировано только осуществлением общей воли и единства представительства. Подчинив Совет, вы сможете доверить ему охрану основных законов, не опасаясь, что он их нарушит.

Всякий конгресс делает конституцию федералистской, и что бы ни делали, что бы ни думали, как бы ни лгали, Республика погибнет рано или поздно, и причиной ее гибели будет конгресс представителей.

Таковы принципы конституции, равновесие которой заключено в ней самой. Впрочем, *как бы хороша ни была конституция, она не сможет долго существовать, если общая воля не находит точного выражения в законах и представительстве или если она применяется для создания органов власти, из которых она делает соперников представительству и законам.*

Позвольте представить вам скромный опыт конституции, задуманный в соответствии с изложенными принципами. Он может вызвать новые идеи у тех, кто мыслит лучше меня.

ОПЫТ КОНСТИТУЦИИ¹⁰

«Невозможно царствовать и не быть виновным».¹¹

Общие положения

Ст. 1. Конституция государства призвана обеспечить осуществление законных прав и обязанностей людей. Всякий народ, у которого осуществление и обеспечение этих прав и обязанностей не является принципом общественного устройства, не имеет конституции.

Ст. 2. Представители народа и магистраты не поставлены выше граждан. Подчинение, установленное ради гармонии управления, не есть превосходство; вся власть воплощена в законах, все величие воплощено в нации.

Ст. 3. Граждане неприкосновенны и священны друг для друга; ни в каком случае они не могут принуждать друг друга иначе как по закону.

Ст. 4. Иностранцы, честность в торговле и в соблюдении договоров, гостеприимство, мир, суверенитет народов, все это является священным. Отечество свободного народа открыто для всех людей Земли.

Ст. 5. Власть человека несправедлива и тиранична; законная и справедливая власть заключена в законах.

ОПЫТ КОНСТИТУЦИИ ДЛЯ ФРАНЦИИ

Часть первая

Глава первая

Ст. 1. Франция является республикой, ее государственное устройство — представительное; национальное представительство основывается не на территориальном делении, не на желании той или иной части населения; оно основывается на непосредственном изъявлении общей воли.

Общая воля неделима. Она рассматривается как целое.

Национальное представительство обладает исключительным правом принимать решения.

Ст. 2. Республика едина и неделима.

Ст. 3. Национальное представительство, правительство, командование армиями, магистратуры являются временными.

Ст. 4. Французский народ представлен Национальным собранием, которое издает законы.

Ст. 5. Управление поручается Совету, который приводит законы в исполнение.

Ст. 6. Совет приводит законы в исполнение через своих министров и агентов.

Ст. 7. Управление на местах осуществляется директориями под наблюдением Совета и советами общин под наблюдением директорий.

Ст. 8. Члены Совета Республики, министры, члены администрации суть уполномоченные нации; они не являются ее представителями.

Ст. 9. Представители народа избираются непосредственно народом; его уполномоченные назначаются вторичными собраниями в соответствии с порядком, определенным Конституцией.

Глава II

Об <административном> делении Франции

Ст. 1. Территория находится под защитой и покровительством суверена; она так же неделима, как неделим суверен.

Ст. 2. Принцип деления государства — не по территории, а по населению; деление устанавливается в целях осуществления прав народа, для того чтобы обеспечить действенность и единство управления.

Ст. 3. Деление Франции на департаменты сохраняется; каждый департамент имеет свой административный центр.

Ст. 4. Население каждого департамента делится на три округа; каждый округ имеет свой административный центр.

Ст. 5. Население городов и деревень, входящих в округ, делится на коммуны, по 600—800 избирателей в каждой; каждая коммуна имеет свой административный центр.

Ст. 6. Суверенитет нации пребывает в коммунах.

Глава III

О состоянии гражданства

Ст. 1. Каждый, кто достиг двадцати одного года и прожил в одной коммуне год и один день, имеет право голосовать в народных собраниях.

Ст. 2. Каждый, кто достиг двадцати пяти лет и прожил в одной коммуне год и один день, имеет право быть избранным на любые должности.

Ст. 3. Закон не признает среди граждан ни господ, ни прислуги. Закон признает равное и священное распределение обязанностей между тем, кто трудится, и тем, кто ему платит.

Ст. 4. Государственные служащие, военные, несущие службу, представители народа, члены Совета, министры лишаются права голоса на тот период, когда они исполняют свои обязанности.

Ст. 5. Каждый имеет право обратиться в Национальное собрание с петицией; подавший петицию не может быть подвергнут преследованию за выраженное им мнение. Если Национальное собрание отказывается его выслушать, оно тем самым попирает его права; народ имеет право лишить доверия тех, кто не выступил прямо и открыто против такого нарушения прав человека.

Глава IV

О выборах

Ст. 1. Коммуны и вторичные собрания организуются следующим образом:

Ст. 2. Старейший по возрасту временно становится председателем; трое следующих за ним по возрасту — счетчиками; самый молодой исполняет обязанности секретаря.

Ст. 3. Затем собрание избирает абсолютным большинством голосов председателя, трех счетчиков и секретаря.

Ст. 4. Все голоса на выборах подаются открыто.¹²

Ст. 5. Никто не может послать заместителя ни в коммуна, ни во вторичное собрание; отсутствие без уважительной причины является позором.

Ст. 6. Отсутствующие без уважительной причины присуждаются собранием к штрафу, который не может превышать 100 ливров.

Ст. 7. Споры, возникшие между гражданами в собраниях коммун или во вторичных собраниях, выносятся на рассмотрение судов, которым они подведомственны.

Глава V

О Национальном собрании и о коммунах

Ст. 1. Национальное собрание едино и неделимо.

Ст. 2. Все постановления, принятые частью Собрания отдельно от его большинства, недействительны.

Ст. 3. Собрание избирается на два года; каждый такой период является легислатурой.

Ст. 4. Число представителей равно 341.

Ст. 5. Коммуны собираются, согласно закону, каждые два года, 1 мая, чтобы избрать новый состав Национального собрания.

Ст. 6. Совет провозглашает время возобновления легислатуры.

Ст. 7. Каждый гражданин подает свой голос на выборах представителя; представительство создается единым голосованием всего народа; каждый гражданин отдает свой голос за избрание одного представителя.

Согласно закону, выборы заканчиваются 4 мая; после этой даты голоса, поданные за избрание тех или иных представителей, не засчитываются.

Ст. 8. Председатели коммун передают в директории округов отчеты о результатах голосования, подписанные ими, а также счетчиками и секретарями.

Ст. 9. Директории передают министру всеобщего голосования, о котором речь пойдет ниже, результаты подсчета голосов в подведомственных им округах.

Ст. 10. Директории обнародуют результаты подсчета голосов.

Ст. 11. Министр всеобщего голосования от имени Совета представляет Национальному собранию общие результаты подсчета голосов и список избранных в порядке, определяемом количеством поданных голосов. Этот список подписывается министром всеобщего голосования, под его ответственность; список хранится в архивах Совета.

Ст. 12. Председатель Национального собрания провозглашает 341 гражданина, набравшего наибольшее количество голосов в Республике, представителями народа.¹³

Ст. 13. Общие результаты подсчета голосов должны быть обнародованы.

Ст. 14. Если голоса разделились поровну, предпочтение отдается старшему по возрасту.

Ст. 15. Коммуны не могут лишить гражданина избирательного права, за исключением случаев, предусмотренных конституцией.

Ст. 16. На протяжении срока легислатуры каждый гражданин имеет право предлагать кандидатов для следующей легислатуры; каждый имеет право публично подвергать их цензуре.

Глава VI

О порядке деятельности Национального собрания

Ст. 1. Граждане, избранные в Национальное собрание, оповещаются об этом объявлением Совета.

Ст. 2. Они собираются 20 мая там, где проходили заседания предыдущего Собрания.

Ст. 3. Собрание открывается под временным председательством старшего по возрасту члена предыдущего Собрания; он представляет Собранию положение дел в Республике и ее бюджет.

Ст. 4. Самый молодой член Собрания временно исполняет обязанности секретаря.

Ст. 5. Затем Собрание открытым голосованием избирает председателя и четырех секретарей; их имена объявляет временный председатель.

Ст. 6. Заседания Национального собрания проводятся публично.

Ст. 7. Оно может переносить заседания и устраивать перерывы в заседаниях; оно не имеет права объявить о своем роспуске.

Ст. 8. Его председатель избирается на 15 дней; секретари сменяются каждый месяц.

Ст. 9. Когда Национальное собрание возобновляет свои заседания после перерыва, старший по возрасту временно исполняет обязанности председателя, а младший — секретаря.

Ст. 10. Национальное собрание может разойтись только для того, чтобы сделать перерыв в заседаниях.

Ст. 11. Если через двадцать дней после объявления, известившего всех его членов, Национальное собрание собралось не в полном составе, оно окончательно и бесповоротно назначает на места отсутствующих без уважительной причины соответствующее число лиц, заступающих на их место, в порядке количества полученных ими голосов (после 341 избранного); всякое замещение производится таким же порядком в соответствии с результатами общего подсчета голосов. Если список окажется исчерпанным, народ созывают на собрания.

Ст. 12. Национальное собрание ни в каком случае не сможет разделяться на комитеты; оно обсуждает предложения своих членов в том порядке, в каком они были внесены.

Ст. 13. В промежутках между заседаниями члены Национального собрания не могут быть ни третейскими судьями, ни присяжными; они не могут занимать никакой должности, гражданской или военной; они не могут голосовать.

Ст. 14. Декреты и постановления Национального собрания не могут приводиться в исполнение до того, как они будут оглашены трижды, в три разные дня, или если число голосовавших было менее 251.

Ст. 15. Национальное собрание не может назначать особые комиссии из своего состава, за исключением случаев, когда требуется получить от них от-

чет по частному вопросу; оно не может ни перепоручать обязанности, ни издавать новые полномочия, ни нарушать уже существующие.

Ст. 16. Голоса в Национальном собрании подаются открыто; любой другой способ подачи голосов воспрещается.

Ст. 17. Национальное собрание имеет право подвергать цензуре в своей среде поведение своих членов; оно не имеет права подвергать цензуре их мнения. Оно не имеет права выдвигать обвинение против своих членов; если их обвиняют перед Собранием, оно в случае необходимости заставляет их предстать перед трибуналом.

Оно не может лишать своих членов слова и нарушать порядок получения ими слова; оно не может отказаться поставить на голосование их предложения на следующий день; оно не может лишать их права голоса; оно не может выносить решения в тайне.

Ст. 18. Члены Национального собрания могут быть избраны вновь не ранее чем после двухлетнего перерыва; они не могут быть избраны на любую другую должность; они не могут быть привлечены к ответственности кем бы то ни было за те мнения, которые высказывались ими в законодательном органе.

Глава VII

О функциях Национального собрания

Ст. 1. Национальное собрание ратифицирует объявление войны; оно ратифицирует международные договоры, выбор послов.

Ст. 2. Оно выбирает, смещает, обвиняет перед уголовными судами Республики армейских и флотских военачальников; оно обвиняет министров и агентов центральной администрации; оно направляет в уголовный суд своих членов и членов Совета, обвиненных перед Собранием.

Ст. 3. Оно распоряжается отчуждением национальных имуществ, устанавливает общественные налоги, определяет их размеры, их природу, а также устанавливает, в какой форме, в продолжение какого времени и каким способом они будут взиматься.

Оно устанавливает пенсии и награды, а также выносит постановления о почестях, воздаваемых памяти великих людей, и о триумфах в честь армий.

Оно определяет форму, пробу, вес и внешний вид монет.

Оно разрешает или запрещает проход войск иностранного государства по территории Республики.

Ст. 4. Национальное собрание не может никаким международным договором изменить законы Республики, уступить часть территории, обязать Республику платить контрибуцию или выдать человека.

Ст. 5. Оно распускает армию.

Ст. 6. Все общественные постановления издаются и вся официальная корреспонденция ведется от имени законодательного органа.

Глава VIII

О вторичных собраниях

Ст. 1. Члены коммун, после того как они подали голоса на выборах представителей и прежде чем разойтись, избирают таким же порядком одного выборщика на каждые двести избирателей коммуны, присутствующих или отсутствующих; если число избирателей превышает число кратное двумстам, более чем на 50, добавляется еще один выборщик.

Ст. 2. По призыву Национального собрания выборщики собираются в административных центрах своих департаментов, чтобы избрать новых членов Совета и их заместителей или заменить выбывших.

Ст. 3. Вторичные собрания решают только те вопросы, которые связаны с назначением магистратов из числа членов этих собраний и надзором за ними.

Ст. 4. Вознаграждение, причитающееся выборщикам, устанавливается ежегодно постановлением законодательного органа.

Ст. 5. Состав выборщиков сменяется ежегодно в мае месяце.

Глава IX

О Совете

Ст. 1. Совет един и неделим; он действует постоянно.

Ст. 2. В его состав входит по одному члену и по два его заместителя от каждого департамента.

Ст. 3. Сессия Совета продолжается три года. Вторичные собрания собираются 15 ноября, чтобы избрать новый его состав.

Ст. 4. Члены Совета не могут быть избраны вновь ранее чем после трехлетнего перерыва. Они могут быть избраны на любую другую должность.

Глава X

О порядке деятельности Совета

Ст. 1. Члены вновь избранного Совета собираются 1 января там же, где проходили заседания предыдущего Совета.

Ст. 2. Старший по возрасту член предыдущего Совета вводит в должность новый Совет и временно в нем председательствует; он докладывает Совету о положении дел в Республике и о ее бюджете; самый младший член нового состава Совета временно исполняет обязанности секретаря.

Ст. 3. Затем Совет открытым голосованием выбирает председателя и двух секретарей; председатель сменяется каждые пятнадцать дней; секретари подлежат смене каждый месяц.

Ст. 4. Совет не может прервать свою деятельность, он не может объявить о своем роспуске, он не может быть кем-либо распущен.

Ст. 5. Заседания Совета проводятся публично.

Ст. 6. Все решения Совета принимаются открытым голосованием.

Ст. 7. Совет не может образовывать комитеты; он выносит решения по предложениям своих членов в том порядке, в каком они были внесены. Совет имеет право подвергать цензуре в своей среде поведение своих членов; он не имеет права подвергать цензуре их мнения; он обвиняет своих членов перед Национальным собранием, которое в случае необходимости заставляет их предстать перед трибуналом.

Глава XI

О функциях Совета

Ст. 1. Обязанность Совета — приводить в исполнение законы, декреты и постановления законодательного органа; его надзору поручены избирательная деятельность и правильность подсчета голосов на выборах.

Ст. 2. Он руководит военными операциями; он принимает и назначает послов, он представляет на рассмотрение Национального собрания такие вопросы, как заключение мира и объявление войны, международные договоры, общественные расходы, набор армии, общая сумма налогов; он распоряжается изготовлением денег, он осуществляет надзор за свободой внутренней и внешней торговли, за выполнением договоров и общественных обязательств; он осуществляет сношения с правительствами иностранных государств и с колониями.

Ст. 3. Он не назначает и не смещает военачальников; он назначает и смещает агентов военной администрации; он назначает почтовых, портовых, таможенных служащих.

Ст. 4. Список всех агентов, находящихся на службе у Совета, публикуется; каждый гражданин имеет право подвергнуть их цензуре; он может обвинить их перед Национальным собранием. Совет может обвинить своих министров и своих агентов перед Национальным собранием.

Ст. 5. Совет покровительствует сельскому хозяйству, он заботится об избиллии, он распределяет прямые налоги, он представляет Национальному собранию проекты улучшения земель, вопросы о вознаграждениях и компенсациях.

Он заботится о поддержании дорог, почтового сообщения, укреплений, внутреннего судоходства, шахт, лесов, национальной собственности; он надзирает за производством оружия и пороха.

Ст. 6. Он выносит решения о триумфах в честь армий; он покровительствует искусствам, талантам, общественным учреждениям.

Ст. 7. Совет действует только в соответствии с законами и декретами Национального собрания; только он занимается общим управлением; ему не подведомственны ни соглашения между частными лицами, ни вопросы, связанные с состоянием гражданства.

Ст. 8. Совет дает поручения военачальникам, которых назначило Национальное собрание; он может предъявить им обвинение только перед Собранием.

Глава XII

О министрах

Ст. 1. Министры исполняют только решения Совета.

Ст. 2. Министров избирает Совет абсолютным большинством голосов.

Ст. 3. Министры не образуют Совета; они действуют раздельно и не имеют связи друг с другом.

Ст. 4. Имеется министр сухопутных войск;

Министр морских сил;

Министр иностранных дел;

Министр торговли и продовольствия;

Министр общей полиции;

Министр всеобщего голосования и законов;

Министр финансов;

Министр бюджета;

Министр государственного казначейства.

Ст. 5. Министры назначаются и смещаются Советом; на заседаниях Совета им отведены особые места; они обладают совещательным голосом.

Совет не выносит решений в их присутствии.

Ст. 6. Министры не располагают личной властью.

Глава XIII

Об отношениях между Советом и Национальным собранием

Ст. 1. Национальное собрание и Совет являются хранителями конституции.

Ст. 2. Как только члены Совета вступили в должность, они сообщают об этом Национальному собранию, направив туда шесть своих членов.

Ст. 3. Национальное собрание вызывает Совет на свои заседания всякий раз, когда сочтет это нужным.

Ст. 4. В зале заседаний Национального собрания Совету отводятся специальные, отделенные от других, места.

Ст. 5. Совет имеет постоянное местопребывание вблизи законодательного органа; он созывает Собрание во время общественных бедствий или в случае войны.

Ст. 6. Национальное собрание поручает Совету предлагать мир.

Ст. 7. Декреты Национального собрания представляет Совету министр законов. Совет передает их на регистрацию и исполнение.

Ст. 8. Декрет может быть направлен Советом на рассмотрение народа, если он противоречит тексту Декларации прав человека или если число проголосовавших за него в Национальном собрании было менее 251.

Ни в каком ином случае Совет не может приостановить исполнение законов.

Ст. 9. После того как Совет вынес постановление «направить на рассмотрение народа», он является в Национальное собрание; председатель Совета приводит обоснование того, почему декрет был направлен на рассмотрение, и произносит следующую формулу: «Да будет выслушан народ»; сразу после этого Совет удаляется.

Ст. 10. Национальное собрание может взять декрет обратно или предложить его народу в порядке, который будет изложен ниже.

Ст. 11. Национальное собрание и Совет не могут принимать решения в присутствии друг друга; председатель Национального собрания носит шляпу.^{14, 15}

Глава XIV

Об утверждении законов, о мнениях коммун и о конвентах

Ст. 1. Акты текущего законодательства, вызванные теми или иными событиями и нуждами общественного управления, не подлежат утверждению народом.

Конституция государства должна быть принята и одобрена народом; всякое намерение изменить ее после того, как было получено это одобрение, должно быть представлено на суд народа.

Ст. 2. Идея любого изменения конституции должна исходить от коммун.

Ст. 3. Если большинство коммун одобрило декрет, направленный на рассмотрение народа; если в течение срока легислатуры большинством коммун будет выражено пожелание внести изменение <в конституцию>, Национальное собрание должно созвать специальный конвент по вопросу об этом декрете или об этом изменении.

Ст. 4. Конвенты выносят решения только относительно того изменения или того декрета, которые были представлены им на рассмотрение; они состоят из такого же числа членов, что и Национальное собрание; они создаются тем же порядком и собираются в месте, указанном Национальным собранием, на расстоянии не менее двадцати лье от этого последнего; сессии таких конвентов продолжаются один месяц; по истечении этого срока Национальное собрание распускает их.

Ст. 5. Конвент снова собирает и проверяет мнения, высказанные коммунами, формулирует закон и представляет его на рассмотрение народных собраний.

Ст. 6. Народные собрания собираются не ранее чем через месяц после того, как было объявлено об их созыве.

Ст. 7. Если представитель народа или член Совета изменил нации и утратил ее доверие, коммуны имеют право собраться и объявить об этом.

Ст. 8. Если коммуны высказывают свое мнение относительно внесения изменения в конституцию либо по поводу декрета, по поводу одного или нескольких членов Совета или законодательного органа, во всех этих случаях мнение коммун учитывается следующим образом:

Ст. 9. Коммуны собираются таким же порядком, как для избрания представителей.

Ст. 10. Каждый гражданин выражает свое мнение, сказав «да» или «нет».

Ст. 11. Мнение большинства — это мнение коммуны. Мнение, высказанное коммуной, не учитывается, если она при этом не собралась законным порядком.

Ст. 12. Председатель передает директории мнение коммуны. Директория немедленно передает гласности мнение коммун округа.

Ст. 13. Директории передают мнение коммун министру всеобщего голосования.

Ст. 14. Министр всеобщего голосования докладывает об этих мнениях Национальному собранию по мере того, как получает их.

Ст. 15. Мнения коммун о законах и о членах Совета или Национального собрания должны быть получены в течение срока одной легислатуры; по истечении срока легислатуры запоздавшие мнения не учитываются.

Ст. 16. Если большинство коммун не выразило своего мнения, мнение остальных остается без последствий.

Ст. 17. Член Совета или Национального собрания, обвиненный одной из коммун, обязан объяснить свое поведение или снять с себя полномочия.

Член <Совета или Национального собрания>, лишившийся доверия большинства коммун, должен предстать перед трибуналом.

Ст. 18. Любое нарушение в проведении всеобщего голосования карается законом.

Глава XV

О директориях округов

Ст. 17 Директории состоят из восьми членов и одного прокурора-синдика, избранных абсолютным большинством голосов на вторичном собрании округа.

В городах, в которые входит несколько округов, должна быть только одна директория; в ее состав должны входить по восемь членов от каждого округа, избранных вторичными собраниями округов, и прокурор-синдик, избранный вторичным собранием департамента.

Ст. 2. Эти собрания должны избирать, кроме того, восемь заместителей членов директории и одного заместителя прокурора-синдика; директории выбирают своих секретарей.

Ст. 3. Прокурор-синдик облечен правом требовать исполнения законов, а также приказов Совета; он имеет право решающего голоса.

Ст. 4. Заседания директорий проходят публично; они избирают председателя не из своей среды.

Ст. 5. Председатель имеет совещательный голос.

Ст. 6. Директориям поручается политическое управление округом.

Им не подведомственны споры между общинами; эти споры улаживаются арбитрами; им не подведомственно состояние гражданства; они не распоряжаются общественными средствами, не собирают налоги; они ведут набор в армию по приказанию совета.

Ст. 7. Под наблюдением совета директории осуществляют общий полицейский надзор.

Ст. 8. Совет может обвинить их перед Национальным собранием, которое в случае необходимости приказывает сменить их состав, а их самих направить в уголовный суд.

Ст. 9. На жалобы, поданные в директории, должен быть дан ответ в течение месяца; в противном случае заинтересованные стороны могут привлечь директорию к ответственности через уголовный суд, который присуждает их к возмещению убытков.

Ст. 10. Протесты против решений, принятых директориями, передаются министрам, которые в месячный срок представляют их Совету, под страхом быть обвиненными перед Национальным собранием.

Ст. 11. Решения директорий не подведомственны судам.

Ст. 12. Судебные решения не подведомственны директориям.

Ст. 13. Члены директорий, секретари, прокуроры-синдики и их заместители сменяются каждые два года, 1 марта. Они могут быть избраны вновь лишь после двухлетнего перерыва.

Глава XVI

О советах общин

Ст. 1. В каждой сельской коммуне имеется совет общин.

Ст. 2. Члены этих советов избираются жителями соответствующих общин, по одному от каждой общины.

Ст. 3. Эти советы собираются в деревнях, в административных центрах коммун.

Ст. 4. Совет избирает председателя и секретаря не из своего состава.

Ст. 5. Председатель ведет служебную переписку с директорией. Он получает предписания и созывает совет.

Ст. 6. На эти советы возлагается распределение прямых налогов, ремонт и строительство дорог, ведение общественных работ, набор в армию в общинах и другие административные действия, доверенные им директориями.

Ст. 7. В городах каждая коммуна избирает одного члена совета общины.

В каждом городе, каково бы ни было его население, имеется только один совет общины.

Этот совет выполняет те же функции, что и в деревнях; он избирает председателя и секретаря и ведет служебную переписку с директориями.

Ст. 8. Сельские общины, входящие в городские коммуны, имеют свой особый совет.

Сельские общины, входящие в состав городских коммун, выбирают одного члена в совет городской общины.

Ст. 9. Председатели советов общин имеют право голоса в том случае, если голоса разделились поровну.

Ст. 10. Советы общин и их председатели сменяются каждый год 1 января. Секретари могут оставаться прежние.¹⁶

Глава XVII

О вводной части законов

Ст. 1. Законы имеют следующую вводную часть: *«Именем Национального собрания и французского народа»* всем и т. д. приказываем и т. д.

Ст. 2. Они регистрируются Советом, директориями, уголовными судами, национальным трибуналом, кассационным трибуналом, мировыми судьями, советами общин и мэрами.

Их оглашают в воинских частях перед строем.

Часть вторая

Глава первая

О гражданском правосудии

Ст. 1. Гражданское правосудие осуществляется третейскими судьями.

Ст. 2. Третейскому судье должно быть не менее тридцати полных лет.

Ст. 3. Приговоры третейских судей обжалованию не подлежат, если сумма не превышает 100 ливров.

Глава II

О мэре и о жюри безопасности

Ст. 1. Каждая городская и деревенская община избирает мэра и прокурора общины; они сменяются ежегодно, одновременно с советами общин.

Ст. 2. Каждая сельская община и городская коммуна избирают письмоводителя, которому поручается доставлять по назначению полицейские постановления.

Ст. 3. Письмоводитель выбирается на один год и может быть переизбран.

Ст. 4. Мэр распоряжается единолично в том, что касается здоровья населения, общественных церемоний, зрелищ, мер предосторожности против вредных и опасных животных, эпидемий.

Ст. 5. Во всех случаях, когда нужно уладить споры, прокурор общины вызывает заинтересованные стороны через чиновника военной полиции; жюри безопасности квалифицирует деяние; мэр применяет закон или выносит решение о передаче дела в трибунал соответствующей компетенции.

Ст. 6. Жюри безопасности составляется из граждан, избираемых по жребию сроком на один год из числа всех граждан общины.

Мэр и прокурор общины избираются сроком на один год и могут быть избраны вновь лишь после перерыва в один год.

Глава III

Об общественных беспорядках

Ст. 1. Каждые два года, тогда же, когда происходит смена законодательной власти, каждая коммуна избирает шестерых старцев, уважаемых за их добродетели; их обязанность — быть миротворцами в случаях народных волнений.

Ст. 2. Эти старцы носят трехцветную перевязь и белый плюмаж; когда они появляются с этими атрибутами, народ умолкает и заставляет замолчать всякого, кто продолжает бесчинствовать; народ признает этих старцев третьими судьями.

Ст. 3. Если беспорядки продолжаются, старцы объявляют, что закон скорбит. Тех, кто оскорбляет старцев, объявляют злонамеренными и лишают статуса гражданина.

Ст. 4. В случае серьезных беспорядков дирекции и мэры общин могут потребовать в помощь вооруженные силы.

Старцы не обращаются с требованием применить вооруженную силу.

Они не уходят до тех пор, пока не разойдется собрание.

Если беспорядки возникают на всей территории Республики, собираются коммуны и поддержание законов возлагается на народ.

Ст. 5. Если один из старцев будет убит, Республика объявляет траур на один день; все работы прекращаются.

Ст. 6. Старцы не могут быть избраны ни на какую должность, пока продолжается срок их обязанностей.

Глава IV

О мировом суде и о мировом суде присяжных

Ст. 1. Суды вершат правосудие «именем суверенного народа».

Ст. 2. В каждом округе должен быть мировой судья и мировой суд присяжных.

Ст. 3. Мировые судьи и их письмоводители избираются вторичными собраниями округов.

Ст. 4. Мировой судья и мировой суд присяжных выносят решения по апелляциям на приговоры третейских судей, если сумма превышает 100 ливров. Они не выносят приговоров по существу спора; в случае необходимости они направляют тяжущиеся стороны на суд других третейских судей и новый приговор апелляции не подлежит.

Ст. 5. Мировой судья устанавливает факты преступления против собственности в округе и передает виновных общественным обвинителям уголовных судов.

Ст. 6. Мировой суд присяжных устанавливает нарушения приговоров третейского суда и назначает штрафы.

Ст. 7. Мировой суд присяжных сменяется ежемесячно; он состоит из пяти граждан, избранных по жребию из числа граждан округа.

Ст. 8. Нарушения приговоров мирового судьи и мирового суда присяжных разбираются в уголовных судах и караются позорящими наказаниями.

Глава V

Об уголовных судах

Ст. 1. Уголовные суды назначаются вторичными собраниями департаментов.

Ст. 2. Местом их пребывания является административный центр департамента.

Ст. 3. В состав суда входят пятнадцать судей.

Ст. 4. Уголовный суд делится на три трибунала, в каждом по пять судей.

Ст. 5. Пять судей, которых назначили первыми, составляют первый трибунал; пять судей, избранных следом за первыми, составляют второй трибунал; судьи, избранные в последнюю очередь, составляют третий.

Ст. 6. Вторичные собрания назначают при каждом из трех трибуналов общественного обвинителя, цензора и письмоводителя.

Ст. 7. В каждом из трибуналов председательствует судья, старший по возрасту.

Ст. 8. Первый трибунал занимается умышленными убийствами и выносит только смертные приговоры.

Второй трибунал занимается преступлениями против состояния гражданства, совершенными частными лицами; он ведает преступлениями против собственности и приговаривает только к лишению свободы.

Третий трибунал занимается нарушениями приговоров мировых судей и мировых судов присяжных; он приговаривает только к позорящим наказаниям.

Штрафы, наложенные коммунами и вторичными собраниями, предъявляются ко взысканию общественным обвинителем этого трибунала.

Ст. 9. Все три трибунала объединяются в один уголовный суд, когда нужно судить преступления общественных служащих по обвинению, исходящему от Национального собрания.

При уголовных судах имеется цензор.

Ст. 10. В уголовном суде председательствует судья, старший по возрасту.

Ст. 11. В уголовном суде и в трибуналах дело рассматривается присяжными.

Ст. 12. Цензоры облечены правом требовать исполнения законов; они выступают в защиту невиновных; они докладывают в кассационный трибунал о незаконных приговорах трибуналов и уголовных судов.

Ст. 13. Судьи, общественные обвинители, цензоры, письмоводители уголовных судов сменяются каждые пять лет, 1 мая, и могут быть избраны на новый срок.

Ст. 14. Трибуналы являются хранителями нравов и блюстителями законов. Они непреклонны.

Глава VI

О кассационном трибунале

Ст. 1. Кассационный трибунал состоит из сорока трех судей, которых берут поочередно из разных департаментов; их назначают вторичные собрания департаментов.

Ст. 2. Национальное собрание назначает цензора при этом трибунале; цензор сменяется ежегодно, 1 июля; он может быть избран вновь не ранее чем через год.

Ст. 3. Председательствует в кассационном трибунале старший по возрасту из судей; трибунал выбирает письмоводителя.

Ст. 4. Этот трибунал не выносит решений по существу разбираемого дела; он занимается явными нарушениями закона и процедуры; он отменяет приговоры и поручает рассмотрение дела другим судьям.

Ст. 5. Решения третейских судей кассации не подлежат.

Ст. 6. Члены кассационных трибуналов сменяются каждые шесть лет и могут быть избраны вновь не ранее, чем через шесть лет.

Глава VII

Общие статьи

Ст. 1. Никто после окончательного оправдательного приговора не может быть снова привлечен по тому же делу.

Ст. 2. Никто не может быть лишен полномочий, установленных законом.

Ст. 3. Случаи, не предусмотренные законом, судьи передают на рассмотрение законодательному органу.

Закон имеет обратную силу лишь по отношению к изменникам родины.¹⁷

Ст. 4. Всякий, кто нарушил права человека по отношению к преступнику или осужденному, должен быть наказан.

Ст. 5. Трибуналы не исполняют административных функций.

Ст. 6. Должен быть составлен кодекс гражданских и уголовных законов.

Глава VIII

О вооруженных силах страны

Ст. 1. Вооруженные силы страны — это народ в целом, вооруженный для того, чтобы обеспечить исполнение законов.

Ст. 2. Армия составляет часть нации.

Ст. 3. Республика содержит в мирное время вооруженные силы, достаточные, чтобы противостоять любому внезапному нападению и обеспечить уважение к законам.

Ст. 4. В военное время каждый гражданин считается мобилизованным; французская молодежь должна быть обучена владеть оружием.

Ст. 5. Не существует звания генералиссимуса.

- Ст. 6. Знамена сухопутных и морских сил несут национальные цвета.
Ст. 7. Армия, которая выбирает себе командующего, объявляется мятежной,¹⁸ она распускается.
Ст. 8. В триумфальных шествиях генералы идут позади своих армий.
Ст. 9. Французская армия не может сложить оружие, не опозорив себя.

Глава IX

О международных отношениях

Ст. 1. Французский народ объявляет себя другом всех народов. Он будет свято уважать договоры и нейтралитет государств; в своих гаванях он предлагает убежище судам всех стран; он предлагает убежище великим людям, преследуемой добродетели всех стран; его корабли будут оказывать помощь кораблям иностранных государств, терпящим бедствие на море.

Французский народ будет уважать на своей земле иностранцев и их обычаи.

Ст. 2. Француз, проживающий в иностранном государстве, иностранец, проживающий во Франции, могут получать наследство и приобретать <собственность>; однако они не могут ее отчуждать.

Ст. 3. Сироты — дети иностранцев, отцы и матери которых скончались во Франции, будут воспитываться на средства Республики и будут переданы своим семьям, если те этого потребуют.

Ст. 4. Республика берет под свое покровительство всех, кто был изгнан из своей родной страны за священное дело свободы.

Ст. 5. Она отказывает в убежище убийцам и тиранам.

Ст. 6. Французская Республика не возьмется за оружие с целью порабощения и угнетения другого народа.

Ст. 7. Она никогда не заключит мир с врагом, занимающим ее территорию.

Ст. 8. Она будет заключать только такие договоры, которые имеют целью мир и счастье народов.

Ст. 9. Французский народ выступает за свободу во всем мире.

О КОНСТИТУЦИОННОМ ДЕЛЕНИИ ТЕРРИТОРИИ

(Речь, произнесенная в Национальном конвенте 15 мая 1793 г.)

Прежде чем говорить о подходящем для Франции административном делении, я должен определить его принципы; выводы последуют сами собой.

Деление монархии осуществляется по территориальному принципу; домен¹ является собственностью государя; отдельные части домена, управляемые губернаторами, являются точками опоры его власти, они разобщают его с народом. У каждой провинции свой дух; провинции связывает друг с другом лишь власть господина.

В Республике же деление должно исходить из принципа населения; деление по территориальному принципу приводит лишь к разобщению народа.

Сейчас, когда вам предлагают разделить территорию страны, мне кажется, что принципы деления еще недостаточно ясны, что территориальное деление, связанное с вопросами юрисдикции, не следует смешивать с делением Франции, т. е. собственно Республики.

Если деление основано на территориальном принципе, народ разобщен, власть концентрируется в правительстве, трудно соединить воедино расчлененный суверен. Если деление исходит из принципа населения — по трибам² или коммунам, — то, поскольку такое деление имеет целью осуществление избирательного права и изъявление общей воли, суверен образует единое целое и республика действительно существует.

Соединенные Штаты Америки, где это различие не было установлено, естественно, не признали и того, что единство республики заключается в делении по принципу населения, в единстве национального представительства, в свободном изъявлении общей воли.

Это федеративное государство действительно не является республикой; вот почему законодатели Нового Света в своем своде законов предусмотрели принцип отделения. Рано или поздно (пусть этот день наступит как можно позднее) один штат вооружится против другого, в рядах представителей произойдет раскол и Америка превратится в конфедерацию наподобие Греции.

Когда предлагают территориальный принцип деления, создается впечатление, что нас хотят лишить возможности говорить о другом принципе деления Республики.

Вы пожелали, чтобы для прояснения проблемы вам задавали вопросы. Вам же предложили лишь ряд тем, а вопросы остаются незадавленными.

Представляется, что если бы сначала была определена природа правления, то это определило бы и принципы административного деления. Начинать с деления — значит ставить повозку впереди лошади.

Но поскольку так уже было решено, я остановлюсь лишь на вопросе об административном делении.

Большинство, мне кажется, склонно сохранить существующее деление французской территории на 85 департаментов. Это при монархии деление исходило из территориального принципа; республиканская Конституция должна исходить из деления населения таким образом, чтобы не земельная площадь образовывала департамент, но чтобы под департаментом понималась та часть населения, которая на ней живет.

Если бы эта часть народа попыталась отделиться от остальной нации и отделить свою территорию, тогда вмешался бы суверен, чтобы сохранить целостность домена; тогда Республика благодаря Конституции была бы действительно неделимой.

Но если под департаментом понимается часть территории, то суверенитет ее ограничивается той частью народа, которая его населяет, и поскольку права гражданской общины народа в целом не узаконены, Республика может пасть от малейшего толчка.

Именно в соответствии с правами гражданской общины народа в целом вся остальная Республика выступила сегодня против Вандеи, и суверен сохраняет свой домен вопреки тенденции к узурпации и независимости одной его части.

Все прочие связи между членами общества становятся притеснением; если сохранение домена находится не в руках суверена, правительство может впасть в ужасное заблуждение, ибо если ему доверено обеспечение неделимости домена, оно само становится сувереном; народ тогда не играет никакой роли, Республика становится призраком.

Поэтому я рассматриваю деление на департаменты как деление населения на 85 триб, а не как деление территории на 85 частей.

Конституция должна быть хранильницей этих принципов.

Такое первичное деление населения гарантирует неделимость территории и исключает федерализм; впоследствии вы решите, зависит ли единство Республики и суверена главным образом от единства системы голосования. Эта мысль не является предметом настоящего обсуждения, я всего лишь напоминаю о ней.

Единая и неделимая республика соответствует самой природе свободы; она продлится лишь миг, если будет покоиться на хрупком договоре между людьми.

При монархии территориальное деление определяется исключительно административной властью; при республике деление связано лишь с подачей голосов.

Таким образом, если национальное представительство у нас носит федеративный характер, каждый департамент будут иметь свое представительство; если национальное представительство едино и избрано сообща, каждый департамент и каждое его подразделение будут определяться голосами, поданными при выборе магистратов, и никогда это деление не будет связано с властью.

Обычно, когда говорят об администрации или трибуналах того или иного департамента, имеют в виду ту или иную часть народа, находящуюся в подчиненном положении у властей. Такой порядок был хорош прежде в отношении рабов, но сегодня, в Республике, граждане департамента и их голоса при выборах должны играть главную роль.

Администрация департаментов должна быть упразднена, чтобы ослабить их склонность к независимости. Если деление будет слишком дробным, значительно увеличится число ведомств; они в свою очередь будут слишком слабыми, что сделает управление громоздким и медленным.

Вот почему мне представляется, что деление каждого департамента на три округа является золотой серединой между всесилием и беспомощностью администрации. Я думаю, что население следует разделить на коммуны по 600—800 избирателей.

Таковы принципы деления народа в Республике. Вам надлежит тщательно искать все то, что составляет свободу. Вы обещали французскому народу свободную конституцию; вы объявили миру о создании Республики; но ваше дело скоро погибнет, если основы его будут непрочными.

Пусть Европа, просвещенная вашим примером и вашими законами, позабывает нашей свободе, как раньше она ненавидела ее! Пусть она раскается в том, что оскорбляла природу, проливая кровь народа, который был благодетелем человечества!

Но если из-за пренебрежения принципами свободы построенное вами здание рухнет, права человека погибнут вместе с ним и вы станете всеобщим посмешищем.

Слава Учредительного собрания наполовину померкла вместе с гибелью его труда, так как труд этот противоречил природе. Ваш труд тоже погибнет, если в основание Республики не будут заложены мораль и законы.

В первый раз я выступал, не анализируя частностей. Первая из принимаемых статей, посвященная делению территории, дала мне повод подробнее остановиться на том, что я предложил относительно административного деления Франции. Вот эти статьи.³

1. Территория находится под защитой и покровительством суверена; она так же неделима, как неделим суверен.

2. Принцип деления государства — не по территории, а по населению; деление устанавливается ради осуществления прав народа, для того чтобы обеспечить действенность и единство управления.

3. Деление Франции на департаменты сохраняется; каждый департамент имеет свой административный центр.

4. Население каждого департамента делится на три округа; каждый округ имеет свой административный центр.

5. Население городов и деревень, входящих в округ, делится на коммуны по 600—800 избирателей в каждой; каждая коммуна имеет свой административный центр.

6. Суверенитет нации пребывает в коммунах.

Таково предлагаемое мною деление; оно несложно и отвечает целям голосования и управления. В каждой коммуне можно образовать совет общин, из которых она состоит, по примеру директорий округов.

Впрочем, я лишь пытался найти истину; я призываю моих коллег опровергнуть или усовершенствовать выдвинутые мной принципы.

О МАКСИМУМЕ НАСЕЛЕНИЯ В МУНИЦИПАЛИТЕТАХ

(Речь, произнесенная в Национальном конвенте 24 мая 1793 г.)

Граждане,
будет ли установлен максимум населения, образующего муниципалитет?

Я сожалею, что в первую очередь не были определены основные принципы управления, которые подходили бы Франции. Европа не видит в наших дебатах того большого подъема республиканского духа, которого она вправе была ожидать и который должен был пробудить стремление к свободе. В начале вашего труда я ищу основополагающие постановления, которые были бы должны гарантировать воплощение в жизнь прав человека, а нахожу в законах лишь нашу волю.

Мне трудно понять, почему после того как части суверена были обозначены понятием «кантоны», относящимся к территории, а не понятием «коммуны», относящимся к населению, после того как было принято административное деление Республики, основанное на делении территории и управления, а не на распределении граждан для проведения выборов, почему сегодня вам предлагают распределить население между муниципалитетами.

Муниципальное управление не имеет политического характера; муниципалитет управляет вещами, а не людьми: вот основной принцип; вы не должны делить население какого-либо города с точки зрения муниципального управления: это значило бы разделить общество; вы можете разделить его лишь для осуществления выборов. В республиканском государстве не должно быть собственно административного деления.

Поэтому не должно делить муниципалитеты; муниципалитет един, ибо голос города, большого или малого, един.

Вы провозгласили, но не применили принцип, согласно которому никакая часть народа не может располагать своей территорией по собственному усмотрению; вы провозгласили, но не применили еще один принцип, в соответствии с которым суверен играет ведущую роль при делении государства; и вместо того чтобы рассматривать суверен как целое, вы создали сильный магистрат, действующий против разобщенного народа. Исходя из того, что мы сделали до сегодняшнего дня, я предвижу нашу судьбу. В каждом департаменте местная власть создается самостоятельно; благодаря независимости своей территории и своей правомочности каждый департамент будет иметь собственных представителей; и если из-за столкновения интересов или страстей представители окажутся разделенными, Французская республика распадется.

Можно себе представить, с какой легкостью правительство своим огромным весом раздавит народ, распыленный по мелким муниципалитетам. Вы, кто считает представление о суверене как целом, или закон, делающий территорию неделимой и неотчуждаемой, излишними, почему вы позволяете связывать муниципальную власть с численностью населения, не восставая против тонкостей, которые служат этому оправданием? Вам внушает страх огромное население нескольких городов, прежде всего Парижа; население это не представляет опасности для свободы. О вы, кто, сам того не желая, разделяет Париж, вы разделяете и притесняете Францию! Пусть вся нация как следует разберется в том, что сейчас происходит. Хотят нанести удар Парижу, чтобы добраться до нее самой; говорят, что разделение Парижа непосредственно затрагивает интересы нации, которая делает его местопребыванием легислатуры. Именно эта причина должна побудить вас не делить Париж: если бы легислатуры были разделены наподобие нас, Париж скоро вооружился бы против себя самого. В Париже нет смуты, а те, кто утверждает обратное, подстрекают его к волнениям и сами являются смутьянами. Анархия не в народе, она в стремлении к власти и в борьбе за нее.

Париж должен быть сохранен неделимым ради благополучия всех французов; он должен оставаться таковым благодаря вашей мудрости и вашему примеру. Но когда Париж волнуется, его волнения — лишь эхо, повторяющее

наши крики, вся Франция повторяет их. Не Париж раздувал войну в Вандее; вместе с департаментами он спешит погасить ее. Давайте же не будем обвинять Париж и, вместо того чтобы разделять его и делать подозрительным в глазах Республики, воздадим ему должное, как друзья, за те беды, которые он претерпел ради нас. Кровь его мучеников смешалась с кровью других французов; их сыны покоятся в общей могиле. Разве департаменты хотят забрать тела своих павших и отделиться?

Если вы делите население, для того чтобы разделить муниципальную власть, вы или разжигаете вечную войну между гражданами, или постоянно вооружаете против правительства граждан, ненавидящих тиранические и безнравственные законы. Рано или поздно народное возмущение положит конец неразумным и бессмысленным законам.

Тот, кто считает, что несколько муниципалитетов в городе управляют лучше, чем один, я думаю, ошибается. Их споры были бы бесконечными, распределение налогов превратилось бы в опасное занятие и из-за отсутствия общего центра гармонии административная власть, становясь арбитром, была бы слишком могущественной, слишком склонной к произволу и разложению.

Если же рассматривать муниципальную администрацию с точки зрения ее природы, она является администрацией народной, внутренней, отеческой, это та часть законодательства, которая должна быть наиболее свободной от ограничений; эта администрация, так сказать, чужда правительству. Это народ, в семейном кругу решающий свои дела. «Нельзя разделять друзей», — сказал Ликург. К тому же эта администрация не имеет внешних сношений, не оказывает никакого влияния на остальную часть Республики; и если вы считаете, что те, кто управляет народами, обладают нравственными принципами, строго определенными правами, правилами справедливости, нарушать которые они не могут, то вы, конечно, согласитесь, что жители одного и того же города должны испытывать на себе действие верховной власти лишь в том случае, когда в управлении своими делами они отклоняются от законов.

Таким образом, чтобы город мог управлять собой сам, ему нужен центр гармонии. Такой центр не может находиться вне города, ибо иначе, как я уже сказал, свобода перестанет существовать и народ будет слишком притеснен.

Можно представить себе, сколь велико было бы притеснение населения городов, разделенных таким образом в большом республиканском государстве, где действует могущественное правительство, сила которого в широте его функций. Мне скажут, что такое же положение наблюдается и в сельской местности, но я отвечу, что угнетение народа возможно лишь в том случае, когда его угнетают весь сразу, и что многочисленное население городов является надежным гарантом для населения сельской местности. Города не более угрожают хижинам, чем горы долинам: они защищают их от бурь.

Я задумался над вопросом, законно ли деление муниципалитетов на более мелкие, ибо не может быть законным то, что несправедливо. Муниципалитет является естественным советом; такого совета более не существует, если у граждан нет общих интересов и если ими управляют по частям.

Вот почему я хотел бы, чтобы название «муниципалитет», лишенное смысла в республике, было заменено на «совет общины». Само это назва-

ние говорит гражданам, что в компетенцию такого совета входят лишь их внутренние отношения; термин «муниципалитет» не имеет у нас точного смысла.¹

Повторю вкратце сказанное мною: Париж решили разделить, чтобы успокоить правительство; я же думаю, что необходимо справедливое правительство, чтобы успокоить всю Францию и соединить в законе волеизъявления всех граждан, подобно тому как искры соединяются в сноп пламени. Не следует делить Париж, перекладывать на него вину за наши ошибки и давать ему повод для постоянного возмущения. Нужно идти к цели и творить добро; какие бы решения мы ни приняли, всех убедить невозможно; в стране найдется, вероятно, какой-нибудь мудрец, безмятежно вззирающий на наши споры и нашу борьбу. Я заканчиваю, предлагая следующий принцип: разделение муниципалитетов в государстве не имеет законных оснований.

Я требую, чтобы в городах, независимо от количества населения, был лишь один муниципалитет или *совет общины*.

О ЖИРОНДИСТАХ

(Доклад о тридцати двух членах Конвента, задержанных в силу декрета 2 июня, представленный <Национальному конвенту> от имени Комитета общественного спасения на заседании 8 июля <1793 г.>)

Граждане, вы всегда проявляли свою преданность Республике, подавая народу в первые дни его свободы пример справедливости и подчинения вашим собственным законам.

Вы слышали с самого начала ваших заседаний обвинения, выдвинутые против членов вашего Собрания,¹ и вы заставили их объяснить свое поведение. Один из членов недавно предстал перед Революционным трибуналом, обвиненный в подстрекательстве к беспорядкам.² Другой, высланный в Марсель, ожидает суда.³ В начале прошлого месяца, когда заговор против установления и единства Республики был организован в Париже и во всей стране, вы подвергли домашнему аресту тридцать два члена Собрания, предупреденные общественным мнением, что они являются зачинщиками этого заговора.

Тревога, вызванная в Республике этим событием, вымыслы, распространяемые врагами свободы и послужившие предлогом для гражданской войны, нетерпеливое рвение граждан, письменные жалобы заключенных, требующих освобождения, и в особенности снисхождение, которое вам следует проявить к некоторым из них, не столько виновным, сколько неосмотрительным, — все это побуждает Национальный конвент вынести окончательное решение.

Заговор, о котором я вам говорил, наконец раскрыт. Мне не нужно изобличать его участников, они — изобличены. Я не должен силою своего красноречия исторгать из их сердец жестокую правду. Я ограничусь лишь простым пересказом событий и изложу вам общепризнанные истины.

Побуждали Дийона возглавить восстание, чтобы возвести на престол сына Капета, провозгласить его мать регентшей⁴ и вступить в борьбу с якобинцами и с анархией. Вашему комитету показалось, что этот план рухнул благодаря восстанию в прошлом месяце. «Анархия» — таков был лозунг, объединивший заговорщиков. Они надеялись, что дошедшие до крайности общественные бедствия позволят оправдать тягчайшее из всех несчастий: подчинение французов властителю (*un chef*).

Теперь Бюзо и Горса тайно протягивают руку Вандее; если бы анархия была истинной причиной того, что взялись за оружие, вооруженные действия прекратились бы после провозглашения конституции; тогда они почтительно ждали бы изъявления воли суверена, который не может заблуждаться. Это преступление — браться за оружие перед лицом народного Собрания.

Размышляя о прошлом, сравнивая людей с ними самими, сопоставляя факты, анализируя ваши споры и интересы, которые их возбуждали, скрытые под личиной общественного блага, приходишь к убеждению, что в недрах Национального конвента тайно готовился заговор с целью восстановить тиранию и прежнее государственное устройство. Главные зачинщики столь пагубного плана сами себя изобличили, обратившись в бегство. Не представлялось возможным ранее их заподозрить. Провал стольких заговоров послужил им уроком. Опасности, которые подстрекают врагов народа к решительным действиям, потребовали от них большей изощренности поведения: они не были дерзостными врагами свободы; они говорили на языке свободы, они казались, как и вы, ее защитниками: так две враждебные армии сражались под римскими орлами.⁵

Но теперь, когда бури, вызванные ими в Собрании, заставили вас принять против них суровые меры, чтобы спасти отечество; теперь, когда они обратились в бегство и открыто ведут войну против свободы; теперь, когда стало ясно, что та конституция и те законы, которые они превозносят, подготовили бы возврат тирании; теперь вы легко убедите народ в правоте ваших намерений и сможете, подобно римскому консулу, поклясться, что спасли отечество.⁶ Во всяком случае не ждите, что ваш комитет проявит снисходительность слабости или безрассудству кого бы то ни было. Общественное спасение — это единственное, что должно вас беспокоить. Теперешнее состояние Франции, распад политического организма, — все говорит о том, что общественное благо не было достигнуто и что вы не должны никого щадить. Республика не считается ни со слабостями, ни с бесплодными порывами. Все виновны, если отечество несчастливо.

Я обращусь к самому истоку событий, однако я не намерен приводить мнения отдельных членов Собрания, чтобы предложить вам осудить их за эти высказывания: вы сохраните уважение к свободе слова. Но ввиду того что насилия, совершенные в Республике в течение апреля и мая, подготовлялись уже давно, ввиду того что страсти и интересы, которые привели к этим насилиям, уже не раз проявлялись в ходе ваших прений, — я буду говорить о том, что происходило в вашей среде. Вы будете следить за тайными перипетиями заговора и в итоге поймете, от какой опасности вы спасли народ. Ибо в тревожной обстановке первых дней прошлого месяца вы приняли против тех, кто был за-

держан, крайне суровые меры, подобные тем, что были приняты 10 августа против двора, когда его преступления стали очевидными. Не все ныне задержанные виновны; известная часть их была только введена в заблуждение. Но когда налицо заговор, высшим законом является спасение отечества, и вы смогли на краткий миг смешать ошибки с преступлениями и благоразумно пожертвовать свободой нескольких ради спасения всех.

Задержанные, как и двор, боролись против законов, ссылаясь на законы. Ничто так не похоже на добродетель, как великое преступление. Они должны были соблазнить слабые души видимостью истины.

С тех пор как собрался Национальный конвент, в недрах его постоянно противостояли друг другу две партии, в особенности в те решающие моменты, когда речь шла о каком-либо законе, пагубном для монархии, или о каком-либо акте, необходимом для установления Республики.

Подготавливали ли почву для узурпации, стремились ли восстановить престол в пользу династии, — с самого первого дня следовали по намеченному плану, чтобы достичь своей цели. Большинство Национального конвента, мудрое и осмотнительное, постоянно колебалось между двумя партиями, находившимися в меньшинстве: одна из них — пламенно преданная Республике и вашей славе, пренебрегающая иногда делами правления ради защиты прав народа; другая — скрытная и хитрая, готовая по видимости ревностно отстаивать свободу и порядок, но лишь при незначительных обстоятельствах. Эта последняя весьма искусно противопоставила свободу свободе; умело обращала в свою пользу воодушевление, господствовавшее в ваших прениях; отождествляла бездействие с миром и порядком; республиканский дух с анархией; успешно придавала искаженный характер всему, что препятствовало ее планам; шла в ногу с народом и свободой, чтобы привести их к своим целям; стремилась обратить умы к монархии, внушая ужас и отвращение к настоящему.

Был среди вас и новый Монк: этот человек некогда защищал монархию; затем он встал на защиту Республики. Он притворялся нищим, а жил в Сен-Клу, во дворце королей. Он выдавал себя за человека слабого здоровья, что якобы препятствует проявлению смелости. Он сеял смуту в государстве. Он выставлял напоказ доброту и простые человеческие чувства и радовался убийству своего врага 2 сентября. Он знал цену всем сердечным порывам, всем направлениям ума, всем интересам и использовал воодушевление других, чтобы вести их к цели, к которой стремился сам. Он был слишком недоверчив, чтобы иметь сообщников; у него были только друзья, которые вступили в заговор вместе с ним, скорее поддавшись слабости или тщеславию, нежели по злему умыслу. Этот человек — Бриссо; он был хитер, но у него не было мужества.

Многие, как и он, стремились к восстановлению монархии, но скорее в силу общности взглядов и честолюбия, нежели по взаимному согласию. Возможно, каждый из них намеревался вести за собой других; один и тот же план заставлял их прибегать к одинаковым средствам. Они находили в поведении друг друга опору для своих личных замыслов и продвигались к цели вместе, но без предварительного соглашения.

Как бы то ни было, они поставили вас перед необходимостью их подавить: смута и насилие, которые они внесли в вашу среду, позволили вам понять, какая опасность угрожает отечеству и убедиться в невозможности устанавливать законы, если терпеть и дальше их присутствие.

До 10 августа задержанные были ярыми приверженцами монархии. Бриссо писал: *«Если есть люди, которые стремятся установить республику на развалинах Конституции 1789 года, то меч закона должен их покарать, как сторонников Кобленцских мятежников»*.⁷

Казалось, что они борются против короля, против республики, против двух палат.⁸ Они способствовали низложению короля, но вели войну против республиканской партии. Следовательно, подготавливалась почва для узурпатора, ибо наследник престола был еще ребенком. Упоминался тогда герцог Йоркский.⁹ Это тот самый герцог Йоркский, который теперь ведет войну против вас, проявляя при этом крайнюю учтивость: он возмещает французскому крестьянину ущерб, нанесенный его войсками. Можно подумать, что он бережет свои владения.

О герцоге Йоркском в то время говорили мало; значительно больше говорили об Орлеанской партии.¹⁰ Было тогда немало притязаний, которые не смели себя обнаружить; потомство узнает о них больше. Но каковы бы ни были тогдашние планы, республика внушала ужас.

По-видимому, в намерение Законодательного собрания не входило изменение формы монархического правления, ибо оно почти единодушно проклинуло республику. Петион подписал приказ Манда стрелять в народ 10 августа.¹¹ Кое-кто пытался после этого возбудить судебное дело против зачинщиков восстания. Тот, кому было поручено предложить низложение короля, 10 августа высказался от имени комитета следующим образом: *«Я должен предложить вам крайне суровую меру. Видя скорбь, которую вы испытываете, я убеждаюсь, сколь важно для спасения отечества, чтобы вы приняли эту меру безотлагательно»*. Неужели у Верньо, произнесшего эти слова, было два сердца: одно, скорбевшее о падении трона, и другое — сочувствующее Республике?¹² По-видимому, желали добиться низложения короля не нанося ущерба монархии; скорее желали перемены династии, нежели изменения формы правления; стремились сохранить свое влияние при регентстве или при власти узурпатора. После 10 августа действовали весьма хитроумно: свергли короля, чтобы удовлетворить желание народа и воспрепятствовать успехам республиканской партии. Однако брожение умов заставило пойти дальше намеченной цели — низложения монарха. Не осмелились объявить об этом всенародно, ибо боялись все потерять и вызвать крушение королевской власти. Старались выиграть время; надеялись, что Национальный конвент навяжет свою волю республиканской партии и заставит ее покориться, надеялись, что Конвент будет судить короля, не покушаясь на королевскую власть.

Бриссо потребовал в Отель де Жюстис, чтобы сохранили должность хранителя печати и обращались с королем почтительно, как подобает его сану. Бриссо должен был бороться против Республики. Так Кромвель, дабы не унижить единовластие, проявил уважение к сану короля в лице Карла I; он вступил в заговор против республики и сохранил тиранию.

Вы слышали с первого же дня, как Майюель предлагал поселить в Тюильри Петиона, которого он именовал президентом Франции, а также чтобы народ в его присутствии стоял, обнажив голову.¹³ Это предложение было сделано, по-видимому, для того, чтобы сохранить хотя бы тень единовластия и приковать внимание к одному лицу, пока королевский престол не занят.

Свержение королевской власти послужило сигналом к проявлению скрытой вражды; оно породило различные притязания и сплотило их сторонников. Те, кто имел в виду герцога Йоркского, те, кто рассчитывал на Орлеанов, те, кто думал о регентстве, — все они объединились против республиканской партии, их общего врага. Но так как общественное мнение внушало страх и гроза 10 августа еще гремела в отдалении, самые ревностные друзья монархии надели на себя личину: они притворились, что любят республику, и в то же время весьма искусно вели борьбу со всем, что вело к установлению республики или внушало к ней любовь. Были приняты две меры, в равной степени способные обречь на бездействие республиканскую партию. Одной из этих мер была отсрочка суда над тираном под тем предлогом, что процессу следует придать большую торжественность; другой мерой являлся планомерный террор, посредством которого посеяли сначала недоверие, а в конечном итоге ненависть к Парижу.

Когда вы собрались здесь, Север и Юг раскрывали друг другу объятия; одна и та же восторженная любовь к свободе объединяла всех французов; все спешили взяться за оружие; все департаменты были друзьями. Первый порыв свободы вызвал жертвы; следовало оплакать их, но обвинять лишь невзгоды времени.¹⁴ Стала ли Франция счастливее с тех пор, как люди, которые похвалялись своей чувствительностью, разожгли пламя гражданской войны, пронесли по всей Франции меч сентября и тем самым облегчили завоевание нашего государства?

Бюзо был первый, кто посеял здесь раздор. Добродетели не свойственна такая злоба. Долгое время внушали доверие его показная чувствительность и философские взгляды; однако тайной причиной его поведения было желание нас разъединить, чтобы затем властвовать над нами.

С этого времени начались попытки разделить Францию, чтобы подорвать силы общества и его нравы, чтобы воссоединить затем под королевской властью сотрясаемые мятежом департаменты, когда они почувствуют свою слабость и потребность объединения. Бюзо клеймил анархию, но он-то сам ее и вызвал. Анархию может обуздать мудрость правительства, но громогласные призывы, которые всегда бесплодны, возбуждают ее.

В Республике господствовал бы порядок, если бы реже повторяли, что порядка в ней нет. Королевскую власть можно было восстановить, только сделав ее посредником между теми, кто противостоял друг другу: никогда еще притворство не было столь изощренным. Неосторожность проявлялась редко; это время скрыто во мраке. Нас яростно принуждали к бездеятельности; ложь не льстила, она была резкой и необузданной, какой часто предстает перед нами чистая правда. Если опыт прошлого имеет какую-либо ценность в глазах французов, пусть они судят людей этого времени так, как правдолюбивое по-

томство судило тех, кого уже нет, тех, кто сумел искусно обмануть свой век и свою родину.

Раздоры разгорались все сильнее и сильнее в недрах Национального конвента; гнев изливался в ходе прений; пасквили наводняли страну. Требовали созвать первичные собрания, не предлагая им конституции, не ставя перед ними разумной и определенной цели. Требовали утверждения выборов, обновления состава Конвента, исключения вас из магистратур на шестилетний срок, дабы посеять тайное равнодушие среди членов республиканской партии; эти усилия оказались тщетными. Требовали перенести ваши заседания в другое место;¹⁵ выступали против трибун, постоянно вызывая их возмущение; вселяли ненависть и раздор в сердца, сеяли смуту и беспокойство в государстве. Объявляли анархией все то, что служило препятствием для самой анархии и для тирании.

Так как в основе заговоров лежат притворство и лицемерие, не следует доверять видимости, которой умеют обычно прикрываться заговорщики.

Но достаточно распознать в природе вещей средства, которые следует применять, если хочешь служить отечеству и творить добро, и иные средства, используемые обычно, чтобы предавать отечество и сеять зло. Те, кто в ходе революции стремится установить временное правительство или анархию, тайно готовят возврат тирании. Поскольку такое временное правительство может держаться только путем подавления народа, а не общим согласием, общественный организм будет в конечном итоге порабощен. Поскольку отсутствует постоянная форма правления, основанная на законах, все приходит в упадок и извращается. Отсутствует общественный интерес, и жажда покоя в конце концов заставит людей примириться с рабством.

Узурпатор, который хочет достичь своей цели таким способом, всегда найдет достаточно поводов, чтобы погубить тех, кто этому препятствует. Все порочные люди вскоре будут на его стороне, так же, как те, кто стремится к наслаждению. Бедняк некоторое время еще сопротивляется, но поскольку ему часто не хватает осмотрительности и горячность заставляет его совершать ошибки, он будет в скором времени повержен.

Такова история Франции за год: все пороки проявили себя и объединились; бедняк остался в одиночестве, под покровом уродства нищеты и добродетели. Ваш миллиардный заем,¹⁶ подобно свержению королевской власти, стал тайной причиной многих волнений и многих интриг. Задержанные льстили всем развращенным людям; все, что они говорили, вело окольным путем к деспотизму. Каждый сделанный ими шаг вел к монархии: все они были исполнены сомнения и, следовательно, рождены, чтобы служить престолу. Республиканская суровость была не по душе Верньо и Гюаде, которые давали советы королям, а также Петиону, добивавшемуся чести быть воспитателем сына тирана. Они жаждали почестей, а республика предлагала их гордыне лишь скромные добродетели. Они никогда не предлагали законов, заявляя беспрестанно, что республиканская партия их не желает. Они отказывались выпустить на свободу заключенных Лориана.¹⁷ Они выступали в защиту свободы театров. В свободе их прельщало только то, что потворствовало распушенности угнетателей, и они порицали в ней то, что придавало силы угнетенным.

Хитрые и в то же время развращенные, они в конце концов почувствовали необходимость следовать за народом, убежденные в том, что революции развиваются по горизонтали и что насилия, бедствия и неблагоприятные поступки, которые они влекут за собой, заставят вернуться к отправной точке. Тот же народ, который рыдал на похоронах Кромвеля, встречал восторженными кликами возвращение Карла II, ибо республика Кромвеля была основана как временное правление, опирающееся лишь на него одного. Только мудрость и терпение способны создать республику; но этого вовсе не желали те из нас, кто считал возможным усмирить анархию иным путем, нежели мягкостью и справедливостью правительства.

Мы были последними, кому открылись глаза на поведение ныне задержанных членов Конвента; все политические деятели Европы считали их сторонниками монархии.¹⁸

Так как нельзя было сказать народу, что революция 10 августа была преступлением, не указав при этом, кто это преступление совершил, то умалчивали об этой революции или заостряли внимание на ее несчастных обстоятельствах. Льстили народу и в то же время преследовали и травили граждан.

Можно было бы подумать, что речь идет вовсе не об установлении республики, а о наказании тех, кто сокрушил монархию. Отсюда это стремление побудить Конвент принять постановления против беспорядков, хотя народ в то время пребывал в спокойствии. Бюзо и Барбару особенно настаивали, чтобы были приняты законы такого рода и весьма искусно обосновывали их необходимость. И чем больше медлили с проведением этих законов, тем большее удовлетворение получали они от своей хитрости, тем больше находили поводов, чтобы излить свою желчь. Они придавали всему самую отвратительную форму, стремясь таким путем возбудить зависть и бешенство, чтобы затем сетовать на это с добродетельным видом. Они противопоставили суверенитет свободе граждан и притесняли суверен во всех его частях во имя общего величия. Постепенно установилась система недоверия и страха относительно судьбы национального представительства и тревога за свободу народа.

Отсюда эти обвинения, выдвинутые Луве, Барбару и другими, относительно планов диктатуры и триумvirата, тогда как эти призрачные диктаторы и триумвиры были настолько бессильны, что их можно было обличать и поносить совершенно безнаказанно.¹⁹

Отсюда и этот культ министра, возведенного в кумиры, чтобы внушить доверие к борьбе, которую вели с его помощью против Республики и против истины. Ролан, когда он был здесь предметом поклонения ныне задержанных, использовавших в своих целях его популярность, Ролан в это самое время подстрекал к беспорядкам в Лионе и призывал дворян и недовольных к мятежу.

Этот обширный план проводился последовательно во всех его пунктах: партии тайных приверженцев королевской власти создавали репутации святых, а республиканской партии создавали репутации чудовищ.

Не щадили никого из тех, кто сражался 10 августа; революцию клеймили в лице ее защитников; и вместо утешительных картин, которыми одарили нас эти необычайные дни, злонамеренно показывали французскому народу

лишь картину сентябрьских убийств. Картина прискорбная, без сомнения. Однако же не проливали слез, когда лилась кровь по наущению двора! И вас также не оставили равнодушными предсмертные муки жертв 2 сентября!

Кто же из нас обладал большим правом выступать беспощадными обвинителями: те, кто в то время был облечен властью и отвечал за общественный порядок и жизнь граждан, или же все мы, ни в чем не замешанные, прибывшие из своего захолустья? Петион и Манюель были тогда магистратами Парижа;²⁰ человеку, который советовал им посетить тюрьмы, они ответили, что не хотят рисковать своей репутацией. Тот, кто наблюдает за резней, не испытывая жалости, более жесток, чем тот, кто убивает. Но если личный интерес сделал бессердечными магистратов, выбранных народом, и развратил их до такой степени, что они стремились сохранить свою популярность, потакая преступлению, не означает ли это, что они сами замыслили преступление, что они должны были вступить в заговор против Республики, так как не были достаточно добродетельными для нее? Они должны были оплакивать злодеяния, которые допустили сами, чтобы другие их в этом не обвинили; они должны были притворяться суровыми, чтобы преуменьшить гнусность своего поведения и обмануть своих сограждан. Обвинители народа, вас не видели 2 сентября среди убийц и среди жертв... Кто бы ни были те бесчеловечные люди, что проливали кровь, вы все должны за это ответить, ибо вы позволили ее пролить! «Моранд убит?» — спрашивал Бриссо. Моранд был его враг, Моранд находился в тюрьме! Те же самые убийцы побуждали принять кровавые законы против народа! Те же самые убийцы разожгли гражданскую войну!

Страх разрастался во всех формах; следовало ожидать, что возмущение в конце концов выльется в междоусобную войну.

Задержанные требовали создания вооруженной стражи: Республика, дескать, охвачена волнением; боялись за вас. Конвент постоянно отклонял эту меру, ибо она могла вызвать смуту в отечестве.²¹

Истинная цель этого предложения была в том, чтобы спасти в Париже обломки трона. Намеревались постоянно поддерживать раздоры среди граждан и таким путем захватить власть; намеревались объявить войну всей Европе, что и было сделано позже, дабы привлечь внимание к внешним событиям, уменьшить число добрых граждан, вернуться к первой конституции, сославшись на необходимость иметь твердое правительство, после того как на нас обрушилась вся Европа.

Король был низложен и возобновились интриги прошлого лета. О том, что пытались всеми средствами помешать созданию определенной формы правления для Республики и вместе с тем запутать все дела, свидетельствует молчание, хранимое относительно предложения Калькрейта 24 октября, после эвакуации Шампани. Калькрейт действительно обращался с такими предложениями к Келлерману; последний сообщил об этом Совету. Некоторые из ныне задержанных играли ведущую роль в Комитете дипломатии, они оказывали давление на Совет через Ролана. Келлерман жаловался потом, что его письма не уделили должного внимания. Вы можете любить мир, но вы не боитесь войны: вы могли пренебречь предложениями Калькрейта и тиранов, но вас должны были поставить в известность.

Задержанные, которые вовсе не желали мира, были, однако, первыми, кто проявил притворную слабость и страх перед иностранными державами в связи со смертью короля. Когда король умер, пришел конец и королевской власти. Престол был опозорен; не было больше надежды помешать установлению республики силами тех, кто вынес приговор тирану. По всей видимости, отказались от преждевременного мира, предлагаемого Калькрейтом, приберегая его как средство примирения, если речь пойдет о тиране.

И действительно, Бриссо, который минувшим летом не боялся Европы и сам предложил объявить войну с целью отвлечь умы от революции и укрепить монархию; Бриссо, который не хотел мира, предложенного 24 октября, устрашал Национальный конвент угрозой со стороны Испании и Англии. И если бы Бриссо удалось заставить вас поддаться страху, когда вы выносили это решение, не могла ли бы та же необходимость в дальнейшем принудить вас сохранить монархию? Военная сила, которой вам угрожали, чтобы выдвинуть некое требование, не оказалась ли бы она столь же могущественной, чтобы потребовать и все остальное?

Обращение к народу²² было предложено задержанными. Заблуждение этому благоприятствовало. Вы знаете теперь, какую выгоду роялисты могли извлечь из подобной меры, и вся Франция взирала на это со страхом.

Желали главенствовать и над Национальным конвентом, и над Республикой — посредством смут и террора; все это делалось еще до казни короля, дабы привести вас в замешательство и побудить вас перед лицом величайших опасностей пожертвовать всем ради мира, ценой которого должна была стать королевская власть.

Внимание Бриссо обратилось и на другое полушарие. Бриссо господствовал в Совете, он добился от Совета назначения заместителем генерального консула в Филадельфии своего зятя Дюпона. Я не скажу ничего больше; я не собираюсь распространяться на эту тему, чтобы обвинить Бриссо в сговоре с Англией; для вас это не имеет значения; нет больше ни Кромвеля, ни Мазарини. Вы хотите только оправдать в глазах французов вашу суровость по отношению к задержанным, а Европе незачем разбираться в наших отношениях. Но в то время как за границей обманывали Национальный конвент, внутри страны замыслили против него заговор. Барбару 14 января потребовал батальон, чтобы направить его против Национального конвента. Некоторые из этих добровольцев кричали во всеуслышание: «*Да здравствует Ролан! Да здравствует король!*». По этому делу было проведено расследование.

Процесс над тираном прерывался многочисленными инцидентами, хитроумно подстроеными. Предъявляли множество документов, чтобы затянуть судебную процедуру и смягчить ее последствия. Когда требовали суда над королем, задержанные говорили, что не хотят заниматься нуждами народа и что намереваются покрыть позором имя Франции. Петион предложил провратить милосердие; затевали споры несущественного и даже нелепого характера по поводу парижской полиции, свободы театров, дипломатии. Все пустили в ход, чтобы спасти тирана или, вернее, тиранию.

Большие надежды возлагали на Дюмурье, который настолько плохо был осведомлен о причинах низвержения монархии, что намеревался ее восстано-

вить силой оружия или дерзким вмешательством. Дюмурье не раскрывал своих намерений, пока король был жив. Он повлек свою армию в Бельгию, чтобы избежать брожения в ее рядах на родине, рассчитывая противопоставить ее в дальнейшем республиканской партии, если ему удастся одержать победу.²³

Дюмурье, по-видимому, имел в виду только собственную карьеру сначала при дворе, затем в Республике, то ли рассчитывая, что будет обладать достаточным могуществом для подавления всей страны, или что превратится в удачного подражателя Монка. По-видимому, у тирана не было ни одного друга, лично к нему привязанного; хотели отречения и были заинтересованы в сохранении его жизни, только чтобы спасти престол, чтобы возбуждать меньше ненависти и выслужиться перед победителями, если революция погибнет. Впрочем, нельзя было надеяться сохранить влияние под властью человека, который сожалел о тирании и делал все, чтобы ее восстановить; человека непроницаемого, который поддерживал дворянство и протягивал ему руку помощи: многих раздражала спесь этого старого двора, боялись его лицемерия. Вот почему не хотели допустить двух палат и республики. Хитроумная альтернатива, которой следовало придерживаться, чтобы удержать власть, имела то преимущество, что прельщала всех, кто искренно желал конституции. Надеялись получить все от узурпатора, который постарался бы отстранить от дел друзей своего предшественника, эмигрантов, сторонников республики. Надеялись прийти к власти, если тайные намерения, связанные с отречением короля, до этого времени останутся неизвестными. Однако все это в конце концов вышло наружу после казни короля.

Дюмурье высказался в пользу молодого Орлеана.²⁴ Против сына казненного тирана. Отсюда можно заключить, что отречение, на которое намекали Бриссо и задержанные в Законодательном собрании, ограничило выбор претендентов: ибо какому еще замыслу могли бы они содействовать, если республика была им нежелательна? Республиканцы также требовали отречения, но они были сторонниками смертной казни: они это доказали впоследствии.

Можно ли представить себе, что Бриссо и другие, стоворившиеся затем с Дюмурье, не преследовали ту же цель, поскольку они придерживались той же линии поведения? Я говорю о стоворе, ибо они помирились. Политические деятели идут на примирение только в ущерб народу и оттого, что они опасаются друг друга. Как поверить, что интересы Дюмурье и его друзей расходились, что задержанные считали возможным обойтись без армии и генерала, а генерал не намеревался использовать своих друзей в Конвенте?

Ранее уже предлагали изгнание Бурбонов, чтобы испытать дух армии и склонить ее на свою сторону.

Мадам Сийери и мадмуазель Орлеан появлялись среди солдат, молодой Филипп Эгалите сблизился со своими товарищами по оружию. Рассчитывали вызвать у солдат жалость к молодой девушке, подвергающейся изгнанию, и к молодому человеку, которого, казалось, выдавали его палачам.²⁵ Бюзо этим предложением снижал себе популярность; он вводил в заблуждение относительно своих истинных намерений, и благодаря этому ухищрению все, кто отвергал эту меру, казалось, действовали в пользу Орлеанской клики.

Дантон в октябре предложил ввести смертную казнь для тех, кто выскажется за восстановление королевской власти.²⁶ Бюзо счел, что такой закон лишен основания: узурпатор, по его словам, выше законов такого рода. Закон был отвергнут. Бюзо сам предложил его вновь четыре месяца спустя. В первый раз он выступил против этого закона, ибо это был бы еще один шаг к республике; кроме того, он был спокоен относительно притязаний, против которых ему нужно было выступать, чтобы привлечь к себе внимание. Когда он предложил этот закон во второй раз, по-видимому, он рассчитывал на смелость и на возможности узурпатора.

Все это незамедлительно вышло наружу: заговор разворачивался; Дюмурье уже перестал притворяться. Миранда писал Петиюну о тех намерениях, которые он обнаружил у Дюмурье;²⁷ Петиюн не поставил об этом в известность Конвент.

Король был казнен; разглагольствования по поводу анархии возобновились с новой силой. Подстрекали к грабежам в Париже. Слуга Бюзо был задержан на сборищах, где он возбуждал народ. Армия устала от лишений и военных неудач. Францию настроили против Парижа. Генералы действовали заодно с задержанными. Набор в армию был приостановлен Бернонвилем и некоторыми административными органами. Конвент посылает комиссаров по всей стране, чтобы призвать народ к оружию. Но интрига следует за ними по пятам. Их называют надменными проконсулами. Все предубеждены против них. На Бурдона совершено покушение, Сент-Андре осыпают оскорблениями и угрозами в том же городе. Шлют письма с требованием арестовать остальных. Заговорщики возражают против объявления Орлеана мятежным городом.²⁸ Дюмурье не желает ждать, чтобы в его армию пришло новое пополнение. Он выступает и терпит поражение при Неервиндене. В его намерения не входило открыть свои карты так скоро. Он хочет еще побеждать, он отчаянно сражается, чтобы продать себя дороже. Видя себя побежденным, он начинает бояться, что в ходе других боев потеряет то уважение, которым еще пользуется. Он открыто идет на измену, бежит из Бельгии и спешит пожертвовать врагу остатки своих завоеваний, чтобы привлечь его на свою сторону. Он отправляет Дево и Мячински захватить и сдать врагу Лилль и крепости.

Дюмурье объявляет войну Национальному конвенту, он угрожает ему, полагаясь на покорность и слепую преданность своей армии. Он требует восстановления монархии и высказывается в пользу Орлеана-сына. Он встает на защиту некоторых из задержанных, называя их «здоровой частью Конвента».

Когда этих последних обвинили в сообщничестве с Дюмурье, они ответили улыбкой. Улыбается притворство, невиновность скорбит. Во время революции те, кто является друзьями изменника, вызывают законные подозрения.

Неудача изменника Дюмурье, по-видимому, возбудила досаду и раздражение у его сторонников. В Париже распространилось воззвание, из которого я приведу некоторые выдержки: «Пробудитесь, республиканцы! Простите буржуа их прежнее презрение к вам, ибо сегодня они готовы помочь вам и полюбить вас!

Присоединяйтесь же к мастеровым и к буржуа, чтобы вести беспощадную войну с разбойниками, которые вас развращают и обманывают! Пробудитесь,

республиканцы! Буржуа, мастеровые, санкюлоты, объединяйтесь! Вооружайтесь! Образуйте священный союз! Оставьте на время ваши занятия и не беритесь за них до тех пор, пока не изгоните этих разбойников из клубов, из секций, из Национального конвента, до тех пор, пока Конвент не будет состоять целиком из истинных республиканцев, друзей согласия и добродетелей под защитой храбрых граждан Парижа, объединившихся со всеми добрыми гражданами департаментов, дабы противодействовать всем усилиям негодяев и дать вам хорошие законы!

Объединяйтесь, граждане, объединяйтесь незамедлительно, так как завтра над всеми вами будет занесен меч проскрипций и гражданский войны!

Граждане, трепещите! Заговор разбойников возобновился. Меня предупредил один из соучастников, что до следующего воскресенья две трети депутатов, лица, подписавшие петиции, и большая часть буржуа должны быть перебиты!

Граждане, вооружайтесь немедленно! К оружию! К оружию! Храбрая секция Французских гвардейцев встанет во главе нас! Идите к Якобинскому клубу, к Кордельерам, к Коммуне, к Национальному конвенту! Истребите разбойников или все погибло!».

Под воззванием была подпись: Гарингтон. Оно было длинным и дышало яростью: пытались возбудить страх, поселить тревогу в умах, призывали громко и ясно во имя порядка и мира к истреблению части Национального конвента и к гражданской войне.

На рынках ходили какие-то слухи. Мэр Парижа узнает, что среди населения распространено множество таких воззваний. На другой день он получает от Совета сообщение о том, что готовится покушение на Бернонвиля, что этот министр и правое крыло Конвента будут перерезаны победителями Бастилии,²⁹ которые проникнут в здание якобы для того, чтобы пройти маршем перед своей отправкой на фронт. Мэр принимает необходимые предосторожности. Он сам отправляется к победителям Бастилии и находит их в полном спокойствии.

На другой день воззвания распространяются в еще большем числе. Реаль, заместитель прокурора Коммуны, вручает мэру полученное им письмо: в этом письме его предупреждают, что половина депутатов Конвента будет истреблена злоумышленниками и призывают его встать на защиту правого дела.

Мэр спрашивает Реаля, известно ли ему имя автора письма. Реаль отвечает, что, по его мнению, это Обер. Мэра вызывают министры, чтобы вместе обсудить бедствия, грозящие отечеству. Мэр является туда; все спокойно. Большая часть Исполнительного совета, по всей видимости, посвящена в тайну.

Адъютант Бернонвиля, находившийся на посту, сообщает Совету в присутствии мэра, что Обер говорил о сборищах и о зловещих замыслах преступников. Полицейский, также находившийся на посту, прибегает в Совет вместе с комиссаром секции Елисейских полей; последний предъявляет мэру письмо, в котором разоблачается заговор, имеющий целью уничтожить половину Конвента; в письме указано, что единственный способ предотвратить это преступление — бить общий сбор и собрать все вооруженные секции вокруг Конвента.

Дополнительно сообщается, что многие председатели и командиры секций готовы действовать и что если мэру нужны подписи нескольких депутатов, то он их получит. Мэр спрашивает, кто автор письма. Полицейский отвечает, что, по-видимому, это Обер. Письмо написано той же рукой, что и письмо, присланное Реалю. Тотчас становится известным, что Изарн-Валади, депутат, задержан караульными у храма Ораторианцев:³⁰ он кричал, что нужно идти на помощь Конвенту, что Конвент в опасности. Однако и в Конвенте, и в городе все спокойно; победители Бастилии прошли маршем без всякого шума; устраивают празднество. Ни один батальон не поддается панике; удар, который хотели нанести, посеяв страх, не достиг цели.

Искали Обера. В мэрию является маклер якобы для его защиты. Мэр велит его задержать и не выпускать, пока он не скажет, где находится Обер. Он вынужден сказать, что тот, кого ищут, не настоящий виновник, что автор звания — Валазе и что он не будет это отрицать. Маклера отводят в полицию, где он делает заявление; затем его ведут к министру внутренних дел, и здесь он повторяет свои показания. Поистине это был сюжет из Тартюфа: Валазе просит передать мэру, чтобы тот его не выдавал. Валазе был вдохновителем беспорядков: он был и Гарингтон, он был и Обер, он был и маклер, он был и вооруженные секции, он был и пугало для правого крыла и для Совета. Он хотел возбудить мятеж, в ходе которого были бы совершены действия, предписываемые воззванием; он хотел оправдать свои собственные предостережения. Но ничто не смогло возмутить народ; народ пребывал в спокойствии. Мы увидим в дальнейшем, как тот же план будет воспроизведен, возможно, с большим успехом, 31 мая,³¹ когда волна народного гнева потопит коварный замысел.

Я не собираюсь напоминать вам, сколь искусно распространили затем по всей Франции весть об ужасных преступлениях, совершаемых в Париже. Вы помните, с какой язвительностью высказывались потом Валазе и его единомышленники, раздраженные своим бессилием; с какой яростью они выступали на ваших заседаниях и сеяли непримиримую ненависть и недоверие. Преступление триумфально шествовало среди вас и своими речами увлекало все за собой.

Почести и слепое доверие, которые требуют к себе магистраты, есть тирания. Ни одного человека нельзя чествовать и славить пред лицом Собрания, ибо свободный народ и Национальное собрание не созданы для того, чтобы кем-либо восхищаться.

Революция породила патрициат славы: эта боязнь людского суда привела общественное дело на край гибели. Не обращали внимания на то, что являлось добром само по себе, а только на того, кто это добро сделал или о нем говорил. Счастье общества является мерилем репутаций. Приглядитесь внимательно к положению Франции: все было принесено в жертву страстному желанию восстановить монархию, спасая тирана. Вот выдержка из письма от 20 января, найденного у Гардиена, члена Комиссии двенадцати:

«Эстен приветствует и приносит дань своего уважения законодателю Гардиену. Доверие привлекает к себе подобное же чувство, оно его требует. Вот

мое желание: не знаю, осуществимо ли оно, но цель его принести пользу Республике и сохранить ее достоинство.

Я хотел бы, чтобы в последний момент, когда все уже будет сказано и о замыслах, и об их исполнителях, когда уже все будет разоблачено, большая часть федератов и секций спокойно, без лишнего шума и без всякого оружия обратилась бы к Конвенту и добилась бы от него доклада и декрета о смягчении наказания. И тогда Томас Пейн, заручившийся поддержкой американцев, и один из комиссаров незамедлительно препроводили бы на борт корабля „Республиканец“ того, кто является источником всех наших бед. Это судно уже стоит наготове в Бресте и, по-видимому, может сняться с якоря. Таким образом, оно увезет к другим республиканцам, ревностным, мирным и преданным, бывшего короля и его семью».

Я не собираюсь напоминать вам, что сделал Томас Пейн:³² он вовсе не хотел причинить зло. Человек с чистой совестью не сделал бы этого среди людей менее развращенных. Проявите уважение к тому, кто является опорой свободы в другом полушарии; не обвиняйте его, ибо он был введен в заблуждение.

Хотели спасти тиранию, вы в этом больше не сомневаетесь; вот причина ярости, которую они не могли скрыть. Республика не вступает в сделку с королевской властью: либо Республика должна погибнуть, либо король. Вы смогли убедиться впоследствии, что те, кто хотел спасти короля, делали все, чтобы погубить Республику. Жаловались на возбуждение, которое царило на трибунах Конвента. Но разве многочисленные сторонники тирании, рассеянные по всей стране, беспрестанно выступающе против вашей власти, разве они были более почтительны?! Крики, которым вы не внимали, крики, призывающие к гражданской войне, были ли они столь безобидны? Оно было доведено до конца, это преступное намерение обмануть Францию, вооружить французов против французов, и нас, прошедших сквозь бурю свободы, вернуть к монархии! Он осуществился, этот замысел задушить народ Парижа, грозу тирании! Пытались это сделать с помощью вооруженной силы; надеялись добиться успеха террором. Все документы, представленные в Комитет, свидетельствуют об этом. Они доказывают, что уже давно применялись всевозможные средства, чтобы побудить народ к восстанию: рассчитывали на вздорожание продовольствия, делали ставку на обиды одних, на корыстный интерес, на страсти и ослепление других.

Замысел восстановить деспотию получил дальнейшее развитие. Нельзя было рассчитывать на один Париж; объединили всех сообщников, рассеянных по стране; и преступление распростерло свои руки над всем народом. Поднимают тревогу среди имущих слоев. Уже не слышен более голос правды, заглушенный ложью и пронзительными выкриками газет. В Париже полагают, что по всей Республике идет резня; а в Республике бледнеют при мысли об убийствах, совершаемых в Париже.

Самые зловещие слухи распространялись на юге. Нам писали 26 мая из Бордо, что туда возвратились Дюфур и Паран; обратившись к народу, они сообщили, что покинули Париж, охваченный огнем мятежа, что нужно идти на Париж, который лишился своих защитников, ибо разбойники, находившиеся там, отправились в *Вандею* и на границы. Они говорили также, что во время

их пребывания в Париже они присутствовали на тайных совещаниях Петиона и Валазе и были приняты депутатами Бордо; что в этих тайных совещаниях участвовало сорок членов Конвента; что там было задумано истребление одной части национального представительства; что намеревались бить сбор по департаментам, чтобы направить сто тысяч человек на Париж.

Дюфур и Паран заявили, что депутатов от Бордо, возможно, уже нет в живых или же они вынуждены выступать под угрозой ножа, приставленного к горлу. Некоторые из задержанных уже говорили, что их план не увенчается успехом, если только кто-нибудь из них не будет убит. Они жаждали пасть от руки Пари; удар, нанесенный республиканской партии, в лице Сен-Фаржо,³³ вызывал у них зависть. Для чего им нужна была эта кровь? Между тем секции в Бордо приходят в волнение; им предлагают обратиться к департаментам с призывом взяться за оружие. Но народ Бордо благоразумен; он колеблется; он не торопится с этим призывом.

То же самое происходило в течение мая в Марселе, в Лионе, на Корсике; там господствовали тираны, они разжигали гражданскую войну и провозгласили свою независимость. Паоли выступал на Корсике против анархии; он также строил заговоры, прикрываясь законом.³⁴ В Париже было тревожно; недоброжелатели поднимали голову; набор в армию вызвал некоторые волнения; Бюзо громогласно требовал освободить тех, кто был тогда арестован.³⁵ Добродетель и преступление в отчаянии боролись друг с другом. Вы были возбуждены сильнее, чем когда-либо; заговорщики разоблачали заговоры, как это делал некогда двор. Комиссия двенадцати так же, как и двор, арестовывает по ночам граждан и магистратов. Эта комиссия, избранная первоначально для того чтобы доискиваться до причины беспорядков и умирять их, сама же их и возбуждает. Ее тираническая власть грозит воображаемыми покушениями, которые она сама измышляет и сама преследует. Жалобы на творимый ею произвол она весьма хитроумно выдает за происки разоблаченной партии и объясняет их страхом, который внушает злодеям добродетель. По всей видимости, комиссия хочет осуществить первый план Валазе, а именно: собрать напуганных граждан и заставить их вступить друг с другом в схватку, из зависти, мстительности, недоверия или в силу заблуждений.

Вы помните, граждане, что в это самое время вся Республика пришла в волнение, что заместителей депутатов призвали собраться в Бурже;³⁶ администрации департаментов Эр, Юра, Кальвадос, Жиронда и Буш-дю-Рон провозгласили свою так называемую независимость; подняли всю Францию; удар был направлен тайными совещаниями у Валазе и в Сен-Клу. Там плели интриги, как в свое время при дворе; мадам Бриссо жила во дворце бывшей королевы и часто принимала у себя задержанных.

Уже давно некоторые члены Конвента подстрекали к мятежу администрацию своих департаментов; в течение мая их призывали взяться за оружие; большинство противилось этому; другие же были, по-видимому, введены в заблуждение.

Между тем Комиссия двенадцати все более и более ожесточает умы. Она сообщает вам, что заговор созрел. *Валазе в начале марта говорил то же самое.* Комиссия предлагает вам удвоить охрану и закрыть секции. Она объяв-

ляет себя последним прибежищем свободы; она пересказывает вам зловещие истории, от которых леденеет кровь; она обсуждает дела армии в зале заседаний. Только Бертран, один из ее членов, беспрестанно старается приостановить ее произвол. Она измышляет опасности, чтобы усилить свою власть. Волнение становится всеобщим; чем больше комиссия сеет страх, тем более она находит поводов для этого и тем большую жестокость она проявляет. По своей воле она отказывается от своих обязанностей и вновь берет их на себя. Опасности, которым она якобы подвергается, привлекают к ней больше сочувствия; она может безнаказанно решиться на все. Валазе циркулярным письмом призвал своих сотоварищей к оружию здесь, в зале ваших заседаний, 22 мая.

Народ объединяется вокруг вас; он требует правосудия для обвиняемых: для своих магистратов, а также для себя. Это день всенародного траура. В выдержке из письма Эстена, как вы смогли убедиться, содержался план сбора большей части федератов и секций, которые должны были потребовать отмены декрета. Зачем эти приготовления, эти интриги? И когда народ собирается, чтобы требовать от вас правосудия, его обвиняют в бесчинствах. Граждане, находившиеся у решетки, были почтенными старцами; они говорили правду. «Граждане, — ответил им Инар, — *мы прощаем вас из снисхождения к вашей молодости*».

Тогда Барер предлагает присоединить к Комитету общественного спасения пять членов, чтобы расследовать факты, связанные с заговором против Национального конвента; в это предложение были внесены изменения, и приняли декрет о создании особой комиссии из двенадцати членов. Эта комиссия в большинстве своем состояла из тех, кто подготовлял заговор на тайных совещаниях у Валазе. Эта комиссия вместо того чтобы действовать мудро, раздражает граждан своим произволом и сеет среди них страх: по ее приказу уводят Эбера из его дома.³⁷

Убеждали французский народ в том, что Конвент — во власти безумцев. Инар заявляет тем гражданам, которые мирно говорили с вами: если Национальному конвенту нанесут тяжкое оскорбление, то *«будут искать на берегах Сены место, где стоял Париж»*.³⁸ Республике внушали страх за вас; эти речи подталкивали к восстанию.

В этот момент здесь происходило то же, что и в первые дни августа, когда двор, замышляя заговоры и вооружаясь против народа, сетовал на его бесчинства. Двор ввел в заблуждение администрацию; это заблуждение еще не рассеялось. Двор подавлял свободу во имя закона; во имя законов подавляют ее и сейчас. Двор подкупил некоторых вожakov секций; Комиссия 12-ти привлекла на свою сторону те секции, где у Лафайета было больше всего друзей.³⁹

1 и 2 июня народ объединился вновь в предчувствии общей опасности. Его представители являлись сюда дважды: податели петиции предстали пред вами в глубокой печали; они несли перед собой колпак свободы, покрытый траурным крепом. Их оттолкнули и оскорбили, их встретили злобной бранью, их не желали выслушать.

Так несправедливости по отношению к народу сотрясают империю. Уже недоброжелатели обратили в свою пользу жестокость и торжество задержанных. Предлагали Дийону встать во главе заговорщиков; возбуждали все боль-

ше и больше народ, дабы создать повод для мятежа. У заговора было несколько вождей. Они арестованы.

Эти вожди имели под своим началом двенадцать генералов, каждый из которых должен был привлечь на свою сторону четыре секции.

У этих генералов были в подчинении два или четыре доверенных лица; план заговора сообщали только одному лицу с тем, чтобы он передал его пяти другим; эта пятерка действовала таким же образом, т. е. одно лицо передавало сведения следующей пятерке.

Поводом для возбуждения первых беспорядков должны были послужить: вздорожание продовольствия или же новый набор в армию.

События должны были начаться и развиваться следующим образом.

Предполагалось в один и тот же час захватить и заклепать пушку, которая дает сигнал тревоги; затем овладеть пушками Ратуши и Тампля, а также пушками всех секций, которые будут взяты либо силой, либо с помощью доверенных лиц заговорщиков; после этого провозгласить сына казненного короля Людовиком XVII, а мать его — регентшей.

По выполнении этого плана лица, входящие в этот заговор, получали право стать телохранителями, а те, кто отличился в схватках, награждались медалью на белой муаровой ленте с изображением орла, сокрушающего анархию.

В то же время некий человек был задержан в Шони, отправлен в Париж и подвергнут допросу в Комитете общей безопасности. При нем было письмо, в котором был изложен предполагаемый план похищения короля и содержались туманные намеки на место ваших заседаний, где якобы вас ждет гибель. Там говорилось о спасении государя, к нему обращались со следующими словами: «Вы так велики, а я так ничтожен».

Вы не можете сомневаться, граждане, в том, что враги свободы народа и республиканского правительства замыслили заговор против вас. Теперь вам только следует выяснить, на чьей стороне были заговорщики. Анархия была предлогом для приверженцев королевской власти: Паоли на Корсике, Дюмурье в Бельгии, задержанные, все говорили на одном и том же языке.

Заговор распространился по всей Европе. Он вызвал волнения в колониях, чему способствовали Сантонакс и Польверел, обладавшие поистине полной властью над Сан-Доминго.⁴⁰ Нити заговора протянулись на Корсику: ваши комиссары были изгнаны оттуда. На генуэзском галиоте, брошенном в море, были найдены письма; все они доказывают, что один и тот же план преследования комиссаров осуществлялся повсюду. Генеральная ассамблея Корсики постановила изгнать комиссаров с этого острова и распустить сформированные ими батальоны. Все письма свидетельствуют, что народ Корсики обманут теми же измышлениями, которые привели в волнение Францию. Одно из этих писем было адресовано Верньо. В нем говорилось: «Выступайте, приходите и народ вас благословит!». Заговор распространялся повсюду, между тем как в Париже он был подавлен в начале июня.

Манюэль однажды говорил вам: «Если во время беспорядков, вызванных недоброжелателями, все добрые граждане возьмутся за оружие, злодеи будут подавлены...». Весь Париж взялся за оружие в тот день; и все пребывали в

спокойствию, кроме преступников. И тогда вы смогли беспрепятственно под охраной народа арестовать зачинщиков стольких беспорядков. Вы наконец обрели надежду, что сможете дать законы Франции. Вы заставили замолчать роялистов, замышлявших вашу гибель. Республика обрела с того времени определенную форму правления. Вы просветили народ, успокоили напуганных собственников; народ стал свидетелем последнего дня анархии. Пусть сам французский народ вершит суд над парижским восстанием; среди мятежников департамента Эр нет тех, кто имел бы законное право осудить его: это восстание спасло народное представительство. Заговорщики обратились в бегство; они взялись за оружие; Бриссо бежал в Швейцарию под вымышленным именем в сопровождении иностранца; испанец по имени Маршена присоединился к нему в Мулене; этот испанец, как говорят, замышлял козни в Пиренеях.

Таков был характер заговора, который вам удалось сокрушить благодаря принятым вами мерам предосторожности.⁴¹ Пусть же наконец откроются глаза нации!

Париж служил только поводом для покушения, замышляемого против нее. Все заговоры потерпели провал: воздадим за это благодарность гению — покровителю французского народа! Заговорщики почти не оставили следов: еще несколько дней, и эти следы стали бы кровавыми! Каким искусством сумели они увлечь вас, так, что иногда вы становились на их сторону, против самих себя? Вся Франция пребывала бы в мире, если бы они сохранили миролюбие. Они вооружались против вас, ссылаясь на то уважение, которое вам подобало; вас приносили в жертву вашей же безопасности. С вами обращались, как с царем Кипра, закованным в золотые цепи. Враги Республики находятяся внутри нее; это не смелость вам нужно победить, а лицемерие. Некоторые мятежники из марсельцев разослали повсюду своих агентов. Одна женщина из Авиньона по имени Тиссак сообщила Бертену, судье торговой палаты в Марселе, план восстановления королевской власти, составленный теми, кто угнетает народ в этом городе. Во главе стоят Ланжье, человек хладнокровный и хитрый; Лавализ, вспыльчивый, склонный к разглагольствованию; Бертран — честолюбивый, дерзкий, наглый; Може-Мальвиль, Плеуз и Кастелане — энергичный и предприимчивый; Лежурдан, хитрый, но трусливый, тайный соучастник преступлений. Вот те, кто вызывает волнения в Марселе, те, кто хочет омрачить его славу. Они намереваются присоединиться к Вандее, если судьба им улыбнется и позволит окончательно снять с себя маску. Лион в таком же состоянии: Прива — хладнокровный, скрытный, таящий в себе свой пыл, Менис — генеральный прокурор, приторно-любезный; Куанде — неистов, его легко подбить на дерзкую выходку, — вот главные тираны, угнетающие народ Лиона, тираны, более гнусные, чем Пизистрат; они велют резать сына, который просит у них вернуть ему отца, и мать, оплакивающую сына.

Бюро подстрекает к мятежу власти департаментов Эр и Кальвадос; рядом с ним Горса, Пегюон, Луве, Барбару и некоторые другие. Закрывают народные общества; патриоты в Бокере подвергаются насилию; правительственная комиссия сформирована в Ниме; всюду течет кровь. Трейяр и Матье пишут

из Бордо, что там скупают ассигнаты с изображением короля. Один человек в театре во время спектакля крикнул: «Да здравствует король!», — и не понес за это никакого наказания. Народ на юге угнетен; вы должны разбить его цепи. Слышите вы крики тех, кого убивают? Дети, братья, сестры стоят перед этой решеткой и требуют отмщения. Отряд марсельцев движется к Лиону; они повсюду закрывают клубы: муниципалитет Тараскона в оковах. Европа ждет, кто первый из этих трусов подпадет под власть короля! Свобода мира и права человека осажены в Париже; но они не погибнут; ваше предназначение сильнее ваших врагов! Вы должны победить; приняты все предосторожности, дабы остановить преступление.

Теперь вы должны вынести решение. Вам следует провести некоторое различие между задержанными; большинство из них было обмануто: а кто из нас может похвалиться, что никогда не был обманут? Подлинные виновники — те, кто обратился в бегство, и вы больше не в долгу перед ними, ибо они причиняют несчастье своей родине. Пламя свободы очистило нас, подобно тому как расплавленный металл извергает из тигля грязную пену. Вы не смогли бы спасти отечество, если бы они оставались среди вас: так пусть они пребывают наедине с преступлением, которое желали совершить! Они сетовали на анархию, в которую сами нас свергли. Они нарушали мир добрых сельских жителей, вы же создавали законы: пусть народ выбирает между мятежниками, поднявшими против него оружие, и вами, кто стремится облегчить его тяготы. Они не разделяют с вами любовь всего человечества. Они жаловались на то, что Республику хотят расколоть; теперь они делят между собою ее обломки. Они говорят, что некоторым членам народного представительства было нанесено оскорбление; но сами они оскорбляют все представительство в целом. Они отнеслись равнодушно к восстанию разбойников Вандеи. Они призывают Францию выступить против вас и находят теперь оружие, чтобы бороться против законов и растерзать страну! Мы обрисовали их поведение с самого первого дня заговора. Многие рассказывали о событиях, движимые только своими страстями; они излагали факты непоследовательно и бессвязно: факты всегда кажутся отвратительными, если их представить вне связи с другими. Самые ослепленные, те, кто меньше всего знал о намерениях своих вождей, а потому наиболее фанатичные, они-то больше всего писали и говорили в последние дни заговора: соприкасаясь с заговорщиками теснее, чем другие, они должны были стать их самыми рьяными защитниками, ибо они были в наибольшей степени обмануты их лицемерием. Стоит только прочесть то, что писали Ланжюине, Рабо и другие, рассеянные по всей Франции: преступление они возвели в мученичество; все ими написанное выдает их тревогу, их слабость, все проникнуто духом партии.

Вы видели, как в течение долгого времени осуществлялся замысел вооружить граждан, вселив в них тревогу, поставив в тупик правительство посредством террора и напыщенных речей. Однако вам следует и теперь проявить уважение к свободе мнений; комитет призывает к этому. Можно было бы сказать, что речи представителя — это уже действия; что эта свобода предназначена для граждан, она является для них гарантией. Однако в правительственных актах свобода может обмануть и обернуться политикой, которая наносит

ущерб общественному спасению. Было ли священным общественное мнение, которое осудило Сократа и заставило его выпить цикуту? Будет ли тем более священным мнение, которое ведет к гибели народа?

Как бы то ни было, свобода не будет жестокой к тем, кого она обезоружила, к тем, кто подчинился законам. Покарайте тех, кто бежал, чтобы взяться за оружие; их бегство свидетельствует о том, что заключение их не было достаточно строгим. Покарайте их, но не за то, что они говорили, а за то, что они сделали. Судите остальных и помилуйте большинство: заблуждение не следует смешивать с преступлением, а вы не желаете быть жестокими. Настало время, когда народ сможет наконец обрести надежду на счастливые дни; когда свобода перестанет быть лишь неистовством враждебных партий. Вы пришли не для того, чтобы вызвать смуту на земле, но чтобы избавить ее от долгих тягот рабства. Восстановите внутренний мир; власть, пораженная в центре, раскидывает повсюду свои тяжелые обломки. Возродите повсеместно справедливость и энергию правительства. Объедините французов вокруг их конституции; пусть не распространится на нее ненависть, которую питают к ее создателям.

Забвение морали дошло до того, что стали требовать упразднения этого акта, хотя он и способен обеспечить счастье французскому народу, на том основании, что кое-кто не участвовал в его составлении: они что, царствовали, те, кто считал себя столь могущественным! И что вы ждали от них после стольких преступлений? Еще новых преступлений! Что это за предрассудок, который порождает среди нас секты и пророков и свободу стремится превратить в некое мистическое ярмо для народа? Вы не могли создавать законы вместе с ними и вы не вправе создавать законы без них? Следовательно, могут быть случаи, когда мораль и истина оказываются недействительными?

Я обрисовал ход заговора: да будет угодно судьбе, чтобы мы стали свидетелями последних бурь, переживаемых свободой! Свободные люди рождены для справедливости; нарушение покоя на Земле приносит мало пользы; справедливость состоит в том, чтобы подавлять тех, кто нарушает этот покой.

Вы имели право арестовать тех из ваших членов, кто предал Республику. Разве суверен в своем собрании не вправе покарать некоторых своих членов? О вы, представители суверена, кто же сможет спасти отечество, если не вы сами? Задержанные первыми подали пример жестокости по отношению к представителям народа: так пусть они испытают на себе действие закона, который они создали для других! Они — тираны, если считают себя выше закона; пусть они решают, называть ли их заговорщиками или же тиранами.

Итак, из документов, представленных в Комитет общественного спасения, вытекает:

что готовился заговор, дабы помешать установлению республиканского правления во Франции; что анархия служила предлогом для заговорщиков, дабы подавить народ, внести раскол в департаменты и обратить их с оружием в руках друг против друга;

что пытались возвести на трон сына Капета;

что попытки заговорщиков воспрепятствовать установлению Республики усилились, после того как конституция была представлена на обсуждение французского народа;

что на тайных совещаниях у Валазе, где присутствовали ныне задержанные, был разработан план истребления части Конвента;

что пытались вызвать раскол общественного мнения севера и юга Франции, дабы разжечь гражданскую войну;

что во время восстания 31 мая многие администрации, подстрекаемые к мятежу задержанными, захватили общественные суммы и провозгласили свою независимость;

что в это же время заговор против республиканского образа правления охватил администрацию Корсики, департаменты Буш-дю-Рон, Эр, Кальвадос, которые и по сей день охвачены мятежом.

Комитет полагает, что ваше правосудие должно быть беспощадным по отношению к инициаторам заговора. Комитет поручил мне предложить вам следующий декрет.

Статья 1. Национальный конвент объявляет изменниками отечества Бюзо, Барбару, Горса, Ланжуине, Салля, Луве, Бергуэна, Бирото, Петиона, которые уклонились от выполнения декрета, принятого против них 2 июня сего года, и подняли мятеж в департаментах Эр, Кальвадос, Буш-дю-Рон с целью воспрепятствовать установлению республики и восстановить королевскую власть.

Статья 2. Есть основания выдвинуть обвинение против Жансонне, Гюаде, Верньо, Мольво, Гардиена, уличенных в сообщничестве с теми, кто бежал и поднял мятеж.

Статья 3. В Национальный конвент будут возвращены: Бертран, член Комиссии 12-ти, который мужественно противостоял произволу, а также некоторые из задержанных, скорее обманутые, нежели виновные.

Статья 4. Национальный конвент приказывает отпечатать документы, переданные Комитету общественного спасения, и разослать их по департаментам.

О РЕВОЛЮЦИОННОМ ПОРЯДКЕ УПРАВЛЕНИЯ

(О необходимости признать порядок управления революционным вплоть до заключения мира. Доклад, представленный Национальному конвенту от имени Комитета общественного спасения 19 числа первого месяца II года Республики <10 октября 1793 г.>)

Почему после издания стольких законов, после стольких стараний требуется вновь привлечь ваше внимание к порокам общего управления, к вопросам экономики и продовольствия? Ваша мудрость и справедливый гнев патриотов еще не смогли положить конец злобным нападениям, которым повсюду подвергаются народ и революция. Законы — революционны; но те, кто их исполняет, не революционны.

Настало время провозгласить истину, которая отныне должна владеть умами тех, кто будет управлять. Республика будет упрочена лишь тогда, когда воля суверена подчинит монархическое меньшинство и обретет власть над

ним по праву завоевателя. Вы не должны больше щадить врагов нового порядка вещей; свобода должна победить какой угодно ценой.

Ваш Комитет общественного спасения, поставленный в центр всех событий,¹ определил причины общественных бедствий: он видит их в слабости, проявляемой при выполнении ваших декретов, в расточительности администрации, в неустойчивости государственной политики, в игре страстей, которые влияют на деятельность правительства.

Поэтому комитет решил ознакомить вас с истинным положением вещей и предложить вам средства, которые позволят, по его мнению, упрочить революцию, подавить федерализм, облегчить участь народа, обеспечить ему изобилие, укрепить армию, освободить государство от заговоров, которые его терзают.

Нельзя надеяться на благоденствие до тех пор, пока не погибнет последний враг свободы. Вы должны карать не только изменников, но и равнодушных; вы должны карать тех, кто остается бездеятельным в Республике и ничего не делает для нее.² Ибо, с тех пор как французский народ изъявил свою волю,³ всякий, кто противостоит ей, находится вне суверена, а тот, кто вне суверена, является его врагом.

Если бы заговоры не вносили смуту в государство, если бы отечество не становилось тысячу раз жертвой снисходительных законов, было бы отрадно управлять согласно принципам мира и естественной справедливости: эти принципы хороши в отношении друзей свободы; но между народом и его врагами не может быть ничего общего, кроме меча.⁴ Там, где нельзя управлять посредством справедливости, нужно употребить железо; нужно подавить тиранов.

Вы проявили энергию; но государственное управление ею не обладало. Вы хотели ввести экономию, ответственные за нее лица не поддержали ваших усилий. Все грабили государство. Генералы вели войну со своей собственной армией. Те, кто владеет продовольствием и товарами, те, кто унаследовал от монархии все ее пороки, сплотились против народа и против вас.

У народа есть лишь один опасный враг, это его правительство; ваше правительство постоянно и безнаказанно вело с вами войну.

Наши враги не встречали никаких препятствий для организации заговоров. Агенты, назначенные при прежних министрах, сторонники роялистов являются прирожденными соучастниками всех покушений на отечество. У вас было мало министров патриотов; и поэтому все, кто стоял во главе армии и администрации, чуждые своему народу, если можно так выразиться, постоянно способствовали планам наших врагов.

Народ ошибается, но ошибается реже, чем отдельные лица. Генералы не испытывают сочувствия к нации, ибо они назначаются не по ее выбору и не по выбору ее представителей.⁵ Они все менее пользуются уважением среди солдат. Все это тем менее достойно одобрения, чем более важен выбор. Дисциплина от этого страдает. А генералитет все еще корнями связан с монархией.

Быть может, не найдется ни одного военачальника, который втайне не надеялся бы преуспеть путем предательства в пользу королей.⁶ Не следует отождествлять военных с народом и с отечеством.

Так же обстоит дело и с высшими правительственными чиновниками; одной из причин наших несчастий является плохой выбор исполнителей; должности покупают, и они достаются нечестным людям; интриганы бесценно занимают эти посты; мошенника изгоняют из одного ведомства, он переходит в другое.

Правительство, таким образом, состоит постоянно в заговоре против существующего порядка вещей. Шесть министров назначены на свои должности,⁷ они могут быть честными людьми, но к ним обращаются с ходатайствами, и они выбирают себе подчиненных вслепую. Тех, в свою очередь, одолеваят просьбами, и они выбирают себе помощников таким же путем. Таким образом, на всех ступенях правительственной иерархии господствуют заблуждение и произвол.

Министры признаются, что среди должностных лиц ниже рангом их первых и вторых подчиненных царят бездеятельность и безразличие.

Возможно, врагам Франции удастся в течение трех месяцев ввести заговорщиков во все органы вашего правительства. Стоит только троим занять должности, как они уже вводят шестерых. И если сейчас мы присмотримся внимательнее к людям, управляющим государством, то среди тридцати тысяч служителей власти вряд ли найдется несколько достойных того, чтобы народ отдал им свой голос.

Граждане, все враги Республики находятся в ее правительстве. Тщетно вы трудитесь в этом зале над созданием законов; тщетно ваш комитет и некоторые из ваших министров оказывают вам поддержку; все плетут заговоры против них и против вас.

Нам стало известно, что агенты администраций госпиталей в течение шести месяцев снабжали мукой мятежников Вандеи.

Богачи стали еще богаче со времени таксации, принятой прежде всего для блага народа; размеры их состояния удвоились и вместе с тем удвоились их возможности совращать народ.⁸

Не сомневайтесь, именно богатые люди способствуют войне. Повсюду они выступают конкурентами государства при закупках продовольствия. Они предоставляют свои капиталы вероломным администраторам, агентам, посредникам; даже правительство связано с ними. Вы преследуете скупщиков, но вы не можете преследовать тех, кто делает вид, что закупает продовольствие для армии.

Нужно особое искусство, чтобы создать запретительный закон, от которого не могло бы скрыться ни одно злоупотребление. Раскитители, смещенные с должностей, передают украденные ими суммы в руки тех, кто приходит им на смену. Большая часть людей, объявленных подозрительными,⁹ ведает поставками. Правительство является как бы страховой кассой для всех грабителей и преступников.

В правительстве все взаимосвязано; зло, укоренившееся в одном месте, влияет на все остальное. Расхищение государственной казны приводит к вздорожанию продуктов питания, способствует успеху заговоров. Вот как это происходит.

Три миллиарда, украденные поставщиками и посредниками всех мастей,

конкурируют теперь с государством при закупке товаров; с народом на рынках и в торговых предприятиях; с солдатами в гарнизонах и с торговлей за границей. Эти три миллиарда вызывают брожение в Республике; они расходуются на вербовку сторонников наших врагов; на подкуп генералов; на покупку общественных должностей; на совращение судей и должностных лиц. Благодаря этим трем миллиардам преступление становится сильнее, чем закон. Тот, кто обогатился, хочет стать еще богаче; тот, кто нуждается в самом необходимом, терпелив; тот же, кто жаждет излишеств, жесток. Отсюда бедствия народа, чья добродетель бессильна в борьбе против его врагов.

Вы приняли закон против скупщиков,¹⁰ но те, кто должен внушать уважение к законам, сами занимаются скупкой: так, консулы Папий и Поппей, оба холостяки, издали законы против безбрачия. В государственном управлении нет искренних людей; их патриотизм — лишь игра словами. Каждый приносит в жертву других и никогда не жертвует собственными интересами.

Вы добились многого для народа, изъяв 1800 миллионов из обращения, тем самым вы частично предотвратили вред, наносимый отечеству. Но после установления таксации у тех, кто владел капиталами, ценность их сбережений, как я уже говорил, тотчас же возросла вдвое. Следовательно, необходимо, чтобы вы обложили налогом чрезмерное богатство; необходимо также учредить особый трибунал, чтобы все, кто распорядился в течение четырех лет средствами Республики, представляли отчет о состоянии своих доходов. Эта благотворительная цензура позволит удалить с должностей мошенников. Суммы, возмещенные расхитителями, пополнят государственную казну, и справедливость, в свою очередь, придет на смену безнаказанности.

Когда вы уничтожите самый корень зла и лишите врагов народа их богатства, тогда они перестанут с ним конкурировать, тогда вы сможете расходовать значительно меньше на снаряжение и содержание армий; тогда зависимость от богача не будет больше унижать неимущий народ. Хлеб, получаемый от богача, горек, он угрожает утратой свободы. В мудро управляемом государстве хлеб по праву принадлежит народу.

Но если вместо того чтобы установить экономию и подавить предателей, вместо того чтобы возложить на них бремя расходов на войну, вы будете выпускать ассигнаты, дабы еще их обогатить, тогда вы предоставите вашим врагам еще больше возможностей нанести вам вред.

Нужно высказать всю правду до конца. Таксация стала необходимой в силу обстоятельств.¹¹ Но если продолжать выпускать ассигнаты, если они останутся в обращении, богач, у которого есть сбережения, снова вступит в конкуренцию с народом, с сельским хозяйством, с полезными ремеслами, чтобы отнять необходимые им рабочие руки.

Земледелец забросит свой плуг, ибо он заработает больше, если пойдет в услужение к богачу. Вы установите твердые цены на продукты, но вас лишат рабочих рук, которые их производят; если продуктов станет меньше, богач всегда сумеет их достать, и голод может достичь небывалых размеров.

Если после таксации цены на съестные припасы стали на треть, на четверть или на половину меньше прежних, следует изъять из обращения треть, четверть, половину денежных знаков или звонкой монеты.

Луи Антуан Сен-Жюст накануне революции.

Физиотрас, прилепленный к экземпляру поэмы «Органт», который принадлежал одному из друзей Сен-Жюста.

Луи Жан де Сен-Жюст.
Пастель. Портрет работы неизвестного автора.
Музей Карнавале.

Мари Анн де Сен-Жюст, урожденная Робино.
Портрет работы неизвестного автора.
Музей Блеранкура.

meis que je meyrice lui, parce que j'ai prout
son ame et qu'il seroit qu'je meyrice
Dites lui qu'il se abandonne prout labour faide
et recommander le lui, car, c'est prout encor
l'aud au Dieu fortu magnanm: adrea Jesuis
Andreas d'umathes, je souffertai tout meir
Jedira: batotit. Vous etes tous des laches qui
meis etes prout appres: un prout laches
vous tant, et vous obscurera prout etre.
infames que vous etes Jesuis infames, meyrice,
parce que j'ai prout d'argent et d'ouedon
macher, meir laches et manger le vous
des meir de que vous n'etes prout, grand!

Письмо к Добиньи. Факсимиле.

Луи Антуан Сен-Жюст.
Портрет работы Ж. Б. Грёза.
Частная коллекция.

Луи Антуан Сен-Жюст.
Сестра. Портрет работы Герена,
Страсбург, 1793 г. Музей Карнавале.

Луи Антуан Сен-Жюст.

Пастель. Портрет работы неизвестного автора (предположительно, Франсуа, жившего в одно время с Сен-Жюстом в гостинице Соединенных Штатов на улице Гайон). Музей Карнавале.

Луи Антуан Сен-Жюст.

Гравюра с портрета, принадлежавшего Элизабет Леба, которая отдала за него хозяйке гостиницы на улице Гайон свой подвенечный наряд и костюм погибшего мужа.

Именно богач, удвоивший свое состояние благодаря таксации, должен вернуть родине часть этого дохода соразмерно с прибылью, которую принесли ему твердые цены.

Один из лучших способов снизить цены на продукты питания и воспрепятствовать чрезмерному обогащению — это принудить к экономии того, кто обладает излишним богатством.

Эти простые истины должны быть поняты всеми, они воспринимаются скорее сердцем, чем умом.

Вы должны рассматривать денежную систему, сложившуюся в современных условиях, под определенным углом зрения: все необычайно вздорожало со времени распродаж 1790 и 1791 годов, проведенных весьма поспешно. Годовые взносы и проценты, выплачиваемые вам сегодня, уже не соответствуют нынешней ценности денежного знака, и государство потеряло половину дохода на продаже земель.

Я высказываю здесь эти соображения вовсе не для того, чтобы встревожить приобретателей. Как бы велики ни были потери, которые несет государство, потеря национального доверия была бы еще большим злом; честность французского народа может служить гарантией при отчуждении общественного домена.¹²

Итак, все это доказывает, что вы должны обложить податью богачей, ввести строгую экономию и сурово наказывать всех виновных, дабы не терять на уменьшении суммы процентов и годовых взносов.

Средства, которые мы предлагаем, просты и присущи самой природе вещей; их следует предпочесть тем бесчисленным проектам, которые в течение последнего времени наводняют Республику.

Ваш Комитет общественного спасения полагает, что экономия и суровые меры в настоящий момент являются наилучшим способом понизить цены на съестные припасы. Комитету были представлены проекты займов, банковских операций и разного рода спекуляций как с деньгами, так и с продовольствием; но он отверг их все как проекты, вдохновляемые корыстью или происками иностранцев. Мы должны придерживаться только одного принципа, а именно: уменьшения количества ассигнатов лишь путем их сожжения.

Теперь бросим взгляд на торговлю и на обмен.

Я рассказал бы вам о политике и о торговле Европы, если бы не должен был представить вам отдельный доклад относительно колоний.¹³

Поэтому я не буду говорить здесь о тех взглядах на торговлю, которые соответствуют духу Республики. Я собираюсь говорить о торговле лишь в связи с тем кризисом, который мы сейчас переживаем.

Многие товары стали редкостью; это те, которых не производит наша страна. Этих продуктов может стать еще меньше из-за трудности их добычи. Обмена больше нет. Однако лучше обходиться без предметов роскоши, чем лишиться мужества и добродетели.

Необходимо, чтобы ваш Комитет торговли рассмотрел вопрос о том, соответствует ли потребностям народа количество предметов первой необходимости, производимых в нашей стране, ибо ничто не может восполнить потери, вызванные всеобщей нехваткой.

Вся торговля Европы чахнет: наши враги сами себя наказали, подобно пчеле, которая умирает, вонзив в нас свое жало. С начала войны в Лондоне произошла тысяча банкротств. Как только английское правительство признает богача, оно делает его лордом. Таким путем оно стремится укрепить патрициат и монархическую власть и в то же время подрывает торговлю. Если в палате общин найдется несколько мужественных людей, то, может быть, в скором времени она уничтожит палату лордов и монархию; нищета народа и ущерб, нанесенный торговле, будут этому способствовать.

Установившиеся у нас нравы позволяют нам с радостью переносить лишения. Не так обстоит дело в монархических государствах, которые ведут с нами войну: стенания бедствующих народов сотрясают их устои.

Съестные припасы подорожали еще из-за трудностей перевозок, из-за высокой стоимости фуража и лошадей; дороги большей частью разбиты.

У вашего комитета возникла мысль использовать людей, справедливо отнесенных к «подозрительным», на работах по восстановлению дорог, по прорытию Сен-Кантенского и Орлеанского каналов, по расчистке рек, по перевозке леса для построения судов. Это будет единственная польза, которую они могут принести отечеству. Вам следует обдумать этот проект с присущей вам мудростью. В Республике никакие соображения не могут взять верх над общей пользой. Будет справедливо, если народ станет, в свою очередь, властвовать над своими угнетателями и если пот смоет высокомерие с их чела.

Различные законы о продовольствии, изданные вами в свое время, возымели бы действие, если бы люди не были дурными.

Когда вы приняли закон о *максимуме*, враги народа более богатые, чем он, стали скупать товары по ценам выше *максимума*.

Снабжение рынков прекратилось из-за алчности продавцов; цены на продукты питания снизились, но сами продукты почти исчезли из обращения.

Уполномоченные многих коммун стали наперебой скупать продовольствие; и поскольку паника растет и распространяется сама по себе, каждой из них захотелось обзавестись продуктовым складом и, оберегая себя от голода, вызвали общий голод.

Департаменты, имеющие плодородные земли, были наводнены агентами различных комиссий; чтобы обеспечить закупки, давали задатки; закупали продукты для герцога Йоркского;¹⁴ можно было встретить агентов, которые расплачивались гинейями.

Администрация снабжения армии и народ, вынужденные покупать по ценам *максимума*, находили в продаже только то, что, стыдясь преступления или корысти, не осмеливались продавать по более высокой цене.

Таким образом, наши враги извлекли выгоду из законов, изданных нами самими, и обратили их себе на пользу.

Ваш Комитет общественного спасения полагает, что вы должны решительно подавить конкуренцию, установившуюся между народом и его врагами; вы должны ввести визы для комиссий по реквизициям так, чтобы можно было выявить злонамеренных агентов и упорядочить реквизиции.

При существующем положении Республики конституция не может быть введена; ее используют для ее же уничтожения.¹⁵ Она станет гарантией для

тех, кто покушается на ее свободу, ибо она исключает применение насильственных мер, необходимых для их подавления. Существуют препятствия и в самом порядке управления.

Слишком велико расстояние от вас до преступников; нужно, чтобы меч закона разил повсеместно и безотлагательно, нужно, чтобы ваша рука была готова всюду остановить преступление.

Вы должны предохранить себя от независимости администраторов, разделить власти, слить их с революционным движением и с вами, умножить их число.

Вы должны затянуть все узлы, руководить деятельностью властей, зачастую внушающих страх патриотам и снисходительных к предателям. Долг перед народом предан забвению; наглость чиновников невыносима. Состояния наживают с необычайной быстротой.

Невозможно добиться исполнения революционных законов, пока не установлен революционный порядок управления. Не приходится надеяться на изобилие, если вы не учредите такой порядок управления, который будет мягким и умеренным по отношению к народу, беспощадным по отношению к самому себе. Такое правительство должно оказывать давление на самого себя, а не на народ. Всякая несправедливость по отношению к гражданам, всякое предательство, всякое проявление равнодушия к отечеству, всякая снисходительность должны быть сурово наказаны.

Нужно уточнить обязанности, нужно, чтобы повсюду меч был готов поразить злоупотребление, чтобы все были свободны в Республике, кроме тех, кто замысливает заговоры против нее и кто плохо управляет.

Заговоры, вот уж год терзающие Республику, предостерегли нас, что само правительство строит заговоры против отечества. Когда разгорелся мятеж в Вандее, ничего не было сделано, чтобы этому помешать; Лион, Бордо, Тулон, Марсель восстали, были преданы, а правительство не предприняло ничего, чтобы предупредить или остановить это бедствие.¹⁶

И сегодня, когда Республике нужно накормить миллион двести тысяч человек, покарать мятежников и спасти народ; сегодня, когда необходимо доказать Европе, что не в ее власти восстановить у нас единоличное правление, вы должны создать правительство, способное поддержать ваши замыслы, ввести экономии и добиться общественного блага.

Необходимо обеспечить безопасность наших гаваней; в кратчайшие сроки построить множество судов; пополнить государственную казну; вернуть изобилие; снабжать продовольствием Париж как город, находящийся на осадном положении, вплоть до заключения мира. Вы должны всюду проявить деятельную энергию, добиться сплочения армии с народом и с Национальным конвентом.

Было бы также желательно строго определить обязанности представителей народа при армиях.¹⁷ Они должны быть отцами и друзьями солдат. Они должны спать в палатках, присутствовать на военных учениях. Им не следует близко сходиться с генералами, дабы солдат, когда он к ним обращается, больше доверял их справедливости и беспристрастию. Днем и ночью они должны быть готовы выслушать солдата. Они питаются в одиночестве, довольст-

вухся скудной пищей. Они должны помнить, что отвечают за общественное спасение и что следует преодолевать в себе временную слабость ради грядущего падения королей.

Те, кто совершает революции в нашем мире, те, кто стремится творить добро, обретут покой лишь в могиле.

Представители народа в военных лагерях должны там жить, как Ганнибал перед Капуей и как Митридат, зная по возможности имена всех солдат; они должны преследовать всякую несправедливость, всякое злоупотребление, ибо дисциплине наших армий присущи многие пороки. Видели целые батальоны Рейнской армии просящими милостыню на рынках. Подобные возмутительные факты унижают свободный народ. Умирают от голода те, кто пощадил разоренную Бельгию.¹⁸

Несчастливый солдат несчастнее всех других людей, ибо зачем он сражается, если ему нечего защищать, кроме правительства, которое им пренебрегает? А характер военачальников таков, что солдат не может ждать от них облегчения своих бед. Во главе армий мало доблестных командиров, способных воодушевить солдат, внушить им любовь к славе, национальную гордость, уважение к дисциплине, которая является залогом победы. До сих пор во главе ваших армий находились только глупцы и мошенники. Ваш Комитет общественного спасения провел чистку штабов, но и сейчас еще можно упрекнуть офицеров в небрежении службой. Они плохо изучают искусство побеждать; они предаются разгулу, отлучаются из своих частей во время учений и во время боя; они отдают приказы с высокомерием, что говорит об их неуверенности в себе. Ветеран под ружьем посмеивается над глупостью того, кто им командует. Вот почему нас преследуют неудачи!

У нас до сих пор нет военных установлений и законов, соответствующих духу республики, которую мы должны основать.¹⁹ Все, что остается без изменения в эпоху обновления, является гибельным. Военное искусство монархии непригодно для нас, сейчас другие люди и другой противник. Могущество народов, их завоевания, их блестящие успехи в политике и в военном деле имеют одну общую основу, зависят от одного действительного установления. Так, греки обязаны своей военной славою *фаланге*, римляне — *легиону*, который победил фалангу. Не следует думать, что фаланга и легион — просто названия воинских соединений, насчитывающих какое-то число людей. Они подразумевают определенный порядок ведения боя, определенную воинскую организацию.²⁰

Наша нация уже обрела свой особый характер; ее военная система должна быть иной, чем система ее противников; поскольку французская нация внушает страх своим пылом, своей стремительностью, а ее противники неповоротливы, равнодушны и медлительны, то и в ее военной системе должен главенствовать яростный порыв.

Если французскую нацию в этой войне воодушевляют сильные и благородные страсти, любовь к свободе и ненависть к тирании и к угнетению, если ее противники, напротив, являются наемными рабами, бесстрастными автоматами, тактикой ведения войны для французской армии должен быть молниеносный удар.²¹

Этот боевой дух должен распространиться во всех воинских частях; что же касается администрации, то она обязана поддерживать дисциплину.

В военной администрации полно грабителей; крадут фураж для лошадей, батальонам не хватает пушек и лошадей для их перевозки. Субординацию там не признают, ибо все воруют и взаимно презирают друг друга.

Настало время искоренить все эти злоупотребления, если вы хотите упрочить Республику. Порядок управления должен быть революционным не только по отношению к аристократии, но также по отношению к тем, кто обкрадывает солдата, кто развращает армию своими наглыми действиями, к тем, кто, расхищая народное достояние, угрожает привести народ к рабству, а государство к полному распаду. Все бедствия имеют своим источником развращенность одних и легкомыслие других.

Нет сомнения, что во время революций, когда для осуществления перемен необходимо преодолеть сопротивление одних и бездействие других, слепую приверженность к свергнутой власти одних, лицемерие и честолюбие других, новый порядок управления устанавливается с трудом и также с трудом формируются его программа и основные принципы. Ему требуется много времени, для того чтобы выработать окончательные решения. Свобода также переживает свой период детства, когда носители власти опасаются как твердости, так и слабости; ибо путь к свободе лежит через спасительную анархию, а абсолютному порядку часто сопутствует рабство.

Между тем враг удваивает свои усилия и свою энергию, он ведет с нами войну, не столько надеясь победить нас силой оружия, сколько рассчитывая ослабить правительство, чтобы не дать ему упрочиться; он ведет эту войну для того, чтобы пролить кровь ревностных защитников свободы, чтобы уменьшить их число и затем, когда погибнут храбрецы, договориться о капитуляции с трусами, которые ждут его прихода. Сто тысяч патриотов погибло в течение одного года, свободе нанесен ужасающий урон! Противник же потерял только рабов; так эпидемии и войны укрепляют власть монархов.

Итак, необходимо, чтобы наше правительство выиграло с одной стороны то, что оно утратило с другой. Нужно лишать всех врагов свободы возможности вредить ей, по мере того как погибают честные люди. Нужно вести войну осмотрительно и щадить кровь наших граждан, ибо врагу только и нужно такое кровопролитие. Европа жаждет нашей крови. Сто тысяч человек находят-ся в могиле; сто тысяч человек уже не могут защищать свободу. Правительство повинно в их гибели; в этом — преступление одних, бессилие и неспособность других.

Все, кто служит правительству, ленивы; тот, кто занимает какой-либо пост, ничего не делает сам, он подбирает себе помощников, те, в свою очередь, берут себе в помощь других, и Республика становится жертвой двадцати тысяч глупцов, которые противятся ей, развращают ее и обескровливают. Вы должны уменьшить повсюду число агентов, дабы начальники сами работали и сами думали.

Министерства — это бумажное царство. Мне неизвестно, как правительства Рима и Египта обходились без этих бумаг; там много думали, но писали мало. Обилие переписки и приказов правительства свидетельствуют о его без-

деятельности; управление должно быть лаконичным. Представители народа, генералы, должностные лица окружили себя канцеляриями, подобно прежним придворным; никто ничего не делает, но траты огромны. Канцелярии заменили собой монархию, неудержимая страсть к бумагомаранию вступает с нами в борьбу; и никто не управляет.

Во главе наших учреждений мало людей добросовестных, людей с широкими взглядами. Служение обществу в том виде, в каком оно существует, не добродетель, а ремесло.

Итак, все способствовало голоду и усугублению несчастий народа. Аристократия, алчность, бездействие, воровство, дурные способы управления. Нужно полностью перестроить весь порядок управления, чтобы воспрепятствовать усилиям наших врагов вернуть нас к тирании. Когда все злоупотребления будут искоренены, уничтожение всякого зла приведет к благу и изобилию, восстановится само собой.

Я вкратце обрисовал положение нашего государства, его нужды и его несчастья; ваша мудрость довершит остальное. Именно совместное действие всех талантов поможет сделать достоянием всех намерения Комитета общественного спасения.

Национальный конвент, заслушав доклад своего Комитета общественного спасения, постановляет следующее.

О порядке управления

Ст. I. Временный порядок управления Францией будет революционным вплоть до заключения мира.

II. Временный исполнительный совет, министры, генералы, установленные власти подлежат надзору Комитета общественного спасения, который еженедельно представляет отчет об их деятельности Конвенту.

III. Всякая мера общей безопасности должна приниматься Временным исполнительным советом после утверждения Комитетом общественного спасения, который докладывает о ней Конвенту.

IV. Революционные законы должны исполняться быстро. По вопросам общественного спасения правительство сносится непосредственно с дистриктами.

V. Главнокомандующие назначаются Национальным конвентом по представлению Комитета общественного спасения.

VI. Поскольку бездеятельность в управлении была причиной ряда отступлений, устанавливаются точные сроки приведения в исполнение законов и мер общественного спасения; нарушение этих сроков карается как покушение на свободу.

Продовольствие

VII. Таблица запасов зерна в каждом дистрикте, составленная Комитетом общественного спасения, будет отпечатана и роздана всем членам Конвента для немедленного использования в деле.

VIII. Необходимое для каждого департамента <количество зерна> будет приблизительно исчислено и гарантировано ему; излишек подлежит реквизиции.

IX. Таблица продовольственных запасов Республики будет разослана народным представителям, морскому министру, министру внутренних дел, членам администрации продовольствия; они наложат реквизиции в тех округах, которые им будут назначены; для Парижа выделяется особый округ.

X. Реквизиции для неплодородных департаментов определяются Временным исполнительным советом.

XI. К 1-му марта Париж должен быть обеспечен продовольствием на год.

Общая безопасность

XII. Управление революционной армией и использование ее сил будет немедленно организовано таким образом, чтобы обуздать контрреволюционеров.

Комитет общественного спасения представит соответствующий проект.

XIII. Совет направляет гарнизоны в те города, где начнется контрреволюционное движение. Гарнизоны будут оплачиваться и содержаться за счет богатей этого города вплоть до заключения мира.

Финансы

XIV. Будет учрежден трибунал и суд присяжных по делам отчетности; этот трибунал и присяжные будут назначены Национальным конвентом; ему поручается возбуждать дела против всех тех, кто с начала революции держал в своих руках государственные средства, и требовать отчета об их состоянии.

Организация этого трибунала возлагается на Комитет законодательства.

О ЗАКОНЕ ПРОТИВ АНГЛИЧАН

(Доклад, представленный Национальному конвенту от имени Комитета общественного спасения 25 числа первого месяца II года Республики <16 октября 1793 г.>)

Граждане, вы предложили вашему комитету рассмотреть внесенное здесь предложение отменить закон против англичан или же распространить его действие на всех иностранцев. Ваш комитет рассмотрел это предложение с присущей ему добросовестностью. Внесший это предложение упрекнул вас в том, что вы желаете вести войну против нации; подобный упрек может быть обращен к нему самому. Закон, против которого он возражал, касается только англичан, тогда как требуемое им расширение закона поразит всю Европу.

Принятый вами закон вызван тем особым недоверием, которое внушают вам англичане; ибо они нарушили международное право по отношению к нам с неслыханной ранее жестокостью. По-видимому, они решили, что наилуч-

ший способ вести войну с зарождающейся Республикой — это развратить ее, вместо того чтобы с нею сражаться.

Сведения, получаемые нами, убеждают нас в том, что, преувеличивая суровость наших мер, они пытались таким путем их пресечь.

Внушить страх, такова была ваша очередная задача; но она относилась только к негодяям. Между тем, следуя точно разработанному плану, стремясь нейтрализовать наши меры, сделав их более жестокими, они добивались всеми средствами, чтобы террор, предназначенный только для врагов народа, распространился на сам народ. Они надеялись, что народ, устав от счастливо-го возбуждения, которое одно только и поддерживало Свободу до сего времени, в конце концов начнет действовать заодно со своими врагами и станет вновь снисходительным и слабым.

В Республике имеются фракции: фракции ее внутренних врагов, фракции расхитителей, которые служат Республике только для того, чтобы высасывать из нее соки и, изнузив ее, довести до гибели. Есть здесь и люди, жаждущие приобрести должности, заставить говорить о себе и нажиться на войне.

Все эти партии, все столь различные страсти, способствуют все вместе разрушению государства, хотя и не находятся в сговоре друг с другом.

Комитет, убежденный в том, что невозможно создать республику, если не иметь достаточной смелости, чтобы избавить ее от интриг и от фракций, хочет говорить с народом и с вами со всею искренностью. Тот, кто прибегает к притворству, говоря с народом, обречен на гибель.

Так, в тот самый день, когда вы приняли спасительный закон против вероломства англичан, была сделана попытка ослабить действие этого закона, увеличив число лиц, на которых он распространяется. Это известная всем истина: чем большее число людей закон хочет утратить, тем меньше он внушает страха.

Рассматривая внесенное здесь предложение, мы сочли необходимым изучить все способы, к которым прибегают, дабы смутить общественное мнение и извратить законы.

Ораторы этого Собрания окружены ловкими людьми, которые пытаются внушить им ошибочные решения; так зачастую помимо своего желания они становятся пособниками интриг иностранных держав. Именно этим вызвано предложение отменить закон против англичан или же распространить его на всех иностранцев.

Здесь говорили, что декрет может произвести неблагоприятное впечатление на английский народ, который был настроен против нас после казни короля, но постепенно отходит от своих заблуждений; говорили, что нужно опасаться ведения против целой нации войны, которую мы ведем с ее правительством.

Поскольку разум и справедливость едины, мы с трудом поняли смысл этой альтернативы: либо отменить декрет, либо расширить его действие; и противоречие, которое сводится к тому, что нельзя вести войну с одной английской нацией, но можно вести войну со всеми нациями Европы. Мы также не поняли, почему нам следует опасаться недовольства англичан, оскорбленных

смертью нашего тирана, и бояться вести войну с теми людьми, чьи мнения, как уже известно, противоположны нашим.

Предложение должно было ограничиться либо простым и ясным требованием отмены закона, либо требованием распространить его действие на всех иностранцев; представленная же альтернатива неразрешима, ибо не существует середины между справедливым и несправедливым.

Комитет общественного спасения, граждане, должен был принять определенную линию ведения дел; он должен был наметить политический курс и разработать план, который позволил бы подготовить процветание Французской республики, и одновременно тайным образом уничтожить источники благосостояния ее врагов.

С этой целью комитет предложил вам принять закон, запрещающий ввоз английских товаров; была внесена поправка относительно ареста всех англичан, и вы ее приняли.

Предлагая закон, запрещающий ввоз товаров, комитет имел сначала в виду только наши экономические интересы. И именно на этот закон ссылаются, когда приписывают комитету желание вести войну против одной нации. Невозможно, чтобы выгода отношений, основанных на международном праве, была всегда взаимной. Мы должны были прежде всего принять во внимание интересы нашей родины. Можно желать блага всем народам на земле, но в действительности можно творить благо только для своей страны. Ваш комитет, убежденный в этой истине, видел в мире только французский народ.

Долгое время филантропия служила прикрытием злодеяний, которые нас терзали. Эта филантропия привела к тому, что остались погребенными в земле сто тысяч французов, остались в Бельгии тысяча двести миллионов. Ваш Комитет общественного спасения полагал, что в наших отношениях с иностранными государствами вам не следует принимать во внимание никаких соображений, недостойных гордости Республики и мужества французов.

Если вы будете щадить своих врагов, такое поведение сочтут не добродетелью, а слабостью; а слабость в отношениях между нациями, как и в отношениях между людьми, находит мало приверженцев. Именно слабостью следует считать внесенное здесь предложение об отмене вашего декрета против англичан.

Однако здесь следует остановиться еще на одном вопросе.

Декрет, который вы издали, направлен ли он против англичан? Я отвечаю — нет. Вы приняли этот декрет ради блага Республики, но не против какого-либо народа. И не против английской торговли вы издали закон, запрещающий ввоз ее товаров, а против правительства, которое взимает налоги с этой торговли и использует их для войны с нами; против того правительства, которое через конкуренцию своих мануфактур с нашими разоряет нашу промышленность; такая война подобна яду, который поражает внутренности.

И не против англичан направлен ваш закон о взятии их под стражу, а против правительства, которое, пользуясь свободой, предоставленной у нас иностранцам, наводнило Республику заговорщиками, захватило наши порты и города, наладило преступные связи, организовывало поджоги арсеналов, подстрекало к изменам.

Я не буду напоминать вам о том, что произошло в Тулоне, об убийстве представителей народа,¹ об оскорблении, нанесенном английской палате общин так же, как и вам. Не буду говорить о фанатизме, распространившемся в Вандее с помощью правительства просвещенного народа; о фальшивых деньгах, конкурирующих в нашем обращении с потребностями неимущих и ставших первой причиной вздорожания продовольствия; о кровопролитии в колониях; о повсеместных притеснениях французов. Совсем недавно английские пираты под трехцветным флагом овладели американскими судами, чтобы поспорить вас с нашими последними друзьями; другие же преследовали наши корабли до самой генуэзской бухты.

От нас требуют умеренности, но по отношению к кому? К преступному правительству! Вместо того чтобы поддаваться слабости, заставьте ваших детей поклясться в вечной ненависти к этому новому Карфагену.

Ваш комитет не намерен говорить вам больше об Англии, но вести дела так, чтобы доказать вам, что его занимают только интересы Республики.

Ваш закон не направлен против народа Англии; напротив, принятые вами предосторожности помогут ему разбить свои цепи, если он окажется достойным свободы. Не Англия, а лондонский двор стал для нас Карфагеном.

Есть две фракции в Европе: фракция народов — детей природы, и лига монархов — детей преступления. Пусть Англия пробудится, и мы, ее друзья, поможем ей освободиться от монархов! Так пусть же не говорят больше, что мы хотим вести войну против нации. Если ваши суровые меры, принятые против англичан, живших во Франции, являются оскорблением, то это оскорбление следует целиком отнести к правительству Англии, посеявшему в нас недоверие своими злодеяниями.

Мы не совершили никакого преступления, которое оправдывало бы изгнание французов с этого острова шесть месяцев назад: если народ Англии страдает от последствий войны, пусть он винит за эту несправедливость тех, кто им управляет, но не нас. Наше недоверие обосновано, это недоверие к жестоким врагам, которые так далеко зашли в попытках нас совратить.

Палата общин должна понять, что когда убили представителей народа в Тулоне, был нанесен удар и ей.

Если находится человек, безразличный к нашим несчастьям и развращенный до такой степени, что способен оскорбиться нашей суровостью, значит, у него нет никакого представления о нашей Республике, для установления которой требуется мужество.

Итак, вы должны быть всегда непреклонными; и даже если существует эта призрачная опасность ведения войны против нации, вам следует принять во внимание, что всякая поддержка заговорщиков и покровительство им повлекут за собой реальную и еще большую опасность.

Прежде всего торговля с Англией дает богачам возможность снизить обменный курс наших денежных знаков; эта торговля разоряет наши мануфактуры. Мы получали из Англии только готовые изделия; из-за этого мы платили громадную цену за выработку. Англия поставляла нам только предметы роскоши; ее политика заключалась в том, чтобы взимать дань со всех народов

и обогащаться, не поставляя им никакого сырья, дабы сохранить прибыль от готовых изделий.

Те, кто требует того же запретительного закона для всех иностранцев, разве они не знают, что другие страны не придерживаются этой политики, проводимой Англией? Вся их торговля зиждется на вывозе сырья, а не готовых изделий. Одна страна поставляет кожу, другая металлы, третья лес.

О вы, принудившие нас к этому разговору, установите же наконец какое-нибудь различие между вашими врагами в соответствии с различием торговых отношений и наших интересов.

Следует сказать без излишней скромности: мы нуждаемся в сырье, а другие в том, чтобы нам его продавать; мы наложили запрет только на громадные прибыли, получаемые Англией от готовых изделий. Эта торговля поддерживает промышленность наших врагов; она позволяет мошенникам внутри страны сбывать то, что ими похищено; она дает возможность вражескому государству засылать к нам шпионов.

Что же означают слова: вести войну против нации? Даже если предположить, что принятый вами закон вызовет возмущение лондонских торговцев, то будет ли также возмущена этим вся нация? Торговцы не составляют английской нации, как они не составляют нации и у нас.

Все законы, которые вы издадите против торговли с Англией, заслужат признательность английского народа, ибо его угнетают в равной степени и дворянство, и министры, и торговцы. Те, кто заявлял здесь, что ваши декреты означают войну против нации, не нанесли ли они оскорбления Англии, поскольку они признают нацией только ее откупщиков и ее монарха?

Не будем же доверять тем предложениям, которые хотят нам навязать. У Питта в Англии есть бюро всеобщего безумия, подобно тому как у Ролана было бюро общественного мнения.² Этот-то Питт, который благодаря нашим нападкам создал себе некоторую репутацию в мире, принудил свое государство к большим расходам, чтобы уничтожить нашу Республику. Характер и взгляды этого человека должны быть вам известны. Нам потребуются жестокость и сила, чтобы одолеть столь коварного противника. Один день нашей революции нарушает его обширные планы подобно тому, как нога путника уничтожает то, что создано долгими усилиями трудолюбивого муравья.

Мы должны постоянно сохранять свой боевой дух, чтобы уничтожать как явные, так и скрытые западны. Именно этот принцип побудил ваш комитет принять план, требующий непоколебимости и стойкости.

Английское правительство желает только одного: внушить нам либо умеренность, сдерживающую ярость народа, либо крайние меры, которые могут погубить государство. Бриссо ввел вас в заблуждение, выдвигая философские принципы;³ теперь же хотят обмануть вас с помощью политических принципов; только победа сможет вам доказать, были ли вы мудры. Вы станете победителями, благодаря силе, а не благодаря сомнениям, которые пытаются вам внушить.

Здесь предлагали сделать исключение для англичан, уже давно живущих во Франции. Ваш комитет обстоятельно обсудил этот вопрос; в Трое допустили для греков лишь одно исключение, для Синона.⁴ Кто может поручиться за

какого-либо англичанина после того, что совершил Килмэн, осыпанный у нас милостями.⁵ Кто может поручиться за англичанина, если столько французов злоумышляют против своей родины! Какова бы ни была причина, заставившая человека покинуть родную землю, сердцем он привязан к ней, подобно дереву, которое уходит корнями в почву; иначе это человек развращенный. Без сомнения, относиться с недоверием ко всем англичанам менее жестоко, нежели поставить под угрозу спасение родины. Иностранец справедливо вызывает недоверие у народа, который все предал; любовь к родному краю — это последняя добродетель, оставшаяся в сердце неблагодарного человека. Таковы, по-видимому, были причины, побудившие вас издать закон о заключении англичан под стражу.

Приходится сожалеть, что необходимость привела нас к этим крайностям, оскорбляющим достоинство человека; однако нужно жалеть и Республику, против которой все злоумышляли, чье чрево было растерзано ее собственными детьми.

Пребывание под стражей этих иностранцев только лишит их возможности переписываться со своей страной и тем самым причинить нам вред. Это заключение не должно быть строгим и тягостным, ибо Республика не питает к ним вражды, а только принимает против них политические меры.

Закон о заключении под стражу может быть распространен на всех иностранцев; но это не относится к закону, запрещающему ввоз товаров, по причине, которую я здесь изложил.

Вам также следует отделить от иностранок, независимых и не имеющих постоянного места жительства, тех, кто до революции был связан с нами кровными узами, став женами добрых граждан и матерями французских семей. Тот, кто не доверяет природе, не может любить отечество. Политика, подозревающая всех, движимая страхом, не умеющая проводить различия между людьми, обычно приводит к самообману. Нет других исключений, кроме тех, что созданы самой природой; матери не имеют иной родины, чем родина своих детей, и жена француза не является чужестранкой; мы вступаем в брак с представительницами всех народов, и смешение крови уничтожает границы.

Комитет, допустив расширенное толкование закона об аресте иностранцев, поручил мне поставить на обсуждение предложение о запрете ввоза всех других товаров, помимо английских, поскольку английская торговля — это торговля предметами роскоши, которую ведут богачи, торговля же с другими народами выгодна, и ведет ее государство для пользы народа.

Вы требовали ввести репрессивные меры против жестоких действий вражеских офицеров; это должны быть меры военного характера. Если бы удалось заставить вас принять запретительные законы, это было бы вероломством, которое лишило бы нас кожи, леса, растительного масла и металлов.

Ваш комитет полагает, что лучшим возмездием Австрии было бы ввести в ее дом эшафот и бесчестие,⁶ а также призвать солдат Республики пустить в ход штыки при атаке. Что же касается предложения, которое вы поручили рассмотреть комитету, то от его имени я предлагаю вам следующий декрет.

Статья 1. Иностранцы, подданные правительств, с которыми Республика ведет войну, будут находиться в заключении до заключения мира.

Статья 2. Действие настоящего закона не распространяется на женщин, вступивших в брак с французами до издания декрета от 18 числа первого месяца, если только сами они или их мужья не являются подозрительными.

Статья 3. Комитет торговли представит через три дня свои соображения относительно судьбы иностранцев, владеющих предприятиями в Республике, дабы настоящий закон не нанес ущерб национальной промышленности.

О ЛИЦАХ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В ТЮРЬМАХ

(Доклад, представленный Национальному конвенту от имени Комитетов общественного спасения и общей безопасности
8 вантоза II года <26 февраля 1794 г.>)

Четвертого числа сего месяца вы постановили, что два ваши Комитета, общественного спасения и общей безопасности, совместно представят доклад относительно содержания под стражей,¹ о средствах быстро выявить и освободить невинных и угнетенных патриотов, а виновных покарать.

Я не стану обсуждать здесь этот вопрос так, как если бы я был обвинителем или защитником, а вы судьями; ибо основной причиной содержания под стражей являются не юридические отношения, а безопасность народа и правительств. Не стану также говорить о бурях революции как о состязании ораторов. Вы не судьи, и должны принимать решения, руководствуясь не гражданским интересом, а делом спасения народа, которое превыше нас.

Однако следует быть справедливыми; но справедливыми в соответствии не с интересом отдельных лиц, а с интересом общественным.

В своих решениях вы должны считаться не с тем, что имеет значение для того или иного лица, а с тем, что имеет значение для Республики; не столько уступать частным стремлениям, сколько добиваться торжества целей всеобщих.

Вопрос о содержании под стражей охватывает целый ряд политических вопросов; они зависят от характера и стойкости суверена; с ними связаны республиканские нравы, добродетели и пороки, счастье или несчастье будущих поколений; они связаны с вашей экономикой, с теми представлениями, которые должны у вас сложиться относительно богатства и владения; это принципы, донные преданные забвению, связи, которыми у нас пренебрегают; но без них наша Республика будет погружена в сон, и пробуждение станет для нее роковым. Содержание под стражей связано с прогрессом разума и справедливости. Проследите тот путь, который привел к нему. В отношении к мятежному меньшинству мы перешли от презрения к недоверию, от недоверия к примерам, от примеров к террору.²

От содержания под стражей зависит гибель или торжество наших врагов. Я не могу в своих рассуждениях остановиться на полпути; у меня нет снисхождения к врагам моей страны, я не знаю ничего, кроме справедливости.

Пожалуй, невозможно говорить о содержании под стражей достаточно веско и с пользой, даже добиться того, чтобы меня поняли, если одновременно не осветить наше положение.

Достаточно ли для государства его собственной мощи, или же необходимо, чтобы глубоко продуманная система институтов установила в нем гармонию? Общество, где политические отношения не соответствуют природе, где <корыстный> интерес и алчность являются тайными пружинами поведения многих людей, которые видят препятствие в общественном мнении и пытаются совратить всех, дабы избежать правосудия; не должно ли подобное общество приложить величайшие усилия для того, чтобы очиститься, если оно хочет сохранить себя? А те, кто хочет помешать этому очищению общества, не хотят ли они развратить его? А те, кто стремится его развратить, не хотят ли они уничтожить его?

При монархии существует одно только правительство; в республике сверх того имеются установления либо для того, чтобы воздействовать на нравы, либо для того, чтобы воспрепятствовать извращению законов и развращению людей. Государство, в котором эти установления отсутствуют, это лишь призрачная республика. И поскольку каждый там понимает свою свободу как независимость в проявлении своих страстей и своей алчности, дух завоевания и эгоизм распространяются среди граждан; а особое представление о свободе, которое создается у каждого отдельного гражданина сообразно с его личным интересом, приводит к рабству всех.

У нас есть правительство; у нас имеются государственная администрация и органы власти; в этом состоит наше сходство с Европой. Но нам недостает установлений, которые являются душою *Республики*.³

У нас нет гражданских законов, которые упрочили бы наше счастье, наши естественные связи и искоренили бы основы тирании. Часть молодежи все еще воспитывается аристократией, а она — могущественна и очень богата. Иностранные государства, которые пытались подкупить таланты, теперь еще хотят, по-видимому, ожесточить наши сердца. Страну наводняют порочные сочинения, где возводят в культ атеизм, нетерпимый и фанатичный,⁴ можно подумать, что священник сделался атеистом, а атеист — священником. Не будем больше говорить об этом! Нам нужна энергия, а у нас вызывают иступление и слабость.

У иностранных держав есть лишь одно средство погубить нас — это исказить наши естественные чувства, развратить нас, ибо опорой республики могут быть только природа и добрые нравы. Именно Филипп вызвал волнение в Афинах;⁵ именно иностранные державы хотят восстановить монархию и отвечают на наши слова, которые уносит ветер, тягчайшими преступлениями, которые остаются среди нас.

Когда в республике, соседствующей с тираниями, возникают волнения, ей необходимы суровые законы: она не должна щадить приверженцев своих врагов и даже равнодушных.

Иностранные державы старательно защищают преступников.

Естественными проводниками этого развращающего влияния являются люди, которые из чувства мести или из личного интереса действуют заодно с врагами Республики.

Вы хотели республики; но если вы в то же время не пожелаете того, что составляет самую ее сущность, она рухнет, и народ будет погребен под ее об-

ломками. Для установления республики необходимо полное уничтожение того, что ей враждебно. Сетуют на революционные меры! Но по сравнению со всеми другими правительствами мы умеренны.

В 1787 году Людовик XVI повелел расстрелять восемь тысяч человек независимо от возраста и пола в Париже, на улице Меле и на Новом мосту.⁶ Подобные сцены возобновились по почину двора на Марсовом поле.⁷ По приказу двора вешали в тюрьмах; утопленники, которых вылавливали из Сены, были его жертвами. В заключении находилось четыреста тысяч человек. Каждый год вешали пятнадцать тысяч контрабандистов; колесовали три тысячи человек. В парижских тюрьмах было тогда больше заключенных, чем сейчас. Во время голода войска выступали против народа. Окиньте же взглядом Европу! В Европе четыре миллиона заключенных, стенания которых не доходят до вас. А между тем ваша убийственная умеренность позволяет всем врагам вашего правительства торжествовать победу. До чего же мы безрассудны! Мы выставаем напоказ все метафизическое богатство наших принципов, а монархи, в тысячу раз более жестокие, чем мы, коснеют в своих преступлениях.

Граждане, каким обманом сможете вы убедить, что вы бесчеловечны! Ваш Революционный трибунал за год покарал триста злодеев.⁸ А испанская инквизиция, разве не больше она погубила людей? И во имя чего, великий Боже! А английские судьи, разве они никого не умертвили в этом году? А Бендер, который приказал сжигать детей в Бельгии.⁹ А темницы Германии, где живо погребен целый народ? О них вам не говорят! Может, вам говорят о милосердии королей Европы? Нет. Так не позволяйте же разжалобить себя.

Лондонский двор, хотя и боится войны, но, по-видимому, враждебен миру; он притворяется спокойным и вводит этим в заблуждение английский народ. Но если вы будете стойки, если вы создадите государство, если ваша политика позволит вам подавить всех приверженцев Англии и положить конец ее проискам, тогда на следующий же день, после того как она покажется вам наиболее воинственной, преисполненной наибольшей уверенности в своих силах и надменности в своих притязаниях, она предложит вам мир.

Разве вы не имеете права обращаться с приверженцами тирании так, как в других странах обращаются с приверженцами свободы? Будет ли разумно действовать иначе? Убили Марата, изгнали Маргарота,¹⁰ наложив арест на его имущество; все тираны ликовали, узнав об этом. Неужели мы боимся потерять их уважение, если мы окажемся такими же хитрыми, как и они.

Пусть же возвратится Маргарот из Ботани-Бэй! Пусть не погибнет он там! Пусть судьба его окажется сильнее угнетающего его правительства! Зачинателями революций являются прославленные мученики, за которых мстит судьба. Да поможет Маргароту Провидение, сопутствующее ему в Ботани-Бэй! И пусть волею освобожденного народа он будет возвращен из далекой пустыни, или пусть народ отомстит его память!

Граждане, напрасны стремления приостановить восстание человеческого духа: оно поглотит тиранию. Но все зависит от того, какой мы подадим пример и насколько наши меры будут суровыми.

Очевидно, готовится какое-то преступление, и на его исход рассчитывают короли, ибо они продолжают держать себя нагло, несмотря на свои пораже-

ния. Можно ли предположить, что они отказались от своих планов, от намерения погубить нас? Конечно, в это нельзя верить, если только не быть безумцем. Решайте теперь, взвесив все на весах здравого смысла, кто является изменником: те, кто дает вам суровые советы, или те, кто дает советы снисходительные?¹¹

Монархия, ревниво оберегающая свою власть, плавала в крови тридцати поколений; а вы, вы не решаетесь проявить суровость к горстке преступников? Те, кто требует свободы для аристократов, не желают республики и боятся за себя. Явным признаком измены является жалость к преступлению в республике, основой которой может быть только непоколебимая суровость. Я призываю всех, кто выступает в защиту аристократов, содержащихся под стражей, предстать перед общественным обвинением в трибунале. Можно ли считаться с голосами преступников, порочных и развращенных людей, когда судят им подобных!

Либо приверженцы снисходительности рассчитывают на определенную признательность тирании, в случае если Республика окажется поработоченной, либо они боятся, как бы больший пыл и большая суровость общественного мнения и принципов не стали бы для них губительными; нет сомнений, что кое-кто надеется в глубине души заставить нас отступить или же подавить нас. А мы, мы управляем так, как будто нас никогда не предавали или уже не смогут предать! Самоуверенность наших врагов предупреждает нас: мы должны быть готовы ко всему, мы должны быть непреклонными.

Важнейший из всех законов это сохранение Республики; но часто он не принимается во внимание, когда здесь обсуждают наиболее трудные вопросы. Тайные соображения влияют на наши решения. Справедливость рассматривают как слабость, как жестокое милосердие и не берут на себя труд подумывать, сколь разрушительным это может оказаться для государства. Справедливость — это не милосердие; это суровость.

Во Франции есть политическая клика, которая играет всеми партиями; она движется медленно. Если вы говорите о терроре, она взывает к милосердию; если вы становитесь милосердными, она прославляет террор. Она хочет быть счастливой и наслаждаться всеми благами; она противопоставляет совершенство добру, осторожность мудрости. И пока правительство не сделало мораль действительной посредством прочных установлений, внушающих отвращение к пороку, судьба общества меняется по прихоти прекраснотушия, по воле скрытых страстей.

Если мы терпим неудачи, снисходительные предвещают бедствия; если мы побеждаем, они предпочитают об этом не говорить; а в последнее время их занимали не столько победы Республики, сколько некоторые памфлеты.¹² Народ отвращают от мужественных деяний, а зачинщики преступных заговоров в это самое время собираются с духом и наглеют.

Они хотят отвлечь общественное мнение от самых честных советов, а французский народ — от славных дел, чтобы втянуть его в споры журналистов.¹³ Так Рим времен своего упадка, Рим вырождающийся, забыв о своих доблестях, устремлялся в цирк смотреть бои с дикими зверями. И в то время как воспоминание обо всех наших великих и благородных делах кажется по-

меркшим, принципы общественной свободы мало-помалу отодвигаются в тень, а принципы управления государством теряют свою силу; именно этого желают те, кто стремится ускорить нашу гибель. Снисходительность предназначена для заговорщиков, а суровость для народа. По-видимому, уже не придают никакой цены крови двухсот тысяч патриотов, крови пролитой и забытой. Составлен перечень этих жертв; добродетель проявили на бумаге; считают, что этого достаточно. Избавляют себя от необходимости быть честными; нажились за счет народа; наедаются до отвала; оскорбляют народ; торжественно шествуют, влекомые преступлением, пытаясь вызвать к нему ваше сочувствие! Ибо невозможно более обходить молчанием безнаказанность этих величайших преступников, тех, кто хочет разбить эшафот, так как боится сам взойти на него.¹⁴

Именно ослабление этих принципов, строгость которых каждодневно оспаривается, является причиной общественных бедствий; именно оно привело к исчезновению изобилия, именно это вносит все большее беспокойство в наши ряды под предлогом успокоения. Каждый приносит в жертву личному благу благо общества. Бедняк тянет лямку и защищает революцию. Многие должности заняты мошенниками, обогатившимися благодаря свободе, и чиновниками, ведущими войну с правосудием.

Именно ослаблением принципов вызвано требование открыть тюрьмы, что повлечет за собой нищету, унижение народа и новые Вандеи. Выйдя из тюрем, заключенные возьмутся за оружие, не сомневайтесь в этом. Если бы в прошлом году были арестованы все роялисты, у нас не было бы гражданской войны.

По-видимому, готовится заговор, чтобы их спасти, подобный заговору, который замыслили некогда для спасения короля. Я говорю здесь от чистого сердца; никогда еще сходство не казалось мне столь очевидным. Монархия — не король, это преступление; республика — не сенат, это добродетель. Всякий, кто щадит преступление, желает восстановить монархию и уничтожить свободу.

И после того как коварно воспользовались лицемерным бездействием, чтобы подорвать силу и благоденствие правительства, открыто выступают против него! Мне видится огромная цепь, которой опутали французский народ; тираны держат один конец этой цепи, клика снисходительных — другой, и они стремятся задушить нас.

Простейшие вопросы обращают в софизмы, чтобы воспрепятствовать вашей деятельности. Так, Верньо, видя, что вы решили дать Республике конституцию, поставил под сомнение все публичное право и предложил вам целый ряд вопросов, на обсуждение которых потребовалось бы целое столетие.

Точно так же ведут себя те, кто предлагает рассматривать вопрос о содержании под стражей, исходя из принципа мягкости, и таким путем приводят вас в недоумение излишним притворным чувством; понятие же законности отделяют от сознания общественного блага. Неужели же мошенники, тираны, враги отечества в ваших глазах присущи природе, что вы вступаете за них от имени природы!

Наша цель создать такой порядок, при котором установилась бы всеобщая склонность к добру; фракции оказались бы на эшафоте; мужественная энергия склонила бы дух нации к справедливости; внутри страны воцарилось бы спокойствие, необходимое для счастья народа. Теперь, как и во времена Бриссо, только аристократы и интриганы охвачены волнением; в армиях и в народных обществах все спокойно; народ трудится; и лишь наши враги находятся в постоянном возбуждении, стремясь сокрушить революцию. Наша цель установить честное правительство, которое сделало бы народ счастливым; такое правительство наконец, при котором лишь мудрость и вечное Провидение руководили бы установлением Республики и новое злодеяние не потрясало бы каждый день ее основы.

Революции движутся от слабости к смелости, от преступления к добродетели. Не надо льстить себя надеждой, что прочное государство может быть установлено без каких-либо трудностей; необходима долгая борьба со всякого рода притязаниями; и поскольку личный интерес непобедим, то только с помощью меча можно установить свободу народа.

В начале революции раздавались голоса, требовавшие снисходительности к тем, кто сражался против нее: эта снисходительность, сохранившая тогда жизнь нескольким преступникам, в дальнейшем привела к гибели двухсот тысяч человек в Вандее; эта снисходительность поставила нас перед необходимостью стереть с лица земли города,¹⁵ она создала угрозу полного разрушения страны; и если теперь вы поддадитесь той же слабости, это будет стоить вам тридцати лет гражданской войны.

Трудно установить республику, если не осудить со всей беспощадностью все преступления. Никогда Преси, никогда Ларуэри и Паоли не осмелились бы организовать партию, если бы правительство было бдительным и суровым.¹⁶ Бдительность необходима: вы не имеете права быть милосердными, проявлять сочувствие к изменникам; вы трудитесь не для себя, а для народа. Ликург был одержим той же идеей: после того как он добился блага для своей страны с помощью беспощадно суровых мер, он удалился в добровольное изгнание.

Если посмотреть на снисходительность, проявляемую некоторыми лицами, можно подумать, что они являются как бы властителями наших судеб, верховными жрецами свободы. Наша история начиная с мая прошлого года¹⁷ дает нам примеры ужасных крайностей, к которым приводит снисходительность. За это время Дюмурие оставил завоеванные нами земли; убивали патриотов во Франкфурте; Кюстин сдал Майнц, Пфальц, а вслед за этим и Рейнскую область; Кальвадос был в огне; Вандея торжествовала победу; Лион, Бордо, Марсель, Тулон восстали против французского народа; Конде, Валансьенн, Ле-Кенуа были оставлены; мы терпели неудачи в Пиренеях и в Мон-Блане.¹⁸ Все нас предавали; казалось, что берут на себя управление государством и командование войсками только для того, чтобы сдать их врагу и окончательно уничтожить то, что от них останется. На флоте — измена; арсеналы, корабли обращены в пепел; деньги обесценены; иностранцы владели нашими банками и нашей промышленностью. Но самым большим нашим несчастьем было то, что боялись употребить необходимую власть, чтобы спасти

государство. Заговор правых,¹⁹ расставив коварные ловушки, уничтожил заранее то оружие, которым вы могли бы воспользоваться, чтобы бороться с ними и покарать их; и это оружие теперь снова хотят уничтожить.

Конституция сплотила суверен.²⁰ Вы стали властителями своей судьбы и победы и проявили наконец по отношению к врагам свободы такую же энергию, какую они проявляли в борьбе против вас; в то время как вам внушали сомнения относительно способов защиты отечества, Преси, Шарет и все заговорщики расстреливали тех, кто не разделял их взглядов и отказывался присоединиться к их отрядам. А те, кто пытается нас ослабить, не делают ничего и не предлагают ничего, чтобы ослабить наших врагов. Послушать их, так можно подумать, что Европа умиротворена и не набирает рекрут против нас; можно подумать, что на границах все так же спокойно, как на наших городских площадях.

Граждане, нам хотят связать руки, нас хотят лишить разума, чтобы легче было победить нас. Если послушать, с какой снисходительностью рассуждают эти люди о судьбе угнетателей, приходишь к мысли, что их нисколько не беспокоит то, что мы сами можем оказаться под гнетом.

Такова линия поведения новых фракций; они не проявляют смелости, ибо существует трибунал, который незамедлительно выносит смертные приговоры; но они нападают на все принципы, лишают политический организм жизненных сил. Долгое время против нас применяли силу, теперь же стремятся вызвать у нас болезненную расслабленность. Вот что представляет собой Республика, отказавшаяся от суровости, которую она проявляла, казнив Бриссо и его сообщников. Тогда вы повсюду одерживали победы, тогда снизились цены на продукты и несколько поднялся денежный курс.²¹

Смелый порыв революционного правительства, установившего диктатуру справедливости, иссяк. Можно подумать, что и виновные, и судьи, устрешенные грозными примерами, тайно примирились друг с другом, чтобы парализовать правосудие и избежать его.

Можно подумать, что каждый в страхе перед своей совестью и незыблемостью законов говорит себе: «Мы недостаточно добродетельны, чтобы быть столь беспощадными. Законодатели-философы, проявите снисхождение к моей слабости; я не осмеливаюсь сказать: я порочен; предпочитаю сказать: вы жестоки».

Подобные принципы не позволят нам добиться устойчивости. Я уже говорил, что республиканский строй связан с уничтожением аристократии.

Действительно, сила вещей²² приведет нас, быть может, к результатам, о которых мы и не помышляли. Богатство находится в руках достаточно большого числа врагов революции; нужда ставит народ, который трудится, в зависимость от его врагов. Подумайте, может ли существовать государство, если гражданские отношения противоречат форме правления? Те, кто делает революцию наполовину, только роют себе могилу. Революция вынуждает нас признать следующий принцип: тот, кто оказался врагом своей страны, не может обладать в ней какой-либо собственностью: необходимо еще несколько решительных шагов, чтобы нас спасти.

Неужели народ проливает свою кровь на границах и все семьи носят

траур по своим сынам для того лишь, чтобы тираны наслаждались всеми благами? Вы должны признать принцип, что только тот может пользоваться правами в нашем отечестве, кто содействовал его освобождению.

Уничтожьте нищету, которая позорит свободное государство; собственность патриотов священна, но имущество заговорщиков должно быть представлено всем обездоленным. Обездоленные — сила Земли; они имеют право говорить как хозяева с правительствами, которые ими пренебрегают.

Эти принципы губительны для развращенных правительств; они ниспровергнут и ваше правительство, если вы позволите его развратить; уничтожьте же несправедливость и преступление, если вы не хотите, чтобы они вас уничтожили.

Следует также привлечь ваше внимание к мерам, которые обеспечат нерушимость демократии и представительства. Все власти, все, кто является посредником между народом и вами, сильнее вас и народа.

Если вы издадите всеобщий закон, призывающий к оружию всю нацию, этот закон будет выполнен, вся нация возьмется за оружие.²³ Но если вы захотите принять меры против какого-либо генерала, против какого-либо частного злоупотребления в правительстве, вы не всегда добьетесь повиновения. Причиной тому слабость законодательства, его непостоянство, а также позорные выступления в защиту аристократии, которые развращают общественное мнение; причиной тому безнаказанность функционеров, а также то, что в народных обществах народ лицеизреет их, вместо того чтобы их судить. Множество интриг вступает в соперничество с правосудием, которое не решается нанести удар. Чем больше функционеров занимают место народа,²⁴ тем больше будет вреда для демократии. Когда я нахожусь в народном обществе, когда я смотрю на народ, который рукоплещет и оттесняется на второй план, меня одолевают горестные размышления. Народное общество Страсбурга в те дни, когда Эльзас был сдан неприятелю, состояло из функционеров, пренебрегавших своими обязанностями; это был центральный комитет, в который входили должностные лица, боровшиеся с революцией под личиной патриотизма. Поставьте все на свои места: нам необходимо не равенство властей, служащих народу, а равенство людей; равенство состоит не в том, чтобы все были тщеславны, а в том, чтобы все были скромны.

Осмелюсь сказать, что Республика достигла бы в скором времени расцвета, если бы народ и представительство обладали в стране наибольшим влиянием, если бы суверенитет народа освободился от аристократов и чиновников, присвоивших себе его власть, чтобы пользоваться безнаказанностью. *«Можно ли питать какую-либо надежду на справедливость, если злоумышленники имеют право обвинять судей»*, — говорил Уильям.²⁵

Ни одно зло в правительстве не следует прощать и оставлять безнаказанным: правосудие страшнее для врагов Республики, нежели один только террор. Кто скажет, сколько изменников избегло террора и не смогло бы избежать правосудия, своей рукой взвешивающего преступления! Правосудие обрекает врагов народа и приверженцев тирании на вечное рабство, тогда как террор позволяет им надеяться на его конец; ибо все бури недолговечны, вы в этом убедились. Правосудие принуждает функционеров быть честными; пра-

восудие приносит счастье народу и укрепляет новый порядок. Террор же — оружие обоюдоострое; одни используют его, чтобы отомстить за народ, другие — чтобы служить тирании. Террор привел к тому, что арестные дома переполнены, но виновных не наказывают; террор пронесется подобно буре. Постоянная суровость общественных нравов может быть достигнута только посредством действенных установлений. За бурями всегда следует грозное затишье; и мы обычно являемся более снисходительными после террора, нежели до него.²⁶

Виновниками этой порчи нравов являются снисходительные; они не заботятся о том, чтобы потребовать у кого-либо отчета, ибо боятся, что у них самих его потребуют. Итак, тайная сделка между всеми пороками привела к тому, что отечество оказалось принесенным в жертву личным интересам, тогда как все частные интересы должны быть принесены в жертву.

У Марата были плодотворные идеи относительно представительного правления, но, к сожалению, он унес их в могилу. Только он мог бы их высказать; только крайняя необходимость допускает услышать их из уст другого человека.

Революция произошла в управлении, но она не распространилась на гражданское состояние. Управление основывается на свободе, гражданское состояние на аристократии, которая образует промежуточный слой врагов свободы между народом и вами. Можете ли вы оставаться вдали от народа, вашего единственного друга? Заставьте промежуточные власти уважать национальное представительство и народ. Если эти принципы будут приняты, отечество обретет свое счастье и Европа вскоре окажется у наших ног.

Доколе же нас будут обманывать и внутренние враги из-за нашей неуместной снисходительности, и внешние враги, замыслам которых благоприятствует наша слабость? Если вы будете шадить аристократию, вы уготовите себе пятьдесят лет мятежей. Дерзайте! В этом слове заключается вся политика нашей революции.

Иностранные державы хотят господствовать в нашей стране, сея раздор; положим этому предел, лишив имущества наших врагов и их приверженцев; ответим войной на войну! Наши враги не способны больше к длительному сопротивлению; они ведут против нас войну для того, чтобы уничтожить друг друга. *Питт хочет сокрушить Австрийский дом, Австрийский дом — Пруссию, а все вместе — Испанию;* и этот ужасный лжесоюз хочет уничтожить в Европе республику.

Что же до вас, вы должны сокрушить мятежную партию; укрепить свободу; отомстить за патриотов, павших жертвою интриг; сделать своей очередной задачей здравый смысл и скромность; не допустить, чтобы в государстве был хоть один обездоленный, хоть один бедняк. Только такой ценой вы сможете завершить революцию и создать настоящую республику. От кого вам ждать благодарности, если добрые будут несчастны, а злые — счастливы.

Ваши комитеты предлагают вам следующий декрет.

Статья первая. Комитету общей безопасности предоставляется право освобождать заключенных патриотов. Каждый, кто потребует освобождения, должен представить отчет о своем поведении начиная с 1 мая 1789 года.

Статья вторая. Собственность патриотов неприкосновенна и священна. Имуущество лиц, признанных врагами революции, подлежит изъятию в пользу Республики. Эти лица будут содержаться под стражей до заключения мира, а затем отправлены в вечное изгнание.

О СПОСОБЕ ПРОВЕДЕНИЯ В ЖИЗНЬ ДЕКРЕТА ПРОТИВ ВРАГОВ РЕВОЛЮЦИИ

(Доклад, представленный Национальному конвенту
от имени Комитета общественного спасения
13 вантоза II года <3 марта 1794 г.>)

Граждане, от имени Комитета общественного спасения я предлагаю вам способ провести в жизнь декрет против врагов революции, принятый 8 числа сего месяца.

Общепризнано, что вся мудрость правительства должна состоять в том, чтобы подавить партию, противящуюся революции, и сделать народ счастливым, устранив все пороки и всех врагов свободы.

Мы сможем укрепить революцию, если направим ее на благо тех, кто ее поддерживает, и на гибель тех, кто с ней борется.

Приобщитесь же мысленно к тайным побуждениям всех сердец; преодолите все наносные идеи, отдаляющие вас от цели, к которой вы стремитесь. Лучше ускорить ход революции, чем плыть по течению, отдавшись во власть всех тех заговоров, которые чинят препятствия на ее пути. Именно вам надлежит определить план развития революции и ускорить ее свершение на благо человечества.

Пусть же быстрота ваших политических решений позволит пресечь все происки иностранных государств. Ваш грозный удар сотрясет троны и отзовется в сердцах всех королей. Законы и отдельные меры — не более как булабочные уколы, неощутимые для людей ослепленных и очерстневших.

Верните уважение к себе, гордо возвестив судьбу французского народа; отмстите за народ, за те злодеяния, которые претерпели его предки в течение тысячи двухсот лет.

Народы Европы обмануты, от них скрывают то, что происходит у нас. Ваши споры представляют там в искаженном свете. Однако невозможно исказить твердые законы; подобно неудержимой молнии, они внезапно проникают в чужие страны.

Пусть же знает Европа: вы хотите, чтобы на земле Франции не осталось больше ни одного обездоленного, ни одного угнетателя; пусть этот пример пронесет по всей Земле свои плоды; да распространит он повсюду любовь к добродетели и счастье. Счастье — идея новая для Европы.

Я предлагаю вам следующий декрет.

Статья первая. Все коммуны Республики составят списки неимущих патриотов, их населяющих, указав их имена, возраст, профессии, количество детей и их возраст. Директории дистриктов должны в кратчайший срок передать эти списки Комитету общественного спасения.

Статья вторая. Получив эти списки, Комитет общественного спасения представит доклад, указав в нем способы удовлетворить всех обездоленных за счет имущества врагов революции, общий список которых будет ему передан Комитетом общей безопасности и опубликован.

Статья третья. Соответственно Комитет общей безопасности разошлет точные указания всем наблюдательным комитетам Республики. Эти комитеты в сроки, установленные для каждого дистрикта в зависимости от его удаленности, должны сообщить ему имена всех заключенных и сведения об их поведении начиная с 1 мая 1789 года. Это относится также и к тем, кто будет в дальнейшем подвергнут тюремному заключению.

О ФРАКЦИЯХ, НАПРАВЛЯЕМЫХ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ, О ЗАГОВОРЕ, ЗАМЫСЛЕННОМ ИМИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ, ЧТОБЫ СОКРУШИТЬ РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПОСРЕДСТВОМ РАЗЛОЖЕНИЯ И УМОРИТЬ ПАРИЖ ГОЛОДОМ

(Доклад, представленный Национальному конвенту
от имени Комитета общественного спасения
23 вантоза II года <13 марта 1794 г.>)

Граждане, представители французского народа! Существует естественное соглашение между свободными правительствами и свободными народами, в силу которого правительства обязуются жертвовать собою во имя отечества, а народы не принимают на себя никаких обязательств, кроме одного — быть справедливыми. Восстание является для народов гарантией, которая не может быть ни отменена, ни изменена; но и у правительства должна быть гарантия, она в справедливости и в добродетели народа.¹

Из этого следует, что самым опасным заговором, замышляемым против правительства, является разложение общественного духа, дабы отвлечь его от справедливости и добродетели; тогда, лишив правительство гарантии, можно решиться на все, чтобы его уничтожить.

Итак, я должен принести вам сегодня от имени Комитета общественного спасения суровую дань любви к отечеству. Я должен разоблачить перед лицом французского народа вероломный план уничтожения гарантии правительства, раскрыть заговор против французского народа и против Парижа.

Я должен высказать вам с беспощадной откровенностью суровые истины, которые до сих пор оставались сокрытыми. Голос дунайского крестьянина был услышан даже развращенным сенатом, потому-то я и решаюсь высказать вам все, вам, друзья народа и враги тирании. Что случилось бы с нами, граждане, если бы истине пришлось таиться и молчать, а порок мог безнаказанно решиться на все? Пусть же дерзость врагов свободы будет дозволена тем, кто эту свободу защищает! Когда свободное правительство установлено, оно обязано сохранять себя всеми справедливыми средствами; оно может с полным правом прибегнуть к самым энергичным действиям; оно должно уничтожить все, что препятствует благоденствию общества, и смело разоблачать заговоры.

Мы берем на себя смелость возвестить вам, возвестить народу, что пришло время вновь обратиться всех к морали, внушить ужас аристократии; пришло время объявить войну безудержному разложению, вменить всем в обязанность бережливость, скромность, гражданские добродетели; пришло время вернуть в небытие врагов народа, которые потворствуют порокам и страстям развращенных людей; их цель — создать партии, вооружить одних граждан против других и в разгар междоусобиц восстановить трон и оказать тем самым услугу иностранным державам. Сколь ни была бы резкой эта речь, она придется не по нраву лишь тем, кому не дорого отечество, кто хочет вновь обратиться народ в рабство и уничтожить свободное правительство. В Республике зреет заговор, замысливаемый за границей, которая стремится путем разложения помешать установлению свободы.² Ее цель — превратить в заговорщиков всех недовольных, вызвать скандальные интриги и тем самым опозорить нас, если только это возможно, перед всем миром. Совершаются злодеяния, чтобы вину за них возложить на народ и на революцию; именно тирания совершает все те злодеяния, которые мы видим, и именно она объявляет их виновником свободу. Заграница разлагает всех и вся. С тех пор как у нас была введена простота одежды, их цель — обратить все богатства на обильные яства, распутство и разорение народа, а также на содержание наемных преступников.

После того как наши декреты лишили врагов революции их имущества,³ за границей почувствовали, что им нанесен удар, и начали возбуждать беспорядки, чтобы причинить беспокойство правительству и приостановить его деятельность.

Нам известно лишь одно средство пресечь это зло: совершить наконец революцию в гражданском состоянии, начать войну против всякого рода пороков, которые насаждают среди нас, дабы обессилить Республику и подорвать ее гарантию; навсегда отказаться от всякой снисходительности по отношению к тем, кто нападает на существующий порядок; беспощадно принести в жертву на презренной могиле тирана всех, кто сожалеет о тирании, кто может возродить ее у нас. Иностранные державы намеревались не только развратить Республику и обречь ее на медленную агонию; в дальнейшем из этой речи вы узнаете, что был подготовлен заговор, чтобы внезапно все уничтожить и заменить существующее правительство королевским; за разложением должен был последовать дерзкий удар, подготовленный всеми правительствами, дабы низвергнуть демократию.

Мы отвечаем за спасение народа, и мы не предадим его. Кто как не вы заинтересован в том, чтобы его спасти, кто как не вы заинтересован в его счастье? Ваше дело неотделимо от дела народа: без него вы не можете быть счастливы; вы не сможете пережить гибель свободы; вашему делу, как и делу народа, уготована либо общая триумфальная колесница, либо общая могила.

Поэтому лишать народ изобилия и обвинять в этом вас — безрассудная политика. Разве станете вы друзьями королей, вы, кто заставил их всех трепетать на своих тронах; вы, кто установил демократию, кто отмстил за избиение народа смертью тирана, кто взял на себя почин принести свободу миру.

Кто будет вам другом здесь, на земле, если не народ, пока он свободен, и не цикута, когда он лишится свободы?

Итак, я объявляю вам, что в нашей Республике существует заговор, направляемый из-за границы, который готовит народу голод и новые оковы. Большое число людей, по-видимому, замешано в этом заговоре: там зарывали в землю съестные припасы, не давали приставать к берегу, вызвав волнения;⁴ там озлобили граждан крамольными речами. Одни лица связаны с заграницей; других же разными способами ввели в заблуждение. Разожгли жажду мщения в одних, извлекли выгоду из честолюбия других; воспользовались отчаянием тех, кто уже давно разоблачен, и заставили их пойти на любой риск, лишь бы избегнуть кары; вызвали отвращение к добродетели у людей порочных, у тех, кто не надеется обрести счастье и богатство, если Республика укрепитесь. Это союз всех пороков, вооружившихся против народа и против правительства. Нам стало известно, что этот коварный заговор готовится уже давно; если он обнаружит себя, мы также откроем, что нам известно, дабы народ, пораженный этими истинами, покончил навсегда со своими врагами.

Первым вдохновителем заговора является английское правительство.⁵ Вот что было сказано в государственном совете за два дня до открытия заседаний в парламенте:

«Если мы начнем войну, то правительство Франции, которое корчится в судорогах, примет новые меры, чтобы сломить наше сопротивление; если мы заключим мир, у них начнется гражданская война: так добьемся же разложения этой Республики». К этому добавили: «Пусть все наши заседания начинаются со слов „Добьемся разложения этой Республики”». Далее было сказано, что «необходимо готовиться к войне, но отсрочить начало кампании, это даст двойное преимущество: можно будет держать английский народ в повиновении и не подвергаться никакому риску» в борьбе с нами.

Итак, вас уже не смогут удивить новые потрясения, уготованные для нас. Все эти высказывания привели к тому, что богачи в Париже лишают народ самого необходимого и устраивают обеды по сто экю на человека. Заговорщики пользуются особыми знаками, чтобы узнавать друг друга в театрах, в местах, где они встречаются и обедают.

Английское правительство приняло двойное решение: делать вид, что усиленно готовится к войне, и вместе с тем разжигать страсти всех честолюбивых, алчных и развращенных людей.

Поскольку вы возложили на нас обязанность заботиться о благе отечества, мы использовали все средства, чтобы проникнуть в замыслы наших врагов. Не имея возможности помешать нашим победам, они намереваются внести путаницу в наши представления о публичном праве, привить нам дурные нравы, внушить ненасытную алчность, дабы мы, отупев от пороков, устав от дел и устремляясь к наслаждениям, ощутили посреди всеобщей апатии необходимость вождя; и когда все будет готово, этого вождя с триумфом понесут на руках. Эта мысль о необходимости вождя вызвала нелепые надежды у некоторых людей, уверовавших, что вскоре они увидят себя поднятыми на щит. Льстя себя надеждой на большое богатство, заговорщики уже поделили между собою отечество. Так иностранные державы сумели сыграть на безрассудстве, на нелепых слабостях, на испорченности каждого.

Этот план заговора, самого чудовищного, какой только можно себе представить, ибо добродетель и невинность он приносит в жертву преступлению, этот план осуществляется следующим образом.

В Париже собрались итальянцы, банкиры, неаполитанцы, англичане, выдающие себя за лиц, преследуемых на родине. Эти новоявленные Синоны⁶ проникают в народные собрания, где прежде всего начинают метать громы против правительств своих стран; они пробираются в приемные министров; они следят за всем; они прокрадываются в народные общества; и вот уже мы видим их тесно связанными с магистратами, которые им покровительствуют. Вы приняли закон против иностранцев,⁷ на другой же день вам предлагают сделать исключение для художников; еще через день все ваши враги становятся художниками, даже врачи; и если начинают преследовать этих вдохновителей заговоров, все удивляются тому, каким они пользуются доверием. Люди, которых они подкупили, защищают их, ибо у них общие интересы. Попробуйте напасть на них, и вы увидите, как они сплочены. Заранее подготовленные, они подают друг другу реплики. Один разыгрывает из себя Катона, другой Помпея. Дело Шабо покажет вам, как после сцен, подготовленных приверженцами заграницы, там смеялись над тем, какое значение они сумели обрести в общественном мнении.⁸

И подобные сцены возобновлялись неоднократно. Дворяне, иностранцы, бездельники, продажные ораторы — вот орудия заграницы, вот участники заговора против отечества, против народа. Мы объявляем войну этим тартюфам патриотизма. Мы будем судить о них не по их притворству, а по их бескорыстию, по простоте их речей, по мудрости их советов.

Дух подражания есть признак преступления. Нынешние контрреволюционеры, не осмеливаясь обнаружить свою подлинную сущность, неоднократно скрывались под личиной патриотизма. Несколько месяцев назад в Нанси объявился некий Марат, который намеревался разжечь там новую Вандею; другой Марат появился в Страсбурге, он именовал себя рейнским Маратом; священник и австриец, он был контрреволюционер.⁹ Но был лишь один Марат; его «последователи» — лицемеры, которых стыдится его тень. Добродетели нельзя подражать: каждый добродетелен по-своему или же он лицемер. Если бы Питт явился во Францию шпионить за нашим правительством, он принял бы обличье честного человека, чтобы не быть разоблаченным. Так же поступают и те, кто из скромности присваивает себе имена великих людей древности; под этой личиной прячется лицемер, продавший свою совесть. Человек благородный, выдвинувшийся среди народа смелостью и спокойствием, присущими безупречной честности, имеет только одно имя, как он имеет одно сердце. Разложение, о котором я говорил, есть плод заговора заграницы; и именно среди людей, присвоивших эти имена, следует искать заговорщиков.

Простой здравый смысл, душевная твердость, холодный ум, горячность пылкого и чистого сердца, суровость, бескорыстие — таков характер патриота; но заграница извратила все. Нынешний патриот устыдился имени своего отца и взял себе имя героя, которому ни в чем не следует.¹⁰ Герой убил тирана, а жил скромно; он защищал народ; на любой должности он оставался бедняком. Тот же, кто ему подражает, — наглец, который убивает родину, обо-

гашается; его жизнь отвратительна в своей гнусности; он скрывает свое имя, чтобы стереть память о своих посягательствах... Чего он хочет? Заставить говорить о себе, обрести власть и продаться дороже.

По-видимому, и у нас хотели бы ввести сделки, подобные тем, к которым со всею дерзостью прибегают некоторые члены английского парламента, чтобы стать министрами. Среди нас есть определенного сорта люди, которые напускают на себя свирепость, проявляют притворное рвение, рассчитывая продать себя за границе или же поступить на службу правительству.

Как! Наше правительство унижит себя до того, что станет жертвою подлеца, торгующего своим пером и своей совестью,¹¹ меняющего цвет в зависимости от своих ожиданий, от характера опасности, подобно той рептилии, что ползает под солнцем! Мошенники! ступайте в мастерские, на корабли, идите пахать землю. Дурные граждане, по поручению иностранных держав возмущающие общественное спокойствие, развращающие все сердца, идите сражаться; презренные виновники народных бедствий, ступайте учиться чести у защитников отечества!.. Но нет, вы не пойдете к ним; вас ждет эшафот!

Иностранные державы намереваются восстановить одну часть Парижа против другой, распространить здесь безнравственность, посеять новый фанатизм, фанатизм пороков и жажду безрассудных наслаждений. Якобинцы низвергли трон, опираясь на благородную силу патриотизма, теперь же хотят бороться со свободным правительством, опираясь на нравственное разложение; именно поэтому заговорщикам нужно было уничтожить якобинцев. Предлогом для столь чудовищного покушения стало бы общественное благо: так ужасный Анн Монморанси, взывая к Богу, истреблял граждан во славу неба.¹² Этот злоедейский замысел прельстил обманутых патриотов. Патриоты, подумайте! Почему не сказали вы тем, кто толкал вас на преступление: «Народ не тиран. Если вы хотите свершить против существующего порядка вещей то, что народ свершил против тирании, то вы злодеи, которых нужно разоблачить. Сегодня царствует народ, и это его аристократия хочет свергнуть с престола. Вы хотите иметь должность? — защищайте обездоленных в трибуналах; вы жаждете богатства? — научитесь обходиться без излишеств; посмотрите на свои трапезы, на убранство своих жилищ. Видел ли кто-нибудь, чтобы вы говорили народу о гражданских добродетелях? Служите ли вы ему примером непреклонной стойкости? Видел ли кто-нибудь, чтобы вы учили его руководить разумом и сердцем его детей? Где те угнетенные, чьи слезы вы осушили? Горе вам, кому знакомы пути, ведущие к богатству, и неведомы мрачные пути, ведущие в приюты нищеты. Вы ожесточенно преследуете власть, которая стоит над вами, вы презираете всех остальных и не думаете о тех, кто страдает там, внизу. Когда же правосудие народа начинает преследовать вас, вы именуете правосудие угнетением».

Вот что надо было им ответить. Заговорщикам свойственно притворство; оповещать о своих замыслах и преступлениях было бы неосторожно. Поэтому не следует обращать внимания на внешнюю сторону речей, но судить о самом человеке так, как подсказывает сегодня долг чести. Долг чести повелевает нам теперь сохранять единство и предоставить народу плоды пяти лет рево-

люции, обретенные с таким трудом; долг чести повелевает нам уничтожать всех врагов революции, но так, чтобы, нападая на этих врагов, не поразить тем же ударом отечество. Вильгельм Телль, вынужденный направить смертоносную стрелу в яблоко на голове своего сына, — вот образ народа, вооруженного против самого себя. Приподыдем же завесу, которая скрывает заговоры, проследим за речами, за жестами; за ходом мысли каждого.

Пробеги сейчас кто-нибудь по Парижу с криком «Нам нужен король», — он был бы немедленно схвачен и казнен. Осмелся кто-нибудь в народном обществе сказать «Восстановим тиранию!» — он был бы убит. Что же должны делать те, кто не решается так говорить? Они должны притворяться. Те, кто при королевской власти заявил бы в общественном месте «Нам не нужны короли, низвергнем престолы», — были бы повешены. Что делали тогда враги тирании? Они скрывали свои замыслы. Признано всеми: тот, кто замышляет что-либо против существующего режима, должен притворяться. Поэтому не следует судить о людях по их речам и по их внешнему виду. Мы можем уличить в притворстве тех, кто делает и говорит сегодня то, чего не делал и не говорил вчера. Существует, следовательно, партия, враждебная свободе, и это та партия, которая притворяется. Тем, кто принадлежит к партии народа, не нужно сегодня притворяться; маскируется тот, кто провозгласил себя вождем определенного направления, а когда его партия окажется побежденной, обрушивается на прежние свои воззрения, дабы обмануть своих судей и народ. Пусть виновные узнают себя в этом зеркале.

Так начался мятеж Преси в Лионе.¹³ Он долго притворялся, он лукавил, он перетолковывал то, что говорил накануне; если бы он не преуспел, он приносившись бы и к свободе. В любой момент, в любых обстоятельствах он казался тем, кем нужно было казаться. Он выжидал: если его обвиняли, он становился патриотом. Наконец, он обнаружил себя; он увлек за собою слабых; он направлял тех, кто был сильнее. Он сбросил с себя личину, надел белую кокарду и ринулся в бой.

Этим кончит любая партия. Любая партия сеет зло, когда Республика установлена. В Париже есть такая партия: об этом свидетельствуют роялистские воззвания, наглость иностранцев и дворян, которые переговариваются между собою украдкой и шепотом.

Когда появляется партия, какую бы окраску она ни принимала, возникает новая западня... Истине не присуще коварство; коварны они, эти исполнители народного правосудия, стремящиеся избежать его, эти функционеры, встающие между народом и национальным представительством, чтобы утеснять обоих; эти соучастники Шабо, желающие спасти его. Коварна эта партия, вдохновляемая заграницей, которая твердит, что вы недостаточно суровы по отношению к заключенным, а сама только и ждет, чтобы при малейшем волнении открыть им ворота тюрем. Я вижу последователей Преси, вызвавшего в Лионе мятеж против свободы, я вижу последователей Шарета, поднявшего Вандею против французского народа.

Народные общества были когда-то храмами равенства. Граждане и законодатели приходили туда поразмышлять о крушении тирании, о гибели королей, о том, как заложить основы свободы. В народных обществах мы видели,

как народ объединялся со своими представителями, просвещал и судил их. Но с тех пор как народные общества наводнили коварные люди, громогласно добивающиеся, чтобы их продвинули в законодательный орган, в министерство, в генералитет; с тех пор, как в этих обществах стало слишком много функционеров и слишком мало граждан, народ не играет в них никакой роли. Уже не народ является в них судьей правительства; функционеры, объединившиеся, упрочившие свое положение, заставляют народ умолкнуть, внушают ему страх, отделяют его от законодателей, которые должны быть с ним неразделимы; они развращают общественное мнение, подчинив его себе, заставляют с его помощью замолчать правительство и порочат самую свободу. Ужели не видите вы всех этих сетей, что расставили нам иностранные державы нашими же руками?

Демократия во Франции погибнет, если магистраты будут обладать большим влиянием, чем народ, и используют это влияние для своего возвышения. Эти простые истины еще никто не дерзнул высказать по той причине, что после уничтожения правительственной иерархии ни одна идея, ни один принцип не пришли ей на смену; по той причине, что правительство само как будто опасается того влияния, которое приобрели его чиновники; по той причине, что коалиция, в которую вошли многие члены государственных органов, коалиция, направленная против народа, против свободы, против национального представительства, уже укрепилась.

У нас не были провозглашены принципы нашего публичного права, этот священный и грозный закон, высший закон спасения народа. Нельзя допустить, чтобы аристократия бросала вызов правительству; нельзя допустить, чтобы мятежник, продающий свою родину, оказывал сопротивление правосудию, заявляя при этом, что он сопротивляется угнетению; нельзя допустить, чтобы изменники злоумышляли против самой истины, которая их преследует, и против законной власти, которая их карает.

Вот следствия той губительной снисходительности, против которой я выступал недавно. Заметили вы, какую окраску приобрела с тех пор, несмотря на общественное мнение, несмотря на патриотические лозунги, эта фракция, вдохновляемая заграницей. Распространились смутные слухи, что откроют тюрьмы; на рынках разбрасывали листовки, требующие короля.¹⁴ Эта фракция попыталась направить ту силу, которую вы дали правосудию, против него самого. Она устранилась от того, что этот благодетельный декрет привлек на сторону свободы сердца обездоленных; она сочла себя обреченной, обнаружила себя раньше, чем предполагала; она хотела обратить смертоносный удар на патриотов и правительство и повернуть против общественной безопасности ту неистовую силу, которую мы вызвали для борьбы против этой фракции; ибо все заговоры связаны между собою; они подобны волнам, которые, как кажется, разбегаются, а на самом деле — сливаются воедино. Фракция снисходительных, стремящаяся спасти преступников, и фракция, вдохновляемая заграницей, которая кричит громче всех, ибо боится разоблачения и всю суровость обращает против защитников народа; все эти фракции сходятся по ночам, чтобы согласовать свои преступные действия на день; они делают вид, что враждуют друг с другом, дабы общественное мнение разделилось между

ними; а затем вновь объединяются, чтобы между двумя преступлениями дуть свободу.¹⁵

Снисходительность не только в том, чтобы оберегать преступников, находящихся под стражей; не менее опасна снисходительность, которая падает скрытых врагов народа.

Ваша политика должна вобрать в себя обширный план возрождения. Решитесь на все, чего требуют интересы свободного государства, что содействует его укреплению. Где же Тарпейская скала?¹⁶ Или вам не хватает смелости сбросить с этой скалы аристократию, какой бы личиной она ни прикрывала свой медный лоб. Как! На другой же день после того как мы призывали вас к непреклонной суровости в отношении врагов революции, содержащихся под стражей, попытаться использовать против патриотов подъем, вызванный в общественном мнении этой идеей; пусть это убедит вас, сколь хитроумно действуют враги отечества. Добрые граждане радовались новому триумфу свободы, и вдруг взрыв, внезапный, непредвиденный. Мы говорили вам о счастье; эгоизм воспользовался этой идеей, чтобы вызвать яростные крики аристократии. Внезапно пробуждается жажда того счастья, которое состоит в забвении других и в наслаждении излишествами. Счастье! счастье! восклицают повсюду. Но не счастье Персеполиса предлагаем мы вам,¹⁷ это счастье растлителей человечества; мы предлагаем вам счастье Спарты и Афин в их лучшие времена; мы предлагаем вам счастье добродетели и скромного достатка; мы предлагаем вам счастье наслаждаться необходимым и отказываться от излишеств; мы предлагаем вам счастье ненавидеть тиранию, довольствоваться своей хижиной и плодородным полем, возделанным собственными руками. Мы предлагаем народу счастье быть свободным и спокойным, мирно наслаждаться плодами и нравами, порожденными революцией; счастье возвратиться к природе и морали, счастье основать республику. Именно народ создает республику простотою своих нравов, а не шарлатаны, которых следует для начала изгнать из нашего общества, если вы хотите, чтобы оно было счастливым. Счастье, которое мы вам предлагаем, не есть счастье развращенных народов; обманулись те, кто ожидал от революции права быть столь же дурными, как дворянство и богачи при монархии; плуг, поле, скромное жилище, свободное от податей, семья, защищенная от вожделиний разбойника, — вот счастье.¹⁸

Чего же хотите вы, вы, кто не хочет добродетели, чтобы быть счастливым? Чего хотите вы, вы, кто не хочет террора против злодеев? Чего хотите вы, кто лишен добродетели, кто обращает террор против свободы? А между тем вы объединены, ибо все преступления связаны друг с другом и образуют в настоящий момент огненное кольцо вокруг Республики.

Чего хотите вы, кто устремляется в общественные места, лишь бы только быть на виду, лишь бы услышать: «Смотри-ка, говорит такой-то; вот прошел такой-то»? Вы хотите оставить занятие своего отца, который, вероятно, был честным ремесленником, чей скромный образ жизни сделал вас патриотом, оставить, чтобы стать влиятельным и надменным лицом в государстве.

Вы погибнете, вы, кто устремляется к богатству, кто ищет счастья не там, где ищет его народ.

Граждане, я возвращаюсь к этой жестокой мысли: как только мы заговорили с вами о счастье, партия, вдохновляемая заграницей, постаралась вложить в понятие о счастье подлость, эгоизм, презрение к человечеству, ненависть к суровому порядку управления, который один только может нас спасти. Пусть народ требует свободы, когда он угнетен; пусть он следует совету Миноса, пусть преследует магистратов.¹⁹ Но когда свобода торжествует, когда тирания испускает дух, побуждать его предать забвению общее благо, нанести удар родине ради личного благополучия — вот лицемерие, заслуживающее кары; именно так губят свободу. Произошло смещение всех понятий. Скажите злодею: «В прошлом году мы выиграли двадцать сражений, в этом году у нас миллион двести тысяч солдат», — он вам ответит: «Это не имеет значения; у меня есть личный враг, от которого я должен избавиться». Таковы наши дела; все перевернуто вверх дном. Негодай, которого должен осудить революционный трибунал, заявляет, что сопротивляется угнетению, ибо он хочет избежать эшафота.

Не знаю, решился бы кто-нибудь сказать вам все это, чувствуя он себя в чем-то виновным или причастным к бедствиям страны. Я же говорю с вами со всею прямою безупречно честного человека, готового ради спасения отечества пойти на все, все высказать. Честность — это сила, позволяющая смело противиться любым посягательствам.

Если народ полюбит добродетель и воздержанность; если с лиц исчезнет надменность; если в гражданскую общину вернется стыдливость, а контрреволюционеры, умеренные и мошенники будут повержены в прах; если, беспощадные к врагам революции, мы сохраним чувствительность и любовь к патриотам; если функционеры, уединившись в своих кабинетах, посвящают себя добрым делам, не помышляя об известности, призывая в свидетели лишь свою совесть; если вы дадите землю всем обездоленным, если вы отнимите ее у всех негодяев, тогда я признаю, что вы совершили революцию. Но если все пойдет по-другому, если заграница возьмет верх, если пороки восторжествуют, если новая знать займет место прежней, если кара не достигнет тайных заговорщиков, нам останется обратиться в ничто или погрузиться в лоно божества; значит, революции не было; значит, нечего ждать на земле ни счастья, ни добродетели.

Знаете ли вы, кто является последним оплотом монархии? Это класс людей, которые ничего не делают и не могут обойтись без роскоши и излишеств, это те, у кого нет иных помыслов, кроме дурных; кто пребывает во власти скуки, преисполнен безумной жажды наслаждений и отвращением к общественной жизни; кто внимает слухам, кто старается предугадать намерения правительства и всегда готов из любопытства сменить одну партию на другую. Вот этот класс и нужно обуздать. Заставьте всех что-нибудь делать, выработать профессию, полезную для дела свободы. У всех этих бездельников нет детей; их слуги не вступают в брак, они всегда разделяют их мнение, всегда готовы поддаться влиянию заграницы. Разве нам не нужно строить корабли, умножать мануфактуры, распаивать новь? Какими правами обладает в нашем отечестве тот, кто ничего для него не делает? Это у них — гнусное представление о счастье, это они — главные противники Республики.

Есть и другой класс расшатавателей — это функционеры со своими семьями. Как только человек получает выгодную должность, он реквизирует дворец; он заводит покорных слуг; его супруга сегоует на тяжелые времена, так как не может достать горностаевый мех и драгоценности по сходной цене; она жалуется, что с трудом достаются развлечения. В театре супруг переместился из партера в одну из блистательных лож. И в то время, когда эти презренные развлекаются, народ пашет землю, тачает башмаки для солдат, изготавливает оружие, которое защищает этих равнодушных трусов. По вечерам они отправляются в общественные места пожаловаться на правительство. Если бы я был министром, говорит один, если бы у меня была власть, говорит другой, все пошло бы лучше. Вчера еще они были опозорены и обесчещены. Сегодня сочувствие осыпало их благами, но они не насытились; чтобы получить фазанов в разноцветных перьях, они готовы поднять мятеж.²⁰

Присмотритесь к тем, кто жалуется на тяжелые времена, — это отнюдь не самые обездоленные: люди скромного достатка жалуется гораздо меньше. В департаментах Верхняя Вьенна и Коррез всегда питались каштанами, в департаменте Пюи-де-Дом едят хлеб и тушеные овощи; таков старинный обычай в этих местностях, славящихся добрыми нравами. Для всех деревенских жителей единственной пищей являются плоды; подобно илотам, они разводят скот, который не кормит их и не одевает; торговцы продают им втридорога шерсть, изготовленную ими самими. Именно те, кто больше всех имеет, больше всего оскорбляют народ, ибо живут за его счет. Какая заслуга в том, что вы слышите патриотами, если вы осыпаны благами, если памфлет приносит вам тридцать тысяч ливров дохода, если вы угнетаете граждан, будучи сами свободны и могущественны?

Жажда известности, как и жажда богатства, требует многих жертв: это еще одна ловушка, расставленная за границей для слабых душ; именно так умножилось число заговорщиков. Есть люди, готовые, подобно Герострату в Дельфах,²¹ сжечь храм Свободы, чтобы заставить говорить о себе. Так возникают эти внезапные бури. Один считается лучшим и полезнейшим патриотом; он утверждает, что революция завершена, что необходимо амнистировать всех злодеев. Столь заманчивое предложение принимают все, кто в этом заинтересован, — и вот вам герой! Другой заявляет, что революция не на высоте: у любого безумца найдутся слушатели. Один толкает правительство к бездеятельности, другой — к сумасбродству; и оба преследуют одну и ту же цель — стать властителями дум и добиться громкой известности.

Такова истина. Скромно заботиться о нуждах народа значит обречь себя на безвестность. Поэтому, чтобы дать гарантии правительству, нужно, чтобы каждый обладал справедливым сердцем и точным умом.

Все хотят управлять; никто не хочет быть гражданином. Где же гражданская община? Ею уже почти овладели функционеры. В собраниях они располагают голосами и должностями, в народных обществах — общественным мнением. Все они добиваются независимости и неограниченной власти под тем предлогом, что действуют революционно, как если бы они являлись средоточием революционной власти. Стоит революционной власти обособиться, как она превращается в новый федерализм, который неизбежно ведет к голо-

ду. Правительство революционно, но это не значит, что установленные власти по своей сути революционны; они революционны, поскольку осуществляют предписанные им революционные меры; если же они действуют самостоятельно, то вот вам и тирания, вот вам причина народных бедствий.

Определите же точные границы для установленных властей, ибо разум человеческий имеет свои границы; имеет свои границы и мир: за ними смерть и небытие; имеет свои границы и мудрость; по ту сторону свободы начинается рабство, по ту сторону природы — хаос. Так неужели же мы хотим, чтобы природа оставила нас! Блуждающий взгляд, сочинение, лишенное простоты, мрачное и напыщенное, в котором свобода, попав в давно уже расставленную ловушку, выглядит смехотворно, разве в этом достоинство патриотизма?²² Именно внешние враги порождают все эти искажения. Они тоже революционны, но их революционность направлена против народа, против республиканской добродетели. Их революционность преступна. Вашей же должна управлять безупречная честность законодателя.

Укрепляйте республиканское правительство, сегодня это главное, чего требуют интересы народа, интересы свободы. Пусть ваши замыслы будут столь же глубоки, как ваша любовь к человечеству. Ибо, уничтожив тирана, вы еще не сделали ничего, если не уничтожите разложение, которое вновь приведет вас к монархии с помощью фракции, вдохновляемой заграницей. Безнравственность — это федерализм в гражданском состоянии: каждый приносит себе подобных в жертву собственным интересам и, стремясь только к личному счастью, не заботится о том, счастлив ли, свободен ли его сосед.

Я обрисовал наше общее положение и раскрыл тайные причины тех действий, которые беспрестанно подрывают мощь нашего общественного организма. Мы окинули мысленным взором все тайные пути, по которым распространялся заговор. В общественном мнении зрело предчувствие, что готовится обширный заговор. Метания виновных, которые мы наблюдаем в последние дни, их растерянность, вызванные хладнокровием и выдержкой правительства, хмурый вид подозрительных — все предвещает кару, которая вскоре поглотит преступников и послужит примером для других.

Короли Европы смотрят на часы в ожидании момента, когда наступят обещанное им крушение нашей свободы и гибель Парижа. Вы примете суровые меры, которые будут вам предложены; вы поддержите достоинство нации; вы будете достойны самих себя, проявив мудрость и силу, необходимые в данных обстоятельствах.

Нужно признать одну истину: если мы будем довольствоваться изложением общих принципов, не попытаем применить их на деле, как это слишком часто с нами случалось, мы окажемся бессильными против врагов народа. Что значат слова для заговорщиков, прячущих свое лицо, пока они не разоблачат сами себя? Пламенная речь на мгновение возбуждает сердца, заговорщики дают нам высказаться; они присоединяются к вам на тот краткий миг, когда общественное мнение еще возбуждено; но вскоре они становятся тем более смелыми, чем меньше вызывают подозрений.

Итак, я заканчиваю описание этой многоликой фракции, вдохновляемой иностранными государствами, которые стремятся уничтожить существующее

правительство, чтобы поставить на его место единоличного властителя. Всюду, где они находят слабого или развращенного человека, они стремятся его ублажить, они обещают ему все, что он ни пожелает, лишь бы, используя сильную власть в качестве приманки, на которую уже попалось несколько глупцов, добиться того, чтобы наше государство рассыпалось в прах у ног поработанной Европы. Для тирании безразлично, что станет с нами, лишь бы отомстить и избавиться от примера, который мы подаем миру своим существованием. Одни трудятся в пользу Англии, другие — в пользу Бурбонов, которые соглашаются на все, что им предлагают. Но если бы наша свобода была уничтожена, те, кто приложил свою грязную руку к осуществлению этого заговора, первыми были бы уничтожены как самые подозрительные и опасные, уничтожены той порочной властью, которую они сами помогли установить. Реакция тирании на революцию, которая отважилась на все во имя добра, состоит в том, чтобы отважиться на все во имя зла; и может настать день, когда народ придет на могилы своих друзей, чтобы пролить слезы в бесплодных сожалениях.

Найдется ли такой патриот, который и теперь усомнится в необходимости защитить существующий порядок вещей от его врагов и не присоединится к нам против заговорщиков?

Теперь, когда я проследил преступные и темные дела фракции, вдохновляемой границей, когда я указал на те ловушки, которыми грозит свободе уничтожение чувства природы, справедливости и морали, после того как я охарактеризовал все виды развращенности, следует разрешить загадку, на первый взгляд неразрешимую загадку разногласий между различными фракциями.

Это граница разжигает вражду между фракциями, втягивая их в свою политическую игру, дабы обмануть неусыпное око народного правосудия. Разыгрывается своего рода процесс перед судом общественного мнения; наступает раскол общественного мнения, губительный для Республики. Таким путем лишают национальное представительство и его декреты решающего влияния в государстве, ибо разрушительные последствия разложения, о которых я говорил, привлекают самое пристальное внимание к раздорам между партиями, отвращая все чувства и помыслы от любви к отечеству, от его священных интересов; как если бы в одном небе разразилось сразу несколько гроз; их громы и молнии смешиваются, чтобы сильнее поразить народ. Итак, иностранные державы будут создавать как можно больше фракций, неважно каких, лишь бы вызвать у нас гражданскую войну. Граница, как я уже говорил, будет сеять раздор между партиями, ими же созданными, дабы умножить их число и оставить революцию в одиночестве. Итак, преступна любая партия, ибо она ведет к обособлению народа и народных обществ и к независимости правительства. Преступна любая фракция, ибо она стремится разобщить граждан; преступна любая фракция, ибо она лишает действенной силы добродетель народа.

Прочность нашей Республики в самой природе вещей. Суверенитет народа требует, чтобы он был един, что несовместимо с существованием фракций: значит, всякая фракция есть покушение на суверенитет.

Прежде, когда фракции приводили к изоляции деспотизма и ослаблению влияния тирании, они были благом; теперь, когда они приводят к изоляции свободы и ослабляют влияние народа, они преступны.

В этом вся суть фракций. Обдумав причины ниспровержения тирании в нашей стране, иностранные державы стремятся использовать фракции, чтобы ниспровергнуть Республику.

Граждане всей Франции, если сердца ваши созданы для добра и постижения истины, вы поймете теперь, какие западни расставили ваши враги, и вы соединитесь в суверене, чтобы оказать сопротивление всем партиям.

Чтобы свободное государство могло сохранить себя, в нем не должно быть партий; нужно, чтобы народ и правительство подавили их хотя бы по той причине, что их существование, как я уже говорил, благоприятствует планам заграницы. Представители народа, вам надлежит смелою рукою взяться за руль управления государством и твердо держать его, во устрашение сообществам негодяев. Те, кто совершает революции, подобны первооткрывателю, которого ведет вперед его отвага. Загранице неведомы пределы нашей неустрашимости; каждый день и уже сегодня, после этого доклада, они на собственном горьком опыте смогут убедиться, какие добродетели, какое мужество пробуждает в нас их жестокость. Тщетно они попытаются развратить нас: совершая преступления и обрекая нас на казни и муки, они только избавят нас от наших пороков и сделают нас более сильными, ибо мы станем наконец людьми, а Европа закоснеет в своей алчности; тяжелые времена пройдут. Видите ли вы могилы тех, кто вчера еще замышлял заговор? Видите ли вы их рядом с могилой последнего из наших тиранов! Европа со временем тоже станет свободной; она увидит, сколь жалки ее короли; добродетели, которые она пробудила в нас, станут для нее примером, и она почтит наших мучеников. Мы-то научимся мириться с лишениями, но что станет с Европой, если торговля хотя бы на краткое время перестанет удовлетворять ее алчность? Видите ли вы могилы королей, которые воюют с нами? Видите ли вы, как восставшая Европа преследует их? Раньше, чем у них, у нас вырастет новое поколение, воспитанное свободным, вечный источник нашего превосходства, которое поможет Европе освободиться от коронованных дикарей; и не дикари ли те, кто покушается на нашу независимость, кто замышляет столько преступлений?

По имеющимся у нас сведениям, союзники не откроют кампании, дабы военными действиями не отвлекать народ от тех волнений, которые они готовят внутри страны и в Париже. Кампания, которую замышляют, это кампания преступлений, кампания беспорядков, разложения и голода. Чтобы скрыть эти замыслы, полковник Мак должен постоянно прибегать к угрожающим маневрам, не создающим риска для союзников, но заставляющим опасаться их. В это самое время был организован заговор, дабы низвергнуть существующее правительство и народное представительство и заменить их регентством, которое стало бы подготовкой и предвестием возвращения Бурбонов. Рассеянные по Европе эмигранты не могли скрыть своей радости. Вслед за этим иностранные державы предложат узурпаторскому аристократическому регентству мир и признают его власть. В Брюсселе и Франкфурте отпечатано на три миллиарда ассигнатов, обеспеченных имуществом французских патриотов;

предполагалось открыть в каждом дистрикте специальные конторы для обмена республиканских ассигнатов. Решено было уничтожить народное представительство, сначала вызвав возмущение и отвращение к продажным деятелям, а затем и силою меча. В заговор втянуты дворяне и иностранцы. В Париже тоже есть эмигранты. Кое-кого из них арестовали в Пале-Эгалите;²³ их арестовывают каждый день; это они в последние дни вызвали беспорядки в Париже и вызовут их вновь, если вы не вырвете зло с самим корнем. Поищите этих негодяев у банкиров; они носят длинные брюки,²⁴ их речи звучат революционно; ничто их не устраивает; в конце каждой тирады у них припасена тонкая стрела, которую они с кротким видом направляют в сердце отечества. Патриотом может считаться тот, кто защищает Республику как единое целое; кто же борется с нею хотя бы в мелочах, тот изменник.

Меры по задержанию виновных уже приняты; они окружены. Остается принять меры к тому, чтобы разрушить планы развращения, еще более губительного, чем ярость самих заговорщиков. Эти меры мы предложим вам в качестве закона сурового, но справедливого. Воздадим же хвалу гению французского народа за то, что свобода вышла победительницей в борьбе с одним из величайших преступлений, когда-либо замышлявшихся против нее. Разоблачение этого обширного заговора, страх, который оно вызовет, предложенные вам меры избавят Республику и вселенную от всех заговорщиков; пусть все граждане заботятся о безопасности народа, пока правительство преследует заговорщиков. Война будет вестись с той же яростью. Ни минуты покоя, пока враги революции и французского народа не будут уничтожены. Никакой снисходительности, никакой жалости к виновным, осмелившимся посягнуть на свободу отечества!

Мы дадим вам правдивый отчет о тех опасностях, каким нам предстоит подвергнуться при выполнении своего долга: заговорщики бросают вызов добродетели, мы бросаем вызов им. Возвысимся же духом, дабы постичь то необъятное счастье, которое мы обязаны дать французскому народу: всякий, кто обладает во вселенной чувствительным сердцем, воздаст должное нашему мужеству. Тот, кто стремится к добру, имеет право быть дерзким, непоколебимым, непреклонным.

Народ, покарай всякого, кто нанесет удар справедливости: в ней гарантия свободного правительства; справедливость делает людей равными. Люди развращенные становятся рабами друг друга; право сильнейшего является законом среди злодеев. Пусть же справедливость и честность станут в порядок дня во Французской Республике! Отныне правительство не простит ни одного преступления. Народ, не слушай больше ни голосов снисходительных, ни голосов безрассудных; горячо возлюби нравственность; суди обо всем самостоятельно; поддерживай своих защитников; воспитывай своих детей в духе целомудрия и любви к отечеству; пребывай в мире с самим собой и веди войну с королями: именно для того, чтобы отвлечь тебя от войны против королей, стремятся вовлечь тебя в войну против самого себя. Как! тебя могли бы обречь на прозябание под регентством тиранов, которые вернули бы Бурбонов! Как! вся кровь твоих детей, погибших за свободу, оказалась бы пролитой напрасно! Как! ты не осмелился бы ни оплакивать их, ни произнести их имя!

Статуя Свободы была бы разрушена, эти стены осквернены присутствием грязных роялистов и вандейских мятежников. И прах твоих защитников был бы развеян по ветру! Отгони от себя это страшное видение! Тирания только и мечтает об этом; но Республика и на сей раз спасена! Устремитесь же к славе; мы призываем всех тайных врагов тирании, тех, кто в Европе и во всем мире прячет под одеждами кинжал Брута, разделить с нами этот торжественный миг!

Через несколько дней вам будет представлен доклад обо всех, кто участвовал в заговоре против отечества; преступные фракции будут разоблачены; мы их окружаем. Интересы народа и правосудия не позволяют мне сказать больше, как не позволили бы о чем-либо умолчать, ибо закон, который мне предстоит предложить вам, не терпит отлагательств и должен быть обоснован.

Я предлагаю вам следующий декрет.

Национальный конвент, заслушав доклад своего Комитета общественного спасения, постановляет:

Статья 1. Революционный трибунал продолжит сбор сведений об инициаторах и соучастниках заговора, направленного против французского народа и его свободы; он немедленно подвергнет аресту виновных и предаст их суду.

2. Объявляются изменниками отечеству и караются как таковые все уличенные в том, что содействовали каким бы то ни было образом развращению граждан, ниспровержению власти и подрыву общественного духа; те, кто вызывал беспорядки дабы помешать доставке продовольствия в Париж; кто предоставлял убежище эмигрантам; те, кто попытается открыть тюрьмы; те, кто будет доставлять в Париж оружие с целью уничтожить народ и свободу; те, кто попытается поколебать или изменить республиканскую форму правления.

3. Поскольку Национальный конвент облечен верховной властью волею французского народа, всякий, кто попытается захватить эту власть, кто прямо или косвенно посягнет на безопасность или на достоинство Конвента, является врагом народа и карается смертью.

4. Сопrotивление республиканскому и революционному правительству, центром которого является Национальный конвент, есть покушение на общественную свободу; виновный в этом, а также тот, кто попытается каким-либо действием унижить, уничтожить Конвент или воспрепятствовать его деятельности, карается смертью.

5. Комитет общественного спасения, согласно закону от 14 фримера,²⁵ смещает всякое должностное лицо, уклоняющееся от исполнения декретов Национального конвента или постановлений Комитета, а также уличенное в нарушении долга или в небрежности при исполнении своих обязанностей. Комитет преследует их по всей строгости законов, он позаботится о временном их замещении.

6. Установленные власти не имеют права передавать свои полномочия; они не могут рассылать своих комиссаров ни внутри Республики, ни за ее пределы без специального на то разрешения Комитета общественного спасения; полномочия и поручения, данные до сего момента, аннулируются. Те, кто после провозглашения настоящего декрета осмелится продолжать их отправление, караются двадцатью годами тюремного заключения.

Агенты Комиссии продовольствия, вооружения и пороха будут временно продолжать исполнять свои обязанности.

7. Для скорейшего суда над врагами революции, заключенными в тюрьмах, учреждается шесть народных комиссий.²⁶ Комитеты общей безопасности и общественного спасения совместно займутся их формированием и организацией.

8. Обвиняемые в заговоре против Республики, уклонившиеся от судебного разбирательства, объявляются вне закона.

9. Наблюдательные комитеты, оставившие на свободе лиц, известных в своем округе как неблагонадежные, смещаются и заменяются другими.

10. Каждый гражданин обязан указать на заговорщиков и лиц, объявленных вне закона, если ему станет известно их местопребывание.

11. Каждый, кто станет укрывать их у себя или в ином месте, рассматривается и карается как их сообщник.

12. Лицам, арестованным за участие в заговоре против Республики, запрещается поддерживать сношения с кем бы то ни было в устной или письменной форме; за это несут уголовную ответственность лица, приставленные к ним в качестве стражи, а также тюремная охрана; всякий, кто окажет содействие или будет участвовать в такого рода сношениях, карается как сообщник.

13. Комитету общественного спасения поручается строго следить за исполнением настоящего декрета; он отчитывается в этом перед Конвентом согласно закону.

Внесение декрета в Бюллетень²⁷ означает его обнародование.

ОБ АРЕСТЕ ЭРО-СЕШЕЛЯ И СИМОНА

(Доклад, представленный Национальному конвенту от имени Комитета общественного спасения 27 вантоза II года <17 марта 1794 г.>)

Комитеты общественного спасения и общей безопасности поручили мне представить вам отчет об аресте Эро-Сешеля и Симона, членов этого Собрания. Они обвиняются в сообщничестве с врагами Республики; вы подвергли их суровому наказанию за явное нарушение закона, принятого 4 числа сего месяца против заговорщиков.¹

В пятый день последней декады революционный комитет секции Лепеллетье, который разыскивал в течение нескольких дней человека, обвиняемого как эмигранта, обнаружил его в квартире Эро-Сешеля; этот человек был схвачен и заключен под сражу. Эро и Симон в тот же день явились туда, где был помещен арестованный, и, прорвавшись сквозь стражу, пытались с ним переговорить. Они оправдывали такое насильственное вторжение ссылкой на свое депутатское звание. Напрасно им объясняли, что закон запрещает всякое сношение с лицами, обвиняемыми в заговоре, и что разрушители его будут рассматриваться как сообщники; напрасно их заверяли, что Комитет общественного спасения взялся за рассмотрение этого дела; они настаивали на своем и проникли к арестованному.

Симон отрицает этот факт в письме, которое он вам направил; однако факт установлен.

Мы полагаем, что, учитывая обстоятельства, в которых мы находимся, Национальный конвент должен быть непреклонен. Дело его чести заставить своих членов соблюдать установленные им законы и обходиться с ними так же сурово, как и со всеми прочими.

Если подумать над тем, каково было намерение Эро и Симона, добивавшихся свидания с обвиняемым; если попытаться вскрыть причины этого поступка, то станет ясно, что этих двоих следует рассматривать как сообщников, желавших дать обвиняемому указания, как вести себя во время процесса.

Если рассмотреть прежнее поведение этих двух лиц, то следует сказать, что они давно уже были у нас на подозрении. Комитет общественного спасения еще четыре месяца назад объявил первому из них, что не будет больше совещаться в его присутствии; что его считают другом заграницы и подозрительным, поскольку со слезами на глазах он требовал освобождения Проли, завладел дипломатическими бумагами Комитета и разгласил их, так что они были опубликованы в газетах и распространены за пределами Республики.

Если рассмотреть поведение Симона, то нельзя с уверенностью сказать, что у себя на родине в Савойе он стоял на стороне народа. Он был главным викарием Страсбургского епископства, другом и сторонником Шнейдера, австрийского священника, общественного обвинителя департамента Нижний Рейн, который теперь заключен в Аббатство за свои преступления; вчера выяснилось, что он стоял во главе тех, кто стремился открыть тюрьмы.

Он хотел говорить; он колебался. У нас в руках письмо, написанное Эро одному неприсягнувшему священнику, где он непристойно отзывается о революции и обещает этому священнику должность. Священник был впоследствии гильотинирован.

Симон сопровождал Эро в его миссии в департамент Мон-Блан. Их связь в настоящий момент свидетельствует, что с тех пор они всегда действовали заодно и являются сообщниками.

Вы утверждали, что справедливость и честь стоят в порядке дня Французской республики; и та, и другая обязывают вас проявить непреклонную суровость против всех преступных посягательств. Если вы хотите установить свободу, и та, и другая повелевают вам принести в жертву общественным интересам все посторонние соображения.

Какой же дерзостью надо было обладать, чтобы осмелиться преступить грозный закон, карающий смертью его нарушителей? Или, вернее, какой же страх, какое отчаяние заставило обвиняемых совершить свой дерзкий поступок? Не осудили ли они себя сами?

Вот плоды преступления, которые столько правительств, не жалея сил, замышляют против нас. Казна всех королей пуста, все их злодеяния иссякли, свобода торжествует, и никогда вы не были столь могущественны.

Римский сенат прославился своей добродетелью, которая поразила одного из его членов, сенатора Катилину. Напрасно короли пытались нас унижить; нападки заграницы могут оскорбить вас не более, чем проклятия нечестивца оскорбляют Провидение. Эро и Симон обвиняются в сообщничестве с заговорщиками.

Я представил вам предварительный отчет. Комитеты общественного спасения и общей безопасности предложат вам завтра проект декрета и полностью обоснованный обвинительный акт против них.

О ДАНТОНИСТАХ

(О заговоре, составленном несколько лет назад преступными фракциями, чтобы свести Французскую революцию к перемене династии, а также против Фабра д'Эглантина, Дантона, Филиппо, Лакруа и Камилла Демулена, обвиняемых в сообщничестве с этими фракциями, и о других фракциях и преступлениях других лиц против Свободы.

Доклад, представленный Национальному конвенту от имени Комитетов общественного спасения и общей безопасности 11 жерминаля II года <31 марта 1794 г.>

Граждане, революция заключается в народе, а не в репутации отдельных лиц. В этой истине — источник справедливости и равенства в свободном государстве; в ней гарантия народа против людей коварных, дерзость и безнаказанность которых позволила им возвести себя в ранг своего рода патрициев.

Есть нечто ужасное в священном чувстве любви к отечеству;¹ оно столь исключительно, что заставляет пожертвовать всем, без сострадания, без страха, пренебрегая мнением людей, во имя общественного блага; это чувство овладевает Манлием, заставив его пожертвовать личными привязанностями;² оно увлекает Регула в Карфаген, приводя римлянина на край бездны,³ оно помещает в Пантеон Марата, павшего жертвою своей самоотверженности.⁴

Ваши Комитеты общественного спасения и общей безопасности, проникнутые этим чувством, поручили мне от имени отечества требовать у вас правосудия против людей, которые давно уже предают дело народа, которые вели войну с вами заодно со всеми заговорщиками, с Орлеаном, с Бриссо, с Эбером, с Эро и их соучастниками против тех, кто теперь вступил в заговор с королями, объединившимися против Республики, кто способствовал замыслу погубить вас и уничтожить республиканское правительство; кто защищал ваших отъявленных врагов, кто, дабы избежать правосудия, утверждал, что в их лице посягают на вас. Они не проявили подобного участия по отношению к вам, когда требовали пощадить ваших убийц, когда требовали обновить Собрание,⁵ что привело бы к вашей гибели и к гибели свободы. Пусть же пример непреклонности по отношению к самим себе, который вы здесь явите, будет последним! Да сможете вы увидеть после их гибели, как исчезнут все фракции! Да сможете вы воспользоваться всею полнотою своей законной власти и уважением, которое вы внушаете!

Вас давно уже попытались бы принизить, если бы это было возможно; вы находитесь между двумя фракциями, фракцией лжепатриотов и фракцией умеренных, и вы должны сокрушить их. Эти фракции родились вместе с революцией; они следовали за нею, увлекаемые ее течением, подобно рептилиям, увлекаемым стремительным потоком. Требуется определенное мужество, чтобы вновь говорить вам о необходимости быть суровыми после стольких

проявлений суровости. Аристократия говорит: «Они истребят друг друга». Аристократия лжет сама себе; это ее мы уничтожаем, и она прекрасно знает это. Свобода не пострадала от казни Бриссо и Ронсена, признанных роялистами. Не слушайте тех, кто, трепеща перед правосудием, объясняет свою вину заблуждениями патриотизма; справедливость никогда не принесет вам вреда, но снисходительность вас погубит.

Итак, я должен разоблачить перед вами последних сторонников роялизма, тех, кто на протяжении пяти лет служил интересам фракций и следовал за свободой, подобно тигру, преследующему свою жертву. Мне предстоит рассмотреть вкратце, что произошло, и в завершение обрисовать вам заговор и указать его последних соучастников.

Заговоры приучают правительство заботиться о нравах и сохранять чистоту принципов, на которых покоится законодательство. В них бесспорное свидетельство того, как пренебрегали исправлением многих злоупотреблений, и в особенности наказанием несправедливости; свидетельство того, что безразличие законов к бедствиям и к справедливому недовольству привело к умножению фракций; что снисходительность к негодяям и развращенность функционеров вселили уныние в сердца и сделали их равнодушными к судьбе отечества.

Мы прошли через все бури, какие обычно сопровождают величайшие замыслы. Революция — деяние героическое, и путь ее творцов лежит между опасностями и бессмертием. Вы обретете бессмертие, если сумеете одолеть враждебные фракции.

Фракции — последняя надежда тирании; их источник в обычных страстях человека, в стремлении обратить к своей личной выгоде приобретенную репутацию; другой их источник в противодействии из-за границы. Именно правительства Европы развратили в течение пяти лет многих из тех, кто сыграл свою роль в революции. У многих людей хватает ума делать добро, но лишь немногие обладают сердцем, способным настойчиво к нему стремиться. Стоит ли удивляться крушению стольких пьедесталов: у всех народов развитие человеческого духа шло этим путем, это то, что осталось нам от монархии. Все то зло, которым попрекают нас тираны, исходит от них самих; Европа была бы счастлива, если бы они не царствовали вовсе.

Да будет угодно небу, чтобы мы стали свидетелями последней бури, потрясающей свободу; да научит нас опыт, что нужна гарантия для свободного государства! Вот то, что я намерен еще раз показать вам, обрисовав перед вами заговор, уже несколько лет замышляемый против революции, во всех его подробностях, его развитие, его цели и средства.

Вы пренебрегли установлением гарантии для народа и для вас самих от влияния промежуточных властей. Когда люди, облеченные этой властью, соединились, чтобы одолеть вас, правительство оказалось слишком слабым против них, ибо они предавались интригам и сопротивлялись общественному благу; отсюда столь судорожное развитие событий. Вы не могли немедленно поразить все злоупотребления, которым покровительствовали агенты. Помните, что они предавались поочередно Лафайету, Дюмурье, федерализму. Личные качества некоторых из них спасали отечество в моменты кризисов и

измен,⁶ но большинство этих агентов, кажется, всегда предавалось преступным замыслам.

Иностранные державы рассчитали все последствия существования режима, при котором мелкие функционеры, объединившись, становятся могущественнее, чем само правительство. Две причины приводят к ослаблению установлений: стремление покончить с честным, но безвестным существованием в одних случаях; вероломство и сговор с врагами отечества — в других. Третья причина постоянного нарушения высшей гармонии в действиях политического организма состоит в непрестанной узурпации влияния национального представительства и созданного им республиканского правительства.

Нам предстоит увидеть, какую пользу смогли извлечь фракции из этих пороков нашей системы; нам предстоит увидеть, как все преступления, которые заставляло скрываться неудержимое стремление народа к свободе, смешались с самою революцией, вызывая беспорядочные брожения; нам предстоит сорвать все маски; нам предстоит проследить каждый шаг за границы.

С самого начала революции Англия и враждебные французскому народу правительства утвердили среди нас одну партию, состоящую из нескольких фракций с совпадающими целями, но порою ничего не знающих друг о друге; стоило поразить одну из них, как страх приводил в движение другие, нарушая ход законодательства и правосудия, которых они боялись.

Первой была основана Орлеанская партия, ее ответвления имелись во всех органах власти и во всех трех законодательных собраниях. Но этой преступной партии не хватало смелости; в соответствии с обстоятельствами она всегда рядилась в господствующие цвета; именно это привело ее к гибели: постоянно притворяясь и действуя осторожно, она была захвачена энергией честных людей и силой добродетели народа, она всегда следовала по течению революции, постоянно маскируясь и никогда ни на что не решаясь.

Вначале это заставило поверить, что Орлеан совершенно лишен честолюбия, ибо в обстоятельствах, наиболее для него благоприятных, он не проявил ни мужества, ни решимости.

Эти тайные происки маскирующихся партий стали причиной общественных бедствий. Под поверхностью народной революции бурлил вулкан иностранных заговоров. Учредительное собрание днем являло собою сенат, а ночью становилось скопищем фракций, готовивших к следующему дню очередные политические козни. Во всех действиях прослеживается двойной замысел: один, явный, представленный со всем блеском, и другой, тайный, который приводил к скрытым последствиям, противоречащим интересам народа.

Вели войну против дворян, преступных друзей Бурбонов, чтобы проложить дорогу к трону Орлеанам. На каждом шагу видны усилия этой партии уничтожить двор, своего врага, и сохранить королевскую власть; однако гибель первого повлекла за собою гибель последней, ибо никакая монархия не может обойтись без патрициата.

Рассчитывали на влияние Мирабо, чтобы сохранить трон без патрициата; после его смерти пытались пересмотреть и разрешить эту проблему, но не смогли. Поскольку законодательство оказалось бессильным, чтобы обеспе-

чить преимущество этой партии, обратились к политической интриге. Начинается новый акт драмы. Преступления тирана вызвали отвращение к королевской власти, которую Бриссо, Верньо, Петсион и их сообщники хотели сохранить для Орлеанов. Мнение народа было настолько враждебно монархии, что не было никакой возможности поддерживать ее открыто. И тогда мы вновь видим, как маскируется Орлеанская партия: это она несколько раз предлагала изгнать Бурбонов, и она же стремится вернуть им трон; это она стремится восстановить королевскую власть, делая вид, что ее уничтожает,⁷ это она каждый вечер совещается с Орлеаном, и она же делает вид, что разоблачает его и преследует.

Такое поведение должно было представить тайных приверженцев тирании лучшими друзьями свободы и привлечь на их сторону общественное мнение; они предполагали, что в случае падения республиканской партии неограниченное доверие к ним позволит им решиться на все в обстановке вызванного ими воодушевления.

Такая политика не смогла противостоять энергии сторонников Республики. Дюмурье, друг королей и глава Орлеанской фракции; Дюмурье, который объявил себя противником Лафайета только потому, что последний был ставленником двора; Дюмурье, желавший изгнания короля, но не его смерти, чтобы добиться смены династии; Дюмурье, ставленник Орлеанов и Бриссо, разоблачает себя. Политика Бриссо и его сообщников раскрыта — хотели возвести на престол члена семьи Орлеанов. Все сходится, все связи обнаружены, Орлеан казнен — он понес наказание за свои преступные притязания. Но фракции, составившие эту партию, еще живы; они еще живы, фракции друзей Дюмурье! Могут ли они любить Республику? Нет. Не надейтесь восстановить мир в государстве до тех пор, — пока последнего приверженца Орлеанов, пока фракцию «снисходительных», покровительствующих аристократии, пока последних друзей Дюмурье и тех, кто был соучастником измены, но остался до сих пор не разоблаченным, — пока всех их не настигнет смерть: все они входили в иностранный заговор. В течение пяти лет они непрерывно создавали среди нас заговоры, развращая ораторов, чьи пагубные советы невозможно было отвергнуть в силу вызванных ими обстоятельств, способствуя падению ценности наших денег, возбуждая смуты в наших колониях, подкупая генералов и власти, расстраивая нашу торговлю, препятствуя обращению продовольствия, превращая каждый департамент, каждый дистрикт, каждую коммуну и даже каждую секцию в гнездо федерализма, в орган власти, независимый от национального представительства. Они рассчитывали не столько на силу своих армий, сколько на непредусмотрительность французов, и наш образ действий полностью оправдал их надежды.

Новый режим устанавливается с трудом, в особенности в большом государстве, где многочисленность механизмов управления, многочисленные опасности приводят к тому, что значительная часть злоупотреблений ускользает от правосудия и оказывает сопротивление мудрости. Как распознать интриги, которые обрывают все связующие нити и отвлекают внимание? Как заставить прислушаться к спокойному голосу здравого смысла среди всех этих ловушек, расставленных ему изворотливым умом?

Но наконец опасности, которых только что избегла свобода, заставили граждан быть более осмотрительными. Пусть прошлое послужит нам уроком! Иностранные державы, по-видимому, решили не оставлять нас в покое; нам предстоит разоблачить все партии, которые они создали, всех оставшихся у них сторонников, распутать все нити заговоров; именно из обломков фракций, избегнувших наказания и страшщихся своего будущего, и создаются новые фракции.

Разногласия между Мирабо и Ламетами, принадлежавшими к одной партии, между Ламетами и Лафайетом, поддерживавшими королевскую власть, между Бриссо и Орлеаном, связанными тайной дружбой, все убеждает нас, что иностранные державы постоянно создавали или поддерживали различные партии, чтобы замышлять одни и те же заговоры и не дать возможности их распутать.

Совсем еще недавно Эбер, тайный сторонник королевской власти, резко нападал на банки и каждый вечер ужинал у банкиров; он выставял себя непримиримым противником Шабо, а в день ареста последнего должен был ужинать у него вместе с женой; более того, когда Шабо был арестован, Эбер беспрестанно гремел против него, а сам был его сторонником!

Ронсен встречался с иностранцами братьями Фрей, которым Шабо приходился зятем. Банкир Коонкноф,⁸ голландец, был другом Дюмурье и поверенным всех его замыслов; он редактировал «Журналь дю Батав» вместе с Клоотсом, который любил весь мир за исключением Франции. И никто никогда не подозревал об этих связях между Ронсеном, Шабо, Эбером и Клоотсом, которые казались столь разобщенными.

В 1790 году существовала фракция, стремившаяся возложить корону на голову Орлеана; и другая, стремившаяся сохранить ее для Бурбонов; и еще одна, стремившаяся передать французский престол Ганноверскому дому.⁹ Эти фракции были низвергнуты 10 августа вместе с королевской властью. Террор заставил всех, кто составлял заговоры в пользу монархии, прибегнуть к еще большему притворству; и тогда все фракции приняли обличье республиканцев. Бриссо, Жиронда и Дюмурье продолжили дело Орлеанской фракции; Карра — дело Ганноверской фракции; Манюэль, Ланжюинэ и другие — дело партии Бурбонов. И все эти различные партии, каждая из которых имела свою политическую цель, соединились в общей ненависти к республиканской партии. Опасности сплотили первых из них; они кончили тем, что все вместе вступили в борьбу за королевскую власть и вместе погибли. Заграница поддерживала эти различные фракции; она снабдила их оружием в Вандее; с ее помощью они поджигали арсеналы; через них она расколола государство и привела его к федерализму, чтобы затем соединить обломки под монархической властью; через них она оказала помощь Дюмурье;¹⁰ через них она испытала все средства, чтобы вас погубить, низвергнуть ваше правительство, ослабить вашу волю и заменить вас другими. Заграница использовала эти фракции для совершения всех преступлений, которые позволили бы восстановить трон или помешать нам установить республику.

Была и другая партия, которая играла всеми остальными; она то склонялась к узурпации, то становилась роялистской, то стремилась к обогащению,

то намеревалась сохранить себе всю полноту власти, какой бы режим ни был установлен, то служила за границе; эта партия, которой, как и всем другим, не хватало смелости, направляла ход революционных событий, подобно интриге в театральной пьесе.

Фабр д'Эглантин стоял во главе этой партии; но он был не один; он стал новым кардиналом де Рецем.¹¹ Панегирист Орлеана Фабр восхвалял его до самого ареста, и даже после того он был продолжателем дела всех фракций; он использовал интриги других, чтобы вести собственную интригу, а затем доносил на них, чтобы не разделять с ними опасности их неосторожных поступков; но он служил им, если был уверен, что не скомпрометирует себя. Человек деятельный, он говорил с другими языком, который проникал в их души, с печатью глубокой искренности на челе и вел их туда, куда они сами стремились. Он тщательно изучал все происходящее, чтобы найти какого-нибудь негодяя, готового служить орудием его замыслов, и чтобы распознать тех, кто стоит на страже интересов отечества, дабы уберечь себя от них и обмануть их. Он представил в ложном свете Марата, приписав ему некоторые свои черты, дабы снискать себе скрытое уважение. Он играл на умах и сердцах, на предрассудках и страстях, как музыкант на музыкальных инструментах. В глубине души Фабр всегда был роялистом; он притворялся, как и другие, поскольку был трусом.

В славный день 10 августа вожди различных роялистских партий показали свое истинное лицо. Петيون, Карра, Верньо, Бриссо пытались сдержать республиканскую партию; они взывали к народу, защищая тирана и его семью. Фабр содействовал спасению Дюпора. Накануне 10 августа он поддерживал сношения с двором, утверждая, что осведомлен обо всех интригах, которые плетут в Тюильри. Многие слышали, как он говорил, что обманывает двор; на самом деле он обманывал всех.

Фабр почти не выступал в Конвенте в течение первых десяти месяцев. Он шадил Дюмурье, Бриссо и якобинцев, ожидая, чтобы победа склонила чашу весов на сторону преступления или добродетели.

В июне возобновились интриги, которые были прерваны страхом, внушенным событиями 31 мая. У каждой фракции была своя особая цель, но все они стремились уничтожить Конвент и правительство. Так как у каждой фракции были свои ставленники и свои одураченные, был подготовлен тайный и разветвленный заговор, который настолько развратил власти и общественный дух, что Национальный конвент и добрые патриоты оказались в изоляции.

Существовала тогда и партия, которой за граница поручила развратить Республику и вызвать в ней гражданскую войну посредством неожиданно высказываемых мнений, поддержанных насилием. Один из друзей Шометта заявил в народном обществе Ньевра, что настает время, когда привязанность отца к своему ребенку или сыновнее уважение будут подвергаться каре как покушения на естественную свободу людей.

Народное общество, преданное Шометту, осмелилось критиковать ваш декрет о культах и восхваляло в своем воззвании взгляды Эбера и Шометта.¹² Фабр поддержал здесь эти хитроумные замыслы. Нападали на бессмертные души, идею, которая принесла утешение умирающему Сократу. Домогались

большого: пытались превратить атеизм в культ, еще более нетерпимый, чем суеверие.¹³ Нападали на идею вечного Провидения, которое несомненно хранит нас. Можно было подумать, что хотят изгнать из этого мира все благородные привязанности свободного народа, природу, человечность, Верховное существо и оставить лишь небытие, тиранию и преступление. Скольких врагов свободы надеялись породить таким путем, приписывая свободе оскорбительные замыслы! Теперь признано, что эти заговорщики — изменники родины и роялисты!

Шометт в те времена, когда он еще пользовался влиянием, послал своему отцу 30 000 ливров, предупредив его не покупать ни национальных владений, ни имуществ эмигрантов.

Пусть же патриоты, населяющие Францию, полюбят друг друга, чтобы ничто не могло вызвать новые смуты в нашем отечестве! Пусть французы чтут разум, но пусть разум не забывает о божестве!

Примечательно, и потомство будет стыдиться того, что иностранные державы избрали восстановление религии предлогом для войны, которую они введут с нами, и они же пытались ввести у нас атеизм.

Была и другая партия, призванная развратить представителей народа, чтобы вызвать взрыв возмущения и мятеж аристократии, уже давно задуманный; это партия Шабо. Другой партии, посвященной в тайны всех прочих, предстояло поразить правительство и национальное представительство и уничтожить их посредством ли силы, или посредством обновления их состава.

Преступные партии, с помощью которых заграница рассчитывала поразить национальное представительство и вызвать обновление его состава, представляли вас людьми ослабевшими, изнуренными восемнадцатую месяцами трудов;¹⁴ ничего подобного они не говорили о современных тиранах, в течение полувека угнетающих Европу. Они вовсе не изнурены, те, кто вот уже несколько лет плетет среди нас заговоры. Неужели же преступление подрывает силы меньше, чем добродетель?

Существует ли в мире власть, столь же искренняя, столь же дружественная народу, столь же признательная ему, как ваша? Много ли найдется в истории правительств, которые, подобно вам, выдержали бы натиск пятнадцати армий, испытали бы столько измен, противостояли бы всему континенту, не по праву ставшему врагом французского народа? Это вы-то изнурены! Но вы победили Европу, и у вас миллион двести тысяч солдат под ружьем! Нет такой цены, какую враги ваши не заплатили бы за ваше уничтожение. Что может быть более явным, чем злоба и предательство тех, кто хотел бы сокрушить свободу, поставив на ваше место других? Французский народ, повсюду победоносный, приказывает своему представительству занять место в первом ряду властителей человечества: этот народ хотят унижить в вашем лице; перед ним вы отвечаете за то, чтобы свято хранить его величие. Народ призвал Республику; его воля не требует одобрения иностранных держав; всем тиранам он отвечает своим презрением и своими победами; здесь умеют умирать!

Те же люди, что пытались с самого начала революции свести ее к перемене династии, все еще стоят во главе этих фракций, стремящихся уничтожить вас.

И здесь терпение уступает место справедливому гневу тех, кто жаждет истины. Как! когда вся Европа, за исключением нас, слепцов, убеждена, что Лакруа и Дантон тайно договаривались о восстановлении королевской власти; как! когда сведения, полученные относительно Фабра д'Эглантина, сообщника Дантона, не оставляют сомнений в его измене; когда посол французского народа в Швейцарии сообщает нам, какое замешательство вызвало среди эмигрантов известие о предании суду Фабра, друга Дантона, мы все еще отказываемся открыть глаза!

Дантон, ты ответишь перед судом, неминуемым и беспощадным. Рассмотрим же твой образ действий в прошлом, покажем, что с первых дней ты, соучастник всех посягательств, всегда был противником партии свободы, что ты замышлял заговоры вместе с Мирабо, с Дюмурье, с Эбером, с Эро-Сешелем.

Дантон, ты служил тирании; ты, правда, бы противником Лафайета; но Мирабо, Орлеан, Дюмурье тоже были его противниками. Осмелишься ли ты отрицать, что продался трем этим людям, самым яростным заговорщикам против дела свободы? Ведь это по протекции Мирабо ты стал членом администрации Парижского департамента в те времена, когда электоральное собрание было определено роялистским. Все друзья Мирабо открыто похвалялись, что он сумел заставить тебя замолчать. И пока этот ужасный человек жил, ты почти все время безмолвствовал. В это самое время, на одном обеде ты упрекнул сурового патриота, что он вредит правому делу, отклоняясь от пути, которым шли тогда Барнав и Ламет, отрекшиеся от партии народа.

При первых вспышках революции ты явил двору свой грозный лик, ты со всею запальчивостью обрушился на него. Мирабо, замышлявший перемену династии, оценил твою смелость; он овладел тобою. С тех пор ты начал отступать от суровых принципов, и ничего не было слышно о тебе вплоть до расстрела на Марсовом поле. Тогда ты поддержал в Якобинском клубе предложение Лакло, которое послужило роковым предлогом, оплаченным врагами народа, чтобы развернуть красный флаг и прибегнуть к тирании. Патриоты, не посвященные в этот заговор, тщетно боролись против твоего губительного замысла. Тебя называли вместе с Бриссо составителем петиции, которую подписывали на Марсовом поле, но вы избежали ярости Лафайета, приказавшего расстрелять две тысячи патриотов. Бриссо после этого спокойно разгуливал по Парижу, а ты, ты проводил счастливые дни в Арси-сюр-Об,¹⁵ если только может быть счастлив человек, замышляющий заговоры против своего отечества. Как понимать безмятежность твоего уединения в Арси-сюр-Об? Ведь ты был одним из авторов петиции, а те, кто ее подписывал, были либо брошены в тюрьму, либо расстреляны. Значит, тирания была признательна тебе и Бриссо, так как она не преследовала вас своей ненавистью и террором!

Что же мне сказать о твоём трусливом и постоянном отступлении от общественного дела, если в разгар критических событий ты всегда стремился уединиться!

Когда Мирабо умер, ты вступил в заговор с Ламетами, ты их поддерживал. Ты оставался в стороне в эпоху Законодательного собрания, ты хранил молчание, когда якобинцы вели мучительную борьбу с Бриссо и фракцией Жиронды. Сначала ты склонялся к их мнению относительно войны; но потом,

подвергнувшись упрекам лучших граждан, ты заявил, что наблюдаешь за обеими партиями, и вновь погрузился в молчание. Связанный с Бриссо во время событий на Марсовом поле, ты после них разделял и его спокойствие, и его взгляды, смертоносные для свободы. Тогда, целиком предавшись этой победоносной партии, ты сказал об ее противниках, что поскольку они со своими взглядами на войну остались в одиночестве, они сами хотят погубить себя, ты и твои друзья должны предоставить их собственной судьбе. Но когда ты увидел, что готовится гроза 10 августа, ты опять удалился в Арси-сюр-Об. Ты бежал от опасностей, окружавших свободу, и патриоты уже не надеялись тебя увидеть. Однако мучимый стыдом и упреками и узнав, что падение тирании хорошо подготовлено и неизбежно, ты вернулся в Париж 9 августа. Ты лег спать в эту ужасную ночь! Твоя секция, избравшая тебя своим председателем, долго дождалась тебя. Они пришли нарушить твой постыдный сон. Ты председательствовал час и оставил кресло в полночь, когда ударил набат. Тотчас же приспешники тирана вошли в зал и приставили штык к груди того, кто сменил тебя на этом посту; а ты, ты спал!¹⁶

А что в это время делал Фабр, твой сообщник, твой друг? По твоим собственным словам, он вел переговоры с двором, чтобы обмануть его. Но мог ли двор довериться Фабру, если тот не представил ему надежных доказательств своей преданности, не подтвердил очевидными действиями свою ненависть к партии народа? Кто бы ни был другом человека, вступившего в сговор с двором, он виновен как человек низкий. Ум может ошибаться, но ошибки сердца становятся преступлением.¹⁷

Что же ты сделал с тех пор, чтобы доказать нам, что и Фабр, твой сообщник, и ты хотели обмануть двор? Вы и в дальнейшем вели себя как заговорщики. В то время, когда ты был министром, встал вопрос об отправке посла в Англию, чтобы скрепить связи между двумя народами. Министр Лебрен предложил Ноэля, журналиста-контрреволюционера, и ты не возражал; когда же тебя упрекнули в слабости, ты ответил: «Я знаю, что Ноэль ничего не стоит, но его будет сопровождать один из моих родственников».¹⁸ К чему же привела та преступная миссия? К сговору относительно войны, к предательствам.

Это по твоей инициативе электоральное собрание¹⁹ назвало депутатами Фабра и Орлеана; ты расхваливал первого как человека весьма искусного, а что касается второго, говорил ты, присутствие принца крови среди представителей народа возвысит их в глазах Европы. Шабо голосовал за Фабра и Орлеана. Во время своего министерства ты дал возможность Фабру обогатиться. Фабр тогда открыто придерживался федерализма, он говорил, что Францию следует разделить на четыре части. Ролан, сторонник королевской власти, хотел перебраться за Луару,²⁰ чтобы попасть в Вандею, ты же стремился остаться в Париже, где находился Орлеан, где ты покровительствовал Дюмурье. Ты отдал приказ, который спас Дюпора:²¹ он ускользнул во время возмущения, вызванного в Мелене твоими эмиссарами, посланными обыскать повозку с оружием. Малуэ и епископ Отенский²² часто бывали у тебя; ты им покровительствовал. Бриссотинцы обвинили Марата; ты объявил себя его противником; ты отстранился от Горы, когда ей угрожали опасности. Ты открыто ставил себе в заслугу, что никогда не выступал с обвинениями против Жансонне,

Гюаде, Бриссо; ты постоянно протягивал им оливковую ветвь в знак союза с ними против народа и суровых республиканцев. Жиронда сделала вид, что ведет с тобою войну. Чтобы заставить тебя высказаться, она потребовала у тебя отчета; она обвинила тебя в честолюбии. Твоя лицемерная предупредительность помогала тебе всех примирить и удерживаться между партиями; всегда готовый притворяться вместе с сильным, ты умел не оскорблять слабого. Во время бурных прений твое молчание или твое отсутствие вызывали возмущение; а ты, ты говорил о сельской жизни, о том, как отрадны уединение и праздность; однако ты умел и выходить из своего оцепенения — чтобы защитить Дюмуре, Вестермана, его хваленого ставленника, и генералов, его приверженцев. Ты отправил Фабра с миссией к Дюмуре для того, говорил ты, чтобы помирить его с Келлерманом. Изменники на наше несчастье были тесно связаны; во всех своих письмах Конвенту, во всех речах у его решетки они держались как друзья, и ты был среди них. Результатом же миссии Фабра стало спасение прусской армии на секретных условиях, которые открыл нам твой дальнейший образ действий.

Дюмуре расхваливал Фабра-Фона, брата Фабр д'Эглантина: можно ли сомневаться в вашем преступном сговоре с целью низвергнуть Республику?

Тебе удавалось умерить гнев патриотов; ты представлял наши неудачи как результат слабости наших армий, ты отвлекал внимание от вероломства генералов, чтобы привлечь его к новым наборам в армию.²³ Ты связал себя в своих преступлениях с Лакруа, заговорщиком давно уже обесславленным, человеком с нечистой совестью, — связать тебя с ним могли лишь узы, объединяющие заговорщиков. Лакруа всегда был на подозрении: лицемерный и вероломный, он никогда не говорил искренно в этом зале; он имел дерзость расхваливать Миранду; он осмелился предложить обновление состава Конвента; он относился к Дюмуре так же, как и ты; вы оба проявляли бурную деятельность, чтобы скрыть одни и те же злодеяния; Лакруа часто обнаруживал свою ненависть к якобинцам. А откуда вся та роскошь, что его окружает? Но зачем вспоминать все эти гнусности, когда уже одного вашего явного сговора с Орлеаном и Дюмуре достаточно, чтобы правосудие поразило вас.

Дантон, после 10 августа у тебя было совещание с Дюмуре, когда вы клялись в неизменной дружбе и связали свои судьбы. Ты сохранил верность этому ужасному соглашению, ты и сейчас, в этот самый миг остаешься его другом.

Это ты, возвратясь из Бельгии, осмелился говорить о пороках и преступлениях Дюмуре с таким восторгом, как говорят о добродетелях Катона. Ты пытался подорвать общественную мораль, неоднократно выступая защитником людей развращенных, твоих сообщников. Это ты первым в кругу патриотов, которых тебе хотелось поразить, предложил изгнать Капета; но по возвращении ты уже не рискнул отстаивать это предложение, так как оно было отвергнуто и могло бы погубить тебя.²⁴

Дюмуре, явившийся в Париж в это самое время, чтобы оказать влияние на приговор тирану, даже он не осмелился воспротивиться голосу народного правосудия, приговорившего тирана к смерти. Какого же образа действий придерживался ты в Комитете общей обороны? Ты принимал поздравления Гюаде и Бриссо и отвечал им тем же; ты говорил Бриссо: «Вы умны, но у вас

большие притязания». Вот оно, твое негодование против врагов отечества! Ты согласился, чтобы ничего не сообщали Конвенту о неподчинении и предательстве Дюмурье. Ты бывал на тайных совещаниях с Вимпфеном и Орлеаном. В то же самое время ты заявлял себя сторонником умеренных принципов, и твое могучее красноречие, казалось, должно было скрыть слабость твоих предложений, ты говорил, что суровые принципы создадут Республике слишком много врагов. Как банальный примиритель, ты все свои речи на трибуне начинал с громовых раскатов, а заканчивал сделками между правдой и ложью. Вносил ли ты когда-нибудь действенное предложение против Бриссо и его партии здесь, в национальном представительстве, где я сейчас обвиняю тебя? По возвращении из Бельгии ты призывал патриотов Парижа к всеобщему ополчению, чтобы идти к границам. Если бы это произошло, кто оказал бы сопротивление аристократии, не раз пытавшейся поднять мятеж? Да сам Бриссо не пожелал бы ничего другого. Разве не были бы патриоты, выступившие в поход, принесены в жертву? Это вполне отвечало бы чаяниям всех тиранов мира, жаждущих уничтожения Парижа и свободы.

Ты пытался вызвать восстание в Париже; ты сговорился об этом с Дюмурье; ты заявлял даже, что если для этого понадобятся деньги, в твоём распоряжении денежные средства Бельгии. Дюмурье нужен был мятеж в Париже, чтобы под предлогом его усмирения двинуться на этот оплот свободы в роли менее неблагоприятной, чем роль бунтовщика и роялиста. Ты, кто до 9 августа оставался в Арси-сюр-Об, пребывая в бездействии перед лицом восстания, ставшего необходимым, ты вновь обрел свой пыл в марте, чтобы оказать услугу Дюмурье и предоставить ему достойный предлог для похода на Париж. Дефьё, изблеченный как роялист и сторонник заграницы, подал сигнал к этому ложному восстанию. 10 марта толпа направилась к клубу Кордельеров, затем к Коммуне, требуя, чтобы она возглавила движение; но та отказалась. Фабр развивал тогда кипучую деятельность. «Движение, — говорил он одному депутату, — зашло так далеко, как это было нужно». Цель Дюмурье была, таким образом, достигнута: он ссылается на это движение в своём мятежном воззвании и в своих наглых письмах, которые он направил Конвенту. Дефьё, хотя он и выступал против Бриссо, получил от Лебрена, сообщника Бриссо, какую-то сумму денег, чтобы отправить на юг поджигательские послания, в которых порицалась Жиронда, но оправдывался задуманный федералистами мятеж.²⁵ Дефьё заставил арестовать собственных курьеров, что дало повод Жансонне обвинять Гору, а Гюаде яростно нападать на Париж. Дефьё впоследствии свидетельствовал в пользу Бриссо в Революционном трибунале. Дантон, что за противоречие между этой чрезвычайной и опасной мерой, которую ты предложил, и той умеренностью, что побуждала тебя требовать амнистии всех виновных, оправдывать Дюмурье и поддерживать в Комитете общей безопасности предложение Гюаде отправить Жансонне к генералу-изменнику! Неужели ты был настолько слеп, когда дело касалось общественных интересов? Кто бы осмелился обвинить тебя в отсутствии проницательности!

Ты ко всему приспособлялся; Бриссо и его сообщники всегда уходили от тебя довольными. С трибуны, когда тебе вменили в вину молчание, ты давал им спасительные советы притворяться и дальше; ты грозил им, но без возму-

щения и с отеческой добротой; ты предпочитал советовать им, как погубить свободу, как спасти себя, как лучше обмануть нас, нежели советовать республиканской партии, как их уничтожить. «Ненависть, — говорил ты, — невыносима для моего сердца», и ты заявлял нам: «Я не люблю Марата». Ну разве ты не преступник, разве ты не несешь ответственности за то, что не испытывал ненависти к врагам отечества? Разве равнодушие или ненависть общественного деятеля зависят от его личных склонностей, а не от любви к отечеству, которая всегда была чужда твоему сердцу? Ты выдавал себя за примирителя, подобно Сиксту Пятому, прикидывавшемуся простачком, чтобы достигнуть цели.²⁶ Раскроешься ли ты теперь пред лицом народного правосудия, ты, кто не раскрывался, когда напали на отечество? Мы считали тебя искренним, когда обвиняли партию Бриссо; но с той поры потоки света пролились на твою политику. Друг Фабра, ты защищал его; но ты не такой человек, чтобы рисковать своей репутацией, значит, в лице своего сообщника ты защищал лишь самого себя. Ты отмежевался от республиканской партии с самого начала наших заседаний, и с того времени все твои рассуждения были пронизаны лицемерием.

Вы с Фабром расхваливали Орлеана, пытаясь представить его человеком простым и глубоко несчастным; вы часто говорили об этом. Вы были на Горе точкой контакта и отражением всех заговоров Дюмурье, Бриссо и Орлеана. При всех этих обстоятельствах Лакруа весьма успешно помогал тебе.

Ты с ужасом встретил революцию 31 мая. Эро, Лакруа и ты требовали голову Анрио, который хорошо послужил свободе, вменив ему в преступление те энергичные действия, благодаря которым ему удалось предотвратить попытку диктата с вашей стороны.²⁷ Здесь, Дантон, ты проявил все свое лицемерие; не сумев осуществить свой план, ты скрыл свой гнев; ты смеясь посмотрел на Анрио и сказал ему: «Не бойся, иди по-прежнему своей дорогой», давая ему понять, что порицал его из приличия, но в глубине души с ним согласен. Вскоре после того ты подошел к нему в буфете и, протянув ему с приветливым видом стакан, сказал: «Забудем прошлое!». Однако на другой же день ты яростно клеветал на него, ты обвинял его в том, что он хотел убить тебя; Эро и Лакруа поддерживали тебя. А затем не отправил ли ты посла в Кальвадос, к Петиюну и Вимпфену? Не противился ли ты наказанию депутатов Жиронды? Не защищал ли ты Стенгеля, позволившего перебить аванпосты армии в Экс-ла-Шапель?²⁸ Защитник всех преступников, ты ни разу не встал на защиту патриота. Ты обвинял Ролана, но скорее как сварливого глупца, чем как изменника; ты порицал его жену лишь за претензии на остроумие. Ты умалчивал обо всех покушениях, чтоб замаскировать или скрыть их.

Твои друзья делали все для тебя; они помещали твое имя во всех иностранных газетах, в ежедневных докладах министра внутренних дел.²⁹

Доклады, о которых я говорю, посылаются каждый вечер министром внутренних дел и изображают тебя человеком, о котором говорит весь Париж; самые незначительные твои суждения становятся знаменитыми. Нам давно уже известно, что эти доклады составлялись тобою и твоими друзьями.

Итак, Дантон, ты был сообщником Мирабо, Орлеана, Дюмурье, Бриссо. В письмах испанского посла в Венеции герцогу д'Аландиа³⁰ говорится: в Па-

риже подозревали, что ты вел в Тампле переговоры с королевой. Иностранные державы всегда хорошо осведомлены о преступлениях, которые служат им на пользу. Этот факт известен Люлье и может быть уточнен в ходе разбирательства.

В том же письме, написанном в июне прошлого года, испанский посол говорит: «То, что ужасает нас, так это обновление состава Комитета общественного спасения». Ты был в этом Комитете, Лакруа; и ты был там, Дантон.³¹

Дурной гражданин, ты вступил в заговор; ложный друг, ты два дня назад плохо отзывался о Демулене, ставшем твоим орудием и погубленным тобою, ты приписывал ему постыдные пороки; злой человек, ты сравнивал общественное мнение с распутницей, ты говорил, что честь смешна, что слава и потомки — глупость; подобные изречения должны были примирить с тобою аристократию; это были изречения Катилины. Если Фабр невиновен, если были невиновны д'Орлеан и Дюмурье, значит, нет вины и за тобой. Я сказал более, чем достаточно: ты ответишь перед судом.

Граждане, после того как был раскрыт заговор Эбера, в самые последние дни, иностранные державы попытались скомпрометировать все, что чтит свобода; замешали в это дело лучших защитников свободы, даже Марата; объявили, что он будет лишен Пантеона.³² Пусть же тень его низойдет оттуда, дабы привести в смятение врагов народа и посеять ужас в их сердцах!

Вот уже шесть месяцев разрабатывался план посеять тревогу и беспокойство в правительстве. Каждый день нам направляли доклад о положении в Париже; весьма искусно нам внушали то неосторожные решения, то необоснованные опасения; картины событий были расচিতаны на то, чтобы вызвать у нас определенные чувства и заставить правительство действовать в направлении, соответствующем преступным замыслам заговорщиков; там восхваляли Дантона, поддерживали Эбера и Камилла Демулена, внушая мысль, что все их планы получают одобрение общественного мнения,³³ чтобы лишить нас мужества. Во время процесса Эбера осмеливались сообщать нам, что собираются исторгнуть Марата из Пантеона и поместить туда Корде; то же перо, что восхваляло Дантона и Демулена, рисовало и все эти гнусности. Фракция Дюмурье организовала убийство Марата; ее соучастники хотели бы уничтожить и память о нем; те, кто восхвалял пороки Дюмурье, вполне способны запятнать славу Марата и обречь на заклятие добродетель.

Завершим же изображение этих людей, которые, не осмеливаясь обнаружить себя, плели заговоры во мраке. Они обладали свойствами заговорщиков всех времен; они расточали похвалы друг другу и говорили один о другом все, что могло бы обмануть наше суждение о них. Друзья глубокомысленного Бриссо долгое время говорили о нем как о человеке непоследовательном и даже безрассудном. Фабр говорил о Дантоне, что тот беспечен, что темперамент влечет его в деревню, к невинным развлечениям. Дантон говорил о Фабре, что его голова — это пьеса с запутанной интригой, сборник комических историй, выставлял его в смешном виде, ибо лишь такой ценой можно было отвести от него подозрения в измене, которые рождал один только его изворотливый образ действий. Дантон смеялся с Дюко, казался рассеянным в обществе Орлеана, непринужденным в обществе Марата, которого ненавидел, но боял-

ся. Эро был серьезным в стенах Конвента, а вне его — шутом, он беспрестанно смеялся, чтобы извинить свое молчание.

Нам осталось сравнить образ действий этих людей в различные периоды их деятельности. Дантон боролся как лев против Лафайета, врага Орлеана; Дантон был весьма снисходительным к Дюмурье, другу Орлеана. Три года назад Дантон предложил в Якобинском клубе закон Валерия, который повелевал римлянам убивать на месте тех, кто вздумает заговорить о Тарквинии.³⁴ Дантон не использовал своего красноречия, не проявлял суровости против Дюмурье, который открыто изменял отечеству и стремился дать нам короля. Дантон, как я уже говорил, высказался сначала за изгнание тирана и лишь затем за его смерть. Он часто предупреждал некоторых членов Комитета общественного спасения, что для пребывания в нем требуется большое мужество, ибо власть, которой наделен Комитет, опасна для самих его членов. Это Дантон предложил 50 миллионов, и Эро поддержал его. Это Дантон предложил превратить Комитет общественного спасения в правительственный комитет,³⁵ намереваясь тем самым завлечь его в ловушку. Когда Дантон был исключен из Комитета, он сказал кому-то: «Я не сержусь, во мне нет злобы, но у меня хорошая память».

Что же сказать о тех, кто лишь себя причисляет к старым Кордельерам? Ими как раз и являются Дантон, Фабр, Камилл Демулен и тот министр, что составлял доклады о Париже,³⁶ доклады, где восхвалялись Дантон, Фабр, Камилл и Филиппо, где все приведено в согласие с их мнениями и с мнением Эбера; что сказать о признании Дантона, что это он направлял последние писания Демулена и Филиппо?

Вы все соучастники одного и того же заговора; вы пытались низвергнуть революционное правительство и народное представительство; все вы после 10 августа прошлого года добивались обновления состава Конвента; все вы находились в споре с границей, которая никогда не желала ничего другого, как обновления состава Конвента, что повлекло бы за собой гибель Республики.

Я убежден, что эта фракция снисходительных связана со всеми другими, что она лицемерила все это время, что она продалась сначала новой династии, а затем всем другим фракциям. Эта фракция отвергла Марата, а вслед за этим стала прикрываться его доброй славой; она делала все, чтобы сокрушить Республику, лишив все идеи свободы их действительной силы; она нападала на правительство с большим лицемерием, чем другие, а потому еще более преступна.

Камилл Демулен, сначала введенный в заблуждение, но кончивший тем, что стал сообщником, сделался, как и Филиппо, орудием в руках Фабра и Дантона. В доказательство добросердечия Фабра приводят следующий случай: Фабр, находившийся у Демулена, когда тот читал кому-то статью, где требовал учредить комитет милосердия для аристократии и называл Конвент двором Тиберия, Фабр разразился слезами. Крокодил тоже плачет. Поскольку Камилл Демулен человек бесхарактерный, использовали его гордость. Подобно ритору, он нападал на революционный порядок управления во всех его проявлениях; он бесстыдно выступал в защиту врагов революции, предлагая учредить для них комитет милосердия;³⁷ он был беспощаден по отношению к

партии народа; так же, как Эбер и Венсан, он напал на представителей народа, посланных в армии; так же, как Эбер, Венсан и Бюзэ, он называл их проконсулами.³⁸ Он защищал гнусного Дийона с такою же дерзостью, с какой сам Дийон в Мобёже приказал своей армии идти на Париж и принести присягу королю. Он боролся с законом против англичан, за что ему была вынесена благодарность в английских газетах того времени. Заметили вы, что все те, кого хвалили в Англии, здесь изменяли отечеству?

Фабр неоднократно добивался расширения полномочий Комитета общественного спасения либо для себя, либо для своих друзей; мы часто ужасались при виде западни, столь коварной. Фабр надеялся, что мы не вынесем бремени такого множества дел, он этим похвалялся; но гений свободы помог нам победить. Кто среди нас особенно охотно брал на себя бремя власти, так это Эро, сообщник Фабра и заграницы. Все взаимосвязано: после того как Фабр приложил все усилия, чтобы навязать нам судебные функции, надеясь, что мы погибнем в этом лабиринте, он взялся нападать на действия правительства.

Тогда Эро, который ведал дипломатическими делами, пустил в ход все средства, чтобы предать огласке планы правительства. Благодаря ему самые секретные совещания Комитета, посвященные иностранным делам, становились известными враждебным правительствам. По его поручению Дюбюиссон совершил несколько поездок в Швейцарию, чтобы устраивать заговоры под прикрытием полномочий представителя Республики. Мы помним, что Эро с чувством отвращения безмолвно наблюдал за работой тех, кто составлял проект Конституции, бесстыдным докладчиком которого он так ловко сделался.³⁹

Мы перехватили письма Лас-Касаса, испанского посла в Вене, в которых он сообщает о дипломатических совещаниях Комитета во времена Эро.

Именно в это время, когда нас повсюду подстерегали ловушки, когда мы несли ответственность за успехи четырнадцати армий, туча врагов обрушилась на правительство, иными словами, на вас самих. Момент был благоприятный: Эльзас захвачен, Тулон в руках испанцев и англичан, Перпиньян под угрозой, наши армии терпели поражения на Севере, в Монблане, в Вандее, словом, повсюду. Тогда партия Эбера потребовала введения Конституции,⁴⁰ чтобы в хаосе опасностей и бедствий, во время этой искусственно вызванной агонии свободы перейти от революционного правительства к режиму более слабому, что было переходом от жизни к смерти. Введения Конституции требовал и Дантон, друг Фабра. В то же время Филиппо, или скорее Фабр, чей стиль, лицемерие и вкрадчивость легко распознаются, в то же время Филиппо нападает на правительство как на соучастника измены.

Филиппо некогда выступал в печати в защиту Ролана, за обращение к народу,⁴¹ против Марата. Но в последнее время Филиппо выпустил различные статьи, очевидно, написанные разными людьми. Цель этих писаний — внушить мысль о сговоре правительства с теми, кто изменил отечеству. Филиппо, который еще вчера был лишь автором смехотворного катехизиса, вдруг стал государственным мужем. Филиппо был душою Манского клуба, где свобода и национальное представительство не имели ни одного приверженца, где требовали обновления состава Собрания, где говорили, что ваши силы иссякли, в то самое время, когда об этом же говорил Эбер.

Сегодня утром вы узнали, что в Мане вспыхнул мятеж против Гарнье, представителя народа. Этот мятеж разожгли те же самые лица, что составили адрес в защиту Филиппо. Они арестованы; Революционному трибуналу предстоит разобраться в этом деле. Вернемся к нашей теме.

Следует вспомнить, что Фабр в это самое время не покидал ни Камилла, ни Филиппо. Направляя действия этих двух людей, Фабр одновременно находился повсюду. Он беспрестанно появлялся в Комитете общей безопасности; его видели в различных группах, в полиции, в Коммуне, у Якобинцев, у Кордельеров; он был вездесущим и всюду диктовал разные писания; он проникал в среду патриотов; доказано, что этот человек, добивавшийся усиления власти Комитета, сам подрывал эту власть в каждом из ее органов. Посреди опасностей, угрожающих отечеству, мы обсуждали по вечерам все то, что в течение дня нанесло ущерб общественному делу. Оказалось, что Фабр каждому из членов Комитета говорил хорошее о нем самом и дурное обо всех других. Узнав, что Шабо, его сообщник, подвергся обвинению, он сам выступил с обвинением, подобно тому как Шабо обвинял своих сообщников. Фабр особенно стремился доказать, что все заговоры имели целью погубить Дантона.⁴² Реакцией на эти интриги должно было стать низвержение правительства и национального представительства, уничтожение противников, и что бы тогда осталось? Фабр и его фракция!

Теперь следует сопоставить другие факты с теми, что уже были изложены.

Минувшим летом Эро, который искал сторонников или желал выяснить умонастроения, сказал, что Люлье, генеральный прокурор Парижского департамента, доверительно сообщил ему, что существует партия приверженцев молодого Капета и что, если правительство утратит свою популярность и эта партия обретет необходимое влияние, именно Дантон представит народу этого ребенка.

В это самое время Дантон часто обедал с англичанами на улице Гранж-Бательер; три раза в неделю он обедал с испанцем Гусманом, а также с гнусной Сент-Амарант, с Сартином-сыном⁴³ и с Лакруа. Именно там устраивались иногда обеды по сто экю на человека.

Ясно, что партия, желавшая преждевременно ввести конституцию, и та, что нападала на Конвент, и та, что нападала на правительство, и та, что развращала, и та, что желала учредить комитет милосердия, ясно, что все они стремились внушить отвращение к существующему режиму, и совершенно очевидно, что его хотели заменить королевской властью.

Рассмотрим теперь образ действий тех, о ком я говорил, их связи, их доводы, всегда готовые оправдать людей испорченных; по этим явным признакам всегда можно распознать партию, враждебную революции и постоянно носившую личину. Пусть те, о ком я говорил, скажут нам, откуда взялось их состояние; пусть Лакруа скажет, почему прошлым летом он скупал золото через одного банкира.

Те, кто в течение четырех лет плел заговоры под покровом патриотизма, теперь, когда им грозит правосудие, повторяют слова Верньо: *«Революция подобна Сатурну: она пожирает собственных детей»*. Эбер повторял их во время своего процесса; их повторяют все, кто трепещет, кто видит, что разоб-

лачен. Нет, революция пожирает не своих детей, а своих врагов, под какой бы непроницаемой маской они ни скрывались!

Разве те заговорщики, которые погибли, были детьми свободы потому только, что в какой-то момент походили на них? Революция уничтожит всех до последнего друзей тирании, но ни один истинный патриот не падет под мечом правосудия: оно принесет в жертву лишь преступные фракции.

Граждане, каждый день они замышляют вашу погибель; все мошенники присоединяются к ним. Уже несколько дней они ожидали разоблачения; Дантон, Лакруа говорили: «Приготовимся защищать себя!». Точно так и Эбер, уже преследуемый призраком собственной казни, кричал три декады назад: «Меня хотят погубить; защитите меня!».

Разве невинный говорит, что ему надо защищать себя? Возникает ли у него предчувствие кары еще до того, как о нем заговорили? Комитеты благо-разумно хранили молчание, а народ и общественное мнение прежде меня обвинили тех, кого сей час обвиняю я. Они сами себя обвинили, они указали на себя, когда мы о них еще не говорили; они приготовились спросить нас, не стремимся ли мы уничтожить представительство, поскольку мы обвиняем их; не вменяют ли они нам в вину то, что мы осудили Бриссо, Шабо и их сообщников? Не желают ли они оправдать их?

Будьте же беспощадны: жестока снисходительность, ибо она угрожает отечеству.

Когда прекратят свое существование остатки фракции Орлеанов, подвергающие отечество всевозможным покушениям, вам не потребуются более подобные примеры, вы будете пребывать в спокойствии; интрига не проникнет более под эти священные своды; вы посвятите себя законодательству и делам правления: вы проникнете в самую их сущность; вы похитите огонь с неба, чтобы вдохнуть жизнь в Республику, еще холодную, возжечь любовь к отечеству и к справедливости. И тогда останутся одни только патриоты, и тогда рассеется иллюзия тех, кто в течение пяти лет носил личину революционности, а теперь хотел бы, чтобы патриоты разделили с ним позор, внушая мысль, что все они, один за другим, будут обесчещены. Разве оттого, что трусы и враги человечества возомнили себя пророками, Божество лишится своей славы? Разве оттого, что лицемеры присвоили доброе имя патриотов, померкнет блеск патриотизма? Те, на кого я указал, никогда не были патриотами, это хитрые аристократы, еще более лицемерные, чем аристократы Кобленца.

Все рухнувшие репутации были репутациями, узурпированными аристократией и преступными фракциями. Разве те, кто упрекает нас в суровости, предпочли бы, чтобы мы были несправедливыми? Так ли уж важно, что многих тщеславных людей время увлекло на эшафот, на кладбище, в небытие, лишь бы только была жива свобода! Мы научимся быть скромными; мы устремимся к прочной славе и к прочному благоденствию, которые дает непоказная честность. Французский народ никогда не утратит своей доброй славы: след, оставленный свободой и гением народа, не изгладится в мире. Народ, живший в угнетении, он оставляет после себя угнетенными предрассудки и тиранов. Мир опустел после римлян, но память о них живет во всем мире, вновь предрекая свободу.

Вам же, когда вы уничтожите фракции, предстоит дать этой Республике мягкие нравы. Восстановите в гражданском состоянии почет и уважение к личности. Французы, будьте счастливы, будьте свободны; любите друг друга, питайте ненависть ко всем врагам Республики, но пребывайте в мире с самими собою. Свобода возвращает вас к природе, а вас хотели побудить ее оставить! Разве нет у вас жен, которых нужно любить, детей, которых нужно растить? Проникните взаимным уважением. А вы, представители народа, возложите на себя бремя высшей власти, и пусть все пользуются свободой, вместо того чтобы управлять. Судьба ваших предшественников предостерегает вас: вы должны сами завершить свой труд, быть мудрыми, распространять справедливость и не стремиться к известности, подобно Верховному существу, которое вносит гармонию в мир, не обнаруживая себя: общественное благо — это все; что рядом с ним известность!

Барнава торжественно проносили под вашими окнами — где он теперь?

Те, кого я избличал, никогда не знали отечества; они обогатились благодаря своим злодеяниям, и не их вина, что вы еще существуете. Нет таких преступлений, которым бы они не способствовали, нет таких изменников, которых бы они не оправдывали; скряги, эгоисты, защитники пороков, риторы, но не друзья свободы, Республика несовместима с ними; им нужны богатства, которые они наживают, нанося ущерб равенству; они ненасытны в своей жажде влияния. Короли рассчитывают на них, чтобы вас уничтожить: можете ли вы положиться на тех, кто, пожимая нечестивую руку Дюмурье, клялся ему в вечной дружбе? И клятва эта соблюдена; свидетели тому Бельгия и армия, вы и вся Европа.

Итак, в течение нескольких лет замышлялся заговор, имевший целью свести Французскую революцию к смене династии. Фракции Мирабо, Ламетов, Лафайета, Бриссо, Орлеана, Дюмурье, Карра, Эбера; фракции Шабо, Фабра, Дантона, все они постепенно продвигались к этой цели, всеми возможными средствами пытаясь помешать установлению Республики и укреплению ее правительства.

Мы сочли невозможным и далее медлить с выявлением виновных, ибо мы объявили, что уничтожим все фракции: они могут возродиться и обрести новые силы; Европа, по-видимому, рассчитывает только на них. А значит, настал момент уничтожить их, чтобы в Республике остались только народ и вы, и правительство, непоколебимым центром которого вы являетесь.

Дни преступления миновали; горе тем, кто стал бы его поддерживать! Политика преступников разоблачена! Да погибнут те, кто преступен! Республику создают не слабостью, но свирепо строгими, непреклонно строгими мерами против всех, повинных в измене. Пусть сообщники сами обнаружат себя, примкнув к преступной партии. То, что мы сказали, не пропадет на земле. У людей дерзнувших, подобно нам, на все ради истины, можно отнять жизнь, но нельзя вырвать у них сердце, нельзя лишить их гостеприимной могилы, которая укроет их от рабства и от позора за то, что допустили торжество злодеев.

Вот проект декрета. Национальный конвент, заслушав доклад своих Комитетов общей безопасности и общественного спасения, постановляет предъявить обвинение Камиллу Демулену, Эро, Дантону, Филиппо, Лакруа, обвиняемым в сообщничестве с Орлеаном и Дюмурье, с Фабром д'Эглантинем и врагами Ре-

спублики, в соучастии в заговоре с целью восстановить монархию и свергнуть национальное представительство и республиканское правительство. На этом основании Конвент предписывает предать их суду вместе с Фабром и Эглатином.

О НОВОМ ЗАГОВОРЕ

(Доклад, представленный Национальному конвенту от имени Комитетов общественного спасения и общей безопасности 15 жерминаля II года <4 апреля 1794 г.>)

Общественный обвинитель Революционного трибунала сообщил, что возмущение подсудимых заставило прервать судебные прения до тех пор, пока Конвент не примет мер.¹ Вы избегли самой большой опасности, какая когда-либо угрожала свободе: теперь все соучастники заговора разоблачены, и возмущение преступников, объятых страхом перед законом у самого подножия правосудия, раскрывает тайну их нечистой совести. Их отчаяние, их ярость указывают, что добродушие, которым они прикрывались, было самой лицемерной ловушкой, расставленной революцией.

Разве невиновный восставал когда-либо против закона? Дерзость подсудимых является достаточным доказательством их преступления. Как! Те, кого мы обвинили в сообщничестве с Дюмурье и Орлеаном, те, кто участвовал в революции лишь для того, чтобы установить новую династию, те, наконец, кто вступил в заговор, чтобы принести несчастье и рабство народу, они дошли до предела своей низости.

Если есть здесь истинные друзья свободы, если сердца их полны решимости взяться за освобождение своей страны, они увидят, что уже не тайных заговорщиков предстоит покарать, но заговорщиков с открытым забралом, тех, кто, рассчитывая на поддержку аристократии, с которой они много лет действовали заодно, призывает к преступному мщению против народа!

Нет, свобода не отступит перед своими врагами; их союз разоблачен. Дийон, приказавший своей армии идти на Париж, показал, что жене Демулена были переданы деньги, чтобы вызвать волнения и убийства патриотов и членов Революционного трибунала. Мы благодарны вам, что вы вверили нам сей почетный пост; как и вы, мы готовы грудью встать на защиту Отечества.

Смерть — ничто, лишь бы восторжествовала революция; настал день славы, день, когда римский сенат вступил в борьбу с Катилиной, день, когда навсегда будет упрочена общественная свобода. Ваши комитеты ручаются вам, что проявят героическую бдительность. Кто сможет отказать вам в уважении в сей грозный час, когда вы в последний раз вступаете в борьбу с фракцией, которая была снисходительна к вашим врагам, а теперь вновь обрела прежнюю ярость, чтобы сразиться со свободой?

Ваши комитеты не дорожат своей жизнью, но ценят высоко свою честь. Народ, ты восторжествуешь; но пусть этот опыт заставит тебя полюбить революцию за те опасности, которым она подвергает твоих друзей!

Не было еще примера, чтобы оскорбляли правосудие, а если кто и решался, то лишь безрассудные эмигранты, проповедующие тиранию. Так вот! Но-

вые заговорщики отвергли общественную совесть. Что еще надо, чтобы окончательно убедить нас в их посягательствах? Несчастные! они признаются в своих преступлениях, оказывая сопротивление законам. Только преступников страшит грозная справедливость. Сколь же опасны были все те, кто под личиной простодушия скрывал свои заговоры и свою дерзость! В эту минуту в тюрьмах устраивают заговоры в их поддержку; в эту минуту аристократия приходит в движение; письмо, которое вам прочтут сейчас, покажет, какой опасности вы подвергаетесь.²

В силу какой привилегии подсудимые ведут себя столь нагло? Так призвите обратно из могил тирана, Кюстина, Бриссо; они не воспользовались ужасной привилегией оскорблять своих судей.

Перед лицом опасностей, угрожающих отечеству, на высшей ступени величия, куда вас возвел народ, измерьте расстояние, отделяющее вас от виновных; имея все это в виду, ваши комитеты предлагают вам следующий декрет.

Национальный конвент, заслушав доклад своих Комитетов общественного спасения и общей безопасности, постановляет: Революционный трибунал продолжит судебное разбирательство по делу о заговоре Лакруа, Дантона, Шабо и других; председатель примет все меры, предоставленные ему законом, чтобы заставить уважать свою власть и власть Революционного трибунала и подавить любую попытку обвиняемых нарушить общественное спокойствие и помешать ходу процесса.

Постановляет, что каждый, обвиняемый в заговоре, оказывающий сопротивление или оскорбляющий национальное правосудие, будет немедленно отстранен от участия в судебных прениях.

ОБ ОБЩЕЙ ПОЛИЦИИ, О ПРАВОСУДИИ, ТОРГОВЛЕ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ФРАКЦИЙ

**(Доклад, представленный Национальному конвенту от имени
Комитетов общественного спасения и общей безопасности
26 жерминаля II года <15 апреля 1794 г.>)**

Я должен от имени ваших Комитетов общей безопасности и общественного спасения представить вам соображения относительно общей полиции, правосудия, торговли, законодательства и преступлений фракций.

Граждане, вы разгромили фракции, но этого недостаточно; нужно еще искоренить то зло, которое они причинили отечеству. Так как они хотели восстановить монархию, им необходимо было внушить ненависть к Республике и сделать граждан крайне несчастными, дабы подготовить их к переменам.

Мне будет нетрудно доказать вам, что со времен Неккера и до сегодняшнего дня осуществлялся план вызвать у нас голод, чтобы поддержать такое длительное состояние агонии, при котором свобода не могла бы упрочиться.

Мы разоблачили фракции: их больше нет; но они пронесли подобно буре и оставили болезненные раны, которые нужно залечить.

Вы помните, граждане, как торжественно проносили бюсты Неккера и Орлеана; вы помните о мнимых разногласиях, заранее согласованных между

Неккером и Мирабо; вы помните о страшном голоде, разразившемся в конце 1789 года.¹ Такими способами с самого начала пытались лишить народ свободы и свести революцию к перемене династии. Неккер был тайным соучастником Орлеанской фракции; в ее интересах он задумал ввести двойное представительство для тех, кого называли тогда последним сословием;² Неккер защищал тирана пятнадцать месяцев спустя лишь с той целью, чтобы престол, которого усиленно добивались Орлеаны, не был окончательно уничтожен.

Вы помните также, какие законы были приняты Учредительным собранием относительно колоний; в конце октября 1791 года, когда через посредство Англии до нас дошли сообщения о мятеже в Сан-Доминго, в это самое время произошло внезапное нарушение торговли.³ Торговцы, тревожась за свое будущее, спешно стали наполнять склады колониальными товарами.

Именно тогда все фракции, враждебные свободе, стремившиеся таким же способом низвергнуть народную партию, принялись скупать съестные припасы, доставляемые извне, и взвинтили цены на них до невиданных размеров, чтобы таким путем возбудить мятеж.

Тогда начало падать доверие к ассигнату; владельцы ликвидированных должностей, получившие за них возмещение (ассигнатами), стали приобретать съестные припасы.

Можно было надеяться, что ассигнаты, незамедлительно обмененные на национальные земли, подлежащие продаже, никогда не будут применяться в торговле и при покупке продуктов питания; что звонкая монета останется в обращении и что быстрая продажа национальных доменов позволит упразднить бумажные деньги, которые будут преданы сожжению. Однако этого не случилось. Многочисленные годовые взносы позволили покупателям спекулировать все это время на поставках продовольствия за счет доходов от своих земель. Эта система годовых взносов, которая, как казалось сначала, должна была облегчить распродажу, оказалась губительной для экономики и для благосостояния Франции. Действительно, обладатель большого количества бумажных денег вносил первый взнос, а затем выплачивал только 5% годовых, тогда как его капиталы, потраченные на закупку съестных припасов, приносили ему 100%. Государство, следовательно, получало пять процентов по годовым взносам, а народ терял сто процентов из-за злодеяний фракций.

Это облегчение в виде двенадцати годовых взносов не давало никаких преимуществ бедным гражданам, ибо они не приобретали доменов; всю выгоду из этого извлекали богачи, в руках которых оставались крупные суммы для спекуляции. И поскольку у Учредительного собрания не было намерения облегчить участь народа, оно отменило декрет, который вначале позволял немущим приобретать землю за 500 ливров, с рассрочкой платежей на двадцать лет.⁴

Те, кому удастся пережить время страшных преступлений, обязаны исправить причиненное зло. В те времена, о которых идет речь, старались делать все для установления новой династии и не делали ничего для человечества.

Нужно наконец честно объяснить природу всех бедствий отечества; нужно обеспечить все права, успокоить приобретателей; нужно также вносить как можно меньше изменений в систему годовых взносов, чтобы не допустить

возникновения новых тревог, новых волнений; нужно исправлять зло, причиненное преступными фракциями, но делать это мудро и с добрыми намерениями.

Я лишь напомнил вам прискорбную историю того, какими способами пытались уничтожить революцию. Я говорил, что лица, которым возместили стоимость их должностей, а также те, кто обладал большим количеством бумажных денег, проводили план вызвать голод посредством скупки съестных припасов. Я говорил, что это было время падения денежного курса. — Продолжим. — Вы, без сомнения, помните, что в то же самое время толпа мошенников, наводнивших общественные места, проникших в частные общества и в дома владельцев капитала, побуждала всех приобретать колониальные товары вместо уплаты годовых взносов; они, запасшись ассигнатами, скупали все продукты питания. Дандре, который был соучастником заговора, в надежде на получение громадных прибылей сделался торговцем и заполнил свои склады колониальными товарами.⁵ Биржа Бордо в наибольшей мере способствовала падению обменного курса.

Торговцы, действительно виновные в том, что пожертвовали благодеянием государства ради сиюминутной выгоды, предоставленной им фракциями, скупавшими товары, накопили громадное количество денежных знаков, а их склады оказались пустыми.

Поскольку не был установлен надзор за экспортом, фракции переправили продукты за границу. В то же время многие землевладельцы продавали свои земли, чтобы скупить товары, с которыми они эмигрировали, оставив Франции только свои бумажки.

Торговцы не находили больше продовольствия, чтобы пополнить свои запасы, да они и боялись это делать, так как торговля была настолько неустойчива и подвержена превратностям, что они опасались за судьбу своего состояния.

Фонфред и Дюко нанесли наибольший вред нашей торговле: они распространили по всему Югу слух, что опасно иметь торговые сношения с Парижем. Парижу пришлось делать закупки только за наличные, так как портовые города не предоставляли ему никакого кредита. Это бедствие длится и до сих пор. Можете ли вы представить себе, что парижский торговец вынужден пересылать в Гавр деньги до того, как оттуда ему будут отправлены товары?

Пришел черед выступить Эберу: он представил парижскую торговлю в столь неблагоприятном свете, что уже никто не хотел снабжать продовольствием этот огромный и великодушный город.⁶

Страхи распространились из Парижа по всей Франции: с тех самых пор исчезли векселя; жили, как дикари, не стало доверия друг к другу, не стало добросовестности.

Париж стал центром спекуляции, поддерживаемой за границей. Свободу можно было погубить, только погубив Париж; с этой целью добивались ухудшения отношений Парижа с морскими портами и с областями, производящими продукты.

Более того: агенты фракций в последнее время реквизировали телеги и повозки, доставляющие сюда товары.

Вот некоторые из причин нехватки продуктов. И те же средства, которые применялись, чтобы породить голод, использовались для подрыва публичного права. Федерализму, изобретенному с целью расчленив Францию, чтобы в конечном итоге воссоединить ее разрозненные части под властью единоличного правителя, этому федерализму способствовали в течение всего года преступные действия, подорвавшие обмен, торговлю, доверие, связи. Поскольку каждая часть государства жила своими обособленными интересами и связями, оно начало распадаться. И тогда Париж, расположенный в центре Республики, получающий продовольствие только издалека, вынужден был бы пойти на уступки портовым городам. Таков был план заговорщиков.⁷ От этого плана не отказались и теперь, он рухнет только тогда, когда к нам вернется изобилие. Если вы хотите этого, вы должны подавить федерализм с помощью строгой полиции, вы должны призвать к порядку все местные власти, всех магистратов. Нужно выявить по всей Республике тех, кто является орудием и соучастником фракций; нужно, чтобы вы создали гражданскую общину, иными словами, общество граждан, которые были бы друзьями, исполненными радушия и братских чувств. Вы должны восстановить взаимное доверие граждан, внушить всем, что революционный порядок управления не означает ни войны, ни духа завоевания, но перехода от зла к добру, от развращенности к честности, от дурных моральных принципов к хорошим; вы должны покрыть позором и высмеять этих жалких фигляров, подкупленных иностранцами, дабы они не давали народу дурные советы и не вводили в заблуждение общественное сознание.

Умеренные злоупотребили словом *революционный*; они пытались связать с ним понятие независимости, которая была им нужна, чтобы безнаказанно подавлять революцию: они были необычайно жестоки с народом, но снисходительны к аристократии. Эбер, который стоял во главе фракции снисходительных, выдавал себя за сторонника насильственных мер, но потерял присутствие духа в тот день, когда были разоблачены снисходительные.

Ронсен жил во дворце на бульваре; у него было сорок лошадей; общаясь с народом, он держал себя нагло; он ужинал в Пасси с аристократами. И он называл себя революционером. Дантон шадил Дюмурье, ибо был его сообщником. Этот ужасный человек покровительствовал всем злодеям; он жил в роскоши; он был противником всех суровых мер. И он называл себя революционером!

Революционер непреклонен; но он рассудителен, воздержан, прост без ложной скромности; он непримиримый враг всякого обмана, всякой снисходительности, всякого притворства. Поскольку он стремится увидеть торжество революции, он никогда ее не порицает, но осуждает ее врагов; он никогда не позволит себе оскорбить революцию, но разъясняет ее принципы; дорожа чистой революцией, он говорит о ней сдержанно из уважения к ней; он стремится быть равным не с властями, воплощающими закон, а с людьми, и в особенности с людьми обездоленными. Революционер исполнен чести; его учтивость не слава, она исходит от чистого сердца, ибо его совесть спокойна; он полагает, что грубость свидетельствует о лживости и об угрызениях совести и что под запальчивостью скрывается притворство. Аристократы говорят и дей-

ствуют, как тираны. Революционер неумолим к злодеям, но он чувствителен; он столь ревностно заботится о славе отечества и о свободе, что никогда не поступает опрометчиво; он устремляется в бой с врагами, он преследует виновных и защищает невинных перед судом; он говорит правду без поучения и не для того чтобы оскорбить. Он знает, что для упрочения революции нужно быть столь же добрыми, сколь некогда были злыми; его честность не ухищрение ума, но свойство сердца, само собой разумеющееся. Марат был мягким в своей среде,⁸ он внушал страх только предателям. Ж. Ж. Руссо был революционером, и наглость, без сомнения, была ему чужда. Из этого я делаю вывод, что революционер — это герой здравого смысла и честности.

Если вы будете такими, вы поистине преодолете все пороки и спасете отечество. Не ждите иной награды, кроме бессмертия. Я знаю, что те, кто стремился к добру, часто погибали. Кодра бросили в пропасть; Ликургу выбили глаз злодеи в Спарте, которым досаждали его суровые законы, и он умер в изгнании. Фокион⁹ и Сократ⁹ выпили цикуту; Афины в тот день украсили себя цветами. Что из того? Все они творили добро; даже если их страна не воспользовалась этим, оно не осталось сокрытым от Божества.

Федерализм, как я уже сказал, не уничтожен; он стал еще более отвратительным, чем гражданская война, если только такое возможно. Нарушились общественные связи между городами и даже между селами.

В последнее время правительство, казалось, сохраняло связи только с армией, и Республика распадалась под бременем фракций.

Федерализм есть не только разделение правительственной власти, но и разделение народа. Единство состоит не только в единстве правительства, но и в единстве всех интересов, всех отношений граждан между собой.

Вы хищные звери, вы, кто отгораживает жителей Республики друг от друга и окружает каждую группу людей стеной наподобие китайской! Вы дикари, вы, кто отделяет общество от самого себя, возбуждает ропот, дабы уничтожить доверие, жизненно необходимое гражданам!

В скором времени французы перестанут говорить на одном языке. С некоторого времени уже редко вступают в брак те, кто живет в отдалении друг от друга; каждый дом стал как бы отдельным обществом.

Таковы бедствия нашей родины. Торговля из-за отсутствия кредита мало приобретает товаров; граждане, которые прежде закупали продукты на два, четыре, шесть, восемь, десять дней, теперь делают покупки ежедневно. Вот в чем причина скопления толпы у продовольственных лавок. Люди покупают мало продуктов, так как им не хватает денег и нет векселей, которые способствуют умножению ценностей и средств. Аристократы проникают в толпу, собравшуюся у лавок, и сеют там недовольство. Так торговля и кредит постепенно приходят в упадок, а нами овладевает бессилие.

К этим несчастьям прибавились и другие: многие функционеры отличаются распушенностью и творят произвол по отношению к народу; они не преследуют злоупотреблений и, желая выдвинуться, выставляют напоказ свои наглые повадки, вместо того чтобы заботиться об общественном благе.

Деятельность полиции основывалась на ложных посылах. Полагали, что она занимается сыском: ничего подобного. Грубость не имеет ничего общего с

суровостью; а гнев легко переходит в испуг. Полиция находилась как бы между этими двумя подводными камнями. Она должна была выявлять врагов народа, не щадить их и не бояться. Чаще всего происходило обратное: вместо того чтобы действовать твердо и с достоинством, полиция проявляла слабость или неосмотрительность, вызывая недоверие к общественной гарантии, допуская насилие или безнаказанность. Многие не чувствовали себя достаточно безупречными, чтобы вступить в открытую схватку с преступниками и сомневались в могуществе истины: поэтому они нападали на невинный народ и оскорбляли всех, так как не могли вынести постороннего взгляда; они не отличали патриотов от аристократов. Они торговали вовсю своим правом арестовывать и освобождать людей. Их власть вместо того чтобы принести пользу народу, стала для него пагубной, ибо она покровительствовала его врагам. Они говорили аристократам: «Мы несем эту службу, чтобы помешать другим, более жестоким, ее нести». Народу же они говорили: «Трепещите!».

Делалось все для того, чтобы развратить общественный дух и противопоставить его Конвенту.

Дух — не то слово; надо говорить *совесть*. Нужно стремиться к тому, чтобы пробудить общественную совесть; это лучше всякой полиции. Общественный дух идет от рассудка; и так как не все обладают одинаковой способностью суждения и просвещенностью, то общественный дух играет роль импульса. Пусть же у нас будет общественная совесть, поскольку все сердца одинаково восприимчивы к добру и к злу, а общественная совесть есть стремление народа к общему благу.

Уважайте разум, но повинуйтесь велениям сердца. Свобода это не дворцовые дразги; это суровость по отношению к злу, это справедливость и дружба.¹⁰

Эти идеи исчезли; отсюда всеобщее разложение и безнаказанность. Патриотов отвлекли от глубоких размышлений, которые приводят к созданию хороших законов, оберегающих нас от фракций; покинутая патриотами Республика обречена стать жертвой всех бурных потрясений, всех опрометчивых поступков, всех преступлений.

Нет такого правительства, которое смогло бы защитить права граждан, без строгой полиции. Но отличие свободного государства от тирании в том, что в первом полиция используется против меньшинства, не желающего общего блага, и против злоупотреблений или нерадивости властей, тогда как при тираническом правлении государственная полиция используется против обездоленных, страдающих от несправедливости и безнаказанности властей.

В монархическом государстве люди могущественные свободны, а народ является рабом; в Республике же народ свободен, а люди, облеченные властью, не будучи поработаны, обязаны подчиняться законам и долгу и строго соблюдать скромность.

За последнее время бессилие трибуналов усугубилось в Республике до такой степени, что преступления против свободы оставались безнаказанными. Преступная слабость судей придала смелости заговорщикам и поколебала вашу власть, ибо она допускала нарушение ваших законов и заставляла народ страдать от злостных происков фракций.

Конечно же, после того как вы подали пример суровости по отношению к самим себе,¹¹ вы не потерпите, чтобы те, кому поручено нести народу справедливость, предали забвению свой почетный и священный долг.

Да, вы были суровы; так и должно быть. Но ваша суровость имела разумные основания: нужно было отмстить за наших отцов и похоронить под обломками монархию, эту огромную гробницу стольких поколений, поработанных и несчастных; нужно было противопоставить преступлению непрерывное правосудие, уничтожить заговоры; нужно было покарать кровожадное лицемерие тех трусливых людей, которые, намереваясь восстановить трон и обманывая Республику, разжигали смуту в государстве своими коварными преступлениями и скрытыми кознями.

Что случилось бы с Республикой, если бы она проявила снисходительность к своим яростным врагам? Мы противопоставили меч мечу, и свобода была основана; она вышла из урагана, подобно тому как мир вышел из хаоса, подобно человеку, плачущему при рождении.

Если бы обычная судьба империй¹² не состояла в том, чтобы подвергаться испытаниям с момента своего зарождения, если бы человеческая природа не была столь подвержена непреодолимым превращениям, тогда враждебные нам правительства имели бы основание удивляться переживаемым нами потрясениям; пусть каждая империя мира обратится к своим истокам, пусть она оглянется на свою историю. Именно гордыня, а не любовь к человечеству заставила столько правительств взяться за оружие и направить его против нас. Я не верю, что подобная гордыня может когда-либо принести счастье народу, который они держат в подчинении. Что же дает им право поработить нас? За ними несколько столетий безумств, а за нами — пять лет сопротивления угнетению и бедствий, которые порождают великих людей; и они-то хотят развратить нас! Мы выше их: что значит какой-то король перед французом? Хотел бы я знать, кто были во времена Помпея предки тех, от кого произошли современные короли! К каким последствиям для их потомков привели бы их притязания на Великобританию, Голландию, Испанию, Империю?¹³ Если мы мысленно охватим расстояние, отделяющее столетия друг от друга, оно не покажется нам долгим, и потому все эти тираны являются для нас потомками землепашцев, моряков или солдат, которые обладали большими достоинствами, чем они. Жалкие людишки, занимающиеся прибыльным ремеслом — сбором налогов и полагающие, что они правят; взгляните на вашего предка, восседающего под старым дубом в Германии или в Галлии; страшитесь же, как бы мы не стали мудрее вас! Это нетрудно.

Все имеет свое начало под этим небом. То, что Французская республика сменила монархию, не более удивительно, чем то, что другие государства пришли на смену Римской империи; если бы Римская республика возродилась, она гордилась бы нами и стыдилась бы других своих наследников.

Я делюсь этими размышлениями, дабы мы без колебаний взялись за исполнение миссии, которую судьба, по-видимому, возложила на нынешнее поколение французского народа; дабы убедить вас, что если Республикой будет править справедливость, она в скором времени заслужит всеобщее уважение.

Я говорил, что мягкость судей и лиц, ответственных за полицейский надзор в городе и деревне, поощряла преступление. Настало время покончить с подобной безнаказанностью, чтобы дать свободу народу; уверимся в том, что если мы допустим произвол властей, тем самым мы усилим угнетение народа.

Вернемся же к гражданскому состоянию во время господства фракций. Дружба не существовала более; террор был направлен против национального представительства и против отечества; преступление преследовало судей, и насилие наперекор вашим декретам в каждом округе утверждало свое господство, не зависящее от остальной части французского народа.

Соперничество фракций с законами приостановило деятельность общественных установлений; функционеры предпочитали нарушить закон и скрыться за дымовой завесой, прикрывающей все интриги, чем смело выступить против партий, более могущественных, чем национальное представительство.

Других вводило в заблуждение честолюбие; они питали преступное намерение дожидаться переворота и получить награду за свое преступление. Безумцы, вы хотели посягнуть на демократию, чтобы осуществить свои коварные замыслы! Но вы просчитались. Бесчестие и тревоги ждут вас на пути к цели, к которой вы стремитесь! Неужели уроки, которые нам преподала история, примеры всех великих людей преданы забвению в мире? Они говорят, что мы должны жить в безвестности: хижина и добродетель — вот в чем величие мира. Отправимся жить на берега реки, будем баюкать наших детей, учить их неустрашимости и бескорыстию. А вы, честолюбцы, посетите хоть на час кладбище, где покоится прах заговорщиков и прах тирана; вы сможете тогда сделать выбор между известностью, которая у всех на устах, и славой, означающей всеобщее уважение.

Тиран после своей смерти оставил нам в наследство гражданскую войну;¹⁴ было сделано все, чтобы ее разжечь: политика наших врагов представляла все в искаженном свете. Если вы хотели упрочить правительство посредством суровых мер, заговорщики обвиняли вас в узурпации; если вы проявляли слабость, говорили, что ваши силы на исходе, и аристократия готовилась восстать против вас. Подвергаясь нападкам всех фракций, вы боролись с умеренностью; вас объявляли властителями. Если же вы боролись с дерзостью контрреволюционеров, вас обвиняли в умеренности.

Что бы вы ни делали, вы не сможете никогда заслужить одобрение врагов народа, если только вы не восстановите тиранию. Я прихожу к заключению, что они должны погибнуть; нужно отправить поискать рабство и королей в других странах ту партию, что враждебна революции, ту, для которой свобода народа является ярмом.

Не сомневайтесь, эта партия не сможет примириться с вами. Вы говорите с ней на разных языках; вы никогда не поймете друг друга. Так изгоните ее! Где-нибудь в мире ей окажут гостеприимство; для нас же высшим законом является общественное спасение.

Эти неисправимые приверженцы тирании страстно желают нашей гибели, каждый день они порождают нового противника свободы. Пусть они проявляют свою спесь в любом другом месте; здесь можно быть только гражданином.

Было бы бесчеловечно принести им в жертву весь народ; было бы также несправедливо не отличать добрых от злых. Жестокость поражает всех без разбору, но мудрость приводит всех к согласию. Очистите же отечество от его отъявленных врагов! Республиканская скромность их возмущает; им нужна власть, которая принадлежит здесь только демократии. Изгоним их, и все пороки исчезнут вместе с ними! Пусть Провидение ведет их в другое полушарие и заставит их прийти к добродетели через несчастье. Запретите пребывание в Париже, в портах, в крепостях всем дворянам, всем иностранцам: ведь доступ ко двору был некогда закрыт для плебеев. Пришло время установить свободу, разгромить аристократию, обвиняющую вас то в слабости, то в самовластии! Процветание в обществе возможно, только если государство упрочено. Те, кто вас обвиняет, тайно замышляют заговоры. Честность требует, чтобы вас просвещали, чтобы вам давали советы, но не унижали.

Время, когда господствовали предрассудки, миновало; козням фракций положен конец; всякое неуважение к народу и к вам есть преступление, заслуживающее строгой кары.

Патриоты, если вы мне верите, вы должны возненавидеть как своих врагов тех, кто унижает национальное представительство. У патриота никогда не будет серьезных оснований, для того чтобы хулить национальное представительство, ибо без него нет отечества. Это аристократия, это иностранцы беспрестанно нападают на представительство, сеют раздоры и смуты. Читали ли вы отчет о заседании британского парламента, где Стенхоп упрекает английское правительство в недостойном образе действий, в том, что оно намеревалось уничтожить национальное представительство Франции посредством мятежа, организованного подкупленными лицами?¹⁵ Вот какова скрытая пружина действий фракций и аристократии, которым мы позволили заниматься происками в нашей стране! Есть ли что-либо общее между аристократией и нами, что позволило бы нам договориться? Следовательно, суровые меры, принятые против нее, — это единственный довод, который нужно выдвинуть.

Нам пишут из-за границы, что падение фракций крайне огорчило эмигрантов. Возблагодарим же судьбу, которая помогла нам расправиться с ними, и поклянемся, что не потерпим более главенства партий, столь долгое время подвергавших опасности свободу.

У нас не было отечества в то время, когда преступление было более могущественным, чем народ, когда свобода стала жертвой нескольких заговорщиков; у нас не было отечества, когда министерство, вышедшее из лона Собранин, терзало грудь породившей его матери, когда чиновник вел себя с наглостью султана и безнаказанно посягал на общественное равенство. Вы должны думать только о том, чтобы укрепить это равенство энергичными мерами и принципиальностью правительства, которое заставит уважать все права с помощью всеохватывающей и разумной полиции; пусть же закон будет беспощадно суров к врагам отечества, снисходителен и заботлив по отношению к гражданам!

Если бы эти принципы утвердились ранее, стало бы возможным поразить без колебаний всех, кто был враждебен революции, и народ обрел бы свое счастье; нам не пришлось бы быть свидетелями зарождения гражданского фе-

дерализма, который привел к разъединению всех частей государства и положил конец изобилию. Вы победите, если желаете победить; вы обретете уважение всей Европы, если стремитесь к этому; но вы добьетесь всех этих преимуществ, только если свобода и добропорядочность в обществе будут упрочены, если правительство не покорится преступным фракциям.

С тех пор как вы предприняли попытку добиться этого блага для отечества, аристократия, верная своим принципам, стала обвинять правительство в притязаниях на диктатуру. С каких это пор враги революции стали проявлять столь живой интерес к поддержанию свободы? Или они обвиняют ее в чрезмерной суровости по отношению к ним и к заговорщикам? Счастливы те, кого можно упрекнуть, что они были беспощадны к врагам отечества! В Риме не нашлось никого, кто, забыв стыд, объявил бы актом тирании суровые меры, принятые против Катилины; но Рим тогда любил свободу. Один только Цезарь сожалел о гибели предателя и утверждал, что свобода, которую он сам вскоре уничтожит, была попрана в лице Катилины.¹⁶

Аристократия при монархии попирала религию, ставшую предметом ее насмешек; дворянство насмехалось над королями, которые и тогда, и сейчас были первыми глупцами в своих государствах. Аристократия, презираемая за ее преступления, была тяжким бременем для человечества. Честность казалась ей смешной; она предавалась страстям, изобретала нелепые выходки, дабы возбудить свои пресыщенные чувства; она разоряла деревни, оскорбляла нищету, высмеивала все и вся на земле и на небе.

А теперь лицемерная аристократия, уничтожившая незаметно для самой себя то, о чем сейчас сама сожалеет, нагло говорит нам о благопристойности, которую всегда попирала: не может быть никакой благопристойности, когда имеешь дело с врагами народа.

Если мы будем и теперь выдавать за простой спор глубокие разногласия между народом и приверженцами тирании, это будет политической ошибкой. Такая революция, как наша, это не судебный процесс, а удар грома, поражающий всех злодеев; они должны быть подавлены и уничтожены.

Итак, вы должны обратить внимание на общую полицию государства и установить крайне строгий надзор над врагами революции и над публичными властями. Побуждайте судей мужественно вершить правосудие, оберегайте их, внушайте к ним уважение; но если они уклоняются от выполнения ваших декретов, карайте их со всею строгостью.

Кюстин действовал, как тиран, когда он пытался укрепить дисциплину в армии, расстреливая солдат. Дисциплину надо вводить для военачальников, ибо все зло идет от злоупотребления властью.

Так же обстоит дело и в сфере политики: народ справедлив, но власти не всегда справедливы. Ужасно, когда терзают народ. Законы и правительство должны оказывать давление на власти, которые всегда стремятся к независимости.

Отныне все пойдет иначе: жалобы на произвол властей, подаваемые гражданами, будут переданы нам. Вы впали в странное заблуждение, вы, решившие, что наглость является оплотом правосудия и законов и что дерзость позволит вам их избежать! Все будет решаться на основе здравого смысла. Мы

будем особенно жестоко преследовать тех, кто нарушит гарантию общественной свободы, оскорбив национальное представительство. И вы просчитались, вы, кто обкрадывал государство и надеялся долгое время наслаждаться плодами своих злодеяний!

Аристократия надела траур после гибели фракций; все враги французского народа в Европе носят траур: преступление, облеченное в траур, проливает слезы над нечистой могилой заговорщиков. Сколько надежд утратила аристократия в течение одного месяца! Она пытается отомстить, обвиняя в деспотизме правительство, которое набирает силу; она возмущается тем, что вы признали Божество и призвали к возрождению великодушных естественных чувств.¹⁷ Итак, обвиняемые поочередно то в анархизме, то в тирании, представители французского народа должны были бы отречься от общественной свободы, если бы стали прислушиваться к этим бессмысленным крикам.

Сегодня, когда свобода утвердилась во Франции, вы услышите нескончаемые вопли всех мошенников; они создают клику газетчиков, обвиняющих в жестокости тех, кто их преследует. Когда свобода установлена, речь идет о том, чтобы строго соблюдать свой долг по отношению к отечеству; речь идет о том, чтобы быть гражданином.

Я не знаю, какие доводы можно было бы привести в оправдание войны, которую намереваются вести против политического строя; ибо чего хотят и что еще собираются делать тираны, вооружившиеся против вас? Вы должны считаться только с народом, населяющим нашу Республику; уважайте его свободу; обеспечьте ему быстрый и правый суд; карайте, я это повторяю, наглость властей по отношению к патриотам; твердо держите бразды правления, не проявляя заботы о сторонниках тирании, которые хорошо знают, что ваша непреклонность является непреодолимым препятствием для восстановления монархии.

Если вам удастся хотя бы на один месяц установить справедливое распределение благ, Республика изменит свой облик, и изобилие возродится. Господство фракций было игом, которое оставило лишь призрак свободы.

На всех должностях находились ставленники интриги, более занятые тем, чтобы обеспечить победу определенных партий, чем победу народного дела. Если главы фракций брали слово, им беспрекословно подчинялись; это были подлинны монархи, обладавшие личной властью. Аристократия заявляет, что гонение на них было актом диктатуры. Брута и Кассия также обвиняли в тирании за то, что они убили Цезаря; именно такое обвинение выдвинул против них Антоний. Где же они, эти Антонины, сожалеющие о падении Эбера, который хотел перерезать все национальное представительство и патриотов, сожалеющие о падении Дантона, который сделал все, чтобы погубить свободу.

Горе тем, кто встанет на защиту заговорщиков! Они только подтвердят справедливость приговора, осудившего этих последних, и раскроют свое соучастие в заговорах.

Пусть же они предстанут перед нами, те, кто угрожает отомстить за предателей, которых покарал закон! Мы не боимся их. Я предлагаю им предать

себя суду своей совести; если они меня слышат, они поблещут от страха. Нам не свойственно малодушие виновных; мы все увидим отечество свободным, мы будем счастливы, а фракции погибнут! Нет ни свободы, ни правительства там, где господствуют фракции; и когда их несколько, гнет становится нестерпимым, ибо он основывается на их противодействии.

Невозможно в кратчайший срок исправить все то зло, которое они причинили отечеству. Все, кто нажил богатства, кто совершил какое-либо преступление, становятся под их знамена, дабы избежать наказания. Они искусно создавали для вас врагов и пополняли таким путем свои ряды; они способствовали принятию пагубных законов; они раздражали народ несправедливостью и отходили от вас, чтобы измерить со стороны всю силу нанесенных вам ударов; тогда национальная власть как бы исчезла; народ напрасно искал правосудия; все власти, преданные фракциям, сплотились против вас. Мы подчинялись только вам и велениям нашей совести, когда вели борьбу против фракций, ставших более могущественными, чем вы. Если бы ваши комитеты жаждали власти, они пощадили бы все партии и превратили бы их в орудие своих действий: так поступали все тираны, так поступали главари уничтоженных фракций. Но теперь у нас нет иной опоры, кроме вас, и наше уважение к вам послужит примером для Европы и для французов.

Вы сами подали пример, которому все должны последовать; вы покарали тех, кто замышлял заговоры в вашей среде: какой враг отечества в остальной части Республики посмеет обвинить вас в пристрастии, если вы сами наказали своих членов? Пусть же правосудие распространится, подобно потоку, повсюду, где еще остались сообщники. Чем занимались трибуналы в течение этих двух лет? Говорил ли кто-либо о том, что они вершат правый суд? Вот где надо искать зачинщиков всех общественных бедствий! Ибо созданные для того чтобы поддержать дело революции, они повсюду дали волю преступлению, вместо того чтобы дать волю народу; они позволили пренебречь вашими постановлениями, они вызвали презрение к себе из-за своего малодушия, вместо того чтобы внушать страх злодеям.

Пришло время пробудить от спячки всех служителей власти. Одни покровительствовали предателям, другие — мошенникам; администрации продовольствия и снабжения следует отчитаться в своих действиях; назвали кровавыми Гато и Тюийе,¹⁸ двух ее членов, которым Комитет общественного спасения поручил разыскать расхитителей: они разоблачили заведующего складом, предложившего им 50 000 экю за то, чтобы они молчали.

Расчетное ведомство должно оправдаться в снисходительности, проявленной им к своим работникам.

Департаменты должны ответить за ужасное состояние дорог, которое может привести к голоду из-за затруднений с передвижением транспорта и нарушения коммуникаций.

Почтовое ведомство должно ответить за неудовлетворительное исполнение службы. Мы объявляем войну всем злоупотреблениям, которые позволили фракциям возбудить ненависть к свободе и способствовать тирании.

Департаменты ответят за тот диктат, который часто позволяли себе в отношении обездоленных.

Власти ответят за создание любого преступного объединения, направленного против общественной свободы.

Мировые судьи ответят за то, что отказали в правосудии сельским беднякам.

Военные трибуналы понесут ответственность за дисциплину командиров частей и за свое угодничество перед влиятельными людьми. Без сомнения, это не деспотизм: было бы странной привилегией правительства отвергать как деспотизм суровость, необходимую для наказания преступников! Всей своей властью вы должны поддержать правосудие; только оно способно поправить наши дела. Объявите Франции, что всякое злоупотребление будет выявлено и искоренено и что тот, кто проявит несправедливость по отношению к народу, понесет за это наказание.

После суверена, которого вы имеете честь представлять, вы занимаете первостепенное положение в государстве; подчините себе все власти; пусть они занимают подобающее им место, пусть они уважают друг друга в пределах своей иерархии.

В особенности они должны помнить, что вы наблюдаете за ними и что Революционный трибунал покарает всякое соучастие в заговорах.

Так вы осуществите на деле все свои замыслы, вы заставите людей подчиниться долгу и выполнять разумные обязательства, от которых не избавляет свобода. Вы не должны поддаваться воздействиям, *приходящим извне*; это от вас должны исходить побуждения, благодетельные для отечества. Будьте же сильными, более настойчивыми в деле возрождения страны, чем те, кто пытается ее развратить; возвысьтесь над несчастьями прошлого; возвысьтесь над вашими врагами. Уточните все принципы, все идеи, дабы их нельзя было извратить; умеренные должны быть разоблачены, даже если они скрываются под маской насилия. Воздадим должное благотворному энтузиазму; вспомним, что этот энтузиазм был присущ Катону и вовсе не был присущ Катилине. Энтузиазм проявляется в настойчивой решимости защищать права народа в Конвенте; энтузиазм есть презрение к богатству, это мужественная простота нравов; энтузиазм есть добродетель, а не ярость.

Нужно быть человеком высокого образа мыслей, чтобы стремиться к укреплению своей родины; подлеем же будет тот, кто захочет распатать ее основы теперь, когда справедливость восстановлена.

Создавайте гражданские установления, установления, о которых еще никто не думал: без них нет прочной свободы.¹⁹ Установления поддерживают любовь к отечеству и самый революционный дух, когда революция прошла. С их помощью вы докажете совершенство вашей демократии, вы докажете величие ваших взглядов, вы ускорите гибель ваших врагов, показав все их ничтожество по сравнению с вами. В скором времени просвещенные нации повернут суду память тех, кто над ними царствовал, и повлекут их останки на эшафот; Европа будет попирать ногами прах тиранов и память о них; тогда всякое правительство, не основанное на справедливых началах, станет предметом ненависти. Человеческий разум сейчас охвачен тяжелой болезнью, и его бессилие, допускающее угнетение, порождает бедствия. Не сомневайтесь, все, что существует вокруг нас, должно измениться и прийти к своему концу,

ибо все, что существует вокруг нас, несправедливо: победа и свобода распространятся в мире. Не пренебрегайте ничем, но не подражайте тому, что было до нас; героизм не поддается подражанию. Именно так, повторяю, вы создадите могущественное государство, употребив на это смелость своего гения, всю силу, которую придают нам справедливость и истина: это то, что аристократия не может употребить во зло. Не внушайте гражданам никаких других добродетелей, кроме честности, кроме уважения к свободе, к природе, к правам человека, к национальному представительству, ибо злодеи попытаются сделать ложную добродетель своего рода ярмом, по своей привычке заменять здравый смысл притворством. Наказав трибуналам во всем соблюдать справедливость, не позволяйте им вмешиваться в частную жизнь народа. Вы также не должны терпеть, чтобы аристократия заставляла патриотов стать сообщниками заговорщиков. Сообщники — это те, кто предложил уничтожить национальное представительство, кто оскорблял его, кто щадил врагов революции. Не допускайте здесь ошибок; ибо власти столь жестоки и злы, что если вы нарушите их бездействие, не упорядочив их деятельность, они начнут притеснять народ: именно поэтому администрация должна ограничиваться исполнением того, что предписано вашими декретами. Развращенные люди наиболее склонны к тирании, ибо, лишённые стремления к добру, они только следуют идейным направлениям сегодняшнего дня: курили фимиамом всем выскочкам, которые нападали на свободу. Именно поэтому меч закона должен обрушиться во всей Республике и на сообщников осужденных заговорщиков, которые наденут на себя новую личину: пусть они все предстанут перед Революционным трибуналом, назначенным вести это страшное следствие! Уже свобода возвращается к жизни; разоблачения виновных поступают со всех сторон; правосудие и месть народа будут следовать за ними по пятам, и Республика покарает их.

Все французы должны разоблачать сторонников тирании, иностранных заговорщиков, мошенников, а также преступные посягательства на права народа. Пусть сгинут фракции, пусть останется только свобода! Общественная совесть должна постоянно вершить суд над национальным представительством и установленным им правительством.²⁰ Пусть Конвент возвышается над всеми властями; они должны уважать его и творить добро. Нужно проводить различие между возможностью быть свободным и независимостью, которую провозглашают, дабы творить зло. Пусть революционеры будут римлянами, а не варварами.

Я заканчиваю провозглашением следующей незыблемой истины: государственные власти должны свято исполнять ваши декреты. Таков источник и основополагающий принцип общей полиции Республики и революционного правительства, которые есть не что иное, как правосудие, благодетельное для народа и грозное для его врагов.

Ваши комитеты представили вам положения, разработанные на основе длительного опыта; они нашли отражение в следующем декрете.

Статья 1. Обвиняемые в организации заговора должны быть препровождены из всех областей Республики в Париж, где они предстанут перед Революционным трибуналом.

2. Комитеты общественного спасения и общей безопасности будут выявлять в кратчайшие сроки сообщников заговорщиков и направлять их в Революционный трибунал.

3. Народные комиссии должны быть учреждены к 15 флореала.²¹

4. Предписывается всем административным органам и всем гражданским трибуналам под угрозой смещения с должности закончить в течение трех месяцев со дня опубликования настоящего декрета все дела, находящиеся в производстве; в дальнейшем все частные дела должны завершаться в те же сроки, под угрозой того же наказания.

5. Комитету общественного спасения поручается особый надзор над деятельностью властей и государственных агентов, занятых в управлении.

6. Ни один бывший дворянин, ни один иностранец, подданный страны, воюющей с Республикой, не может во время войны жить в Париже, а также находиться в крепостях и в портовых городах. Всякий дворянин или иностранец указанной категории, если он будет там обнаружен по прошествии десяти дней, объявляется вне закона.

7. Рабочие, занимающиеся изготовлением оружия в Париже, иностранки, вышедшие замуж за французских патриотов, дворянки, состоящие в браке с лицами недворянского происхождения, не включаются в категорию, указанную в статье 6.

8. Иностранцы рабочие, жившие своим трудом до опубликования настоящего декрета, а также мелочные торговцы, открывшие торговлю до декрета, дети до пятнадцати лет и старики старше семидесяти лет равным образом исключаются из этой категории.

9. Исключения, касающиеся дворян и иностранцев, находящихся в армии, в качестве правительственной меры подлежат рассмотрению Комитета общественного спасения.

10. Комитет общественного спасения также имеет право производить реквизиции у бывших дворян и иностранцев, если он сочтет эти меры полезными для Республики.

11. Революционные комитеты будут выдавать пропуска; лица, получившие пропуска, обязаны указать место, куда они отправляются, что будет отмечено в пропуске.

12. Революционные комитеты должны вести регистрацию всех выдаваемых ими пропусков; они будут ежедневно представлять выдержку из регистрационной книги Комитетам общественного спасения и общей безопасности.

13. Бывшие дворяне и иностранцы, указанные в настоящем декрете, обязаны засвидетельствовать пропуска в момент своего прибытия в муниципалитете того дистрикта, где они будут находиться; они также обязаны ежедневно являться в муниципалитет по месту их пребывания.

14. Муниципалитеты обязаны незамедлительно пересылать Комитетам общественного спасения и общей безопасности список всех бывших дворян и иностранцев, проживающих в их дистрикте, а также тех, кто туда прибывает на постоянное жительство.

15. Бывшие дворяне и иностранцы не могут быть приняты в народные общества и наблюдательные комитеты, а также не могут присутствовать на собраниях коммуны или секций.

16. Не допускается пребывание в Париже, в крепостях, в портовых городах генералов, если они не должны там находиться по долгу службы.

17. Следует свято соблюдать уважение к должностным лицам; однако каждый гражданин может пожаловаться на содеянную ими несправедливость, и Комитет общественного спасения покарает их по всей строгости закона.

18. Национальный конвент приказывает всем органам власти строго ограничиваться сферой своей деятельности, не допуская ни расширения, ни сужения ее границ.

19. Национальный конвент приказывает Комитету общественного спасения требовать строгого отчета от всех уполномоченных, преследовать тех, кто будет содействовать заговорам и обращать против свободы власть, которой они наделены.

20. Все граждане обязаны сообщать властям своего дистрикта и Комитету общественного спасения о кражах, о крамольных речах, о случаях притеснения, жертвами или свидетелями которых они являлись.

21. Представители народа должны действовать через посредство установленных властей и не имеют права передавать полномочия.

22. Запрещается производить реквизиции всем, за исключением комиссий по снабжению и представителей народа при армиях при наличии особого разрешения Комитета общественного спасения.

23. Отныне всякий уличенный в том, что он жалуется на революцию и не занимается полезным трудом, будет выслан в Гвиану, если только он не достиг пятидесяти лет или не является инвалидом. Дела этого рода подлежат ведению народных комиссий.

24. Комитет общественного спасения будет поощрять посредством ссуд и вознаграждений работу фабрик и мануфактур, разработку приисков, осушение болот. Он будет покровительствовать промышленности, укреплять взаимное доверие между торговцами; он будет выдавать авансы торговцам-патриотам, поставляющим продовольствие по ценам максимума; он обеспечит безопасность тем, кто подвозит товары в Париж, во избежание каких-либо нарушений; он возьмет под свою защиту передвижение грузов внутри страны и не потерпит посягательств на общественное доверие.

25. Национальный конвент назначит из числа своих членов две комиссии, состоящие из трех членов. Одной комиссии будет поручено составить краткий и полный перечень законов, изданных до настоящего времени, и исключить те, в которых имеются неясные формулировки. Другой комиссии поручается разработать собрание гражданских установлений, предназначенных охранять права и дух свободы. Эти комиссии через месяц представят соответствующий отчет.

26. Настоящий декрет будет обнародован завтра в Париже и будет включен в бюллетень вместо публикации в департаментах.

В ЗАЩИТУ РОБЕСПЬЕРА

(Речь, начатая Сен-Жюстом на заседании 9 термидора <27 июля 1794 г.>, переданная в бюро Конвента по его распоряжению)

Я не принадлежу ни к какой фракции, я буду бороться с любой из них. Они не исчезнут, пока установления не создадут гарантии, не положат границ власти и не заставят человеческую гордость навсегда склониться под ярмом общественной свободы.

Судьбе угодно, быть может, чтобы эта ораторская трибуна стала Тарпейской скалой для того, кто придет сказать вам, что члены правительства сошли со стези мудрости.

Я полагал, что вам необходима правда, высказанная с осторожностью; я полагал, что нельзя беззастенчиво нарушать обязательства, которые требуют, чтобы мы были готовы на все ради спасения родины.

Каким же языком мне говорить с вами? Как обрисовать заблуждения, о которых вы не имеете никакого представления, как воочию показать зло, которое одно слово может разоблачить, одно слово может устранить?

Ваши Комитеты общей безопасности и общественного спасения поручили мне представить вам доклад о причинах серьезного волнения, которым было охвачено в последнее время общественное мнение.

Доверие, которое оказали мне оба комитета, — большая честь для меня; но этой ночью¹ некто *поразил меня в самое сердце*, и я хочу говорить, обращаясь только к вам.

Я обязан заявить, что кое-кто пытался принудить меня высказать мнение, противоречащее моему образу мыслей.

Хотели сообщения, что в правительстве раскол; но это не так; произошло только некоторое изменение в политике, о чем я вам сообщу.

Они не миновали, дни нашей славы! Я предупреждаю Европу, что тщетны ее попытки подорвать силу духа нашего правительства!

Я буду говорить о нескольких лицах, побуждаемых, как мне кажется, завистью, которые пытались усилить свое влияние и сосредоточить в своих руках власть, унижая или удаляя тех, кто препятствовал их замыслам; кроме того, они поставили себе на службу военные формирования Парижа, устранив его должностных лиц и присвоив их функции; по-видимому, они намеревались свести на нет деятельность революционного правительства и погубить некоторых достойных людей, чтобы властвовать более спокойно.²

Эти члены комитета содействовали тому, чтобы доклад был поручен мне. Мне казалось, что не у всех еще открылись глаза на их поведение; я не мог обвинить их, выступая от их же имени; нужно было бы долгое время обсуждать в самом комитете сущность их замыслов. Они полагали, что обязанный говорить с вами по их поручению, я буду вынужден из ложного стыда либо добиваться всеобщего примирения, либо присоединиться к их взглядам и говорить их языком.

Я воспользовался предоставленной ими передышкой, чтобы подготовить доклад, который заставит их перед вами измерить всю глубину бездны, куда они бросились, очертя голову. Я обращаюсь к вам от имени отечества; я пола-

гаю, что послужу моей стране и избавлю ее от новых бурь, если начну говорить со всей искренностью и только перед вами.

Я говорю и от вашего имени, ибо я ответствен перед вами за то влияние в делах, которое вы позволили мне приобрести.

Итак, я решил отбросить все низкие соображения и, выступив с трибуны вашего Собрания, одним ударом разрешить дело, которое могло бы тайно вызвать акты насилия в правительстве.

Положение, в котором я нахожусь, показалось бы щекотливым и трудным всякому, кто мог бы себя в чем-либо упрекнуть; всякому, кого устрасило бы смертоносное торжество фракций. Но, конечно же, не столь уж трудно расстаться с жизнью, в которой пришлось бы стать либо сообщником, либо безмолвным свидетелем зла.

Я попросил тех членов, о которых я буду говорить, прийти и выслушать меня. По моему мнению, они виновны в пагубных замыслах против отечества; на моей совести нет ничего, что заставило бы меня опасаться ответных обвинений; я скажу все, что о них думаю, без всякой жалости.

Я говорил о том, что существует план уничтожения революционного правительства. Соучастник этого заговора арестован и содержится под стражей в Консьержери; его зовут Легрэ, он был некогда сборщиком податей, а затем членом революционного комитета секции Музея. Он поделился своими планами с несколькими лицами, которых намеревался привлечь к соучастию в своем преступлении.³

Революционное правительство, по его мнению, было слишком суровым; необходимо его уничтожить; он заявил во всеулышание, что к этому готовятся. Легрэ добавил, что в секциях подготовлены речи, направленные против Национального конвента; он сожалел об изгнании дворян; по его словам, это был способ выявить их, чтобы убить. Он говорил также, что доброе имя Дантона будет восстановлено и что заставят Париж раскаяться в том, что на его глазах исполняли смертные приговоры.

В то же самое время по всей Европе распространился слух, что королевская власть во Франции восстановлена, что членов Национального конвента перерезали и что дерево свободы и орудия казни для изменников сожжены у подножия трона. Говорили также, что в правительстве возник раскол. Они ошибаются; члены правительства были рассеяны по всей стране.

Боже! Вы допустили попытку нарушить согласие в правительстве, которому было присуще некоторое величие; его члены правили мудро, но не стремились всегда разделять его славу! Вы допустили заговор, обрекающий на гибель достойных граждан! Я заявляю, что сделал все возможное, чтобы вновь привести всех к идее справедливости, но признаю, что некоторые члены явно и решительно этому противились.⁴

Я заявляю, что была предпринята попытка посеять недовольство и раздражение в умах и таким путем привести людей к губительным поступкам. Без сомнения, не надеялись, что я соглашусь запятнать свои чистые руки подлостью. По крайней мере, не думайте, что в моей душе возникло намерение льстить одному человеку. Я защищаю его, потому что он кажется мне безупречным, и я обвинил бы его, если бы он стал преступником.⁵

Какая же это снисходительность, великий Боже! Желать гибели невинных людей! Чтобы привести Комитет общей безопасности к этой цели, его тешили соблазнительными вымыслами. Но честность не позволила ему внять голосу столь жестокого вероломства. Ему льстили, ему намекали, что существует намерение лишить его власти,⁶ малейшие поводы использовались, чтобы возбудить смуту. Трое рабочих с порохового завода, жители Аркейля, присоединившиеся к десяти или двенадцати обитателям Бисетра⁷ для совместной попойки, были представлены Бийо-Варенном обоим комитетам как охрана заговорщиков... По этому случаю следует арестовать или изгнать мэра Парижа, разогнать главный штаб, захватить все... Еще сегодня ночью распространялся слух, что предстоит резня; что в течение двадцати четырех часов всех постигнет смерть и что сегодня вспыхнет восстание... Я взываю к вашей совести; разве не верно, что в то же самое время внушали многим членам Собрания такой страх, что они не решались ночевать у себя дома? Им дали понять, что некоторые члены комитета предлагали учинить над ними кровавую расправу. Так подготавливали сердца к мести и к беззаконию.

Я заверяю, что Робеспьер считал себя твердой опорой Конвента; он всегда был сдержан, когда говорил в комитете, не намереваясь нанести вред кому-либо из его членов.

Колло и Бийо с некоторого времени почти не участвуют в прениях; по-видимому, у них какие-то особые интересы и замыслы. Бийо присутствует на всех заседаниях, но хранит молчание и нарушает его, только если дискуссия развивается в желательном для него направлении, против Парижа, против Революционного трибунала, против лиц, гибели которых он, по-видимому, жаждет. Мне не по душе, что во время прений он закрывает глаза и притворяется спящим, как если бы его внимание было поглощено чем-то другим. Но за этим безмолвием последовало в последние дни определенное беспокойство. В связи с этим я попытаюсь обрисовать в общих чертах, как хитроумно все это делалось, и рассказать вам о том, что вам надлежит знать, но что, по-видимому, вы знать не могли.

Мне показалось, что намечается возврат к тем временам, когда Валазе, Фабр д'Эглантин, Дефьё пытались вызвать беспорядки в Париже, чтобы оправдать мятеж Дюмурье. Вот как намеревались осуществить этот замысел.⁸

Бийо часто повторяет с притворным ужасом: «*Мы сидим как на вулкане*». Я тоже так считаю; но вулкан, на котором мы сидим, это его лицемерие и жажда власти.

За границей распространяется слух, что Конвент вынужден вывести шестьдесят тысяч солдат из Бельгии, чтобы направить их на Париж. Я не думаю, что кому-либо придет в голову подтвердить этот слух. Но я считаю крайне прискорбным то, что именно в этот момент открыто проявляются зависть и жажда перемены. Я считаю прискорбным то, что власть передвигать войска, причем в глубокой тайне, сосредоточена в нескольких руках, так что если все армии будут направлены в другое место, немногие будут знать об этом.

Поскольку было сказано, что закон позволяет держать в Париже только двадцать четыре роты канониров, я не отрицаю, что имели право часть из них

удалить; но мне непонятно, какая была в этом необходимость.⁹ Это не было сделано, когда существовала серьезная опасность. Теперь же противник бежит и оставляет нам свои крепости.

Я вернусь еще к вопросу о нашем военном положении; но я хочу закончить разговор о внутренних делах.

Все было связано с намеченным планом террора. Дабы иметь возможность все оправдать и решиться на все, подготовляли, как мне кажется, комитеты к тому, чтобы выслушивать и одобрять клеветнические измышления. Бийо выдавал свои замыслы обрывками фраз. То он произносил слово *Пизистрат*, то слово *опасности*. Он становился смелым в те моменты, когда возбужденная им группа людей, казалось, внимала его советам. Однако последнее решающее слово никогда не срывалось с его уст: он колебался, он сердился, он отрекался от того, что говорил накануне; вчера он назвал того, кто отсутствовал, Пизистратом, сегодня в его присутствии он объявляет себя его другом;¹⁰ он молчалив, бледен, взгляд его неподвижен, с лица не исчезает гримаса. Такие повадки, такие ухищрения не присущи истине.

Но если задуматься над тем, что могло послужить причиной раздора, то сочтешь невозможным оправдать это какой-либо ссылкой на общественные интересы. Ни одно совещание правительства не вызывало разногласий; не то чтобы все принятые меры были разумны, наиболее важные вопросы, в особенности касающиеся войны, решались и проводились в жизнь в тайне. Один из членов Собрания, возможно введенный в заблуждение, осмелился безосновательно оскорбить того, кого намеревались погубить; побуждали его принимать опрометчивые решения, излить во всеулышание свои жалобы, обречь себя на одиночество, громко защищаться, чтобы затем обвинить его в беспорядках, первыми зачинщиками которых были они сами. Этот план, мне кажется, удался; и действия, о которых я говорил, привели к всеобщему озлоблению.

Этот член Собрания отсутствовал, когда была задумана военная операция, которую мы будем обсуждать позже, ибо пока ее хранят в тайне; я же считаю ее безрассудной, если учесть те обстоятельства, при которых был одобрен этот план. Не предупредив ни меня, ни моих коллег, приказали выделить для этой операции восемнадцать тысяч человек из Самбро-Маасской армии.¹¹ Меня об этом не уведомили; почему? Если бы этот приказ, изданный 1-го мессидора, был выполнен, Самбро-Маасская армия была бы вынуждена оставить Шарлеруа, отступить, возможно, к Филипвиллю и Живе, оставить Авен и Мобёж. Надо ли добавить, что эта армия стала наиболее для нас важной? Противник сосредоточил против нее все свои силы, а ее оставили без пороха, без пушек, без хлеба: солдаты умирали от голода, припадая к своим ружьям. Курьер, которого мы с коллегами послали в комитет, чтобы попросить боеприпасов, не был принят так, как мне бы того хотелось; и я должен похвалить Приера, что он внял нашим просьбам.¹² Надо было победить, и мы победили.

Сражение при Флёрюсе открыло путь в Бельгию.¹³ Мне хочется, чтобы воздали должное всем и прославили победы, но не следует приписывать правительству больше славы, чем армиям; ибо только те, кто участвует в сраже-

ниях, их выигрывают, и только те, кто могуществен, извлекают из этого выгоду!

Поэтому нужно прославлять победы и забывать о себе.¹⁴

Если бы все были скромны и не завидовали тем, о ком говорят больше, чем о них, тогда мы бы успокоились; тогда не совершили бы насилия над разумом, заставив благородных людей защищать себя и вменив им это в преступление.

Гордыня порождает фракции. Именно с помощью фракций правительства стран, соседних со свободным народом, покушаются на его благосостояние. Фракции — это яд, наиболее опасный для общественного порядка: во всеоружии клеветы они подвергают опасности жизнь достойных граждан; когда они господствуют в государстве, никто не может быть уверен в своем будущем, и государство, которое они терзают, обречено на гибель. Фракции ставят под сомнение ложь и истину, порок и добродетель, справедливость и несправедливость. Сила возводится в закон. Если бы добродетель не появлялась время от времени с разящей молнией в руке, чтобы обуздать все пороки, сильный всегда был бы прав. Только спустя столетия, скорбящее потомство проливает слезы над могилой Гракхов и над колесом Сиднея.¹⁵ Фракции, сея рознь в народе, приносят вместо свободы неистовство партийных раздоров. Меч правосудия и кинжалы убийц противостоят друг другу. Уже никто не смеет ни говорить, ни молчать. Наглецы, стоящие во главе клик, заставляют граждан выбирать между двумя преступлениями. Так во времена господства Эбера и Дантона страх принуждал всех быть неистовыми и свирепыми.

Именно поэтому гибель, низвержение фракций есть самое лучшее, что может пожелать отечеству честный гражданин, это высшее благодеяние, которое ниспослет Провидение свободному народу, это самый драгоценный плод, которым добродетель может одарить доблестную нацию. Как! Неужели дружба покинула нашу землю? Неужели зависть может совершить перемены в общественном организме? Неужели введенные в заблуждение клеветой, мы обречем на гибель своих братьев, ибо они более мудры и более великодушны, чем мы?

Слава — пустой звук. Прислушаемся к прошедшим векам: мы не услышим более ничего; и те, кто когда-нибудь будет бродить среди наших погребальных урн, так же не услышат ничего. Нужно творить добро, чего бы это ни стоило, предпочитая имя мертвого героя имени живого подлеца!

Нельзя терпеть, чтобы преступление торжествовало победу, чтобы общественная мораль обессилела в борьбе со злом. Могущество законов и разума приходит вслед за этим; все без различия трепещут, остаются только испуганные рабы.

Если вы хотите, чтобы фракции исчезли, чтобы никто не захотел возвыситься среди развалин общественной свободы, опираясь на изречения Макиавелли,¹⁶ положите конец политическим интригам, сведите все к бесстрастным принципам правосудия; сохраняйте в своих руках высшую власть; заставьте все партии подчиниться непреложным законам. Законом не присуши страсти, которые порождают рознь и притворство. Законы суровы, люди же не всегда суровы: они могут долгое время прикрываться непроницаемой личиной. Если законы защищают невинность, за граница не может их извратить; но если не-

винность становится игрушкой в руках подлых интриганов, тогда нет больше гарантий в гражданской общине. Тогда придется удалиться в пустыню, чтобы там обрести свободу и друзей среди диких зверей; тогда придется покинуть этот мир, где нет больше энергии ни для преступления, ни для добродетели, где остались только страх и презрение.

Потому-то я и прошу у Провидения еще несколько дней, чтобы призвать французский народ и всех законодателей к размышлению над сущностью установлений. Все, что происходит сейчас в правительстве, не могло бы иметь место, если бы у нас были установления. И может быть, те, чьи честолюбивые замыслы я здесь осудил, сделались бы тогда добродетельными и не стали бы замышлять зло. Ведь не так уж давно сошли они со стези добродетели.

Когда я вернулся последний раз из армии,¹⁷ я застал только несколько лиц; члены правительства отправились на границы, или же были заняты делами своих ведомств; в обсуждении принимали участие два или три лица, пользовавшиеся такой же властью и таким же влиянием, как сам комитет. Почты все члены комитета отсутствовали, либо посланные в армию, либо по болезни, либо из-за участия в судебных процессах других лиц, специально организованных, чтобы их удалить. Я увидел тогда, что два или три человека поистине захватили в свои руки бразды правления.¹⁸ Именно в то время, когда они были предоставлены сами себе, у них, по-видимому, возник опасный замысел ввести перемены в правительстве и значительно расширить свое влияние.

Возвратившись, я увидел, что все изменилось; в правительстве не было раскола, но члены его рассеялись по стране; небольшая группа людей, пользуясь неограниченной властью и желая ее сохранить, обвинила других в том, что те на нее посягают.

Именно при этих обстоятельствах решили устроить суд над невинными людьми, пытаясь использовать против них оружие несправедливых предубеждений. Мне не приходится жаловаться; меня оставили в покое как гражданина, лишённого притязаний, действовавшего в одиночку. По ошибке с одобрения некоторых лиц мне поручили этот доклад, чтобы приобщить меня к замыслу, для меня очевидно неприемлемому.

Я не могу быть причастным к злу; я дал объяснение по этому поводу перед обоими комитетами. Я приведу здесь мои собственные слова, обращенные к ним; тогда мне казалось, что их собрали для того, чтобы направить по ложному пути.¹⁹

«Граждане, — сказал я им, — меня мучают зловещие предчувствия; в моих глазах все предстает в искаженном свете; но я внимательно изучу все, что происходит; в мыслях моих будет все, что честность внушает нам на благо отечества; я очерчу себе образ порядочного человека и то, что добродетель предписывает в настоящий момент; и все, что окажется непохожим на искреннюю любовь к народу и к свободе, возбудит во мне ненависть».

На следующий день мы снова собрались; все хранили глубокое молчание; присутствовали и те, и другие. Я встал и сказал:

«Мне кажется, что вы огорчены; нужно, чтобы все здесь объяснились откровенно; начнем с меня, если позволите.

Граждане, — продолжал я, — я уже говорил вам, что мы с Гюитоном и Лораном²⁰ допросили одного швейцарского офицера, взятого в плен под Мобёжем; от него мы впервые узнали о готовящемся заговоре. Этот офицер сказал нам, что грозная полиция, прибывшая в Камбре,²¹ раскрыла планы союзников; они изменили свои намерения; однако в Австрии не высказывают никаких предположений относительно примирения с Францией: возлагают большие надежды на партию, которая должна свергнуть режим, основанный на терроре; рассчитывают на тайные связи, на применение суровых мер. Я призывал вас следить более тщательно за всеми попытками изменить установленные теперь спасительные формы правосудия; вскоре вы и сами увидели, как раскрывается этот план в зарубежных писаниях. Послы предупреждали вас, что в ближайшее время будут предприняты попытки свергнуть революционное правительство. А что же происходит сейчас? Подтверждаются слухи, распространяемые за рубежом; говорят даже, что если добьются успеха, то противопоставят снисходительность суровости, проявленной вами по отношению к изменникам».

Я сказал далее, что поскольку в Республике отсутствуют установления, обеспечивающие гарантии, пытаются представить в искаженном свете влияние тех людей, которые дают разумные советы, и приписать им стремление к тирании; что именно такой план соответствует желаниям заграницы, согласно сведениям, которые нами рассматривались; что я не знаю такого властителя, который не завладел бы значительными военными ресурсами, финансами и аппаратом управления; но у тех, кого вы подозреваете, всего этого нет.

Давид присоединился к моему мнению со свойственной ему искренностью. Бийо-Варенн сказал Робеспьеру: *«Мы твои друзья; мы всегда действовали сообща»*. Это притворство меня потрясло.

Накануне он называл его Пизистратом и составлял против него обвинительный акт.

Он из числа тех людей, которых Ликург изгнал бы из Лакедемона за их мрачный характер и бледность лица; я сожалею, что не заметил на лицах тех, о ком говорю, ни тени искренности, ни благородной правдивости.

Когда оба комитета почтили меня своим доверием и поручили мне составить доклад, я согласился лишь при условии, что в докладе будет проявлено уважение к Конвенту и к его членам. Я заявил также, что намерен обратиться к первопричине событий, что раскрою план, направленный на подрыв революционного правительства и попытаюсь придать новые силы общественной морали. Бийо-Варенн и Колло д'Эрбуа дали мне понять, что не следует говорить о Верховном существе, о бессмертии души, о высшей мудрости: от этих идей якобы отказались, их сочли неуместными и стыдятся упоминать о Боже-стве.²²

Именно в это время появилась петиция Мажантье, где предлагалось считать богохульством и карать смертной казнью некоторые слова, которые мы часто слышим из уст народа.²³ Ах! Не эти же слова являются богохульством: богохульство это фации Суллы,²⁴ которые несут перед изображением Божества; богохульство — это когда хотят устрашить членов Собрания проскрипционными списками и обвинить в этом тех, кто к этому не причастен.

Итак, меня принудили не говорить вам ничего о Провидении, этой единственной надежде человека, покинутого всеми; опутанный клеветническими измышлениями, он просит у неба мужества и мудрости, необходимых для торжества истины.

Если глубоко задуматься о том, что произошло на вашем последнем заседании,²⁵ можно найти подтверждение всем моим словам. Человек, вынужденный покинуть комитет, где он подвергался тягчайшим оскорблениям, в то время, когда комитет фактически состоял из двух или трех членов, этот человек оправдывается перед вами. Надо признать, что объяснения его сбивчивы, но одиночество и испытываемая им горечь могут в какой-то степени служить ему оправданием. История гонения на него ему неизвестна; ему ведомо лишь его несчастье. Его упрекают в том, что он тиран общественного мнения. Здесь необходимо разъяснение, и я хочу со всем пылом опровергнуть этот ложный довод, способный унижить достоинство человека. Разве вы обладаете исключительным правом влиять на общественное мнение, вы, кто считает преступным искусство трогать сердца? Считаете вы, что быть чувствительным предосудительно? Разве вы принадлежите к двору Филиппа, вы, борющиеся против красноречия!²⁶ Тиран общественного мнения! А кто вам мешает оспаривать уважение отечества, вам, упрекающим человека в том, что он это уважение снискал?! Нет такого деспота в мире, за исключением Ришелье, который был бы оскорблен славой писателя.²⁷ Разве существует победа более бескорыстная? Катон изгнал бы из Рима недостойного гражданина, который назвал бы красноречие ораторов, выступающих на трибуне, тиранией над общественным мнением. Никто не имеет права ставить условия красноречию; оно разумно в своей основе, и его власть не тождественна власти правительств.

Общественная совесть присуща гражданской общине; это оплот гражданства. Те, кто сумел повлиять на общественное мнение, все были противниками угнетателей. Разве Демосфен был тираном? Если бы это было так, следует признать, что его тирания долгое время спасала свободу всей Греции.²⁸ Завистливая посредственность хотела бы возвести гения на эшафот! Ну что ж! Поскольку ораторский талант, который вы проявляете здесь, это талант, присущий тиранам, то вскоре и вас обвинят в том, что вы деспотически властвуете над общественным мнением. Право воздействовать на общественное мнение есть право естественное, неотъемлемое, незыблемое, и узурпатор, я считаю, может быть только среди тех, кто стремится подавить это право.

Видели ли вы ораторов при королевской власти? Нет. Молчание царит в окружении престола; только у свободных народов допускается право убеждать себе подобных. Не есть ли это арена, открытая для всех граждан? Пусть все оспаривают друг у друга превосходство в искусстве красноречия, и вы увидите, как свет познания широким потоком прольется на нас; это станет гарантией нашей свободы, лишь бы только гордыня была изгнана из нашей Республики!

Уничтожьте тех, кто славится красноречием, и вскоре доберутся до того, кто им завидовал и был наиболее красноречивым после них.

Королевский цензор ограничился бы следующими словами: «*Вы выступали против двора и его преосвященства архиепископа*». Но что случилось с нашим разумом? Сегодня говорят представителю суверенного народа: «*Вы не имеете права убеждать других своим красноречием*». Член Собрания, который долго говорил вчера с этой трибуны, не провел, как мне кажется, достаточно четкого различия между теми, кого он обвинял.²⁹ Ему не приходится жаловаться на комитеты, и он на них и не жаловался; ибо комитеты, как я считаю, по-прежнему заслуживают вашего уважения, и несчастья, о которых я рассказывал, вызваны тем, что несколько его членов, оставшихся в одиночестве, пользовались чрезмерной властью.

Так и должно было случиться, что правительство, лишившееся нескольких своих членов, изменило характер. Кутон постоянно отсутствует. Приер из Марны находится в отъезде уже восемь месяцев; Сент-Андре пребывает в Пор-ла-Монтань; Ленде поглощен делами своего ведомства, так же, как и Приер из Кот-д'Ор; я был в армии; а остальные, кто управлял за них за всех, по-видимому, попытались воспользоваться их отсутствием.³⁰

Я считал бы спасительной мерой, способствующей сохранению общественной свободы, если бы на заседаниях комитета за столом собирались все его члены. Вы доверили управление двенадцати лицам; в действительности же в прошлом месяце власть оказалась в руках двух или трех. Такая неосмотрительность опасна, ибо она может внушить людям стремление к независимости и к власти.

Представьте себе, что такое неестественное положение сохранилось бы и в дальнейшем; тогда Париж оказался бы лишенным своего генерального штаба и своих магистратов; Революционный трибунал был бы уничтожен или в него вошли бы ставленники двух или трех членов, пользующихся неограниченной властью; а ваша власть превратилась бы в ничто.

Только одно обстоятельство могло бы послужить помехой для их действий — Якобинский клуб, который они называют тираном общественного мнения. А поэтому надо было принести в жертву наиболее влиятельных членов этого общества. Ибо в то самое время, когда Бийо-Варенн и Колло д'Эрбуа приступили к осуществлению этого плана, они стали открыто проявлять свою ненависть к якобинцам; они перестали посещать общество и выступать там с речами.

Если бы их план увенчался успехом в то время, когда большая часть членов комитета занималась мелкими делами, несколько человек стали бы господами положения; им уже не пришлось бы бояться неприятных для них ораторов, они пользовались бы исключительным влиянием и властью.

Итак, существовал план захвата власти: предполагалось покончить с некоторыми членами комитета, других отправить в отдаленные места Республики, уничтожить Революционный трибунал, лишить Париж его магистратов. Бийо-Варенн и Колло д'Эрбуа — инициаторы этого заговора.

Оба комитета, следовательно, не должны потерять уважения общества; только эти два человека недостойны там находиться, ибо они питали честолюбивые замыслы под личиной бескорыстия и решили стать инициаторами обвинения ваших членов.

Я полагаю, что справедливость и отечество обязывают вас тщательно изучить мои обвинения. Вы должны рассматривать как акт тирании всякое решение комитета, которое не будет подписано шестью его членами; вы также должны решить, разумно ли то, что члены комитета выполняют обязанности министров, заняты полностью делами своих ведомств и удалены от вас, что приводит к искажению духа и принципов органа, в котором они состоят.

Общественные дела не пострадают от этих бурных перемен; ваша мудрость позволит отвести опасность, угрожающую свободе, позволит правительству возобновить свою обычную деятельность.

Мне остается убедить вас в том, что я не мог принять иного решения, как решение высказать вам всю правду. Если бы я сообщил о своем намерении комитетам, отпала бы необходимость соблюдать сдержанность, и все могло бы привести к печальным последствиям. В таком случае их влияние распространилось бы еще дальше: они привлекали бы на свою сторону других членов, если бы им удалось вести их в заблуждение. Я подумал, что таким путем удастся избежать раздоров и серьезных разногласий в комитетах, ибо они использовали бы все средства, чтобы посеять смутнение в умах.

Члены Собрания, которых я обвиняю, не допустили серьезных промахов при исполнении своих обязанностей, поэтому им не нужно оправдываться в своих действиях, если не считать задуманной ими отправки восемнадцати тысяч солдат из Самбро-Маасской армии. Я обвиняю их в том, что они использовали доброе имя комитета, чтобы удовлетворить свое честолюбие. Сулла был доблестным полководцем, выдающимся политиком; он умел управлять, но это достоинство послужило ему только для личного преуспевания. Я радуюсь, когда провозглашают наши победы, но не хочу, чтобы это служило поводом для хвастливых заявлений. Была победа при Флёрюсе, но те, кто в ней участвовал, ничего об этом не говорили; были осады, но те, кто находился в траншеях, ничего об этом не говорили. Я утверждаю: все наши несчастья произошли оттого, что власть сосредоточилась в руках нескольких лиц, так что никто этого не заподозрил; эти лица захотели сохранить и усилить свою власть, уничтожив все, что могло положить конец произволу.

Я не предлагаю никакого решения относительно названных мною лиц; я хочу, чтобы они оправдались и чтобы мы стали более мудрыми.

Я предлагаю следующий декрет.

Национальный конвент постановляет: установления, которые должны быть разработаны в ближайшее время, обеспечат меры, не допускающие, чтобы правительство при полном сохранении своей революционной энергии склонялось к произволу, благоприятствовало честолюбивым замыслам, стремилось подавить национальное представительство или узурпировать его права.

Т Р А К Т А Т Ы

ДУХ РЕВОЛЮЦИИ И КОНСТИТУЦИИ ВО ФРАНЦИИ

Если бы я мог сделать так, чтобы все на свете получили новые основания любить свои обязанности, своего государя, свое отечество, чтобы они могли лучше ощутить свое счастье... я счел бы себя счастливейшим из смертных.

Монтескье. Дух законов¹

Предисловие

Европа движется огромными шагами к революции, и никакие усилия деспотизма ее не остановят.

Судьба, вдохновляющая как безумства, так и мудрость, вершится через посредство людей и доводит все до предназначенного ему конца. Французская революция — не мгновенное событие. У нее есть причины, последующее развитие, предел. Именно это я попытался раскрыть.

Мне нечего сказать об этой слабой моей попытке, я прошу, чтобы о ней судили, как если бы не были ни французами, ни европейцами; но кто бы вы ни были, прошу вас, если сможете, полюбить сердце ее автора; я больше ни к чему не стремлюсь и горжусь лишь моей свободой.

Мысль написать это сочинение подал мне один англичанин; это был г. де Кюньер из лондонского филантропического общества, написавший учебное письмо г. Тюийе, секретарю Блеранкурского муниципалитета, когда этот муниципалитет сжег декларацию духовенства.²

Сколько людей говорили о нашей революции, но большинство из них ничего о ней не сказали. Мне неизвестно, чтобы кто-нибудь до настоящего времени дал себе труд заглянуть в свое сердце, насколько оно добродетельно, — дабы узнать, в какой мере достойно оно свободы. Я не притязаю на то, чтобы судить кого-либо; всякому человеку дозволено думать так, как он думает, но тот, кто говорит или пишет, несет ответственность за свою добродетель перед обществом.³

Во Франции с самого начала революции существуют две непримиримые партии: партия народа, которая, желая облечь властью своих законодателей, возлюбила оковы, наложенные им на самого себя, и партия государя, кото-

рая, желая возвысится над всеми, меньше пеклась о своей славе, чем о своем преуспевании. В столкновении этих интересов я искал себя; член суверена, я хотел узнать, свободен ли я и заслуживает ли законодательство моего повиновения; с этим намерением я стал заниматься поисками оснований и гармонии наших законов; и я отнюдь не скажу, как Монтескье, что *нашел в них бесконечное множество доводов для повиновения*,⁴ но скажу, что нашел в них много такого, что убедило меня повиноваться лишь собственной добродетели.

Кто бы вы ни были, о законодатели, но если бы я обнаружил, что меня замыслили закабалить, я бежал бы из несчастного моего отечества и предал бы вас проклятию.

Не ждите от меня ни лести, ни сатиры. Я сказал то, что по совести думаю. Я очень молод, я мог слишком строго осудить политику тиранов порицать знаменитые законы и принятые обычаи; но поскольку я молод, мне казалось, благодаря этому я ближе к природе.

Поскольку у меня не было в мыслях писать историю, я не входил в подробности относительно соседних с нами народов. Я говорил об общественном праве в Европе только в связи с таковым во Франции. Отмечу все же, что другие народы взирали на Французскую революцию, имея в виду лишь ее влияние на их денежные дела и торговлю, и что они совсем не учитывали те новые силы, которые революция может почерпнуть в своей добродетели.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Предчувствие революции

Революции это не столько превратности оружия, сколько превратности законов. В течение многих веков монархия проливала потоки крови, однако оставалась незыблемой. Но для политического устройства наступает такое время, когда все разваливается под воздействием скрытого источника разложения; все извращается и вырождается, законы теряют свое естество и хиреют; если в такие времена появится какой-нибудь варварский народ, все отступает перед его яростью, и государство возрождается благодаря завоеванию. Если на него не нападают чужестранцы, порча его пожирает и затем восстанавливает. Если народ злоупотребил своей свободой, он впадает в рабство; если властитель злоупотребил своим могуществом, народ свободен.

Европе из-за природы ее политических отношений нечего страшиться завоевателя, она долго будет переживать лишь гражданские революции. В течение нескольких веков большинство держав этого континента изменили свои законы, а остальные вскоре изменяют их. После Александра Македонского и Восточной Римской империи, поскольку не стало международного права, нации сменяли лишь своих королей.

Самая суть гражданских законов Франции способствовала поддержанию тирании со времени открытия Нового Света; эти законы восторжествовали

над обычаем и фанатизмом; но они нуждались в органах, которые заставили бы уважать их; такими органами являлись парламенты. Парламенты, поднявшись против тирании, низвергли ее.⁵ Первый удар, нанесенный монархии, исходил от этих судебных учреждений; все это известно.

Нужно добавить к этому, что гений некоторых философов нашего века пробудил общественное достоинство и создал людей, устремленных к добру, и безумцев, столь же опасных для тирании; что люди из презрения к великим мира сего стали стыдиться своего рабства; что народ, разоренный податями, возмутился против нелепых законов и что небольшим группам людей удалось придать народу смелости.

Народ, задавленный податями, не очень-то страшится революций и варваров.

Франция изобиловала недовольными, готовыми выступить по первому призыву, но эгоизм одних, трусость других, ярость деспотизма в его последние дни, толпы бедняков, питавшихся милостями двора, долги и страх перед заимодавцами, давнее обожание королей, излишества и суетность мелкого люда и эшафот, — все эти причины, вместе взятые, задерживали восстание.

Нищета и тяготы 1788 года всколыхнули народные чувства.⁶ Бедствия и взаимная помощь соединили сердца; люди осмелились говорить о своих несчастьях, начали сетовать.

Старые законы теряли силу день ото дня. Беда, постигшая Корнмана, возмутила Париж. Из прихоти и поддаваясь примеру других, люди страстно сочувствовали всему, что пришлось претерпеть несчастному.⁷ Возненавидели знатных, которым завидовали. Знатные вознегодовали на крики народа. Деспотизм становился тем яростнее, чем меньше его почитали и чем больше он слабел. Г-н де Ламуаньон, страшившийся парламентов, упразднил их — и заставил о них сожалеть; они были восстановлены. Затем появился г-н Неккер; он увеличил число административных органов, чтобы обеспечить поступление налогов; он внушил любовь к себе, созвал Генеральные Штаты, сделал народ заносчивым, а знать уязвленной и разжег пожар. Париж окружили войска. Тогда страх, отчаянье и воодушевление овладели душами людей. Общее несчастье объединило силы всех, люди осмелились идти до конца потому, что нашли в себе смелость сделать первые шаги; порыв был не таким уж сильным, но он имел успех. Первый удар восстания ниспроверг деспотизм.⁸ Бесспорно, что тираны погибают от слабости законов, которые они сами лишили силы.

Глава II

Интриги двора

Народ обманывается редко. Людовик, простой посреди окружающего его великолепия, был другом бережливости, скорее чем бережливым; другом справедливости притом, что сам не смог быть справедливым; и что бы ни говорилось, что бы ни делалось, его всегда почитали таковым. Неистовый народ в Париже вопил: «Да здравствует Генрих IV, да здравствует Людовик XVI, да сгинут Ламуаньон и министры!».

Людовик царствовал как частное лицо; суровый и скромный по отношению к самому себе, он был грубым и слабым с другими, он хотел делать добро и потому верил, что творит его. Он геройствовал в мелочах, проявлял нерешительность в важных делах; он прогнал с министерского поста г-на де Монбаре из-за того, что тот тайком дал роскошный обед, но хладнокровно смотрел, как весь двор его расхищает государственную казну, или, скорее, ничего не видел, потому что его личная скромность порождала вокруг только лицемеров; рано или поздно он узнавал, однако, обо всем творившемся, но больше тшился слыть наблюдателем, чем действовать как надлежит королю.

Чем больше народ, справедливый зритель и судья, убеждался, что Людовика обманывают и что его, народ, тоже обманывают, тем больше обожал он короля, озлобляясь против двора. Двор и министры, державшие в руках бразды правления, подрывавшие свое положение собственной испорченностью, тем, что покинули государя и пренебрегали делами государства, в конце концов пошатнулись, и монархия вместе с ними.

Мария-Антуанетта, скорее обманутая, чем обманщица, скорее легкомысленная, чем вероломная, целиком отдавалась удовольствиям; казалось, что она царствует не во Франции, а в Трианоне.

Месье⁹ взамен всех добродетелей обладал здравым смыслом; поскольку он не был хитер, то не был и обманутым.

Герцогиня Жюль де Полиньяк,¹⁰ единственная, кто обладал хитростью, обманывала двор, министерство, народ, королеву — и обогащалась; она прятала свою порочность под маской ветрености, со смехом совершала мерзости, развращала сердца тех, кого хотела соблазнить, и утопила свои тайны в позоре.

Я обхожу молчанием характер многих людей, у которых его вовсе не было; беспечность и безумные прихоти министра де Калонна; изворотливость и алчность г-на де Бриенна;¹¹ дух двора понять было трудно: здесь только и говорили, что о нравах, о распутстве и честности, о модах, доблести и лошадях. Я предоставляю другим изложить историю куртизанок и прелатов, придворных шутов. Клевета убивала честь, яд отравлял жизнь добропорядочных людей; Морепа и Верженн¹² умерли; последний особенно дорожил общим благом, способствовать которому не мог. Он был добродетельным вельможей. Двор после его смерти являл взору лишь разгул бесстыдства, злодейства, расщочительства, довершивший гибель нравственных правил; низость придворных едва можно себе представить; учтивость прикрывала самые подлые злодеяния; доверие и дружба рождались из стыда при взгляде людей на себя, из боязни быть обманутым; добродетель подвергалась осмеянию; золото приобретали за позор; на это золото покупали честь. Состояния наживались и проматывались с невероятной быстротой. В столице и при дворе лица каждый день менялись: одни бежали от займодавцев, другие спасали свою жизнь. Расшитое золотом платье меняло своих владельцев; среди тех, кто его носил, один попал на галерею, другой бежал за границу, третий отправился продавать и оплакивать поля своих предков. Получилось так, что семейство Гемене¹³ поглотило двор, покупало и продавало милости, распоряжалось назначениями на должности и пало, погубленное гордыней, как возвысилось благодаря своей низости. Жажда роскоши терзала торговлю и бросала к ногам богачей

толпу ремесленников. Это поддерживало деспотизм, но богач ничего не платил, и государство оказывалось тем слабее, чем более оно становилось жестоким.

Потомство с трудом сможет представить себе, до какой степени народ был жаден, скуп, суетен; насколько потребности, порожденные тщеславием, ставили его в зависимость от знати, так что, поскольку единственным обеспечением долгов для многих стали щедроты двора и плутовство самих должников, обман, повторяясь и воспроизводясь, распространялся на суверена¹⁴ и от него возвращался обратно, достигая отдаленных окраин, и создавал в гражданском состоянии непрерывную цепь гнусностей.

Все потребности были чрезмерными, неистовыми, все средства их удовлетворения — жестокими.

Глава III

О народе и партиях в Париже

Я ничего не сказал о некоторых людях, выдающихся по своему происхождению, потому что их единственным стремлением было покрыть свои безрассудные траты. Двор был сборищем вертопрахов, помышлявших отнюдь не о том, чтобы установить аристократическое правление, как полагали некоторые, но лишь о том, как оплатить свои излишества. Тирания продолжала существовать, они лишь злоупотребляли ею. Они неразумно устрашали весь народ передвижениями войск. К этому добавился голод; он возник вследствие неурожайного года и вывоза хлеба из страны. Неккер изобрел это средство, чтобы пополнить государственную казну, потому что для этого финансиста именно казна была отечеством. Голод взбунтовал народ; тревога породила смятение при дворе. Боялись Парижа, который с каждым днем становился все более мятежным из-за дерзости писателей, из-за трудностей с продовольствием и потому, что многие личные состояния оказались частью государственного имущества.

Прозвание «партия Орлеана» родилось из зависти, которую вызывали при дворе богатство, бережливость и добрая слава этого дома. Подозревали, что он составил партию, потому что сторонился Версаля. Предпринято было все, чтобы его погубить, потому что приручить его не смогли.

Бастилия была покинута гарнизоном и захвачена, и деспотизм, который есть не более чем пугало для рабов, пал вместе с нею.

У народа не было добрых нравов, но он отличался пылкостью. Любовь к свободе вырвалась наружу, и слабость породила жестокость. Не знаю, видано ли такое когда-нибудь (разве что у рабов), чтобы народ насаживал на пики головы особ самых ненавистных, пил их кровь, вырывал их сердца и пожирал их;¹⁵ убийство некоторых тиранов в Риме совершалось как своего рода религиозный акт.

Когда-нибудь подобное же ужасное зрелище увидят в Америке, и там для этого, возможно, будет еще больше оснований; я же наблюдал его в Париже и слышал радостные клики народа, который тешился клочьями человеческой

плоти и кричал во весь голос: «Да здравствует свобода, да здравствуют король и герцог Орлеанский!».

Кровь Бастилии возопила на всю Францию. Возмущение, которое до того было робким, обрушилось теперь на места заключения и на правительство. Это был взрыв общественного негодования, подобный тому, который изгнал Тарквиния из Рима. Люди не обращали вовсе внимания на более важный успех — на бегство войск, окружавших Париж; ликовали, овладев одной из государственных тюрем. То, что было символом рабства, угнетавшего в прошлом, занимало воображение больше, чем то, что угрожало свободе, которая еще не была обретена; это был триумф рабов. Разбивали и рушили двери тюремных камер, обнимали узников, закованных в цепи, обливали их слезами, предавали торжественному погребению кости, найденные при разрушении крепости; цепи, тюремные запоры и прочие атрибуты рабства носили на себе, как трофеи. Некоторые узники не видели белого света сорок лет, их иступленный бред возбуждал любопытство, вызывал слезы, пронзал души состраданием; казалось, что народ взял за оружие из-за леттр де каше.¹⁶ Люди обходили с горестью в сердцах печальные стены крепости, густо покрытые жалостными надписями. Тут читали такое: «Значит, я больше никогда не увижу моей бедной жены и детей, 1702!».

Воображение и жалость творили чудеса; воочию представляли себе, как деспотизм преследовал наших отцов, жалели жертв его; палачей более не страшились.

Поначалу горячность и безрассудная радость сделали народ бесчеловечным; его решительные действия внушили ему гордость, гордость заставила его дорожить своею честью. На короткое время он стал благонаравным, осудил злодейства, которыми замарал руки, и, к счастью, то ли страх, то ли внушения умных людей побудили его выдвинуть вождя и стать послушным.

Если бы просвещенность и честолюбие немногих не смогли руководить пожаром мятежа, который не мог уже остановиться, все было бы погублено.

Если бы у герцога Орлеанского действительно была партия, он возглавил бы ее, пугал и держал в руках двор, как это сделали некоторые другие. Но он ничего не предпринял, может быть, потому, что, как говорили, рассчитывал на истребление королевской семьи; это и должно было случиться, когда народ кинулся в Версаль.¹⁷ Однако если судить здраво о тогдашних событиях, все восстания того времени были не чем иным, как войною неразумных рабов, которые расправляются со своими оковами и устремляются вперед, как хмельные.

Поведение народа становилось столь неистовым, его бескорыстие столь полным, ярость столь буйною, что было ясно, что он слушается лишь самого себя. Он больше не почитал высших, он на деле ощутил равенство, которого не знал прежде.

После взятия Бастилии, когда составлялись списки победителей, большинство из них не осмелились назвать свое имя; но едва они обрели уверенность, как перешли от страха к дерзости. Народ в свою очередь проявил своего рода деспотизм: королевская семья и Генеральные Штаты были препровождены пленниками в Париж посреди самого простодушного и устраша-

ющего торжества, какого никогда еще не бывало.¹⁸ Тогда стало ясно, что народ не стремится кого-либо возвысить, но жаждет принизить всех. Народ — вечный ребенок; он принуждает своих повелителей почтительно ему повиноваться, а затем сам повинуется; в эти мгновения славы он был более послушен, нежели был раболепен в прежние времена. Он жадно прислушивался к советам, искал похвал и был скромнен; страх заставил его забыть о том, что он ныне свободен; теперь люди не смели останавливаться и вести разговоры на улицах; всех на свете принимали за заговорщиков. То был страх за свободу.

Принцип был заложен, ничто не остановило его развитие, ибо деспотизма не стало, он развалился, его министры бежали, и страх царил на их совещаниях.

Парижские выборщики, среди которых было множество отчаянных людей, развращенных нищетою и роскошью, до крайности распалили народ. У этой группировки не было определенных принципов, она и не помышляла о том, чтобы обрести их. Поэтому она схлынула, как прошел и революционный хмель. Эти люди обладали доблестью, даже твердостью и постоянством — на короткое время; с уважением вспоминают о героизме Тюрьо де ла Розьера, заставившего коменданта Бастилии сдать эту крепость, и великого де Сен-Рене, который заставил двадцать тысяч человек бежать из городской ратуши, приказав доставить туда порох и горящие фитили; и Дювейрье, и Дю Фо, мудрого старца, написавшего впоследствии историю революции. Эти люди не были мятежниками. Некоторые другие обогатились; только этого они и жаждали; немногие достойные вскоре удалились, а остальные разбрелись, унося с собой страх и добычу.

Глава IV

О Женевце¹⁹

Доверие к Женевцу уменьшалось с каждым днем, судьба насмеялась над его политикой и его уверенностью; самые мудрые замыслы людей часто таят в себе скрытую опасность, которая повергает их и неожиданным скрытым ударом меняет все, побеждает и уничтожает самих этих людей.

Если правда, что истинная добродетель познается по ее стремлению укрыться от всех, то что может внушить больше подозрений, чем безмерная любовь Женевца к народу? Этот человек чувствовал, что для него нет выбора более надежного, ибо двор приходил в упадок, и более естественного, ибо сам он был плебеем; он напряг все свои силы, когда решался вопрос о Генеральных Штатах; равным представительством в них всех трех сословий он, можно сказать, нанес смертельный удар тирании. Когда его отправили в отставку, радость его была глубока; его обуревали бог весть какие смелые надежды. Действительно, как он сам предсказывал, его возвращение было подобно возвращению Александра в Вавилон;²⁰ бремя его славы раздавило его врагов и его самого. Он спасал Францию, побуждаемый не столько добродетелью, сколько гордыней. Вскоре его возненавидели в глубине души, как «создателя новых податей». Национальное собрание, сделав вид, что высоко чтит его до-

стоинства, тем самым унизило его и воспользовалось его доверчивостью и тщеславием. Народ потерял его из виду; Париж вновь обрел смелость; два удивительных человека овладели всеми умами; Национальное собрание двигалось вперед большими шагами; Женевец, став министром, внушал ему страх и стал в конце концов безразличен для всех; он промахнулся; он стал всего лишь рассудительным человеком, загородился от всех своею славою и стал врагом свободы, потому что она была ему не нужна. При деспотизме он льстил народу, но когда народ стал свободным, он стал угождать двору; его политика была осторожной, слух монарха оставался для него открытым, и он умел щадить его. У этого человека была золотая голова, но стоял он на глиняных ногах; он обладал поразительным талантом притворства. В высочайшей степени владел он искусством лести, ибо умел изящно и тонко внушить истину, полезную для его намерений, и притвориться, будто питает к своему повелителю привязанность, исходящую из глубины сердца.

Его честолюбие возвышалось до бескорыстия, в этом он был подобен пахарю, изнуряющему себя на ниве, где он рассчитывает собрать в будущем жатву; восстание низвергло его, потому что оно возвысило все сердца выше него и выше самих себя. Я полагаю, что если бы он не вернулся во Францию, он поработил бы Швейцарию, свое отечество.

Глава V

О двух знаменитых людях²¹

Тот, кто после восстания искренне обращается к народу, обещает ему безнаказанность, устрашает его и ободряет, сочувствует его бедам и льстит ему, тот и король.

Наилучшим доказательством этой истины является то, что два человека могли царить одновременно.

Всеобщий страх возвысил этих людей, присущая им обоим слабость объединила их.

Первому из них, который был вначале добродетелен, потом вскружила голову удача, и он проникся дерзкими намерениями. Каждый из этих людей завладел своею долей власти. Первый, всемогущий в здании ратуши, пользовался в Национальном собрании устойчивым доверием и тиранствовал с кротостью; видя, как он ласкает самолюбие народа, мягко управляет всем, прячет свои дарования, обманывает общественное мнение вплоть до того, что представляется человеком слабым, которого почти не следует опасаться, люди более не видели в нем той твердости, какую он проявил в Версале.

Второй был более надменным. Его характер больше соответствовал его положению; впрочем, он был любезен, усердно лицемерил, был откровенно льстив, наивно тщеславен; он мог все и ничего не хотел.

Союз этих двух личностей короткое время был достойным удивления. Один держал в руках бразды правления, другой вооруженные силы. Оба содействовали созданию законов, служивших их честолюбию; все, что происходило в Париже, исходило от них, в общественной жизни они разыгрывали ро-

ли, предварительно сговорившись между собой; к двору они проявляли почтение, смешанное с наглостью. Добавьте к этому их полное единодушие, их популярность, безупречное поведение, бескорыстие, видимую любовь к государю и к законам, спокойное красноречие, да еще великодушие впридачу — все это положило к их ногам скипетр, который был бы сломан, находись он у них в руках. Они стали народными кумирами, и им под разными благовидными предложениями передавалась государственная казна. Они дали работу обездоленным и искусно управляли общественными страстями; известность этих людей в народе походила на какое-то поветрие; их боготворили, а они держали свободу своею пленницей, всюду выказывая себя ее защитниками и друзьями. После взятия Бастилии они хитро потребовали вознаграждения для победителей и повсюду противопоставляли свое тщеславное рвение благородной сдержанности общин.²²

Всегда они будоражили и подталкивали народ, всегда Собрание его мудро удерживало; ибо эти люди хотели править, опираясь на народ, а Собрание хотело, чтобы народ правил, опираясь на него.

Собрание, постигшее нрав людей, понимало, что его хотят заставить слишком дорого заплатить за восстание столицы, и медлило, пока продолжалось беспокойство умов, а вскоре затем зажало в кулак все группировки, используя их собственные силы, чтобы их сокрушить.

Хладнокровие общин было для этих людей тем же, чем были некогда для Сеяна пронизательность и недоверие Тиберия.²³ Я предоставляю размыслить, до чего могли прийти честолюбивые замыслы этих людей, если бы они не были разрушены терпением.

Дистрикты Парижа образовали демократию, которая могла бы все ниспровергнуть, если бы вместо того чтобы стать добычей различных клик, они руководствовались велениями своего духа. Кордельеры, которые стали наиболее независимыми по духу, преследовались описанными выше героями дня с наибольшей силой, так как они шли наперекор их замыслам.²⁴

Глава VI

О Национальном собрании

Такого еще не бывало в ходе событий, чтобы в эпоху, когда все перемешалось, когда гражданские законы лишились силы, когда монарх был покинут всеми, а правительство разбежалось, нашелся политический орган, слабый отпрыск распавшейся монархии, который взял бы в свои руки бразды правления сначала робко, затем все крепче, упрочил положение, поглотил партии и заставил трепетать всех; чтобы он был последователен в своей политике, постоянен посреди перемен, чтобы он действовал сначала искусно, затем с твердостью, затем с энергией — и всегда разумно.

Нужно видеть, с какой прозорливой мудростью возвысилось Национальное собрание, как искусно укротило оно общественный дух, как, окруженное со всех сторон западнями, раздираемое противоречиями в своем собственном лоне, оно преуспевало все больше и больше, как хитроумно сковало народ его

же свободою и неумолимо привязало его к конституции, вознеся его права до непререкаемых истин и потакая его страстям; как оно использовало просвещенных людей и честолюбцев своего времени, так же, как Ликург нравы своей эпохи; нужно видеть, с какой мудрой предусмотрительностью распространило оно свои принципы, так что правление изменило свою сущность и ничто больше не могло удержать рост его силы и крепости.

Тщетно иные борются против этого удивительного законодательного органа, почти непогрешимого — разве что в мелочах. Когда меняются самые принципы, на которых стоит государство, — это необратимо; то, что противопоставляется новым принципам, — это уже не принцип, а установившийся принцип увлекает за собой все остальное.

Потомство будет знать лучше, чем мы, что воодушевляло это великое Собрание. Нужно признать, что непреклонная воля сильных характеров и светлых умов дала первый толчок его стремлению, что благородное негодование нескольких изгнанников пробило брешь в простодушном неведении относительно прав человека; но надо также признать, если только память наша придает какую-то цену истине, что на свете давно не было Собрания, столь разумного и искусного, что оно изобиловало людьми твердыми духом, которыми властвовало стремление к добру, людьми возвышенного ума, которых вдохновляло стремление к истине. Деятельность этого Собрания, открытая всем взорам, — поистине непостижимая тайна; именно потому переменчивый и нерешительный народ склонился перед высшим разумом, который повел его за собою вопреки его воле. В помыслах народа все было смутно и полно неуверенности; в законах же все было исполнено силы и гармонии.

Мы увидим далее, каковы были последствия этих счастливых начинаний.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

О природе французской конституции

Страна, которая сначала была свободной, как Греция до Филиппа Македонского, а затем эту свободу потеряла, как Греция, потерявшая свободу под властью этого государя, понапрасну будет стараться ее отвоевать: принцип утрачен. Даже если свобода будет возвращена этой стране, как политика Рима возвратила ее грекам, как она же даровала свободу Каппадокии, чтобы ослабить Митридата, как политика Суллы пыталась вернуть свободу самому Риму,²⁵ все это бесплодно. Души людей, можно сказать, утратили свою сердцевину, они стали слишком немощными, чтобы питать себя свободой. Они еще любят ее название, жаждут ее как возможность действовать без стеснений и безнаказанно и не ведают о ее добродетелях.

Напротив, если народ, пребывавший в рабстве, внезапно освобождается от тирании, он долго не поддастся порабощению, потому что свобода овладела душами нетронутыми, дикими, яростными, потому что она возвышает их нравственными истинами, доселе им неизвестными, которые их воодушевляют,

а если эти истины утратят свою побудительную силу — сердце останется трусливым, надменным, бесчувственным, тогда как рабство делало его всего лишь робким.

Безразличие — душа тирании, страсть — душа свободы; первое — огонь тлеющий, вторая — огонь всепожирающий; один гаснет при малейшем движении воздуха, другой горит долго и, погаснув, не возгорится вновь; добротельным можно быть лишь единожды.

Если народ, став свободным, установил мудрые законы — революция свершилась. Если эти законы подходят для данной страны, революция упрочена.

Франция соединила в себе демократию, аристократию и монархию. Первая образует гражданское состояние, вторая — законодательную власть, третья — власть исполнительную.

Там, где чистая демократия, т. е. преувеличенная свобода, там нет монархии; там, где есть только аристократия, нет твердых законов; там, где государь таков, каким он был у нас прежде, нет свободы.

Нужно, чтобы власть была преобразована таким образом, чтобы ни народ, ни законодательный корпус, ни монарх не обрели тиранического верховенства. В столь обширной державе, как наша, нужен государь; республика подходит для территории меньших размеров.²⁶ Когда Рим стал огромным, потребовались правители, власть которых была безмерной.

Франция приблизилась к народному государству, насколько это было возможно, и унаследовала от монархии только то, от чего не могла отказаться; тем не менее исполнительная власть осталась в ней верховной властью, дабы не оскорбить любовь Франции к королям.

Когда Кодр погиб, разумные люди, желавшие установить свободу, объявили царем Афин Юпитера.²⁷

Глава II

О принципах французской конституции

Древние законодатели делали все для республики, Франция сделала все для человека.

Политика древних стремилась к тому, чтобы благоденствие государства оборачивалось благом для частных лиц. В наши времена политика стремится к тому, чтобы благоденствие частных лиц оборачивалось благом для государства. Первая всеми силами стремилась к завоеваниям, ибо государство было невелико, окружено могучими соседями, и от его судьбы зависела участь отдельных людей; вторая стремится лишь сохранить существующее положение, потому что государство обширно и от участи отдельных людей зависит судьба державы.

Чем меньше территория республики, тем более суровыми должны быть ее законы, потому что опасности возникают чаще, нравы более неистовы, потому что один единственный человек может увлечь за собой всех. Чем республика обширнее, тем мягче должны быть ее законы, потому что опасность

возникает редко, нравы ее обитателей спокойны и все устремляются к одному.

Цари не смогли противостоять суровости законов нарождающегося Рима; эта же суровость, хотя и очень смягченная, восстановила монархию в Риме, когда он стал огромным государством.

Права человека могли бы погубить Афины и Лакедемон; там знали лишь свое дорогое отечество, там ради него забывали самих себя. Права человека укрепляют Францию; здесь отечество забывает самого себя ради своих детей.

Древние республиканцы обрекали себя на тяготы, на заклятие, изгнание и на смерть ради чести отечества; здесь отечество отказывается от славы ради покоя своих детей и требует от них лишь того, чтобы они его сохранили.

Глава III

О соответствии природы и принципов конституции

Если бы демократия Франции имела сходство с той, какую тщетно пытались установить англичане, ибо народ этот был всего лишь самонадеян; если бы аристократия Франции была такою, как в Польше, где все вершится насильем; если бы ее монархия уподобилась большинству европейских монархий, где воля повелителя — закон, то столкновение этих трех властей скоро бы их уничтожило; именно так полагали те, кто был уверен, что разрыв между ними неизбежен. Но я прошу, посмотрите, насколько здраво устройство Франции: душа ее демократии — отнюдь не самонадеянность, но умеренная свобода; ее аристократия стремится отнюдь не к насилью, но к равенству в правах; движущая сила ее монархии — не произвол, но справедливость.

О природе свободы

Природа свободы состоит в том, что она сопротивляется завоеванию и гнету; следовательно, она не должна нападать.²⁸ Франция это хорошо понимает; свобода, обратившаяся к завоеваниям, извратится; этим все сказано.

О природе равенства²⁹

Равенство, установленное Ликургом, который разделил земли, бесприданниц выдал замуж и повелел, чтобы все вкушали пищу совместно и облачались в одинаковую одежду — такое равенство, подобающее благодетельной республиканской бедности, во Франции привело бы к мятежу или к всеобщей лености; равенство политических прав — вот единственное, что разумно в этом государстве, где торговля является частью международного права, о чем я скажу в другом месте. Естественное равенство хорошо там, где народ является деспотом и не платит податей. Подумайте о последствиях этого условия для смешанной конституции.

*О природе правосудия*³⁰

Правосудие вершится во Франции именем монарха, защитника законов, не волею, но устами магистрата или уполномоченного им лица, и тот, кто нарушил свой долг и присягу, оскорбил отнюдь не монарха: он оскорбил отечество.

О принципе свободы

Рабство есть зависимость от несправедливых законов; свобода — зависимость от разумных законов; необузданность слушается лишь себя самое. Я отлично понимаю, что если бы белги не были свободны, они не создали бы себе законов.

О принципе равенства

Сущность равенства заключается отнюдь не в том, что один человек может сказать другому: я столь же властен, как и ты. Законной власти не существует вовсе; законы и сам Бог — это не власть, но всего лишь концепция того, что есть благо. Сущность равенства заключается в том, что всякий индивид есть равная частица суверена, то есть целого.

О принципе правосудия

Оно — сущность всего, что есть благо, и вершина мудрости, которая без него — всего лишь суемудрие и не может преуспевать длительно. Сладчайший плод свободы — правосудие; оно — блюститель законов, а законы олицетворяют отечество. Оно поддерживает добродетель в народе и заставляет его любить добродетель; напротив, если правительство несправедливо, народ, который справедлив лишь в той мере, в какой справедливы законы и в какой они ему приносят пользу, становится обманщиком и у него нет более отечества.

Я не знаю, чтобы политическая цель какой-нибудь древней или новой конституции состояла в правосудии и внутреннем порядке; первая, которая стремится к этому, — конституция Франции. Все же прочие, устремленные к войне, господству и золоту, таили в себе зародыши своего разрушения; война, господство и золото их развратили, правление стало гнусным, народ — жадным и безрассудным.

Следствия

Народ свободен, когда не может быть угнетаем или завоеван, равноправен, когда суверен, справедлив, когда управляем законами.

Глава IV

О природе французской демократии

Французским общинам пришлось прокладывать свой путь между двух опасностей. Либо в силу существования разных сословий законодательная власть была бы отдана представителям этих сословий; если бы возобладали два первых сословия, правление было бы деспотическим; если бы возобладало третье сословие, правление было бы народным. Либо все сословия, смешавшись, образовали бы одно или, вернее, не было бы ни одного сословия, а народ сам стал бы своим представителем; тогда он был бы свободен и суверенен.

Сословия более подходили тирании, чем национальное представительство; в первом случае господин воплощает принцип политической чести, во втором народ воплощает принцип добродетели; но в этом случае законодатель должен употребить все свое искусство, дабы организовать представительный орган так, чтобы он устанавливался не конституцией, а самим принципом, иначе получится аристократия тиранов.

Принципами являются свобода и суверенитет; вот почему не были установлены промежуточные ступени между первичными собраниями и легислатурой, и вместо того чтобы устанавливать представительство в соответствии с тем или иным судебным или административным делением, оно устанавливается исходя из размеров государства, количества подданных и их богатства, иными словами — соответственно «территории, населению, налогам».³¹

Подумайте о принципе прежних собраний бальяжей. Как трудно представить себе, чтобы политическая честь могла породить добродетель! Генеральные Штаты должны были походить на двор Великого Могола, а добродетель — быть такой же холодной, как ее принцип. Потому когда оказалось, что выборные представители топчут политическую честь, и первые заседания Штатов протекают бурно, добродетель была близка к тому, чтобы стать достоянием народа и потрясала уже самые устои тирании, пока та не рухнула, сраженная собственной рукой.

Глава V

О принципах французской демократии

Демократии древности не имели положительных законов; сначала это подняло их на вершину славы, которая добывается оружием, но это же в конечном счете привело и к великому беспорядку; когда народ собирался вместе, правление становилось зыбким, все совершалось по произволу ораторов; свобода становилась сумятицей и ее похищал самый ловкий или самый сильный. Так народ в Риме лишил власти сенат, так тираны лишили власти народ в Афинах и Сиракузах.

Принципы французской демократии заключаются в выражении одобрения законов и в избирательном праве; закон одобряют, давая присягу; лишение прав гражданина в связи с отказом принести присягу — это не наказание,

это отвержение. Присяга означает только одобрение законов. Нельзя требовать от них таких свойств, в которых им отказывают, которые у них отнимают. Говорили, что одобрение короля ничего не стоит, что народ в один прекрасный день потребует отчета в том, что относится к правам человека и к свободе. Но что представляет собою эта присяга, принесенная народом? Несомненно, такой способ одобрения более свят, более свободен и более надежен, чем выкрики на собраниях: одобрение зависит от короля, он — единственный властитель, мы все еще его рабы.

В другом месте я буду говорить об утверждении законов монархом и покажу, что в свободном государстве он не может ни проявлять произвол, ни оказаться лишенным власти.

Если народ отказывается принести присягу, закон должен быть отменен, потому что если отказ от присяги даже малой части народа влечет за собой задержку вступления закона в силу, то отказ большей части народа влечет за собой отмену закона.

Голосование во Франции тайное; открытое голосование погубило бы конституцию; в Риме тайное голосование было губительно для добродетели, потому что свобода там клонилась к упадку; для Франции оно оказалось благотворным, ибо свобода здесь только нарождалась. Народ был рабом богатей, люди усвоили привычку быть льстивыми и подлыми; множество заимодавцев наводило страх; собрания были очень немногочисленными, денежные обязательства были слишком хорошо известны и очень многочисленны. Открытое голосование сделало бы народ скопищем врагов и рабов.

Посулами пытались подкупить многих мошенников; немногие получили их голоса, но были и такие.

Выборы по жребию упразднили бы соперничество. Они, возможно, были бы уместны для муниципальных должностей, но нанесли бы ущерб той политической чести, которая заставляла бы уважать их. Они совершенно не подходят для судебных должностей, ибо важно, чтобы судьи знали свое дело.

Жребий хорош лишь в республике,³² там, где царит личная свобода.

Поскольку принцип избирательного права — суверенитет, любой закон, который может исказить это право, есть не что иное, как тирания. Право, которое присваивала себе местная администрация, переносить собрания за пределы той территории, где они должны собираться, есть тирания. Власть, которую присвоила себе администрация, посылать на народные собрания своих комиссаров или самим принимать в них участие есть тирания: они заставляют на этих собраниях умолкнуть свободу, каковая является их жизнью, и призывают к благопристойности и спокойствию, которые для них — смерть. Комиссар — слуга в народных собраниях; если он там заговорит, он должен быть наказан. В Афинах меч поражал чужестранцев, которые вмешивались в комиции; они нарушали право суверенитета.

Все, что является покушением на свободную конституцию — преступление; малейшее пятно чернит все ее тело. Нет ничего приятнее для слуха свободы, чем шумящая и крики в народном собрании: там пробуждаются великие души; там разоблачаются подлости; там достоинство блещет во всей своей силе; там все то, что ложно, отступает перед истиной.

Молчание комиций — это вялость общественного духа; народ там испорчен или мало печется о славе.

В Афинах был трибунал, который осуществлял наблюдение за выборами; это наблюдение во Франции осуществляется местными административными органами; не следует смешивать свободу выборов и качества, необходимые для избрания: первая проистекает из свободы, вторые из ее величия, первая есть суверенитет, вторые есть закон.

Закон отвергает чужестранца, ибо тот не может любить страну, с которой он не связан кровными интересами; негодяя, обесчестившего прах своего отца, отказавшись от права наследовать ему; несостоятельного должника, у которого более нет отечества; человека, не достигшего двадцати пяти лет, ибо душа его еще не возмужала;³³ того, кто не платит податей, соответствующих положению активного гражданина, потому что он живет подобно гражданину мира.

Цензура выборов ограничена проверкой этих качеств; она осуществляется над теми, кого избирают, но не над теми, кто избирает; выбор не испытывает насилия со стороны цензуры, он проверяется законом.

Глава VI

О природе аристократии

Кто-то сказал, что разделение людей на разряды противоречит смыслу той статьи прав человека, которая гласит: «Нет другого различия между людьми, кроме различия в добродетелях и талантах».³⁴ Можно было бы добавить, что добродетели и таланты нарушают естественное равенство, однако, подобно тому как ценность, которую им придают, относится к общественному соглашению, разделение людей на разряды относится к соглашению политическому.

Естественное равенство было нарушено в Риме, где, как рассказывает Дионисий Галикарнасский, народ разделили на сто девяносто три неравные центурии соответственно богатству, зажиточности, среднему достатку или бедности; каждая центурия располагала одним голосом, притом, что одни центурии были менее многочисленны, чем другие.

Естественное равенство сохранено во Франции: все в равной мере являются частью суверена благодаря обязательному для всех условию уплаты податей, которыми определяется право голосовать; неравенство существует лишь в управлении; все могут избирать, не все могут быть избраны; категория совершенно неимущих малочисленна; те, кто вовсе не платит податей, вовсе не являются никчемными; участь этой категории людей — независимость и соревнование, они пользуются общественными правами естественного равенства, безопасности и справедливости.

Если бы доступ к должностям не был ограничен условием внесения податей, конституция была бы народной и анархической; если бы это условие было жестким и единственным, аристократия выродилась бы в тиранию; законодатели должны были найти средний путь, который не лишал бы надежды бедность и сделал бесполезным богатство.

Неравенство, о котором мы говорили, нисколько не нарушает естественные права, оно касается только общественных притязаний.

Чтобы установить в республике естественное равенство, нужно поделить земли и стеснить промысел.

Если промысел свободен, он источник, из которого истекают политические права, и тогда существующее на деле неравенство порождает честолюбие, которое является добродетелью.

Говорили, что там, где власть не разделена, нет конституции; можно добавить, что там, где люди равны в общественном отношении, не может быть гармонии.

Естественное равенство привело бы общество в расстройство; не было бы ни власти, ни повиновения, народ бежал бы в пустыню.

Аристократия Франции, избранная и уполномоченная суверенной нацией, издает законы, которым нация повинуетя, а государь приводит их в исполнение; она определяет подати, провозглашает мир и объявляет войну; народ — подвластный монарх и свободный подданный.³⁵

Законодательная власть действует непрерывно, законодатели сменяются каждые два года. Подобно тому как присутствие и сила мысли постоянно необходимы, чтобы управлять поступками человека, так мудрость и твердость законодательной власти постоянно нужны для деятельности хорошего правительства; законодательная власть должна блюсти дух законов, в которых заключено благо для всех.

Когда обсуждался вопрос о том, на какой срок избирать представителей, было замечено, что за более длительный срок высказывались по большей части люди, находящиеся на подозрении. Против их мнения можно привести множество доводов; самый существенный из них тот, что привычка править делает нас недругами обязанностей. В истинно народной аристократии законодатели должны избираться и смещаться народом с мудрой осмотрительностью; их характер должен быть неколебим, иначе аристократия погибнет; они не обязаны отчетом в своих поступках, они не правят; в промежутках между запретом государя, приостанавливающим вступление закона в силу, и последующим актом законодательной мудрости закон остается бездейственным.

Глава VII

О принципе французской аристократии

Древние аристократии, принципом которых была война, должны были представлять собою замкнутый политический корпус, постоянный в своих начинаниях, сильный в совете, не зависящий от превратностей судьбы, такой, который держал бы в узде природную гордость народа, чтобы сохранить мир и покой внутри страны, и в то же время поддерживал в народе республиканскую гордость, делавшую народ неукротимым и отважным в борьбе с внешним врагом.

В той же мере, в какой этим прочным и бессменным объединениям людей было нетрудно следовать частным правилам, которые отнюдь не были закона-

ми, настолько же трудно периодически обновляющимся общинам Франции следовать по пути мудрости, если эта мудрость не есть сам закон.

Из этих рассуждений вытекает, что французская аристократия отнюдь не подходит для завоеваний, поскольку они требуют последовательности решений, каковая последовательность была бы нарушена сменой легислатур и различием их устремлений.

Аристократия поступит разумно, если возлюбит мир и не изменит своей сущности, каковая есть равенство и согласие внутри страны; если она когда-нибудь позволит себе соблазниться завоеваниями, она увидит, что все распадается; продолжительные усилия еще больше истощат ее; она потеряет внутри страны столько же, сколько выиграет вовне, и для конституции народа дерзкого и непостоянного победы окажутся не менее сокрушительными, чем поражения.³⁶

После того как римский народ покорил весь мир, он кончил тем, что подчинил себе сенат; когда он насытился, упоение собственным могуществом привело его к рабству.

Принцип французской аристократии — мир и покой.

Глава VIII

О природе монархии

Французская монархия — почти такая же, какой была первая монархия в Риме. Его цари издавали государственные указы, были опорой законов, начальствовали над армиями и ограничивались только исполнительной властью. Поэтому, как мы видим, свобода не претерпела ущерба и даже одолела эту монархию. Однако этот переворот произошел не столько от стремления к гражданской свободе, каким бы пылким оно ни было, сколько из-за того, что монарх вдруг пожелал обрести неподобающую ему власть над строгими законами, которые дали ему отпор. Франция установила монархию на основах справедливости, дабы монархия не получила чрезмерной власти.

Монарх отнюдь не царствует, какое бы значение ни придавать этому слову, он правит; трон в его доме наследственный, он неделим; в подобающем месте я остановлюсь на этом вопросе, а сейчас мы рассмотрим природу монархической власти.

Промежуточная инстанция власти в лице министров представляла бы опасность, если бы монарх был самодержцем; но промежуточной властью является сам монарх; он принимает законы от законодательного корпуса и обязан перед ним отчетом в их исполнении; он может отвергнуть только формулировку закона; все, что касается духа закона, он препоручает законодателям.

Утверждая законы, монарх не столько проявляет свою верховную власть, сколько неукоснительно выполняет то, что ему поручено верховной властью народа. То, каким образом монарх утверждает или отвергает закон, есть положительный закон, так что утверждение закона или отказ его утвердить суть применение закона, а не проявление произвола, способ придержать не-

зрелое установление, которое должно созреть, а не запрет, сущность монархии, а не власть короля. Действие королевского отказа прекращается, как только начнется следующая легислатура. С этой минуты народ возвращает себе всю полноту суверенитета и отменяет временный запрет монарха.

При смешанной форме правления все власти должны служить сдерживанию, всякая неоднородность есть гармония, всякое единообразие есть беспорядок.

Свобода должна иметь око, которое наблюдает даже за законодателем, и руку, которая его сдерживает. Эта истина должна быть особенно полезной в государстве, где исполнительная власть, никогда не сменяющаяся, является хранительницей законов и принципов, которые могли бы быть поколеблены неустойчивостью законодательства.

Французская монархия, незыблемая в конституции, постоянно изменяющаяся, не имеет сословий, посредствующих между нею и народом, но только магистратуры, назначаемые на два года.

Лишь прокуратура (*ministère public*) постоянно деятельна, потому что она непрерывно осуществляет цензуру над все время обновляющимися органами управления; поскольку все вокруг нее меняется, для должностных лиц она всегда остается новой.

Монархия взамен сословий, посредствовавших между нею и народом, через которые передавалась высшая воля, создала в стране своего рода иерархию, через которую законы передаются от законодательного органа к государю, от него в департаменты, оттуда в дистрикты, из дистриктов в кантоны, так что государство, подобное роскошной ниве, где процветают права человека, повсюду являет взору свободу, неотлучно пребывающую с народом, равенство подле богатых, справедливость — при слабых.

Вероятно, нравственную гармонию можно представить себе, лишь сравнив ее с порядком в мире физическом. Понаблюдайте, как прибывает вода во время прилива, охватывая все от моря и до ручейков, бегущих по полям, — и вы получите образ правительства, которое делает плодоносным все вокруг себя.

Все исходит от нации, все возвращается к ней и обогащает ее; все происходит от законодательной власти, все возвращается к ней и в ней очищается, и эти приливы и отливы суверенитета и законов соединяют и разделяют власти, бегущие друг от друга и стремящиеся воссоединиться. Дворянство и духовенство, бывшие прежде оплотом тирании, исчезли вместе с нею; первой более не существует, второе представляет собою лишь то, чем оно и должно быть.

В минувшие века конституция была исключительно волей одного человека и всемогуществом нескольких; общественным духом была любовь к суверену, потому что люди боялись сильных мира сего; общественное мнение было полно суеверий, потому что государство кишело монахами, вознесенными невежеством знатных и тупостью народа; когда народ перестал страшиться знати, которая за последний век пришла в упадок, и монахи утратили поддержку людей могущественных, чернь стала меньше почитать монашескую рясу, общественное мнение сошло на нет, за этим последовало падение нравов.

Если бы сокровища церкви отошли к казне до того, как общее мнение окончательно прозрело, духовенство восстало бы: тогда господствовали фанатизм и заблуждения. Ныне без всякого шума разорили храмы, монастыри; опустошили и разрушили места, которым поклонялись; передали в общественную сокровищницу сосуды, статуи святых, ковчеги, где покоились их мощи; монахов в некотором смысле разрешили от принесенного ими обета и упразднили монашеские обеты.³⁷ Духовенство отнюдь не подожгло небо; большинство священнослужителей восприняли весть о своей отставке как благодеяние свыше. Предрассудков теперь не было ни в миру, ни среди них самих; никто теперь не путал кадила с Богом. Все в этом мире относительно. Сам Бог и благостыня для слабого не более чем предрассудок; истина открывается лишь мудрому.

Когда кардинал де Ришелье поразил великих мира сего и монахов, коих ненавидели за кровь, пролитую в гражданских войнах, он стал деспотом, внушавшим всем страх; он подготовил, не думая об этом, народное государство, убил фанатизм, который после этого испустил лишь несколько последних вздохов, и нанес удар по религиозному сознанию, которое с тех пор непрерывно шло на убыль.

Когда фанатизм потерял свое влияние, духовенство придало ему другую внешность; Пор-Рояль схватился с Сорбонной;³⁸ никто не принимал всерьез эти раздоры, и все развлекались ими как зрелищем переворотов в царствах, которые уже не существовали.

Все заведомо было связано скрытой зависимостью, все стало зависеть только от тирана; мыслями людей владели страх и корысть; поэтому век этот был веком льстецов; в армии дворяне были более не нужны; деспотизм их боялся. Позднее Людовик XIV пожалел об этом и стал искать таких людей, чтобы похоронить себя вместе с ними под обломками монархии; но теперь он мог найти лишь рабов; все же тщеславие еще создавало героев; в следующем царствовании дворян восстановили в важных должностях, но было поздно, дворянство было развращено. Народ был завистлив, он презирал тех, кто над ним начальствовал, бедность заменила ему добродетели; и вот мы дошли до того времени, когда разразилась революция.

Монархия, лишившись дворянства, становится народной.

Глава IX

О принципах монархии

Быть может, в политике это парадокс, что монархия, которая не может одарить почестями, и престол, на который не избирают, как в Московии, и который не может быть передан другому лицу, как в Марокко, являются наследственной магистратурой,³⁹ еще более священной, чем сама империя.

Я сказал, что монархия не одаряет почестями, ибо источником их ныне является не монарх, но народ, который распределяет должности; все же монархия обладает определенным достоинством, ибо возбуждает рвение и усердие, предметом коих она является.

Я говорю о глубинной сущности монархии; она всегда будет пользоваться расположением народа, сколь бы ни склонялась к тирании, ибо народ всегда будет привержен к монархии, сколь бы он ни любил свободу.

У монархии не будет подданных, она назовет народ своими детьми, потому что общее мнение сделало бы деспотизм смешным, но у нее не будет иных детей, кроме подданных; народ будет свободен.

Ее свойством будет благожелательность, ибо она будет обязана лелеять свободу, признавать равенство, творить справедливость.

Она будет благоговейно соблюдать законы, чтобы ей не нужно было отступать от своей воли или подавлять волю всех других; она будет снисходительна, употребляя власть, и сурова, оберегая свободу.

Народ будет ее обожать, потому что сердце его будет убаюкано изнеженностью, а глаза ослеплены великолепием; однако его воображение сотворит себе призрака свободы; иллюзия станет отечеством.

Г л а в а X

О соответствии всех этих принципов

С первого взгляда я счел, как и многие другие, что принципы конституции Франции, будучи несовместимы по самой своей природе, по ходу дела окажутся непригодны и не смогут пребывать в единстве. Но когда я проник в замысел законодателей, то увидел, как из хаоса возникает порядок, стихии отделяются одна от другой и порождают жизнь.

Мир нашей мысли, где отдельная республика подобна семье в той же республике, постоянно являет нам противоречия, а иногда и странности настолько приметные, что они не могут быть ничем иным, как неким благом в великом замысле всеобщей конституции, подобно тому как в мире физическом частные несовершенства способствуют вселенской гармонии.

В узком круге, который охватывается душою человека, все ей представляется беспорядочным, как она сама, потому что она видит все отторженным от своего начала и своего конца.

Свобода, равенство, справедливость — необходимые начала того, что здорово и не развращено, все соглашения покоятся на них, как море в своих берегах и на своем дне.

Никто не предвидел, что демократия великой державы может породить свободу, что равенство может быть рождено аристократией, а справедливость — монархией; нация получила столько свободы, сколько нужно, чтобы стать суверенной; законодательная власть благодаря равенству стала народной, монарх сохранил власть, какая ему была нужна, чтобы быть справедливым. Как отрадно видеть, что все потекло в лоно монархического государства, каковое законодатели рассудительно избрали формой великого правления! Демократия учреждает, аристократия создает законы, монархия правит.

Все виды власти исходят из своих принципов и строятся на их незыблемой основе; свобода их породила, равенство их поддерживает, справедливость определяет их деятельность.

В Риме, в Афинах, в Карфагене власти были порой единственной магистратурой в государстве; тирания была совсем рядом со свободой; поэтому там устанавливали еще различные формы цензорского надзора; во Франции мудрость не глаголет устами властей, правят только законы; их полномочные представители ответственны друг перед другом, и все вместе перед общественным мнением, которое есть начало всех начал.

Глава XI

Общие соображения

При такой конституции, когда дух все время то воспламеняется, то охлаждает, можно опасаться, что какие-нибудь ловкие люди, стесняемые законами, подменяют собою общее мнение, изобилующее правилами, вселяющими надежду на безнаказанность.

«Мне надоело слушать разговоры о том, что Аристид справедлив», — сказал один здравомыслящий грек.

Особенно следует опасаться монарха; он подобен Богу, который поступает в соответствии со своими законами, но который, однако, может сотворить благо, какое захочет, но не может сотворить зла. Если монарх будет воителем, политиком, будет любим в народе — конституция окажется на краю пропасти: лучше чтобы нация была побеждена, чем чтобы монарх восторжествовал. Я пожелаю Франции побед в ее собственном лоне и поражений в борьбе с соседями.

Власти должны быть умеренными; законы — неотвратимыми; принципы — нерушимыми.

Глава XII

Об общественном мнении

Общественное мнение есть следствие принципов и их хранитель. Во всем сущем начало и конец смыкаются именно там, где они готовы расторгнуться. Различие между общественным духом и общественным мнением состоит в том, что первый формируется в соответствии с конституцией или порядком, а общественное мнение формируется общественным духом.

Конституцией Рима была свобода; общественным духом — добродетель; общественным мнением — завоевания. В Японии конституция (если можно применить этот термин) есть насилие; общественный дух — страх; общественное мнение — отчаяние. У народов Индии конституция есть покой; общественный дух — презрение к славе и к золоту; общественное мнение — беспечность.

Во Франции конституция есть свобода, равенство, справедливость; общественный дух — суверенитет, братство, безопасность; общественное мнение — Нация, Закон, Король.

Я показал, каковы истинные принципы конституции; я показал их соотношение между собой; я намерен рассмотреть соответствие конституции ее принципам и законам.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

О ГРАЖДАНСКОМ СОСТОЯНИИ ФРАНЦИИ, О ЕЕ ЗАКОНАХ И ОБ ИХ СООТВЕТСТВИИ КОНСТИТУЦИИ

Глава первая

Преамбула

Конституция есть начало и средоточие всех законов. Всякое установление, не исходящее из конституции, есть тирания. Вот почему законы гражданские, законы политические, законы о правах человека должны быть положительными и не оставлять места как для произвольных толкований, так и для человеческой самонадеянности.

Глава II

Как Национальное собрание Франции создало законы против роскоши

Ошибаются те, кто считает, что Национальное собрание было стеснено в своих действиях наличием государственного долга и было вынуждено ограничить свои законодательные устремления: все основные устои были заложены... Законы против роскоши, издать которые было столь опасно, явились сами собой; роскошь погибала от нищеты; реформы стали необходимы; уничтожение феодализма возвеличило сердца народа и повергло дворянство; народ, столь долго терпевший унижение, должен был приветствовать его падение. Государственный долг был предлогом для изъятия церковных имуществ;⁴⁰ на обломках тирании готовилось создание республики. Г-н де Монтескье это предвидел, когда говорил: «Отмените в монархии привилегии сеньоров, духовенства, дворянства, городов — и вы вскоре получите или народное государство, или деспотическое»;⁴¹ народное государство — если привилегии уничтожит народ, деспотическое — если этот удар будет нанесен монархом.

Рим стал свободным, но если бы туда вернулся Тарквиний, он навязал бы Риму гнет еще более тяжкий, чем Дионисий младший — локрийцам. То же и еще в большей степени можно было бы сказать о Франции, где не было бы добрых нравов, если бы в ней не стало законов.

Все могли восстанавливать и строить; однако общины выказали свою мудрость, прежде всего разрушая и уничтожая.

Нужно было найти верное соотношение между двумя крайностями, о которых говорил великий человек, чьи слова я приводил: «Вы получите или народное государство, или деспотическое». Величайшим свершением Национального собрания было то, что оно ограничило демократию.

Мы увидим, какую пользу оно извлекло из того, что я назвал законами против роскоши; как его установления в этом вопросе были согласны с природою; как сила и энергия новых законов сокрушили порочность прежних зако-

нов; как нравы, правила поведения людей и даже самые неискоренимые предрассудки заговорили голосом свободы.

При первом и втором римских императорах сенат пожелал восстановить древние законы против роскоши, созданные добродетелью; это оказалось неосуществимым потому, что уже установилась монархия, потому, что богатая империя утопала в наслаждениях, упивалась благоденствием и славой; с какой стати народ стал бы искать иные наслаждения, иное благоденствие, иную славу — в умеренном достатке? Мир был завоеван, и люди полагали, что добродетель им более не нужна.

Бедность настолько враждебна монархии, что, хотя французскую монархию она обессилила, роскошь, однако, достигла своей вершины, и нужно было, чтобы позор и бессилие привели к реформе, подобно тому, как распутство влечет за собой распутство и, наконец, приводит к гибели. Меры были приняты мягкие: провели реформу сословий и администрации, вместо того чтобы затронуть ею частных лиц.

Отняв у знатных пенсии, милости, почетные должности, удовлетворили завистливую чернь, которая, будучи тщеславной еще более, нежели корыстной, поначалу вовсе не увидела, а затем не смогла или не посмела сетовать на то, что, лишив роскоши знать, закрыли ее источник для нее самой. От того места, куда пришли, было много дальше до того, откуда вышли, чем до того, куда направлялись; тело было слишком тяжело, чтобы повернуть вспять.

Ликург отлично понимал, что его законы трудно ввести, но если они однажды укоренятся, корни их уйдут глубоко; все это известно. Он передал власть над Лакедемоном сыну своего брата и, когда убедился, что из уважения, которое он, Ликург, внушает, его законы будут соблюдаться до его возвращения из Дельф, отправился в изгнание; в Лакедемон он больше не вернулся и наказал, чтобы кости его были брошены в море. Лакедемон хранил его законы и процветал долгое время.

Из всего этого можно сделать вывод, что если законодатель сделал мудрую уступку порокам своего народа и заставил служить народу те добродетели, которые у того имелись, он сделал все, что нужно. Ликург утвердил чистоту, оскорбив стыдливость, и устремил общественный дух к войне, ибо тот был свирепым.

Законодатели Франции подавили отнюдь не роскошь, которую в народе любили, но людей, предававшихся роскошной жизни, которых не любили; законодатели выглядели не нападающими на зло, но стремящимися к добру.

Главная причина их успехов на этом поприще в том, что все люди презирали друг друга; чернь гнушалась чернью, знатные смеялись над знатными; все почувствовали себя отмщенными.

Глава III

О гражданских нравах

Нравы есть отношения, которые природа установила между людьми; они включают в себя сыновнюю почтительность, любовь и дружбу. Нравы в обще-

стве есть те же самые отношения, но искаженные. Сыновняя почтительность есть страх; любовь — волокитство; дружба — фамильярность.

Свободная конституция хороша в той мере, в какой она приближает нравы к их исконному состоянию, когда родители нежно любимы, когда любовное чувство чисто, а узы дружбы искренни. Но только у мудро управляемых народов можно найти примеры таких добродетелей, которые требуют от людей всех душевных сил и всей искренности их природы. При тиранических правлениях изобилуют неблагодарные сыновья, неверные супруги, лжедрузья; я могу сослаться на историю любого народа. Я намерен говорить здесь лишь о Франции; можно сказать, что в ее гражданских нравах нет ни добродетелей, ни пороков, они все сводятся к благопристойности: сыновняя почтительность — к знакам уважения, любовь — к брачным узам, дружба — к развлечениям; а все вместе — к корысти.

Существуют нравы другого рода, частные нравы, являющие картину настолько плачевную, что порою перо отказывается их описывать; они есть неизбежное порождение человеческого общества и происходят от разгула самолюбия и страстей. Вопли обличителей не перестают их преследовать, не достигая цели; изображая их, способствуют лишь усугублению их порчи. Эти нравы часто прячутся под прикрытием добродетели, и все искусство законов направлено к тому, чтобы беспрестанно загонять их под это прикрытия. Вот что осталось нам от священных заветов природы, цивилизованную тень которых мы еще сможем увидеть. Природа покинула сердца людей и укрылась в их воображении; однако, если конституция хороша, она укрощает нравы и обращает их себе на пользу, подобно тому как могучий организм может питать себя дурною пищей.

Законы, относящиеся к собственности, завещаниям, опекунству, есть основы сыновней почтительности. Законы об общем имуществе супругов, о дарственных, о приданом, о наследстве, оставляемом после смерти мужа, о разделах имущества, о разводах есть основа брачных уз; договоры и контракты есть основа гражданского состояния или тех его общественных связей, которые называют интересами, выгодой; вот что осталось от дружбы, от доверия; благодаря насилию, осуществляемому законами, можно обойтись без добропорядочных людей.

Гражданские законы Франции покажутся замечательными всякому, кто способен вникнуть в то, какие средства опущены природой человеческому разуму, — настолько он бесконечен, безграничен, неисчерпаем. Мудрость установила вечные основания французских законов под различными условиями общественного договора; большинство законов почерпнуто из римского права, то есть из самого чистого источника, какой когда-либо существовал. Прискорбно лишь то, что наши самые нежные и глубокие чувства законы провозглашают нашим долгом, исполнение коего сулит выгоду, и что нет у законов иного принципа, кроме алчной собственности.

Действительно, гражданское право есть система собственности. Можно ли поверить, что человек настолько удалился от того чудесного бескорыстия, которое, как кажется, является общественным законом природы, настолько, чтобы возвеличить жалкую собственность, дав ей имя естественного закона?

Нам дано лишь временное существование под этим небом; разве не научила нас смерть, что земля не только не принадлежит нам, но, напротив, наш жалкий прах принадлежит ей? Однако к чему повторять бесполезную людям мораль, если только круги их падения не приведут их назад к природе? Я не склонен тешить себя грезами; я хочу сказать, что земля оказалась поделенной между человеческими существами после смерти их общей матери и что на страже собственности стоят законы, которые могут быть исполнены мудрости, которые препятствуют распространению порчи и не дают злу превзойти само себя. Забвение этих законов породило феодализм, когда их вспомнили, феодализм был сокрушен; его развалины погребли под собою рабство, его погибель вернула человека к себе самому, а народ к законам.

Глава IV

О феодальном режиме

Уничтожение феодальных порядков лишило силы половину законов, ту, что позорила другую их половину. Если бы не было так мучительно терзать себя гневом против зла, коего больше нет, я разоблачил бы эти мерзости, которые являли в наши времена пример рабства, неизвестного даже древности, опирающегося на религиозную мораль и ставшего слепым культом.

Я давно спрашивал себя, почему Франция не выжгла эти отвратительные злоупотребления с корнями вместе; почему свободный народ платил сеньорам налог на передачу имущества; почему реальные права остались подлежащими выкупу.⁴² Я не мог заставить себя поверить, что наши мудрые законодатели могли здесь ошибиться; я предпочел поверить, что налоги на продажу и наследование имущества, поступавшие сеньору, были сохранены для того, чтобы облегчить распродажу национальных имуществ, которые по природе своей свободны от этих поборов; что они были сохранены, чтобы не вызвать переворота в общественном положении, чтобы все не кинулось продавать и покупать; я предпочел бы сказать, наконец, что реальные права подлежали выкупу потому, что зло с течением лет стало сводом правил, который нужно было разрушать постепенно, развалить же сразу было бы губительно.

Свобода всегда стóит недорого, когда она оплачена лишь деньгами. Общины во Франции бережно отнеслись ко всему, что носило характер реальной собственности. Это была сфера, понятная людям нынешнего времени. В былые времена дворяне сказали бы: возьмите все, оставьте нам уста и шпоры; ныне кровь дворян охладилась настолько, что сами они рассматривали дворянское достоинство лишь как право взимать дорожную и мостовую пошлину; о своих предках они вспоминали лишь в застолье — а народ уважал лишь зависимые фьефы.⁴³ Право дорожных поборов было упразднено, остались лишь обсаженные деревьями аллеи;⁴⁴ отменены почести, с тщеславия были сорваны одежды, и оно осталось нагим; однако имущественный интерес пощадили, и это хорошо: собственность делает человека рачительным; она привязывает неблагодарные сердца к отечеству. Почетные права и преимущества, когда они утрачивают свою привлекательность в сфере политических нра-

вов, порожденных суетой и тщеславием, делают мелкие души надменными и злыми. Поскольку знаменитый декрет, уничтоживший феодальный режим, не предписывал земледельцам отказаться от своих владений, то записей в соответствующих книгах и уставных грамотах и просто традиции достаточно, чтобы подтвердить ценз; не захотели ни нарушать права законных владельцев, ни покрывать лиц, незаконно овладевших тем, что им не принадлежало.⁴⁵

Глава V

О дворянстве

Различиями между сословиями определялись политические нравы. Участь первых определила участь вторых. Знаменитый декрет о наследственном дворянстве⁴⁶ оздоровил дух общества и полностью ниспроверг ложное достоинство монархии. Остались неприкосновенными лишь несколько светлых имен: д'Асса, Шамбор, Ламет, Люкнер; и славные имена мертвых героев не чернятся больше низостями и недостойными поступками живых. Можно сказать, что почти все дворянство, предававшееся изнеженности и наслаждениям, не имело ни предков, ни потомства; оно потешалось над своими устоями, от них оставалась лишь тень, которая исчезла при свете дня.

Если рабство было преступлением во все времена и при любых нравах, то все же можно было бы указать, что тирания у наших предков обнаруживала и добродетели; среди деспотов попадались милосердные и великодушные. В наши дни мы видим только жестоких сластолюбцев; от крови их предков в их жилах сохранилась лишь вода.

Древняя слава померкла. Какую поддержку могло ожидать отечество от изжившей себя гордости, которая сожалела только об утраченном богатстве и сладости владычества? Кто больше достоин восхищения — народ, сделавший все, чтобы обрести свободу, или аристократия, не осмелившаяся сделать ничего ради спасения своей гордости? Зло созрело, оно упало; скажем прямо, дворянство было предоставлено себе самому, а церковь — ее Богу.

Закон огнюдь не изгнал возвышенную добродетель; он потребовал, чтобы каждый поднимался к ней сам, лично и чтобы слава наших предков не делала нас беспечными в отношении наших личных добродетелей.

Представление, что честь передается по наследству, — бессмыслица. Если слава, которую мы заслужили сами, осеняет нас лишь посмертно, почему же те, кто получил ее в наследство, могут дерзко наслаждаться ею всю свою праздную жизнь?

Глава VI

О воспитании

Когда я пишу эти строки, Франция не издала еще законов о воспитании, но они несомненно вырастут из древа прав человека. Поэтому я могу сказать

лишь коротко: воспитание во Франции должно учить скромности, политике и воинскому ремеслу.

Глава VII

О молодежи и о любви

Великие законодатели отличались особой смелостью в своих установлениях, относившихся к стыдливости; упаси Бог, чтобы я пожелал ввести гимнастику, как у древних; суровая религия, которую ныне исповедует Европа, не позволяет ввести такого рода законы. Я только сожалею о том, что они кажутся нам столь странными и что мы стеснительны лишь потому, что испорчены.

Древность изобиловала установлениями, похожими на сумасбродства, но они говорят о ее любезной сердцу простоте.

Стыдливость стала вгонять в краску лишь после того, как сердце перестало быть невинным, а правление стало слабым; нигде женщины не бывают столь скромными и столь пылкими в любви, как в государствах, где правит тирания. Насколько трогательнее была непосредственность греческих дев! Все добродетели древних превратились у нас в правила приличия, и чего стоит вся наша цивилизованность!

Современное воспитание придает девушкам лоск и преждевременно их старит, оно их приукрашивает и приучает к скрытности; поскольку оно не может подавить природу, а только искажает ее, она становится порочной и затаивается; отсюда прискорбные наклонности, которые портят нравы, и неразумные замужества, доставляющие столько хлопот законам.

Франция должна испытывать зависть к соседнему народу из-за его счастливого темперамента, который позволяет не считать неравные браки постыдными; этого, конечно, недостаточно: нужно было бы, чтобы они считались почетными. Правда, невозмутимость людей, живущих в подобном климате, их безудержная склонность к любви, известное высокомерие, побуждающее их пренебрегать своим долгом, все это в большей мере, чем добродетель, является причиной упомянутого выше обычая. На чем бы он ни основывался, он благоприятствует свободе; он мстит за поруганную природу, подобно закону критян, который вернулся к естественному закону, разрешив восстание и своеволие.⁴⁷

Глава VIII

О разводе

В Риме был обычай, недостойный его добродетели, — репудиация;⁴⁸ этот обычай кажется нашему уму чем-то более возмутительным, чем даже развод. Последний представляется поступком, как бы исходящим от общей воли, тогда как первое воля одного. Правда, случаи, когда допускалась репудиация, были точно определены, и законы эти, благодаря тому что нравственность об-

щества была крепка, служили укреплению нравов; однако подобные установления вскоре развратили бы такие народы, где царит беспутство.

Что думали те, кто хотел допустить разводы во Франции, и в чем состояло их заблуждение? Об этих вещах ныне не говорят. Равным образом прекращение сожителства без расторжения брака⁴⁹ — бесчестье, порочащее достоинство общественного договора: «Что отвечу я твоим детям, когда они спросят меня, где их мать?».

Чем частные нравы распущенной, тем важнее, чтобы благодетельные и человеческие законы боролись против их беспутства. Добродетель не должна давать людям распускаться в частной жизни.

Нет такой причины, которая могла бы оправдать клятвопреступление, совершаемое супругами, когда они расстаются; когда в церкви произносились обеты, было установлено, что даже сам Бог не может развязать священные узы и супруги не могут самовольно отойти от подножия алтаря; эти узы нерасторжимы, как те, что связывают брата и сестру, сказал Феофилакт; каковы бы ни были исповедания и верования, клятва быть вместе есть сам Бог; иудей или мусульманин, обращенные в христианство, не могут оправдать своим обращением разрыв уз, которыми они связали себя; первоначальный договор нерасторжим, и обращение не только наносит ему ущерб, но является прямой изменой ему.

Народы, у которых развод осуществляется беспрепятственно, либо чудовища, либо чудо добродетели; те, кто допускает прекращение сожителства, издеваются над сущностью клятвы. Почему вы говорите о прекращении сожителства, если не оставляете друг друга?

Этот акт оскорбляет не только природу, но и добродетель; чаще всего так поступают, чтобы обмануть своих заимодавцев.⁵⁰

Глава IX

О тайных браках

Ложное понимание чести в монархическом государстве породило тайные браки; это было также пороком Римской республики, где суровое высокомерие сословий не допускало межсословные браки. В Риме было множество опасных законов, которым предстояло погубить его, после того как они его возвысили. Не Цезарь поработил свое отечество, просто законы пришли в упадок, и Рим быстрыми шагами шел к монархии.

Во времена заката империи появился знаменитый закон «*movetur diuturnitate et numero liberorum*»;⁵¹ сколь бы прекрасным и возвышенным он ни был сам по себе, он оказался бесполезным; истинное достоинство в нем не нуждалось, он лишь поощрял зло.

Тайные браки не должны влечь за собой гражданских последствий ни в монархии, ни в республике: законы не могут допускать ничего скрытного; разоблачите смехотворную честь и безудержную корысть — и не будет нужды в суровых законах.

В деспотических государствах чести нет вовсе, поэтому там не знают тайных браков; это — несчастье, присущее рабству; есть и свободные государства, которые хорошо с этим знакомы; тогда это — бедствие, присущее свободе.

Глава X

О неверности супругов

Говорили, что природная зависимость женщины делает неверную жену более виновной, чем неверный муж; я отнюдь не хочу немедленно заняться рассмотрением вопроса, природная ли это зависимость, или она порождена общественными условиями; я прошу только, чтобы над этим поразмыслили; но я хочу, чтобы мне раз и навсегда разъяснили, почему муж, подбрасывающий своих незаконно прижитых детей в дом какого-нибудь другого человека или нескольких других людей, менее преступен, чем жена, которая может принести только одного такого ребенка в свой собственный дом. Между супругами существует договор (о гражданском договоре я не говорю). Этот договор несостоятелен, если одна из сторон при этом проигрывает. Говорить, что неверный муж ни в чем не повинен, — значит утверждать, будто в этом договоре он оговорил для себя привилегию быть дурным; итак, договор несостоятелен в его естественном основании, и то же — в его политическом основании, потому что свобода в этом отношении нарушает договор, заключенный третьим лицом, что наносит ущерб общественному соглашению. Те, кто издаст законы против жен, но не против их супругов, должны были бы также постановить, что преступником является не убийца, а жертва; однако все это относится к нравам. О вы, кто издает законы, вы за них в ответе; добрые нравы делают государства многолюдными.

Глава XI

О незаконнорожденных

Всякая добродетельная отчизна должна стать матерью обездоленным, кому стыд и бесчестье отказали в молоке и в естественных ласках; для оставшегося сиротою найдутся руки, которые его воспитывают и которые он целует; иногда ему говорят о его матери, чьи черты сохранило искусство. Незаконнорожденный, в тысячу раз более несчастный, чем сирота, ищет себя в целом мире; всех, кого он видит, он вопрошает о тайне своего рождения; а поскольку юность его обычно напоена горечью, несчастье делает его в более позднем возрасте настойчивым и изворотливым.

Кто может вызвать большее сочувствие, чем этот несчастный человек, чье происхождение мы не знаем? Если существует на свете религиозное сострадание и гостеприимство, так это именно те, что принимают посланного им природой; это — самое возвышенное благодеяние, какое может быть оказано в этом мире. Такой человек более всех обездолен. Он потерян для сердца своей матери.

Девушка, совращенная своей слабостью, нисколько не повинна перед законами своей страны; лишь законы виновны по отношению к ней. Предрассудок ее бесчестит, но она всего лишь несчастна.

Законы виноваты также и по отношению к незаконнорожденному, они преследуют обездоленного, которого должны были бы утешить.⁵²

Чем более испорчены нравы, тем суровее общественное мнение; хорошая конституция истребляет предрассудки и исцеляет нравы.

Законы бессильны там, где гражданские нравы подвергаются насилию со стороны тирании.

Глава XII

О женщинах

У народов действительно свободных женщины свободны и окружены любовью, и ведут жизнь такую тихую и приятную, какой заслуживает их вызывающая сочувствие слабость. Живя в столице, я не раз говорил себе: Увы! В нашем порабощенном народе нет ни одной счастливой женщины, и искусство, с каким они холят свою красоту, лишь показывает, до какой степени наша низость заставила отойти от природы; ибо по скромности жены узнается нравственная чистота ее супруга. В нашем народе, рассудочном и ветреном, все любили только себя, поскольку презирали других и себя тоже; все носили в себе лживое сердце под горностаевым мехом и шелком, и даже ласки супругов были притворны.

Через двадцать лет я несомненно увижу с радостью, как наш народ, который ныне обретет свободу, станет мало-помалу обретать и добрые нравы.

Наши дети, быть может, будут стыдиться при мысли об изнеженности своих отцов. Они не будут столь расслабленны, как мы, распутством и праздностью, их страсти будут не такими грубыми, как наши, потому что в теле, ослабленном пороком, душа всегда черства.

Когда люди лишаются отечества, они вскоре становятся негодьями; принужденные любой ценой преследовать ускользающее от нас счастье, мы меняем свои взгляды и находим его в преступлении.

О законодатели! Дайте нам такие законы, которые заставили бы нас полюбить их. Безразличие к отечеству и любовь к самому себе — источник всякого зла; безразличие к самому себе и любовь к отечеству — источник всякого блага.

Глава XIII

О зрелищах

В этом искусстве греки были наиболее сведущими в мире людьми; у них это искусство было детищем свободы; в Риме его признали лишь после того, как там наступил упадок нравов, когда проконсулы, полководцы прибывали в Рим, нагруженные добычей со всего света. Римская свобода задохнулась в золоте и наслаждениях.

Богатые люди в Греции тоже расточали свои сокровища на игры, зрелища; закон, который принуждал их к этому, был благодетелен для греческой аристократии, он препятствовал ей сеять смуту в государстве; однако невиданные зрелища, совершенствуя искусства, погубили законы; общеизвестно, какова была участь Афин.

Франция, находящаяся ныне в совсем ином состоянии, чем некогда греки, когда-нибудь должна стать самой торговой и самой изнеженной страной в мире.

Она знакома с театральными представлениями так же, как и другие народы нашего континента; однако они оказывают очень мало влияния на характер общества; туда идут, скучая, а уходят, досадуя; свобода театров приведет к забвению великих произведений древности.

Глава XIV

О дуэли

Дуэль — не предрассудок, а манера поведения; предрассудок — порок конституции, поведение — порок общественного духа. Предрассудки порождены извращением принципа: святошами становятся, утратив набожность, фанатичными — после того как стали святошами, тщеславными — потеряв честь. Предрассудком здесь является ложная честь, в которую выродилась рыцарская доблесть; дуэль — слепой обычай; то ей достаточно капли крови, то ей требуется жизнь; вызвавшие ее чувства сменяются сожалением и состраданием; душевный порыв проходит, предрассудок остается.

Сколь бы ни были суровы всевозможные законы, направленные против дуэлей, они будут только плодить убийц. Против дуэли пусть издадут такие законы, которые принесут людям новое сознание — и предрассудка не станет, дуэль отомрет.

Дуэль — детище деспотизма и свободы; когда они сочетаются, первый искажает законы, вторая портит людей, и споры их разрешает насилие. Много веков французские короли издавали устрашающие указы против этого зла; они достигли лишь того, что разожгли его, вместо того чтобы угасить; это были несправедливые законы; они препятствовали отмщению, но не препятствовали несправедливости; никто, однако, не помышлял воспрепятствовать тирании; всего лишь заставили забияк действовать скрытно и, поскольку ложная честь продолжала существовать, сама добродетель бывала вынуждена забывать о себе, оказавшись между душегубом и палачом, между стыдом и бесчестьем. Всякое добро исходит от того, что законы хороши, всякое зло — от их извращения.

Бессилие указов было таково, что осужденные, бывало, требовали удовлетворения у своих судей и с ними дрались; судья, который отказался бы от поединка, почитался бы обесчещенным; так должно было быть, ибо закон был плох; он выносил приговор шпаге, но не бесчестил руку.

В том, что касалось дуэлей, неприкосновенность представителей нации была воображаемой; все постановления, какие только можно было придумать

против этого дурного обычая, казались удобным предложением для трусости, если вспыхивала ссора. Дуэль г.г. Кастри и Ламета поистине взбудоражила весь Париж, однако вовсе не ошибаются те, кто полагает, что народ опасался потерять своих защитников.

Если конституция прочна, дуэль изживет себя. Пороки возникают от слабости; они погибают вместе с нею, но исправлены быть не могут.

Глава XV

О поведении людей

Характер французов не изменился после того, как они добились свободы, но поведение их изменилось. Поскольку в прежние времена бедность считалась непростительной, роскошь стремилась превзойти самое себя и превратилась в никчемную и яростную страсть. После революции, когда подати стали чрезмерными и, можно сказать, священными, равенство возросло от бедности и простота стала проистекать от гордыни.

Так как исконная насмешливость французского народа сохранилась, тирания представляется теперь чем-то забавным, свобода — шуткою, остроумие — добродетелью.

Было много краснобаев, потому что остроты ума было больше, чем здравомыслия; ум стал свободным, сердце — нет.

Учтивость преисполнилась чувства, люди теперь не кланялись друг другу, а обнимались.

Было много людей, устремленных к добру, и пылких умов; свобода была скорее страстью, нежели чувством и убеждением; друзья отечества создавали общества, где главенствовал наиболее искусный и талантливый. Общество якобинцев стало самым знаменитым. В нем состояли четыре поистине великих человека, о которых когда-нибудь заговорят; сейчас ничто еще не созрело.

Глава XVI

О линейных войсках

Природа линейных войск — рабство; какой честности можно ожидать от людей, которые дают себя убивать за деньги? Солдат — поистине раб, а вооруженный раб хорош лишь у воинственного народа.

Когда Германия и Египет перестали быть завоевателями, рабы завоевали себе свободу и разметали все законы.

Солдатская разнузданность портит нравы свободного народа. Однако поскольку не существует такого порока, который искусство законодателя, если он не тиран, не могло бы подчинить свободе, возможно, армия станет школой добродетели и основой воспитания.

Упраздните и верните нивам эту неисчислимую толпу людей на жалованьи у законов (пользуясь выражением бессмертного Руссо); пусть молодежь, вместо того чтобы растрчивать свою жизнь в наслаждениях и празд-

ном пороке столиц, ожидает, служа в армии, времени, когда наступит совершеннолетие; пусть права гражданина получают лишь после четырех лет воинской службы — и вы вскоре увидите, что молодежь станет более серьезной и что ее любовь к отечеству станет гражданской страстью. Нравы и обычаи у свободного народа проистекают от законов; при монархии — от государя; при деспотизме — от религии; вот почему в первом случае все служит свободе; во втором — все ищет взоров и поддержки монарха; в третьем — все держится на суеверии.

Глава XVII

О национальной гвардии

В разгар анархии, среди буйства свободы, это опасное установление все успокоило; народ связал себя собственными руками, сам себя обуздал; из смуты родился порядок; люди научились взаимному уважению, так как на каждом шагу попадали в зависимость друг от друга; внезапно нагрянувшие ужасные события оказались полезны, они сформировали общественный дух, дали силу переносить тяготы быть под ружьем и утомительность сторожевой службы. Каждый стал хранителем и носителем закона, и не осталось никого, кто стал бы его нарушать; с одной стороны, народ почувствовал свое достоинство и стал великодушным; с другой — он познал свою силу и ничего не страшился.

Некоторые пророчили, что народ вскоре устанет нести столь тяжкие труды; с таким же основанием можно было сказать, что он устанет от своей гордости; гораздо больше нужно было страшиться того, что он вовсе не утихомирится. Его гораздо чаще нужно было удерживать, чем побуждать. Вскоре армию подчинили гражданскому руководству; не случись этого, общественное мнение прониклось бы воинственным духом и гражданская администрация стала бы кровавой. Мне встречались люди, негодовавшие на то, что гражданская гвардия якобы унизила себя, принимая участие во взыскании податей; это были остатки прежних воззрений, считавших позором установленные деспотизмом преступные налоги. Обеспечение сбора податей, если они были свободно всеми одобрены, — это знак суверенитета, которым прежде обладал монарх. Когда приказывает отечество, ничто не постыдно. Солдат свободного государства более велик, чем визирь деспота.

Какая нужна была прозорливость, чтобы сделать подданных монархии добродетельными и создать общественное мнение, которое сочетало бы силу и верность принципам! В этом, несомненно, вершина искусства и разумная причина того спокойствия, которое наступило после восстания.

Глава XVIII

О религии французов и о теократии⁵³

Если бы Христос воскрес в Испании, он был бы снова распят духовенством, как смутьян и коварный человек, который, путив в ход такие приман-

ки, как смирение и милосердие, замыслил низвергнуть Евангелие и государство. В самом деле, этот законодатель нанес удар Римской империи. Царству добродетели, терпения, бедности предстояло одолеть гордыню монархии, исправив ее нравы.

Давайте рассмотрим дух христианской религии с тех времен, как Церковь вызвала распад Римской империи, в различных государствах, которые суть не что иное, как обломки империи. Страны, где Евангелие сохранилось в чистоте, стали республиками; вот почему территория Италии, которая была центром религиозного законоучения, оказалась занята республиками, вот почему суровые народы вернули себе свободу.

Христианство не достигло больших успехов на Востоке, в Азии, в Африке и в других краях, ибо климат тамошний препятствовал духу свободы и способствовал монархии. Народы, живущие свободными, исповедуют более простую религиозную мораль, чем надменные народы, живущие под ярмом единоличного властителя; у первых духовенство не окружено пышностью, но оно строго исполняет свой долг, учение там просто, а обряды — скромны; у вторых духовенство принимает участие в управлении и принципы смирения подчиняет принципам политики; учение становится несвязным, тираническим, обряды — мистическими и непонятными.

Испанцы последними в Европе завоюют свободу, потому что в их религии более всего гордыни; по той же причине Англия сбросила с себя тиранию скорее и легче, чем другие страны, ибо климат здесь мало подходит для суеверия и для чванства священников.

Утверждали, что христианство несовместимо с общественным состоянием; но это говорили лишь те, кто путал Евангелие с толкованиями духовенства. Презрение к мирской суете, прощение оскорблений, безразличие к рабству и к свободе, покорность гнету людскому под предлогом, что это — десница Божия, тяготеющая над нами, все это не Евангелие, но его теократическое искажение. Евангелие стремилось лишь наставить человека и не затрагивало гражданина, и добродетели, которым учит Евангелие, — это добродетели частного человека, тогда как рабство сделало их политическими.

То, что следует повиноваться властям, не означает, что нужно повиноваться тиранам, но лишь законам, изданным верховной властью; то, что нужно прощать зло, вовсе не означает, что нужно быть безразличным к отечеству и прощать врагам, которые его разоряют; нужно прощать нашим братьям то, что наносит ущерб нам лично, но не то, что наносит ущерб законам общественного договора; простирает столь далеко принцип любви к ближнему — значит превращать человека в скотину, чтобы поработить его именем Бога.

В руках тиранов Евангелие определяет общественную жизнь, в свободном обществе оно определяет лишь частную жизнь, и частная жизнь является основой добродетели. Поэтому, так же как при рабстве, религия выше священников, потому что при рабстве они притязают представлять суверенитет Божества, который столь же подлежит передаче, как и суверенитет земной; в республике религия выше священнослужителей, поскольку цель соответствует ее принципам, и потому суверенитет Божества не представлен, но олицетворяется суверенитетом нации, который есть целое.

Напрасно нападают на еврейских первосвященников, на наместников Иисуса Христа и их власть; ничто не оправдывает тиранов, и суверенитет наций столь же незыблем и неотъемлем, как незыблема и неотъемлема власть Верховного существа, хотя она и была узурпирована.

Я говорил о культе, о духовенстве, я должен был сказать и о религии; если я где-нибудь в этой книге напишу, что трон и алтарь неколебимы, когда они объединены, — я буду иметь в виду теократическое государство, а не республику. Именно тогда я покажу, может ли сообщество духовных лиц занять место суверена и притязать на владычество.

Предоставляю читателю подумать о приложении этих принципов к католической, апостольской и римской религии французов.

Глава XIX

О религии духовенства

Древние вовсе не знали религиозных законов, их культ был суеверным и политическим. Греция была свидетельницей лишь одного проявления фанатизма, да и тогда это была хитроумная уловка Филиппа, когда он повел фиванцев и фессалийцев против фокийцев, дабы отмстить оскорбление, якобы нанесенное теми Аполлону.⁵⁴

Первые римляне, первые греки, первые египтяне были христианами. У них были добрые нравы, и они были милосердны, а это и есть христианство. Те, кого называли христианами после Константина, были по большей части дикарями или безумцами.

Фанатизм порожден господством европейских священников. Народ, одолевший свое суеверие, свершил очень многое для своей свободы; однако он должен старательно остерегаться искажения религиозной морали; она есть основной закон добродетели.

Франция не уничтожила свою церковь, но она отшлифовала ее камни. Она прислушалась к биению пульса общественных страстей и отбросила только то, что рушилось само по себе. Богословские тонкости епископов казались, да и в самом деле были всего лишь софистикой, потому что условия изменились и священнослужители опирались на форму, а не на вечные истины.

Священников обязали давать присягу — это сделало духовенство гражданским — но поступили очень правильно, не налагая за отказ от присяги иного наказания, кроме лишения церковных доходов;⁵⁵ благодаря этому фанатик был принужден либо питаться кореньями, либо выказать свою алчность. Управление церковью стало выборным; если бы назначения раздавались как милости, то порождения лести удушили бы истину.

Так пала ужасная теократия, выпившая столько крови. Так Бог и истина освободились от ярма своих жрецов.

Г л а в а X X

Новшества в культе у французов

Сколь бы ни было велико почтение, коего заслуживает с нашей стороны благочестие наших отцов, каково бы ни было беспредельное величие Бога и достоинство его церкви, земля по справедливости принадлежит людям, которые на ней трудятся, а священники подчиняются законам мира. Эта истина исходит от предвечного Бога; это разумная гармония; ее может нарушить лишь то, что дурно по самой своей природе, но не то, что дурно по отношению к существовавшему ранее порядку.

Законы Франции не изменили ни положения, ни назначения священников, ни культа, ни религиозной нравственности; они ничего не изменили в возможной разумной гармонии, они изменили только способ достижения тех же целей.

То же относится ко всем прочим законам, которые могут быть отменены, если это ведет к благу и если с течением времени они перестали содействовать нравственному порядку. Священно только то, что во благо; то, что перестало служить благу, более не священно; абсолютна только истина.

Бог даровал евреям дурные законы; они были относительными и оставались нерушимыми лишь постольку, поскольку дурными были сами евреи; они были благом для неблагодарных; они стали бы злом для святых; всякий путь, ведущий к порядку, чист; всякий путь, который не отвращает от мудрости, — чист и ведет к Богу.

Сколько человеческой ограниченности в речах благочестивых слепцов, которые ищут Бога вне гармонии, которые превращают Его в основное начало бесконечного беспорядка! Бог не смешивает ни времена, ни людей; его мудрость видоизменяет свои наставления; она неизменна посреди перемен и всегда проницает насквозь.

Национальное собрание отказалось объявить католическое вероисповедание государственным и поступило правильно; это был бы закон фанатизма, который погубил бы все; однако я прошу подумать над тем, с какою мудростью закон утвердился сам собою; только католическая церковь включает в себя как общественных священнослужителей, так и епископат; закон, дающий протестантам гражданское право избирать на церковные должности, наносит ущерб их вероисповеданию, вместо того чтобы вредить нашему.

Г л а в а X X I

О монахах

Одна из причин, затрудняющих проникновение в Индию, — это множество браминов; ритуалы опутывают цепями большинство этих несчастных народов. Страх долгое время терзал Европу. Опустошения, принесенные невежеством после падения Римской империи, были огромны; за это должно винить монахов и их нелепый образ жизни; это учреждение, возникшее из стра-

ха, внушаемого вероучением, поколебало все законы и создало стоические добродетели, бесполезные в мире. Небесная жизнь, которую вели на Земле, постепенно взрастила фанатизм, который впоследствии оказался пагубным для монархии.

По мере того как монахов почитали все меньше и все меньше верили в их святость, меньше становилось и религиозных войн в европейских странах. Свирепые добродетели порождают свирепые нравы.

Невероятные богатства, накопленные монастырями, свидетельствовали скорее против них, чем в пользу благочестивых душ, которые положили им начало.

Те из духовенства, которые предлагали в Национальном собрании возвратить духовенству его прежнее положение, хотели низвергнуть конституцию или вовсе о ней не ведали.

Глава XXII

О присяге

Присяга, которую приносят во Франции, является скрепою политического договора; для народа она есть выражение согласия и повиновения; в законодательном корпусе она есть залог дисциплины; у монарха она есть уважение к свободе; таким образом, религия есть основное начало управления; скажут, что она поразительно у нас ослабела; я с этим согласен, но утверждаю, что клятвопреступление остается еще постыдным там, где более нет благочестия, и что, утратив религию, народ все еще хранит уважение к себе самому, которое вернет его к религии, если благодаря законам произойдет восстановление добрых нравов.

Глава XXIII

О федерации

Первый праздник Федерации всей Франции⁵⁶ имел особый характер, какого не будут иметь последующие собрания. Хотя на первый взгляд он может показаться великолепным средством укрепить общественный дух, он был результатом происков некоторых людей, желавших распространить свою известность в народе; об этом знали, поэтому к празднику Федерации отнеслись неприязненно; он был благодетелен, но время его тогда еще не пришло; однако тогда не могли отвергнуть то, что имело облик патриотизма.

Национальное собрание не без тревоги взирало на бесчисленные депутации, которые его окружили; они состояли из людей, беспокойных духом; предрассудки, недовольство всякого рода, вражда провинций между собой и их взаимная зависть заволокли столицу; можно было с близкого расстояния увидеть политический организм, преисполненный заблуждений; быть может, поскольку партии были народными, все должно было устремиться в лоно свободы; однако могло случиться, как многие надеялись, что присутствие монар-

ха вызовет в сердцах людей сочувствие к нему. Интрига заставила его играть роль Великого Короля. Прикрывшись постыдными лохмотьями былой славы, он умилительно показывал народу дофина, как несчастного наследника крови стольких королей; это трогательное зрелище поражало взоры всех. Во всем Париже видели только пятерых людей.

Те, кто подал мысль о Федерации, нашли последнее средство изменить облик происходящего и нанести удар свободе; против свободы обратили ее же оружие; все было любовью и равенством, и тем не менее все было к выгоде королевской семьи; отличный способ нападать на людей — использовать в качестве оружия их слабости и их добродетели. Однако все было напрасно: короля любили, но не жалели. Поскольку его было нетрудно обмануть, ему позволяли говорить напыщенным языком, который ему нравился; но его простодушие не находило отклика.

Нельзя вообразить ничего более трогательного, чем то, что он ответил депутатам: «Передайте своим согражданам, что я хотел бы говорить с ними со всеми так, как я говорю здесь с вами; передайте им, что их король — их отец, их брат, их друг, что он может быть счастлив лишь их счастьем, великим их славою, могущественным их свободою, богатым, когда они процветают, страдающим, когда они в беде; более всего я хотел бы, чтобы вы донесли мои слова, или вернее, мои сердечные чувства до тех, кто живет в убогих хижинах и в приютах для обездоленных; скажите им, что если я не могу перенестись вместе с вами туда, где они нашли себе пристанище, я хочу присутствовать там душою и чтобы там же пребывали законы, защищающие слабого; что я хочу заботиться о них, жить для них, умереть за них, если понадобится. Наконец, сообщите в разных провинциях моего королевства, что чем раньше обстоятельства позволят мне осуществить мое желание посетить их вместе с моей семьей, тем скорее возрадуется мое сердце». Поскольку сердца французов вовсе не понимали таких речей, ничего не вышло: король хотел вызвать жалость, а внушил только любовь.

Во время этой чреватой опасностями церемонии Национальное собрание не расчувствовалось и не утратило своей уверенности; оно обсуждало вопросы торговли и дела колоний; оно держалось строго и спокойно, оно требовало от Франции только гражданской присяги и удержало ее от радостных кликов, которые звучат лишь мгновение, а потом их уносит ветер.

Праздник Федерации, столь хитро задуманный с целью извратить общественный дух, укрепил его навеки. Армия ушла из Парижа, недовольная теми, кто перед нею заискивал, и полная уважения к Национальному собранию, на которое ей довелось посмотреть.

Если жалкая честь французской монархии погибнет, мы своим равенством во многом будем обязаны собраниям федератов; они несколько уравновесят силу политического состояния, если доверие к нему уменьшится; но да будет угодно Богу, чтобы мы избегли гражданских раздоров и надолго сохранили любовь к миру, притом, что дух войны витает повсюду.

Рассуждение о гражданском состоянии

Любое посягательство на естественные права, оскорбляющее свободу, есть зло; всякая попытка использовать свободу, оскорбляющая природу, есть безумие.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

О ПОЛИТИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ

Глава первая

О независимости и о свободе

Я хочу выяснить, что такое независимость человека, живущего в естественном состоянии, и что такое его свобода в гражданской общине. Человек, живший по законам природы, стал зависим лишь тогда, когда начал беспорядочно цивилизоваться; в гражданской общине он становится рабом только тогда, когда самосохранению предпочитает наслаждения и благополучие.

Сердце человеческое движется от природы к насилию, а от насилия к нравственности; не следует думать, что человек с самого начала стремился к угнетению; разум может проследить длительный процесс искажения от первоначальной простоты к представлениям о завоевании и сохранении.

Установив это, мы обнаруживаем, что свобода есть извращенная независимость и что она любезна нам лишь потому, что возвращает нас к простоте через средство добродетели.

Иначе говоря, свобода есть лишь порождение человеческой гордыни, и, к несчастью, именно в этом смысле постоянно говорил о ней Руссо, гражданин Женевы, при всем своем возвышенном образе мыслей.

Посмотрим, сделала ли гражданская община Франции шаг к природе; нет, она сделала шаг к счастью. В естественном состоянии человек вовсе не обладает правами, ибо он независим.

Такие речи, конечно, странны, тем более странны, что они как бы гонят человека в леса; однако необходимо понять явление у самых его истоков, чтобы далее не блуждать вслепую; лишь располагая достоверным знанием природы, можно укрощать ее более искусно.

В естественном состоянии мораль ограничена двумя только предметами: пищей и отдыхом. В общественной системе к ним нужно добавить еще сохранение, ибо у большинства народов принцип этого сохранения есть завоевание.

Государство для своего сохранения нуждается в объединенной силе всех людей; именно эта сила является сувереном. Чтобы сохранять себя, суверенитет нуждается в законах, управляющих бесчисленными связями и отношениями; чтобы сохранить эти законы, нужно, чтобы гражданская община имела добрые нравы и была деятельной; в противном случае суверен скоро распадется.

Французские законы тем хороши, что благодаря им гражданская община обретает, а суверен тратит. Магистраты, гражданские и церковные служащие, военные оплачиваются из государственной казны; только благодаря этому неисчислимая толпа людей на жалованье способна что-то делать. Что с того, что магистрат отправляет правосудие, а солдат стоит на страже? Если народ мудр, он не нуждается ни в правосудии, ни в войске.

Монтескье очень хорошо сказал, что «и испорченное общество обязано сохранять себя», но тем не менее оно должно искать способы стать лучше, ибо иначе оно вовсе не сохранится, а только отдалит то время, когда будет нанесен смертельный удар. Поэтому, хотя во Франции существуют судьи и армия, она должна стремиться к тому, чтобы народ был справедлив и мужествен. Все эти вторичные учреждения нисколько не заменяют собой первоначальной добродетели, но благодаря жестоким налогам, которые необходимы для их оплаты, они препятствуют тому, чтобы народ был избалован изобилием и счел себя независимым от договора.

Когда Руссо говорит, что он считает барщину менее губительной для свободы, чем подати и налоги, он не принимает во внимание, что первая истощает душу, а вторые обычно сокращают лишь удовольствия; свободный человек предпочитает бедность унижению.

Глава II

О народе Франции и о ее государе

Если французский народ не будет дорожить своим государем, свобода погибнет; если народ будет завидовать государю, погибнет конституция.

Монтескье где-то сказал: «Римский народ оспаривал у сената все виды законодательной власти, ибо дорожил своею свободой, и вовсе не оспаривал ни один из видов власти исполнительной, потому что дорожил своею славой».⁵⁷ Г-н Боссюэ, епископ Мо, сказал почти то же самое в своей замечательной «Всеобщей истории». Но утверждение это не вполне истинно.

Действительно, римский народ, столь просвещенный и искусный, умевший столь быстро вершить все общественные и частные дела, разве был он сбродом, неспособным действовать ради своей славы? Армия, поклявшаяся победить, но не погибнуть, и, чтобы не приводить других примеров, которыми полна история, мудрость римского народа, которую мы можем предположить, судя по тому, что он ценил благоразумие сената, не доказывает ли все это, что он сам обладал благоразумием и способностью рассуждать? Откуда же это стремление к суверенитету, это безразличие к исполнительной власти? Дело в том, что народ, отнюдь не считавший себя ниже сената, сознавал свое истинное достоинство; когда ему захотелось почестей, когда он захотел распоряжаться казною республики, он завладел исполнительной властью и утратил свой суверенитет, который захватили тираны.

Правосудие вершится у нас именем государя; в Риме оно вершилось именем народа; но поскольку государь — отнюдь не суверен, утверждение, что правосудие вершится его именем, есть упрощение; тем не менее справедливо,

что этот знак власти государя отдает в его руки гражданскую свободу, которая, в сущности, зависит только от суверена; римляне, безусловно, очень высоко ставили право вершить правосудие, ибо судебные разбирательства происходили у них на площадях для собраний, и вынести смертный приговор гражданину можно было лишь в большом собрании людей. *«Чтобы вынести смертный приговор, — пишет Монтескье, — нужен был закон»*;⁵⁸ закон предполагает суверенную волю; таким образом, право карать смертью принадлежало суверену, который никогда им не злоупотреблял, потому что понимал его важность и жестокость. У нас же судьи выносят любые приговоры, как гражданские, так и смертные. О, душа природы, мы более не признаем тебя, наши общественные функции — не более чем низкое и надменное ремесло; в Риме общественные функции часто представляли собой особые поручения; кого-нибудь назначали расследовать преступление или какие-нибудь другие дела; после окончания расследования человек этот становился, как все; римский народ тогда переставал быть рабом правительства; у нас всякий чиновник — тиран.

Удивляешься, размышляя об общественном мнении народов; самые здравые мысли обращаются в свою противоположность; я не знаю, что мог бы ответить самый независимый из нынешних людей, если спросить его, как он распорядился своею свободой.

Мне очень хотелось бы знать, какое гражданское право получит когда-нибудь Франция, право, которое соответствовало бы природе ее свободы.

Всякий политический закон, не основанный на природе, — плох; всякий гражданский закон, не основанный на политическом законе, — плох.

Национальное собрание допустило несколько ошибок; они были навязаны ему неразумием общества.

Глава III

О салическом законе⁵⁹

Маркульф назвал кощунственным закон, который лишал женщин права наследовать фьефы. Это утверждение было бы справедливо, если бы сами фьефы не были вопиющим кощунством. Видимо, франки исказили салический закон, который они позаимствовали у Германии, и сделали тираническим закон, который был мудрым у германцев и готтов; дух салического закона был утрачен. То же самое злоупотребление этим законом, которое связало трон с мужской линией и сделало королевскую корону наследственной, стало первопричиной других феодальных прав и рабства. Король распоряжался народом, как своим наследственным достоянием, а сеньор — своими вассалами, словно животными, прикрепленными к его земле.

Духом салического закона германцев была бережливость, как справедливо отметил один великий человек, но еще более закон этот был одушевлен дикой любовью к родной земле, которую они так хорошо умели защищать и не хотели доверить слабости и непостоянству девушек, ибо те меняют ложе, семью и имя. Кроме того, женщины обретали в доме другого то, что утрачивали в соб-

ственном, ибо их брали без приданого. Мы не говорим здесь о наследовании по боковой линии; германцы предпочитали иметь дочерей, ибо те вводили в салический дом мужчину.

Мы видели, какие беды принес Франции этот искаженный закон свободы, как он все извратил, превратил народ в скот, покрыл Францию укреплениями и заполнил ее злодеями, сделал религию лицемерной и породил ужасные династии, которые проводили жизнь, проливая кровь своих вассалов. Мы видели, говорю я, как этот закон тяготел над королевством вплоть до того времени, когда поворот судьбы, который тоже был порожден злом, возвел на трон Генриха IV, который несколько усмирил буйство. После этого великого человека салический закон, созданный ради свободы, выродился в чисто гражданский закон и, наконец, в простой закон об аллоде,⁶⁰ как и было раньше.

Закон, закрепляющий французскую корону за царствующим домом, от мужчины к мужчине, исключаяющий женщин, вернул салическому закону — но только в отношении трона — тот смысл, какой он имел у германцев; не земля принадлежит мужчине, но мужчина добровольно принадлежит земле. Из духа этого закона явствует, что ветви династии Бурбонов, ныне царствующих в Европе, не имеют никакого права на корону, ибо, как я сказал выше, она не принадлежит Бурбонам.

Равным образом было бы нелепостью, если бы свободный народ переходил под власть чужестранцев или женщин; первые ненавидели бы конституцию, вторых любили бы больше, чем свободу.

Закон, исключаяющий чужестранцев, защищает право народов; угасание царствующей династии вызвало бы пожар во всей Европе.

Закон германцев очень напоминает закон Ликурга, повелевавший, чтобы девушки выходили замуж без приданого, но законы эти похожи только внешне. Закон Ликурга был порожден бедностью и определенными обычаями Лакедемона; закон германцев имел своим источником простоту; ни тот ни другой из этих законов не пригоден для Франции; один создает только воителей, другой — только солдат, и оба — тиранов.

Варвары, которые были таковыми только по имени, чтобы сделать салический закон менее жестким, установили право смещать вожда; после завоевания конституция изменилась, салический закон был извращен. Политические причины, привязывавшие мужчину к наделу, в политическом устройстве Франции более не существуют; с короной дело обстоит иначе; земля в гражданском состоянии принадлежит подданным, но народ не может принадлежать никому, только себе самому; он может избрать себе вожда, но не властелина, и договор, по которому он отдавал бы свою свободу или свою собственность, расторгается самою природой.

Монарх во Франции принадлежит отечеству; для свободы этот закон имеет неопределимую важность; монарх может отказаться от короны, это сан, а не неотъемлемое свойство.

Глава IV

О законодательном корпусе
в его соотношении с политическим состоянием

Законодательный корпус подобен немеркнущему свету, который делает видимыми формы всего сущего, и воздуху, которым все питается; действительно, он поддерживает равновесие и самую сущность всех видов власти строгими предписаниями законов.

Законодательный корпус есть центр, к которому все устремляется; он — душа конституции, подобно тому как монархия — это гибель управления.

Законодательный корпус есть самое существо свободы. Пусть он обсуждает общественные дела, пусть область применения ни одного закона не может быть ни сужена, ни расширена, пусть никакое поручение не может быть дано или получено, если оно не исходит от законодательного корпуса.

Участие совещательных комитетов весьма благотворно для сохранения законов но, быть может, следует опасаться, как бы в один прекрасный день они не стали оракулами, наподобие оракулов древних, которые вещали все, что их заставляли вещать.

Судья или должностное лицо, искажающие законы, более виновны перед конституцией, чем отцеубийца или отравитель, которые оскорбляют законы; такие люди должны быть изгнаны и строго наказаны.

В другом месте я скажу о том, что касается права заключать мир и начинать войну.

Глава V

О трибуналах, о судьях, об обжаловании и об отводе⁶¹

Удивительно, до какой степени обжалование благоприятствует деспотизму, а отводы — свободе.

Обжалование, отклоненное рядом инстанций, в конце концов передает интересы подданных в руки тиранов; туда уже не достают разум и человечность; все там — несправедливость, потому что все зависит от милости.

Запутанный лабиринт всевозможных грамот держит все государство в состоянии раздора, и деспотизм осаждается льстецами, способными развратить самое испорченность.

Каждый апелляционный трибунал — это угрожающий народу великан, которому он обязан поклоняться. Это уже не закон, к которому зывают, это судья, от которого не избавиться и который торгует своими приговорами, как ему выгодней; поэтому в тираническом государстве вы только и слышите что о покровительстве и о подарках, и все это разъедает принципы свободы.

Непосредственное обжалование (*appel absolu*) в прямых трибуналах (*tribunaux directs*) — это гибель законов, это свобода рабов, повсюду они вместо законов наталкиваются на людей; отвод и обжалование в косвенных трибуналах (*tribunaux indirects*) — это отказ от людей и обращение к закону.

Новые французские трибуналы уничтожили главнейшие опоры тирании, заменив легко поддающиеся гневу судилища сеньоров мировыми судами, само название которых заставляет забыть о сеньориальных судах; их компетенция ограничена природою интересов бедняка, который может в определенных случаях не признавать эти суды. Семейные трибуналы назначают опекунов несовершеннолетним; при этом семейные тайны и позор не выходят за пределы семьи и сохраняется почтение к общественной добродетели; над мировыми судами стоят суды дистриктов, обладающие более обширной властью; однако в этих судах существует много поводов для отводов и относительных обжалований (*appel relatifs*), так что у сторон остается право искать правосудия в трибуналах нескольких департаментов, а иногда — в любом из трибуналов королевства по своему выбору; это — *committimus** свободы.

Отводы остаются могучим средством против несправедливости, и поскольку лучшие из законов все еще плохи, там, где люди добропорядочны, необходимость пройти через попытку примирить стороны, прежде чем будет принят иск, — это превосходное установление. Выиграть процесс — значит нанести урон добродетели свободного народа.

Примирение сторон в суде может иметь свои недостатки; ложный стыд и невежество, различие в имущественном положении все еще могут ввести в соблазн и обмануть; перед вами свободный путь арбитров; остается один лишь закон — истина.

Глава VI

О различной компетенции

При такой конституции, когда все, кто управляет, получают полномочия от народа, когда все ступени власти формируются низшими ступенями и являются уполномоченными этих последних, кому принадлежит власть судить о том, насколько неукоснительно осуществляется право суверенитета?

Вот к чему нас постоянно вынуждает испорченность общественных нравов: нужно, чтобы повсюду народ и закон бодрствовали во всеоружии, дабы воспрепятствовать народу посягнуть на закон, а закону — на народ.

Кто будет разрешать спорные вопросы в народных собраниях — администрация или судебные органы? Поверьте мне, это будет ни первая, ни вторые, если только те, кто осуществляет эти виды власти, пока они их будут осуществлять, не отринут права суверенитета.

Мне нет нужды называть причину этого; замечу, что всякий, кто участвует в управлении, отказывается от прав суверена.

Однако у народа, нуждающегося в своей собственной карательной силе, какой трибунал будет расследовать злонамеренные действия плутов в народных собраниях? Если результаты голосования были подделаны и хитрецы обошли избирательное право, если, наконец, злая воля злоупотребит тем, что само по себе есть благо, — ведению какого суда подлежат эти преступные дея-

* выпускаем (на состязание) (*лат.*) — примеч. переводчика.

ния? Эти преступные деяния! Я был уверен, что приду именно к этому определению; итак, это — преступные деяния, и в таком случае они должны преследоваться не по представлению властей, но актом суверенитета с прениями сторон по иску потерпевшей стороны в заседаниях судов, разбирающих преступные деяния.

Если передавать такие дела административным органам, обе стороны были бы судимы заочно, и часто участники были бы судьями в своем собственном деле. Административные органы у нас чрезвычайно многочисленны и, следовательно, вездесущи; им нельзя дать отвод, перед ними нельзя защищаться, и если вы признаете за ними право разбирать такого рода споры, они по должности присвоят себе права суверена, а это будет произволом; если же вы передадите эти споры трибуналам, то истцом в этом случае выступает народ; закон выносит приговор в соответствии с соглашением, которое заключил сам народ.

Говорили, что такие дела подлежат ведению администрации по той причине, что администрация выступает арбитром при определении имущественного положения. Однако следует отличать компетенцию в вопросах налоговых от компетенции политической; не станем же мы утверждать, что циркуль может быть нравственным судьей помыслов геометра!

Говорили, что парламенты, незаконно присвоив политическую власть, воздвигли преграду между народом и тронем, и ключ от нее только у них; в этом было наше счастье, ибо иначе трон раздавил бы нас. Представьте себе, что юрисдикция парламентов принадлежит налоговым учреждениям; и я предлагаю вам подумать, какие несчастья это бы нам принесло. Судебная власть есть жизненный нерв свободы, из всех политических сил она менее всех подвержена извращению и усталости, потому что она действует открыто и непрерывно.

Говорили, что если бы судебные трибуналы могли судить народные собрания, их власть стала бы непомерной; это неверно; всего лишь расширилась бы их юрисдикция. Иной раз нас пугают сами термины; не расширение сферы власти делает эту власть тиранической, но те принципы, в соответствии с которыми она действует.

Из всех видов власти в гражданской общине судебная наименее опасна: не потому, что она слаба, но потому, что она —наиболее упорядоченная и пассивная.

Какая другая власть сможет лучше гарантировать мой суверенитет, чем та, которой я доверил мое достояние и мою жизнь?

Скажу еще раз: следует поручать должностным лицам лишь то, на что народ не способен сам; изъятие у народа какого-либо вида власти подобно ослабляющему нас кровопусканию. Я выдвигаю в качестве общего и абсолютно принципа: всегда, когда задеты интересы народа, он должен говорить и излагать свое дело сам; когда говорят за него, то либо вообще ничего не скажут, либо скажут плохо.

Если народ будет говорить собственными устами, оставьте ему его трибуналы; если вы притязаете на то, чтобы быть всегда его уполномоченными и всюду его представлять, народ становится жалким призраком, которого вы

весьма почтительно гоните прочь, а вы — ловкие тираны, которые его грабят и оставляют ему лишь его тень.

Я отнюдь не хочу, чтобы вы отняли у меня оружие, нужное мне для защиты; я отнюдь не хочу походить на тех слабых властителей, перед которыми несли римского орла, а сами они держали в руках веретено.

Еще одно, последнее, размышление побуждает меня сказать, что множество ошибок произошло из-за того, что должностные лица считали себя уполномоченными народа и хранителями его власти; нет, таковыми они не являются.

Поскольку права народа непередаваемы,⁶² функции прокуратуры (*ministère public*) не являются полномочиями, полученными от суверена, но актом его соглашения.

Поскольку народ, передав свои права кому бы то ни было, лишь нанес бы этим ущерб самому себе, и так как нет таких положений, когда народ должен действовать в ущерб самому себе, то следовало бы назвать министерством общественных законов — полномочия исполнительной власти, которая сама является полномочием общественного договора.

Администрация называла себя «уполномоченной каждого индивида данного департамента». Она забывала или не знала свои принципы; при таком положении вещей конституция скоро выродилась бы в чистую аристократию.

Нет, французский народ представлен не только своими должностными лицами; его воля пребывает в законодательном корпусе.

Глава VII

О прокуратуре (*ministère public*)

В тех странах, где смертные царствуют вместо законов, прокуратура обвиняет людей; там, где царят только законы, прокуратура обвиняет только преступления.

Франция установила цензуру, охраняющую законы и народ от магистратов и магистратов — от других магистратов. Эта цензура сама не может двигать обвинения, но она проверяет справедливость обвинений; она не может выносить приговоры, но она проверяет справедливость приговоров и защищает слабого и невинного от злоупотреблений законом.

Прежде обязанностью прокуратуры было преследовать преступные деяния; сколь бы полезно ни было это установление, оно было тираническим. Законы устрашали людей, и правительство всюду выказывало себя их ужасным врагом.

При суровом правительстве законы нарушаются магистратами; при слабом правительстве они нарушаются народом. Когда царят одни законы, и притом строго, правительство не будет ни слабым, ни суровым.

Глава VIII

Об обществе и о законах

Законы отнюдь не являются соглашениями, но общество таковым является; законы есть различные проявления природы этого соглашения; поэтому тот, кто совершает преступление, нисколько не оскорбляет общество, ибо оно есть не что иное, как объединение индивидов, не обладающих никакими правами на свободу и жизнь виновного, которого простое соглашение отнюдь не связывает; однако, нарушив общественный договор, он оскорбляет законы.

Я хочу сказать, что общество, душою которого являются умеренность и мягкость, не может быть судьей преступных деяний, ибо в таком случае оно стало бы тиранией, а законы — палачами на службе у этой тирании.

Поэтому там, где преступления передаются на суд общества, наказания должны быть устрашающими, дабы всякий индивид был отмщен и утрашен; там, где преступления передаются суду законов, общество пребывает в спокойствии, а карает или прощает бесстрастный закон.

Глава IX

О гражданских карательных силах

Горе правительству, которое не доверяет людям; душа моя скорбит, когда наемный исполнитель (*un satellite*), проходя мимо, разглядывает меня. О небо, о природа, — вопиет мое сердце, — что могло поработить меня до такой степени, почему подозрение преследует меня по пятам? Добродетельный и достойный свободы народ, сокруши всякую особую силу, независимую от суверена. Меня спросят: кто будет отвечать за вашу жизнь и ваше имущество? Что вам за дело до силы, власть которой вы никогда не почувствуете и которая потребна лишь против негодяев? — Убирайся, трус, в Константинополь, живи среди народа, превращенного в злодеев самою природой его законов, где скипетром стала виселица; я же не согласен подчиняться никакому закону, который полагает меня неблагодарным и испорченным.

Сколь бы ни было велико мое уважение к авторитету Ж.Ж. Руссо, я не прошу тебе, о великий человек, то, что ты оправдывал право приговаривать к смерти;⁶³ если народ не может передать никому право суверенитета, как может он передать кому бы то ни было право на свою жизнь? Прежде чем дать согласие на смертную казнь, общественный договор должен дать согласие подвергнуться искажению, потому что преступление есть лишь следствие этого искажения; каким же образом извращается общественный договор? Это происходит из-за злоупотребления законами, что и позволяет пробудиться страстям и открывает ворота рабству. Вооружитесь против извращения законов; если вы вооружитесь против преступления — это означает, что вы принимаете деяние за право. Я не стану повторять того, что было сказано, когда я говорил о казнях. Не знаю, убедительны ли в моем изложении эти истины в той же мере, в какой они убедительны для меня самого, но я считаю, что вся-

кая карающая сила, будучи лишь преградой против испорченности, не может быть общественным законом, потому что в то мгновение, когда общественный договор извращается, он превращается в ничто, и тогда народ должен собраться и составить новый договор, который его возродит.

Общественный договор, говорит Руссо, имеет своею целью сохранение договаривающихся; сохраняет же он их добродетелью, а не силою; мне кажется, я вижу несчастного, которого убивают, чтобы исцелить.

Заметьте, что когда народ использует гражданскую силу, карают лишь немело совершенные преступления, и веревка служит лишь к усовершенствованию плутов и их ремесла; Руссо, ты ошибся; ты говоришь: именно для того чтобы не стать жертвою убийцы, ты соглашаешься умереть, если сам станешь таковым; но ты не должен соглашаться стать убийцей, или ты нарушаешь природу и нерушимость общественного договора, и само допущение, что ты можешь совершить преступление, предполагает, что для тебя окажется возможным отважиться совершить его. Когда преступления умножаются в числе, нужны иные законы; принуждение лишь увеличивает преступность, и, поскольку все пренебрегают общественным договором, сама карающая сила извращается; не остается судей непорочных; народ, которым правит насилие, несомненно его заслуживает. Я не вижу более во Франции никого и ничего, кроме вооруженных людей, трибуналов и часовых; но где же свободные люди?

Глава X

О природе преступлений

У деспотов полиция — узда для рабства, а наказания ужасны; при вечном правлении полиция — узда для свободы, а наказания мягки и снисходительны.

Все преступления возникли из тирании, которая есть первейшее из преступлений. У дикарей, среди которых нашла убежище природа, наказаний немного, потому что у них мало корысти.

Индеец племени ута-уас, сломав на охоте свое оружие, входит в любую хижину и там просит другое оружие, которое сразу же ему дают; тот, кто убил двух бобров, одного из них предлагает тому, кто не убил ни одного.

По простоте своей природы дикари пренебрегают стыдливостью; единственная их политическая добродетель — война. Их удовольствия — отнюдь не страсти, они наслаждаются простыми радостями природы; пляска есть выражение их невинной радости и отражение их чувств; если иногда они жестоки, то это шаг к цивилизации.

Пусть простят мне эти размышления о дикарях; блаженные края, вы далеки от моих глаз и близки моему сердцу.⁶⁴

Полиция у различных народов была простой, если они были полностью свободными или полностью рабами, если у них были добрые нравы или вовсе никаких; различие, однако, состоит в том, что при деспотизме прост суд, ибо презирают законы и стремятся карать, а в свободной стране просты наказания, так как законы чтут и людей стремятся спасти.

При деспотизме все — преступление, святотатство, бунт; невинность гибнет от притеснений; в свободном государстве все — спасение, сострадание, прощение.

При рабстве все оскорбляет человека, потому что это соглашение не ведает законов; в свободной стране все оскорбления наносятся законам, потому что они занимают место людей.

Когда я сказал, что преступления оскорбляют только законы, это вовсе не значит, что я хотел посягнуть на справедливые права оскорбленного отечества; напротив, я почитаю их как нечто священное; я говорил о преступлении самом по себе, а не о его последствиях. Исправление проступков есть основное начало закона, но оно скорее имеет в виду возмещение ущерба, чем кару.

С преступлениями так же, как с добродетелями: первые следует карать, вторые — вознаграждать в меру значимости тех и других. Признавать убеждения преступлением есть химера, порожденная нравами, в этом повинны законы; они не должны иметь обратного действия: тщетно станете вы исправлять нравы, если не исправили законы.

Публичное религиозное покаяние есть закон фанатизма; удовлетворение за оскорбление чести есть закон испорченности. Во всех этих случаях человек богохульствующий оскорбляет на земле лишь закон, который это запрещает; тот, кто позорит кого-либо, грешит против закона, воспрещающего клевету, если бы это было иначе, люди были бы беспощадны друг к другу.

Законы стоят в одном ряду с Богом, природой и человеком, но они ничем не обязаны общественному мнению и должны все подчинять нравственности и сами перед нею склоняться.

Трибунал, разбирающий преступления, состоящие в оскорблении нации, есть безумство свободы, которое может продолжаться лишь краткое время после того, как улеглись энтузиазм и необузданность революции. Подобная магистратура — отравы, тем более ужасная, что она сладка; короче говоря, общество оскорбляют только тогда, когда извращают хорошие законы. Понятно, что я имел в виду Шатле;⁶⁵ недолгое время этот трибунал был средоточием общественного мнения; вначале он заставлял трепетать людей порочных, а вскоре затем — добропорядочных.

Я ничего не говорю о военном законе,⁶⁶ который был суровым лекарством; к этому закону относится все то же, что и к трибуналу, о котором я говорил выше; но если он существует, он должен быть подобен храму Януса, запертому во времена мира, открытому — когда грозят опасности.

Глава XI

О казнях и о бесчестии

Когда добродетель является душою конституции до такой степени, что формирует национальный характер, и отечество совокупно с религией обнимают собою все — зла тогда не ведают и даже не подозревают о существовании добра, подобно тому как юная и чистая девушка не подозревает о своей невинности; по мере того, как законы ветшают, добро начинают вознаграж-

дать; вознаграждения и наказания возрастают по мере порчи нравов, и вскоре появляются такие вещи, как колесование и триумф; у добродетели портится вкус, порок становится бесчувственным.

Уголовное судопроизводство у англичан разумно, человечно, искусно; уголовные законы у них — жестоки, несправедливы, свирепы. Возможно ли, что первый шаг, направивший этот народ к истине, не направил его к умеренности? Здесь поистине спасают невинного, но истребляют виноватого.

Издавна дивятся особой философии общественного духа англичан, которые не считают казни постыдными. Я не думаю, чтобы в Японии, в Карфагене или у феодальных сеньоров воззрения были запятнаны чем-нибудь столь жестоким; так значит лишь кровь вам нужна! А зачем мучения, если они не служат назиданию? Преступление обезглавлено; это искупление, — скажете вы; но все это напрасно. Если какое-либо государство настолько несчастливо, что нуждается в насилии, оно нуждается и в бесчестящих наказаниях; кажется, что бесчестие приносит ему некую честь. Если отнять бесчестие, то мучения останутся всего судебными жестокостями, и для общественного мнения они бесплодны. Казнь есть политическое преступление, а смертный приговор — отцеубийца законов. Что же это за правление, спрашиваю я, которое тешится веревкою и утратило стыд перед эшафотом? И подобной свирепостью восхищаются! До чего она варварская, эта европейская цивилизованность! Если колесование несколько не постыдно, значит, вы чтите преступление? Виновный гибнет, гибнет без пользы, в ярости и в терзаниях мучительной агонии. Какая мерзость! Так презирают добродетель, словно это порок, и говорят людям: будьте предателями, клятвопреступниками, злодеями, если того пожелаете, вам не нужно опасаться бесчестия, но страшитесь меча карающего и внушайте детям вашим, чтобы они устрашились его. Надо сказать решительно: все законы, царящие с помощью палачей, погибают от крови и бесчестия, ибо так должно быть, чтобы кровь и бесчестие пали на кого-нибудь.

Английская свобода столь же жестока, как и деспотизм; кажется, что она — добродетель порока и что она отчаянно борется против рабства; битва будет длительной, но эта свобода сама убьет себя.⁶⁷

Казни недостойны людей — это доказывается тем, что мы не можем постичь существование палачей; не следовало бы позорить их, чтобы этот позор не падал на судей.

Возможно ли постигнуть людскую непоследовательность? Можно ли поверить, что человек вступил в общество, чтобы быть счастливым и разумным? Нет, скорее, можно было бы поверить, что, устав от покоя и мудрости природы, он захотел стать жалким и неразумным. Я вижу только конституции, замешанные на золоте, гордыне и крови, и не вижу нигде мягкой человечности, справедливой умеренности, которые должны быть основой общественного договора; поскольку все на свете связано со своей нравственной основой, доброй или дурной, забвение истины влечет за собой ложные максимы, а затем все остальное. Расславшись с мудростью — тщетно пытаться вновь ее обрести, лекарства окажутся более ужасными, чем само зло; честность станет пугалом, законы погибнут на эшафоте.

Французский закон гласит, что всякий лично отвечает за свои проступки; поэтому казни отнюдь не нужны, ибо они не обходятся без бесчестия, а бесчестие распространяется на всех.

Заочная казнь над изображением преступника была бы, быть может, шедевром законов в государстве, пораженном порчею; но горе правительству, которое не может обойтись без таких понятий, как пытки и бесчестие! Зачем нужна заочная казнь над изображением там, где нет позора, зачем нужны наказания там, где он есть?

Глава XII

О порядке ведения уголовных дел

Счастлива была бы та страна, где законы, защищающие невинность, расценивали бы преступление, полагая невинным того, кто его совершил, пока само это преступление его не изобличит; страна, где дальнейшее расследование велось бы не для того, чтобы признать этого человека виновным, но для того, чтобы признать его слабым; где обвиняемый мог бы дать отвод не только некоторым судьям, но и некоторым свидетелям, где он сам после приговора мог бы провести дознание относительно этих людей и относительно закона и наказания; и тысячу раз счастлива та страна, где наказанием будет прощение; преступление там вскоре покраснеет от раскаяния, поскольку побледнеть оно не может.

Франция громкими кликами потребовала от Национального собрания реформировать порядок расследования уголовных преступлений; Национальное собрание начало с декрета, предоставляющего обвиняемому защитника, публичное разбирательство дела и право давать отводы в некоторых случаях. Для того времени этого было достаточно, особенно после тирании; зло должно исчезнуть постепенно, и следует раньше изменить нравы, а потом уже — наказания.

Ствол у преступления твердый, но корни его нежны; сделайте людей лучше, чем они есть, и не нужно их душить.

Глава XIII

О содержании под стражей

Грозный декрет против содержания под стражей, изданный после взятия Бастилии, был проявлением мудрости; порою Национальное собрание бранили за то, что оно уделяет слишком много внимания мелочам; эти люди закладывали основы новой конституции и давали окрепнуть общественному духу, который был исполнен слабости. Пресечь несправедливость — значит воодушевить добродетель.

Глава XIV

О свободе печати

Разоблачая угнетение, она стала свободой человеческого разума и одной из движущих сил гражданской свободы. В древности вольность не имела в своем распоряжении такого изобретения, как пресса; на деле его в какой-то мере заменяли речи в народном собрании, и, однако, бывали случаи, когда ораторы делались безмолвными — например, когда тирания становилась абсолютной. Спокойствие и дух наших государств не требуют того, чтобы выступали с речами на площадях. Это было бы уместно только во времена грозной опасности — как в дни взятия Бастилии. После никогда уж не видели, чтобы умы, а еще более — сердца человеческие так пылали огнем свободы, как это было тогда. Однако ораторы, которые подготавливали тогда новую конституцию, в дальнейшем могли бы низвергнуть миролюбивое правительство. Партии захлебывались речами; лица, движения были исполнены отваги; люди обнимали изображения спасителей отечества и законов; красноречие, направленное против общего врага, осуществляло какую-то долю суверенной власти. Но лишь в самые прекрасные и столь краткие дни свобода писателей и ораторов питала добродетель; когда страх, испорченность и отвращение к великим деяниям заставили их замолкнуть, вскоре замолчали также и законы; вот почему мы всякий раз видим, как упадок республик следует за упадком литературы.

Пресса не молчит; она есть непрестанно звучащий бесстрастный голос, срывающий маску с честолюбца, изобличающий его хитрости, делающий его предметом всеобщего осуждения; печать — это пылающий взор, видящий все преступления и изображающий их несмыслимыми красками; это оружие как истины, так и лжи. С печатью дело обстоит так же, как с дуэлью: если издать законы, направленные против нее, это будут дурные законы; они ударят по злу на большом удалении от его источника.

Камилла Демулена, сколь бы ни был пылким и страстным его стиль, могли страшиться лишь те, кто заслуживал, чтобы их действия подверглись расследованию; оратор — весьма уважаемый — который выступил против него с разоблачениями,⁶⁸ подтвердил мнение трибун: он был жертвой обмана или другом тех, кому был страшен общественный надзор.

Нельзя не восхищаться бесстрашной отвагой Лустало,⁶⁹ которого больше нет среди нас и чье энергичное перо объявило войну честолюбцам; это он говорил, примерно так, что ему докучает известность человека, которого никто не знает.

Марат был бы скифом в Персеполисе;⁷⁰ его проникательность была способна доходить до глубины в малейших поступках людей, он обладал здравомыслием, но душа его была слишком беспокойной.

Вийен д'Обиньи из секции Тюильри был менее известен, так как он ничего не писал; но речи его были исполнены силы.

Карра⁷¹ был слишком остроумен, чтобы служить свободе; ему недоставало хладнокровия в борьбе с невозмутимостью мошенников.

Мерсье выказал смелость, за что его преследовал деспотизм, но легковесность газеты мало соответствовала надменности его характера.⁷²

Дантон был более замечателен своею твердостью, чем своими исполненными силы речами.

Я не говорю ничего о таких людях, как Ламеты, Мирабо, Робеспьер; их энергия и мудрость, их пример придали особую силу новым истинам.

Эти писатели и эти ораторы установили цензуру, которая была деспотизмом разума и почти всегда — истины; стены заговорили, интриги вскоре становились явными для всех, носителям добродетели учиняли допрос, души плавилась в горниле.

Глава XV

О монархе и министрах

Одни считали, что быть свободными это значит избавиться от интендантов, от хозяйских приказчиков, от барщины и особых прав на охоту; эгоизм рабов этим ограничивался; другие, те, кто внимал лишь своей добродетели и своему безумию, сочли, что не нужны ни короли, ни министры; это было бредом добропорядочных людей; но представьте себе, что случилось бы со свободой, если бы аристократия учредила вместо министров исполнительной власти — комитеты власти законодательной, если бы вместо того чтобы быть учреждениями, не располагающими властью, но и без того внушающими страх, эти последние стали бы магистратурами.

Никакая установленная мудростью преграда, отделяющая законодательную власть от исполнительной, не могла бы быть излишне прочной; мудрость особенно проявилась в том законе, который позволяет членам законодательного корпуса притязать на должность министра лишь после двухлетнего перерыва, а также запрещает исполнять какую-нибудь иную магистратуру или обязанность во время пребывания в законодательном корпусе.⁷³ Для того чтобы подчинить себя столь суровой дисциплине, направленной против них самих, люди должны были глубоко проникнуться сознанием необходимости своих принципов. Признаем откровенно, у тех, кто осуществляет надзор над этими принципами, не было стремления развивать их; разве могли бы они превзойти их?

Уберите из государства министров и министерства, и вы устранили королей, монархия перестанет существовать; нельзя сказать, чтобы это политическое учреждение не было повинно в крупных злоупотреблениях, но оно сохранило лишь относительную власть. Законодательный корпус мало-помалу воспользовался законами, изданными его волей. Установили ответственность, на которой первое время настаивали не слишком строго, так как предвидели, что она сделает народ слишком распущенным. Конституция часто должна давать отпор народу, иначе она будет подвергаться насилию. Достоинно восхищения, как Национальное собрание отказывалось внимать крикам толпы, требовавшей то отчетов от министров, то их отставки.

Г л а в а X V I

Об административных учреждениях

Своими успехами административные органы были во многом обязаны удачному выбору, сделанному народом, ибо сами они не имели еще положительных законов; они осуществляли верховный надзор за политической гармонией, и это приводило к тому, что им доверялось множество спорных вопросов, которые выходили за пределы их компетенции; они решали их произвольно, потому что у них вовсе не было законов. Обжалования на их постановления передавались исполнительной власти, которая выносила решения столь же произвольные; постановления расследовались, одно исходя из другого, так как настоящего расследования никто не производил, и правительство, оказавшись между судьями и заинтересованной стороной, всякий раз применяло власть, причем ничто не обеспечивало выполнения его решений. Между народом и высшими органами власти не было прямых правовых отношений, и это приводило к тому, что жалобы народа никогда не доходили до ушей тех, кому они предназначались. Когда какому-нибудь административному учреждению ставились в вину те или иные частности, жалоба переправлялась этому же учреждению, и решения принимали по его усмотрению. Самые прискорбные нарушения незыблемости принципов оказывались узаконенными, и власти, разделенные физически, но в действительности перемешивающиеся друг с другом, объединялись против свободы, того не желая.

Вообще нужно сказать, что все пути должны быть открыты для свободы тех, кто повинуется, и не должны быть закрыты для мудрости тех, кто повелевает. Все, какое только возможно, оружие, пребывает в руках исполнительной власти, дабы она подавляла народ; у последнего нет вовсе законов или, правильнее сказать, трибунов, которые бы его защищали.

Законы, перекрывшие каналы, по которым распространяется свобода, и оставившие открытыми те, по которым передается власть, эти законы связывают власти воедино и создают аристократию исполнительной власти; тщетно стремятся разъединить различные виды власти, достигают лишь того, что отделяют их от народа. Разделение властей является благом не только в делах управления, но в самой конституции все должно действовать и отвечать действиями на воздействие, как ему надлежит, покоясь на незыблемом основании; подобным же образом в мире физическом все следует установленному закону, нерушимому порядку, все изменяется и воспроизводится в силу своих постоянных причин, а не различных случайностей.

Если управление становится исключительно делом властей — кто будет ответствен за свободу? Пойдет ли обездоленный взывать у врат дворца законодателей? Но они сами не располагают подробно разработанными законами и станут судить так же, как и другие. В том, что касается применения законов, законодатели неизменно несведущи — такова сущность закона: закон может настигнуть преступника, только если его опубликование предшествовало преступлению; те, кто сочиняет законы, — дурные судьи. Один хороший закон стоит больше всех людей, его создавших: их увлекает страсть или удер-

живает слабость; и все тянется до бесконечности либо разлетается вдребезги под стремительными ударами.

Глава XVII

О налогах; о том, что они должны соответствовать принципам конституции

Ныне лишь одна торговля может привести к процветанию свободное государство, но роскошь вскоре его отравит; потому необходимо, чтобы налоги ложились своею тяжестью на потребление, но отнюдь не на торговлю; в этом случае она будет сладким плодом свободы, тогда как прежде она была источником деспотизма.

Свобода торговли естественно проистекает из гражданской свободы; мудрое правление оставляет человеку его производственную деятельность и подавляет роскошь. Промысел, как я сказал выше, есть источник политического равенства, он несет бедняку жизнь, роскошь и возможность платить подати.

Обыкновение облагать налогом излишества — это закон против роскоши, согласующийся с моралью новых истин, принятых ныне во Франции. Ему не присуща ни суровость республиканских законов против роскоши, ни слабость подобных же законов при монархии, он является видоизменением тех и других.⁷⁴

Народ настолько поверхностно смотрит на вещи, что охотно заплатит налог за своих лошадей, за своих слуг, за окна, за экипажи, в то время как поземельную подать он платил бы по принуждению. Человек бережливо относится к тому, что им заработано, и расточительно — к тому, что куплено, ибо выгода идет в доход, а расходом правит тщеславие.

Обложение налогами должно зависеть от обилия продуктов питания, которое подвержено переменам; налоги должны возрастать или снижаться при увеличении или уменьшении количества продуктов; причина в том, что если продовольствие дорого, его покупают с большими затруднениями, но все равно покупают, а если продовольствие очень дешево, его потребляют больше обычного — и разоряются, если оно снова поднимется в цене.

Если бы пожелали сделать налог неизменным, пришлось бы разорить колонии или метрополию, или научиться управлять морскими ветрами.

Налог, если присмотреться поближе, есть руль общественного корабля; он дает средства правительству и влияет на нравы гражданского состояния, поддерживает равновесие политического состояния в Старом и Новом Свете.

Глава XVIII

Размышление о патриотическом обложении и о двух знаменитых людях⁷⁵

Никто не постиг судьбу и народ лучше, чем непостижимый Мирабо. Он прибыл в Экс, как тот античный персонаж, который предстал перед советом царя Македонии обнаженным и с палицей в руке. Явившись в Национальное

собрание, г-н де Мирабо проявил отвагу и доказал справедливость жалоб, предъявленных им еще во времена тирании. Этот искусный человек немало повредил г-ну Неккеру, вырвав у Национального собрания декрет, коим было принято патриотическое обложение, предложенное этим министром; г-н Неккер слишком кичился своей популярностью; люди восхищались всем тем добром, которое он хотел совершить, и не простили ему того добра, которое он сделал, ибо сделал плохо. Когда произошло падение этого министра, никто не показал виду; что знает, отчего это произошло, ибо никто не осмелился признаться, что ненавидит его налог.

Г-н де Мирабо в своих действиях всегда был справедлив и проникателен; особенно хорошо он владел тонким искусством расстраивать клевету и обладал разумной скрытностью.

Глава XIX

О податях и о сельском хозяйстве

Земельная подать, если она не остается неизменной и легкой и если она перестает иметь целью установление представительства в соответствии с территорией и определение статуса активных граждан в соответствии с уплатой налогов, абсурдна с точки зрения морали. Если вы обремените налогами земледелие, источник добрых нравов, вы отвратите земледельца от трудов или сделаете его жадным. Не собственник земли тащит на себе тяжесть налогов, ее несут земледелец и его поденщик. Арендные договоры продаются с торгов, и бедняки оспаривают их друг у друга, как голодные, дерущиеся из-за костей. Бесчестно утверждать, что земли, освобожденные от налогов, обложенные простою податью, будут хуже обрабатываться и что леность не даст ниве тех соков, какие извлекал из нее налог. Никак не мужества недостает крестьянину, ему не хватает рук; оставьте ему его детей, из которых вы делали плохих солдат; оставьте ему славных деревенских людей, ныне обряженных слугами; пусть он получит возможность обогащать себя, а не откупщиков; его добродетель сделает тучными его нивы, и вы больше не увидите бедняков; земледелие, став источником изобилия, будет почитаемо, как оно того заслуживает; богатый землевладелец более не покажется странным, если будет работать на своем поле и смешает свой пот с потом своих отцов; неимущий землевладелец, влачащий в городах свою горделивую нищету, вскопает землю вокруг своей хижины и тем спасется от налогов, от необходимости оставаться холостяком, от неизбежности своего разорения и необходимости отдавать все свои средства ради пожизненной ренты.

Глава XX

О пожизненных рентах

Пожизненные ренты есть злоупотребление тирании, если только ею можно злоупотребить; ведь тирания дозволяет все, чтобы утолить жажду роскоши, которая почетна, и предохранить себя от бедности, которая позорна; там,

где все есть насилие, там, где у людей нет отечества, — там нет ни добрых чувств, ни благоденствия, там теряют полностью чувство природы, потому что она становится преступлением или отвлеченным понятием; там правят, словно в мире, где беспорядок есть принцип гармонии.

О свобода, священная свобода! Цена тебе была бы невелика, если бы ты делала людей только счастливыми; но ты призываешь людей к их истокам и возвращаешь их к добродетели.

Глава XXI

Об отчуждении общественных доменов

Если бы философия не внушила общинам Франции смелый план новой конституции, это сделала бы необходимость. Монархия погибала от долгов; нужно было или объявить банкротство, или все изменить. Когда наши предки ослабляли монархию, обогащая церковь имуществом, они не знали, что готовят пришествие свободы.

Ло воздвиг свой банк на насилии деспотизма и на дерзких притязаниях на Миссисипи; случилось так, что обманутый народ нашел утешение в ростовщичестве и ущерб, нанесенный всем частным интересам, остановил разорение целого.⁷⁶

С этого времени деспотизм стал более мерзким, чем на Востоке; на Востоке налоги обычно бывают умеренными, и народ, каким бы он ни был убогим, пребывает в оковах спокойно; французский трон стал опасной денежной конторой; чем больше он поглощал капиталов, тем ужаснее становились поборы, потому что было необходимо сохранять кредит, выплачивая проценты; оставалась еще торговля, она поддерживала теряющий силы народ; захирела и торговля; алчность деспотизма поглощала все; ради нее отправлялись на благодатные Антильские острова; вывоз похищал у ремесленника его сладостный достаток; Франция была страной каторжников, дворян и наемников.

Именно тогда, при том что торговля хирела и с каждым днем становилась все более жалкой и правительство истощило себя насилиями, последним средством стала Учетная касса,⁷⁷ которая поставила промышленность между двумя пропастями. Монарх стал торговцем, банкиром, ростовщиком, законодателем; та же рука, которая тянула жилы из народа, писала отеческие указы; народ лишили его зажиточности, его скромного достатка, даже его нищеты, если можно так выразиться; наконец, посредством жестокой монополии, вершины всего, придуманного Женевцем, у народа отняли его хлеб;⁷⁸ из-за голода и недоброкачественной пищи Париж и провинции захлестнули эпидемии и преступления; тогда все меняется, возмущенный народ поднимается и завоевывает свободу. Когда подумаешь, до какого жалкого состояния он был доведен и до чего дошла распушенность двора, приходится признать, что возмущение народа, противопоставленное возмущению дворянства, спасло страну. Национальное собрание мудрыми законами, разумно приводимыми в исполнение, несколько умерило чрезмерность налогообложения; оно поспешило создать свободную конституцию, сосредоточившую в руках незыблемого отече-

ства то, что было награблено фанатизмом и суеверием; оно предвидело, что распродажа общественных доменов может оказаться непростым делом из-за страха владельцев капиталов и недостатка наличных денег; оно сумело успокоить владельцев капитала, издав соответствующие законы, и возместило недостаток наличных денег при помощи умело проведенной спекуляции; нация, все еще напуганная, сначала противилась, но затем мораль все увлекла за собой.

Глава XXII

Об ассигнатах

Очень мудрые мысли по поводу этих денег были высказаны г-ном Клавьером; я вовсе не намереваюсь обсуждать этот вопрос и все его связи с общественными делами, потому что эти связи суть проявления принципов конституции.

Установите в народе общественную добродетель, добейтесь, чтобы наша нация доверяла своим законам, будучи твердо уверена в своей свободе, распространите повсюду нравственность вместо привычных предрассудков и выпустите затем кожаные или бумажные деньги — и они окажутся более надежными, чем золото.

Г-н Неккер был в отношении Франции неблагоприятным, когда своими софистическими доводами подорвал великолепную спекуляцию национальными доменами;⁷⁹ все удары поражали нравственность, а этот чудак стремился к тому, чтобы добродетелью французов был металл.

Во времена свободы он говорил так же, как при королях, и это служит доказательством, от которого я не отступлюсь никогда, что этот человек не был наделен ни гением, ни добродетелью.

В оправдание Ло можно сказать, что он был всего лишь неосмотрителен; он не догадался поразмыслить над тем, что он предполагал наличие морали у толпы мошенников, не ведавших закона; если бы развращенность правительства не расстроила системы Ло, эта система привела бы с собою свободу.

Глава XXIII

О принципах податей и налогов

Подати, как я сказал выше, должны служить лишь основанием для представительства и для определения статуса активного гражданина, т. е. они являются фундаментальным законом конституции; налоги — фундаментальный закон правления, не потому, что ими оплачиваются расходы цивилизованного государства, но потому, что они могут сильно влиять на нравы.

Государственная казна, верная и признательная тем, кто ее наполняет, должна содержать в порядке гавани, дороги, водные пути сообщения, предоставлять купцу судно вместо разбитого бурями, поощрять истинные заслуги, выдающиеся и полезные таланты, добродетели и протягивать руку вызывающему сочувствие несчастью.

Тогда вы не будете знать бедности — дочери рабства и проституции — дочери гордыни и нищеты.

Глава XXIV

О столице

Национальное собрание заставило народ Парижа подчиниться своим принципам и сделало это с большой мудростью и терпением; оно не слишком скоро отменило полюбившееся народу наименование «дистрикт», поскольку дистрикты были застрельщиками свободы; парижанам поставили в пример провинции, возвели в закон все добродетели, зажженные революцией, сохранили ее дух, рассеяли пустые иллюзии; когда наименование «дистрикт» заменили словом «секция», писали, что все пропало. Это было все равно, что утверждать, будто не следует носить иного оружия, кроме пик, с которыми брали Бастилию. Чтобы законы не выродились, нужно, чтобы они говорили людям об отечестве, а не о них самих.

Через двадцать лет нравы столицы очень изменятся, я не представляю себе, как сможет удержаться роскошь, когда столица перестанет быть центром монархии, когда людям более не нужно будет становиться щеголями и льстецами, когда все средства будут вложены в торговлю и земледелие и когда Франция будет поддерживать лишь сама с собой все те отношения, какие прежде поддерживала лишь со столицей.

Глава XXV

О торговых законах

Одно из лучших установлений Франции — это то, что коммерческих судей должно выбирать из среды купцов; этот закон вселяет добродетель в словие, которое обычно не знает ничего, кроме своей выгоды.

Закон, позволяющий всем французам свободно торговать с обеими Индиями, не менее замечателен; он поощряет экономичную торговлю, столь благодетельную для нравов в условиях свободы; он открывает путь тем, кого добродетель возрожденного государства обрекла бы на праздность.

Приняв женеvский закон, обязывающий детей оплачивать долги их отца или жить обесчещенными, Франция выиграла больше, чем если бы она подчинила себе эту республику; лучше завладеть законами, чем провинциями.

Существование цехового представительства может благоприятствовать купцам, но не ремесленному сословию; оно принуждает купца закрепиться в определенном месте, делает его гражданином, вместо того чтобы быть алчным бродягой; оно заставляет признать устойчивость его кредита. Что касается ремесленника, то его нравы менее существенны для общественного благоденствия, и если он хочет обрести доверие, он должен постоянно жить на одном месте.

Г л а в а X X V I

Общие соображения

В Европе существует множество установлений, которые были неизвестны древнему миру; они весьма благоприятствуют свободе, потому что являются источником косвенных налогов и служат к облегчению податей.

Почта и таможи мало обременительны для бедняка, однако было бы несчастьем, если бы их тарифы были очень высокими; они могут быть одной из отраслей деятельности государства.

Почта, занимающаяся пересылкой писем, исходит из принципов самой конституции; свобода обязана обеспечивать тайну деловой переписки, что было бы не всегда возможно, если бы почта была объектом частного предпринимательства.

Регистрация сделок — для казны еще один источник доходов, который не истощает отечество; я не говорю уж о значимости этой регистрации для гражданских договоров.

Гербовый сбор — явное вымогательство; он бесцелен, безнравствен и вызывает не больше уважения, чем вооруженный грабеж.

Налоговое обложение товаров также держит в узде общественные нравы. Оно было бы очень благоприятно для политики Магомета, который ничего так не страшился, как распушенности в народе, пагубной как для рабства, так и для свободы; все же право облагать всегда одинаковыми налогами было бы большим злоупотреблением; в годы, когда урожай обилен, налог, став слишком умеренным, не остановит распушенности, порожденной дешевизной вина; в голодные годы налог, хотя бы он и оставался прежним, становится чрезмерным, что мешает удовлетворению насущных потребностей. Подобный закон хорош лишь для тирана, который не стремится к тому, чтобы у его народа были добрые нравы, лишь бы сам он получал доход, равно как и для такого государства, где опасно менять размеры налога; подобный закон плох для такого народа, чья свобода не должна страдать ни от излишеств, ни от лишений, и где должно существовать справедливое изобилие нужного людям продовольствия.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Г л а в а п е р в а я

О любви к отечеству

Где нет законов, там нет и отечества; вот почему народы, живущие под ярмом деспотизма, вовсе не имеют отечества; они разве что презирают и ненавидят другие нации. Где есть законы, там иногда тоже нет отечества, а только общественное благоденствие; однако бывает подлинное отечество, которое является гордостью свободы и добродетели; это из его лона выходят лю-

ди, у которых любовь к законам кажется небесным огнем, кровь которых с радостью проливается в битвах и которые хладнокровно идут навстречу опасностям и самой смерти.

Политическая честь монархии и насильственная честь деспотического государства сходны порою с добродетелью, но не обманывайтесь: раб ищет богатства или смерти; история Османской империи переполнена неслыханными деяниями, превосходящими римскую стойкость и греческую отвагу, но мусульманин умирает не за свою дорогую отчизну, но за себя самого.

После того как международное право у французов утратило завоевательный дух, любовь к отечеству стала гораздо более чистой. Народ, любящий завоевания, любит лишь свою славу и в конце концов проникается презрением к законам. Браться за оружие подобает лишь для того, чтобы защитить свою свободу; кто покушается на свободу своих соседей, тот мало чтит собственную.

Чужая земля не будет более впитывать в себя кровь французов; Германия, Италия, не знающая жалости Сицилия, Испания, наконец, вся Европа до самых стран Востока усеяны костями наших предков, а отчизна — усыпальница монахов и тиранов.

Чтобы народ долгие века любил свою отчизну, нужно, чтобы он не был честолюбив; чтобы он сохранил добытую им свободу, необходимо, чтобы международное право не было в распоряжении государя. При тирании единственный человек воплощает свободу, единственный человек воплощает и отечество; этот человек — монарх.

Сколь слепа была римская свобода! Поэтому она в конце концов попала в руки одного человека. Одно место из Сенеки вызывает у меня сочувствие к Катону, когда я думаю о нем: он едва достиг должности претора и так и не стал консулом, обладая столькими добродетелями. В Риме более не было отечества, все воплощал Цезарь. Когда я думаю, к чему в конце концов привели самообуздание и скромность стольких героев, когда я думаю, что такова была участь самых мятежных обществ и что свобода всегда предавала свои принципы ради завоеваний, что Рим после Катона умер, что чрезмерность римского могущества породила чудовищ, более отвратительных и надменных, чем Тарквиний, горечь разрывает мое сердце и останавливает перо.

Г л а в а II

О мире и о войне

Отказавшись от любых наступательных действий, Франция окажет большое влияние на европейские союзы; поскольку этот фундаментальный закон наиболее полезен для ее свободы, она была обязана оградить его от извращения. Подобно тому как на законодательную власть не может быть возложено исполнение законов, ибо это ослабило бы законы в самом их источнике, так и монарх не имеет права принимать решения, ибо он подчинил бы принципы своему честолюбию; поэтому разумно, чтобы вопросы о мире и войне решались в общинах, а монарх исполнял принятые ими решения.

Не менее разумно, чтобы решения законодательной власти подлежали королевскому одобрению; сопротивляясь, эти силы совместно сокрушают необразные проекты.

Было бы нелепостью, если бы, принимая решения, обращались к мнению народа — как из-за медленности выяснения его мнения, так и потому, что народ неблагоразумен. Если бы согласие или несогласие народа объявлялись директориями, судьба государства стала бы жертвой происков, и аристократия лишилась бы своей силы. Там, где ноги думают, — руки решают, а голова занимается ходьбой.

Глава III

О послахе

Постоянные посольства есть порок европейской конституции; они нарушают свободу народов; это армия, всегда готовая к заговорам, она порождает состояние недоверия, которое подменяет добродетель международным правом.

Правда, дипломатические обычаи сильно сдобрены учтивостью; но попробуйте представить себе такие края, где дружба есть страх, где искренность есть око посла и мир есть состояние войны.

Представьте себе народы, которые обнимаются, держа меч приставленным к сердцу другого, которые завидуют процветанию друг друга и объявляют войну, когда становятся богатыми и могущественными; ибо торговля в Европе служит только к тому, чтобы накопить средства для ведения войны, а война ведет лишь к обнищанию.

Народ, который презирает войну, если только на него не нападают на его территории, более не нуждается в послахе; при хорошем управлении он будет благоденствовать.

Глава IV

О семейном пакте,⁸⁰ о союзах

Г-н де Верженн, полагавший, что он любит Францию, потому что был другом Бурбонов, объединил это семейство не против свободы, а против промышленности нескольких европейских народов. Европа населена королями, но отнюдь не людьми. Ее народы, подобно железу, служат материалом для машин. Намерение объединить всех Бурбонов возникло не из дружбы и не из почитания общности крови, но из потаенной зависти; таким образом, в европейской политике не было ничего, кроме нищеты, гордыни и золота. Народы были достаточно осчастливлены благоденствием своих властителей и доблестно стнавали под ярмом их жестокого честолюбия.

Итак, золото и кровь народов должны были литься до тех пор, пока замыслы этого семейства не будут разбиты или осуществлены; это происходило посреди благовидных гнусностей, творившихся якобы во славу подданных, когда нации, утратившие международное право, теряли также политические права по велению бесчеловечных указов. Нелепые законы и отношения дела-

ли Европу скопищем умалишенных, и ее цивилизованность была в тысячу раз презренней, чем ее прежняя дикость. Душою наций была жестокая алчность; война была игрою; бились не за свободу и не ради завоеваний, но для того чтобы убивать и грабить друг друга. Международное право оставалось только в отношениях между королями, которые пользовались людьми как скаковыми лошадьми; к тому же они распоряжались имуществом и жизнью своих подданных с тем большей уверенностью, что умели опаивать их из священной чаши корыстолюбия.

Если присмотреться к жадности европейцев, к их богатству и к безразличию их к свободе, а с другой стороны, поразмыслить об иступленности их властителей, когда дело шло о расходах и о войне, то никуда не денешься от мысли, что когда роскошь их пресытит, государства падут. Государства, живущие ради роскоши, в один прекрасный день погибнут от нищеты; тщетно пытаются они опереться друг на друга; они предохраняют себя от своих соседей, не задумываясь о своем внутреннем пороке. Именно отсюда ведет свое происхождение пакт Бурбонов, объединивших свою слабость против английской мощи, истощавшей их; Франция рухнула первой, скоро дойдет очередь и до других; но что яснее всего доказывает крайнюю степень их слабости, так это продление ими пакта со свободной и воинственной страной, пакта, основа которого — рабство, а также порочность законов. Правда, они, наверное, скорее погибнут, чем обратятся за помощью к Франции.

Нет ничего более опасного для свободы, чем союз монархии с несколькими республиками; терпение, спокойная решимость и абсолютная власть одного человека подавляют эти последние, исполненные возбуждения и беспокойства, и они в конце концов набрасываются друг на друга, как это произошло в Греции, присоединенной к царству Филиппа Македонского. Нет ничего страшнее для тирании, чем союз нескольких деспотических государств со свободным государством; добродетель последнего неизбежно искоренит порочность первых, что и случилось тогда, когда римская республика вступила в союз с несколькими азиатскими государствами.

Когда Французская революция изменила положение дел, семейный пакт был в столь малой степени пактом между народами, что Национальное собрание вопреки своей концепции было вынуждено сохранить этот договор, угрожающий свободе.

Глава V

О сухопутной армии

Когда г-н де Мирабо спустя несколько дней после несчастного сражения в Нанси⁸¹ воскликнул, что нужно распустить и заново воссоздать армию, одни вовсе перестали признавать мудрость и мужество этого великого человека, а другим, поистине неблагодарным, показалось, что они усматривают в этом поступок гения, оскорбительный для конституции.

Несомненно, роспуск вооруженных сил государства довершил бы падение дисциплины, ибо нельзя смешивать неповиновение с любовью к свободе;

полки требовали у своих штабов выплаты жалованья; я представил себе нумидийцев в Африке, но не республиканские выступления римских солдат.

В устройстве французской армии при всей его мягкости есть нечто насильственное, не имеющее ни принципов, ни цели. Регулярное войско, не подчиняющееся гражданским законам, невозможно сделать гражданами. Нужно вспомнить мамлюков в Египте, янычар в Турции, преторианскую гвардию в Риме — это были настоящие чужестранцы, чьим законом было оружие, а отечеством — лагерь. По-видимому, линейные войска остались не у дел при наличии национальной гвардии; именно это служит причиной зависти и тайно-го соперничества.

Франция объявила, что она отрекается от завоевательных помыслов; она поступит правильно, если сохранит любовь к миру и распустит свои войска, когда появится искушение затеять наступательную войну.

Глава VI

О военном флоте, о колониях и о торговле

Военному флоту неведомы затруднения, которые выпадают на долю сухопутной армии; его забота — торговля, а европейская политика такова, что государство может процветать ныне лишь в том случае, если располагает огромным флотом. Колонии стали жизненно необходимы метрополиям, настолько, что они развратили эти последние и пошатнули их несправедливое господство; и когда будет утрачен дух торговли, определяющий ныне всякую деятельность в Европе, его место займет дух завоеваний; Европа станет варварской, ее правительства — тираническими, а другие континенты, быть может, снова станут процветать.

На торговле отражались все перевороты, происходившие в мире. Африка после гибели Карфагена лишилась своей свободы, утратила свои нравы вместе со своими торговыми сношениями; Азия лишилась своего великолепия, когда Рим и италийские гавани стали ее метрополией. Эти части света зачахли с тех пор, потому что пренебрегли своими лавками и кораблями.

Было даже и такое время, когда торговля зачахла почти на всей земле; это было после падения Римской империи и вплоть до открытия Нового Света. Больше не было метрополии; это стало причиной деспотизма, распространившегося по всей Земле.

Благодаря свойствам своего климата Европа должна надолго сохранить свою конституцию и свою торговлю; я говорю «свою конституцию» потому, что Европа — это один народ; одна и та же торговля породила одинаковые опасности и одинаковые выгоды; если когда-нибудь Европе придется утратить свои колонии, она станет самым несчастным из континентов, потому что сохранит свою алчность. Тогда, если найдется в Европе свободный народ, чья мораль не будет моралью торгового народа, он быстро подчинит себе все остальные народы.

Таким образом, общее благоденствие зависит от сношений различных народов с колониями и от сношений держав друг с другом; все эти сношения

осуществляет морской флот; он делает Европу грозной для Нового Света и для себя самой.

Чем враждебнее к роскоши дух конституции, тем опаснее торговать; однако если избыток продовольствия обложен налогами, роскошь становится пособницей земледелия; торговля в этом случае будет относиться лишь к международному праву и станет полезной с точки зрения экономики.

Государство обретет ту выгоду, что обогатит свои колонии, усилит свой морской флот, свою торговлю, обогатит казну, и лишь пороки станут несколько беднее.

Глава VII

О пошлинах

Когда пошлины взымались у ворот всех городов королевства, французский народ относительно казны пребывал в таком же положении, в каком ныне пребывают по отношению к ней все чужестранные нации, с тех пор как взимание пошлин отодвинули к границам страны.

Быть может, наступит время, когда вовсе не станет пошлин, и народы, как люди, тоже поймут, что они — братья.

Тогда нации перестанут соперничать, во всем мире будет одно только общее право; подобно тому как все мы ныне стали просто французами, во всем мире будут жить просто люди; названия наций перемешаются, земля станет свободной.

Но тогда люди станут столь простыми душой и столь мудрыми, что будут смотреть на нас, хоть и были мы изрядными философами, такими же глазами, какими мы ныне смотрим на народы Востока или на вандалов и гуннов; ибо в мире, сколь бы ни казалось в нем все запутанным, всегда можно видеть стремление к усовершенствованию, и мне представляется неизбежным, что после длинной череды перемен род людской благодаря просвещению вернется к мудрости и простоте нравов.

Глава VIII

О лесах

Леса, плод бережливости последних веков, в начале нашего века были одним из ресурсов французской промышленности; они обогатили фабрики и укрепили морской флот; они несколько возместили потери, понесенные знатными домами во времена Ло, они доставили средства для непомерных расходов вельмож и дворянства при Людовике XV, но их продукт не был неисчерпаемым; леса ныне по большей части истреблены; в последнее время они ценились чрезмерно дорого, особенно в столице. Соблазнами столичной жизни Париж привлекал богатства и ресурсы состоятельных людей, и они на вес золота покупали съестные припасы, те самые, которые они, побуждаемые своею жалкой алчностью, втридорога продавали в провинции.

Если роскошь во Франции не пойдет на убыль и если богачи здесь останутся праздными, леса, на которые роскошь влияет в такой же мере, как и на общественные нравы, будут по-прежнему сводить, и вскоре морской флот и торговля будут разорены; нельзя надивиться тому, какими скрытыми путями, тихим шагом шествуют перемены и как внезапно они раздражаются.

Самое незначительное злоупотребление в политическом устройстве влечет за собой сокрушительный необратимый ответный удар; это как отражение звука в атмосфере.

Глава IX

Об общественных памятниках

Почтительная память общества должна воздвигать общественные памятники великим людям, которых уже нет среди нас, где бы ни была их родина, чтобы увековечить их и поощрить во всем мире стремление к великим деяниям. Современная Европа, достаточно цивилизованная, чтобы ценить славных гениев, но недостаточно благоговейщая перед их памятью, преследует благородных людей, пока они живы, и покидает их, когда они умирают. Происходит это оттого, что в европейских конституциях нет ни принципов, ни добродетели. Куда бы я ни обратил взор, всюду статуи королей, которые все еще держат в руках бронзовые скипетры. Во всей Европе мне известны только три памятника, достойных человеческого величия: это памятники Петру I, Фридриху и Генриху; но где памятники таким людям, как Дасса, Монтень, Поп, Руссо, Монтескье, Дюгеклен⁸² и многие другие? В их книгах и в сердцах пяти или шести людей в каждом поколении.

Я всегда поражался, глядя на фигуры скованных наций у ног Людовика XIV, что вся Европа не взялась за оружие, чтобы уничтожить Францию, как некогда доблестный античный мир объединился, чтобы вернуть похищенную Елену.

Национальное собрание повергло этот презренный монумент; однако оно не поддавалось энтузиазму и оставило надменного монарха на посмешище свободному народу. Никакое почтение не будет чрезмерным по отношению к королю, никакое унижение не будет чрезмерным по отношению к тирану.

Я удивлен, что в огне восстания народ Парижа не сбросил на землю эти заносчивые бронзовые статуи. В этом проявился общественный дух того времени: люди вовсе не испытывали ненависти к королям.

Я видел великого Генриха, опоясанного трехцветной перевязью; славные федераты из провинций обнажали перед ним головы; на прочих не смотрели, но их и не оскорбляли.

Франция постановила, наконец, воздвигнуть статую Ж. Ж. Руссо. Ах, почему этот великий человек умер?

Глава X

Заключение

Я завершил свой путь и собираюсь с мыслями, чтобы извлечь назидание из различных предметов, попавших в поле моего зрения; я назвал Национальное собрание политическим организмом, это соответствовало тому смыслу, в каком я тогда о нем говорил; но мне следует развить мои мысли до конца.

Национальное собрание, будучи исключительно законодательным, не имело ни законодательной власти, ни представительного характера; оно воплощало дух суверена, т. е. народа; после того как оно отреклось от власти, полученной из рук тирании, оно отреклось от всякой власти, которая стала несправедливой, после того как нация обрела свободу. Мне кажется, я вижу Ликурга, о котором упоминал, как он расстается с государством и со своею властью, чтобы издать законы. Собрание сменило свое наименование «Генеральные Штаты» на «Национальное собрание»;⁸³ первое из этих названий означало поручение, второе — миссию; Собрание выполняло эту миссию не так, как Ликург, Магомет, Иисус Христос — именем неба; неба в сердцах людей более не было; они нуждались в иных притягательных средствах, более отвечающих человеческим интересам. Поскольку добродетель и поныне обладает обаянием для надменных и развращенных смертных, ибо все, что есть благо, представляется им прекрасным, все загорелось идеей прав человека; философия и гордость получили не меньше новообращенных приверженцев, чем бессмертные боги.

Между тем под скромным наименованием «Национального собрания» законодатели, говоря людям лишь о них самих, поразили людей священным безумием и сделали их счастливыми. Однако законодатели никогда не употребляли власть непосредственно, на них нет вины перед сувереном. Громы нужны лишь ложным богам, и если тем, кто приступает к законодательству, не хватает мудрости и гения, владычество этого законодательства будет недолгим и губительным. Я уже говорил о мудрости, искусности и терпеливости Национального собрания и повторяться не стану. Оно преобразило все, и от установленного им порядка уклонялись лишь те, кто беспокоил Собрание в самом его лоне, из-за своего невежества, вздорности или вследствие подкупа.

Осмелюсь ли я занести на бумагу ту мысль, которая пришла в голову всем, что Франция вскоре в лице своих законодателей увидела своих повелителей и, таким образом, утратила свое достоинство? Если у Национального собрания нет далеко идущих замыслов, оно одно только обладает добродетелью и мудростью; оно отнюдь не пожелало иметь рабов и разбило оковы народа, который кажется созданным лишь для того, чтобы сменить одни оковы на другие. Все было сделано для того, чтобы доказать Национальному собранию свою рабскую покорность; его членов называли «священными представителями»; чиновники, осуществлявшие тиранию над суверенным народом, называли себя его братьями, гнули спину перед законодателями, которых они должны были лишь уважать и любить. Будучи трусами, вы почитали их вла-

стелами, потому что ваша слабость не ведала ничего, кроме надежды и страха!

Национальное собрание не было законодательным органом; это последнее учреждение приступит к своей деятельности лишь после него; поэтому миссия Национального собрания завершается лишь с окончанием его деятельности. Будучи столь же справедливым, сколь глубокомысленным, оно повиновалось своим собственным декретам; оно издало восхитивший мое сердце и сердца свободных людей закон, предписывающий священникам, членам Национального собрания, отослать в муниципалитеты, направившие их, акты своей гражданской присяги.

Меня могут спросить, действительно ли я считаю, что конституция Франции, такая, как она есть, выражает волю всех; решительно отвечаю: нет, ибо невозможно, чтобы когда народ заключает новый договор, после того как прежний был расторгнут и опорожен, — невозможно, чтобы мошенники и обездоленные не составили две разные партии; однако было бы странным злоупотреблением буквой закона, если бы мы сочли, что сопротивление нескольких негодяев является частью общей воли. Общее правило таково: всякая воля, даже суверенная, если она склоняется к испорченности, обращается в ничто; Руссо сказал не все, когда назвал общую волю не подлежащей передаче, незыблемой, вечной. Необходимо еще, чтобы она была справедливой и разумной. Не менее преступно, когда суверен тиранит сам себя, чем когда это делает кто-нибудь другой; ибо, поскольку в этом случае законы происходят из нечистого источника, народ впадает в рабство или распущенность, и каждый человек становится частью тирании и рабства. У испорченного народа свобода есть всеобщее вероломство, которое, не нападая более на права всех и на мертвый суверенитет, нападет на природу, которую эта свобода представляет.⁸⁴

Возвращаясь к прерванной мысли: я уверен, что установление, встреченное народом с радостью и с принесением присяги, нерушимо, если правление будет справедливым.

Я уже говорил, что Национальное собрание отказалось от власти; его декреты ничего не стоили, они становились законами лишь после королевской санкции;⁸⁵ когда законодатели вынесли решение воздвигнуть статуи, они поступили правильно, воздвигнув их от имени народа, а не от своего имени. Признательность так же, как и воля нации, может исходить лишь из ее уст и ее сердца; присвоить права свободы — это тирания, присвоить права добродетели — святотатство и еще большее преступление. Если бы Собрание воздвигло статую Ж. Ж. Руссо от своего имени, эта статуя явилась бы коварным сооружением, коим была бы освящена узурпация, совершенная под прикрытием публичного почитания, и ложь, сотворенная под покровительством правдивого человека; суверен имел бы все основания низвергнуть этот истукан и повелеть соорудить другую статую.

Определенность, с какою Национальное собрание установило пределы своей миссии, привела его к намерению определить миссию властей. Общественному организму будет недоставать соразмерности, если власти отделены одна от другой не в одинаковой мере, когда народ, слишком удалившийся от своего суверенитета, оказывается недостаточно далек от правительства и

слишком от него зависит, так что он проявляет скорее послушание, чем добродетель или верность; когда законодательная власть слишком близко соседствует с суверенитетом и слишком далека от народа, так что этот последний весь как бы поглощается представителями; когда, наконец, государь слишком стеснен между законодательным органом и народом, так что как бы подмят первым и угнетает второй, каковой он может только отталкивать.

Законодатели Франции придумали самое мудрое равновесие, какое только можно было придумать; не следует смешивать государя с органами управления, ибо тогда будет непонятным то, о чем я говорил выше.

Куда бы я ни обратил взор, я вижу чудеса. Я оставил за собой возможность сказать еще несколько слов о праве вести войну, как его определили законодатели. Франция отказывается от завоеваний. Ее население и могущество вскоре увеличатся. Война, — сказал тиран, — ослабляет народ, если он слишком силен.

Наступательная война может быть предпринята только в том случае, если весь народ, будь он столь же неисчислим, как морской песок, согласится на это, каждый по отдельности, ибо здесь, помимо того что подобное предприятие должно быть зрелым, здесь будет нарушена естественная свобода человека — его право располагать самим собой; при оборонительных войнах, напротив, не нужно ни голосовать, ни обсуждать, но лишь победить. Тот, кто откажется выступить на защиту отечества, совершит ужасное преступление, он нарушит гарантию договора. Многочисленному народу нужно отказаться от войны, или ему нужна тираническая метрополия, подобная Риму или Карфагену; когда Руссо восхваляет римскую свободу, он забывает о том, что весь мир пребывал в оковах.

Я говорил о культе и о духовенстве, мне хотелось поговорить далее о религии священников. Отчуждение церковных имуществ объявили ужасным преступлением, вина за которое лежит на законодателях; их обвиняют в том, что они пренебрегли анафемой последнего церковного собора;⁸⁶ нельзя отрицать, что это постановление собора было разумным для своего времени, поскольку способствовало единению трона с алтарем, которые неколебимы, пока они заодно; под них тогда вело подкоп честолюбие частных лиц. Времена Тридентского собора были временем гражданских раздоров. Сильные мира сего оспаривали друг у друга власть, это были тираны, которых следовало подавить. Церковь была тогда еще целомудренной; ныне ей, бесстыдной, вернули стыдливость, и то, чего не могли достигнуть некогда, не совершая преступления, отдельные личности в королевстве, желавшие возвыситься, то сумел сделать народ, чтобы стать свободным. Для воли нации нет ничего незыблемого, и частные договоры изменяются при вступлении в силу общественного договора; если что-то отменено сувереном, тот, кто предъявляет целому народу законы, более недействительные, заслуживает изгнания; тот, кто выступает против верховной воли суверена, т. е. против воли всех, заслуживает смерти.

Таковы преобразования во Франции. Я не столько хотел доказать, что Франция стала свободной, сколько хотел показать, что она могла бы стать такою, ибо даже самое мощное тело каждый день утрачивает часть своей силы из-за какого-нибудь неожиданного недуга. Для конституции правительст-

во — то же, что кровь для человеческого тела; и первое, и вторая поддерживают движение и жизнь. Именно здесь природа и разум обретают неизбежный результат своих принципов. Где ослабела кровь, там тело либо в огне лихорадки, либо в холоде смерти; где политический организм управляется дурно, там все предается распущенности или попадает в рабство.

Спокойствие и мир могут долгое время поддерживать свободу французов, но если ее вдруг поколеблет влияние могущественного человека, все обернется по его произволу; это было бы возвращением Алкивиада.⁸⁷

Равенство во многом зависит от налогов; если они заставят нерадивого богача покинуть свой праздный стол и пуститься в путь по морям или основать мастерские, он потеряет многие из своих повадок; деятельная жизнь делает нравы тверже, надменны лишь изнеженные нравы. Люди, которые трудятся, уважают друг друга.

Правосудие будет простым, когда гражданские законы, избавленные от тонкостей феодального, бенефициального и обычного права; станут призывать лишь к добросовестности в отношениях между людьми; когда общественный дух, обращенный к разуму, сделает суды пустыми и безлюдными.

Если все люди будут свободны, они будут равны; если они будут равны, они будут справедливы. То, что честно, проистекает из себя самого.

О ПРИРОДЕ, О ГРАЖДАНСКОМ СОСТОЯНИИ, О ГРАЖДАНСКОЙ ОБЩИНЕ, ИЛИ ПРАВИЛА НЕЗАВИСИМОСТИ УПРАВЛЕНИЯ

ГЛАВА О ПРАВЕ ЗАВОЕВАНИЯ, ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ПРАВЕ, ИЛИ ПРИНЦИПЫ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА

Я хочу познать принципы общественного состояния; я полагаю, что лишь природа может быть для него надежным основанием. Таков предмет этой книги.

В природе — вся суть истины и правильности в отношениях вещей или их нравственный смысл.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ СОСТОЯНИИ

Глава первая

О природе

[Природа это круг, в котором порядок вещей в мире является для нас центром. Каждый индивид, помещенный в этот круг, также занимает в нем

центральное место; ибо отношение целого к индивиду повсюду то же, что и отношение индивида к целому.

Природа отношений есть однородность вещей, которая их объединяет.]

Эти отношения не могут быть частными или личными соглашениями; там, где начинается соглашение, кончается природа. Общественная жизнь, таким образом, является отношением, объединяющим людей, единственным вечным принципом их сохранения.

Общественное состояние происходит не из соглашения; искусство устанавливать общество посредством договора или воздействия силы есть не что иное, как искусство разрушать общество.

Если в физическом порядке вещи могли бы управляться какое-то время посредством положительного соглашения, все вскоре распалось бы. В моральном порядке также все расстраивается, потому что человек поставил договор на место природы.

В общественном состоянии человек, должно быть, не имел страстей, ибо жил согласно природе. В нынешнем же состоянии человек наделен страстями [поскольку его правила основаны на соглашении, а единственным принципом соглашения является собственность, правилом общественного соглашения является сила и собственность], ибо живет согласно силе.

Не нужно смешивать чувства души и страсти; одни — дар природы и принцип общественной жизни, другие — плод узурпации и принцип жизни дикарей.

Люди цивилизованы, пока они следуют своим склонностям [которые заставляют их объединяться и любить друг друга]; они становятся дикарями, когда эти склонности уступают место политическим законам и когда они соединены как господа и рабы.

В этом смысле землю теперь населяют лишь дикари, и самому нежному сердцу с помощью самого живого воображения трудно представить себе первоначальное общество, столь велико искажение человеческого духа. [Всякое искусство порождает чудеса, искусство управления порождало одних чудовищ; дело в том, что мы искали искусства, изображения в природе, принципы — в собственной гордости.] Каким бы ни был источник настоящего порядка вещей, он порочен, он — порождение мрака, ибо мир несчастлив. Вот почему я мало верю в религии, они породили множество преступлений, дурных законов и нечестивости. Не будем больше говорить об этом.

Я суров не более, чем следует; не осуждайте душу чувствительную и сильную, которая не желает зла: истине, природе и себе подобным я плачу, как долг, дань любви.

[Я хочу познать принципы состояния общественного, или естественного, и путь, который легко мог привести нас к нему от того, что мы есть, таков предмет этой книги, в которой я призываю общественное право.]

Глава II

Об обществе¹

Все, что дышит, независимо от своего вида и живет в обществе своего вида; все, что дышит, имеет политический закон или закон сохранения против того, что не является его обществом или его видом.

Эта независимость имеет свои законы, без которых всякое существо на земле зачахло бы в одиночестве. Законы суть их естественные отношения, эти отношения суть их потребности и их привязанности. Согласно своей разумности и чувствительности животные объединяются в той или иной степени. Одни собираются вместе только весной, другие — в разные времена года; они сходятся, не причиняя вреда друг другу, не убегая друг от друга. Как существо самое чувствительное человек рожден для постоянной жизни в обществе,² ибо он рожден для владения.

Итак, люди образуют естественное общество, основанное на независимости каждого, но все вместе они образуют политический организм, или политическую силу против завоевания. Общественное состояние есть отношение людей между собою, политическое состояние есть отношение одного народа к другому.

Мы видим, что люди, обращаясь друг с другом как враги, обратили против своей общественной независимости силу, предназначенную лишь для обеспечения их внешней, или совокупной, независимости; общественный договор сделал эту силу двойственной, оружием в руках части народа для угнетения всего народа и в то же время оружием для сопротивления завоеванию.

Если целью общественного договора является сохранение сообщества — значит людей считают дикими животными, которых необходимо укрощать. Действительно, согласно общественному договору, все живут вооруженными против каждого, как стадо животных разных видов, неизвестных друг другу и готовых пожирать друг друга. Безопасность всех — в уничтожении каждого, тогда как на самом деле она заключается в их независимости.

Возьму на себя смелость сказать, что большая часть ошибок гражданской общины происходит оттого, что законодательство рассматривалось как настоящая наука. Отсюда его непостоянство и разнообразие.

Подобные представления должны были увековечить рабство людей, ибо, предполагая человека жестоким и опасным от природы, нельзя было вообразить иного способа управлять им нежели сила.

Из-за смешения права общественного и права политического образовались скопления людей, а не общества.

Однако поскольку в республике интерес каждого охраняется силою всех, поскольку все и каждый не объединены, а связаны посредством угнетения, республика согласно природе своего соглашения заключила политический договор, или договор, основанный на силе, между каждым и всеми, и этот политический договор образовал общественный договор. Какое насилие и какая слабость, в то время как о природе забывают и оскорбляют ее! Такие общества подобны шайкам пиратов, где единственным гарантом явля-

ется сабля. На кораблях флибустьеров тоже существовал общественный договор.

Принцип сохранения был дурно применен. Он относится только к международному праву, т. е. к отношениям между народами, и в нем же — основной закон наших обществ; воюют друг с другом не люди, а государства.

Поскольку в общественном состоянии люди независимы, то народы, являющиеся совокупными общественными существами, также обладают независимостью в человеческом сообществе, но эта независимость не является моральной, ибо отношения, связывающие людей, не существуют между народами: между ними существуют лишь физические связи.

Независимость народов имеет только одно моральное основание — бесполезность завоеваний; в этом причина долгого существования первоначальных обществ: земель, которые они занимали, было достаточно для их населения.

Мысль, что народы превращаются в завоевателей из-за необходимости завоеваний, порождает другую мысль: при росте семей человек вооружался против человека, чтобы расширить свое поле. Но если иметь в виду, что жестокость в отношениях народа к народу объясняется их взаимной изоляцией, а в отношениях человека к человеку существует единство, если иметь в виду, что движение людей, вызванное их слишком большой численностью, было бы направлено, подобно вихрю, к окраинам, а не в центр их обитания, станет очевидным, что избыток населения может представлять угрозу лишь для соседних обществ. Миграция народов с севера, происходившая тысячу лет назад, подтверждает эту истину. Эти люди, жестокие по отношению к другим народам, у себя на родине были вполне мирными, иначе они разорили бы себя, отвоевывая себе место. И это не потому, что на родине им не хватало земли, а потому, что возделывать ее им мешали страсть к войнам и их нравы. Дух завоеваний порожден не нищетой, но алчностью и ленью.

В Америке были открыты обитаемые острова; поскольку эмиграция оттуда невозможна, сила там должна была обратиться сама на себя; но либо населению хватало земли, либо оно образовывало разные народы, которые истребляли друг друга.

Следовательно, верно, что лишь нации находятся в состоянии войны, но не люди.

Ошибочно думать, что первые люди были дикарями и что вначале они объединились в гражданском состоянии ради собственного сохранения. Чтобы допустить это, следует представить себе, какова была опасность, кто вооружился первым и почему вооружился. Легко допустить, что люди объединились, чтобы защищаться, но трудно представить, что они объединились, чтобы нападать, да и на кого они нападали? Они были объединены задолго до состояния войны. Это общество не было жертвой политики, оно управлялось по законам природы; человек же становился дикарем по мере того, как смешивал [политический закон и общественный] законы, управляющие народами, с законами, управляющими людьми. Народы, в массе утратившие чувства, присущие индивиду, испытывали потребность охранять себя. Таким образом, то, чего не сделали отдельные люди, [в общественном состоянии] сделали на-

ции: каждый народ превратился в силу по отношению к другому народу. Необходимо было защищать свою территорию; к тому же появилось желание ее расширить.

Если при общественных или естественных законах люди не находятся в состоянии, определяемом силой, то когда в гражданское состояние вмешивается политический закон и народ полностью подчиняется правлению, каждый человек уподобляется народу, общественное единство утрачивается, каждый, чтобы сохранить себя, способствует угнетению всех остальных силою магистрата.

Индивид живет только для себя.

В дикой жизни или в республике ввиду подчиненного положения всех каждый живет для всех, в общественном состоянии — согласно личной независимости. Происходит это следующим образом: в первом случае политический закон разъединяет всех, чтобы защитить каждого внутри <сообщества>, что является излишней и тиранической мерой; во втором случае общественный закон объединяет всех извне, что является необходимым и законным.

Одним словом, чтобы объединить свои политические силы против соседей, народ не должен лишать своих членов общественной независимости.

Вождь или государь, которого народ определяет себе, чтобы организовать свои политические силы, внутри <сообщества> ничего не значит и не может использовать эту силу.

Народ должен сам управлять собою. Отвратительно, если им управляет орда чуждых ему людей.

Если отношения между народами определены строгими рамками и если взаимоотношения внутри <сообщества> подчиняются гражданским правилам, остается выяснить, надобна ли в первом случае особая сила, если народ в целом обладает силой, а во втором случае — нужны ли магистрат и налоги, чтобы оплачивать ярмо.

Это не парадокс. Я вовсе не гоню людей в леса, напротив, я призываю их вернуться к природе, к общественному порядку. Неужели солнце светит лишь для диких зверей?

Глава III

Об общественном человеке, или о первых людях

[Если сохранение не является необходимым принципом гражданского состояния, я скажу, что общественная жизнь]

Это состояние войны между людьми иссушило их души. Ни один не счастлив, все томится и изнуряют себя поисками свободы в рабстве, учтивости в варварстве, природы в страстях.

Индийцы, для которых счастье заключается в бездействии, дали верховному существу имя «неподвижный».³ Когда я наблюдаю, к чему приводит наша суетность, то нахожу, что спокойствие индийцев — это сама мудрость.

По-видимому, первые люди не терзали землю с такой же алчностью, как мы, и, думается, их благоденствие заключалось в покое и в удовлетворении

самых простых потребностей. Как ужаснулись бы эти простые и счастливые люди при виде кораблей, огромных зданий, или изнурительных полевых работ. Увы, не приходится более и помышлять о том, чтобы люди вкусили прелесть невинности; вокруг видишь лишь существа слабые и испорченные, сама добродетель лишена невинности. Но природа создана не только для лесов. Если человек, будь он мореплаватель или землепашец, нашел счастье в странствиях по морям, в возделывании земли, пусть он обретет вновь свое истинное достоинство и знает, что сам принцип его счастья, его радостей, его богатства, его сохранения заключен в том состоянии, которое ему неизвестно.

Человек не знает сам себя; гордясь ложной природой, которую он для себя сотворил, как возвратится он к истинной? Глупость, которой Монтескье наделяет людей, живших до образования общества, отнюдь не такова, какой он себе ее представляет. Выдвигаемое им доказательство этой глупости — фактического порядка. «Человек в естественном состоянии, — говорит он, — вначале чувствует лишь свою слабость, он крайне боязлив; если бы для подтверждения этого потребовались примеры, вот они: в лесах обнаружили диких людей, все заставляет их трепетать, все обращает в бегство». ⁴ Этот дикарь, трепещущий и бегущий от существа, в котором он не узнает существо своего вида, не будет дрожать и спасаться бегством от другого дикаря. Ошибочно считать, что первые люди в страхе бежали друг от друга: ни одно существо не бежит от существа своего вида, но бежит от любого другого. Все существа испытывают страх при виде того, кто на них не похож, и удовольствие при виде себе подобного. Первые люди, по-видимому, бледнели, как и мы, при виде тигра или пантеры, но, объединенные сначала в семьи, затем в племена и, наконец, в нации, они не бежали от людей, носящих такую же одежду и говорящих на том же языке.

Гоббс спрашивает: «Почему, если война не есть естественное состояние людей, почему они вооружены и почему они запирают дома на ключ?». Монтескье отвечает на это: «Гоббс не знает, что он приписывает людям, живущим до возникновения общества, то, что с ними может произойти только после возникновения его, когда у них появляются причины для того, чтобы нападать друг на друга и защищаться». ⁵

В действительности Гоббс изображает человека, ставшего дикарем, но и сам Монтескье, столь близкий к истине, ее не почувствовал. Он продолжает говорить о стремлении жить в обществе, как о естественном законе. Общество, стало быть, предшествовало политическим соглашениям; люди в таком состоянии не были ни глупыми, ни дикими; отношения удовольствия объединяли их, они не внушали друг другу страха и не бежали друг от друга.

Общественный человек — существо простое, друг себе подобным; человек дикий или политический — свирепое животное, сила закона извращает его и отторгает от самого себя. Например, в большинстве стран дворянин полон отеческих чувств лишь к старшему из своих детей, остальных он отсекает, как побеги, недостойные питаться его соками. Рядом с ним деревенский житель, не столь дикий, как он, обрабатывающий свои поля, с равной любовью кормит всех своих детей, одинаково печется о них.

Глава IV

О происхождении состояния дикости

Люди утратили общественное состояние не сразу. Дикая жизнь устанавливалась в течение долгого времени путем незаметных искажений. Если люди вдруг объединились ради самосохранения, как охраняли они себя до этого момента? Изъявление воли к объединению могло возникнуть лишь как результат полного согласия. Для этого нужно было говорить и слышать друг друга. Если они говорили, если они слышали друг друга, они неизбежно общались между собою.

Дикая жизнь наступила следующим образом: вначале у народов не было правительств, они имели лишь вождей. У древних франков, древних германцев, очень близких нам, не было магистратов, народ был государь и суверен. Но когда народы утратили вкус к собраниям и занялись торговлей, возделыванием земли или завоеваниями, государь отделился от суверена. Так заканчивается общественная жизнь и начинается жизнь политическая, или соглашение.

Глава V

О первом соглашении

Когда общественное состояние превратилось в политическое, было заключено двойное соглашение — граждан между собою и между гражданами и государем,⁶ кем бы он ни был, сенатом или королем. Согласно первому соглашению все принимали обязательства один в отношении к другому; согласно второму все принимали обязательство повиноваться; таким образом, тот, кому повиновались, занял место всех.

Чтобы закрепить свою узурпацию, государь установил между собою и каждым отношения, которые все имеют между собою. Поскольку он стал самым принципом и двигателем всех гражданских отношений, его воля стала правом.

Прежде, до меня, говорили, что политический закон есть не договор народа с государем, а договор граждан между собою. Но для чего нужен такой договор, если очевидно, что его целью не является ни создание, ни сохранение общества, но его подчинение? Трудность состоит в том, чтобы понять, как должны народы управлять собою, не отделяя магистрат от суверена. Ибо естественный договор исключает всякую особую силу, независимую от суверена.

Я вернусь еще к данному вопросу в этом сочинении, пока же должен лишь заметить, что всякое соглашение, разделяющее народ и государя, было незаконным уже потому, что это было соглашение. Или по крайней мере, поскольку соглашение это было личным, оно не могло иметь ни обратного, ни последующего действия, но лишь текущий результат, который обязывал человека только в удобных ему рамках. Но этот самый договор, о котором я говорю, может иметь силу лишь между всеми, ибо если государь отделен, дого-

вор между народом и его вождями осуществляется не непосредственно, а через необходимые полномочия.

Руссо постоянно обращает свой взор к природе: он ищет независимое общество, но оно совершенно несовместимо с сильным правительством, о котором он говорит; он душит свободу собственными руками, и чем больше преград он устанавливает для рабства, тем больше выковывает оружия для тирании.

Могут сказать, а как будет народ существовать без договора? Я же спрошу, а у какого народа он есть? Нации не имеют ни договора, ни соглашения, лишь сила правит повсюду.⁷

Глава VI

О принципе законодательства

Минос почувствовал, сколько затруднений возникает, когда народ отделен от государя. Но, познав всю опасность абсолютной демократии, он издал закон, который одинаково обуздал и народ, и магистратов. Магистраты подавляли народ, который в случае опасности для своей свободы брался за оружие и прогонял магистратов.⁸

Я уверен, что легко отличить демократию, где народ подчинен самому себе, от общественного состояния, по поводу которого скорее можно сказать, что там вовсе нет государя, чем утверждать, что таковым является народ.

Я не вижу никаких различий между всеми формами законодательства. При одной из них народ подчинен одному лицу, при другой — несколькими лицам, при третьей — самому себе.

Следует рассматривать вещи в их самом глубоком и первородном смысле. Поскольку я доказал, что сила не поддерживала, а разрушала первые общества, я должен заключить, что все законодательства, будучи установлены силой, несли в себе зерно гнета и должны были исчезнуть.

Чем добродетельнее были законодатели, тем более отдалялись они от природы <человека>, ибо считая ее жестокой, они делали все, чтобы исправить ее. Чем более предусмотрительными были законы, тем более извращался род человеческий: так дерево, за которым начинают усиленно ухаживать, начинает приносить иные плоды, в которых исчезает естественный и здоровый горьковатый привкус.

Глава VII

О естественном законе, и как он был утрачен

Какие бы отношения торговля, земледелие и [мореплавание] промышленность ни устанавливали между людьми, не следует заключать, что этими людьми невозможно управлять естественным образом. Первым законом является общественный закон, все остальные должны [вытекать из его природы] быть подчинены ему, ибо если вы основываете ваше общество на законах силы, любые отношения в нем потребуют принудительных мер. Если вы основываете общество согласно природе, отношения в нем будут естественно вы-

текать одно из другого, а торговля и промышленность также найдут свои законы в природе.

Но вместо того чтобы вывести гражданские законы из общественного права, само общественное право устанавливают на основе умозрительных отношений гражданских связей. Так был утрачен естественный закон, который соотносил гражданское состояние человека с его общественным состоянием. Гражданский закон вовлек человека в торговлю, человек стал торговать самим собою, и цена его стала определяться ценою вещей.

Однако совершенно очевидно, что вещи не равны по своей ценности. Поскольку человек и вещи стали смешиваться в мнении общества, люди стали неравными между собою, как неравными были и вещи.⁹

[От природы ничего не осталось] Все было подчинено этому принципу. Подобно тому как человек и вещь должны быть разделены, человек и религия должны быть независимы. Гражданский закон объединил человека, вещи и религию в государстве. Общественный закон побуждал человека любить своего творца; гражданский закон заставил человека бояться его. Сохранение было предложено для установления состояния силы; божество стало предложением для повиновения.

Глава VIII

Продолжение

Действительно, религиозный закон уничтожил закон естественный и стал правом. Бог мира превратился в бога войны, повсюду появились божества, и природу стали повсюду осквернять страхом перед их присутствием и их волей. Человек стал поклоняться своим добродетелям, своим тиранам и своим преступлениям; более того, он дошел до того, что стал ненавидеть природу, бежать от нее, видя в ней источник своей слабости и поклоняясь дикой жизни как источнику суровых добродетелей.

Осмелюсь предсказать, что рано или поздно человек ниспровергнет своих идолов: какой из народов не презрел в конце концов свои законы и своих богов? Почему так происходит? Дело в том, что испорченный ими и наученный своею испорченностью народ возвращался к природе. Когда Рим погибал, это был Рим стойков; когда Греция погибала, это была Греция философов. В том и в другом случае законы, магистраты и религии подвергались осмеянию.

Помимо того что закон извращает людей, нужно постоянно извращать законы, чтобы охранять людей. Разве не приходишь в ужас, когда видишь, какой ценой [Моисей] добились дисциплины среди еврейского народа [как устращивали их, чтобы управлять ими, сделали из них чудовищ, чтобы приобщить их к цивилизации, и повели их, обуреваемых страхом, чтобы управлять, вести] и как в бескрайней пустыне [сделали из них благочестивых нечестивцев, подло обманув их] из евреев сделали чудовищ, чтобы приобщить их к цивилизации?

[Естественный закон есть не что иное, как сам общественный закон.

Как показывает история, повсюду не более шага отделяет презрение к законам и к богам от революции и революцию от справедливости]

Наихудшими из законодателей были пророки. Похоже, что вместо того чтобы быть просто в согласии со своим создателем, человек оказался под его гнетом.

Но разве божество разделяет с королями стремление к господству, [я хорошо знаю, что человек должен любить своего суверена] разве оно создает человека, чтобы угнетать его, хуже того, угнетать посредством священнослужителя? По каким признакам можно судить, что Верховное существо на небесах держит в руках железный скипетр? Власть всего того, что оно сделало с человеком, сладостна человеку, нетерпим лишь священнослужитель, этот пророк, который заставляет бога говорить то, что говорит он сам, и указывает, во что верить, не чувствуя этого в глубине своего сердца. Я замечаю, что пророки дали человеческому роду подобающую основу того права, которое они хотели установить. Моисей выдумывает сказку о демонах и рас, дабы запугать народ наказанием за неповиновение. Вот почему этот извращенный народ так и не освободился от своего фанатизма. Моисей постарался увековечить его изречениями о повиновении гнету и надеждой на явление освободителя. Эта страшная идея, кажется, увековечила с помощью лжи забвение человеческой природы. Ничто не могло разрушить такого представления, и все — даже серп жнеца — было бессильно перед этим религиозным предрассудком. Я не боюсь сказать, что Моисей был самым умным и искусным из людей и вместе с тем самым дурным из них. Он нашел секрет вечного закона, ибо, хотя его народ и несчастлив, он терпелив и, исполненный гордыни, ждет освободителя, который подчинит ему всю землю.

У Магомета тоже были подобные идеи. Он внушил своему народу страх перед адскими муками и таким образом ввел добродетель в гражданское состояние. Он объявил своему народу, что христиане завоюют его в наказание за его прегрешения. Так он объединил народ вокруг своих догм, предупредил его развращение и пренебрежение к культуре, если бы мечу удалось разрушить его.

В человеке ничего не осталось от природы. Столь сладостная и естественная любовь к творцу стала жестоким законом, приносящим лишь мучения. Сила объединила против него тиранов, богов и его самого; вместо того чтобы следовать естественным отношениям, которые объединяют его со всеми, он стал зависеть от всех. Политический закон окружает его со всех сторон ловушками, превращает его повсюду в преступника, а божественный закон обещает ему лишь мучения.

Конечно, он зависит от благого Верховного существа, создавшего его, это истина, но нужно еще знать правила этой зависимости. Я вижу, что человека повсюду угнетают священники и догмы, но ни догмы, ни священники не являются божеством. Я узнаю честность Миноса, Солона, Христа в природе их установлений; Моисей и Магомет — нечестивцы, они опираются лишь на самих себя. Законодатель, проповедующий мораль, общественную жизнь и мир, не нуждается в чудесах для оправдания своего назначения, чудеса свидетельствуют лишь о его искусности и ни о чем другом. В этом отличие философа от пророка. Наука первого основана на фактах, доводы второго — на праве.

Монтескье говорит, что корни религии на небесах. Он ошибается, корни ее на земле. Не существует законной промежуточной власти между небесами и человеком; человек может применить к себе изречение королей, которые утверждают, что происходят от Бога.

Глава IX

О принципах общественной жизни

[Я вижу подлинную честность лишь в естественном законе: там все находит место в сердце человека, там проведена отчетливая граница между общественным законом и гражданским законом. Там нет властей, чтобы подчинять, там не прельщает фанатизм, там нет законов, притесняющих личность, нет, наконец, повелителей, которые продают государство. Народ объединен отношениями человека, как существа общественного, как творение он соединен со своим создателем отношениями сохранения, как существо гражданское — владением, и собственностью как совокупное политическое существо. Владение соотносится с отношениями гражданского состояния, собственность соотносится с действительным доменом или империей. В этих идеях заключен принцип сохранения. Государство сохраняет себя во всех этих отношениях, ибо во всех этих отношениях оно едино]

Если человека подчиняют ради его сохранения, ради упрочения владения, ради сохранения действительного домена, решение каждой из этих задач заключено в двух других, ибо если люди естественным образом объединены в общественной жизни, они не стремятся отделиться ради защиты своего домена и владения; [если необходимо защитить домен, или собственность, берутся за защиту владения, которое является отдельным <...> домена] если они объединены владением и доменом, они не стремятся отделиться от общественного организма.

Если вы замените этот нравственный и естественный порядок порядком, основанным на соглашении, суверен вооружится против магистрата, магистрат против части суверена, и все рассыплется от одного дыхания силы. Мое рассуждение не страдает непоследовательностью: если верно, что сохранение обеспечивается общественной жизнью, то разрушение полностью заключено в жизни политической. Сила вскоре ослабит все ее пружины.

Сохранение заключается, таким образом, в независимости и полноте соответствующих прав. Если в состоянии дикости человек угнетен, если он развращен магистратом, то в общественной жизни, которая не знает магистратов, человек не угнетен и не развращен.

Если внутренняя узурпация исходит всегда лишь от магистрата, народ, не имеющий магистратов, гарантирован от узурпации.

Если у народа нет магистратов, он независим. И если народ не только сохраняет себя без магистрата, но не может сохранить себя ни благодаря ему, ни вместе с ним, это значит, что принципом общественной жизни является независимость, а ее продолжительность зависит от этой независимости.

Не менее верно и то, что народ как политический суверен должен обла-

дать энергией, движущими силами и законами, чтобы создать общую силу для сопротивления как внешним покушениям, так и внутренним посягательствам. Но сила эта не есть государь, потому что сущность государя в том, чтобы осуществлять сохранение посредством силы, и потому что безопасность состоит во владении.

В четвертой книге я буду говорить о форме, которую должно принять [государь в соответствии с внешним правом] правительство.

Глава X

О праве

Право между людьми есть природа, или независимость, между гражданами — владение, между народами — сила. [Если бы народы жили в общественном состоянии, политические отношения между ними исчезли бы, не было бы больше суверенов, но поскольку они не объединяются владением, между ними существуют политические отношения или отношения сохранения, которых они не могут иметь с самими собою. Таким образом, политический закон государства имеет в виду лишь соседние народы, внутри же страны независимость всех членов гражданской общины, лишая силы гражданскую общину, укрепляет независимость ее членов] В соотношении этих вещей заключается единство общественного организма во всех его проявлениях; он сохраняет себя благодаря тому, что он един в этих отношениях. Правом народа является также владение, но поскольку против силы не существует иного закона, кроме самой силы, она становится правом в отношениях между народами. Это право возводит народ в ранг суверена только во внешних отношениях, потому что необходимость противостоять силе объединяет силы. Отсюда видно, что народ как совокупное существо зависит от политического закона, который устанавливает его суверенитет, но что внутри <общества> члены его, не имея потребности противостоять самим себе, объединены своей независимостью; эта независимость, лишая силы гражданскую общину, укрепляет независимость всех членов гражданской общины.

Меня бы неправильно поняли, если бы представили себе независимость как состояние анархии, в которое впадают иногда республики вследствие смешения властей и их злоупотреблений. Главная трудность заключается в правильном понимании принципа, ибо если анархия порождается смешением властей, там, где не будет властей, не будет и анархии.

К анархии приводит боязнь утратить свободу; там, где независимый народ является сувереном, он не тревожится за свою свободу.

Глава XI

О суверенитете

Суверенитет народа неделим, не передаваем и неотчуждаем: это сила, посредством которой народ сопротивляется угнетению. Существует и другой су-

веренитет, не менее неделимый, не передаваемый, неотчуждаемый, это частный суверенитет всех людей [он касается их независимости и свободного пользования своим владением], посредством которого сохраняются собственность и владение; именно этот суверенитет называют независимостью. В том же смысле народ является сувереном: он является им для сохранения своей собственности и своего владения.

[В этом смысле суверенитет народа был бы заблуждением, ибо у него нет потребности в силе против самого себя]

Теперь мне следует определить правила [независимости владения] собственности и владения в гражданском состоянии.

К Н И Г А II

О ГРАЖДАНСКОМ СОСТОЯНИИ [ИЛИ О ВЛАДЕНИИ]

Г л а в а п е р в а я

Идея этой книги

Человек рожден для [общественной] гражданской жизни. Поскольку человек рожден, для того чтобы владеть, использование своего владения составляет гражданское состояние.

В природе человека как существа смертного заложено, чтобы он воспроизводил себя и питался [как существо слабое и подверженное тысяче превратностей]; в этих двух отношениях он является обладателем и обладаемым; однако он сохраняет всю свою независимость, потому что он отчуждает не собственность, а только владение.

[Гражданский закон определяет правила этого владения, но он не может ни нарушать его, ни отчуждать. Например, можно издать закон о браках, поскольку они основываются на владении, но нельзя сделать брак вечным, поскольку тогда будет нарушена собственность.

В том же смысле народ может избрать себе вождя, но не может вручить ему себя.

Необходимо сказать о независимости]

Г л а в а II

О независимости

В гражданском состоянии человек живет своими потребностями; в рамках этих потребностей он подчинен гражданскому порядку, вне этих рамок он независим. Но сам гражданский закон не может дать ему другого закона, кроме закона его независимости, и сделать так, чтобы в условиях всеобщей независимости никто не был бы самым сильным и не смог бы покуситься на права гражданской общины.

Величайшая нелепость называть правительство общественной властью:

этим хотели сказать, что правительство есть связующие узы общества, но в первой книге я доказал, что это не так; политическая власть — это ярмо, отнявшее у человека его священную собственность и его владение под предлогом их сохранения, она заменяет общественные связи на связи насильственных, которые рвутся от собственного напряжения.

Я говорю здесь лишь о гражданских отношениях, я не буду говорить о наказаниях за преступления; это относится к международному праву, ибо всякий, кто нарушит закон, выходит из гражданской общины.¹⁰

[Поскольку политическая власть тиранична, необходимо понять, что является принципом гражданского порядка; я действительно скажу, что должно стать единственным основанием управления. Отмечу лишь одну вещь: принципом гражданского порядка является вовсе не политический закон, но закон общественный.]

Общественный закон есть не что иное, как собственность, гражданский закон — владение. Одно естественным образом вытекает из другого.¹¹

Если согласно общественному закону человек является собственником и он независим, то гражданский закон должен определить порядок пользования владением, не нарушающий собственности, установить договор, не нарушающий независимости]

Чтобы гражданский порядок был законным, нельзя, чтобы он исходил из политического закона, ибо тогда система господства становится законом. Тогда гражданские отношения являются уже не договорами по существу, по своей природе, а обязанностями, исходящими из чужой воли.

Гражданское состояние обычно определяют попросту как отношения граждан между собою. Это не так. Гражданское состояние в таком понимании есть отношения, установленные политическим законом между гражданами.

Гражданское состояние в наиболее точном смысле есть не отношения граждан между собою, это общественное состояние, но отношение их потребностей.

Поскольку человек неотделим от своих потребностей, а порядок, которому подчинены его потребности, — смешанный, ибо включает самого человека, гражданский порядок во всех своих отношениях должен соответствовать общественному порядку. Когда обе эти стороны соединены, узы, связующие общество, становятся более прочными, и общество, которое, как я уже сказал, существует само по себе в силу естественного принципа, связано во всех своих частях гражданским порядком.

Когда общественное состояние основано на независимости, мне кажется разумным, чтобы гражданское состояние было основано на принципе равенства, дабы общество не выродилось в тиранию.

Глава III

О гражданском равенстве

Общественный организм схож с организмом человеческим: все его силы соединяются в гармонии. Если в общественном состоянии не уважается собст-

венность, в гражданском состоянии не будет уважаться владение; равенства тогда не будет, и наступит политическое состояние, или состояние дикости.

Все исходит из природы и покоится в ней, как море в своих берегах; вне природы все бесплодно и печально, как безжизненная пустыня.

В естественном состоянии люди не знают неравенства, иначе пришлось бы предположить, что они живут разрозненно, подобно чудовищам, не знающим своего рода. В природе все равны, ибо все созданы из одной плоти; каждое существо обретает гарантию равенства во влечении к себе подобному.

Иначе обстоит дело с политическим законом; в словах «сильный» и «слабый» заключены все преступления. Существо политическое тщетно ищет себе подобного, каждый человек одинок в меру своего могущества; заметьте, что раб, совершенно ничтожный, один наделен равенством и что неравенство существует лишь вследствие изменения власти. Там, где слабость есть самое великое из несчастий, ибо все оставляет ее, там, где сила есть самое великое из благ, ибо все насыщает ее, чувство природы там задушено и в этой юдоли слез дикарь становится добычей другого дикаря.

Богатство не порождает неравенства; равенство заключается не в качестве, а в безопасности собственности и владения. Римский народ не учредил закон о равенстве, когда разделил поля [посредством аграрного закона], он учредил закон, противный природе, он нарушил право первой заправки или владения, это был закон завоевания, который порвал общественные связи.¹²

Цицерон, рассуждая об аграрных законах, хорошо сказал, что гражданская община образуется для защиты владения.

Не стоит повторять, что власть есть смерть общественного организма, но здесь я предвижу возможные возражения: мне скажут, что власть нужна для его сохранения. Такие рассуждения подходят для обществ, которые противны природе и держатся только на силе.

Взаимное влечение, объединяющее людей, собственность на землю и отношения, рожденные владением, — вот что сохраняет общественный организм. Затем идет равенство, которое, ломая политический закон, ставит заслон рабству и узурпации.

Люди, свободно условившись в гражданском состоянии о пользовании владением, не могут злоупотреблять этой свободой, и даже их злоупотребление ею, будучи злоупотреблением возможностью, а не властью, не нанесет ущерба общественному организму: это было бы невозможно.

[Я говорю здесь об общественном организме лишь в его отношениях с самим собою; в другом месте я скажу о его сохранении извне]

В мои намерения не входит предаваться мечтам и желать, чтобы мы стали лучше, дабы быть достойными природы. Напротив, я докажу, что наши общества становились хрупкими лишь по мере удаления от природы, а сила разрушала и раздирала их, вместо того чтобы охранять.

Долголетие общественного организма зависит по существу от истощения всякой власти.

Мы постоянно слышим рассуждения о природе, повсюду она является предметом наших поисков, вожделений и добродетелей, и тем не менее в наших законах нет ничего, не то что похожего на нее, но такого, что не приво-

дило бы ее в ужас. Откуда это противоречие? Дело в том, что право создает сила, и повсюду это право вступает в противоречие с природой. Ее можно увидеть лишь в некоторых отношениях, не оскверненных политическим законом, который все поработорил. Основанные на нем гражданские законы являются уложением дикарей; законы творца¹³ стали оружием тирана против сына, сына против отца, супруга против супруги, мертвых против живых.

[Все — давление и подавление. Идея справедливости извращена, она является не правом людей, основанным на их равенстве, а правом сильнейшего, который встает между ними и отождествляет их со своею волей. Даже в республиках сила является правом]

Свобода в Спарте была конституционным правом; рабство в Спарте также было конституционным правом. Таким же образом обстоит дело с нашими метрополиями и цветным населением.¹⁴ О люди, то же право, которое делает вас свободными, позволяет вам угнетать других.

Действительно, по одной и той же причине в соответствии с политическим законом весь народ подчинен, а в гражданском состоянии одна часть народа находится в рабстве у другой. Так было с рабством и феодализмом, в некоторых странах — с обычаем продавать себя. Ход моих мыслей логичен: чем более общественный договор удаляется от независимости, тем более гражданское состояние удаляется от равенства, пока в крайностях порядка вещей гражданское равенство не отыщет себя там, где зависимость будет полной.

Но при умеренных правительствах, где силы меньше, но более деятельные отнимают часть независимости и равенства, государство делится на сословия, которые зависят одно от другого, но члены которых независимы и равны между собою, если только каждое сословие не развращает само себя, и тогда его члены становятся по отношению к нему тем, чем все сословия вместе являются по отношению к государству. Понятно, что тот, кто держит бразды правления в подобном государстве, использует одну силу для подавления другой. По мере того как сословия или их члены испытывают все больший гнет, они и сами угнетают с большей силой: скорость движения увеличивается с весом.

Тем временем равенство исчезает. В таком государстве рабство принимает какую угодно форму, и давление ощущается на всех отношениях внутри политического организма.

Глава IV

Размышления

В государстве, хорошо управляемом или очень развращенном, это давление на частных лиц будет ощущаться слабо, или точнее, поскольку представление о лучших условиях отсутствует, а при существующих страсти находят удовлетворение, дела хоть плохо, но идут; беспорядок во всем поддерживает их существование.

Философы слишком легкомысленно относились к беспорядку в человеческих делах. Сенека, Монтень и многие другие с большим остроумием показали, что все плохо. Но где выход? Я не люблю врачей, которые говорят, я люблю тех врачей, которые исцеляют.

Не следует пугаться перемен; опасность лишь в способе их осуществления. Все революции в мире исходили из политики, поэтому они были полны преступлений и катастроф. Революции, рождающиеся из справедливых законов и умело управляемые, могли бы изменить лицо мира, не сотрясая его.¹⁵

Я не пойду на компромисс ни с гордыней, ни с предрассудками. Если я найду способ установить, сохранить и сделать счастливым общество без всего этого, то позвольте спросить, для чего нужны короли и власть?

Глава V

О гражданских законах по отношению к общественному закону

Я говорил, что человек сохраняет себя посредством силы общественного закона. Если гражданский закон приходит в столкновение с общественным законом, это похоже на дерево, которое чахнет, лишенное питающих корней.

У государя нет недостатка в предлогах, чтобы извратить природу. Прежде всего ее изображают как состояние дикости. Совершаемые преступления рассматриваются не как результат политического закона, а как следствие порока, свойственного природе, которую политические законы призваны обуздать. Так человека, отравившегося ядом, заставляют выпить другой яд для исцеления. Государь, который хочет, чтобы люди постоянно обращались в его суды, к его министрам, должен повсюду сеять семена раздора, преступлений и алчности. Общественный закон, не допускающий ни возвышения, ни понижения ни одного лица, находит гармонию в самом себе. Не буду более говорить о политическом законе, я отсекаю его от государства. Исходя из этих позиций, поищем неизменные и прочные основы гражданского состояния.

Глава VI

О собственности и о владении

Этими основами являются собственность и владение. Общественный закон есть не что иное, как собственность, гражданский закон — владение. Один естественным образом исходит из другого. Если в общественном состоянии человек является собственником себя самого и [и своего промысла] владельцем своего поля, то гражданский закон должен определять правила пользования этой собственностью и этим владением, не искажая их.

[Лучшим гражданским законом было бы, чтобы его не было вовсе, чтобы каждый выражал свою волю, но в интересах общественного закона следует

возможно, что положительных гражданских законов не существовало и что когда каждый выражал свою волю, закон обеспечивал ее выполнение. Но следует быть разумным и предвидеть, что среди хаоса современных обществ человек будет постоянно попирает свои собственные права. Кроме того, наши общества слишком многочисленны, интересы слишком разнообразны, гражданские отношения слишком обширны, так что при отсутствии правил и связи в частных соглашениях суверен лишится значительной части своей силы и своего совокупного единства. Таким образом, гражданская община создаст

такие законы, чтобы каждый соблюдал интересы всех, был связан со всеми, наконец, чтобы граждане не были связаны с государством, но связанные между собою создавали государство. Основой законов будет владение, а не государь или соглашение]

В гражданском состоянии собственности не существует, в нем все — владение, и вот почему: собственность ненарушаема, она не может стать предметом торговли. Существует два вида собственности: собственность на самого себя и на империю или территорию;¹⁶ и та и другая присущи общественному состоянию и независимы. Но в гражданском состоянии человек обладает правом владения на самого себя и на свое поле, которое является частью собственности суверена.

Таким образом, империя — это собственность, образованная всеми частными владениями; ее называют собственностью, потому что она обретаема и удерживается силою против силы. Владение же, напротив, поддерживается гражданским законом, поскольку исходит из общественного права и подчиняется правилу независимости владельца.

Поскольку владелец смертен и может распорядиться своим владением, а суверен никогда не умирает и не может передать империю ни королю, ни кому-либо другому,¹⁷ из этого следует, что гражданская собственность есть не что иное, как владение, а реальный домен — собственность.

Глава VII

О [гражданских соглашения] законах

Законы есть естественные отношения вещей, а не относительные и не следствие общей воли. Руссо, рассуждая о законах, говорит, что они могут выражать только общую волю, и приходит к выводу о необходимости законодателя.¹⁸ Однако законодатель может выражать природу, но не может выражать общую волю. К тому же общая воля может заблуждаться, а общественный организм не должен угнетаться ни самим собою, ни кем-либо еще.

Природа есть первейшее из всех прав. Природа вечна, тогда как общие соглашения законны лишь один день. Вот почему закон не должен распространяться за пределы возможных законных соглашений; но поскольку закон точен и справедлив, соглашения также не должны выходить за пределы закона, который заменяет собою природу, говорит от ее имени и от имени всех. Тот, кто попытается извратить его или нарушить, будет изгнан из государства. [поскольку он выйдет из него и станет таким образом врагом суверена, поскольку в один и тот же миг он выйдет из государства и станет воевать с сувереном, поскольку он, таким образом, оскверняет природу] Таким образом, понятно, что разумно карать нарушение законов лишь там, где законы естественны, и что бунт против договора заслуживает осуждения, только если договор законен.

[Так как все, кто наносит удар закону, оскорбляют суверен, лишь он должен ведать этими делами, являясь единственной властью в государстве, и лишь он может применить силу как внутри страны, так и вне ее. Всякая иная власть есть тирания, и вот почему. Римляне чувствовали это, когда предо-

ставляли судить преступления квесторам, назначенным в собрании, юрисдикция которых заканчивалась вместе с процессом]

Это ужасная истина, она приводит в трепет королей и магистратов, и истина тем более великая, чем сильнее она заставляет их трепетать.

Рассуждая о гражданской общине, я скажу, каким образом следует организовать общественную силу для наказания мятежников, не создавая для этой цели особой силы.

Возможно, что положительных общественных законов не существовало и что каждый выражал свою волю, закон обеспечивал ее выполнение. Но следует быть разумным и предвидеть, что среди хаоса современных обществ человек будет постоянно попираť свои собственные права. Кроме того, наши общества слишком многочисленны, интересы слишком разнообразны, гражданские отношения слишком обширны, так что при отсутствии правил и связи в частных соглашениях суверен лишится значительной части своей силы и своего совокупного единства. Таким образом, гражданская община создаст такие законы, чтобы каждый соблюдал интересы всех, был связан со всеми, наконец, чтобы граждане не были связаны с государством, но связанные [в государство, образовали государя] между собою, создавали государство. Основной законов будет владение, а не государь или соглашение.

Глава VIII

О законах о браке

Законодатель, который вернул бы народ к природе, дав ему простые законы, вернул бы народ и к добродетели.

Чтобы остановить преступления, нужно отменить казни; чтобы сделать брак нравственным, нужно сделать его свободным. Это не положение политического законодательства, а истина природы: насилие порождает преступление. Человеческому сердцу чуждо желание причинять зло, но сердцу раба свойственны развращенность и стремление сбросить оковы.

Тот, кто говорит, что один пол должен подчиняться другому, обманывает сам себя. Если ты можешь сказать об этом своей возлюбленной супруге, осмелишься ли ты повторить то же самое вскормившей тебя матери?

В общественном состоянии мужчина и женщина одинаково суверенны и независимы. В гражданском состоянии по некоторым соображениям тому или другому могут дать особые права в отношении владения, но эти права не касаются общественной собственности.

Различия между полами еще не являются причиной зависимости одного пола от другого. Из того, что один пол слабее другого, вовсе не следует, что он должен подчиняться. Вот почему гордыня мужчины разоблачает себя повсюду. Он раб собственной слабости.

Сила, являющаяся основным принципом наших обществ, проникла во все области гражданского состояния. Мужчина может нарушать соглашение, закон направлен лишь против его слабой супруги, проданной по закону. Несчастные, мы похожи на бездарных архитекторов, которым неведомы законы пропорций и здания которых держатся только за счет железа. Природа наде-

лила естественными чувствами различные связи в обществе, она не нуждалась в стольких преступлениях, чтобы объединить нас.

Женщина не может соединиться с тем, кого она любит, не обретя при этом господина, и это наименьшая из бед. Если же ее соединяют с тем, кого она не любит, или если она более не любит того, кого она не должна больше любить, и если в этом рабстве кто-нибудь нежною рукою утрет ее слезы, женщину обвиняют в нарушении супружеской верности. Но закон более виновен, чем она: по какому праву он распоряжается ею?

Договор, по которому женщину отдают мужчине, насилует не только ее природу, но и ее целомудрие и душевный покой. Невинная девушка слышит, как говорят о ее детях, о ее смерти; закон обвиняет ее в благосклонности к мужчине и расточаемых ею ласках и указывает ей на могилу.

Один путешественник потерпел кораблекрушение у берегов Нового Света. Через несколько дней скитаний в лесу без пищи и без надежды он встречается с молодой дикаркой, которая ведет его за руку в свою хижину и делит с ним свое ложе и его несчастье. Некоторое время спустя у берегов появляется корабль, и злосчастный продает на него свою благодетельницу. А когда она, обливаясь слезами, просит его сжалиться над их будущим ребенком, он говорит, обращаясь к капитану: «Вы слышите, она беременна, значит, стоит дороже».¹⁹

Политический закон, еще более жестокий, безвозвратно продает женщину и ее плод, который не принадлежит ей. Молодая дикарка по крайней мере вызывает сострадание. Все мы несчастны; все мы жалуемся на судьбу, но не хотим терять и малую толику своей власти, и именно эта власть делает нас несчастными.

Никто на земле не должен повелевать; всякое владычество незаконно. Один пол не должен быть выше другого. На острове Формоза муж берет фамилию жены и входит в ее семью, в других краях — наоборот. В Японии и в Китае законной женой считается та, которую дает император, а та, которую выбирает любовь, является рабыней, и ее дети почитают как мать первую, законную жену.²⁰ У некоторых древних народов, по словам Помпония Мела, браки составлялись по принципу схожести супругов. В Европе брак — дело нравов, что не относится к моему предмету; каждый из супругов заключает договор на основании закона и вкладывает свою собственность.

Природа брака в том, чтобы мужчина и женщина соединялись свободно и вкладывали каждый свое владение на одинаковых условиях и на тот срок, на какой они захотят. При этом возникает одна трудность — судьба детей. Все должно само собой подчиняться названному принципу.

Я не рву связей общества, общество же порвало все естественные связи. Я стремлюсь не к нововведениям, а к уничтожению этих самых нововведений. Мой враг не истина, но заблуждение.

Я сказал, что оба пола подчиняются особому и независимому правилу, которое касается не отношений между супругами, а отношений супругов и детей; речь идет о наследовании.

В обществе, где брак нерасторжим, жена неизбежно попадает в зависимость от мужа, потому что ее свобода в случае внебрачной связи привела бы к разделу владения, которое не принадлежит ей.

Я не собираюсь говорить здесь об отцовской власти и зависимости детей в семье. Я лишь должен объяснить, каким образом владение родителей становится владением их детей.

Поскольку ребенок является наследником, владение его отца и матери становится его владением, как только оно перестает быть их владением.

Если кто-то продает свое владение или проживает его, это не значит, что он отнимает у своих детей их владение. Оно принадлежит пока ему, а не детям, он распоряжается им в своих интересах. Если он распоряжается им в пользу третьего лица, тем самым он отчуждает владение от своих детей.

Таким образом, наследование является правом, а завещания противны природе, за исключением того случая, когда у человека нет наследников.

Брачные контракты, которые объединяют имущество супругов в пользу детей, отвечают самой природе наследования, но нет никакой необходимости привязывать друг к другу супругов для того, чтобы дети могли наследовать.

Между отцом и детьми существует еще одно отношение: нужно, чтобы их владение не было разделено в случае супружеской неверности. Таким образом, пока супруги остаются в рамках их гражданского союза, женщина не должна нарушать данного ею обещания; супружеская неверность — преступление, и преступление тем более ужасное, что супруги имеют возможность разойтись.

Когда супруги расходятся, их владение поступает в распоряжение закона, а позднее равными долями передается их детям. Бывшие супруги в равной мере ответственны за воспитание детей. Если же у них впоследствии появятся другие дети, они наследуют владение лишь одного из бывших супругов, но не их общее владение.

Из сказанного мною следует, что полигамия не является естественной, ибо, как разделенное надвое сердце не может ни любить, ни быть любимым, так и у женщины одновременно может быть не больше одного супруга, а супруг не должен нарушать взятые на себя обязательства.

[Добавлю лишь, что если браки будут свободными, будет меньше разводов]

Глава IX

Соображения

В известных нам обществах есть классы граждан столь обездоленных, что расторжение браков в них делает детей нищими. Средство от этих бедствий — в мудром управлении гражданской общиной, при котором слово «нищета» должно быть неведомо. К тому же закон, не оскорбляя природы, может ограничить свободу такого рода браков. Первый закон государства — заботиться о правах и о населении. Животные не расстаются, пока их потомство не станет самостоятельным.

Добавлю лишь, что если браки будут свободными, будет меньше разводов.²¹

Глава X

Суровость законов о браке —
следствие развращенности общества²²

Большая часть наших добродетелей есть утонченные пороки. Чем более извращены нравы, тем более жестоки законы.

Римляне, самый развращенный народ в мире, имели самые суровые брачные законы по двум причинам, о которых я сейчас скажу. Войны уменьшали население страны, а огромная военная добыча склоняла к лени и безбрачию. По этим двум причинам численность населения падала, что привело к созданию тех ужасных законов о браке, которые мы видим.

[Франция, отказавшаяся от завоеваний и осудившая изнеженность согласно природе своих законов, должна теперь с необходимостью установить независимость супругов.

Тот поток удовольствий, в котором купался Рим до самого конца своих завоеваний, породил отвращение к браку вместе с отвращением к невинности.]

Вызывают удивление слова Нумидийца,²³ обращенные к народу: «Если бы можно было обходиться без женщин, мы избавились бы от этого зла. Но поскольку природой так устроено, что нельзя ни быть счастливым с ними, ни существовать без них, следует больше думать о сохранении рода, чем о мимолетных удовольствиях».

Можно ли найти более убедительное доказательство хаоса, царившего в этом знаменитом обществе, пресыщенном богатством? Понадобились суровые законы, чтобы помешать ему, все разрушившему, уничтожить и самого себя.

Ульпиан и Авл Геллий говорят о законах, бичующих безбрачие. Но напрасно старались цензоры и законы: порок укоренился в самом сердце гражданской общины. Август издал закон о браках Папия и Поппея, носящий имя двух консулов-холостяков.

Эти насильственные законы, призванные помешать стремительному сокращению народонаселения империи, создали в государстве невиданное до того политическое порабощение. Приходилось прельщать супругов выгодами брака, а затем притеснять их свободу, чтобы они не разошлись. Слабый пол был наиболее угнетаемым; все было пущено в ход, чтобы возбудить в мужчине высокомерное вождение.

Еще одной причиной извращенности браков стало религиозное ханжество. Императоры-христиане упразднили брачные законы республики. Империю, пошатнувшуюся от падения численности населения, уничтожили варвары и безбрачие служителей церкви.

Когда Папиевы законы были опорожены и отменены, римляне-язычники перестали вступать в брак, а римляне-христиане и вообще не женились.

Войны и христианство стали губительными для мира не столько из-за пролитой ими крови, сколько из-за извращения общественного закона.

Разумный народ извлечет из войны и нравов урок для своего воспитания, но я советую ему не любить ни завоеваний, ни священников.

Глава XI

О кровосмешениях²⁴

Когда зло заложено в укоренившемся предрассудке, тот, кто борется с ним, предстает защитником зла. [Перо выпадает из моих рук, но в разгневанной душе есть тайный голос: о, восставший человек, я загляну в твое сердце, не ведая страсти] Я не намерен оправдывать кровосмешение, оно является преступлением со стороны того, кто предается ему в нечестивости: это действительное кровосмешение. Но оно перестает быть кровосмешением и становится добродетелью у того, кто совершает его с невинным сердцем.

Любви присуща стыдливость. Близость отца и дочери, матери и сына, брата и сестры вызывает нежность без стыдливости и, следовательно, без любви. Закон, запрещающий подобные союзы, исходит не из природы, а из тонкостей ума. Он получил широкое распространение, [любовь рождается и кончается вместе со стыдливостью]

Понаблюдайте за нравами, прочтите законы разных народов, и вы увидите, что наибольшее отвращение к кровосмешению испытывали самые испорченные народы, невинные же об этом даже и не задумывались.

Благодаря нравам стыдливость не допускает сближения.

Египтяне, персы, ассирийцы, скифы женились на собственных сестрах и дочерях; эти народы должны были обладать чистыми нравами. У современных народов вступают в брак с чужой женщиной, не принадлежащей данной семье, часто даже иностранкой, а в отношениях между посторонними людьми стыдливость почти отсутствует.

Прошу обратить внимание на то, что в странах, где женщины живут скрытыми от чужих глаз, как например в Индии, кровосмешение вызывает меньшее отвращение, чем в наших краях, где женщины более свободны и менее скромны.

В наших нравах природа отсутствует, мы же часто виним ее в извращениях, которые заключены в нас самих.

Чтобы доказать, что кровосмешение в природе вещей, приводят пример жителей Мальдивских островов и арабов. Наша отдаленность и спесь как жителей континента заставляет нас считать эти народы более примитивными и менее цивилизованными, чем мы. Но природа их правления и то отвращение, которое им внушает кровосмешение, доказывают, что они так же испорчены, как и мы.

То мы оставляем природу дикарям, то признаем ее за основу нашей порядочности, которую она охраняет от ошибок.

Монтескье говорит: «Есть народы, у которых двоюродные братья считаются братьями, потому что они живут в одном доме. Есть народы, не знающие такого обычая. У этих народов брак между двоюродными братьями и сестрами считается кровосмешением, а у других — нет».²⁵

Было бы трудно найти что-либо другое, более подтверждающее мысль о том, что подобным бракам препятствует не природа, а повседневная близость людей. Примечательно, что у разных законов разное представление о приро-

де: у одного народа оно одно, у другого — другое. Это признак испорченности законов.

Читая «Федру», удивляешься тому, что не считаешь ее виновной и сочувствуешь ее горю. Я уверен, что закон тогда допускал кровосмешение, и Федра была невиновной.

Прежде чем судить людей, следует судить законы. Аттила, живший в стране с высокой нравственностью и женившийся на своей дочери, кажется мне достойным большего уважения, чем Генрих IV, который забыл Бога ради богатства, презрел жену и не женился на возлюбленной.²⁶

Глава XII

О супружеской неверности

Римляне делились своими женами с другими и в то же время карали внебрачные связи. Катон поделился своей женой с Гортензием, и в этом нет ничего противного природе. Человек располагает своим владением; я не говорю, что он располагает женой, но он располагает своим наследником.

Глава XIII

О наследственном праве

Различие между наследованием и наследственным правом состоит в том, что первое относится к естественному, или общественному, праву, а второе — к гражданскому.

У отца и матери нет другого естественного наследника, кроме ребенка, а у ребенка — иных естественных наследников, кроме отца и матери, исключая при этом брата и сестру. Я попытаюсь объяснить причины этого.

Владение относится к родству, а не к свойству; оно переходит по родству, а не по свойству.

Для родственников по боковой линии владение не является естественным правом, для них это право политическое или экономическое.

Согласно такому тождественному отношению человека к человеку только родители и дети наследуют друг другу по праву владения. Это теория собственности.

Супруги, имеющие детей, не могут ни в чем наследовать друг другу. Мать получает средства на существование не от супруга, а от благодарных детей, ибо владение отца переходит к ним в момент его смерти.

Бездетные супруги наследуют друг другу. Если кто-нибудь спросит у меня о причине этого, я посоветую ему спросить собственное сердце. Следует заметить, что после признания свободы браков наследование супругов становится продолжением их взаимной привязанности.

Тот, у кого нет ни жены, ни детей, одинок на земле. Его родственники по боковой линии не в счет. Тождественности больше не существует. Он может составлять завещание; однако его безбрачие заслуживает того, чтобы его владение отошло гражданской общине.

Способ получения наследства родственниками по боковой линии красноречиво говорит о том, что они не дорожат интересами нации.

Чем больше будут оспаривать эти положения, тем более очевидными они станут.

Глава XIV

Об аграрных законах

Я уже говорил, что личное владение является основой гражданского состояния. Рассмотрим теперь, как реальное владение, или домен, становится еще одной опорой гражданского состояния.

Правом первого владельца поля был его плуг, правом его детей — его владение.

При истинно общественном состоянии сам суверен не имеет права завладеть полем, принадлежащим частному лицу, иначе будет действовать закон сильнейшего.

Если бы общественная необходимость заставила пожертвовать его владением, оно было бы не отнято, а куплено за деньги.

Тот, кто имеет меньше, не мог бы потребовать у того, кто имеет больше, потому что владение ненарушаемо, потому что иначе пришлось бы каждый год заниматься разделом земли и эти перемены при разделах привели бы к утрате плодородия земель.

В интересах всего населения следовало бы определить лишь максимум земельного владения; излишек сверх этого максимума следовало бы продавать, и никто не мог бы отказать в продаже тому, кто претендует на него, чтобы каждый человек мог стать владельцем и обрести отечество.

Профессии землепашца и торговца стали бы главными, поскольку являются теми узами, что связывают человека с реальным доменом, образуют империю и объединяют суверен.

Поскольку владение полем связывает гражданскую общину, минимум владения не может быть продан ни кредитором, ни владельцем. Долги, вызванные бедствиями, оплачиваются гражданской общиной, а долги, вызванные развращенным образом жизни, должны быть оплачены плодами земли. Если же долги превосходят стоимость земельного участка, кредитор должен понести наказание.

В Риме были законы против должников; следовало бы иметь законы и против кредиторов. Ссуженные деньги — отравы для государства. В Риме на них покупали голоса избирателей, а значит, извращали конституцию. Следовало сделать так, чтобы потребности удовлетворялись на основе труда и добрых нравов.

Из государства, о котором я говорю, где сохранение основывается на владении, должен изгоняться тот, кто не владеет полем, минимум которого установлен, а также тот, кто не вступает в брак. Ибо всякий член гражданской общины должен быть с нею связан.

Тот, кто ничем не владеет, не боится завоевания, тот же, кто владеет, знает, что если собственность или империя будет захвачена, его владение будет утрачено.

Торговля ввела в мир третий вид владения, для которого... в соответствии с его природой... родиной являются корабли и торговые дома по всему миру. Закон должен таким образом соединять его с общественным интересом, чтобы не смешивать их.

[Глава XV

О торговле

Для народа лучшей системой торговли является та, которая делает благоденствие этого народа независимым от других народов, а внутри <страны> — достояние отдельного человека независимым от государства или магистрата. Государство для гражданской общины то же, что капитан для корабля, который управляет, но не повелевает]

Какое дело мне до того, что есть на Земле человек, который нападает на меня и оскорбляет меня, я не боюсь, что он будет притеснять меня²⁷

Если бы общество могло обязать себя

КНИГА III

О ГРАЖДАНСКОЙ ОБЩИНЕ

Глава первая

Что такое гражданская община

Гражданская община это общественный организм, [в этом отношении у нее нет иных законов, кроме законов природы] состоящий из законодателя, короля и суверена. Она неделима, ибо общество, которое разделено, перестает быть обществом.

Все члены гражданской общины равны; как только равенство исчезает, общество более не существует, ибо неравенство — то же, что и сила, а общество, основанное на силе, есть не что иное, как сборище дикарей.

Поскольку общество может существовать, лишь будучи основанным на природе, гражданская община не может знать иных законов, кроме законов природы. Этими законами являются независимость и сохранение. Таким образом, закон есть выражение природы, а не выражение воли.²⁸

Итак, законы должны обеспечивать человеку независимость и сохранение таким образом, чтобы независимость и сохранение каждого обеспечивали независимость и сохранение всех.

Гражданская община является одновременно [сувереном, как гражданская община, она состоит из членов, взаимно уважающих права и независимость друг друга] королем, сувереном и законодателем. Как законодатель она

устанавливает отношения, как король — управляет и как суверен — [есть народ как организм, защищающий права каждого] сопротивляется угнетению.

Из всего этого следует, что гражданская община, оставаясь неделимой, образует три формы, которые способствуют ее единству; единство утрачивается, когда нет этого разделения, потому что тогда все в обществе перемешивается.

Это отнюдь не означает, что общественный организм состоит из трех отдельных организмов: он одновременно является каждым из них.

Разделение заключается не в том, что время от времени народ наделяет полномочиями своих особых представителей, ибо эти представители, действительно разделенные, представляют организм, разделенным не являющийся. К тому же они представляют не неделимый организм, но его полномочия, которые разделяются.

Я сказал, что закон является выражением природы, а не воли. Я должен пояснить эту мысль.

[Глава II

О воле

Собственно говоря, закон является положительным лишь когда он не выходит за пределы воли всех, поскольку воля всех не имеет иных границ, не имеет никаких иных границ, кроме независимости и сохранения, но это было в природе вещей еще до того, как стало волей, положительной волей]

РЕСПУБЛИКАНСКИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ

ФРАГМЕНТЫ

Фрагмент первый

Преамбула

Установления есть гарантия правительства свободного народа от разложения нравов и гарантия народа и гражданина от разложения правительства.

Установления имеют целью предоставить гражданину и даже детям возможность легко и на законных основаниях сопротивляться несправедливости; обратиться к магистратам и молодежь к добродетели; вселить в людей мужество и воздержанность; сделать их справедливыми и чувствительными; связать их отношениями благородными; внести гармонию в эти отношения, чтобы законы, установленные властью, как можно меньше подчиняли себе отношения домашние и частную жизнь народа; установить согласие в семьях, дружбу между гражданами; поставить общественный интерес на место всех прочих интересов; подавить преступные страсти и возратить сердца страстям естественным и невинным; создать отечество.

Установления есть гарантия общественной свободы; они делают нравственным правительство и гражданское состояние; они укрощают зависть, которая порождает фракции; они устанавливают тонкие различия между истинной и лицемерием, невинностью и преступлением; они закладывают основы царства справедливости.

Без установлений могущество республики держится либо на достоинствах жалких смертных, либо на мерах ненадежных.

Вот почему во все времена политика соседей свободного народа, завидуящих его благоденствию, была направлена на то, чтобы развратить или заставить изгнать людей, чьи таланты и добродетели могли бы принести пользу их стране.

Сципион был обвинен; он оправдался, представив на суд обвинителей всю свою жизнь; вскоре после этого он был убит.¹ Так погибли Гракхи; так умер Демосфен у подножия статуи богов;² так были уничтожены Сидней³ и Барневелт;⁴ так в другом полушарии погиб Франклин,⁵ так умерли Шалье,⁶ Марат; таков был конец всех, кто внушал страх своим неподкупным мужеством. Великие люди не умирают в своей постели.

Вот почему человек искренний, размышляющий о причинах упадка империй, убеждается в том, что их прочность зависит не от их защитников, всегда вызывающих зависть, всегда обреченных на гибель, но от бессмертных установлений, не подверженных страстям, надежно защищенных от посягательств фракций.

Те люди, которых я назвал выше, имели несчастье родиться в странах, где не было установлений. Напрасно ищут они опоры в героизме: несмотря на долгие годы добродетели, фракции, на один лишь день добившиеся победы, повергли их во мрак вечной ночи.

Среди тех, чьи сердца внимают мне, не найдется, быть может, ни одного, кто не испытал бы тайного страха перед лицом столь печальных истин.

Именно они после сокрушения преступных фракций, угрожавших Национальному конвенту, внушили мне благородный замысел определить практическую гарантию правительства как любовь к добру, ставшую страстью всех граждан. Именно эти печальные истины, ведущие меня навстречу бурям и зависти, которые я предвидел, заставили меня осознать необходимость обуздать преступление посредством установлений и побудить всех руководствоваться справедливостью и честностью, которые, как я уже сказал, священны.

У меня возникла также трогательная мысль, что [память моя будет благословением для моих детей] придет день, когда память друга человечества будет дорога всем. Ибо человек, принужденный отрешиться от мира и от самого себя [страстно желает приблизить себя к будущим поколениям], забрасывает свой якорь в будущее и открывает душу потомкам, неповинным в бедствиях настоящего.

[Итак, я попытался разработать установления, основанные на праве, согласно принципам, которые я сейчас изложу, и не пройдет и нескольких дней, как я их представлю]

...пожертвовав собою ради отечества, я испытал блаженство, переполнившее мою душу. Теперь передо мною лишь один путь, тот, что отделяет меня от моего покойного отца и от ступеней, ведущих в Пантеон.

Я заклинаю вас <...> три чудовища, которые вследствие речи оказались в оковах, и я первый обрек их <...>

[Со времени своего возвращения из армии я не встречал больше ни одного брата в Комитете, я видел лишь нескольких подлецов, которые, продав государство, вооружали <...> все то доверие, которое мы...]

Господь, покровитель невинности и истины, если ты ввел меня в среду людей развращенных, то, без сомнения, для того, чтобы сорвать с них маску!

Я никого не посвятил в свои благородные замыслы; в моих глазах лишь вы, представители суверенного народа, достойны того, чтобы принять от меня эту жертву.

Политика строила свои расчеты на том, что никто не осмелится разоблачить людей знаменитых, окруженных призрачной славой, таких, например, как Дантон и т. п. Я преодолел эту слабость. В мире для меня существует одна только истина, и я ее высказал.

Обстоятельства трудны лишь для того, кто отступает перед могилой. Я молю о ней, о могиле, как о благодеянии Провидения, чтобы не быть свидетелем безнаказанности злодеяний, замышляемых против моей родины и человечества.

Право же, невелика заслуга расстаться со злосчастной жизнью, в которой ты обречен прозябать как соучастник или бессильный свидетель преступления...

Я презираю тот прах, из которого состою и который говорит с вами; его можно преследовать и предать смерти, этот прах! Но меня нельзя лишить той независимой жизни, которую я создал себе в веках и на небесах...

В эпоху революций, когда развращенность и добродетель играют столь большую роль, все принципы, все определения должны быть выражены с предельной точностью. Наступает момент, когда те, кто обладает хитростью и сноровкой, берут верх над теми, кто наделен честностью и патриотизмом. Горе тем, кто живет во времена, когда добродетель, краснея, опускает глаза и сльвет пороком рядом с хитроумным преступлением! Горе тем, кто живет во времена, когда изощренность ума обладает силой убеждения, и человек простосердечный в окружении [распустившихся] фракций оказывается преступником, поскольку не может постичь преступления! Тогда прекращаются любые обсуждения, так как в итоге невозможно постичь, кто прав, а кто заблуждается: видно лишь, кто был самым наглым, и кто — самым робким. Поскольку прекращаются любые обсуждения общественных интересов, воля занимает место права: и вот вам тирания.

Я не люблю новых слов; я знаю лишь справедливое и несправедливое; эти слова вняты сердцу каждого. Нужно все решения довести до сердца: ум — это софист, который ведет добродетель на эшафот.⁷

Есть такие обвинения — их выдвигает лицемерный ум, — на которые человек искренний и невинный не может ответить. Есть такие люди — их называют диктаторами и честолюбцами, — которые молча сносят оскорбления.⁸ Кто же более могуществен, тот, кто безнаказанно называет человека диктатором, или тот, кого так называют!

Нужно, чтобы установления поставили силу и непреклонную справедливость законов на место личного влияния. Тогда революция упрочится; не бу-

дет больше ни зависти, ни фракций; не будет больше ни притязаний, ни клеветы.

Установления имеют целью утвердить все общественные и личные гарантии, дабы устранить раздоры и насилие [*обычные у народов, которые соскальзывают к анархии. Установления имеют целью поставить принципы нравственности в основание всех действий*], поставить влияние нравов на место влияния людей.

Фрагмент второй

Об обществе

[*Согласно Монтескье, состояние войны начинается тотчас, как только люди образуют общество, согласно Руссо*]

Общество не есть творение человека, оно не имеет ничего общего с установлением народа. Это установление /было вторичной ассоциацией, которая/ дало людям новые склонности и новые интересы. Принужденные применять оружие и насилие, чтобы сохранить себя, люди приписали природе те потребности, которые появились у них именно из-за забвения природы. Нужно было придать этим огромным политическим организмам соответствующие пропорции и законы, дабы укрепить их, и *понемногу* привыкли думать, что естественная жизнь есть жизнь дикарей. Наций развращенные приняли за природу грубую жизнь варварских наций, между тем как и те, и другие были дикими на свой лад и различались лишь грубостью нравов. [*Римляне, которые объедали все остальные народы*]

Политическое общество вовсе не прекратило состояние войны /как утверждают многие; напротив, оно его породило/, установив между людьми отношения зависимости, которых они ранее не знали.

Все, что дышит /согласно естественному закону/, независимо от своего вида и живет в обществе своего вида.

Все, что дышит, имеет политический закон [*или закон сохранения*] или закон силы /ведет войну/ против того, что не является его обществом или его видом.

Независимость существ одного вида друг от друга основана на отношениях или законах, которые их соединяют. Соединенные этими отношениями или этими законами, они находятся в отношениях, основанных на силе, со всяким иным видом, кроме своего.

Животные одного вида не образуют обособленных обществ, вооруженных друг против друга; народы же вооружаются против народов.

Все существа рождены для независимости [*и для общества*]. Эта независимость имеет свои законы [*которые суть принципы общества*], без которых эти существа зачахнут в одиночестве; эти законы, сближая их, создают общество; эти же законы вытекают из естественных отношений, которые суть потребности и привязанности. [*Привязанности и потребности — вот единственный принцип законов, но сделать так, чтобы они вытекали из него — это во власти законодателя. Не надо его подстегивать*] Эти потребности и

эти привязанности не порождают права завоевания, ибо такое следствие разрушило бы их принцип.

Согласно [*своей разумности и чувствительности*] своим потребностям и интересам животные объединяются в той или иной степени. Почти всегда мы видим их собравшимися в стадо, если только алчность человека не спугнет их. Они встречаются, не причиняя друг другу вреда и не спасаясь бегством. Самый чувствительный, самый разумный из всех, человек, рождается для общества самого совершенного, для отношений самых обширных, для удовольствий самых ярких, для наслаждения независимостью.

Итак, люди образуют естественное общество, основанное на независимости каждого, но народ в целом (поскольку существуют народы) образует [*суверен*] политическую силу против завоевания. Общественное состояние есть отношение людей между собою, политическое состояние есть отношение [*одного народа к другому*] народов.

Мы видим, что люди, обращаясь друг с другом как враги, обратили против своей общественной независимости силу, предназначенную лишь для обеспечения их внешней, совокупной независимости; общественный договор сделал эту силу [*двойственным оружием, т. е.*] оружием в руках части народа для угнетения всего народа, под предлогом защиты его от самого себя /от его членов и от чужеземных врагов/.

Если целью общественного договора было сохранение сообщества, значит, людей считают дикими животными, которых необходимо укрощать. Действительно, согласно общественному договору все живут вооруженными против каждого, как стадо животных разных видов, неизвестных друг другу и готовых пожирать друг друга. Безопасность всех — в уничтожении каждого, тогда как на самом деле она заключается в их независимости.

Возьму на себя смелость сказать, что большая часть политических ошибок происходит оттого, что законодательство рассматривалось как настоящая наука. Отсюда непостоянство и разнообразие правлений. Подобные представления должны были увековечить рабство людей, ибо предполагая человека жестоким и опасным от природы, нельзя было вообразить иного способа управлять им, нежели сила.

[*Из-за смешения права общественного и права политического образовались скопления людей, а не общества*]

Однако, поскольку в республике интерес одного охраняется силою всех, поскольку все и каждый не объединены, а связаны посредством угнетения, республика, соответственно природе своего соглашения, заключила политический договор, или договор, основанный на силе, между каждым и всеми, и этот политический договор образовал общественный договор. Какое насилие и какая слабость в этом организме, лишенном связей; его бесплодный механизм подобен дереву, чьи корни и свисающие ветви не соприкасаются со стволом! Такие общества подобны шайкам пиратов, где единственной гарантией является сабля. На кораблях этих разбойников тоже есть общественный договор.

Политический принцип был дурно применен: он относится только к международному праву, т. е. к отношениям между народами. И в нем же закон наших установлений: воюют друг с другом не люди, а государства.

Сейчас нет оснований надеяться, что народы, пока они подчинены власти, отбросят гордыню и возвратятся к законам природы и справедливости; что, считая себя членами одной семьи, они изгонят из своей гражданской общины дух обособленности, делающий их врагами, и любовь к богатству, приводящую их в упадок [*и что народы Земли образуют единственное общество. Это мечты угнетенных честных людей, что всего лишь мечта простых сердец, которые*]. Милосердным душам, питающим эти иллюзии, почти неизвестно, сколь долгий путь мы проделали в стороне от истины. Эта греза если и возможна, то лишь в далеком будущем, которое наступит не для нас.

Итак, не пытаюсь понапрасну устанавливать общественные связи между народами, ограничимся тем, что установим их между людьми. Эти народы, более или менее просвещенные, более или менее угнетаемые, не могут в одно и то же время принять одни и те же законы [*но возможно, чтобы один народ преобразовал себя*]. Иное дело республика, где наблюдается общий прогресс.

Между тем народ, который преобразовывает себя и создает законы по-должно человеческие в окружении народов бесчеловечных, должен, чтобы упрочить гармонию своего развития, отбросить в своей внешней политике все, что было бы разумно отбросить, не нанося ущерба государству. Ибо народ, управляемый согласно природе и отказавшийся от применения оружия, вскоре стал бы добычей соседей; и если этот народ откажется от роскоши и от торговли ради простой жизни, соседи обогатятся за счет его лишений и станут столь могущественными, что вскоре поработят его. Владыки, господствующие над ними, будут тем больше стремиться к этому, чем больший страх внушит им пример независимого общества.

Общественный порядок, как верно сказал Руссо, есть первый из всех законов. Народ, каким бы ни было его правление, должен относиться к другим народам так, как они относятся к нему. Строго говоря, между нациями не существует никаких отношений; их связывают лишь обоюдные интересы, и сила здесь становится правом.

Это не означает, что, рассматривая идеи справедливости как таковые, мы не найдем в отношениях между народами принципов нравственности и разума, которые они должны уважать; но эти идеи не санкционированы. Народ не может объявить войну соседям, если у него нет *справедливых* оснований на них жаловаться; но кто может помешать ему вести несправедливую войну?

Есть одно соображение, которое, по мнению некоторых, может узаконить войну и право завоевания, это представление о том, что станет с избыточным населением, которому не хватает земли для удовлетворения своих потребностей. Должен ли народ обречь на гибель свою молодежь, чтобы не нарушать мира с иноземцами? Или же нужно, как в Лакедедоне, ввести преступные установления, чтобы предупредить рост населения?⁹ Из этого следует, что есть по меньшей мере один нравственный закон в отношениях между народами, это бесполезность завоевания, пока населению хватает земли. [*Во-вторых, прежде чем вести завоевания, надо чтобы полезные промыслы исто-*

щили ресурсы пропитания людей и чтобы не было больше земель, пригодных для образования колоний. В-третьих, надо чтобы]

К идее, что необходимость завоевания делает войну законной, по-видимому, восходит объяснение причин распада первоначальных обществ и доказательство, что для людей состояние войны является естественным. Ибо можно сделать вывод, что по мере роста семьи человек, живущий в маленьком обществе, вооружается против другого человека, дабы расширить свое поле, и нужен политический закон, дабы обуздать это внутреннее насилие.

Но если иметь в виду, что жестокость в отношениях народа к народу объясняется их взаимной изоляцией, тогда как в отношениях человека к человеку существует единство; если иметь в виду, что движение людей, вызванное их слишком большой численностью, было бы направлено, подобно вихрю, к окраинам, а не в центр их обитания, станет очевидным, что избыток населения может представлять угрозу лишь для соседних обществ. Более того, я скажу, что от завоеваний ведет начало установление народов, и поскольку земля полностью заселена, возникают скопления людей, чтобы нападать и отражать атаки. Миграция народов с севера, происходившая тысячу лет назад, подтверждает это: эти люди, жестокие по отношению к другим народам, у себя на родине были, по-видимому, вполне мирными, иначе они разорили бы себя, отвоевывая себе место. В Америке были открыты обитаемые острова; поскольку эмиграция оттуда была невозможна, сила там должна была обратиться сама на себя; но либо населению хватало земли, либо оно образовывало разные народы, которые истребляли друг друга. *[Следовательно, верно, что лишь нации находятся в состоянии войны, но не люди]*

Я сам воссоздал эти трудности, чтобы предотвратить их. Из всего сказанного ясно, что народы из-за роста населения находятся в состоянии войны, что делает необходимым политический закон в отношениях между ними. Но ясно также, что такое состояние войны не существует в отношениях человека к человеку и что, следовательно, сила не должна проникать в гражданскую общину.

Теперь я хочу рассмотреть вопрос об избытке населения *[можно привести в пример народы севера, варваров, германцев, татар...]*: является ли оно избыточным само по себе, или это избыток относителен. Что до миграций с севера, то они происходили не оттого, что жителям этих стран не хватало земли, но оттого, что нравы не давали этим народам заниматься полезными промыслами. Дух завоеваний порожден не нищетой, а алчностью и леностью. Колонии Карфагена возникли не из-за избытка населения, а из-за особого стремления расширить свою торговлю и свое господство. Греческие колонии возникли по иной причине: Греция не была перенаселена, но это был воинственный народ, а не торговый. И хотя невозможно привести в пример хотя бы одну войну, хотя бы одну колонию, которая возникла бы из-за естественного роста населения в стране, и войны, и колонии есть свидетельства искажений.

[Состояние войны есть потребность диких обществ, поскольку, предаваясь лености и алчности, они становились многочисленными в силу самой природы]; предаваясь тысяче пороков, отнимающих у них средства, их неблагодарные правительства оказываются не в состоянии прокормить их,

когда их численность умножится. [Таким образом, состояние войны и завоевания присуще дикой жизни, но не гражданской общине.

Из всего сказанного следует, что избыток населения не делает законными завоевание и войну]

Недостаточность территории является доказательством не перенаселенности, а бессилия политического управления.

[Но может ли когда-нибудь случиться, чтобы злоупотребления в гражданской общине <...> допустили избыточный естественный рост населения <... ..> Я не могу поверить и никогда не смогу представить себе <... ..> простого человека: человек от природы дикарь, человек рождается для общества; если человек рожден дикарем, он рожден, чтобы уничтожить себя, а вовсе не для общества; если он рожден для общества, он рожден не дикарем и не для того, чтобы уничтожить себя. Я оставил бы этот вопрос неразрешенным, если бы <... ..> не был заинтересован разрешить его в этом сочинении. Те, кто говорит, те, кто думает, что человек есть цивилизованное животное, помещают распад общества очень близко к дикой жизни. Каким образом, если люди живут мирно, хватает земли для ее многочисленных обитателей. Здесь мы находим целую цепь причин, которая так длинна, что ее скучно разворачивать. Мне кажется, что эта земля <...> сама <...> своей собственной переменчивостью. По крайней мере ясно, что мир, каким мы его видим сегодня, почти не населен, и я не смею сказать, какое великое множество обитателей способна прокормить земля, и это число не было бы достигнуто, даже если бы железо не истребило половины рода человеческого.

Численность населения зависит только от количества женщин, война его никогда не уничтожает, и каким бы ни было количество мужчин, население не будет увеличиваться; сколько бы их ни было, женщины хотят иметь не больше детей. Поскольку мужчины во все века были более многочисленны, чем могло быть заключено браков, и <... ..> мужчины, даже если не бывали убиты, могли умереть бесплодными. Даже после кровопролитной войны во всем государстве оставалось больше мужчин, чем нужно было для заключения браков, и повсюду насчитывалось значительно больше холостых мужчин, чем незамужних женщин, правда, девушки зачастую позднее. Вот почему состояние войны не является естественным для людей, но обладает известной необходимостью в политической жизни. Население непостоянно и имеет свои пределы в каждой стране, но у природы никогда не бывает больше детей, чем она в состоянии вскормить]

Напрасно говорят, что человек рождается дикарем; говорят также, что он рождается для жизни в обществе. Если человек рожден дикарем, он не рожден для общества, он рожден, чтобы уничтожить себя; если он рожден для общества, он не рожден дикарем, не рожден, чтобы уничтожить себя.

Я оставил бы этот вопрос неразрешенным, если бы сам характер моего сочинения не принуждал меня разрешить его. Ибо если я буду утверждать, что люди не созданы для состояния войны и что естественный прирост населения делает войну необходимой, я приду в противоречие с провозглашенным мною принципом общества.

Я еще не знаю ни одного примера войны, предпринятой по причине действительного прироста населения.

Мир, каким мы его видим, почти не населен; и так было всегда. Население перемещается по земле, но никогда не занимает ее целиком. Я не смею сказать, какое великое множество обитателей способна она прокормить, и это число не было бы достигнуто, даже если бы железо не истребило половины рода человеческого. Мне кажется, что население непостоянно и имеет свои пределы в каждой стране, но у природы никогда не бывает больше детей, чем она в состоянии вскормить.

Итак, я утверждаю, что естественным состоянием людей является жизнь в обществе и жизнь в мире; и что сила ни под каким предлогом не должна их объединять или разъединять.

Фрагмент третий

Общие положения¹⁰

1. Установления. 2. Законы. 3. Нравы.
4. Республика и правительство. 5. Революция

1. Установления

/Если бы у нас были нравы, все пошло бы хорошо; чтобы очистить их, нужны установления. Нужно стремиться к этому, вот все, что нужно делать; остальное последует.

Террор может освободить нас от монархии и от аристократии; но что нас избавит от разложения?.. Установления. Это не вызывает сомнения; полагают, что сделано все, если создана машина управления./

Я слышал, многие говорят, что они сделали революцию. Они ошибаются, революция — творение народа. Но знаете ли вы, что надлежит еще сделать, и сделать лишь самим законодателям?.. Создать республику.

/Демосфен способствовал гибели Греции. Его влияние определило общественное мнение, направив его против того, что могло спасти отечество. Он ограничился советами, которым никто не следовал. Греция была развращена; ей нужны были революция и другие законы. Прежние законы уже не обладали достаточной силой, чтобы противостоять военному гению Филиппа...

У нас слишком много законов и слишком мало гражданских установлений — всего лишь два или три. В Афинах и в Риме установлений было много. Я полагаю, чем больше установлений, тем народ свободнее. При монархии их мало, и еще меньше при абсолютной деспотии. При деспотии существует одна только власть, и чем больше установлений, тем ее меньше.

Учреждение, состоящее из многих членов, и учреждение, состоящее из единственного члена, суть учреждения деспотические. И в том и в другом случае господствует частная воля, и действует не столько закон, сколько произвол. Наши учреждения состоят из многих членов, но число этих учреждений невелико. Нужно, чтобы у нас было множество учреждений, состоящих из малого числа лиц... Следует сократить число установленных властей.

Нужно пересмотреть систему коллективных магистратур, таких как муниципалитеты, административные органы, наблюдательные комитеты и т. д.; и посмотреть, не в том ли секрет подлинного упрочения революции, чтобы передать функции каждого из этих органов единственному магистрату.../

Утверждать законы, объявляя, что всякий, кто их нарушит, — вне суверена...

Закон, противоречащий установлениям, есть закон тиранический.

2. Законы

Пространные законы есть источник общественных бедствий.

/Монархия была наводнена законами; и поскольку всякая страсть, всякая воля властителей становилась законом, они уже не согласовывались друг с другом.

Нужно немного законов. Там, где это не так, народ — раб. Рабство это — в отвержении его воли. Там, где человек повинуетя не тому, что он считает хорошим, нет ни свободы, ни родины. Тот, кто дает народу слишком много законов — тиран. Именем закона нельзя санкционировать деспотизм; деспотизм в том, чтобы воздействовать на народ волей, чуждой его воле.

Повиновение законам — понятие неясное, ибо закон часто является не более чем волею того, кто его установил. Человек имеет право сопротивляться притеснительным законам.../

Если политика людей прикрепляет цепь к ногам свободного человека, делая его рабом вопреки природе и праву гражданской общины, то вечная справедливость сковывает другим концом цепи шею тирана...

/Общие законы имеют чрезвычайную силу. Верховная власть легко управляет народом, но не может управлять правительством.

Франция обладает достаточной силой, чтобы привести в движение французский народ, побудить его пойти на жертвы и взяться за оружие, но у нее недостаточно силы против каждого и против частных злоупотреблений./

3. Нравы

Судьба народа зависит от тех, кто стремится к славе, и от тех, кто стремится к богатству.

Каждый, кто голосует и берет слово во время общественных обсуждений, говорит и голосует в соответствии со своим образом мыслей. Если в государстве больше людей, стремящихся к славе, и нет таких, кто стремится к богатству, государство счастливо и благоденствует; если же там больше людей, стремящихся к богатству, государство приходит в упадок.

/Во всяком государстве очень мало людей, способных думать о чем-то кроме своих интересов и своего дома. Мало и таких, кто принимает участие в общественных и правительственных делах. Во Франции, чтобы именоваться патриотом, необходимо обладать сильными чувствами, что вызывает раздражение у тех, кто привык вкушать трусливое удовольствие ни во что не вмешиваться.

Есть два рода федерализма: федерализм политический, состоящий в способе правления; федерализм гражданский, порождаемый отношениями между гражданами.

Есть федерализм по праву, тот, который устанавливается признанной формой правления. Есть федерализм фактический, когда, несмотря на единство правления, каждый город, каждая коммуна обособляется в своих интересах.

Именно это происходит сейчас; каждый старается удержать съестные припасы на своей территории, все продукты потребляются на месте.

Правительство, враждебное федерализму, должно стремиться к тому, чтобы единение шло на пользу не правительству, а народу: значит, нужно воспрепятствовать фактической разобщенности людей...

Отечество — это не земля, это общность привязанностей, которая побуждает каждого бороться за спасение или свободу того, что ему дорого, и таким образом защищать родину. Если каждый выйдет из своей хижины с ружьем в руках, отечество будет спасено. Каждый сражается за то, что он любит: вот что значит чистосердечие. Сражаться за всех, это лишь следствие.

Там, где подвергают цензуре смешное, люди развращены. Там, где подвергают цензуре пороки, люди добродетельны. Первое присуще монархии, второе — республике... Тот, кто способен шутить, находясь во главе правительства, стремится к тирании...

Даже добро часто становится орудием интриги. Будем же неблагодарны, если мы хотим спасти отечество.

Грубость есть одна из форм сопротивления угнетению. Мягкость сопутствует гордости свободного человека.

Стоицизм, который есть добродетель ума и сердца, один способен предотвратить разложение в республике торговой, где отсутствуют добрые нравы.

Вселенная будет угнетена до конца мира, если сегодня мы пренебрежем мудростью. Прислушайтесь к доброму сердцу, оно выше всех выгод, которые несет правление гения зла.

В тот день, когда я приду к убеждению, что невозможно установить среди французского народа нравы мягкие, сильные, чувствительные, беспощадные к тирании и к несправедливости, я пронжу себя кинжалом./

4. Республика и правительство

Подобно тому как нацией можно управлять при крайней слабости общественного мнения, ею можно управлять и при наивысшем подъеме энергии. Каким бы ни было настроение, если есть согласие, можно идти вперед. Поэтому, я думаю, мы должны быть пылкими, что не исключает ни здравого смысла, ни мудрости.

Можно установить порядок даже в гражданской общине, объятай пламенем, подобно тому как природа умиротворяет скакуна или вулкан. Установим же нашу доктрину, вдохнем жизнь в нашу свободу: она обрекает нас добродетели, мужеству и скромности; разве это лишь пустые слова? Она обрекает нас ненависти к тирании; будем ли мы щадить ее? Создадим гражданскую общину: удивительно, что эта идея еще не встала в порядок дня.

Трудно управлять республикой, если каждый испытывает зависть или презрение к власти, которой он не облечен; если солдат завидует тому, какая лошадь у генерала, а генерал — тому, какие почести родина воздает солдатам; если каждый воображает, что служит не отечеству, а тому, кто им командует; если тот, кто командует, воображает себя всемогущим, а не отправляющим народное правосудие; если каждый, не определив, какие функции исполняет он и какие исполняются другими, пожелает быть равным по власти тем, кто стоит выше него, и господином для тех, кто ниже его; если каждый из тех, кто обладает властью, будет считать себя выше гражданина, тогда как имеет дело лишь со злоупотреблениями и преступлениями.

В действительности гражданин имеет дело лишь со своей совестью и с моралью; если он о них забывает, то имеет дело с законом; если он презирает закон, он больше не гражданин: здесь начинаются его отношения с властью.

Одним словом, невозможно управлять государством, если вместо скромности всеми владеет гордыня.

Прежде в правительствах было более ловких людей, чем людей добродетельных. Скромность героя не введет меня в заблуждение. Если человек, которого вы хвалили за скромность, вдруг проявит гордыню, то что может быть более опасным для свободы!

Обычно говорят: гражданин — это тот, кто пользуется почетом и уважением. Это заблуждение. Вот он, гражданин: он имеет не более имущества, чем допускается законом; он не отправляет никакой магистратуры и независим от ответственности тех, кто управляет.

Тот, кто является магистратом, уже не принадлежит народу. Среди народа не может быть никакой индивидуальной власти. Если бы власти были частью народа, они обладали бы большим могуществом, чем народ. Носители власти не могут занимать особого положения среди народа. Они занимают определенное положение только по отношению к преступникам и к законам. Добродетельный гражданин должен пользоваться большим уважением, чем магистрат...

Когда обращаются к функционеру, не следует называть его гражданином; ему не подобает это высокое звание.

Принципом республиканского правления является добродетель; если не она, то террор. Чего же хотят те, кто не хочет ни добродетели, ни террора?..

Сила не есть ни разум, ни право; но, вероятно, без нее нельзя обойтись, чтобы заставить уважать и разум, и право...

Слабое правительство слишком обременительно для народа. Члены правительства свободны, а народ — нет...

Говорят, что сильное правительство угнетает; это не так: вопрос надо ставить иначе. Правительству необходима справедливость. Правительство, которое вершит справедливость, не становится от этого сильным и угнетающим, ибо оно подавляет лишь зло...

Нам возражали, что невозможно найти достаточно людей, чтобы осуществлять цензуру. Однако для отправления магистратуры при слабом правительстве требуется больше просвещения и больше добродетели, чем при правительстве крепком. В первом случае все управление основывается на личных

заслугах; во втором основой является сила и гармония установлений. Первому нужны мудрецы, которые не совершали бы злоупотреблений. Второму нужны просто люди, ибо их увлекает общий ход событий. В первом случае нет никакого договора; во втором есть договор, который согласовывает все разнородные движения и устанавливает повсюду законность. В первом случае имеется постоянное действие и противодействие отдельных сил; во втором действует одна общая сила, включающая в себя все другие, направленная к одной и той же цели, к одному и тому же благу.

Мудрость пребывает в детях. Многое кажется нам великим лишь потому, что самих себя мы считаем малыми и ничтожными. Человек, жаждущий обрести мудрость, должен иметь в виду лишь собственную природу и отбросить всякие политические соображения.

В государстве, где мы живем, гражданская жизнь является наиболее естественной, и потому нужно особенно заботиться о ее поддержании. Свобода народа — в его частной жизни; не нарушайте ее. Тревожьте лишь неблагодарных и злодеев. Пусть правительство станет для гражданина не только властью, но и источником гармонии; пусть оно odstает силою лишь для того, чтобы защитить простосердечие от силы же...

/Дело не столько в том, чтобы сделать народ счастливым, сколько в том, чтобы помешать ему быть несчастным. Не угнетать, вот и все. Каждый сможет сам обрести блаженство. Если в народе укоренился предрассудок, что своим счастьем он обязан тем, кто им управляет, он недолго сохранит свое счастье.../

Знаете ли вы, что человек не рожден злым; зло в угнетении: это его заразительный пример от ступени к ступени, от более сильного к более слабому всюду устанавливает зависимость. Такая иерархия должна быть только в правительстве, пока его сила не иссякнет под собственной тяжестью там, где начинается гражданская община.

Гарантия гражданина от власти должна заключаться в нем самом. Можно ли быть свободным, уступив магистрату право охранять твою свободу!

Воистину, земля скорби там, где народ всегда лишь управляем, где он совершенно лишен гарантий от дурного правления.

Мы предлагаем вам гражданские установления, которые позволят и ребенку оказать сопротивление угнетению со стороны человека могущественного и несправедливого. [Он выступит с обвинением перед трибуналом; если его не выслушают, он выступит с обвинением перед народом в]

Легко говорить о свободе тому, кто обладает всею властью, легко говорить о равенстве тому, кто, обладая властью, охраняет равенство всех остальных, делая их скорее ничтожными, чем равными. [Нет, только разбойник, если он держит бразды правления в государстве, может сказать, что он является другом людей, и властвуя, и приказывая как господин и друг, может сказать другим: вы равны, поэтому сражайтесь, защищая равенство.]

/Пока вы видите людей в приемных магистратов и трибуналов, правительство ничего не стоит. Ужасно, если кому-то приходится добиваться справедливости.

Когда дело доходит до низвержения дурного правительства, все охотно становятся приверженцами строгих принципов; но редко кто, придя к власти, не отбрасывает тут же все эти принципы и не ставит на их место собственную волю.

Только с помощью средств и денег, полученных от иностранных держав, можно нарушить покой в нашей республике. Это правительства соседних стран вызывают волнения в государствах. Чтобы обрести счастье, нужно жить как можно более обособленно./

5. Революция

/Революция оледенела; все принципы ослабели; остались лишь красные колпаки на головах интриги.

Применение террора притупило преступление, подобно тому как крепкие напитки притупляют вкус.

Несомненно, еще не настало время делать добро. Отдельные проявления добра — это паллиатив. Лишь когда всеобщее зло достигнет предела, общественное мнение испытает потребность в мерах, способных принести благо. Тот, кто приносит общее благо, всегда страшен или кажется странным, если начинает слишком рано.

Революция должна завершиться установлением совершенного счастья и совершенной общественной свободы посредством законов. Все ее стремления должны быть направлены лишь к этой цели и должны сокрушить все, что ей противостоит; и каждый период, каждая победа над монархизмом вводит и освящает республиканское установление.

Говорят о вершине революции: но кто определил ее высоту? Она подвижна. Были свободные народы, которые падали с еще большей высоты./

Фрагмент четвертый

Вопрос об общем благе. Деньги. Экономика

[Я хочу установить принципы практической гарантии свободы и гражданина.]

Поскольку в свободном государстве беспрестанно идет обсуждение людей и предметов, поскольку общественное мнение там подвержено многим превратностям и зависит от различных прихотей и страстей, [те, кто облечен верховной властью] законодатели должны сделать так, чтобы вопрос об общем благе всегда был поставлен с предельной ясностью, с тем чтобы все, кто будет его обсуждать, думали, действовали и говорили о нем в духе и в рамках установленного порядка.

[Вопрос об общем благе должен быть во всех отношениях поставлен таким образом, чтобы все действия и противодействия пришли в гармонию.]

Только тогда республика действительно едина и неделима, а суверен составляют сердца, преданные добродетели.

Если же вопрос об общем благе больше не ставится, исчезает основа для здоровой оценки политического положения в государстве. Каждый выбирает

позицию, соответствующую его стремлению к успеху и процветанию. Нет возможности разоблачить лицемерие, ибо трудно определить его противоречие общественному интересу, мерило которого точно не установлено.

[Тогда пробуждается зависть к тем, кто управляет; тогда общественное мнение, занятое отдельными репутациями, перестает интересоваться общим благом; тогда на лицах нечестивцев, замысливших возродить рабство, отражаются мысли мрачные и преступные;] /тогда оказывается, что всеми движет личный интерес, не знающий границ/, тогда [наконец] частные соображения вырывают власть из рук законного правительства.

[Тогда, наконец, влияние иностранных держав порождает изменников или обрекает на гибель Гракхов, заставляет чтить преступление и преследовать добродетель.

А государство, одержало ли победу оно?*Каждый пытается приумножить собственное влияние; свободы больше нет; зависть и рабство во всех сердцах и притворство у всех на устах.]

Именно вам, законодатели, следует беспрестанно ставить вопрос об общем благе, связывать с ним все, подчинять ему все свои слова и действия. Так вы сохраните свое влияние; так вы сможете судить о страстях, которые вам враждебны; так вы поставите общий дух [на место всех заповедей зависти] отечества на место зависти и воплей фракций.

Сегодня вопрос об общем благе должен быть поставлен так: [ни один виновный не должен избежать наказания, ни один невинный не должен пострадать хоть на миг]

Надо, чтобы все трудились и уважали друг друга.

Если все будут трудиться, возвратится изобилие; потребуется меньше денег; не будет больше /общественных/ пороков. Если все будут уважать друг друга, не будет больше фракций: частные нравы станут мягкими, нравы общественные — твердыми. Поскольку гражданин обо всем будет судить здраво, иностранные державы утратят инициативу в суждениях о лицах и предметах, и их влияние, проникнув к нам, не развратит нас и будет тотчас замечено.

Я сказал, что труд и гражданское уважение являются для нас самыми необходимыми добродетелями. В самом деле, если мы будем продолжать выпускать столько знаков, сколько мы выпускали в прошлом, каждый почувствует себя достаточно богатым, чтобы не работать, и вы увидите, как останутся невзрачными поля, как придут в упадок мануфактуры.

Когда Рим утратил вкус к труду и жил податями со всего мира, он утратил свою свободу.

Сегодня мы уже видим граждан, которые работают лишь один день из трех [другие даже один день из четырех]. В прежние времена дворянство и двор заполняли театры; двор изгнан, дворянство немногочисленно; однако в театрах царит прежняя роскошь. Кто же те, кто выставляет ее напоказ, если не те, кто некогда трудились?

Неужели республика существует только на ораторской трибуне да в своде наших законов? Неужели монархия сохранится в гражданском состоянии?

Что до уважения, то его не испытывает лишь тот, кто не уважает самого себя [и кто ценит лишь наказания своих низменных склонностей]. Иностран-

ные державы пытались его уничтожить, чтобы исказить наше почтение к республике. Они стремились лишить нас силы и для взаимной ненависти, и для взаимной любви, чтобы мы лишь презирали и боялись друг друга. Таким образом иностранные державы поставили зависть в основу отношений между [теми, кто управляет] гражданами, таким образом они разрушили гарантии самой добродетели, сокрушив все преграды, которые не позволяли бы ее опозорить. [В тот день, когда изменник сможет назвать изменником человека добродетельного] В тот день, когда гражданское уважение будет изгнано, а мечты добродетели опозорены, свобода перестанет существовать.

[Эта теория основывается на хорошем, предупреждают нас, на добродетели, но она может оказаться ложной, она опасна для свободы; говорят даже, что нельзя позволить творить добро негодьям.]

Вероятно, будет небезопасно обрисовать здесь характер политики европейских правительств по отношению к нам сейчас, когда я говорю, в Европе есть столько министров, которые могли бы дать своим эмиссарам во Франции инструкции]

Сегодня у Европы есть лишь одно средство погубить нас — отнять у нас труд и уважение честных людей.

Когда Марат был жив, известность его была столь весома, что партия сторонников королевской власти, не осмеливаясь нападать на него, говорила, пытаясь его обвинить, что его добродетель опасна, так же как, опасаясь воспоминаний о том добре, которое он делал, говорят, что нельзя позволять негодьям творить добро.

Горе народам, у которых законодательство и [верховная] власть ослабевают настолько, что труд и гражданское уважение там погибают.

Установив это, я перехожу к рассмотрению нашей экономики и наших нравов. Эти два предмета имеют столь много общего, что почти невозможно рассматривать их по отдельности.

Немногие правительства способны устоять перед пороками своей экономической системы. В любом государстве деньги обладают решающим влиянием; ничтожное внимание, какое мы этому уделяли, должно было внушить врагам французской революции надежду увидеть однажды, что это влияние сойдет на нет. Наши победы вызывали в Европе меньше страха, чем возможность установления у нас разумного экономического плана и упрощенной денежной системы.

[Под денежной системой я подразумеваю не новый чекан на монетах, не новые обозначения их ценности. Этот предмет имеет свое значение, но не относится к данной теме.]

Речь идет о том, чтобы в будущем предотвратить или затруднить изготовление фальшивых денег, а также немедленно изъять такие деньги из обращения. Речь идет о том, чтобы упростить систему взимания податей, соразмерив их с доходами граждан, с учетом неумеренных эмиссий. Речь идет о том, чтобы освободить взимание податей от жестокости фиска. Свободное правительство должно быть искренним и великодушным, обращаясь к народу.

Никогда еще так остро, как сегодня, не ощущалась потребность в точных определениях, особенно в отношении финансов; ибо со времени революции все экономические идеи рассматривались сквозь определенную призму.

Я попытаюсь показать, как постепенно углублялись наши ошибки в экономике, совершаемые либо под влиянием неминуемых опасностей, либо по внушению иностранных держав, а также какое влияние они оказали на нравы.

В 1789 году сократилось количество звонкой монеты, частью вследствие заговоров двора, частью по вине богачей, намеревавшихся эмигрировать. Банки перевели за границу и коммерческие дела, и ценности французского кредита.

В экономике свершилась революция не менее поразительная, чем та, что произошла в управлении, но на нее меньше обратили внимание. Сократилось не только обращение денег, но и обращение продуктов; каждый стремился припрятать то, чем он владел. И поскольку это недоверие и эта алчность разрушили все гражданские отношения, общество на какой-то момент перестало существовать; никто не видел более денег.

Те же алчность и недоверие, породившие это обособление каждого, вследствие странностей ума человеческого способствовали в дальнейшем сближению всех. Я говорю о том времени, когда бумажные деньги заняли место исчезнувшей звонкой монеты.

Каждый, кто боялся хранить при себе новые деньги, чтобы не быть застигнутым врасплох каким-либо событием, которое привело бы к их упразднению, поспешил пустить их в оборот. Внезапно торговля необычайно оживилась; *каждый боялся, что деньги в его руках обратятся в ничто*; этому способствовало также то обстоятельство, что лица, получившие плату за ликвидированные долги, старались израсходовать свои капиталы на приобретение товарных запасов.

Поскольку расцвет торговли был вызван лишь всеобщим недоверием и потерей кредита; поскольку прекратились поступления из-за границы, что изменило обменный курс не в нашу пользу, несметным количеством знаков, эмиссия которых растет с каждым днем, измеряются лишь продукты, находящиеся на нашей территории. Продукты скупали /их вывозили за границу по безмерным ценам/, их потребляли на месте, продуктов становилось все меньше, и деньги накапливались и все больше теряли свою ценность.

Чем больше было у человека бумажных денег, тем меньше он трудился, и праздность привела к ослаблению нравов. Чем меньше было работы, тем больше росла сдельная оплата. В обращение вступало все больше потребностей и все меньше предметов, ибо люди были богаты и мало работали. Подати не увеличивались, и республика, вовлеченная во всеобщую войну, принуждена была умножать количество денег, чтобы покрыть громадные расходы.

Продажа национальных доменов и подати были единственным источником изъятия денег; но если поступало в казну тридцать миллионов ежемесячно, то выпускалось в обращение триста или четыреста миллионов. Таким образом, знаки из месяца в месяц теряли свою ценность, ежегодные взносы уплачивались не из капитала, и их погашение не приносило облегчения экономике; а ежегодные взносы уплачивались из поступлений с имущества. И тогда государство, продававшее земли, оказалось недостаточно богатым, чтобы покупать продукты, полученные с этих земель. Тот, кто купил у государства арпан¹¹ земли за 600 ливров, продает ему свои продукты за 300 ливров вместо

30 ливров, из расчета 5 процентов. Такая неблагодарность по отношению к родине, принуждая государство покупать продукты по цене более высокой по сравнению с ценой проданных земель, заставила прибегнуть к карательным законам.

Иностранные державы, воспользовавшись превратностями, которые следовали одна за другой, довели нас до этих крайностей, и они же предложили лекарство. Первая мысль о таксации пришла к нам извне, принесенная бароном де Батцем:¹² это был проект голода. В настоящее время во всей Европе признано, что рассчитывали на голод, чтобы вызвать народный гнев, на народный гнев — чтобы сокрушить Конвент, на роспуск Конвента — чтобы растерзать и расчленить Францию.

Обратитесь к истории, и вы увидите, к каким последствиям приводило повсюду установление твердых цен. В Антиохии твердые цены на продукты, введенные императором Юлианом, вызвали ужасающий голод.¹³ /Почему? Не потому, что закон о таксации плох сам по себе, а потому, что людей одолела алчность. Введение твердых цен приводит к тому, что все начинают покупать без удержу, к тому, что никто ничего не хочет продавать, к тому, что продают очень дорого, и все это происходит из-за той же алчности и развращенности.

Обращение продуктов необходимо там, где не у всех людей имеются собственность и сырье. Обращение продуктов питания невозможно при наличии твердых цен. Если вы вводите таксацию, не изменяя нравов, появляется алчность. Чтобы изменить нравы, нужно начать с удовлетворения потребностей и интересов; нужно всем дать немного земли.

По той же причине нужно, чтобы формирование домена и все общественные поступления осуществлялись в натуре.

Уверяю, что свобода не установится, если окажется возможным поднять обездоленных против нового порядка вещей; уверяю, что не будет больше обездоленных, если сделать так, чтобы у каждого была земля.

Там, где имеются очень крупные собственники, мы видим одних лишь бедняков; в областях крупной культуры ничего не потребляют.

Человек не создан ни для ремесла, ни для больницы, ни для богадельни; все это отвратительно. Нужно, чтобы человек был независим, чтобы он имел достойную жену, здоровых и крепких детей; не должно быть ни богатых, ни бедных.

Обездоленный выше правительства и властителей мира, он должен говорить с ними как хозяин... Нужна доктрина, которая осуществила бы эти принципы на практике и обеспечила благоденствие всего народа.

Роскошь это позор; она в том, чтобы воспитывать меньше детей, внебрачных или приемных; чем позволяет доход в тысячу ливров.

Нужно изъять из обращения ассигнаты, обложив налогом тех, кто управлял делами и работал, получая жалованье из государственной казны.

Нужно уничтожить нищету, распределив национальные имущества между бедными./

XVIII век должен быть помещен в Пантеон.

Тому, кто высказал бы эти мысли восемь месяцев назад, подали бы цикуту; великое дело научиться мудрости, познав несчастье на своем опыте. Пусть

этот опыт научит нас не оскорблять людей суровых, которые говорят нам правду.

Нельзя, чтобы честные люди принуждены были унизиться до оправдания своего стремления к общему благу перед уловками преступления. Можно сколько угодно говорить, что они умрут за отечество; но вовсе не нужно, чтобы они умирали, нужно, чтобы они жили и чтобы законы поддерживали их. Нужно, чтобы их взяли под защиту от мести иностранных держав. Поэтому я советую всем, кто стремится делать добро, дожидаться благоприятного момента, дабы избежать славы, какой достигают, выступив преждевременно. *Негоддя и великие люди никогда не умирают в своих постелях.*

Я желал бы в момент, когда идея овладеет умами и доведет всех до неистовства, вручить на ораторской трибуне гражданский венок человеку, который скромно и благородно оспорил бы ее, даже если б он заблуждался.

Нет, разум это не дух завоевания; но влияние иностранных держав было восемь месяцев назад столь нестерпимым, столь ужасным, что побудило бы побить камнями того, кто выскажет здравую идею относительно экономики.

Сегодня, когда природа [*божество, отечество*] и мудрость вновь вступили в свои права, когда истина вновь обрела восприимчивых слушателей, суровая любовь к отечеству должна заговорить в полный голос. Наше положение непрочно; мы тратим, как безумный расточитель. Триста миллионов ежемесячных эмиссий государственной казны обратно не возвращаются, что уничтожает любовь к труду и священное бескорыстие, которые и составляют республику.

Как же не существовать богачам, если в обращении вчетверо больше знаков, чем прежде? Как же триста или четыреста миллионов ежемесячных эмиссий не внесут разложение в общество? Такая финансовая система могла бы принести процветание монархии, но она же должна погубить любую республику.

Какое бы уважение ни внушал мне народ, это не может помешать мне подвергнуть цензуре те новые нравы, которые у нас установились. Каждый день большое количество граждан оставляет ремесло своих отцов и предается праздности, что вызывает в памяти гнусные времена монархии.

Как! когда отечество ведет ужасную войну, когда тысячи и тысячи граждан проливают свою кровь, государственная казна, выпускающая чрезмерное количество новых денег, потворствует тем самым распутству и страстям, и никто при этом не сдерживает свою алчность и свою жестокость!

Свобода, с которой я здесь выражаюсь, станет когда-нибудь свидетельством честности тех, перед кем можно было говорить подобным образом. Но мы слишком долго закрывали глаза на расстройство наших финансов, что повлекло за собою расстройство нравов.

Вам осталось сделать лишь один шаг, предстать во всем своем могуществе, чтобы обуздать врагов республики; вам надлежит сделать свою торговлю и свою экономику независимыми от влияния косяности этих врагов.

Итак, вот цель, которой мы, как кажется, можем предложить вам достигнуть.

1. Сделать невозможным изготовление фальшивых денег.

2. Установить справедливое взимание податей со всех доходов, со всех продуктов прямым путем, без фиска и без многочисленных агентов.
3. Взимать все подати в один день по всей Франции.
4. Соразмерить расходы государства и количество знаков в обращении, необходимое для ведения частных дел.
5. Запретить всем удерживать у себя и накапливать деньги, пренебрегать полезным промыслом и жить в праздности.
6. Сделать знаки неотчуждаемыми за границей.
7. Неизменно знакомиться с суммою всех доходов, поступающих в течение года.
8. Дать всем французам возможность удовлетворять первоочередные жизненные потребности в зависимости только от закона и без взаимной зависимости в гражданском состоянии.

Фрагмент пятый

Разделение установлений согласно их содержанию¹⁴

Французские установления состоят из:

1. Установления моральные, гражданские и семейные, как-то: образование, привязанности, то, что относится к гражданскому кодексу, опека, усыновление, наследование и сделки; праздники, собрания в храмах, старцы и цензура; законы, относящиеся к сельскому хозяйству, и законы против роскоши, погребения.
2. Установления общественные и политические, как-то: нравы правительства и армии, назначение цензоров, военное дело, флот, торговля, гарантии и общественный домен.

Фрагмент шестой

Некоторые установления гражданские и моральные

1. Об образовании¹⁵

Дети принадлежат своей матери до пяти лет, если она сама их вскормила, и затем Республике до самой смерти.

Мать, которая не кормила сама своего ребенка, перестает быть матерью в глазах отечества. Она и ее супруг должны явиться перед магистратом, чтобы возобновить брачный союз, иначе он будет считаться недействительным.

Мальчик до пяти лет воспитывается своими отцом и матерью.

Если они разведены, его воспитывает родина, народ назначает ему опекуна.

[Девочки воспитываются в доме отца и матери до замужества]

Девочка воспитывается своими отцом и матерью.

Если они разведены, ее воспитывает родина, народ назначает ей опекуна.

Ребенок, гражданин, принадлежит отечеству. Общественное обучение необходимо. Дисциплина в детстве должна быть суровой.

Детям следует внушать любовь к молчанию и презрение к риторам. У них должен сформироваться лаконизм выражений. Следует запрещать детям игры, где требуется декламация, и приобщать их к простым истинам. Дети играют лишь в игры, где проявляется гордость и интерес; им нужны лишь упражнения.

Воспитание детей мужского пола от пяти до шестнадцати лет вверяется отечеству.

Существуют школы для детей от пяти до десяти лет. Они находятся в сельской местности, по одной на каждую секцию и на каждый кантон.

Существуют школы для детей от десяти до шестнадцати лет, по одной на каждую секцию и на каждый кантон.

Дети от пяти до десяти лет учатся читать, писать и плавать.

Нельзя ни бить, ни ласкать детей. Их учат добру и предоставляют природе.

Тот, кто ударит ребенка, подлежит изгнанию.

Дети носят холщевую одежду во все времена года. Они спят на циновках; их сон продолжается восемь часов.

Они питаются все вместе; пища их состоит из кореньев, овощей, фруктов, молочных продуктов, хлеба и воды.

Воспитатели детей от пяти до десяти лет не должны быть моложе шестидесяти лет; их выбирает народ из числа тех, кто удостоился носить почетный шарф старости.

Воспитание детей от десяти до шестнадцати лет должно быть военным и земледельческим.

Дети распределяются по ротам, шестьдесят человек в каждой. Шесть рот образуют батальон. Каждый месяц воспитатели назначают командира из числа тех, кто отличился примерным поведением.

Дети одного дистрикта образуют легион. Они собираются раз в год в главном городе дистрикта в день праздника юности. Они располагаются там лагерем и выполняют все пехотные упражнения на специально подготовленных аренах.

Они обучаются также кавалерийским маневрам и всем видам военных построений.

Они изучают языки.

Во время жатвы их распределяют по <хозяйствам> земледельцев.

С шестнадцати до двадцати одного года они обучаются ремеслам и выбирают себе профессию, с которой они знакомятся либо в земледельческих хозяйствах, либо на мануфактурах, либо на кораблях.

До шестнадцати лет дети носят одинаковую одежду; с шестнадцати до двадцати одного года они носят одежду рабочего, с двадцати одного года до двадцати пяти лет — одежду солдата, если только не являются магистратами.

С десяти лет всех детей обучают военным построениям.

Их обучают ездить верхом, плавать; в возрасте шестнадцати лет они могут надеть костюм ремесленника лишь после того, как в день праздника юности на глазах у всех переплывут реку.

Граждане в возрасте от двадцати одного года до двадцати пяти лет, если они не являются магистратами, вступают в национальную милицию, женаты они или нет.

Воспитателей для детей до шестнадцати лет выбирают директории дистриктов; их утверждает центральная комиссия искусств и ремесел, назначенная правительством.

Земледельцы, мануфактуристы, ремесленники, негоцианты могут быть воспитателями. Молодые люди шестнадцати лет должны оставаться у своих воспитателей до двадцати одного года под страхом пожизненного лишения прав гражданина.

Они никогда не возвращаются в дом своих родителей до достижения двадцати одного года.

В каждом дистрикте имеется особая комиссия искусств и ремесел, которая будет давать советы воспитателям и проводить публичные занятия.

Школам предоставляется часть национальных имуществ.

Школы будут наделяться частью имуществ врагов революции [из расчета один арпан земли на ребенка, из расчета 200 ливров на ребенка]

Особой формой обучения, присущей только французам, являются детские общества под председательством магистрата, который будет предлагать темы для обсуждения и направлять дискуссию, так чтобы сформировать их чувства, душу, разум и сердце.

Девочки воспитываются в доме матери.

В дни праздников девочки старше десяти лет могут появляться в общественных местах лишь в сопровождении своей матери, своего отца или своего опекуна.

2. О привязанностях¹⁶

Каждый человек, достигший двадцати одного года, должен объявить в храме, кто его друзья. Это заявление повторяется ежегодно в течение месяца вантоза.

Если человек оставляет своего друга, он должен по призыву одного из граждан или старейшего из них объяснить принародно в храме причины этого; если же он отказывается, его изгоняют.

Друзья не должны скреплять свой союз письменным обязательством; между ними не может быть судебной тяжбы.

Друзья во время боя встают рядом друг с другом.

Те, кто был связан дружбою в течение всей своей жизни, должны быть погребены в одной могиле.

Друзья носят траур один по другому.

Народ выбирает опекунов детям из числа друзей их отца.

Если человек совершил преступление, его друзья подлежат изгнанию.

Друзья умершего роют могилу, устраивают торжественные похороны. Вместе с детьми умершего они украшают цветами место погребения.

Тот, кто скажет, что не верит в дружбу или что не имеет друзей, подлежит изгнанию.

Человек, уличенный в неблагодарности, подлежит изгнанию.

Фрагмент седьмой

Установления брачные и семейные

1. Об общности <имущества супругов>

Мужчина и женщина, которые любят друг друга, являются супругами. Если у них нет детей, они могут хранить свой союз в тайне; но если жена забеременела, они обязаны объявить себя супругами перед магистратом.

Никто не может подавлять склонности своего ребенка, каково бы ни было его состояние.

Общность <имущество> может быть только у супругов: то, что принесли с собой, и то, что они приобрели вместе, поступает в их общее владение. Их союз основан не на договоре, а на взаимной привязанности; в акте, подтверждающем их союз, указывается лишь их общее имущество без всяких оговорок.

Если они расстаются, половина общего имущества принадлежит им, и они делят ее поровну.

Другая половина имущества принадлежит детям; если они не имеют детей, она принадлежит общественному домену.

Супруги должны объявить в храме о своем разводе за три месяца до расторжения брака.

Государственный служащий немедленно предлагает назначить детям опекуна. Общее имущество должно быть разделено, и этот раздел производится до развода.

Народ назначает в храме опекунов для детей разведенных родителей.

Всякое обязательство, принятое отдельно одним из супругов, является недействительным.

Общие долги выплачиваются из части имущества, остающейся за супругами в случае их развода. Если один из супругов умрет, долги уплачиваются сообща детьми и супругом, оставшимся в живых.

Если супруги не имеют детей в течение первых семи лет брака и если они никого не усыновили, их брак расторгается по закону, и они должны оставить друг друга.¹⁷

2. Об опеке

Тот из супругов, который переживет другого, является опекуном своих детей.

Имущество детей находится под опекой и подлежит управлению до достижения ими двадцати одного года, вступили они в брак или нет.

Под опекой находится имущество, но не личность.

Если оставшийся в живых супруг вторично вступает в брак, он должен заранее в храме попросить назначить опекуна для своих детей и отчитаться перед ними.

Если тот, кто вторично вступил в брак, овдовев, он не может снова взять под опеку своих детей от первого брака; он является опекуном детей от второго брака.

Опекуны должны состоять в браке. Если они разведутся или овдовеют, государственный служащий предлагает в храме назначить другого опекуна.

Молодая девушка имеет право просить в храме назначить ей другого опекуна, не объясняя причины.

Лица, облеченные публичной властью, не могут быть выбраны опекунами.

Если осиротевший ребенок не имеет состояния, то по предложению государственного служащего народ выбирает в храме опекуна сироте из числа тех, кто согласится воспитать его за свой счет до пятилетнего возраста.

Если девушка до достижения двадцати одного года или до вступления в брак осиротевает и если у нее нет никакого имущества, то по предложению государственного служащего народ выбирает для нее в храме опекуна из числа женатых и достойных уважения граждан, согласившихся воспитать сироту за свой счет.

3. Об усыновлении

Усыновление осуществляется в интересах детей неимущих граждан и детей, родившихся вне брака.

Нельзя усыновлять ребенка мужского пола после того, как ему исполнится пять лет.

Нельзя удочерять девушку иначе как до вступления ее в брак.

Усыновители устанавливают и оговаривают размеры приданого усыновленного ребенка в присутствии государственного служащего: приданое не подлежит отчуждению в пользу приемных родителей. Приданое не может превышать суммы в десять тысяч ливров.

Усыновление не влечет за собой никакого права наследования, только право на приданое.

Приданое усыновленного принадлежит ему и его семье; это приданое отходит к общественному домену, если усыновленный не имеет ни деда, ни бабушки, ни отца, ни матери, ни брата, ни сестры, ни детей, родных или приемных.

[Если приемные отец и мать становятся бедняками

Если приемные отец и мать обеднеют, они по достижении шестидесяти лет получают право на общественный домен]

Если брат и сестра по усыновлению вступят в брак между собою, их приданое будет подлежать закону об общности имущества и о наследовании, который не распространяется на семью усыновителей.

[Нельзя усыновлять детей, не давая им приданого

Никто не может быть усыновлен более чем один раз]

Братья по усыновлению не могут наследовать друг другу.

Приданным усыновленного ребенка распоряжается его отец; если он потерял отца, приданным распоряжается его мать; если он потерял и мать, им распоряжается приемный отец; если у него нет приемного отца, приданным распоряжается приемная мать. Если ребенок потерял и тех и других, если они разойдутся или овдовеют, приданным распоряжается опекун.

[Удочерение девочки запрещено человеку, не состоящему в браке]

Усыновление запрещено лицам, не состоящим в браке.

Приданое мальчика служит для его воспитания лишь до пяти лет, ибо с этого возраста он принадлежит отечеству и оно его содержит [до шестнадцати лет проценты с его приданого принадлежат ему] и распоряжается его приданым до [шестнадцати лет, он получает с него проценты с шестнадцати лет до] двадцати одного года; с этого возраста он может пользоваться своим приданым и отчуждать его.

Приданое девочки [служит для ее воспитания до ее вступления в брак и подлежит управлению до двадцати одного года] подлежит управлению до ее замужества [или до совершеннолетия]; достигнув двадцати одного года, она может пользоваться своим приданым и отчуждать его.

Никто не может стать усыновителем до достижения двадцати одного года. Супруги, один из которых не достиг двадцати одного года, также не могут стать усыновителями.

Супруги могут усыновить ребенка только с взаимного согласия.

Фрагмент восьмой

Некоторые гражданские установления

1. О наследовании

Право наследования принадлежит исключительно родственникам по прямой линии. Таковыми являются дед и бабушка, отец и мать, дети, брат и сестра.

Непрямые родственники не могут наследовать.

Республика наследует тем, кто умирает, не имея прямых родственников.

Дети наследуют равным образом отцу и матери. Супруги не наследуют друг другу. Супруги равным образом наследуют своим детям, не имеющим детей. Если супруги разведены, они не наследуют своим детям. Дед и бабушка, если они не разведены, равным образом наследуют своим внукам. Дед и бабушка не наследуют своим внукам прежде отца и матери. Дети от разных браков не наследуют друг другу.

При наличии детей от разных браков дед и бабушка наследуют своим внукам; внуки от разных браков наследуют своим деду и бабушке.

Если дети от разных браков умирают не имея отца, матери, детей, наследуют дед и бабушка.

Если дед и бабушка умирают, братья и сестры от одного брака наследуют друг другу. При отсутствии брата и сестры наследует общественный домен. Если один или несколько из дедов и бабушек умирает, те, кто остался в живых, разделяют наследство с братьями и сестрами.

Если нет братьев и сестер, дед и бабушка делят наследство поровну с общественным доменом. Если нет ни деда, ни бабушки, ни брата, ни сестры, общественный домен является единственным наследником.

Дед и бабушка наследуют своим детям или внукам. Отец и мать, даже если они снова вступили в брак, наследуют своим детям, но могут пользоваться лишь процентами; основные фонды остаются в руках других детей или внуков, а если их нет, в руках республики, которая и выплачивает проценты.

Основные фонды подлежат отчуждению детьми или внуками или общественным доменом лишь после смерти того, кто получает доход. Никто не имеет права лишать наследства и составлять завещание.

2. О договорах

Заключение договоров не подчиняется никаким иным правилам, кроме воли договаривающихся сторон; никого нельзя обязать заключить договор.

Никто не может заключать договоры до достижения двадцати одного года.

Никто не может заключать договоры иначе, как в присутствии своих друзей, или договор признается недействительным.

Один и тот же договор не может связывать более чем двух людей; если он связывает большее число людей, он признается недействительным.

Любой договор подписывается договаривающимися сторонами и их друзьями; иначе он признается недействительным.

Именно друзьям вручается текст договора.

Спорные дела решаются в присутствии друзей договаривающихся сторон, которые и являются арбитрами.

Тот, кто проиграет тяжбу, лишается прав гражданина сроком на один год.

Всякое обязательство должно быть записано, или оно недействительно.

/Закон не создает права, право создает закон./

Фрагмент девятый

Некоторые карательные установления

Всякий, кто ударит другого, карается тремя месяцами тюремного заключения; если при этом пролилась кровь, он подлежит изгнанию.

Тот, кто ударит женщину, *карается смертью* /подлежит изгнанию/.

Тот, кто видел, как ударили мужчину или женщину и не задержал виновного, карается годом тюремного заключения.

Тот, кто обманул девушку, подлежит изгнанию.

/Пьянство карается;/ тот, кто будучи пьяным станет говорить или поступать дурно, подлежит изгнанию.

Убийцы носят черную одежду всю жизнь; если они ее снимут, их надлежит предать смерти.

Фрагмент десятый

Некоторые моральные установления, относящиеся к празднествам

Французский народ признает Верховное существо и бессмертие души.¹⁸ Первый день каждого месяца посвящен Предвечному.

Все культы равным образом пользуются покровительством государства. Однако ни в одном из гражданских обязательств не допускается упоминание о вероисповедании; любой акт, где говорится о культе, недействителен.

Общественные храмы открыты для всех культов.

Совершение обрядов вне стен храма запрещается; обряды, совершаемые внутри храмов, не могут быть нарушены.

Священнослужители любого культа не могут появляться в общественных местах с атрибутами своего культа под угрозой изгнания.

День и ночь в общественных храмах будут куриться благовония; в течение двадцати четырех часов огонь поддерживается поочередно старцами шестидесяти лет.

Храмы не могут быть закрыты.

Французский народ вверяет свою судьбу и своих детей Предвечному.

Бессмертные души тех, кто погиб за отечество, тех, кто был добрым гражданином, тех, кто заботился о своих родителях и никогда не покидал их, пребывают в лоне Предвечного.

Народ исполняет гимн во славу Предвечного в храмах каждое утро; все общественные праздники начинаются с пения гимна.

Общие законы торжественно провозглашаются в храмах.

В первый день жерминаля Республика будет торжественно отмечать праздник Божества, природы и народа.

В первый день флореаля — праздник Божества, любви и супружества.

В первый день прериаля — праздник Божества и победы.

В первый день мессидора — праздник Божества и усыновления.

В первый день термидора — праздник Божества и юности.

В первый день фрюктидора — праздник Божества и счастья.

В первый день вандемьера Республика будет торжественно отмечать в храмах праздник Божества и старости.

В первый день брюмера — праздник Божества и бессмертия души, *торжественно отмечаемый в храмах.*

В первый день фримера — праздник Божества и мудрости, *торжественно отмечаемый в храмах.*

В первый день нивоза — праздник Божества и отечества, *торжественно отмечаемый в храмах.*

В первый день плювиоза — праздник Божества и труда, *торжественно отмечаемый в храмах.*

В первый день вантоза — праздник Божества и друзей, *торжественно отмечаемый в храмах.*

Каждый год первого флореаля народ каждой коммуны будет выбирать в храмах из числа жителей коммуны молодого человека, состоятельного, добродетельного, не имеющего физических недостатков, в возрасте от двадцати одного до тридцати лет; этот молодой человек выберет себе в жены бедную девушку в напоминание о равенстве людей.

Лицеи будут присуждать премии за красноречие.

Во время этого состязания не должны звучать торжественно-напыщенные речи. Награда за красноречие будет отдана тому, чья речь отличается лаконизмом, тому, кто произнес вдохновенные слова в момент опасности; тому, чья мудрая речь способствовала спасению отечества, призвал народ к возрождению нравов, сплотила солдат.

Наград за поэзию удостоиваются лишь ода и эпопея.

Фрагмент одиннадцатый

О старцах, о собраниях в храмах, о цензуре

Люди, прожившие безупречно всю свою жизнь, когда им исполнится шестьдесят, будут носить белый шарф. Для этого они должны в день праздника старости предстать в храме перед судом своих сограждан; и если никто не предъявит им обвинения, они получают белый шарф.

Уважение к старости является в нашем отечестве культом. Человек, носящий белый шарф, может быть приговорен лишь к высылке.

Старцы, носящие белый шарф, являются в храмы, чтобы подвергнуть там цензуре частную жизнь функционеров¹⁹ и молодых людей, не достигших двадцати одного года.

Те, кто управляет, должны подавать пример воздержанности и скромности; народ имеет право направить в уголовный трибунал обвинения, выдвинутые старцами против функционеров. Если станет известно об их дурном образе жизни, они подлежат изгнанию.

Старейший житель коммуны должен являться в храм каждые десять дней, чтобы высказать свое мнение о поведении функционеров.

Граждане собираются в храмах, чтобы рассмотреть частную жизнь функционеров и юношей моложе двадцати одного года; чтобы отчитаться в употреблении своих доходов; чтобы объявить, кто является их друзьями. Старейший из граждан председательствует в этом собрании. Не допускаются долгие обсуждения и торжественные речи. Следует ограничиться изложением точных и неприкрашенных фактов из уважения к месту, где происходит собрание и для соблюдения равенства.

Тот, кто ударит или оскорбит кого-либо в храме, карается смертью.

Те, кто не является членом суверена, должны быть удалены из храма перед голосованием.

Не ведется никаких записей того, что происходит в храмах.

Функционеры, обвиненные в храме старцами, не могут там высказываться; их ответ, написанный ими самими, должен быть зачитан с надлежащею скромностью одним из их друзей; и народ без обсуждения решает, следует или нет передавать дело на рассмотрение уголовного трибунала. Если обвиняемые уличены в дурном образе жизни, они подлежат изгнанию.

Все, что способствует жесточению или размягчению нравов, подвергается цензуре в храмах; однако там нельзя ни называть, ни подвергать цензуре тех, кто облечен властью или достиг двадцати одного года.

Женщины не могут подлежать цензуре.

Тот, кто обвинит другого человека, назвав его по имени, в поступках, не наказуемых законом, подлежит изгнанию, если того потребует перед трибуналом заинтересованная сторона.

Фрагмент двенадцатый

О погребениях

Погребение граждан совершается торжественно, в сопровождении магистрата.

Обряды любого культа пользуются уважением.

/Каждой семье отводится для погребений небольшое поле./

Кладбища располагаются в живописном месте, радующем глаз; могилы покрыты цветами, которые каждый год сажают дети.

Безупречные дети помещают над дверью своего дома изображения своих отца и матери.

/Нужно, чтобы почитание мертвых было возведено в культ; нужно верить, что мученики свободы являются гениями-хранителями народа и что бессмертие ожидает тех, кто следует их примеру./

Тот, кто окверняет место погребения, подлежит изгнанию.

Фрагмент тринадцатый

Некоторые установления, относящиеся
к сельской жизни и к законам против роскоши

Всякий собственник старше двадцати пяти лет, не занимающийся ремеслом и не являющийся магистратом, обязан обрабатывать землю до пятидесяти лет или платить двойную подать.

[Земледелец, отец четырех детей или трех мальчиков от одного брака, освобождается от военной службы.

После сбора урожая неогороженные поля являются открытыми для стад, более того]

Никто не может сам обрабатывать более 300 арпанов земли.

Всякая поземельная плата осуществляется в натуре, всякая уплата податей — в серебре.

Подати возлагаются на собственника, они не могут быть переложены на арендатора. Арендатор не может быть обременен их уплатой.

Принудительные меры по взиманию подати могут быть приняты государством только по отношению к собственнику.

Принудительные меры по взиманию подати могут быть приняты только государством и должны осуществляться лишь по постановлению суда.

Никто не может прибегнуть к принудительным мерам, но если человек стал неплатежеспособным в результате несчастного случая, государство уплачивает долг; если же он стал неплатежеспособным вследствие дурного поведения, жители коммуны, допустившие разложение в своей среде, уплачивают долг сообща, и соответствующий акт оформляется государственным служащим.

[Не окажется ли в этом случае, что правительство перестанет быть гарантией народа и его свободы]

В том и в другом случае кредитор определяет государственного служащего, и согласно постановлению трибунала государство или коммуна уплачивают долг.

Если долг превосходит размеры годового обложения коммуны, остальное уплачивается государством.

Человек, долг которого уплачен коммунной, подлежит изгнанию.

Каждый владелец обязан выкормить одну овцу на каждый арпан обрабатываемой земли; каждый владелец обязан вырастить одного быка или одну корову из расчета на каждые 10 арпанов обрабатываемой им земли; каждый владелец обязан вырастить одну лошадь на каждые 15 арпанов обрабатываемой им земли; если же владельцы уклоняются от этой обязанности, они подлежат обложению соответственно стоимости животных, которых они должны вырастить.

[Виноградари не включаются в данную]

Если скот погибает вследствие эпидемии или несчастного случая, государство выплачивает его стоимость.

Водные протоки являются собственностью прибрежных жителей.

Они могут повернуть их для использования или для благоустройства. Они не могут повернуть их в другой водный проток.

Земли [которые собственник не обрабатывает], сданные в аренду, рассматриваются как движимое имущество и подлежат двойному обложению, если только они не принадлежат несовершеннолетним, девушкам, вдовам, людям, изувеченным в бою, государственным чиновникам, тем, кому больше шестидесяти лет.

Всякий собственник обязан под страхом лишения прав гражданина сроком на один год выращивать овец из расчета четыре овцы на каждый арпан земли, которой он владеет.

Праздность карается, полезный промысел поощряется.

Республика чтит искусства и таланты. Она призывает граждан к добрым нравам; она призывает их употребить свои богатства на достижение общего блага, на облегчение участи обездоленных и не кичиться этим.

[Богач, обвиненный в гордыне, лишается прав гражданина сроком на один год]

Каждый гражданин ежегодно дает в храме отчет о том, как он распорядился своим состоянием.

Никто не должен встречать препятствий к использованию и распоряжению своим богатством, если он этим не наносит вреда третьим лицам.

Не существует домашней прислуги; тот, кто работает для гражданина, принадлежит к его семье и питается вместе с ним.

Никто не употребляет в пищу мясного в третий, шестой и девятый день декады.

Дети не употребляют в пищу мясного до достижения шестнадцати лет.

Запрещается употребление золота и серебра, если это не монета.

Фрагмент четырнадцатый

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ

О нравах в правительстве

[Самая строгая цензура должна быть направлена на тех, кто находится на службе у правительства]

[Те, кто управляет, должны подавать пример добродетели и скромности. Люди, облеченные публичной властью, не могут появляться, вкушать пищу в общественном месте. Подают пример добродетели и скромности]

Те, кому доверено управление республикой, должны подавать пример добродетели и скромности.

[О нравах правительства и армии]

Законы относительно дисциплины правительства и армии будут очень суровы, они непреклонны.

Законы не прощают

Законы непреклонны по отношению к дисциплине тех, кто обладает властью, к дисциплине армии, к дисциплине тех, кто живет без]

Равенство граждан не может иметь иных гарантий, кроме *[предельно суровой дисциплины людей, облеченных властью]* неумолимой справедливости власти, и потому дисциплина тех, кто ею обладает, должна быть предельно суровой.

[Поскольку власть принадлежит не человеку, но закону, орудием которого он является, иерархия юрисдикции должна быть священной.] Всякая власть должна подчиняться власти вышестоящей.

Ни один иностранец не должен ни при каких обстоятельствах и ни под каким предлогом состоять на службе у правительства.

Ни один иностранец не может находиться на жаловании у государства, если только он не был облечен магистратурой по воле народа.

Фрагмент пятнадцатый

О нравах в армии

/Долг каждого француза отмстить за тех, кто прежде них погиб в борьбе против тирании. Если этот принцип укрепится в общественном духе, республика станет воинственной и непобедимой./

Французские гарнизоны не могут капитулировать иначе как на условиях возвращения к себе на родину; они должны скорее погибнуть, чем сдаться в плен.

Военный никак не может возвратиться *[на родину, в дом своего отца]* туда, где он родился, если он оставил строй во время боя, если он потерял свое оружие, если он дезертировал, если он нарушил дисциплину *[если он ударил или оскорбил своего командира]*, если он возроптал на усталость. Отец, который обнимет своего сына, после того как тот совершит такую подлость, не может носить шарф старости.

[Если генерал, солдат, возле которого другой был убит холодным оружием, вернется из боя, не получив раны, он считается трусом.]

Солдат, возле которого другой солдат был убит холодным оружием, покроет себя позором, если вернется из боя без оружия, поразившего его собрата.

Командующий, раненный в бою холодным оружием, если это не произошло при собирании опрокинутого войска, смещается со своего поста.

[Кавалерист, вернувшийся из боя, солдат, вернувшийся из боя, рота, оставившая своих на поле]

Военный, который оскорбит или ослушается своего командира, командир, который оскорбит или ударит своего подчиненного, карается смертью.

[Армии, солдаты должны проявлять уважение к народу вражеских стран, но каждый человек, облеченный властью, является]

[Военный, который совершит кражу или насилие на французской территории, изгоняется из армии; за те же поступки, совершенные на вражеской территории, он карается смертью]

Никто не может оставить армию ранее окончания войны.

Военный лагерь закрыт для женщин под угрозой смерти.

Солдат имеет право носить золотую звезду на одежде в том месте, где ему нанесена рана; эти звезды ему дает отечество. Если он изувечен или ранен в лицо, он носит звезду на сердце.

Названия побед будут записаны в Пантеоне вместе с описанием подвигов, которыми они были ознаменованы.

В Пантеон будут помещены также книги, в которые будут вписаны имена [всех честных людей республики после их смерти, если их признают таковыми их сограждане] всех представителей нынешнего поколения, которые содействовали революции, кто страдал и умер за нее.

/Хвала генералам воздается лишь по окончании войны.

В мирное время нужно содержать во всех крепостях восемьсот тысяч человек; нужно установить систему переводов и перемещений гарнизонов, чтобы дух лености не проник в войска и чтобы французская республика внушала страх всем правительствам./

Фрагмент шестнадцатый

О цензорах

/Каждой революции необходим диктатор, чтобы спасти государство посредством силы, или цензоры, чтобы спасти его посредством добродетели.

Нужно назначать магистратов, способных служить примером добрых нравов.

Почему народ дает полномочия только для отправления власти? Если бы он создал шесть миллионов магистратов, чтобы проповедовать и служить примером всех добродетелей, разве это было бы хуже?..

Гарантия исполнения долга и непреклонности функционеров является также гарантией прав и свободы граждан.

Следует внушать страх тем, кто управляет. Никогда не следует внушать страх народу./

Самая строгая цензура должна быть направлена против тех, кто состоит на службе у правительства.

Необходимо установить цензуру над магистратами: они все прощают друг другу и безнаказанно вступают в сделки. Такая цензура должна быть всепроникающей; она должна следовать за каждым шагом человека, занимающего должность; она должна соответствовать духу нашей революции. Эта цензура не может отправлять власть; она должна занять место революционных армий, которые вы уничтожили,²⁰ но не унаследует их недостатки; она должна осуществлять надзор и обвинять: если она сама будет карать, она станет развращенной и продажной.

Эта цензура не распространяется на народ: народ является своим собственным цензором. Она также не должна походить на цензуру римлян: у нас она не должна заниматься нравами; иначе она станет невыносимой. Она может лишь следить за исполнением суровых законов против аристократии и заставлять магистратов и агентов подчиняться законам, от которых они сейчас почти независимы. Для сохранения революционного правительства нужен либо тиран, либо справедливость и неумолимая цензура.

Руководствуясь этими соображениями, Комитет общественного спасения поручил мне представить вам проект следующего декрета.

Национальный конвент, принимая во внимание, что революционное правительство ставит себе целью незамедлительно искоренить все преступления и укрепить Республику посредством справедливости для народа и силы против его врагов;

Принимая во внимание, что гарантия исполнения долга и непреклонности функционеров является также гарантией прав и свободы граждан, постановляет следующее.²¹

1. В каждом дистрикте и в каждой армии вплоть до заключения мира устанавливается цензор для надзора за государственными чиновниками.

2. Эта цензура распространяется только на правительство, но не может быть распространена на неподкупный народ.

3. Цензоры не могут осуществлять никаких действий власти; они не выносят приговоров и не участвуют в обсуждении выносимых приговоров; они не могут выдавать ордер на арест.

4. Цензоры выступают в Революционном трибунале обвинителями против функционеров, уличенных в заговоре или в казнокрадстве. Они выступают обвинителями против магистратов, проявивших снисходительность к врагам революции, против тех, кто угнетает патриотов, против тех, кто не исполняет в указанный срок постановлений правительства и мер общественного спасения, наконец, против всех агентов, кто тем или иным образом нарушает свой служебный долг.

5. Цензоры, находящиеся при армиях, не могут быть осведомлены о военных операциях или о морали войны; они наблюдают за дисциплиной офицеров, за поведением генералов и администраций.

6. С этой целью министры, Комитет общественного спасения, представители народа направляют соответствующим цензорам изданные ими

приказы, дабы они могли проследить за их исполнением. Цензорам не могут быть доверены планы военных операций; к ним имеют доступ только представители народа.

7. Цензорам запрещаются публичные выступления. Скромность и суровость — вот их добродетели. Они неумолимы; они вызывают к себе функционеров, чтобы те дали отчет о своем поведении; они указывают на все злоупотребления, на всякую несправедливость, допущенные в правительстве. Они не могут ни смягчать вину, ни прощать.

8. Право обвинять представителей народа в департаментах и армиях есть право народа и граждан, и оно не принадлежит цензорам. Обвинения, выдвинутые против представителей народа, рассматриваются Национальным конвентом.

9. Цензоры не могут наблюдать за судебным процессом. Судебное преследование по их обвинениям ведет обвинитель *Революционного трибунала, после того как оно будет одобрено Комитетом общей безопасности.*

10. На заседаниях Национального конвента не может быть цензоров.

11. *Цензоры назначаются представителями народа в департаментах и армиях. Их назначение утверждается Комитетом общественного спасения, который представляет отчет Национальному конвенту.*

12. Цензоры, замеченные в слабости, смещаются. Цензоры, *уличенные в том, что умышленно пощадили преступного функционера, в том, что они употребили власть, караются смертью; все граждане имеют право выдвинуть против них обвинение.*

13. Обвинения, выдвинутые против цензоров, рассматриваются *Комитетом общей безопасности, который обязан в течение двадцати четырех часов довести это до сведения Конвента.*

14. Цензорам определяется жалование в 6000 ливров.

Фрагмент семнадцатый

О полиции во время войны

Во время войны для предотвращения заговоров со стороны иностранных держав, а также волнений, гибельных для общественного порядка, иностранцы — подданные государств, находящихся в состоянии войны с Республикой, должны быть отстранены от должностей и высланы из городов.

Преобразование законов приостанавливается во избежание интриг и заговоров со стороны иностранных держав.

Объявляется отечество в опасности; законодательный корпус назначает Комитет общественного спасения, состоящий из девяти членов, для надзора за Исполнительным советом.

Фрагмент восемнадцатый

О гарантиях

/Необходимо обрисовать и признать все принципы свободы в особой декларации, которая имела бы такое же отношение к обществу, какое права человека имеют к управлению.

Необходимо создать особые предписания относительно нравов, применения власти, взаимных и обоюдных обязанностей и прав, духа и цели революции, идей, составляющих счастье свободного народа.

Свобода является гарантией гражданина в отношении применения закона./

Человек, облеченный властью, виновный в произволе по отношению к простому гражданину [который не отправляет общественных функций], клеймится знаком весов на лбу; каждый гражданин имеет право обвинить его перед уголовным трибуналом.]

Каждый гражданин [имеющий детей] независимо от возраста и пола, не отправляющий [государственной власти] никаких общественных функций, имеет право обвинить перед уголовным трибуналом человека, облеченного властью, совершившего по отношению к нему акт произвола.

Стороны должны объясниться в присутствии друг друга.

Если человек, облеченный властью, уличен, он приговаривается [к тюрьме] к изгнанию и к смерти в случае возвращения в страну.

Если уголовный трибунал откажется выслушать гражданина, приносящего жалобу, он может изложить свое дело перед народом в храме в день праздника Верховного существа; если после этого жалоба не будет рассмотрена в течение тридцати дней, трибунал карается по закону.

Восстание есть исключительное право народа и гражданина.

[Народные представители также имеют право призвать к нему, поскольку они отвечают перед народом за его свободу]

[Во время войны] Всякий иностранец, всякий человек, облеченный общественными функциями, если он будет призывать к восстанию, становится вне закона и должен быть убит на месте как узурпатор суверенитета, как человек, заинтересованный в беспорядках, для того чтобы совершить зло или чтобы возвыситься.

Восстания, которые происходят при деспотизме, всегда благотворны. Те же, что вспыхивают в свободном государстве, нередко представляют опасность для самой свободы, поскольку мятеж преступления узурпирует возвышенный предлог и священное имя <восстания>. Мятежи наносят свободному государству болезненные раны, которые кровоточат целый век.

В будущем представитель народа может быть судим только судом присяжных, состоящим из двадцати шести человек, выбранных по жребию среди депутатов; он может дать отвод половине из них, дабы не подвергать отечество произволу суда.

В будущем, если представитель народа будет осужден, он должен выбрать

себе место ссылки за пределами Европы, дабы избавить народ от лицемерия терзаний избранных им представителей.

Фрагмент девятнадцатый

О торговле и о колониях

Никто не может приобретать земли, основывать банки, содержать корабли в иностранных государствах.

Государство несет ответственность за суда, затонувшие *в волнах*, груженые лесом, шерстью, растительным маслом и мукой в том случае, если правительство было за шесть месяцев уведомлено о состоянии груза и посол засвидетельствовал его наличие.

Во время морской войны всякий торговец обязан снабдить оружием свои суда, находящиеся в плавании.

Республика не может ни по какому договору отчуждать свои права на торговлю и на колонии.

Государство покупает негров у берегов Африки, чтобы расселить их в своих колониях; немедленно по прибытии на место они получают свободу; им предоставляется по три арпана земли и орудия, необходимые для ее обработки.

Фрагмент двадцатый

Об общественном домене

/Домен и общественные доходы складываются из налогов, наследств, переходящих к Республике, и национальных имуществ.

Будет установлен только один налог — обязанность каждого гражданина, достигшего двадцати одного года, передавать государственному служащему ежегодно десятую часть своего дохода и пятнадцатую часть продуктов своего промысла.

Список платежей каждый год печатается в виде афиш./

Общественный домен предназначен для помощи неимущим членам общественного организма.

Общественный домен равным образом предназначен для того, чтобы в трудные времена облегчить народу тяжесть податей.

Добродетель, благотворительная деятельность и бедствия дают право на вспомоществование из общественного домена. — На него может претендовать только тот, кто заслужит его перед отечеством своим бескорытием, мужеством и человечностью.

Республика оказывает вспомоществование изувеченным солдатам, старцам, которые в детстве были под ружьем, тем, кто содержал отца и мать, кто усыновил детей, кто имеет более четырех детей от одного брака; старым супругам, которые не находятся в разводе, сиротам, брошенным детям, великим людям; тем, кто пожертвовал собою ради дружбы; тем, кто лишился своего стада; тем, кто пострадал от пожара, кто потерял свое имущество из-за войны, из-за бури или иного природного бедствия.

Из общественного домена оплачивается образование детей, выдаются ссуды молодым супругам, предоставляется аренда тем, кто не имеет земли.

Могут сказать, что общественного домена не хватит обездоленным. Но если быть точным, в отечестве не будет их вовсе.

Фонды государственной казны не могут быть ни доверены, ни авансированы никакому чиновнику, ими нельзя распоряжаться иначе как по мандату на государственную казну, которая производит выплаты лишь на основе оправдательных документов.

РАЗНЫЕ ФРАГМЕНТЫ

1

Я поверил, что истина и ее власть над людьми неодолимы, и потому я оставляю на память <потомкам> это наследие, каким бы оно ни было.

Я напал на людей, на которых никто не осмеливался нападать. Все обстоятельства способствовали тому, чтобы сделать преступным человека, решившегося на это. Я один должен был исполнить это опасное поручение. Самому молодому надлежит умереть и тем доказать свое мужество и свою добродетель.

Я намерен перенести на злых те тяготы, которые приходится испытывать добрым. Да будет мне позволено изложить некоторые причины, побудившие меня к этому.

Вы слишком поступились своим влиянием.

Именно народ должен осуществлять демократию, а вам надлежит управлять Республикой.

Функционеры завладели и свободой, и правительством; это позволило им притеснять народ. Вы же разгромили фракции, вы приняли суровые меры против недостойных вас членов Собрания, которые оставили дело народа. Обширное следствие, проведенное Революционным трибуналом, вскоре получит широкую огласку и заставит граждан стать более мудрыми в своих суждениях.

Иностранные державы создали множество фракций и заставили их действовать в одном направлении, к всеобщему заговору. Казалось, что они в разладе друг с другом. Все они как бы разыгрывают отдельные партии в концерте, а на самом деле сообща создают гармоничное целое. Одной фракции было поручено подорвать веру в природу, в Божество, в бессмертие души;

другой — опошлить патриотизм;

еще другой — поддержать умеренность, дабы дать возможность партии крайних отличиться в борьбе с умеренными и даже разоблачить их.

Все они преследовали одну цель: подорвать революцию, отделив ее от республиканского строя.

Один изображал мудрость, другой рассудок, еще другой — милосердие, еще другой — террор.

Рядом с мудростью была слабость, рядом с рассудком фанатизм, рядом с милосердием могилы патриотов, рядом с террором нож, отточенный против республиканцев.

Все промежуточные власти прибегали к террору, что создавало угрозу не столько для аристократии, сколько для свободы и для правительства.

Портрет Шометта

Портрет Клоотса. Взять несколько страниц из речи об образовании, записанной на маленьких листках.

Обновление законодательного корпуса путем выборов в два приема; полное его обновление было бы опасным.

Принудить священников, идолопоклонников, шарлатанов, изображающих Республику в нацепленном на нее красном колпаке.

Надо распознать в революции тех, кто надел на себя личину, дабы содействовать заговорам, кто, оставаясь неразоблаченным, более или менее долгое время сохранял репутацию патриота.

Нужно, чтобы она очистила свой храм: стремитесь к бессмертию, творя добрые дела; уничтожим горькое недоверие, порожденное отсутствием искренности; будем чисты, будем велики, будем великодушны, будем мудры.

Их упорное сопротивление, уничтоженное общей полицией, их отказ принять постановление, определяющее ее обязанности, под тем предлогом, что это потребует обоснования прав других членов, их усилия одобрять или осуждать действия полиции, чтобы парализовать их; они намеревались сделать из этого главный пункт обвинения; что общая полиция вершила правый суд, что она повсюду искала добрых, чтобы вознаградить их, и злых, чтобы покарать их; объяснение того, что было сделано полицией.

Способ, примененный для того, чтобы замять дело с доносом, касающимся плана эмиграции в Бордо.

Мне показалось, что подготавливались какие-то меры, чтобы привлечь военачальников и т. д., и т. д.

Возвратите себе свое влияние и свое величие и предоставьте правительству только то, что ему положено.

Впрочем, я давно уже вижу вокруг себя только равнодушные, забвение общественного блага, честолюбие, лицемерие.

2

Из записной книжки, найденной у Сен-Жюста
9 термидора

Когда общественные власти не в силах предотвратить сборища и насилие со стороны народа, надлежит развернуть знамя посередине площади; это знамя установит спокойствие и послужит сигналом, что народ должен приступить к обсуждению <проблемы>.

Народ мирно соберется и результаты своего обсуждения доведет до сведения властей. Те, в свою очередь, сообщат их законодательному корпусу.

Если кто-нибудь осмелится нарушить мирный ход обсуждения, народ задержит виновного и передаст его установленным властям.

В прошлом году ораторы, представлявшие какие-либо законы законодательному корпусу, предварительно рассматривали эти законы в Якобинском клубе: это придавало силу и народу, и якобинцам. Теперь же якобинцы только осуществляют цензуру, но о работе не приходится и помышлять. Таким образом, мы не увидим больше законов, исходящих из Собрания, где одна партия стремится только наносить оскорбления, а другая только ей противодействует. Якобинцы <...>

Заставить исполнять законы об образовании, вот в чем секрет.

Я требую, чтобы каждый священник выбрал себе профессию, приносящую пользу его согражданам; в противном случае его следует лишить половины жалования.

Всякий, кто кривит душой, когда судит о себе подобных, бесчестный человек.

Правые хотели смерти короля; однако глупцы, которые были среди них, защищали Людовика; в связи с этим Фабр сказал: «Они желают смерти короля, ибо живой король — помеха для их честолюбивых стремлений; но они хотят сохранить видимость человечности. Так они добиваются втихомолку осуществления своих планов».

Ланжюине, принадлежавший к правой партии, не хотел смерти короля, тогда как другие этого хотели; они говорили это и одновременно аплодировали Ланжюине.

Бедствия отечества привели к тому, что вся страна погрузилась во мрак и религиозность. В этих тягостных обстоятельствах требуется величайшая сосредоточенность; она должна быть присуща всем друзьям Республики.

Не допускать раздела собственности, но только раздел аренды.

Страницы из записной книжки

Все люди кончают тем, с чего они должны были бы начать: с отвращения к суете.

[Человек познает что-либо только на собственном опыте. Он извлекает мало пользы из ошибок других людей, то ли оттого, что считает их более несчастливymi, то ли менее мудрыми, чем он сам.]

Следует считать вполне справедливым принцип, согласно которому количество и ценность денежных знаков в государстве не должны превышать количество и ценность того, что они представляют. Если серебро представлено бумажками, и если бумажек будет больше, чем серебра, то серебро исчезнет; если же количество вещей, представляемых бумажками, начнет уменьшаться, то не будет больше ни серебра, ни вещей; ибо их трудно получить в обмен на бумажки и невозможно получить без серебра.

Такое государство, у которого в обращении только бумажки, неизбежно испытает сильнейшие потрясения; все будут стремиться приобрести как можно больше вещей в надежде перепродать их более дорого.

Подобные обстоятельства могут вызвать кажущийся расцвет торговли; но этот расцвет будет кратковременным, ибо ему будет сопутствовать насилие, ростовщичество и разочарование в общественных делах; и вскоре торговля сойдет на нет.

И тогда, поскольку народ будет лишен всего, заработная плата всех возрастет соразмерно ценам вещей, которые станут бесценными, или же народ взбунтуется.

Тогда следует заговорить с народом о равенстве и призвать его к укреплению равенства.

В эту эпоху будет много бумажек и очень мало вещей.

Единственный способ изъять из обращения бумажки и уничтожить ростовщичество — это уволить всех лиц, состоящих на жаловании у государства или отсрочить выплату им жалования, и сжечь деньги, полученные от налогов.

Поскольку в этот момент вновь появится серебро, но появится в очень малом количестве, можно будет приобрести очень много продуктов питания или землю за небольшое количество серебра.

Самым ярким свидетельством развращенности и скрытого коварства частных лиц во Франции является нехватка вещей.

Ассигнаты не должны иметь хождения в торговле. Они должны служить для уплаты долгов. Кредиторы государства используют их для приобретения национальных имуществ, после чего они немедленно сжигаются.

Если исчезают серебро и вещи и если количество бумажек при этом не уменьшается, они теряют половину своей ценности по отношению к вещам.

Каковы же будут следствия из того принципа законодательства, согласно которому в государстве будет установлен максимум и минимум собственности?

Производство сократится, ибо уменьшится число наемных работников. Если среди населения страны возрастет доля людей, обладающих лишь минимумом, необходимо будет снизить максимум, если же она сократится, необходимо будет поднять минимум, дабы не уменьшалось население; ибо оно возрастает или сокращается в зависимости от того, богатеет или беднеет государство.

Об извращении законов

Большинство идей, возникающих у людей, соответствует их испорченности; любое добро находится в круге этой испорченности, любое зло — за его пределами. Разве не видели мы, как самые страшные злодеяния на земле возводились в священные принципы религии и управления? Величие римской церкви основывалось и основывается поныне на пренебрежении ко всякому благу, а ужасающая бесчеловечность законов основывается на принципе счастья и любви к людям. Не существует больше четких представлений о вещах; оплотом стольких заблуждений является мысль, что все, по-видимому, происходит так, как оно должно происходить. То, что было добродетелью в одном столетии, у одного народа, становится преступлением у другого народа, в другом столетии. Приходится признать, что разложение всех республик объясняется отсутствием твердых принципов относительно собственности. Общественный договор неизбежно расторгается, если один имеет слишком много, а другой слишком мало. Тщетно положительный закон будет охранять эту свободу слабого против сильного, того, кто не имеет ничего, от того, кто имеет все. Я не хочу сказать, что следует разделить землю республики между ее членами. Такой физический способ управлять годится только для разбойников; подобный раздел земли между теми, кто на ней живет, может быть осуществлен на основе системы законодательства. В наших европейских странах основная масса народа находится в такой зависимости от остальных, что если богачи, составляющие эту меньшую часть населения, начнут путешествовать или собирать сокровища, государство погибнет от голода. Первейшим из общественных законов является гарантия и независимость жизни. Это соображение должно быть принято во внимание в торговле, которая является фактически лишь потреблением излишеств. Содрогаешься от ужаса, когда видишь, что все члены суверена живут лишь за счет ремесла. Каждый гражданин должен жить трудами на своем поле и обогащаться за счет своего ремесла или промысла. Я уже говорил, что принцип общественной жизни есть собственность; что без нее у людей нет отечества, как нет его у тех морских торговцев, чьи фактории разбросаны по свету. Я говорил, что не следует разделять поля, но надо определить максимум и минимум собственности, так чтобы каждый имел землю и чтобы члены суверена, обладающие лишь прозрачной свободой, не стали в действительности рабами своих потребностей. Когда Муммий заявил римлянам, что им необходим и сенат, и богачи, он вы-

сказал истину, согласную с римской конституцией. И на это народ мог бы ему возразить: «Мы должны жить без богачей и без сената. Если бы они не узурпировали республику целиком, если бы остался хоть клочок поля для нашей скудной жизни, суверенитет народа, независимого от нищеты, не был бы вынужден сегодня склоняться перед ними. Итак, вы упрекаете нас, что мы бунтовщики; но у нас нет отечества, вы отняли его у нас. Мы связаны с вами не более, чем с любым другим сенатом в мире. Это за вас мы сражаемся, это на вас мы работаем, поступаясь своей честью. Верните же нам сначала то, что природа даровала всем людям, право существовать без вас и не умереть с голода. И затем возьмите у нас тот доход, который мы могли бы получить от ваших излишеств. Благодаря этому мы станем более свободны, а вы более добродетельны». Свобода не может долго сохраняться у людей, которые пекутся о своих потребностях больше, чем о равенстве. Собственность есть право общественное, как и суверенитет. Если вы определите максимум этой собственности, если вы заставите богатого обращать в серебро те излишки, которыми он владеет, это принесет вам очевидную пользу: богач будет вынужден вести торговлю, гражданская община, более занятая, обретет добрые нравы и средства к существованию. Вскоре мы увидим, как растет население, а максимум собственности навсегда становится средним пропорциональным между минимумом и численностью населения.

Нация ремесленников это не нация, а ярмарка бродячих торговцев.

Чтобы быть счастливым с женщиной, нужно сделать ее счастливой, не давая ей этого почувствовать, сделать ее абсолютно свободной, не давая ей этого заметить и уступить по приязни.

Искусство вести себя с людьми есть искусство уважать их свободу.

Кто хочет властвовать над теми, с кем он живет, должен уступить им во всем.

Люди находятся в состоянии войны лишь оттого, что являются рабами друг друга. Если вы хотите быть независимым ото всех, предоставьте всем независимость.

Тот, кто хочет сделать женщину счастливой, должен предоставить ее самой себе.

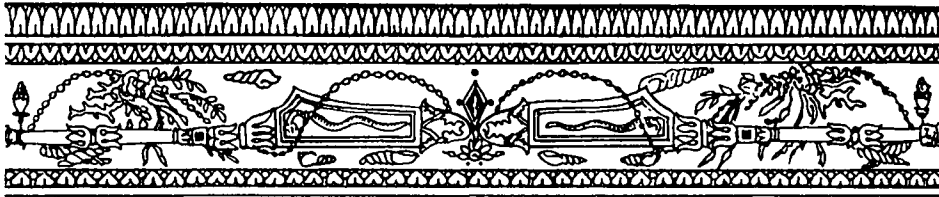
Опасно быть слишком обходительным с женщинами и полностью утолять их желания, нужна холодность, чтобы воспламенить их, они настолько привыкают к чрезмерным ласкам, что в конце концов пресыщаются ими. Пусть их желания всегда остаются неудовлетворенными; не проявляя к ним излишней заботливости, вы достигнете того, что при малейшем охлаждении с их стороны будет достаточно искры, чтобы их воспламенить; если же вы будете исполнять все их желания, они будут требовать еще большего или вскоре пресытятся.

Она подошла тихим шагом, вошла, обняла его, сжала ему руку; он нежно стал пенять ей за ее долгое отсутствие, за ее молчание, она ничего не отвечала. Он повел ее за руку, ввел в свою квартиру, он расточал ей самые нежные

ласки, она улыбалась, но не проронила ни слова. Они легли вдвоем на кровать; она не жаждала наслаждения, но делала все, чтобы доставить его своему другу. Она гладила своими руками кожу его тела, она скрещивала свои ноги с его. Он спросил, неужели она его больше не любит, она обняла его, храня глубокое молчание. Как разомкнуть мне уста твои, добавил он, целуя ее; она улыбалась. Тогда он стал корить ее, что она ему не писала. — Я должна возвращаться, отвечала она. — Потом, когда ты вернешься, ты отправишь мне много писем; она ничего не отвечала. — Почему ты так печальна? — Потому что мне сказали, ты меня избегаешь. — Ты печалишься напрасно; она ничего не ответила. Но, добавил он, чем мы кончим, мы должны расстаться, ты совсем не думаешь о будущем. — Я не думаю об этом больше, не знаю почему. Мне кажется, я всегда буду видеть тебя здесь. — Ты стала безучастной, но почему такая печаль. — Ты хочешь, чтобы я следовала за тобой. Я никогда не смогу решиться на это. Я пообещаю тебе это, чтобы побудить тебя добиваться успеха, но не смогу решиться. — В таком случае, забудем друг друга немедленно. Будем мужаться, ибо однажды мы должны расстаться. Избавим друг друга от долгих сетований. Прощай. У меня будет другая женщина. Я приведу к тебе моих маленьких детей, и ты будешь любить их как своих. — Нет, — вскрикнула она, — я не хочу, и она залилась слезами, прижавшись к нему несколько раз. — Преодолеем нашу слабость, — продолжал он, и повторил ей, что выберет женщину, которая будет напоминать ее, и что он приведет ей своих маленьких детей. — Ты видишь, на что я могу решиться. Я решусь на то же, если ты будешь неверна. Ты не ревнуешь? — Нет. — Ты любишь меня? — Да, я люблю тебя. — Ну что же, нужно забыть об этом, нам нужно расстаться и не видеться больше. Она плачет. Он не замедлил показать ей, что тоже всегда любил ее. Он взял с нее обещание, что она вновь придет послезавтра. Она унесла с собою секрет своей печали. Выходя, она была довольно спокойна. Куда она пойдет, обещает ли она многое рассказать своему другу, будет ли она также писать своему другу, сколько бы он ни спрашивал, она ничего не отвечала. Он сказал ей, когда она уходила: Многие огорчают тебя, но в другой раз ты доверишь мне это. Она хотела знать все <.....>. Он проводил ее и нежно обнял.

Сомневается ли она во мне, ревнует ли она, или у нее есть план, который она не осмеливается мне доверить, сказал он себе.²²

ДОПОЛНЕНИЯ

МИССИЯ В РЕЙНСКУЮ АРМИЮ

1 брюмера—9 нивоза II г. <22 октября—29 декабря 1793 г.>

1.¹ 1-го числа 2-го месяца, Саверн.
Комитету общественного спасения.

Неприятель в Буксвиллере; у него 8000 человек, расположенных от Буксвиллера до Нёвиллера.² Главные силы неприятеля — в Ресхофене, где находится одна из его штаб-квартир. Командующий здесь — бригадный генерал Соттер — расположил один батальон на удобной позиции в Лихтенберге и еще один батальон в Пти-Пьер. На территории от Пти-Пьер до Саверна имеется от 5 до 6 батальонов. Эта позиция, где много горных проходов, находится на другом склоне Бьема; она плохо защищена, ибо главные силы неприятеля сосредоточены в Буксвиллере и Ресхофене. Нам необходимо здесь 12 батальонов. Мы приказали администрации департаментов Верхний и Нижний Рейн и Мёрт пополнить состав этой дивизии. Ускорьте повсюду производство оружия и пороха.

Неприятель стремится занять горные проходы Саверна и Фальсбурга, для того чтобы взять в клещи главные силы армии, расположенные в настоящее время под стенами Страсбурга и Шилтигейма. В пятницу произошла стычка у Брумта, где было убито много неприятельских солдат; но поскольку всеми нашими успехами мы обязаны солдатам и ни один командир не был в состоянии ими воспользоваться, пришлось снова отступить.

Враг занимает Виссамбур, Лаутебур, Агно. Он находится на расстоянии одного лье от Саверна. Мы сообщили³ вам эти подробности для того, чтобы вы могли судить о положении дел. Мы отправляемся в Страсбург.

Армия нуждается прежде всего в смелом вожде, который сумеет воодушевить солдат. Мы сообщим вам сведения о всех тех, кто значится в списке Бушотта. Оружия! Оружия! Пришлите нам оружие из Кана; разоружите опасные города.⁴ Прощайте.

Сен-Жюст, Леба.

2. 1-го числа 2-го месяца <22 октября>.

Представители народа, посланные с чрезвычайной миссией в Рейнскую армию — солдатам этой армии.

Мы прибыли и клянемся от имени армии, что враг будет разбит. Если среди вас есть предатели или люди, равнодушные к делу народа, то мы несем с собою меч, который поразит их. Солдаты! Мы пришли, чтобы отомстить за вас и дать вам командиров, которые приведут вас к победе. Мы решили выявить, вознаграждать и повышать в чине всех достойных и карать все преступления, кто бы их ни совершил. Мужайся, храбрая Рейнская армия, свобода принесет тебе удачу; отныне ты будешь побеждать.

3.⁵ 3-го числа 2-го месяца <24 октября>.

Приказ об удовлетворении жалоб солдат.

Приказываем всем командирам, офицерам и уполномоченным правительства в течение трех дней разобрать справедливые жалобы солдат. По истечении этого срока мы будем сами выслушивать эти жалобы и покажем пример справедливости и суровости, каких никогда еще не видели в армии.

4. 2-го числа 2-го месяца II года Республики единой и неделимой <23 октября>.

О создании революционной комиссии в Северне.

Постановление.

Представители народа, посланные с чрезвычайной миссией в Рейнскую армию постановляют нижеследующее.

Статья 1. Учредить в Северне революционную комиссию из 5 членов, которая будет действовать вплоть до изгнания неприятеля из департаментов Верхний и Нижний Рейн.

Статья 2. Эта комиссия сможет выезжать в различные районы дистрикта, когда сочтет это необходимым.

Статья 3. Она будет выдавать по всей территории дистрикта Агно ордера на арест тех, кто будет изобличен как агент или приверженец неприятеля.

Уличенные в этих преступлениях будут расстреляны, а те, кто находится лишь под подозрением, взяты под стражу и отправлены в Миркур.

Статья 4. Комиссия будет направлять в Национальный конвент копии всех своих судебных решений.

Статья 5. Комиссия сможет привлечь к участию в своей деятельности гражданские и военные власти, которые обязаны исполнять ее требования.

Статья 6. Представители назначают для исполнения этого поручения граждан, в патриотизме и мужестве которых они смогли убедиться, а именно: Элвера, мэра Северна; Жака Арнольда, его брата, постоянного комиссара кантона Северн; Арта, временного комиссара кантона Трюшен; Мелсемера, постоянного комиссара кантона Хохфелден; Шварца, командира национальной гвардии города Вазелон.

Статья 7. Члены революционной комиссии будут получать 300 ливров в месяц из казны Рейнской армии. Они назначат секретаря, который будет получать такое же жалованье.

5. 3-го числа 2-го месяца <24 октября>. Прокламация.

Испанцы обратились в бегство. 24 и 25 прошлого месяца Северная армия освободила Мобёж и нанесла поражение австрийцам. Северная армия достигла этого успеха благодаря своей дисциплине.

Мы овладели городами Шоле и Мортань. Повсюду Республика и свобода торжествуют победу.

Солдаты Рейнской армии, презирайте врага, который перед вами; он вовсе не победил вас, он вас обманул. Мнимые дезертиры протянули вам руку; вы обняли их; тиранов не обнимают, их убивают.

Будьте же бдительны! Любите дисциплину, она приносит победу; учитесь владеть оружием; оставайтесь в ваших лагерях и готовьтесь в свою очередь одерживать победы.

Отныне никто не должен отлучаться из лагеря без разрешения, подписанного генералом, который несет за это ответственность. Вокруг лагеря будут установлены патрули для поддержания порядка.

Командиры различных подразделений, солдаты которых покинут лагерь, будут смещены, если они виновны в небрежении своими обязанностями, и взяты под стражу. Солдаты, задержанные вне лагеря и не имеющие на то разрешения, будут признаны нарушителями воинской чести и приговорены к десяти дням тюремного заключения.

6. 3-го числа 2-го месяца <24 октября>. Постановление.

Представители народа и т. д. разрешают командующему Рейнской армией отобрать среди молодых людей, подлежащих мобилизации в первую очередь, из департамента Вогезы то количество солдат, которое необходимо для пополнения воинских частей, находящихся под его командованием. Администрация департамента Вогезы будет нести ответственность за выполнение требований командующего в соответствии с настоящим постановлением. Она обязывается принять все необходимые меры для того, чтобы граждане, подлежащие зачислению в армию, явились с оружием в назначенное им место.

Представители народа, не сомневаясь в рвении и старании администрации департамента Вогезы, считают, однако, нужным заявить, что они будут преследовать как врага Республики любое должностное лицо, которое в данных обстоятельствах проявит медлительность или небрежность.

Одна копия настоящего постановления будет передана командующему Рейнской армией, другая копия — администрации департамента Вогезы.

Командующий должен представить отчет о выполнении настоящего постановления военному министру.

7. 3-го числа 2-го месяца <24 октября>. Страсбург.

Комитету общественного спасения.

Мы прибыли сюда вчера. Мы нашли здесь наших коллег: Рюана, Мило, Лакоста, Малларме и Бори.⁶ Какова бы ни была причина недовольства, вызываемого большинством из них, они не имеют возможности хорошо выполнять свою задачу, и они это понимают. Может быть, следовало бы использовать их в другом месте, а через некоторое время дать им почетную отставку, отозвав

их в Национальный конвент. Для этой армии достаточно двух энергичных представителей.

Учитывая характер нашей миссии, мы сочли необходимым действовать отдельно. Сегодня утром мы прибыли в штаб-квартиру. Из беседы с генералом Карланом мы смогли заключить, что причиной поражения при Виссамбуре является отсутствие порядка и дисциплины; это позволило неприятелю захватить нашу армию врасплох. Слабая дисциплина объясняется недостойным поведением командиров. В связи с этим мы приняли различные меры, с которыми вас познакомят документы, прилагаемые к нашему письму.

Этой армии прежде всего не хватает истинно республиканского военачальника, который верил бы в победу. Мы надеемся найти такого в лице Писегрю; он в Гюненге. Мы отправили к нему курьера; мы его ждем.

Мы беспрестанно заботимся о том, чтобы снабдить продовольствием Страсбург, и надеемся добиться этого в ближайшее время; однако нами обнаружено множество прискорбных злоупотреблений в различных армейских управлениях. Чтобы положить этому конец, мы собираемся учредить здесь особую комиссию, подобную той, которая была учреждена при Северной армии.

Мы убеждены, что молодых людей, подлежащих мобилизации в первую очередь, можно использовать надлежащим образом, только если они будут включены в уже существующие подразделения, даже если это значительно увеличит численный состав этих частей.* Следует также удалить молодых людей, мобилизованных в первую очередь, из тех районов, где они проживали, в особенности выходцев из департаментов Верхний и Нижний Рейн; ни в коем случае не следует зачислять их всех в Рейнскую армию. Военному министру следует поторопиться с этим делом.

Необходимо укрепить эту армию; отправьте сабли, карабины, пистолеты для кавалерийских складов; в течение 12 дней 2000 кавалеристов должны прибыть в Страсбург.

Самая трудная операция, которую нам необходимо совершить, чтобы успешно закончить кампанию, — это отвоевать территорию до Ландау; не жалейте никаких средств для отправки подкреплений в Саарбрюкен и Саверн. Неприятель намеревается закрепиться в горных проходах, чтобы оттуда осуществить господство над Лотарингией и Эльзасом. Нужно, чтобы обе армии, Мозельская и Рейнская, незамедлительно выбили их оттуда. Уделите должное внимание требованиям, которые мы вам направляем.

В Саверне необходимо еще 12 батальонов. Нужно, чтобы 2000 кавалерии были срочно отправлены в Страсбург.

В этот час проявите всю энергию, на которую вы способны. Вторая кампания не состоится, если мы спасем Эльзас.

*Мы разрешили командующему Рейнской армией пополнить таким путем части, находящиеся под его командованием в департаменте Вогезы.

Сен-Жюст, Леба.

Р. С. Чрезвычайная миссия, которую вы на нас возложили, обязывает нас бывать повсюду; поэтому, отзывая наших коллег, вы должны немедленно на-

править двух представителей, которые будут постоянно пребывать в Страсбурге.

*Сен-Жюст.*⁷

8.⁸ Страсбург. 4-го числа 2-го месяца II года Республики единой и неделимой <25 октября>.

Представители народа, посланные с чрезвычайной миссией в Рейнскую армию — народному обществу Страсбурга.

Мы намерены, граждане, назначить комиссию, которая должна следовать за армией, чтобы наказать незамедлительно и беспощадно агентов различных административных органов этой армии, нарушающих свой долг. Для осуществления наших намерений нам требуется шесть человек, преданных революции и неподкупных; мы надеемся, что вы поможете нам их найти; мы рассчитываем на ваше рвение и вашу активность в столь важных обстоятельствах.

Привет и братство.

Леба, Сен-Жюст.

9. 5-го числа 2-го месяца <26 октября>.

Постановление против агентов и сторонников неприятеля и против нарушивших свой долг.

Представители народа и т. д., убежденные в том, что неумелое руководство, хищения, оставшиеся безнаказанными, и связь неприятеля с дурными гражданами явились одной из причин поражения Рейнской армии; убежденные в то же время в необходимости покарать виновных незамедлительно и на месте, постановляют.

Статья 1. Лица, состоящие на службе в различных управлениях Рейнской армии, нарушившие свой долг, а также агенты или сторонники неприятеля будут расстреляны перед строем.

Статья 2. Военный трибунал Рейнской армии будет преобразован в особую революционную комиссию для наказания преступлений такого рода; в этом случае он не будет связан никакими особыми формами судопроизводства.

Статья 3. Трибунал, не выезжая на место, может потребовать представить ему списки административных постановлений и другие документы, необходимые для расследования преступления.

Статья 4. Трибунал будет отдавать приказы о задержании лиц, находящихся под подозрением, и об отправке их в тюрьму Миркура.

Статья 5. При выполнении требований, указанных в прокламации представителей народа от 3-го числа сего месяца, трибунал также не обязан прибегать к какой-либо особой форме судебной процедуры; но если окажется, что командиры воинских частей подлежат смещению по причине, указанной в этой прокламации, он должен сообщить об этом представителям народа.

Статья 6. Трибунал продолжит выполнение других своих функций в соответствии с существующими законами.

10. 5-го числа 2-го месяца <26 октября>.

Командующему Рейнской армией.

Соблаговолите, генерал, уведомить все подразделения армии, что вы будете довести до нашего сведения в письменной форме в трехдневный срок их жалобы общего и частного порядка.

11. 5-го числа 2-го месяца <26 октября>.

Командующему Пишегрю.

Военный министр и Комитет общественного спасения считают, что вы уже возглавляете Рейнскую армию.⁹ Вот адресованная вам депеша. Отправляйтесь же занять предназначенный вам пост.

Вам предлагается немедленно отдать приказ об отправке из лагерей департаментов Верхний Рейн и Ду от 4 до 5 тысяч человек, которые должны срочно явиться в Страсбург. Вы замените их новобранцами.

Мы решили освободить Эльзас и использовать для этой цели все, на что способны храбрость вместе с осторожностью. Встаньте во главе этой смелой операции. Докажите нам силу вашего духа.

12. 5-го числа 2-го месяца <26 октября>.

Комитету общественного спасения.

Граждане коллеги. Мы отправили курьера к нашим коллегам, находящимся при Мозельской армии, для того чтобы ознакомиться с положением этой армии; отныне ее передвижения должны быть согласованы с передвижениями Рейнской армии. Мы попросили их прислать 6 батальонов, которые следует расположить в горных проходах Саверна; это крайне важная позиция, от которой будет зависеть судьба Рейнской кампании. Если мы удержим эту позицию и если Мозельская армия сможет выступить, неприятель в скором времени обратится в бегство. Если мы ее потеряем, неприятель сможет расположиться на зимние квартиры в департаменте Верхний Рейн.

Ускорьте присылку подкреплений, о которых мы вас просили. Вы освободили 8 тысяч пленных в Вандее; вы одерживаете победы повсюду; теперь обратите всю вашу энергию на Рейн. Неприятель направляет усилия на захват Саверна. Несколько дней назад он потерял там 500 человек. Вчера сражались целый день в Рейхштетском лесу; мы вытеснили оттуда неприятеля, который понес большие потери. Мы потеряли несколько человек в Ванцно, вблизи этого места.

Пишегрю еще не прибыл, мы отправили к нему сегодня утром курьера.

Мы осмотрели передовую линию и все посты. Армия в хорошем состоянии; ей нужен только предприимчивый военачальник. Все громко возмущаются низостью тех, кто командовал армией до взятия линий¹⁰ за исключением двух или трех штаб-офицеров. Мы произведем чистку армии; мы введем строгую дисциплину для командиров, они нуждаются в этом больше, чем солдаты.

Мы ждем помощи, о которой просили вас. Рассчитывайте на наше рвение в осуществлении ваших планов. Мы надеемся, что Рейнская армия приступит

к действиям без промедления и что Республика станет свидетельницей одних только побед.

Представители народа при Рейнской армии *Сен-Жюст, Леба*.

Р. С. Пришлите нам то, что мы просили. Вскоре мы направимся в Ландау. Пишегрю только что прибыл; это решительный человек; мы введем его в должность и нанесем удар.¹¹

13. 7-го числа 2-го месяца <28 октября>.

Постановление о предоставлении лошади генералу Вашо.

Гражданин Вашо, бригадный генерал, обратился к представителям народа с просьбой предоставить ему лошадь. Осведомленные о мужестве и достойном поведении этого офицера при отступлении от Виссамбура и убежденные в необходимости помочь патриоту служить отечеству, приказываем главному комиссару снабжения Рейнской армии предоставить генералу Вашо хорошую кавалерийскую лошадь.

14. 7-го числа 2-го месяца <28 октября>.

Поручение гражданам Про, Вилво и Нейману¹² — составить список подозрительных лиц.

Представители народа и т. д., убедившись в гражданской доблести граждан Про, прокурора-синдика дистрикта Агно, Вилво, сверхштатного капитана 6-го батальона Нижнего Рейна, и Неймана, члена департаментской администрации Нижнего Рейна, назначили их комиссарами для составления списка всех подозрительных лиц, которых они обнаружат в Страсбургском дистрикте.

15.¹³ 7-го числа 2-го месяца <28 октября>.

Постановление о соблюдении максимума.

Приказываем административным органам, муниципалитетам и наблюдательным комитетам следить за соблюдением закона о максимуме при покупке быков, коров и овец за счет Республики.

Члены указанных административных органов, муниципалитетов и наблюдательных комитетов отвечают головой не только за малейшее противодействие тем, кто производит эти закупки, но и за то, что не окажут им требуемого содействия.

Агентам военного управления по снабжению разрешено закупать быков по ценам максимума. Они обязаны сообщать представителям народа о тех органах управления, которые будут чинить препятствия их закупкам. Члены этих органов управления будут привлечены к суду Революционного трибунала по обвинению в измене.

16. 7-го числа 2-го месяца <28 октября>.

Генералу Соттеру.

Благодарите сообщить нам, какую позицию вы занимаете у Саверна и какое подкрепление вы получили после нашего отъезда.

Позиции, которые вы защищаете, должны стать могилой для врагов Республики, если они нападут на вас.

17. 7-го числа 2-го месяца <28 октября>.

Мэру Саверна.

Гражданин, просим вас разузнать, как революционная комиссия Саверна использует власть, который мы ее наделили. Проявляет ли она на деле свои республиканские добродетели? Очищает ли она дистрикт от подозрительных лиц? Укрепляет ли общественный дух? Пришла ли наконец любовь к отечеству на смену небрежению и преступному равнодушию жителей вашего кантона?

18. 7-го числа 2-го месяца <28 октября>.

Мэру и членам муниципалитета Калмутье, дистрикт Везул.

Мы только что смогли убедиться, граждане, в вашей справедливости, доказательством чему — удостоверение, выданное вами гражданину Дени Жерару, волонтеру 15-го батальона департамента Верхняя Сона. Как бы ни был он нужен своей немощной матери, которая не в состоянии сама засеять свою землю, он не может отлучиться из армии; закон это категорически запрещает. Но вы — патриоты и вы великодушны: следовательно, вы придете на помощь увечной, лишившейся на время своего единственного сына. Вы прикажете засеять ее поле и обмолотить ей зерно. Этот акт человечности станет известным Национальному конвенту: мы сообщим ему об этом, вместе с похвалой, которой заслуживает этот поступок. Мы надеемся в течение 15 дней получить от вас сообщение о том, какие меры вам внушит дух братства, чтобы гражданке вдове Жерар не пришлось больше сетовать на отсутствие ее сына.

19. 8-го числа 2-го месяца <29 октября>.

Постановление о разжаловании Меригье.¹⁴

Представители народа и т. д., выслушав объяснения жандарма Жака Меригье, заявившего, что забота о состоянии, оцениваемом в 40 тысяч ливров, призывает его в Пуатье, а поэтому он просит разрешения покинуть Рейнскую армию, дабы возвратиться домой, получив как солдатский паек для себя, так и фураж для своей лошади, и считая Жака Меригье трусом, который отдает предпочтение своим личным интересам перед интересами отечества, находящегося в опасности, постановили:

Жак Меригье будет разжалован на одной из площадей Страсбурга, а затем отправлен в тюрьму в Миркур, где будет находиться до заключения мира.

На коменданта Страсбурга возлагается исполнение данного постановления.

Примечание. Это постановление будет вручено коменданту самим Меригье.

20. 8-го числа 2-го месяца <29 октября>.

Постановление об отрешении от должности Пердье.

Представители народа и т. д., узнав, что 5-го числа сего месяца несколько офицеров были задержаны в Страсбургском театре, и в их числе генерал-адъ-

ютант Пердьё; принимая во внимание, что в тот самый день авангард, где он служил, был атакован неприятелем и расположился походным лагерем в ту ночь, когда Пердьё находился в театре;

принимая во внимание, что дисциплина, запрещающая отлучку из лагеря, одинакова для солдата и для командира и что командиры должны подавать солдатам пример;

считая, что люди, настолько низкие, что могут посещать театр в то самое время, когда армия стоит походным лагерем, а неприятель находится у ворот города, недостойны командовать французами, постановили нижеследующее:

сместить Пердьё с поста генерал-адъютанта; в течение 15 дней он должен нести службу в охране лагеря, в противном случае он будет считаться дезертиром со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Настоящее постановление будет отпечатано и распространено в армии.

21. 8-го числа 2-го месяца <29 октября>.

Мэру и членам муниципалитета Вистофа Страсбургского дистрикта.

Граждане! Гражданин Мишель Ансен, земледelec вашей коммуны, волонтер Рейнской армии, пришел просить у нас увольнительную для обработки своей земли. Закон не позволяет ему отлучаться из армии, ибо спасение Республики превыше всего. Однако необходимо, чтобы его земля была возделана. Отечество, находясь в тяжелых обстоятельствах, рассчитывает на великодушные тех, кто из-за возраста освобожден от необходимости защищать его. Мы обязаны заботиться друг о друге и оказывать друг другу помощь, ибо у нас одна общая цель: спасти нашу свободу, на которую посягают.

Вы — французы и республиканцы. Земля вашего согражданина не останется невозделанной. Вы прикажете ее вспахать и засеять. Этот благородный и братский поступок не останется без внимания. Мы сообщим о нем Национальному конвенту, и имя коммуны Вистоф будет занесено в книгу, где отмечены все подвиги французов, вдохновляемые республиканским духом. Вы не должны упустить представившегося вам случая и через 8 дней дадите нам возможность успокоить гражданина Ансена относительно обработки его земли.

22. 9-го числа 2-го месяца <30 октября>.

Наблюдательному комитету.

Свобода. Равенство. Братство.

Граждане, уже несколько дней назад мы поручили вам разыскать и арестовать подозрительных лиц, проживающих в Страсбургском дистрикте. Нам известно, что в одном только этом городе их несколько тысяч; однако вы указали нам лишь одно имя из списка врагов Республики. Со дня на день необходимость арестовать их становится все более настоятельной. Поспешите же их обнаружить. Нам желательно сегодня же узнать имена всех подозрительных лиц в Страсбурге.

23. 9-го числа 2-го месяца <30 октября>.

Приказ о проведении домашних обысков.

Представители народа и т. д., уведомленные о том, что в Страсбург проникают иностранцы и подозрительные лица, постановляют:

Наблюдательный комитет города Страсбурга уполномочен собрать необходимое число вооруженных людей, чтобы произвести сегодня ночью обыски во всем Страсбурге. Комитет согласует свои действия с комендантом города и примет необходимые меры, чтобы арестовать всех подозрительных лиц, не нарушая при этом общественного спокойствия.

24.¹⁵ 9-го числа 2-го месяца <30 октября>.

Главнокомандующему.

Вам предлагается, генерал, приказать всем офицерам высшего командного состава есть и спать в палатках, не покидая возглавляемых ими дивизий и бригад.

25.¹⁶ 10-го числа 2-го месяца <31 октября>.

Постановление о займе в 9 миллионов ливров.

Представители народа и т. д., осведомленные о готовности граждан департамента Нижний Рейн сделать все для отечества; убежденные в том, что отечество не имеет неблагодарных сыновей в этих краях, ибо к нам обращаются многие, призывая нас принять меры для изгнания врага; тронутые глубоким чувством, с которым состоятельные граждане Страсбурга выражали свою ненависть к врагам Франции и желание содействовать победе над ними; обеспокоенные последними несчастьями, постигшими армию, которую богатые граждане этого города выразили готовность поддержать; тронутые еще более решимостью богатых граждан, которые, ходатайствуя о выпуске займа, распределяемого среди состоятельных людей, просили применять строжайшие меры в отношении тех лиц, кто отказался бы последовать их примеру; желая в то же время облегчить положение народа и армии, постановляют нижеследующее.

Будет проведен заем в 9 миллионов ливров с граждан Страсбурга, список которых прилагается к настоящему постановлению. Сумма займа должна быть внесена в течение 24 часов. 2 миллиона из общей суммы пойдут на оказание помощи неимущим патриотам Страсбурга, один миллион будет использован для укрепления крепости и 6 миллионов будут внесены в кассу армии.

Выполнение настоящего постановления поручается наблюдательному комитету.

26. 10-го числа 2-го месяца <31 октября>.

Постановление о реквизиции лошадей и повозок.

Приказываем директориям дистриктов и департамента Нижний Рейн немедленно приступить к реквизиции лошадей и повозок по первому требованию, предъявленному им агентами Республики при Рейнской армии.

Администраторы, отнесшиеся с небрежением к этому постановлению, будут арестованы вплоть до заключения мира. Лиц, оказавших сопротивление, будет судить военный трибунал армии как виновных в измене.

27. 10-го числа 2-го месяца <31 октября>.

Администраторам...

Никакого снисхождения не заслуживают агенты Республики, пренебрегающие своими обязанностями; дайте им почувствовать, что жизнь мошенников находится отныне под угрозой.

28. 11-го числа 2-го месяца <1 ноября>.

Гражданину Леклерку, он же Достен,¹⁷ командиру эскадрона 10-го конноегерского полка.

Мы ознакомились, гражданин, с Вашими соображениями по поводу восстановления дисциплины в армии. Мы нашли их вполне справедливыми и намерены их использовать. Мы надеемся, что при первой же возможности (а такая возможность, без сомнения, представится вам в скором времени) вы проявите ваше мужество и ваши способности, и мы с удовлетворением вознаградим вас по заслугам.

29. 12-го числа 2-го месяца <2 ноября>.

Генералу Пишегрю.

До настоящего времени мы занимались административными делами вашей армии; теперь речь идет о том, чтобы победить. Благоволите отдать приказ, чтобы все воинские части проводили военные маневры, чтобы солдаты оставались под ружьем и готовились к победе и чтобы все командиры находились рядом с солдатами.

30.¹⁸ 12-го числа 2-го месяца <2 ноября>.

Смещение установленных властей в Страсбурге.

Представители народа и т. д., осведомленные о том, что враги поддерживают связь с некоторыми представителями установленных властей Страсбурга, и учитывая огромную опасность наличия подобных связей, постановляют нижеследующее.

Статья 1. Административные власти департамента Нижний Рейн смещаются. Члены администрации, за исключением граждан Неймана, Дидье, Мужа, Берже и Трётеля, будут немедленно арестованы и отправлены в Мец для заключения под стражу.

Статья 2. Граждане Нейман, Мужа и Трётель создадут временную комиссию для исполнения текущих дел.

Статья 3. Члены муниципалитета Страсбурга также смещаются, за исключением гражданина Моне, мэра. Народное общество создаст вместо муниципалитета временную комиссию из 12 человек, которых оно выберет из числа своих членов, причем старейший по возрасту будет исполнять обязанности прокурора коммуны. Арестованные члены муниципалитета будут отправлены для содержания под стражей в Шалон.

Статья 4. Административные власти Страсбургского дистрикта также смещаются. 5 членов, выбранных наблюдательным комитетом этого города, будут временно исполнять обязанности администрации дистрикта. Арестованные члены администрации Страсбургского дистрикта будут отправлены для содержания под стражей в Безансон.

Статья 5. Исполнение настоящего постановления возлагается на коменданта Страсбурга и на наблюдательный комитет Страсбурга с тем, чтобы завтра в 8 часов утра смещенные члены органов власти находились уже вне пределов города.

31. 13-го числа 2-го месяца <3 ноября>.

Солдатам.

Храбрые солдаты, вы просили нас назначить вам командира патриота, столь же храброго, как и вы. Мы убедились в том, что гражданин Мисси сочетает в себе эти два достоинства. Мы надеемся в скором времени узнать, на что способен батальон департамента Нижний Рейн под началом такого достойного командира.

32. 13-го числа 2-го месяца <3 ноября>.

Военному министру.

Резервные части батальона федератов 83 департаментов и третьего батальона департамента Вогезы попросили у нас разрешения присоединиться к своим основным частям, которые, по их словам, находятся в Вандее. Мы полагаем, что было бы лучше направить эти батальоны сюда. Мы просим вас об этом тем более настойчиво, что успехи, достигнутые в Вандее, позволяют без ущерба для этой части Республики провести меру, весьма полезную для Рейнской армии.

33.¹⁹ 13-го числа 2-го месяца <3 ноября>.

Генералу Пишегрю.

Мы узнали, что некоторые командиры не считают нужным ночевать в палатках. Доведите до их сведения, что мы решили немедленно отрешать от должности тех, кто проявит таким образом свою недисциплинированность.

34.²⁰ 13-го числа 2-го месяца <3 ноября>.

Народному обществу.

Братья и друзья. Мы предлагаем вам избрать из числа членов вашего общества комиссию в составе 12 человек, которые заменят уволенных нами должностных лиц.

Мы также предлагаем вам выбрать среди членов вашего общества семь человек, известных своим патриотизмом и энергией, и поручить им наблюдение за охраной семи постов города.

35. 13-го числа 2-го месяца <3 ноября>.

Военному обвинителю.

Вы должны показать пример армии, наказав в кратчайший срок тех, кто обворовывал Республику. Распорядитесь об аресте маркитантов, которые не соблюдают максимум.

36. 14-го числа 2-го месяца <4 ноября>.

Об аресте Борри, полковника, командира 8-го конноегерского полка.

Представители народа и т. д., узнав, что гражданин Борри, командир 8-го

конноегерского полка, принадлежит к сословию, подлежащему проскрипции, и никак не проявил своего патриотизма, приказывают немедленно взять его под стражу и произвести проверку его документов; обязывают военного обвинителя исполнить настоящий приказ и представить нам отчет.

37. 14-го числа 2-го месяца <4 ноября>.

Решение относительно двух солдат, выписанных из госпиталя.

Приказываем выдать рубашки, одежду, по два холщовых мешка и по паре сапог Мартину Монестье и Жан-Клоду Морису, солдатам 27-го полка, выписанным из госпиталя.

38. 14-го числа 2-го месяца <4 ноября>.

Бригадному генералу Комбезу.²¹

Мы явились сюда, чтобы покарать трусов и вознаградить храбрых. Вы проявили храбрость и патриотизм; вы останетесь довольны нами.

39. 14-го числа 2-го месяца <4 ноября>.

Солдатам 3-го батальона департамента Пюи-де-Дом.

Граждане, храбрые защитники Республики, мы возвращаем вам вашу просьбу о замене командиров, чтобы вы могли незамедлительно выбрать людей, достойных вашего доверия.

40. 14-го числа 2-го месяца <4 ноября>.

Министру иностранных дел.

Прогнав всех трубачей и не желая поддерживать никаких сношений с противником, я отправляю вам это письмо по поводу пленных, находящихся в Майнце.

41. 14-го числа 2-го месяца <4 ноября>.

Мэру и членам муниципалитета Виль-Афранши.²²

Граждане, гражданин Пьер Папийон, волонтер 1-й роты 2-го батальона департамента Рона-и-Луара и ваш согражданин только что передал нам письмо от своего дяди Малле; в письме сообщается, что его отец и мать погибли от бомбы во время осады вашего города и что необходимо его присутствие для устройства личных дел. Этот храбрый солдат, предпочитая личным интересам интересы отечества, находящегося в опасности, не желает отлучаться из армии. Мы обязуем вас позаботиться, чтобы его отсутствие не нанесло ущерба его личным интересам и взять под свою охрану его имущество. Известите нас о получении этого письма и сообщите нам в кратчайший срок, что вам удалось предпринять для защиты интересов Пьера Папийона.

42.²³ 15 брюмера <5 ноября>.

Приказ о распределении ста тысяч ливров между секциями.

Представители народа приказывают мэру Страсбурга в течение суток распределить между секциями сто тысяч ливров, полученных от займа, возложенного на богатых граждан, дабы эти средства были использованы для

оказания помощи неимущим патриотам, вдовам и сиротам солдат, погибших за дело свободы.

43. 15 брюмера <5 ноября>.

О предоставлении 300 ливров гражданке Сюзанне.

Мэр Страсбурга выдаст сумму в 300 ливров гражданке Сюзанне Дидье, вдове солдата, павшего за свободу.

44. 15 брюмера <5 ноября>.

Об аресте Тексье.

Народные представители постановляют: гражданин Тексье, капитан Рейнского егерского полка, встретивший сегодня в 7 часов вечера на улице Страсбурга гражданина Сен-Жюста, представителя народа, и спросивший его, как пройти к театру, будет отправлен в тюрьму за то, что он покинул свой пост на берегу Рейна. Исполнение настоящего постановления представители народа возлагают на коменданта крепости.

45. 16 брюмера <6 ноября>.

Наложение штрафа на старший медицинский персонал госпиталя Святой Маргариты.

Представители народа и т. д., узнав о плохом санитарном состоянии и небрежном обслуживании больных в госпитале Святой Маргариты, постановляют: удержать половину жалования за текущий месяц у начальника госпиталя, главного врача и главного хирурга для улучшения положения больных.

Комендант крепости уполномочивается ежедневно посещать этот госпиталь и проследить за исполнением настоящего постановления.

46. 16 брюмера <6 ноября>.

Об аресте бывших председателей и секретарей секций Страсбурга.

Муниципалитет Страсбурга должен арестовать в течение 24 часов всех председателей и секретарей секций, занимавших эти должности 31 мая, а также всех, кто поддерживал какие-либо сношения с федералистами.

47. 16 брюмера <6 ноября>.

О создании «Батальона друзей».

Идя навстречу просьбе восьми рот гренадеров из департаментов Рона-и-Луара, Майенн и Ла Манш, входящих в гарнизон Страсбургской крепости и пожелавших не разлучаться друг с другом, представители народа, тронутые этим проявлением братских чувств, постановили сохранить существующую в данное время организацию этих рот и наименование гренадерских и присвоить им название «Батальона друзей».

Командиром этой воинской части назначается гражданин Нозль Дюре, сублейтенант 12-го кавалерийского полка. Он должен сообщить представителям народа, какое число людей потребуется для пополнения состава штаба.

48. 16 брюмера <6 ноября>.

Наблюдательному комитету и казначею армии.

Поскольку заем, взимаемый представителями народа, предназначается для удовлетворения нужд неимущих патриотов и армии, он не может быть уплачен обесцененными ассигнатами, которые нельзя использовать при торговых расчетах. Ввиду этого представители народа постановляют: те, кто представил для уплаты займа обесцененные ассигнаты, должны взять их обратно и в течение дня внести причитающуюся с них сумму деньгами, находящимися в обращении.

49. 16 брюмера <6 ноября>.

Мэру и членам муниципалитета Сен-Бенуа, дистрикт Рамбервилле.

Граждане, жена и дети Жаңа Ришара, солдата 14-го батальона департамента Вогезы, вашего согражданина, находятся в крайней нужде. Лишенные своего кормильца, которого закон и защита отечества обязывают находиться в армии, они могут ждать необходимой им помощи только от их коммуны. Человечность и закон повелевают вам оказать им эту помощь. Вы должны понять, как будет ужасно, если семье защитника отечества придется терпеть муки голода и страдать от холода, ибо скоро наступит зима. Вы придете на помощь этой семье, а мы сообщим Национальному конвенту об этом великодушном и братском поступке. Мы надеемся, что по получении настоящего письма вы предоставите нам возможность успокоить гражданина Ришара относительно судьбы его жены и детей.

50.²⁴ 17 брюмера <7 ноября>.

О наказании лиц, задерживающих уплату займа.

Представители народа и т. д. постановляют:

Самый богатый из тех жителей города, на кого возложен заем в 9 миллионов ливров, не внесший причитающуюся с него сумму в течение 24 часов, завтра, 18 брюмера, с 10 часов утра до часу пополудни будет выставлен на эшафоте гильотины.

Ввиду тяжелого положения отечества те, кто не уплатит причитающейся с них суммы в течение завтрашнего дня, будут подвергнуты тюремному заключению сроком на один месяц за каждый день просрочки.

Настоящее постановление будет отпечатано и расклеено по городу.

51. 17 брюмера <7 ноября>.

О вознаграждении двух канониров и одного волонтера.

Представители народа и т. д. постановляют:

Из общей суммы займа, взимаемого с богатых жителей Страсбурга, предоставить в распоряжение командующего Рейнской армией тысячу ливров дабы вознаградить двух канониров и одного волонтера, отличившихся, как нам стало известно, особой храбростью.

52. 17 брюмера <7 ноября>.

Коменданту крепости.

Начальник почтовой станции был взят под стражу; отпустите его на свободу и посоветуйте ему проявлять большее рвение. Мы не намерены прощать

никаких упушений, когда речь идет о добросовестном отношении к служебным обязанностям.

53. 17 брюмера <7 ноября>.

Мэру и членам муниципалитета Бриньяка, дистрикт Брив.

Граждане, гражданин Анне Сержероль, солдат Рейнской армии, ваш согражданин, сообщил нам, что его отсутствие наносит ущерб его личным делам. Этот храбрый солдат, ставя интересы отечества выше своих личных интересов, не желает отлучаться от армии. Мы поручаем вам позаботиться о том, чтобы его интересы не пострадали от его отсутствия. Республиканские принципы вменяют вам это в обязанность. Известите нас о получении настоящего письма и сообщите без промедления, какие меры будут вами приняты.

54. 21 брюмера <11 ноября>.

Заем в 5 миллионов и реквизиция 5000 пар сапог и 15 000 рубах у граждан Нанси.

Представители народа и т. д., принимая во внимание нужды Мозельской и Рейнской армий, которые проливают свою кровь, в то время как богачи пребывают в спячке, постановляют нижеследующее.

Взыскать с богатых граждан Нанси заем в размере 5 миллионов ливров в трехдневный срок со дня обнародования настоящего постановления; 2 миллиона будут внесены в кассу Рейнской армии, 2 миллиона в кассу Мозельской армии и 1 миллион передан муниципалитету Нанси для оказания помощи неимущим гражданам этого города.

Кроме того, граждане Нанси должны поставить, также в трехдневный срок после обнародования настоящего постановления, 5 000 пар сапог и 15 000 рубах, которые будут распределены поровну между складами Мозельской и Рейнской армий.

Гражданин Ранкен, агент Временного исполнительного совета, отвечает за исполнение настоящего постановления. Он должен обсудить способы исполнения постановления с наблюдательным комитетом города Нанси, который составит список лиц, подлежащих обложению, произведет сбор средств и представит гражданину Ранкену отчет о поступлении денежных сумм и вещей.

55. 21 брюмера <11 ноября>.

О конфискации имущества расстрелянных и тех, кто подлежит расстрелу.

Имущество тех, кто во исполнение статьи 2²⁵ постановления представителей народа от 5 брюмера были или будут расстреляны, конфискуется в пользу нации.

56.²⁶ 22 брюмера <12 ноября>.

О смещении членов администрации департамента Мёрт, которые недостаточно энергично, и только чтобы избежать ответственности, производили реквизиции зерна и фуража, возложенные на них различными постановлениями представителей народа, и, в частности, постановлением от 3 числа сего месяца; убедившись также в том, что между некоторыми администрациями

существует створ с целью обречь на голод армию, сместили упомянутых членов администрации и постановили отправить их в Комитет общей безопасности Конвента дабы они объяснили там свое поведение.

Наблюдательный комитет Нанси в день оглашения настоящего постановления должен создать комиссию из 12 революционно настроенных граждан, которые заменят членов администрации департамента Мёрт.

Гражданину Ранкену, агенту Временного исполнительного совета, поручается исполнение настоящего постановления. Ему разрешается привлечь с этой целью гражданские власти и военные силы и принимать все меры, которые он сочтет необходимыми.

57. 22 брюмера <12 ноября>.

Конфискация лошадей, принадлежащих лицам, приговоренным военным трибуналом к смерти.

Представители народа и т. д. постановляют:

Лошади, принадлежащие лицам, приговоренным военным трибуналом к смерти, будут переданы в распоряжение главного военного комиссара по снабжению армии.

58. 22 брюмера <12 ноября>.

О выдаче одежды раздетому солдату.

Комиссар по снабжению должен распорядиться о немедленной выдаче одежды раздетому солдату, который предъявит ему настоящее постановление. Его зовут Жан Гийар; он волонтер первого батальона департамента Ло-и-Гаронна.

59.²⁷ 22 брюмера <12 ноября>.

О предоставлении 500 тысяч ливров из 9 миллионов, полученных по займу, для оказания помощи неимущим семьям Страсбурга.

Представители народа и т. д. постановляют:

Казначей Рейнской армии предоставит в распоряжение муниципалитета Страсбурга из общей суммы, полученной от займа, 500 тысяч ливров для оказания немедленной помощи неимущим семьям Страсбурга.

60. 22 брюмера <12 ноября>.

О предоставлении 200 ливров коммуне Матзенгейма.

Мэр Страсбурга вышлет коммуне Матзенгейма 200 ливров, которые должны быть распределены между семьями граждан, сражающихся за свободу.

61. 22 брюмера <12 ноября>.

Генералу Пишегрю.

Соблаговолите, гражданин, из денежных сумм, предназначенных для удовлетворения нужд защитников родины, выдать 200 ливров членам муниципалитета Шомле, дистрикт Вильфранш-сюр-Сон, департамент Рона-и-Луара, для передачи их жене Жана Гийара, солдата 1-го батальона департамента Ло-и-Гаронна, дети которого пребывают в нищете.

62. 22 брюмера <12 ноября>.

Мэру и членам муниципалитета Страсбурга.

Мы предлагаем вам, гражданин, оказать временную помощь гражданке вдове Сиасс, матери двух малолетних детей. Ее муж погиб, защищая дело свободы.

63. 22 брюмера <12 ноября>.

Казначеем армии.

Пока гражданка Бомон, вдова гражданина Шателена, павшего за отечество, имеющая пятерых детей, ожидает получения пенсии, полагающейся ей по закону, казначей армии должен выдать ей 500 ливров из сумм займа, взимаемого с богатых жителей Страсбурга.

64. 22 брюмера <12 ноября>.

Мэру и членам муниципалитета Бреван, дистрикт Ламарш.

Граждане, вы отказались прийти на помощь сестре ваших сограждан, Жана-Батиста, Клода и Пьера Лавернье, солдат 9-го батальона департамента Вогезы. Человеколюбие, республиканские принципы и закон повелевают вам не оставлять ее в нужде. Ее единственные кормильцы проливают кровь за отечество, и только вы можете заменить ей братьев. Мы поручаем вам опекать ее и взять на себя ответственность за ее благополучие. По получении настоящего письма сообщите нам, какие меры вы примете, дабы обеспечить ее существование.

65. 23 брюмера <13 ноября>.

Аргу,²⁸ командиру 1-го батальона департамента Эн, назначенному временно бригадным генералом.

Представители народа и т. д., получив благоприятные отзывы о гражданской доблести и талантах гражданина Аргу, командира первого батальона департамента Эн, назначают его временно бригадным генералом; приказывают также определить ему жалование, соответствующее этому званию.

66. 23 брюмера <13 ноября>.

О приглашении Транш ла Осса²⁹ в Рейнскую армию для испытания предложенного им лекарства.

Представители и т. д., узнав о полезном действии целебной жидкости гражданина Транш ла Осса, предназначенной для исцеления ран и болезней, наиболее частых в армии, постановляют:

Гражданин Транш ла Осс должен приехать в Рейнскую армию для испытания его лекарства.

67. 23 брюмера <13 ноября>.

Гражданину Транш ла Оссу.

Мы посылаем вам, гражданин, наше постановление, которое позволит вам неоднократно испытать действие вашей целебной жидкости. Мы не сомневаемся, что вы постараетесь без промедления пойти навстречу нашим пожела-

ниям. Мы возместим в Страсбурге ваши расходы на дорогу и на пребывание в Страсбурге.

68. 23 брюмера <13 ноября>.

Командиру 8-го батальона департамента Юра.

Гражданин, гражданин Жан Жозеф Даллар, капитан вашего батальона, задержавшийся в госпитале по болезни, пожаловался нам, что вместо него назначили другого офицера, и просит восстановить его в должности.

Полностью доверяя чувству справедливости, присущему солдатам, мы просим солдат вашего батальона сообщить нам, в какой степени гражданин Даллар заслуживает их уважения и доверия.

69. 23 брюмера <13 ноября>.

О проверке госпиталей.

Гражданин Дандийон посетит госпиталь Св. Маргариты в Страсбурге. Он ознакомится с санитарным состоянием госпиталя, опросит больных и представит отчет обо всех злоупотреблениях, которые он там обнаружит.

70. 24 брюмера <14 ноября>.

Дворяне, состоящие на службе в Рейнской армии, подлежат аресту и отправке в Миркур.

Представители народа и т. д. приказывают: военному прокурору немедленно распорядиться об отправке в тюрьму Миркура всех бывших дворян, состоящих на службе в Рейнской армии и не доказавших своего патриотизма.

71.³⁰ 24 брюмера <14 ноября>.

О реквизиции у богатых жителей Страсбурга 2 тысяч кроватей для больных солдат.

Узнав из отчета о плохом санитарном состоянии госпиталей, представители народа приказывают муниципалитету Страсбурга подготовить в 24 часа 2 тысячи кроватей для солдат в домах богатых жителей Страсбурга. Им должен быть обеспечен надлежащий уход и уважение, каких заслуживает доблесть защитников свободы. Хирургам будут предоставлены лошади для посещения больных.

72. 24 брюмера <14 ноября>.

Об установлении твердых цен на перевозки.

Возчики требуют 10 су вместо пяти. Они патриоты.

Ответ:

Хранитель склада будет платить хорошим возчикам по 7 су с каждого квинтала и с каждого лье. 2 су будут выплачены за счет займа, взимаемого с богатых жителей Страсбурга.

73. 24 брюмера <14 ноября>.

О помощи муниципалитету Вестгаузена.

Мэру Страсбурга разрешается оказать помощь муниципалитету Вестгау-

зена за счет займа, взимаемого с богатых жителей Страсбурга после проверки патриотизма патриотов (так!).

74. 24 брюмера <14 ноября>.

О предоставлении 3 300 ливров гражданину Раффи, капитану 5-й роты конной артиллерии.

Представители и т. д., узнав о храбром поведении гражданина Раффи, капитана 5-й роты конной артиллерии, потерявшего руку в бою 12 сентября; узнав также, что в тот же самый день он потерял все свое имущество, постановляют выдать ему за счет займа, взимаемого с богатых жителей Страсбурга, сумму в 3 300 ливров в качестве возмещения за понесенный ущерб.

75.³¹ Страсбург, 24 брюмера второго года Республики единой и неделимой <14 ноября>.

Членам народного общества Страсбурга.

Братья и друзья,

Мы убеждены, что замышлялся заговор дабы сдать врагу бывший Эльзас, подобно тем заговорам, которые имели целью сдачу других земель Республики. Мы убеждены, что после взятия Виссамбура враг предпринял против Страсбурга такие же попытки, намереваясь приобрести там тайных сообщников и захватить город.

Когда мы прибыли сюда, армия, казалось, находилась в отчаянном положении: она была лишена продовольствия и обмундирования, дисциплина ослабла, не было командиров. В городе отсутствовало какое-либо управление; бедный люд стонал под гнетом богачей. Виновники его несчастий — аристократы и богачи, которые вызвали обесценение денег и занимались скупкой продовольствия в ущерб неимущим.

Ворота города закрывались поздно; улицы, театры, увеселительные заведения кишели офицерами; в окрестностях толпами бродили солдаты.

Когда народ был несчастлив, когда армия стала жертвой измены и терпела бедствия, когда преступления и контрреволюция триумфально шествовали по городу, что делали установленные власти? Отчет, который они были обязаны представить французскому народу, внушает ужас: они пренебрегли реквизицией зерна, обозов и топлива; закупочная цена свечей по их вине возросла до 7 франков за фунт; солдат свободы гноили в госпиталях. Власти до такой степени пренебрегали своими обязанностями, что невозможно привести хотя бы один пример, когда ими были проявлены бдительность и патриотическая энергия. Была ли хоть одна чувствительная душа в краю, где царило несчастье?

Между тем перехвачены письма, свидетельствующие, что у врага здесь есть сообщники; и этот враг стоит у ворот города! Мы смещаем во имя общественного спасения установленные власти; мы вынуждаем богачей снизить цены на продовольствие; военный трибунал приговаривает к расстрелу нескольких заговорщиков, которые носили белые кокарды;³² на некоторых сторожевых постах отсутствовало до двадцати одного караульного по вине начальника отряда, которого привел к нам комендант крепости; в караульнях крепостного вала находят полотнища с изображением короны; арестовывают

в городе эмигрантов, злоумышленников, сторонников федерализма, которые до сих пор чувствовали себя в полной безопасности. Мы принимаем различные меры по охране общественного порядка; народ вступает в свои права; обездоленным принесено облегчение; армия одета, накормлена, ей приданы новые силы; аристократия хранит молчание; золото и бумажные деньги уравнились в цене.

Почему же все эти благие меры не были приняты? О каких должностных лицах можно сказать, что они невиновны в бедствиях народа? Итак, были ли вы счастливы? Была ли вами пролита хоть одна слеза над участью родины?

Все люди обязаны говорить друг другу правду, и мы вам ее скажем. Вы снисходительны к должностным лицам, которые ничего не сделали для отечества. В своем письме вы требуете от нас их возвращения; вы указываете нам на их административные способности; но вы ничего не говорите нам об их революционных добродетелях, об их любви к отечеству, об их героической преданности свободе. Мы оказали вам доверие; мы просили вас прислать ваших членов для наблюдения за безопасностью сторожевых постов и для замены смещенных должностных лиц. Днем и ночью мы выслушивали жалобы солдат и граждан; мы встали на сторону слабого против сильного. С теми же чувствами мы теперь обращаемся к вам. Не возвращение ваших равнодушных магистратов должно вас заботить, а изгнание врага, который опустошает ваши земли, и разоблачение заговорщиков, скрывающихся под разными личинами.

Существовал заговор, целью которого было сдать Страсбург. Нам только что сообщили, что два миллиона золотом находились в руках администрации департамента. Это обстоятельство должно вас поразить; мы доводим его до сведения Национального конвента. Необходимо подвергнуть проверке этот факт.

Братья и друзья, жалеть надо отечество, жалеть надо народ; врага нужно преследовать. Жалость к преступлению должны испытывать его сообщники, но не вы. Пройдет время, и истина, может быть, откроется. Мы наблюдаем за всем хладнокровно; мы обрели право быть подозрительными. Наш долг быть непреклонными в соблюдении принципов. Мы обязаны вам дружбой; но не требуйте от нас проявления слабости. Мы обязаны всем отечеству. Мы будем настаивать на выполнении наших решений до тех пор, пока существует опасность.

Привет и братство.

Представители народа, посланные с чрезвычайной миссией в Рейнскую армию.

Сен-Жюст, Леба.

76.³³ Представители народа, посланные с чрезвычайной миссией в Рейнскую армию муниципалитету Страсбурга.

Десять тысяч человек в армии ходят босыми. Вам необходимо в течение дня реквизировать обувь у всех аристократов Страсбурга и завтра в 10 часов утра десять тысяч пар сапог должны быть отправлены на главную квартиру.

Страсбург, 25 брюмера второго года Французской республики единой и неделимой.

Сен-Жюст, Леба.

77. Воззвание представителей народа.

Все плащи жителей Страсбурга реквизируются. Они должны быть отправлены завтра вечером на склады Республики. Муниципалитету поручается исполнение настоящего постановления.

Страсбург, 25 брюмера второго года Республики единой и неделимой <15 ноября>.

Представители народа, посланные с чрезвычайной миссией в Рейнскую армию.

Сен-Жюст, Леба.

78. Письмо Гошу. Страсбург, 25 брюмера II года <15 ноября>.

Генерал,

Необходимо, чтобы в ближайшее время не осталось ни одного пруссака, ни одного врага, который мог бы передать своей стране сведения об Эльзасе. Ты должен показать нам, способен ли ты на отважный поступок. Воодушеви свою армию; согласуй свои боевые действия с действиями Пишегрю. Мы будем ждать тебя в Ландау; мы направимся туда, я надеюсь, через Форт-Вобан.

Представители народа при Рейнской армии.

Сен-Жюст.

79.³⁴ Представители народа при Рейнской армии Комитету общественного спасения.

Граждане коллеги,

Республика побеждает по всей линии наступления, от Саарбрюкена до берегов Рейна. Армия у стен Страсбурга освободила от врага Ванцно и Брумт. Дивизия Северна вновь овладела Буксвиллером; мы оставили ее вчера, когда она собиралась идти на Агно. Сегодня мы находимся в Биче с частями, сосредоточенными в Букенومه. Поскольку мы должны были наблюдать за выполнением плана и за ходом операций, мы не смогли первыми оповестить вас о попытке врага захватить замок Бич. Враг имел сообщников в крепости; эмигрант, который несколько лет провел в Биче, руководил операцией; он был инженером в крепости и знал все ходы и выходы. Враг уже сломал ворота; комендант, которого мы вам отправляем, оставил подъемные мосты опущенными; 6000 человек окружали крепость. Лишь батальон департамента Шер спас крепость; каждый солдат действовал только по велению своей храбрости; артиллеристы следовали их примеру; врагов поражали гранатами; солдаты батальона Шер забрасывали их поленьями. Мы видели рвы, откосы, стены и приставные лестницы, по которым враги проникли в крепость, залитые их кровью. Военная комиссия будет сейчас судить эмигрантов, взятых в плен. Остальные пленные числом до двухсот или трехсот будут отправлены в глубь страны.

Враг отобрал для этого нападения самых здоровых солдат; доброволец шестнадцати лет из батальона Шер обезоружил пятнадцать из них. Мы затребо-

вали имена смельчаков, спасших крепость, и сообщим их вам, дабы Национальный конвент смог наградить тех, кто участвовал в самой доблестной обороне, какую только мы могли наблюдать с начала войны. Судите сами, сколь важным для врага был захват крепости Бич, в особенности для выполнения намеченного им плана.

Мы отправимся в Горнбах в армию генерала Тапонье. Оттуда мы проследуем в Дё-Пон,³⁵ куда вчера выступила армия Гоша, перешедшая под верховное командование Пишегрю. Республика обладает счастливой судьбою Цезаря, но заслуживает ее больше, чем он. Как видите, она побеждает повсюду. Мы надеемся, что наступление армий не задержится. Мы не оставались и полдня в одном месте с начала похода. Мы осуществляем самый оперативный надзор. Мы сдержим данное вам слово и сделаем все возможное, чтобы наступление не останавливалось, пока враг не будет уничтожен. Он должен отступить за Рейн, если все будет выполнять свой долг.

Бич, 1 фримера II года <21 ноября>.

Сен-Жюст, Леба.

80. Письмо Гошу.³⁶

Бич, 12 фримера II года республики <2 декабря>.

Под Кайзерслаутерном ты принял на себя новое обязательство; теперь вместо одной победы необходимы две. Враг, по-видимому, окопался по самую макушку; сделайте то же самое на высотах Рантель, Сосекиль и Овейлер, где следует соорудить редуты и установить батареи. Ты примешь все необходимые меры, чтобы укрепиться в горных проходах Примазенса; мы отправим туда людей опытных, чтобы ускорить работу; отдай все распоряжения, чтобы сделать эти места непроходимыми. Эти укрепления очень помогут нам в наших усилиях, направленных против Виссамбура и Ландау. Не останавливайтесь ни перед какими трудностями, чтобы установить свои батареи, ибо нет ноши, которая была бы слишком тяжела для человека рассудительного.

Мы не сможем завтра с тобой увидеться, мы скоро возвращаемся. Советуем тебе, если враг продвинется к Дё-Пон, поджидать его там, беспрестанно атакуя и не позволяя ему опередить себя; только таким образом можно поддерживать мужество и надежду солдат. Если же атакуют тебя, можно опасаться чего угодно.

Согласуй все свои передвижения с передвижениями частей, расположенных справа от тебя вплоть до Брумта. Необходимо наносить удары по всей линии одновременно, наносить их беспрестанно, не давая врагу ни малейшей передышки. Необходимо, чтобы все, кто руководит совместными движениями армий, были друзьями; придай всю возможную быстроту своему продвижению к Ландау: французы не могут остановиться ни на миг, иначе — поражение. Приведи свою Мозельскую армию в непрерывное движение, отвлекая врага и не давая ему возможности направить подкрепления войскам, окружившим Ландау.

Прощай.

Сен-Жюст, Леба.

81. Письмо Робеспьеру.³⁷

Страсбург, 24 фримера II года Республики (4 декабря).

Издают слишком много законов, но слишком мало подают примеров: вы караете только из ряда вон выходящие преступления, а преступления, скрытые под маской лицемерия, остаются безнаказанными. Карайте самое незначительное злоупотребление, вот способ утратить негодяев и показать им, что государство зорко следит за всем. Стоит только отвернуться, как аристократия начинает подлаживаться к обстановке и творит зло, прикрываясь цветами свободы.

Потребуй от Комитета, чтобы он предавал широкой огласке все наказания за провинности в управлении. Поступая так хотя бы в течение месяца, вы сможете внести свет в лабиринт, где контрреволюция и революция шествуют рука об руку. Нужно, мой друг, чтобы ты привлек внимание Общества³⁸ к основным принципам общественного блага; пусть оно сосредоточит свое внимание на способах управления свободным государством.

Предлагаю тебе принять меры, чтобы выяснить, все ли мануфактуры и фабрики Франции работают, и создать для них благоприятные условия, иначе через год наши войска окажутся без одежды. Фабриканты не патриоты, они не желают работать; нужно их к этому принудить и не дать погибнуть ни одному полезному предприятию.

Мы здесь будем делать все, что можно. Обнимаю тебя и наших общих друзей.

Сен-Жюст.

82. Представители народа, посланные с чрезвычайной миссией в Рейнскую и Мозельскую армии своим коллегам по Комитету общественного спасения.

Агно, 5 нивоа, полночь <25 декабря>.

В соответствии с вашими указаниями по прибытии сюда мы приняли решение, предписывающее двум генералам, командующим Мозельской и Рейнской армиями, согласовать без промедления их планы снятия блокады с Ландау. Мы назначили Пишегрю командующим соединенными армиями. Оба генерала, действительно, совещались друг с другом, и на следующий день было предпринято первое наступление. Соединенные армии одержали победу. Мы надеялись, что согласие, которое, по-видимому, установилось между обоими генералами, принесет много пользы. Гош молод и горяч, Пишегрю старше и опытнее; благодаря его первым распоряжениям мы добились решающего успеха. Вчера, когда мы прибыли в Агно, Пишегрю сообщил нам, что по распоряжению Лакоста и Бодо командование обеими армиями, Мозельской и Рейнской, передается Гошу и что тот дал согласие.

Пишегрю знакомит нас с последовавшими за этим распоряжениями Гоша. Положение было щекотливым: в этот момент нужно было помнить лишь об отечестве, смягчить горечь обиды, вдохнуть бодрость и предотвратить вспышку страстей, которые проявляются в подобных случаях. Мы будем действовать с осторожностью. Мы отправимся тотчас на встречу с Гошем. Почему, когда вы посылаете своих членов наблюдать за исполнением ваших распоряжений, почему, когда на вас и на нас лежит ответственность, вы допускаете,

чтобы легкомысленные и неосторожные люди распоряжались судьбою отечества? Вам известно, что те, кто отменил наше распоряжение, не осведомлены о ваших намерениях. Рассчитывайте на наше мужество; мы неспособны предать общественные интересы из-за слабодушия. Вы знаете, как вам надлежит действовать.

Мы надеемся, что все будет в порядке. Воздайте должное Пишегрю; он отправил пятнадцать тысяч солдат своей армии на помощь Гошу, и ему пришлось с оставшейся частью армии устранять последствия Виссамбургской измены. Он успешно провел смелый отвлекающий маневр, когда Гош руководил операциями соединенных армий.

Сообщите нам незамедлительно намерения Комитета. Мы сделаем все, что в наших силах, для примирения всех разногласий. Допускаем возможность, что этот поворот событий является результатом интриги, имеющей целью разделить и лишить боевого духа победоносные армии. Помните о необходимости ускорить поставки.

Привет и братство.

Представители народа

Сен-Жюст, Леба.

ПЕРВАЯ МИССИЯ В СЕВЕРНУЮ АРМИЮ

9—25 плувиоза II года <28 января—3 февраля 1794 г.>

1. Лилль, 9 плувиоза II года Французской республики единой и неделимой <28 января>.

Мы, представители народа, посланные в Северную армию,

Постановляем.

Статья 1. Ворота Лилля будут закрыты с трех часов пополудни до восьми часов утра.

Статья 2. Запрещается под страхом шестимесячного тюремного заключения находиться кому бы то ни было на территории внешних укреплений крепости, за исключением лиц, несущих там службу.

Статья 3. Члены наблюдательного комитета Лилля будут поочередно нести караульную службу у ворот города и сопровождать ночной дозор.

Статья 4. Любой военный, не состоящий на службе в крепости Лилля, обязан покинуть город в 24 часа под страхом трехмесячного тюремного заключения.

Статья 5. Все иностранцы, проживающие в Лилле, не должны выходить из дому с шести часов вечера до восьми часов утра. Те, кого обнаружат в этот промежуток времени вне дома, будут подвергнуты аресту вплоть до заключения мира.

Статья 6. Все подозрительные лица, арестованные в Лилле, будут переведены в одиночные камеры и не должны ни с кем общаться. Ответственность за исполнение настоящего постановления возлагается на муниципалитет города Лилля.

Статья 7. Ворота крепости будут запираются каждый день с трех часов по-

полудни до восьми часов утра; любой офицер, который окажется вне крепости после закрытия ворот, будет смещен. Ответственность за исполнение настоящего постановления возлагается на коменданта крепости.

Статья 8. Приказываем Уголовному трибуналу департамента Нор сносить с лица земли дома тех, кто будет уличен в спекуляции, а также торговцев, не соблюдающих закон о максимуме.

Сен-Жюст, Леба, Флоран-Гийо.

2. Представители народа, уведомленные о том, что Северная армия испытывает нужду в мясе, что ее запасов не хватит даже на три дня и что она лишена возможности их пополнить, постановляют.

Реквизировать для нужд армии скот Триеля, Авена, Аусбрука, Ромбурга, Бетюна, Камбре. Коровы подлежат реквизиции только после того, как не останутся быков. Реквизицию следует производить в первую очередь у наиболее зажиточных собственников; отбирать треть стада у тех, кто имеет более четырех голов скота; реквизицию у тех, кто имеет менее четырех голов, производить только после того, как истощится эта треть. Затем последовательно будут произведены реквизиции у тех, кто имеет четыре, три, две и одну голову скота. У тех, кто скроет свой скот или прибегнет к иному способу уклониться от исполнения настоящего постановления, скот будет конфискован.

Закупки будут производиться по ценам максимума, установленным экспертами; всякая попытка воспрепятствовать закупкам или задержать их повлечет за собою суровое наказание.

Все жалобы следует направлять представителям; они не могут служить основанием для отсрочки закупок.

Сен-Жюст, Леба.

3. Взносы по принудительному займу¹ будут увеличены вдвое для состоятельных граждан Лилля, которые не внесут требуемую сумму в течение десяти дней. Еще через десять дней сумма взноса будет утроена.

Сен-Жюст, Леба, Флоран-Гийо.

4. Представители народа при Северной армии Комитету общественного спасения.

Реюньон-сюр-Уаз,² 12 плювиоза II года <31 января>.

Округ, отведенный для снабжения Северной армии, недостаточен, поскольку его определили в расчете на сто тысяч человек, тогда как теперь следует исходить из двухсот сорока тысяч. Организация обозов противоречит здравому смыслу. Все повозки отправляют из одного пункта; на одном участке дороги скапливается до семисот повозок; хлеб и фураж прибывают с опозданием, кавалерия гибнет. Почему бы не расположить повозки и склады фуража в тех пунктах, откуда начнутся боевые действия армий?

Ожидаете ли вы, чтобы на вас напали, или сами собираетесь атаковать? В последнем случае следует с сегодняшнего вечера заняться планом размещения складов, определить место кавалерии и направление обозов, дабы облегчить внезапный рывок наших сил при открытии военных действий.

Увеличьте вдвое округ для снабжения армии, поскольку из-за пополнения она выросла более чем вдвое. Таково положение вещей. Дороги непроходимы. Нам понадобился целый день, чтобы проехать в почтовой карете восемь лье от Дуэ до Гиза.

В Катле расположен лагерь врага, насчитывающий пять тысяч человек. Мы ссыпали четыреста квинталов муки в Бушене. В Като находится от трех до четырех тысяч человек.

Было бы весьма благоразумно с вашей стороны перейти в наступление, открыть военные действия первыми: так как силы вашей армии очень велики, вы сможете одновременно направить одну армию в Остенде, другую на Бомон, окружить Валансьен и атаковать лес Мормаль. Будем всегда самыми смелыми, мы станем тогда и самыми удачливыми.

Мы отправляемся в скором времени в Мобёж и напишем вам оттуда. Прощайте.

Сен-Жюст, Леба.

5. Режоньон-сюр-Уаз. 13 плювиоза II года <1 февраля>.

Представители народа при Северной армии

Постановляют.

Каждый гражданин, подлежащий мобилизации в первую очередь и приписанный к частям Северной армии, должен сообщить свое имя, свою профессию, профессию своего отца и место жительства.

Сен-Жюст, Леба.

6. Представители народа при Северной армии Прютену, комиссару по снабжению продовольствием Северной армии.

Арк, 13 плювиоза II года <1 февраля>.

Что следует думать о человеке, обязанном заботиться об армии, который оставил без фуража в течение четырех дней дивизию Арка? Этот человек ты. В ближайшие три дня мы наведем справки о твоём поведении; тебя ждет суровое наказание, если ты окажешься виновным.

Сен-Жюст, Леба.

7. Представители народа при Северной армии Комитету общественного спасения.

Мобёж, 16 плювиоза II года <4 февраля>.

Посылаем вам, граждане коллеги, несколько документов, которые познакомят вас с заговором, замышляемым с целью сдачи Мобёжа врагам Республики. Мы обязали учрежденную здесь военную комиссию привлечь к суду виновных. Мы решили, что пример следует показать безотлагательно и на месте. Мы напишем администрации Аррасского дистрикта, чтобы сюда был переправлен один из участников заговора. Это некий Фелдинг, англичанин, который находится, должно быть, в Кале. Мы отдали распоряжение, чтобы ни один из изменников не избежал кары.

Северная армия крайне скудно снабжается продовольствием и фуражом. Некоторые дивизии, как мы убедились, не получают фуража по четыре дня. Мы вынуждены разрешить администрации продовольственного снабжения

реквизировать в прифронтовых дистриктах сначала быков, затем треть коров, сначала у богатых собственников, а потом постепенно у менее состоятельных.

Требуется оружие. Ускорьте формирование пополнений. Армия начнет кампанию самое позднее через три недели.

Сен-Жюст, Леба.

8. Все бывшие дворяне, которые находятся в департаментах Па-де-Кале, Нор, Сомма и Эна, будут взяты под стражу в двадцать четыре часа по получении настоящего постановления и препровождены в одиночные камеры.

Настоящее постановление будет опубликовано администрацией дистрикта Аррас; наблюдательным комитетам указанных департаментов поручается исполнение настоящего постановления; они должны будут представить отчет Комитету общественного спасения.

Аррас, 16 плювиоза II года <4 февраля>.

Представители народа при Северной армии

Сен-Жюст, Леба.

ВТОРАЯ МИССИЯ В СЕВЕРНУЮ АРМИЮ

13 флореаля—10 прериала II года <2 мая—29 мая 1794 г.>

1. Представители при Северной армии в целях укрепления дисциплины, которая является залогом победы, запрещают вплоть до нового распоряжения всем военнослужащим, не числящимся в составе гарнизона и главного штаба, появляться после обнародования настоящего постановления в штаб-квартирах под страхом смерти.

Ежедневно на каждую воинскую часть будут выдаваться только по два пропуска для тех, кто желает подать прошение в штаб.

Ни в коем случае военнослужащие, подающие прошения, не должны ночевать в городе и обязаны покинуть его в пять часов пополудни под страхом тюремного заключения.

Никто не имеет права покидать свою часть и место своего расположения.

Военные трибуналы обязаны привлекать к суду всех, кто нарушит настоящее постановление, которое будет отпечатано и оглашено по армии.

Военные трибуналы несут ответственность за безнаказанность тех, кто нарушит дисциплину, будь то командиры или солдаты, и будут в этом случае сами привлечены к суду.

Реюньон-сюр-Уаз, 14 флореаля II года Французской республики единой и неделимой <3 мая>.

Леба, Сен-Жюст.

2. Генералу Пишегрю.

Народные магистраты Ландреси были убиты австрийскими войсками в нарушение международного права.

Генерал Пишегрю должен в качестве ответной репрессивной меры арестовать немедленно дворян и бывших магистратов Менена, Куртре и Больё и от-

править их под усиленной охраной в Перонн, где они будут находиться в заключении, под ответственность коменданта.

Реюньон-сюр-Уаз, 14 флореаля II года Республики единой и неделимой <3 мая>.

Сен-Жюст, Леба.

3. Представители при Северной армии Комитету общественного спасения. Реюньон-сюр-Уаз, 14 флореаля II года <3 мая>.

Дорогие коллеги,

по прибытии в Реюньон-сюр-Уаз мы узнали, что сдана крепость Ландреси. Это несчастье есть результат крайнего беспорядка, который царит в этой части Северной армии, от Мобёжа до Камбре. Администрация также не на высоте. Недостает большого количества лагерного снаряжения, и, что особенно прискорбно, в администрации почти нет патриотов.

Дивизия Авена все еще занимает Марой близ Ландреси. Кавалерийские полки превосходны, но новобранцы, поскольку их поздно включили в состав армии, не обучены. Среди генералов, как мы заметили, царит уныние. Не было никакого плана. Нужно, чтобы всякое действие имело определенную цель; здесь этой цели нет. Поспешите прислать нам план военных действий от Камбре до Бомона.

Силы врага невелики. Мы смогли бы одновременно продвинуться в Приморскую Фландрию, окружить Валансьенн, Ле-Кенуа, Ландреси и двинуться на Бавэ. Ответьте нам незамедлительно, нельзя терять ни часа. Мы попытаемся восстановить порядок.

Привет и дружба

Сен-Жюст, Леба.

4. Свобода, равенство или смерть.

Реюньон-сюр-Уаз, 20 флореаля II года Французской республики <9 мая>.

Представители народа при Северной армии, полагая, что снисходительность властей по отношению к контрреволюционерам в осажденных городах приводит к сдаче последних, и желая поддержать патриотов в городах, занятых врагом, постановляют нижеследующее.

В Мобёже и Авене будет действовать военная комиссия, которая даст клятву умереть, не покидая своего поста. Комиссия обязана в случае осады расстреливать тех, кто заговорит о сдаче, прежде чем враг пойдет на приступ. Граждане Пети, администратор Аррасского дистрикта, Феликс Легро, член народного общества Мобёжа, и Фламан, администратор дистрикта Сен-Поль, войдут в состав комиссии Мобёжа. Пока эти города не подвергнутся осаде, на комиссию возлагается только одна обязанность — арестовывать сторонников врага и контрреволюционеров и отправлять их в революционный трибунал в Реюньон-сюр-Уаз.

Члены этих комиссий будут получать жалование 300 ливров в месяц из казны армии и паек, полагающийся пехотному капитану.

Леба, Сен-Жюст.

5. Реюньон-сюр-Уаз, 20 флореаля II года <9 мая>, 9 часов вечера.

Сен-Жюст и Леба, представители народа, Пишегрю, командующему Северной армией.

Ты не прислал нам свой план операций: нас с ним познакомил Ферран. Нам показалось, что операции носят слишком стремительный характер, если принять во внимание то состояние апатии, в котором находятся командиры подразделений, назначенных тобою для выступления, после неудачного сражения при Ландреси. Комитет приказал нам срочно добиться согласованности действий, дабы осуществить твой план с большей уверенностью и энергией. Мы сделали все, что могли; мы попросили указать нам патриотов, имеющих боевой опыт, и многим из них предоставили командные должности. Мы принялись устранять беспорядки. Согласно сообщению Феррана, ты приостановил выполнение плана. Однако из разговора с Дежарденом, который состоялся сегодня, мы выяснили, что он не успеет получить вовремя твой приказ. Сейчас девять часов вечера. Подготовка к выступлению идет полным ходом. Завтра, 21-го в 2 часа утра следует выступить и атаковать. Дежарден не может, не подвергая себя опасности, допустить, чтобы неприятель узнал о выступлении. Он не успеет отменить свои приказы. Одна дивизия выступит, другая нет.

Предупреди нас, прежде чем ты решишь выступать, ибо эти операции следует подготовить разумно и быстро. Ответь нам незамедлительно. Сообщить нам, каких действий ты ожидаешь от войск лагеря Реюньона во время наступления. Получив твой ответ, мы отправимся к Дежардену в том случае, если ты решишь не двигаться из укрепленного лагеря.

Сен-Жюст, Леба.

6. Свобода, равенство или смерть.

Реюньон-сюр-Уаз, 21 флореаля II года Республики единой и неделимой <10 мая>.

Представители народа при Северной армии, узнав о том, что многие командиры пренебрегают исполнением своего долга и показывают своим подчиненным пример недисциплинированности; узнав также о многочисленных злоупотреблениях, вызванных этим порядком вещей; предвидя несчастья, к которым это может привести; убежденные в том, что спасение отечества требует восстановления дисциплины более быстрыми и суровыми способами, чем те, которые применялись до сих пор, постановляют: военный трибунал Северной армии вплоть до нового распоряжения будет вершить суд не прибегая к юридическим формальностям.

Леба, Сен-Жюст.

7. Воззвание к Северной армии.

Солдаты,

Мы призываем вас соблюдать строгую дисциплину, которая приведет вас к победам и позволит избежать излишнего кровопролития. В вашу среду проникли злоупотребления; мы решили искоренить их. Те, кто будет подстрекать пехоту к беспорядочному отступлению перед неприятельской кавале-

рией, те, кто оставит строй перед боем, во время боя или при отступлении, будут немедленно арестованы и приговорены к смерти.

Все места расположения войск должны находиться под охраной патрулей. Патрули, обнаружив беглых солдат, обязаны их задержать, а при попытке бегства открывать огонь.

Солдаты, мы восстановим справедливость; мы покараем тех, кто вам в ней откажет; мы разделим ваши тяготы; но всякого, кто нарушит свой долг, ждет немедленная смерть.

Презирайте врага, который перед вами; ваших противников нанял слабоумный тиран; у него нет ничего, кроме трона, этой игрушки в руках победителей, а победа ведет нас вперед.

Кузолр, 27 флореаля II года Республики <16 мая>.

Представители народа

Сен-Жюст, Леба.

МИССИЯ К СЕВЕРНЫМ И ВОСТОЧНЫМ ГРАНИЦАМ

25 прериала—8 мессидора II года <13 июня—26 июня 1794 г.>

1. Маршьен-о-Пон, 26 прериала II года Республики единой, неделимой и демократической <14 июня>.

Представители народа при Мозельской армии генералу Журдану.

Комитет общественного спасения желает, чтобы наступательная война велась с воодушевлением, способным изнурить противника. Он уступает нам в численности; из-за того что силы его расплынены, он вынужден поспевать всюду, прибегая к изнурительным маршам.

Его обычная храбрость заключается в том, чтобы оказать нам сопротивление при первых неистовых атаках, а затем внезапно напасть на нас ночью, дабы скрыть свою слабость и посеять среди нас недоверие и страх. Поэтому необходимо атаковать его с яростью, и атаковать беспрестанно.

Было бы разумно ежедневно к концу ночи продвигаться ему навстречу, что позволит либо избежать всякой неожиданности, либо вступить самим в бой, если представится удобный случай.

Твое победоносное и быстрое продвижение от Арлона вселяет в нас надежду, что наступательная война тебе по душе. Мы будем наблюдать за деятельностью администрации, за резервами, за тем, чтобы командиры повиновались приказам; тебе же нужно только побеждать. Пусть неуверенность в своих силах не проникнет в твою душу; ты должен думать только о славе Республики. Поддержи воодушевление в армии непрерывными успехами и смелостью. Войну за свободу следует вести с яростью. Никто не станет порицать тебя за то, что ты неистово добивался уничтожения врагов французского народа; но могут осудить, если ты, как и они, будешь держаться выжидательной тактики.

По-видимому, противник в скором времени нападет на тебя; постарайся его опередить, поскольку ты располагаешь для нападения теми же боевыми частями, которые были у тебя при отражении его.

Не забывай, что нужно помешать отчаявшемуся противнику покинуть один пункт и целиком перейти на другой. Воспрепятствуй этому маневру, атакуя беспрестанно.

Нельзя также допустить, чтобы он сжег Мобёж. Лучший способ предотвратить это в том, чтобы преследовать его по всему берегу Самбры.

Мы рассчитываем на тебя. С радостью сообщим Комитету общественного спасения о твоих новых успехах в этом пункте. Общественное мнение ждет этого с нетерпением.

Сен-Жюст, Жилле, Л. Б. Гюитон.

2. Представители народа при Северной, Мозельской, Арденнской армиях, заслушав отчет дивизионного генерала Клебера о том, что во время вчерашнего боя второй Вьеннский батальон постыдно бежал перед противником, в то время как знамена других батальонов двух дивизий Северной армии развевались на пути к победе, и не внял голосу генерала, призывавшего его вернуться в строй;

считая, что ответственность за это преступление не следует возлагать на весь батальон в целом, ибо храбрость и ненависть к тиранам владеют сердцами всех французов; полагая, что если войско покидает свой боевой пост, то причиной этому является или трусость офицеров, или их небрежение своими обязанностями, ибо они не сумели укрепить дисциплину и внушить солдатам любовь к славе, которая заставляет презреть опасности войны, победить или умереть на посту, доверенном им отечеством,

постановляют сместить и взять под стражу командующего и всех командиров второго Вьеннского батальона;

их должности будут немедленно замещены в соответствии с законом.

Начальнику штаба надлежит исполнить настоящее постановление.

Мантаньи-ле-Тенье, 29 пририалья II года республики единой и неделимой <17 июня>.

Сен-Жюст, Жилле, Гюитон.

3. Представители народа при Северной, Мозельской и Арденнской армиях,

узнав, что муниципальные служащие коммуны Менил-Лаорн, дистрикт Коммерси департамента Мозель, поступили недостойно и бесчеловечно, заставив Маргариту Бонтан, девицу 22 лет, брата которой находят в армии, сопровождать повозку и лошадей своего отца за шестьдесят лье от ее дома в Северную армию; узнав также, что эта несправедливость по отношению к молодой женщине была совершена по злому умыслу и что муниципальные служащие Менил-Лаорна сами освободили себя от проведения реквизиций, поручают комиссару-распорядителю Мозельской армии уведомить от имени представителей народа директорию дистрикта Коммерси, что она обязана немедленно взыскать с указанных служащих сумму в десять тысяч ливров, соответственно уплачиваемым ими налогам, и передать эту сумму в качестве вознаграждения девице Бонтан, ставшей жертвою произвола.

Директория Коммерси должна представить отчет об исполнении настоящего приказа Комитету общественного спасения в течение одного месяца.

Маршьен-о-Пон, 5 мессидора II года Республики единой и неделимой <23 июня>.

Сен-Жюст, Жилле.

ПИСЬМА

Камиллу Демулену

<май 1790 г.>

Сударь,

Если бы Вы не были так заняты, я пустился бы в описание всех подробностей Ассамблеи в Шони, где можно было встретить людей всех мастей и калибров. Несмотря на мое несовершеннолетие,¹ я был допущен туда. Сьер Желе,² наш собрат по байяжу Вермандуа, объявил об этом. Но его вытолкали взашей. Мы встретили здесь Ваших земляков, гг. Солса, Виолетта и других, которые были со мною очень любезны. Бесполезно говорить Вам (ибо Вы не любите глупых восхвалений), что Ваша родина гордится Вами.

Вы узнаете прежде моего письма, что центром департамента окончательно стал Лан. Хорошо ли это, плохо ли для того или другого города? Мне кажется, это не более чем вопрос чести в споре между двумя городами, а вопросы чести любого рода значат так мало.

Я поднялся на трибуну, я пытался внести ясность в вопрос о главном городе, но ничего не достиг; я уехал, осыпанный поздравлениями, как осел святыми дарами, и вместе с тем принимая уверения, что уже во время следующей легислатуры я могу рассчитывать оказаться вместе с вами в Национальном собрании.

Вы обещали писать мне, но я предвижу, что у Вас не найдется для этого времени. Я же в данный момент свободен. Возвращусь ли я к вам, или останусь среди глупых аристократов этих мест?

Крестьяне моего кантона отправились по моему возвращении встречать меня в Маникан. Граф Лораге³ был весьма изумлен этой безыскусно-патриотической деревенской церемонией. Я повел их всех к нему нанести визит. Нам сказали, что он в полях, и тогда я поступил, как Тарквиний;⁴ у меня в руке был прут, и этим прутом я посбивал головки оказавшихся передо мною папоротников, что росли под окнами замка, и ни слова не говоря, мы повернулись к нему спиной.

Прощайте, дорогой мой Демулен. Если я Вам буду нужен, пишите мне. Ваши последние номера исполнены превосходных мыслей. Аполлон и Минерва не оставляют Вас, не прогневайтесь. Если Вам нужно передать что-то своим землякам из Гиза, дней через восемь я вновь увижусь с ними в Лане, куда собираюсь совершить путешествие по личным делам.

Прощайте еще раз, слава, мир и патриотический пыл.

Сен-Жюст.

Собираюсь сегодня вечером читать Вас, ибо говорил о Ваших последних номерах, лишь мельком просмотрев их.

Максимилиану Робеспьеру

Блеранкур, близ Нуайона, 19 августа 1790.

К Вам, кто поддерживает отечество, изнемогающее под натиском деспотизма и интриг, к Вам, кого я знаю только как Бога по его чудесам, к Вам, сударь, обращаюсь я с просьбой присоединиться ко мне, чтобы спасти мой несчастный край. Город Куси решил перенести к себе (здесь ходит такой слух) открытые рынки местечка Блеранкур.¹ Почему города должны поглотить привилегии деревни? Что же тогда останется этой последней, кроме податей и налогов! Поддержите, пожалуйста, всю силою Вашего таланта адрес, который я отправляю с той же почтой и в котором ходатайствую о присоединении моего наследственного имущества к национальным имуществам кантона, чтобы сохранить моему краю привилегию, без которой он погибнет голодной смертью.

Я не знаю Вас, но Вы — великий человек. Вы не только депутат одной провинции, Вы депутат человечества и Республики. Сделайте, пожалуйста, так, чтобы мое ходатайство не осталось без внимания.

Сен-Жюст,
выборщик департамента Эна.

Адриану Байару

Я не знал, дорогой мой брат, что недуг нашей сестры имел последствия. Мама сказала нам, что оставила ее вполне поправившейся. Имейте в виду, что вода и сырой воздух ваших гор могут быть причиной ее болезни. Советую вам давать ей побольше молока и вовсе не позволять пить воду.

Не могу точно обещать вам, когда я сумею навестить вас; я поглощен делами, а дни сейчас такие дождливые и короткие. Однако еще до Рождества я буду иметь удовольствие обнять вас обоих.

Если Вы найдете, что воздух вреден Вашей жене, пришлите ее на некоторое время к нам; она знает, что мы всегда примем ее с самыми нежными чувствами. Надеюсь, что ее замужество не отдалит нас друг от друга и что ни вы, ни мы не утратим тех чувств, которые должны нас соединять. Пишите нам оба время от времени, и особенно, пока я не соберусь навестить вас, не оставляйте нас в неведении относительно последствий болезни моей сестры. Мне не терпится увидеть ее, чтобы успокоиться. Развлекайте Вашу юную новобрачную и в особенности позаботьтесь о том, чтобы она не испытывала никаких неприятностей в своей семейной жизни из числа тех, о которых она не осмелится рассказать Вам. Представление, которое я составил себе о Вашем семействе, побуждает меня верить, что оно нежно полюбит свою новую сестру и дочь. Сделайте ее своею владычицей, но владычицей снисходительной; именно так я себе это представляю. Вы созданы, чтобы заменить ей все в мире; но любовь не удовлетворяет самолюбия, самолюбия женщины, Вы это знаете. Она даст Вам счастье, я надеюсь на это, я в этом уверен. Я никогда не стану

на ее сторону, если она будет несправедлива к Вам: вы оба одинаково дороги мне, и при любых обстоятельствах мое сердце останется для вас сердцем брата и доброго друга.

Прощайте. Обнимите Вашу дорогую супругу; обнимайте ее иной раз и за меня, дабы она помнила, что я ее люблю; и она тоже пусть обнимет Вас.

Остаюсь Вашим братом и слугой

Сен-Жюст.

Блеранкур, 9 ноября 1791 г.

P. S. — Прошу Вас передать мое почтение мадам Аннотье, господину кюре и всей Вашей семье, которую я люблю, как свою.

Наши все также обнимают вас, все здоровы.

Ж. Л. М. Вийену-Добиньи

Прошу Вас, дорогой мой друг, приехать на праздник; заклинаю Вас; не забывайте обо всем на свете в своем муниципалитете. Я объявил здесь о судьбе, которую предсказал Вам: Вы станете однажды великим человеком в Республике. Что до меня, то, с тех пор как я здесь, меня терзает республиканская лихорадка, которая пожирает и изнуряет меня. Я отправляю с тем же курьером второе <письмо>¹ Вашему брату. Позаботьтесь достать его себе, как только оно будет готово. Передайте его гг. Ламету и Барнаву; я там говорю о них. Когда-нибудь вы увидите меня великим. К несчастью, я не могу остаться в Париже. Я чувствую, что мог бы возвыситься в наше время. Сотоварищ славы и свободы, проповедуйте их в своих секциях; пусть опасности воодушевят Вас. Побывайте у Демулена, обнимите его за меня и скажите ему, что он никогда меня больше не увидит;² что я уважаю его патриотизм, но его самого я презираю, его, потому что я постиг его душу, и он опасается, чтобы я его не выдал. Скажите ему, чтобы он не оставлял правого дела, посоветуйте ему это, ибо ему недостает еще отваги великодушной добродетели. Прощайте; я выше всех несчастий; я все перенесу, но скажу правду. Вы все подлецы, кто не оценил меня. Однако, пальма моя возвысится и, возможно, затмит вас. Для таких негодяев, как вы, я мошенник, злодей, потому что у меня нет денег, чтобы дать вам! Вырвите же мое сердце и съешьте его; вы получите тогда то, чего не имеете: вы станете великими!

Я дал слово Кле,³ и потому прошу Вас не показывать ему экземпляр моего письма. Решительно запрещаю Вам это, и если Вы это сделаете, я посмотрю на это как на действия врага. Администрация боится меня, я окружен завистью, и пока мой жребий не может защитить меня от моих земляков, я должен отныне поступать осторожно. Довольно; я надеюсь, что Кле вернется с пустыми руками, иначе я Вам не прошу.

Боже! неужели Бруту суждено томиться забытому, вдали от Рима! Однако судьба моя решена: если Брут не убивает других, он убьет самого себя.

Прощайте, приезжайте.

Сен-Жюст.

Нуайон, 20 июля 1792

Г. Добиньи, улица Монпансье, № 60, в Париже.

Пьеру Виктору Тюийе

<сентябрь 1793 г.>

Вчера я получил твоё письмо, но только сейчас его распечатал, поскольку был беспрестанно занят. Какого дьявола вздумалось тебе сообщать мне все это о гражданке Торен? Прошу тебя, уверь всех, кто заговорит с тобою об этом деле, что я к нему совершенно не причастен. У меня нет времени писать тебе подробнее. Вот самое существенное: ты писал Гато, что департамент запросил оригинал твоего мандата. Я говорил об этом с Пашем. Подойдет ли тебе должность в администрации продовольствия и снабжения армии? Напиши мне об этом. Здесь признают, что ты обладаешь необходимыми для этого качествами — честностью и умом.

Прощай. Если тебе вновь станут рассказывать эту историю, будь добр, за свидетельствуй истину.

На днях я, вероятно, отправлюсь в армию.

Сен-Жюст.

**<О ПРИРОДЕ, О ГРАЖДАНСКОМ СОСТОЯНИИ,
О ГРАЖДАНСКОЙ ОБЩИНЕ,
ИЛИ ПРАВИЛА НЕЗАВИСИМОСТИ УПРАВЛЕНИЯ>**

<ПЛАН — ОГЛАВЛЕНИЕ>

КНИГА ПЕРВАЯ

- Глава 1. О природе.
- Глава 2. Об обществе.
- Глава 3. Об общественном человеке или о первых людях.
- Глава 4. О происхождении состояния дикости.
- Глава 5. О первом соглашении.
- Глава 6. О принципе законодательства.
- Глава 7. О естественном законе, и как он был утрачен.
- Глава 8. О принципе общественной жизни.
- Глава 9. О праве.
- Глава 10. О суверенитете.

КНИГА ВТОРАЯ

- Глава 1. Идея этой книги.
- Глава 2. О независимости.
- Глава 3. О равенстве.
- Глава 4. Размышления.
- Глава 5. О гражданских законах по отношению к общественным законам.
- Глава 6. О собственности и о владении.
- Глава 7. О законах.
- Глава 8. О законах о браке.

Глава 9. Соображения.

Глава 10. Суровость законов о браке — следствие развращенности общества.

Глава 11. О кровосмешении.

Глава 12. О супружеской неверности.

Глава 13. О наследственном праве.

Глава 14. Об аграрных законах.

КНИГА 3

Глава 1. Что такое гражданская община.

Глава 2. Об общей воле.

Глава 3. О законодательстве.

Глава 4. О законодателе.

Глава 5. [О суверенитете.]

Глава 6. О суверене.

Глава 7. О функциях суверена.

Глава 8. О разделении суверена.

Глава 9. [О судьях] Об армии.

Глава 10. О [верховном] обвинении.

Глава 11. О праве смерти.

Глава 12. О международном праве.

Глава 13. О выборах.

Глава 15. Когда народ должен выполнять функции короля и когда — функции суверена.

Глава 16. Как представлена гражданская община.

КНИГА 4

О короле

Глава 1. Что такое король.

Глава 2. Что король не есть сила.

Глава 3. Что король не есть воля.

Глава 4. О природе короля.

Глава 5. О разделении короля.

Глава 6. Что король не представляет суверена.

Глава 7. О функциях короля.

Глава 8. [Об армии] О судьях.

<РАННЯЯ РЕДАКЦИЯ>

О ПРИРОДЕ

Глава первая

О природе

[Бог есть необходимый принцип всех вещей] Бог создал все. Я не пытаюсь определить его природу, он ее не имеет. Я хочу только найти его принцип.

[Поскольку кое-кто под природой и принципом понимает сущность и начало чего-либо, и это правильно, я должен понимать под природой чего-либо его сущность, под природой бога — дух, под принципом божества — порядок, которого оно держится, данный ему в его творении и от природы]

Под природой и принципом чего-либо понимают его сущность и его начало: я сказал, что бог не имеет природы. Под его принципом я разумею порядок, который он определил для себя в начале всего сущего. [Вечное не имеет природы; поскольку бог вечен, он не имеет природы] Все вечное не имеет природы, поскольку иначе оно не было бы неразрушаемым. Все созданное имеет свой принцип, посредством которого оно сохраняет себя, пока сохраняется этот принцип.

Принцип этот, который был правилом бога, образует отношения всех существ между собою, а также их отношения с богом. Эти отношения суть мораль, природа и гармония.

О, Верховное существо, прими в свое лоно душу невинную, которая исходит от тебя и возносится к тебе.

Глава II

О принципе божества

Пускай меня осуждают на досуге: как летописец лжи и правды я буду говорить обо всех народах, обо всех религиях, обо всех законах, как если бы я сам не принадлежал ни к какому народу, ни к какой религии, ни к какому закону; [если я не отделюсь ото всего, чтобы связать себя со всем, я впаду в предубеждение и потеряю путь, которым хочу следовать] Я отделяюсь ото всего, чтобы связать себя со всем.

Каждая нация наделила божество своим принципом в зависимости от своего общественного договора, [и достаточно обратить взор на разнообразие учреждений, чтобы засвидетельствовать, что] Договор есть отношения, которые разум устанавливает между людьми для их сохранения, после того как люди утратили естественные отношения [или их принцип, такого рода соглашение, по которому они теряют независимость, и их независимость] или их принцип.

Из этого следует, что договоры народов не основаны на природе, как утверждают. Напрасно искать в них принципы счастья и свободы: счастье общества это искаженное первоначальное счастье, состоявшее в невинности; свобода общества это искаженная естественная независимость, которая заклю-

чалась в любви. Таким образом, принципом божества были невинность и любовь.

[Я знаю, что все это лишь мечтания, но в мечтаниях всегда есть чувство истины утраченной, не существующей более]

Поскольку невинность была счастьем, добродетель является принципом счастья в общественной жизни. Поскольку любовь была независимостью, международное право является принципом свободы в общественной жизни.

В природе люди добры, в общественной жизни они благородны. В природе люди любят друг друга, в общественной жизни они щадят друг друга.

Глава III

Об общественной жизни

[Я говорил, утверждая, что человек живет согласно отношениям разума] Я называю общественной жизнью жизнь людей, объединенных письменным договором, иначе меня бы не поняли. Но то, что мы называем общественным договором, является при ближайшем рассмотрении лишь договором политическим. Общественный договор есть естественные отношения между людьми. Политический договор есть разумные отношения одного со всеми и всех с одним. В естественном состоянии люди вели общественную жизнь, их принципом была любовь. В политическом состоянии люди ведут жизнь дикарей, их принципом является сила.

Я предвижу возможное возражение: меня спросят, почему испорченный род человеческий, сменивший общественную жизнь на жизнь политическую, сохранил свой рассудок в состоянии дикости. Вот мой ответ. Этот рассудок, создавший тот порядок управления, который существует сегодня в мире, не является естественным для человека, это искажение его первоначального разума, так же как помешательство есть искажение самого рассудка. Рассудок не является естественным для человека, ибо он меняется в зависимости от органов. Мы пользуемся им только для того, чтобы ущемлять природу. Разум же, о котором я говорю, естествен для всех: все рождаются равно невинными и добрыми. Вот равенство, которое невозможно установить в дикой, или политической жизни, которую мы называем общественной.

[Глава IV

О первом обществе]

Общественная жизнь была извращена злоупотреблениями разума, который не является животным. Она была отношениями, которые божество установило с человеком, дабы он был благодарным и великодушным. Без этого разума человек имел бы лишь механические отношения, как животные.

Монтескье определяет законы вообще как «необходимые отношения, вытекающие из природы вещей».¹ Определение кажется мне неточным. Необходимые отношения существуют лишь в физических законах. Законы, исходящие из природы человека, являются отношениями, основанными на разуме.

Правда, Монтескье говорит о политических отношениях, но тогда это не столько отношения, сколько неизбежные последствия.

Счастливым человек вел общественную жизнь в лесах. Это может показаться странным, но странным скорее является предрассудок, называющий общественной жизнью жизнь людей, которые боятся друг друга и ненавидят друг друга. Гоббс прав, его система плоха лишь в применении. Он берет человека там, где он кончается [т. е. в начале дикой жизни], он думал, что рисует естественного человека, а нарисовал человека, уже ставшего дикарем. Вот почему он путается и чистосердечно рисует с человека ужасный портрет.

Руссо увидел человека так же, как и Гоббс,² [он ищет теорию <...>, но он обращается к природе, но он чувствует природу и обращается к ней как можно ранее], но он очень мудро определяет принципы [общества, которое он представляет] состояния дикости и возвращает человека к рассудку, от которого тот отошел, равно как и от природы. Этот великий философ думал, что человек начинается с состояния дикости, а человек кончается им. [Кэмберленд³ видит только свой век] Искусство, просвещение, наука, восхваляемые всеми, имеют цену только для несчастных, обреченных сохранять себя хитростью, но все должны бежать от мысли, что первые люди были дикарями и что мы цивилизованны.

Если бы искусства не были признаком того, что люди превращаются в дикарей, почему становились бы они более жестокими и дурными по мере того как становились цивилизованными? Большая часть наших знаний соотносится с нашей испорченностью. Представим себе существа невинные, им требуется немного просвещения.

[Свободные народы древности имели] Первые римляне [имели немного законов, знали немного вещей, последние римляне] знали немного законов; они были справедливы, они были счастливы. Последние римляне знали множество законов; они были несправедливы и несчастливы.

Я буду постепенно излагать свои мысли; если то, что я сказал, — истинно. Никто, насколько мне известно, не сомневался в существовании природы, однако мы говорим о ней [каждый день, по любому поводу, но всегда с невыразимым священным трепетом]. Так не перестают любоваться обломками Древнего Рима и образом красоты, уже не существующей.

<РЕСПУБЛИКАНСКИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ

ВАРИАНТЫ ФРАГМЕНТОВ>

Фрагмент пятый

семейные установления

4 — их цель в том, чтобы заставить провести законы о семье в семейные установления

2 — моральные установления

о нравах, культах, праздниках, песнях

1 — гражданские установления
образование, друзья

3 — политические установления

Они охватывают установления о военных, о торговле, о гарантиях
законы о нищенстве

опекуны называют друзей

опекуны взаимной помощи

Фрагмент шестнадцатый

...В каждом дистрикте и в каждой армии вплоть до заключения мира устанавливается цензор для надзора за государственными чиновниками.

Эта цензура распространяется только на правительство, но не может быть распространена на народ.

Цензоры не могут осуществлять никаких действий власти; они не выносят приговоров и не участвуют в обсуждении выносимых приговоров; они не могут выдавать ордер на арест.

Цензоры выступают в Революционном трибунале обвинителями против функционеров, уличенных в заговоре или казнокрадстве; против тех, кто угнетает граждан; против тех, кто не исполняет в указанный срок постановлений правительства и мер общественного спасения, наконец, против всех агентов, кто тем или иным образом нарушает свой служебный долг.

Цензоры, находящиеся при армиях, не могут быть осведомлены о военных операциях или о морали войны; они наблюдают за дисциплиной офицеров, генералов и администрации.

Цензорам запрещаются публичные выступления. Скромность и суровость — вот их добродетели. Они неумолимы; они вызывают к себе функционеров, чтобы те дали отчет о своем поведении; они указывают на все злоупотребления, на всякую несправедливость, допущенные в правительстве. Они не могут ни смягчать вину, ни прощать.

Цензоры не могут наблюдать за судебным процессом. Судебные преследования по их обвинениям ведут общественные обвинители трибуналов.

Цензоры, замеченные в слабости, смещаются. Цензоры, умышленно пощадившие функционера, виновного в злоупотреблении властью, караются.

Цензорам определяется жалование в 6000 ливров.

На заседаниях Законодательного корпуса не может быть цензоров.

Право обвинять депутатов есть право народа и граждан: оно не принадлежит цензорам. Обвинения против депутатов рассматриваются Законодательным корпусом.

Обвинения, выдвинутые против цензоров, рассматриваются Законодательным корпусом.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Жорес** — *Жорес Ж.* Социалистическая история Французской революции. Т. 1—6. М., 1976—1983.
- Конституции** — Конституции и законодательные акты буржуазных государств в XVII—XIX вв. М., 1957.
- Монтескье** — *Монтескье Ш. Л.* Избранные произведения. М., 1955.
- Олар** — *Олар А.* Политическая история Французской революции. М., 1938.
- Робеспьер** — *Робеспьер М.* Избранные произведения. Т. 1—3. М., 1965.
- Руссо** — *Руссо Ж. Ж.* Трактаты. М., 1969.
- Actes** — Actes du colloque Saint-Just. Paris, 1968.
- AHRF** — Annales historiques de la Révolution française.
- AR** — Annales révolutionnaires.
- D.** — *Saint-Just L. A.* Discours et rapports / Introd. et notes d'A. Soboul. Paris, 1977.
- Duval** — *Saint-Just L. A.* Oeuvres compl. / Éd. M. Duval. Paris, 1984.
- Hamel** — *Hamel E.* Histoire de Saint-Just. Paris, 1859.
- M.** — Moniteur universel. Réimpression de l'ancien Moniteur.
- RHRF** — Revue historique de la Révolution Française.
- RF** — Révolution Française.
- V.** — *Saint-Just L. A.* Oeuvres compl. / Éd. Ch. Vellay. Т. 1—2. Paris, 1908.
-

А. В. ГОРДОН
ИЛЛЮЗИИ-РЕАЛИИ ЯКОБИНИЗМА

Человек, вынужденный отрешиться от мира и от самого себя, бросает якорь в будущее и заключает в свои объятия потомков, неповинных в несчастьях нынешнего времени.

Сен-Жюст

1791 г. — первое сочинение юного политика-дилетанта; 1794 г. 9 термидора — последнее слово умудренного политического бойца. Два года в Конвенте — два года жизни, которые вобрали в себя и выразили «критический период»¹ революционной эпопеи. И два века, которые минули с тех пор и которые со своими грандиозными достижениями и величайшими трагедиями не стерли ту драму в анналах истории. Почему же историческая память народа и историческая мысль человечества вновь и вновь возвращаются к событиям на берегах Сены на исходе XVIII века? Может быть, потому же, почему мысль самих участников событий обращалась к еще более давнему человеческому опыту — деяниям и помыслам людей Древней Греции и Рима? И есть ли то закон повторяемости «великих всемирно-исторических событий и личностей», как предположил великий философ, или это избирательная способность человеческой памяти, а может быть, свойство самой человеческой мысли, которая и две тысячи, и двести лет назад, и сейчас терзает себя некими вечными вопросами?

«Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыграть новую сцену всемирной истории <...>

Камиль Демулен, Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст, Наполеон, как герои, так и партии и народные массы старой французской революции осуществляли в римском костюме и с римскими фразами на устах задачу своего времени — освобождение от оков и установление современного *буржуазного* общества <...>

В классически строгих традициях Римской республики гладиаторы буржуазного общества нашли идеалы и художественные формы, иллюзии, необхо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 266.

димые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии».²

Размышляя над феноменом якобинизма, основоположники марксизма положили начало версии «возвышающего» самообмана (вспомним: «тмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман») или «сомнамбулизма»,³ которую отстаивают сейчас не только кое-кто из последовательных сторонников учения, но еще больше ниспровергатели. На противоположных флангах историографии убеждены, что смыслом революции 1789 г. было утверждение господства буржуазии, что революция призвана была «санкционировать» буржуазное общество. Якобинцы, попытавшиеся навязать последнему «антично-политический строй жизни»,⁴ посягнули на самую реальность.

«Античные» иллюзии, порожденные внеисторической социальной утопией, и как следствие насилие над исторической реальностью развивающегося буржуазного общества — такое понимание революционной диктатуры XVIII в. соответствует духу новейших, «контрутопических» тенденций историографии и тяготеет над общественным мнением прежде всего — по естественным причинам — в нашей стране. Иллюзии как противоположность, как отрицание реальности — но не порождение ли это тоже иллюзии: о несовместимости идеального и реального, о «потусторонности» идеального и о возможности безыдеальной реальности?

Маркс — и в том глубинный смысл фрагментов из «Восемнадцатого брюмера» — обратил внимание на объективную, реальную потребность самых ярых ниспровергателей традиций в освящении своей деятельности... традицией; само преодоление прошлого, даже в некотором роде разрыв с ним требует «освящения прошлым». Разумеется, разрыв с феодальным прошлым не мог происходить под эгидой той же официальной католическо-христианской традиции, что освящала Старый порядок. Но нехристианский характер античной традиции — не слишком ли поверхностное объяснение ее популярности в революционную эпоху, достигшей апогея при правлении якобинцев?

Автора новейшей работы о якобинизме Ференца Фехера удивляет, почему «при огромной эрудиции в истории древнего мира Маркс и Энгельс не придали, кажется, большого значения особенности древнего костюма, к которому прибегли якобинцы». Но вопрос, собственно, приобрел актуальность именно сейчас, когда «ревизионистская» волна в новейшей историографии вылилась в так называемую деякобинизацию — тенденцию вывести якобинцев за рамки революции как силу, чужеродную ее демократической природе и искажившую ее буржуазный характер (или даже за рамки истории в ее отождествлении с буржуазным прогрессом). И по мнению самого Фехера, работа которого интересна именно свежим подходом, античный «костюм» якобинцев «выдает явную враждебность к буржуазному миру эгоизма с чрезмерным богатством, культом роста и накопления».⁵

² Там же. Т. 8. С. 199—120.

³ *Fehér F. The frozen revolution: An essay on Jacobinism. Cambridge; Paris, 1987. P. 24.*

⁴ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 136.*

⁵ *Fehér F. The frozen revolution... P. 25—26.*

Оценка представляется, однако, далеко не полной. Почему приобрела антибуржуазное содержание традиция древнего мира, где и буржуазии как движущей силы «роста и накопления» не было? Почему неприятие «чрезмерного богатства» и накопительства не проявилось в обращении к раннехристианской традиции, к миллениаристским ересям средневековья? Главное — неточно, на мой взгляд, мнение о «враждебности»; скорее речь должна идти о двойственном отношении неприятия и дополнительности — неприятия якобинцами отдельных, несомненно существенных сторон буржуазного общества и поиска альтернативы им, которая была бы связана с последним по известному принципу дополнительности. Такую двойственность и выразило, думается, обращение к античной традиции, и сам античный мир предстает в социальных исканиях революционеров как некое двуединство, как прообраз гражданского общества, созревшего и эмансипировавшегося в революционную эпоху, и как разновидность воплощенной в греческом полисе и римской *civitas* естественной («природной») социальности.

Отвергая в образе феодального Старого порядка искажение принципов естественной социальности отношениями господства-подчинения, Просвещение способствовало возрождению этих принципов как «вечных начал», «законов природы» и т. п. Крестник Просвещения капиталистический строй заменял политическое господство над обществом («политический закон», по Сен-Жюсту) естественным, в смысле саморегулирующимся, порядком общественной жизни, основанным, однако, уже не на личных связях, а на вещной взаимозависимости; прямые родственные и территориальные связи естественной социальности заменялись в качестве структурообразующих отношениями, опосредованными рынком.

При всей причудливости такого сочетания для современного научного сознания наложение естественной общности на гражданское общество было не иллюзией, а действительностью становления нового общественного строя. Революцию конца XVIII в. во Франции потому и законно именовать «великой», что буржуазная по своему экономическому содержанию, она в наибольшей степени раскрыла общечеловеческие духовные потенции нового общества, заключенные в нем потенции универсальной социальности.⁶ И в этом решающую роль сыграл тот «критический период» революции, что воплотился в якобинизме.

Подчеркну сразу: воплощение общечеловеческой духовности и универсальной социальности было здесь по преимуществу сугубо прозаическим. Но «пусть фантастика утопистов не подбивает нас ставить на карту интересы дня и прежде всего нуждающееся в защите право человеческое — право на жизнь. — „*Lee pain est le droit du peuple*”, — сказал Сен-Жюст, и это величайшее слово, сказанное за всю революцию».⁷ Выступая под знаменем «возврата к природе» подвижником возрождения начал естественной социальности, виднейший идеолог якобинизма выразил в своих помыслах устремления

⁶ О соотношении формационно-стадиальной и универсальной социальности см.: *Фурсов А. И.* Запад, Восток и антропология революций // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. М., 1988.

⁷ *Гейне Г.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1936. Т. 7. С. 5; букв.: «Хлеб — это право народа».

масс, движение которых за «право на жизнь» устранило на время от власти поборников утверждения гражданского общества в его «чистом», буржуазном виде.

Приход якобинцев к власти в результате народного восстания 31 мая—2 июня 1793 г. явился не просто этапом, а «революцией в революции». Чрезвычайные меры защиты революции сопровождались крутым поворотом, изменившим ее характер, и потому распространенное в «проякобинской» историографии политико-патриотическое объяснение возникновения «национальной диктатуры общественного спасения» далеко не исчерпывает проблемы. Годом раньше антижирондистского восстания уже прозвучало «Отечество в опасности!»; между тем к власти пришли жирондисты. Под руководством близкого им генерала Ш. Дюмурье были одержаны внушительные победы над войсками коалиции, началось вторжение в Бельгию. Почему и до какой степени верно, что жирондисты утратили национальный мандат на «общественное спасение»? Военно-политическая ситуация осенью 1792 и весной 1793 г. были сходными. Иными стали люди, а конкретнее, — иными стали их настроения, радикализировались их ожидания и требования. На политической сцене утверждался новый революционный субъект.

Когда революцию соотносят с нашествием неизвестного народа, вторжением чуть ли не первобытных орд, то у этой метафоры есть реальное содержание. Говоря языком науки, это пробуждение к политической жизни, выдвижение на авансцену исторического процесса социальных слоев, пребывавших дотеле в относительной неподвижности и деполитизированности. «Вторжения» выявляют общенациональный масштаб революции и редко проходят безболезненно из-за глубины стратификации дореволюционного общества, различной мобильности отдельных слоев в предреволюционный и революционный периоды, а усугубляет остроту кризиса сама контрастность состояний деполитизированности и политического действия, между которыми не оказывается видимого перехода. Не случайно потребность осмысления рождает тогда образы эпидемии (например, «моровой язвы», по Достоевскому), какого-то внезапно охватившего общество, нацию коллективного помешательства.

Социальные слои, выдвинувшиеся в 1793 г., внесли в революционное движение особое умонастроение, которое их противникам, а частью и потомкам легко могло показаться чем-то патологическим. Тем не менее оно было нормальным для этих слоев в «ненормальной» ситуации. В полной мере воплотившие «ситуационную логику», логику уникальной исторической ситуации устремления «людей 1793 года» были в своей основе привычными для так называемых низов французского общества, во многом соответствовали их традиционному мировосприятию. Непривычной для общества, поистине аномальной для его истории была степень воздействия устремлений и настроений этих низов на общественное мнение, на политическое руководство, на курс революционных преобразований.

Жиронда как политическая группировка отражала стремление французской революционной буржуазии утвердить свое безраздельное классовое господство над обществом,⁸ и именно жирондисты идеально соответствуют сло-

⁸ См.: Гусейнов Э. Е. Жиронда в период Законодательного собрания // Буржуазия и Великая французская революция. М., 1989. С. 93.

жившемуся образу и теоретической модели «буржуазных революционеров». В своих политических устремлениях и социальных установках жирондисты опередили современное им французское общество, предвосхитив эпоху безудержной экспансии капитала. Ни на йоту не поступаясь своими идеалами, они в практической деятельности стремились создать, так сказать, режим наибольшего благоприятствования для капиталистического накопления и предпринимательства. Разумеется, они не стали контрреволюционерами, если говорить о революции, разразившейся в 1789 г., ее либеральных установках «laissez faire, laissez passer». Напротив, потому, что они не желали поступиться этими принципами, они оказались «контрреволюционерами» в 1793 г. Двусмысленность привычного определения здесь очевидна. По существу жирондисты оказались «контр» новой революции, которая заодно сделала контрреволюционным и многие из того, что провозгласила буржуазия в 1789 г.

Общим для жирондистов и их противников были язык Декларации прав, принципы Свободы, Равенства, Братства, священность Революции, Республики, Отечества; но в одни и те же понятия вкладывался различный, подчас прямо противоположный смысл. В этих различиях прослеживается строгая логика, определенная система, а точнее — налицо две системы, две картины мира, два способа мышления.

Один из лидеров Жиронды, ее идеолог и блестящий оратор Верньо на заседании Конвента 13 марта 1793 г. заявлял, что его партия «считала революцию законченной с того момента, как Франция стала республикой. Она (Жиронда. — А. Г.) полагала, что после этого нужно прекратить революционное движение».⁹ А месяцем раньше делегаты секций Парижа убеждали законодателей: «Мало еще провозгласить, что мы — Французская Республика. Нужно, чтобы народ был счастлив; нужно, чтобы у него был хлеб, ибо там, где нет хлеба, нет и законов, нет свободы, нет Республики!».¹⁰

В ходе острых дискуссий по продовольственной проблеме жирондисты пламенно, стойко и до конца защищали свободу торговли, которая для их противников все больше ассоциировалась со спекуляцией. При этом жирондисты повторяли, что свобода есть священное право гражданина и бесценное свойство жизни, напоминали о республиканской клятве «жить свободными или умереть». Шометт от имени Коммуны Парижа отвечал: «Чтобы жить свободными, нужно жить, а поскольку нет разумного соотношения между ценой труда бедняка и ценой продуктов, необходимых для его существования, бедняк не может жить».¹¹ Люлье, возглавлявший делегацию Парижского департамента, добавлял: «Право собственности не может быть правом доводить граждан до голода».¹² Наконец, Жак Ру в знаменитой петиции, названной «манифестом бешеных», провозгласил: «Свобода — это только плод воображения, когда один класс людей может безнаказанно морить голодом другой. Свобода — это только призрак, когда богач благодаря монополии (на предметы первой необходимости. — А. Г.) распоряжается правом жизни и смерти себе подобных».¹³

⁹ М. XV. P. 702.

¹⁰ Archives parlementaires. 1 sér. T. 58. Paris, 1902. P. 475. (Далее: AP).

¹¹ AP. T. 59. P. 302.

¹² AP. T. 62. P. 621.

¹³ См.: Захер Я. М. Движение «бешеных». М., 1961.

Аналогичную амбивалентность обнаруживало в идейном противоборстве 1793 г. «равенство». Тот же Верньо говорил: «Равенство для человека в обществе может быть только равенством прав. Оно не может быть равенством благ так же, как не может быть равенства в росте, физических силах, уме, мастерстве, предприимчивости и труде».¹⁴ А участники первого антижирондистского выступления на улицах Парижа в марте 1793 г. утверждали: «Равенство — химера, пока есть богатчи!». Такова постоянная граница: для одних равенство — правовая норма, для других — «подлинное равенство»: *égalité de fait, égalité parfait*.¹⁵

Жирондисты, «классические республиканцы», по Мишле, безоговорочно выступали за «собственность», за утверждение частной собственности, за неограниченность ее господства (частный характер собственности и неограниченное право пользования ею выступали как тождество). Ну а их противники, названные Мишле «романтическими республиканцами», — можно ли считать, что они были столь же безоговорочно против частной собственности? — Нет; не случайно коммунистические устремления Бабефа или Буасселя остались в проектах, которые не были предложены массовому движению.

Революционный субъект, выступивший против монополии буржуазии на власть, ее единоличного господства, нельзя считать носителем социалистического идеала в его бабувистской интерпретации (ставшей отправной для коммунистической идеологии), что не исключает возможности говорить о предсоциализме, или «предбабувизме» революционеров 1793 г. Однако этой давней, восходящей к Мишле и к Марксу—Энгельсу традиции противостоит в историографии, в том числе марксистской, тенденция видеть в идейной ориентации антижирондистского движения нечто «мелкобуржуазное», т. е. более близкое пред-(прото-)капитализму. Слабая сторона обоих подходов — претензия на исключительность и то, что Г. С. Черткова назвала «финализмом».¹⁶ Социальное содержание движения резко сужается: либо до устремлений плебейства, либо до мелкобуржуазности. Исчезает историческая специфика явления — соединение противоречивых устремлений разнородных социальных сил.

Вопреки логике «исключенного третьего» «предкапиталистические» и «предсоциалистические» устремления были здесь опосредованы именно «третьим». Объединяющим фактором стал антибуржуазный традиционализм основных движущих сил буржуазной (!) революции. Его выявили авторитетнейшие исследователи народного движения: известны суждения Жореса и Собуля об «объективной реакционности» тех или иных форм и аспектов последнего, Лефевр писал о приверженности масс «архаической концепции собственности».

В сущности достаточно убедительно описанная приверженность крестьян и ремесленников традиционным, общинным и цеховым институтам, корпора-

¹⁴ *Moniteur*. N. 15. P. 705.

¹⁵ *Révolutions de Paris*. 1793. № 92.

¹⁶ См.: Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. С. 90. «Предкапиталистическая» версия исходит из установления в результате революции во Франции капиталистического строя, для «предсоциалистической» версии отправными точками ретроспекции служат социалистическое движение, Парижская коммуна, «реальный социализм».

тивным принципам социальной жизни характеризует не собственность в ее привычном понимании отношения субъекта к объекту, индивида к вещи, а социальность с определенными отношениями между индивидами, специфическим типом самого социального субъекта. Архетипически — это естественная социальность, «общность», основа которой — двоякая и обоюдная принадлежность индивида коллективу и коллектива индивиду. Такая «собственность» (быть собственным для коллектива, «своим» ему) неотделима от индивида, формирует самое личное. В то же время высшим законом подобного коллектива является поддержание существования своих членов, «воспроизводство» их как собственников, субъектов своей собственности. Социальные связи воплощены в общности членов друг другу. Составляя сущность индивида, связи не могут быть отчуждены от него. Вместе с тем они не могут быть отчуждены индивидом, стать его исключительной (частной) собственностью. В то время как жирондистская трактовка Прав человека, Свободы, Равенства соответствовала основам «гражданского общества», их антагонисты в тех же категориях выражали принципы «общности».

Великую французскую революцию, подобно всем буржуазным революциям, привычно связывают со становлением экономической системы, способной к самовоспроизводству и саморегулированию на основе универсальных отношений обмена между обособленными и лично не зависящими друг от друга индивидами. Соответственно смысл революции усматривается в освобождении от пут традиционных корпоративистских структур и государственного диктата. Однако мы видим, что в разгар революции мощное движение, воплощавшее волю революционного субъекта, повернуло против утверждения этой рыночной системы и складывающейся на ее основе социальности.

Почему же в 1793 г. миллионы французов выступили против экспансии рыночных отношений и освящавших их принципов «laissez faire», «принципов 89 года»? Отнюдь не потому в большинстве случаев, что их образ жизни исключал отношения с рынком. Напротив, в деревне основными центрами выступлений против свободы хлебной торговли, очагами так называемых восстаний таксаторов были более развитые в экономическом отношении районы «крупной культуры», крупных фермерских хозяйств, работавших на рынок. Общенациональный масштаб движению придал именно факт широкого распространения рыночных отношений в предреволюционной Франции, внедрение их в социальную жизнь и города, и деревни. Слои, стремившиеся «сдерживать капиталистическую динамику»,¹⁷ поднялись не столько в силу изначальной «ретроградности», сколько потому, что эта «динамика» обернулась для них своими издержками.

С началом революции экспансия товарно-денежных отношений возросла скачкообразно. Пали сдерживающие ее укрепления. Но пали не сами собой; то было государственное вмешательство захватившего власть либерального буржуазно-дворянского альянса в экономику страны и жизнь миллионов людей. Наиболее чувствительными проявлениями этого насилия явились в городе — упразднение цехов, для деревни — национализация и распродажа церковных имуществ, включая главное богатство страны — землю. Хотя тради-

¹⁷ Feher F. The frozen revolution. P. 85.

ционно историография, особенно французская, склонна рассматривать эти меры как революционные завоевания,¹⁸ следует уточнить, что в полной мере завоеваниями они были лишь для буржуазии, а для народных масс, в первую очередь крестьянства, эффект был двойственным, последствия — драматическими.

Крестьяне получили шанс в случае успеха на распродаже стать собственниками земли, которую они обычно уже использовали на условиях аренды, зато перед ними открылась возможность и утраты этой земли. Кроме того, частью церковного имущества было приходское достояние, которое служило в целом ряде районов теми узлами, что скрепляли общинную жизнь и поддерживали в известной мере неимущих членов. Подобную же роль играли цехи и их имущество в мире городского ремесла. Итак, либеральное вмешательство в экономику с самого начала было диктатом, задевавшим интересы достаточно широких слоев города и деревни.

Очень ярко насильственная природа либерального раскрепощения рыночных отношений выразилась в том, что распоряжения о свободе торговли дополнялись законом о военном положении против тех, кто попытается ей воспрепятствовать. Предусмотрительность либерально-революционных законодателей, конечно, легко объяснима, если вспомнить, что полтора десятилетиями раньше аналогичная попытка Тюрго вызвала мощный взрыв так называемой Мучной войны.¹⁹ Утвердившись у власти, революционная буржуазия решила довести начатое Тюрго дело до конца и готова была силой преодолеть народное сопротивление. Расправы над «таксаторами», столь же беспощадные, как при Старом порядке, продолжались с 1789 г. почти непрерывно вплоть до осени 1792 г. Жирондисты выступили преемниками курса, проложившего либеральным альянсом; но им пришлось столкнуться с неизмеримо более широким протестом.

Детонатором, превратившим сопротивление экономическому либерализму со стороны отдельных слоев во взрыв общего возмущения, видится стремительно развивавшийся в ходе революции кризис рыночной экономики. По разным причинам свернутыми оказались отрасли, занимавшие ключевое место в ней — знаменитая *industrie de luxe* и колониальная торговля. Дезорганизация рыночных отношений сопровождалась и усугублялась стремительно прогрессирующей инфляцией, обесценением ассигнатов, безработицей, падением доходов и разорением мелких производителей. Конечно, прежде всего недовольство вызывалось отсутствием и дороговизной хлеба ввиду особого его значения в народном рационе, но парализация хлебного рынка быстро перерастала в развал рынка всех предметов первой необходимости.

В повестку дня был поставлен вопрос о таксации цен на зерно, немедленно дополненный аналогичными требованиями относительно других предметов народного потребления. Максимум цен на них стал центральным звеном разнообразных требований, объединенных духом протеста против экономическо-

¹⁸ Яркий пример — позиция Жореса (*Жорес Ж.* Социалистическая история Французской революции. М., 1977. Т. 1, кн. 2. С. 116—199).

¹⁹ См.: *La guerre du blé au XVIIIe siècle. La critique populaire contre le libéralisme économique au XVIIIe siècle.* Paris, 1988.

го либерализма, и более или менее обозначившихся устремлений к противоположному по направлению, так сказать, антилиберальному вмешательству в экономику.

В многоголосии народных требований отчетливо различим один общий мотив — убежденность, что от революции выиграли лишь «буржуа» да «жадные фермеры», революционные завоевания обратились в пользу «богачей», тогда как страдания народа усилились. Разрушение рыночных связей, инфляцию и дороговизну народ объяснял не стечением объективных обстоятельств, а торговыми и финансовыми махинациями, злой волей определенного класса людей, наживающихся на страданиях миллионов. Признавая в своей массе революцию народным делом, простые люди воспринимали сложившееся положение как следствие узурпации, извратившей ее характер и приведшей к установлению «аристократии богатств». Новое восстание должно было устранить извращения и направить революцию к счастливой жизни для «бедного и трудящегося класса».

«Аристократии богатств» противопоставлялось Святое равенство. Хотя нельзя сбрасывать со счетов известные настроения в пользу так называемого уравнительного коммунизма и определенные трактовки в духе полного и всеобщего «уравнивания имуществ», в целом Верньо упрощал позицию противников Жиронды. Речь шла главным образом о равенстве, можно сказать, в качественном плане. Не размеры собственности, а сама принадлежность к разряду собственников, доступ в той или иной форме к общему, национальному достоянию и на этой основе гражданская и человеческая полноценность — вот чем, на мой взгляд, были озабочены широкие круги антижирондистского движения. По своей глубинной сути то было именно равенство в человеческих отношениях, равная принадлежность к национальной общности, рассматриваемой в духе общей связи своих членов, а не вещная, опредмеченная уравнительность. В конечном счете вопрос стоял о соблюдении достаточности в жизнеобеспечении, об известном достатке для всех, являлись ли они полноценными собственниками или, с современной точки зрения, — «неимущими». Для всех предусматривалось равенство в доступе к средствам существования, в обеспечении свободы распоряжаться собой и своими силами, в праве на жизнь для себя и своих близких.

Такое понимание равенства, следует оговорить, расходится с привычной трактовкой эгалитаризма как уравниательства, точнее выходит за рамки последнего. Значим здесь весь исторический идейный комплекс в своей целостности — Свобода, Равенство и Братство. Подчеркну: Свобода и Равенство в народных требованиях отнюдь не противопоставлялись. Напротив, Равенство понималось как гарантия Свободы, как условие ее полноты и универсальности, как способ реализации прав человека, которыми должны пользоваться все. Равенство в 1793 г. часто напрямую противопоставлялось Диктату, новому виду несвободы, с которым и ассоциировалась «аристократия богатств». Нередко говорилось о «новом деспотизме», а наиболее зримыми проявлениями его для народных масс оказывались диктат над рыночными ценами и условиями аренды, принудительное определение ставок заработной платы.

Соответственно, установление режима Равенства подразумевало осуществление набора разнообразных мер регулирования социальных отношений и

всей экономической жизнедеятельности общества. Предвещающая большой террор, социальные преобразования рассматривались как схватка с могущественным и многоликим противником. «Новая аристократия, которая хочет возвыситься с помощью роковой власти богатства», которому свобода торговли позволяет «диктовать цены на продукты питания и заработную плату», — вот в ком видели врагов, вот кому рассчитывали нанести удар установлением максимума цен. А делегация парижской секции, требуя смертной казни за его нарушение, от имени «класса народа, который сделал и завершит Революцию и который страдает от дороговизны продуктов питания», заявляла: «Народ, победивший в 1789 г. аристократию дворян и священников, в 1792 г. — аристократию короля и двора, не будет побежден в 1793 г. финансовой и торговой аристократией».²⁰

Процесс смены «аристократии происхождения» «аристократией богатств» к началу деятельности Конвента достаточно четко определился не только в городе, но и в деревне.²¹ «Аристократию богатств» олицетворяли здесь крупный землевладелец-буржуа, скупивший национализированные церковные земли, и особенно крупный фермер. «Нет другого такого мстительного существа, как фермер; нет такого корыстного существа, как фермер», — утверждали в упоминавшихся районах «крупной культуры».²² В этих районах наиболее распространенным в 1793 г. стало требование установления максимальных размеров хозяйства. И как бы оно ни формулировалось — обозначался ли предел мерой пахотной земли (например, 150 арпанов), или хозяйственной единицей (1 ферма), либо так: «чтобы никто не арендовал больше земли, чем может сам обработать», — суть была единой. «Искоренить аристократию фермеров», каждый из которых, хозяйничая на 10—12 сотнях арпанов земли, «диктует свои условия жителям двух или трех деревень»; «ограничить крупного собственника, чтобы помешать ему пить кровь народа», «чтобы бедняк нашел здесь возможность добывать хлеб насущный». И в менее развитых районах субаренды, где крестьянство боролось против произвола «генеральных арендаторов» (снямавших целые имения и пересдававших их крестьянам небольшими участками), различные категории крестьян обосновывали свои требования необходимостью иметь «работу и кров».²³

Стремление сдержать экспансию товарных хозяйств выражалось также в протестах крестьянских сходов против уменьшения запашки и посевов зерновых культур. Характерный мотив — страх, что травосеяние, превращение пахотной земли в «луга и лес» обречет на бездействие «руки неимущего класса». Настроениям бедноты соответствовали требования срезать виноградную лозу там, где можно выращивать хлеб; реквизировать земли, лежащие под паром; требования совместной обработки невозделанных участков деревенской верхушки.

²⁰ AP. T. 53. P. 654; 474—475; T. 67. P. 456—457.

²¹ См.: *Адо А.В.* Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII века. М., 1977. С. 298—299.

²² *Лефевр Ж.* Аграрный вопрос в эпоху террора. Л., 1936. С. 163.

²³ *Riffaterre C.* Les revendications économiques et sociales des assemblée primaires de juillet 1793 // Bull. trimestr. de la Commiss. des documents économiques de la Révolution. Paris, 1906. № 4. P. 344—346 sqq.

И в деревне трудовые слои чаяли разнообразных и радикальных мер регулирования экономических отношений ради обеспечения своего существования, которое для многих отождествлялось еще с самостоятельным хозяйствованием. Очень существенно, что между соответствующими требованиями городских низов и крестьянской массы устанавливалась прочная цепочка общей мотивации, основанная, как отметил А. В. Адо, на фиксации в народном сознании причинной связи трех явлений: «дороговизна, концентрация в немногих руках товарного урожая, концентрация землепользования».²⁴

На этой основе уже могло сложиться нечто подобное общей программе. И в эту программу, объединявшую важнейшие требования городских низов и крестьянства, достаточно органично входят требования конституировавшегося рабочего класса. Обратим внимание, например, на то, как обосновывали необходимость регулирования отношений в промышленности лионские шелкоткачи: «Полюбовная договоренность о цене может иметь место только между равными, а так как рабочий, используя средства другого, находится в зависимости <...> он не может договариваться как равный; вследствие этого тариф становится абсолютной необходимостью».²⁵

В конце концов все подобные требования воплотились в программу так называемого всеобщего максимума. Конвент может и должен, утверждалось в петиции парижской секции Санкюлотов, фиксировать цены на предметы первой необходимости, сырье, а также заработную плату, прибыли промышленности и торговли. Следовало установить «максимум богатств», чтобы «один и тот же гражданин мог иметь только одну мастерскую, только одну лавку». В аграрных отношениях санкюлоты требовали государственного возмещения крестьянам, пострадавшим от неурожая, а главное — фиксации арендной платы и максимума арендуемой земли.²⁶ Итак, для ниспровержения «аристократии богатств» предлагалось введение «максимума богатств»: одна мастерская — одна лавка — одна ферма!

Развивавшееся на эгалитарной основе движение за радикальное вмешательство в экономическую сферу, за установление режима, регулирующего функционирование рынка и обуздывающего диктат товаровладельцев, стало важнейшей предпосылкой той «революции в революции», которая вылилась в свержение жирондистов и определила природу якобинской диктатуры. Процесс завершился складыванием особого типа государственности.

Коллизия 1793 г., когда на общем политическом языке Прав человека, Свободы, Равенства жирондисты и их антагонисты выражали принципы двух различных типов социальности — «гражданского общества» и «общности» имела продолжением противоположность соответствующих типов государственности. Жирондистов в принципе устроило бы государство в образе если не «ночного сторожа», то полицейского — силы, необходимой для поддержания общественного порядка, но осуществляющей эту задачу как бы извне. Уст-

²⁴ Адо А. В. Крестьяне и Великая французская революция. М., 1987. С. 285.

²⁵ Riffaterre C. Le mouvement antijacobin et antiparisien à Lyon et dans le Rhône-et-Loire en 1793. Lyon, 1912. Т. 1. P. 342.

²⁶ Die Sansculotten von Paris: Dokumente zur Geschichte der Volksbewegung 1793—1794. Berlin, 1957. S. 136—140.

ремлениям их противников отвечало слияние общества и государства, государство, воссоздающее в рамках национальной общности вместе с другими признаками естественной социальности ту общественную связь, что существовала в локальных социумах.

Осуществить подобные устремления выпало якобинцам, единственной общенациональной политической силе в антижирондистском лагере. Но вначале им пришлось определиться по отношению к народной программе антилиберального вмешательства в экономику. Хотя таксация с осени 1793 г. сделалась ядром экономической политики якобинской диктатуры и последняя даже вошла с ней в историю, она не была идеалом — более того, вплоть до последних размышлений (см. «Республиканские установления») отвергалась виднейшим идеологом и другими руководителями диктатуры. Это дало основание авторитетным историкам начиная с Жореса видеть в якобинских лидерах принципиальных приверженцев экономического либерализма, лишь по тактическим соображениям уступивших натиску сторонников таксации. Однако Флоранс Готье сумела показать, что господствующая историографическая традиция упрощает образ мыслей Робеспьера и его соратников.²⁷ Отвергнув в конце 1792 г. навязывавшуюся снизу таксацию цен на хлеб, Робеспьер, Сен-Жюст, Марат еще до введения Первого максимума заложили по существу теоретические основы регулирования экономики, вобравшего в себя и саму таксацию.

Жестокие ораторские поединки, начавшиеся с первых дней работы Конвента, тяжкие взаимные обвинения, резкое размежевание позиций в таких вопросах политики, как война, деятельность Парижской коммуны, суд над королем, сентябрьские избиения, оттеняли видимое согласие жирондистов и монтаньяров при обсуждении экономических проблем. Во время мощного натиска на Конвент осенью 1792 г. обе партии сообща отвергли меры рыночной регламентации. Однако уже тогда в установках якобинских лидеров выявились особенности, выглядевшие вначале как непоследовательность по отношению к либеральной традиции, которую представляли их парламентские противники.

Еще весной 1792 г. Робеспьер решительно разошелся с либеральным общественным мнением и жирондистами, выступив против воздания посмертных почестей мэру города Этампа Симоно, который распорядился стрелять в восставший народ и был растерзан за то толпой, требовавшей хлеба. В резком диссонансе с либеральным хором, славившим злополучного защитника свободы торговли, Робеспьер назвал мэра Этампа «жадным спекулянтом» и заклеил в своей газете «всех представителей этого класса, наживающихся на общественной нужде».²⁸

Но от сочувствия жертвам спекуляции до принятия мер пресечения и тем более выработки политики ее предупреждения пролегал, как хорошо известно, немалая дистанция. И хотя якобинцы преодолели ее сравнительно быстро, в том темпе, который иначе как революционным и не назовешь, это не оз-

²⁷ *Gauthier F.* De Mably à Robespierre: De la critique de l'économique à la critique du politique // *La guerre du blé au XVIIIes.*

²⁸ *Robespierre M.* Oeuvres compl. Paris, 1958. Т. 9. Р. 113.

начает, что путь был для них легким. В отличие от жирондистов, которые отвергали само понятие спекуляции, и в противовес отчетливо выявившимся в 1792—1793 гг. тенденциям массового движения, склонного к распространению этого понятия на всякую торговлю хлебом, а затем и другими жизненно необходимыми товарами, якобинские лидеры настаивали на разграничении понятий торговли и спекуляции.

Стремление к подобной дифференциации делало позицию ее сторонников в условиях дезорганизации товарного рынка весьма уязвимой. Пытаясь в этом экономическом хаосе отделить объективные помехи торговле от «злой воли» торговцев, якобинцы заняли сначала позицию, совмещавшую верность принципу свободы торговли с идеей регуляции рыночных отношений административно-правовыми методами. Робеспьер и его соратники считали главным пресечение «скупки», приобретения и укрывательства зерна. Законы, утверждал Робеспьер, должны схватить за руку такого «монополиста», как они делают это по отношению к обыкновенному убийце. «Убийцы народа», — так называл Робеспьер «скупщиков»,²⁹ и то была, можно думать, рассчитанная угроза. «Только страхом перед насилием можно вынудить выполнять свой долг алчных людей, спекулирующих на общественном несчастье», — писал в те дни Марат и здесь же, на страницах своей газеты призывал показать «страшный пример скупщикам», расправившись с несколькими из них.³⁰ Террор маячил впереди как средство выхода из продовольственных и иных трудностей; обращение к нему стимулировалось противоречиями просветительской идеологии, двойственностью отношения к свободе и собственности в революционно-демократической мысли.

Призывавший к насилию Марат высоко оценил речь Сен-Жюста, который по поводу законопроекта о таксации заявил: «Мне не по душе насильственные законы о торговле» (с. 16).³¹ Характерно, что Робеспьер, добываясь карательных мер против скупки, доказывал, что это не противоречит свободе торговли и что, напротив, таковую подрывает сама скупка. «Те, кто предлагает нам неограниченную свободу торговли, высказывают великую истину, но в виде общего тезиса», — уточнял Сен-Жюст. Свободой торговли, это было предельно ясно для него, воспользуются скупщики; но и ее ограничение, по Сен-Жюсту, было бы губительно. «Суровые законы против земледельцев», не желающих продавать съестные припасы за обесцененные ассигнаты, «погубят республику» (с. 20).

Как добиться доступности продовольствия для потребителей, не лишая стимулов производителей? Как избежать столкновения интересов одной части народа с другой? Хорошо известна практическая сложность разрешения этих дилемм, но нерешительность или непоследовательность якобинских лидеров в отношении мер экономического регулирования следует объяснить не только прагматизмом. Таксация была несовместима с нормальным функционированием экономической системы, основанной на товарообмене. Тот же Сен-Жюст, которому вскоре пришлось обосновывать диктаторские действия,

²⁹ Ibid. P. 115.

³⁰ Марат Ж. П. Избранные произведения. М., 1956. Т. 3. С. 187—188.

³¹ Сен-Жюст цитируется по настоящему изданию.

подменившие товарообмен распределением, превосходно понимал значение товарообмена для такого общества, что сложилось во Франции перед революцией. Понимал, что французы не собираются жить «подобно скифам или индейцам» (с. 19), стало быть, в условиях натурального обмена.

Вместе с тем Сен-Жюст видел, что произошло разрушение рыночного механизма, а соответственно — всей экономической системы страны, и более того — социальных связей. «В экономике свершилась революция, не менее поразительная, чем та, что произошла в форме правления<...> Сократилось не только обращение денег, но и обращение продуктов; каждый стремился припрятать то, чем владел. И поскольку это недоверие и алчность разрушили все гражданские отношения, общество на какой-то момент перестало существовать», — определил Сен-Жюст состояние, в котором оказалась страна к моменту установления диктатуры (с. 293).

«Наши продовольственные запасы исчезали по мере того, как распространялась наша свобода, — не без горького юмора доказывал Сен-Жюст своим коллегам, среди которых еще находились и жирондистские лидеры, — ибо мы увлеклись принципами свободы и пренебрегли принципами управления» (с. 18). Он призывал их, воспитанных на либералистской догматике и замороженных триумфальным прогрессом Свободы, бросить свежий взгляд на фактическое положение дел. «Если вы хотите дать этому великому народу республиканские законы и нерасторжимо связать его счастье со свободой, примите его таким, какой он есть, облегчите его страдания; восстановите колебленное общественное доверие» (с. 21). «Нищета породила революцию, нищета может ее погубить» (с. 19), — резюмировал Сен-Жюст свои опасения.

Сен-Жюст советовал законодателям начать с оздоровления финансовой системы, сокращения эмиссии и восстановления курса ассигнатов. Однако как реальный политик он сознавал, что финансовое оздоровление невозможно без восстановления общественного порядка и прежде всего порядка в системе управления. «Изобилие — результат хорошего управления» (с. 16), — убеждал Сен-Жюст, ставя вопрос не о простом исполнении, а о разработке нового конституционного устройства и «совокупном действии всех законов» (с. 21). «Если незамедлительно не установить основы Республики; тогда — через шесть месяцев свобода перестанет существовать» (с. 24), — предупреждал он членов Конвента.

Ровно через шесть месяцев произошло антижирондистское восстание. Сен-Жюст смотрел в корень вещей, когда констатировал связь между свободой и функционированием экономической системы. И, конечно, можно политическим реализмом объяснить его поворот от приверженности рыночной свободе к системе жесткого регулирования: поскольку свобода не обеспечила восстановления экономической системы, а с нею доверия к правительству на основе удовлетворения народных требований, пришел черед политики несвободы. Однако такое объяснение иначе как поверхностным не назовешь. Возможно, здесь пролегал трудно уловимая грань между монтаньярами, якобинской Горой в Конvente, и якобинцами в специальном смысле слова. Горé в целом, а затем примкнувшей к ней Равнине несомненно был присущ этот политический реализм; но для характеристики собственно якобинцев как ре-

волюционно-демократического течения объяснения поворота к диктатуре реализмом будет недостаточно.

Якобинских лидеров вряд ли можно считать прагматиками в обычном смысле слова. К их политическому реализму — плохо или хорошо — всегда примешивалось нечто такое, что в разной связи и у разных авторов именуется «утопизмом», «мессианством», «морализаторством» и в чем несомненно надлежит разобраться, когда требуется полноценная оценка сдвига к диктатуре, который и поставил их во главе антижирондистской «революции в революции».

В противоположность жирондистам, в отличие от приверженцев экономического либерализма и вразрез с установками классической политэкономии идеологи якобинской диктатуры вовсе не склонны были считать экономику особой сферой, подчиняющейся лишь собственным законам. Высшими, по их представлению, являлись законы общества как целостности, и прежде всего — закон сохранения общества и его членов. «Какова первая задача общества, — риторически вопрошал Робеспьер своих коллег во время дискуссии в Конвенте о продовольствии. — Утвердить неотъемлемые права человека. Каково первое из этих прав? Право на существование! Следовательно, первым общественным законом является тот, что обеспечивает всем членам общества средства для существования. Все остальные законы ему подчинены».³²

Поскольку либеральные установки на автономность экономической сферы реализовывались в отстаивании приоритета права собственности, то Робеспьер конкретно вел речь о подчинении законов, обеспечивающих это право. Последнее, доказывал он, не самоцель, а средство обеспечить право на существование. Отсюда Робеспьер выводил теоретическую возможность и практическую необходимость ограничения права собственности вообще и свободы торговли продуктами питания в первую очередь. «Пища, необходимая человеку, столь же священна как сама жизнь. То, что необходимо для ее сохранения, является *общей собственностью* всего общества».³³

Не конъюнктура критического момента, в котором оказалась республика, вывела якобинцев к антижирондистскому перевороту, хотя и была она властным ускорителем их политических решений. Якобинцы противопоставляли жирондистскому проекту послереволюционного общества свой проект, который оказался в определенном соответствии с теми массовыми устремлениями, что парализовали либерально-республиканский режим «свободы и собственности» и привели к народному восстанию. «Все хотят Республики, — заметил Сен-Жюст, — никто не хочет ни бедности, ни добродетели. <...> Свобода ведет войну с моралью и хочет властвовать наперекор ей» (с. 20). Связать «свободу» со «счастьем» народа, гармония «свободы» и «морали» — вот установки, с которыми Сен-Жюст выступал еще перед жирондистским Конвентом. «Свобода» — несомненная ценность, но не единственная и не высшая; она определяет форму республиканского правления, тогда как «счастье» — его цель, а «мораль» — суть.

«Часто говорят, когда речь заходит о морали: это хорошо только в теории.

³² Robespierre M. Oeuvres compl. Т. 9. P. 112.

³³ Ibid.

Не хотят понять, что мораль должна быть теоретической основой законов, прежде чем стать основой гражданской жизни. Мораль, которая сводится к предписаниям, ведет к всеобщему разобщению; но растворенная, так сказать, в законах, она склоняет всех к благоразумию, устанавливая справедливые отношения между гражданами» (с. 17).

В основе социального проекта Сен-Жюста, как он сформировался к 1793 г. и как он изложен уже в ранних трактатах, мы обнаруживаем учение о двух видах человеческого существования: естественном состоянии, или «природе», и «гражданском состоянии» (гражданском обществе). При этом Сен-Жюст исходит из той просветительской, руссоистской традиции, которая противопоставляла одно из них другому по принципу негативной копии с оригинала. Но в отличие от традиции (и в противоположность Руссо) Сен-Жюст полагал, что естественное и гражданское состояния не несовместимы, что совмещение их в рамках идеальной организации общества не только желательно, но и возможно. Подобное допущение основывалось в свою очередь на представлении о естественном состоянии как естественной социальности. В глазах Сен-Жюста то была не разобщенная жизнь человеческих особей — обособленных и ведущих отчаянную борьбу друг с другом «дикарей», как это изображала господствовавшая традиция, а, можно сказать, социум общинного типа.

Идеал совмещения естественного и гражданского состояния не случайно ассоциируется у Сен-Жюста с восходящим к античности понятием «ситэ» (cité), производным от римского «civitas». Практика русского перевода «ситэ» — «гражданская община» приемлема именно потому, что, на мой взгляд, передает изначальную двойственность, присущую самому явлению. То ведь была не только определенная форма государственности — город-государство, но и определенная форма социальности, коллектив людей, связанных естественными узами, «общность».

Не случайно и то, что само употребление термина, впрочем как и остальных существенных в передаче социального идеала Сен-Жюста, неустойчиво. Нередко он использует термин «ситэ» в значении «гражданское общество». Соответственно, классическая контроверза европейской мысли «общество—общность» не носит у Сен-Жюста строгого характера логической антитезы. Рожденный политическим деятелем, он отличался стремлением к философскому обоснованию политики; вместе с тем его теоретизирование было подчинено практическим целям преобразования общества. Вдохновляемый идеалом естественной общности людей, Сен-Жюст не мог игнорировать реальности кристаллизующегося гражданского общества. Если коротко, то в его социальном проекте гражданское общество воссоздавалось на основах общности, естественной социальности.

Представление о реальности формирующегося во Франции буржуазно-гражданского общества и представление об осуществимости идеала естественной общности менялись у Сен-Жюста едва ли не из месяца в месяц. Но неизменно было и отстаивание полярности исходных принципов двух типов социальности, и стремление приблизить идеал «общности» к реальности «гражданского общества».

Разнонаправленность этих импульсов мысли очевидна уже в самом раннем трактате «Дух Революции и Конституции во Франции». Раскрывая со-

держание столь важной в просветительской идеологии категории «нравы», Сен-Жюст пишет, что «это отношения, которые природа установила между людьми». В гражданском состоянии — это «те же самые отношения, но искаженные». Сыновняя почтительность становится страхом, любовь — волокитством, дружба — фамильярностью. Казалось бы, Сен-Жюст прямо следует просветительской традиции изображения гражданского общества как «негатива» естественного состояния. Но дальше выявляется, что в полной мере принцип «негативности», или полярности, распространяется для Сен-Жюста не на всякое гражданское общество, а лишь на «управляемое тиранически». «У мудро управляемых народов», по Сен-Жюсту, нравы приближаются «к их исконному состоянию», и «можно найти примеры таких добродетелей, которые требуют от людей всех душевных сил и всей искренности их природы» (с. 205). Так у еще не ставшего политическим деятелем молодого автора на просветительскую антитезу естественного состояния и гражданского общества накладывается дихотомия хорошего и дурного управления, которая предопределяет не только ход мыслей, но и практическую линию поведения будущего стратега якобинской диктатуры.

Заметен в раннем сочинении еще один контрапункт, который зазвучит в полную силу в период диктатуры. Характеризуя категорию «естественного равенства», автор в полном соответствии с просветительской традицией подчеркивает его несовместимость с гражданским состоянием и в унисон с Верньо провозглашает: «Равенство в политических правах — вот единственное, что разумно» (с. 192). Но оказывается, по Сен-Жюсту, что «естественное равенство» имеет политическое измерение и оно актуально для гражданского состояния, ибо это равное осуществление «естественных прав» или, иначе, равенство в обеспечении суверенных прав каждого члена общества.

Защищая политическое равенство при сохранении социального неравенства вполне, казалось бы, в духе либеральной традиции, Сен-Жюст, однако, с самого начала задумывается об его обеспечении. И спустя считанные месяцы после первого трактата в материалах к новому, оставшемуся незаконченным произведению появляются размышления о политической опасности неравенства, ибо оно «то же, что и сила», т. е. насилие, и способствует «вырождению общества в тиранию». Напротив, равенство, «ломающая политический закон», основанный на насилии, «ставит заслон рабству и узурпации» (с. 265). И так, Равенство — залог Свободы, подобно тому как полагали массовые демократические силы, выступившие против Жиронды. Но это отнюдь не означало, что Сен-Жюст при этом становился сторонником равенства в узком смысле слова, сторонником имущественной уравнительности.

Выделение проблемы равенства из общего контекста социальной мысли Сен-Жюста так же мало плодотворно, как сведение к уравнительности общего смысла социального движения, вызвавшего к жизни якобинскую диктатуру. Стандартная классификация, относящая якобинских лидеров к «эгалитаристам», оправдана лишь в негативном плане, поскольку подчеркивает, что те «не дошли» до социализма. Однако антитеза эгалитаризма и социализма ничего не объясняет в конфликте между жирондистами и якобинцами, ибо и те и другие в той или иной мере сочувствовали эгалитаризму. Важен вопрос о мере, но он должен рассматриваться совсем в иной плоскости, чем принято.

Главное не размер собственности, который мыслился идеальным, а то, что одни лишь грезили об идеале, а другие все же пытались его осуществить, прекрасно понимая, какие трудности сулит осуществление. Якобинские лидеры поплатились жизнью за эту попытку, и политическая драма явилась воплощением фундаментальных противоречий прежде всего самой мысли.

Сен-Жюст не просто допускал сохранение имущественного неравенства в своем проекте гражданской общины. Он считал такое неравенство неизбежным спутником, более того, фактором развития торговли и промышленности. Более или менее ясно он сознавал, что значит лишить современное ему общество такого фактора. Сен-Жюст воспроизводит доводы либеральной политической экономии, что роскошь и богатство полезны, поскольку служат источником дохода для бедноты. Само по себе богатство не представлялось ему социальным злом, он не видел в нем прямой угрозы равенству, ибо последнее, по Сен-Жюсту, заключалось не в уравнивании собственности, а в «безопасности собственности и владения» (с. 265). Не количественная, а качественная сторона проблемы оказывалась на первом плане: все должны были иметь отношение к собственности и владеть. Квинтэссенция такого эгалитаризма — все французы должны стать землевладельцами. Количественные аспекты затрагиваются Сен-Жюстом именно в этой связи и как вторичные. Он высказывается за введение максимума и минимума — первого, чтобы всем желающим хватило земли, второго — поскольку от этого зависит сама возможность хозяйствования.

Пожалуй, именно самостоятельное крестьянское хозяйство в наибольшей степени воплощало, в глазах Сен-Жюста, два важнейших принципа идеального общества — «независимость и сохранение» его членов (с. 277). Поэтому есть справедливость в распространенном мнении, что идеалом Сен-Жюста (как и якобинизма в целом) было «общество мелких производителей».³⁴ Однако следует уточнить: в чисто производственном отношении оптимальным он считал крепкое товарное хозяйство, где хозяин трудится вместе с работником. Делая невозможным наемный труд, уменьшение хозяйственной единицы сулило, по Сен-Жюсту, сокращение сельскохозяйственного производства. Предвидел он свертывание торговли и промышленного развития, и как общий результат — обеднение страны.

Сколь ни расходится мое предположение с привычными представлениями, сколь ни убеждает, казалось бы, быть Якобинской республики, вряд ли воинствующая бедность Спарты была идеалом Сен-Жюста. В ранних трактатах, да и в Речи о продовольствии явно подразумевается процветающая страна с полнокровной промышленной деятельностью и интенсивной торговлей. Отказ от этой перспективы, попытку перечеркнуть ее следует объяснять вовсе не изначальной аскезой, саму аскезу необходимо объяснить. Если в первом трактате полный надежд автор упоминал о бесполезности «стоических добродетелей» (с. 218) и если в последнем, незаконченном трактате-завещании со «стоицизмом» связываются все надежды, ибо только он «способен предотвратить разложение в республике» (с. 287), то, очевидно, мало декларировать «аскетизм», «спартанство». Следует раскрыть логику, которая привела к тому, что эти, если угодно, контридеалы восторжествовали.

³⁴ См.: Черноверская Т. А. К вопросу об эволюции мировоззрения Сен-Жюста // Французский ежегодник. 1987. М., 1989. С. 24—28.

Я вижу в этой логике два мощных импульса. Это осознание глубинных противоречий реально формирующегося типа гражданского общества, и это вера в возможность разрешения таковых на путях реализации альтернативного социального проекта. Нечто, называемое нами «обществом мелких производителей», привлекло Сен-Жюста не своей идеальностью, а своей, в первую очередь, реальностью, поскольку то был засушенный уклад жизни большинства французов, и в конечном счете своей альтернативностью. Генетически и структурно этот уклад тяготел к «общности», к естественной социальности, которая как принципы и законы «природы» в исходной системе мыслей Сен-Жюста противопоставлялась «гражданскому состоянию», т. е. гражданскому обществу в его конкретно буржуазных проявлениях (но заметим, не буржуазному обществу в его целостности).

Сен-Жюст, разумеется, видел, что связанное с торговлей, с развитием товарно-денежных отношений богатство гражданского общества имеет оборотной стороной нищету. Специально на искоренение последней направлены все проекты эгалитарного землеустройства. В сущности всеобщая бедность выглядит в этих проектах как неизбежное следствие ликвидации крайностей роскоши и нищеты при достигнутом уровне экономического развития. Но эта сторона дела, вышедшая на первый план в политике якобинской диктатуры, опиравшейся на волю «бедного и трудящегося класса» в условиях относительного и абсолютного обнищания последнего, не была главной в замысле гражданской общины. В центре замысла человек гражданского общества вне своего имущественного положения, и пороком пороков этого общества Сен-Жюст считал отчуждение человека от своей природы.

«Гражданский закон вовлек человека в торговлю, человек стал торговать самим собой, и цена его стала определяться ценой вещи. <...> Человек и вещь стали смешиваться в мнении общества» (с. 259). Отношения собственности, «алчная собственность», «жалкая собственность» — извратили и подменили естественные связи (с. 205). Без классических марксовых формулировок Сен-Жюст безусловно воспринял и по-своему выразил последствия универсализации товарно-денежных, вещных отношений и вычленения на этой основе отношений собственности для «овеществления» и торжества «вещной зависимости». Вот этим порокам отчуждения человека от человека и в конечном счете самоотчуждения противопоставлен идеал гражданской общины как возрождения связей, основанных на «естественных чувствах», и как общности, в которой «независимость и сохранение каждого обеспечивают независимость и сохранение всех» (с. 276).

Сен-Жюст был человеком своего века, увлеченного прогрессом искусств и промыслов, и притом как политик всегда ощущал почву реально. Однако в его идеологемах ощутимы две реальности: таким статусом обладают и явь высвобождающегося из недр Старого порядка гражданского общества, и потенции возрождения естественной социальности. Соответственно той или иной доминанте все творчество Сен-Жюста условно можно расположить в двух плоскостях, хотя они постоянно сосуществуют, взаимопересекаются, накладываются друг на друга. Условно можно говорить и об авторском «двуязычии». В конкретном экономическом или политическом анализе положения страны рассуждения о «естественных узах», «мо-

рали», «добродетели» кажутся иноязычными заимствованиями, и не случайно современный исследователь порой «отсеивает» их как словесную шелуху или начинает переводить на язык реалий гражданского общества. Так утрачивается специфика второго «языка» сен-жюстовских текстов, который, будучи порождением отношений данного общества, не имел в нем прямого материального соответствия.

Своеобразный «двуязычный» дискурс придает анализу реалий революционного французского общества у Сен-Жюста неустранимую и трудно передаваемую специфику. Это же «двуязычие» отражает и выражает глубокую двойственность проекта гражданской общины. Можно увидеть в нем попытку внедрения естественной социальности в отношения гражданского общества или еще естественную социальность, концептуализованную в контексте реалий своего антипода.

Отношения собственности, например, для Сен-Жюста именно антипод естественных связей, деформирующий последние и, очевидно, не совместимый с ними. Но Сен-Жюст видит, что гражданское общество основано именно на этих отношениях; он отвергает феодализм, потому что тот попирает их свободу. «Не теша себя грезами» и видя в собственности нечто вроде неизбежного зла (с. 206), Сен-Жюст свой проект гражданской общины замышляет тоже на основе отношений собственности, привнося, однако, в трактовку последних определенную специфику. Если в либеральной трактовке собственность отождествляется с частным интересом, то Сен-Жюст хотел бы видеть в собственности основу общего интереса.

Если представлять идеолога якобинской диктатуры социалистом, следовало бы ожидать, что он сосредоточится на разработке идеи собственности как основы общего интереса. Сен-Жюст мог бы также игнорировать частные интересы, если бы всецело оставался на платформе естественной социальности, в которой идеально-типически общая собственность господствует как единое начало. Но поскольку Сен-Жюст приспособлял идеал естественной социальности к высокоиндивидуализированному обществу гражданского типа, он, ценностно принижая и социально подчиняя частный интерес, отнюдь не пренебрегал им и в своем социальном проекте искал ему место. Так в идеале гражданской общины и как экономический фундамент ее возникает дихотомия «собственности» и «владения», собственности — общего интереса и владения как выражения интереса частного.

Логика сближения идеала с реальностью определила саму форму гражданской общины. Сосуществование общего и частного интереса в виде двуединства собственности-владения воссоздает несомненно реальности, и — легко узнаваемые реальности крестьянской страны, общества, в своей основе остающегося еще аграрным. «Собственность» для Сен-Жюста — это вся земля Франции, национальная территория. Она принадлежит всему французскому народу и неделима в этом смысле, как сам суверен. Но она объединяет всех французов не только, так сказать, метафизически — достоинством суверена, но и конкретно — частными интересами всех, ибо каждому должна принадлежать доля национального «домена». В гражданской общине, пишет Сен-Жюст, каждый «человек обладает правом владения на самого себя и на свое поле, которое является частью собственности суверена» (с. 268).

Не экономическая необходимость и не только сострадание бедняку, а вышний смысл самого существования общества как гармоничного сочетания общих и частных интересов обусловили, следовательно, это столь типично якобинское стремление к наделению всех землей. Знаменитый постулат, что неимущий не имеет отечества (воспроизведенный по отношению к пролетариату в «Коммунистическом манифесте»), не имел никакой связи с космополитизмом. В нем выражены и представления о естественной социальности, и реалии крестьянской общины. Неимущий для Сен-Жюста оказывался вне гражданской общины, ибо, образно говоря, он был экстерриториален, а гражданская община воспринималась в единстве национального «домена» и коллектива людей, объединенных через собственность принадлежностью к последнему.

Неимущий в гражданской общине становился злом, а собственность — благом, поскольку наряду с естественными узами она цементировала общество. «Взаимное влечение, объединяющее людей, собственность на землю и отношения, рожденные владением, — вот что сохраняет общественный организм» (с. 265). Так решалась у Сен-Жюста антинomia естественной социальности и гражданского общества. Отношения собственности не только сочетались с естественными связями, обеспечивая жизнедеятельность общественного организма, но и становились как бы воплощением их в этом процессе. Если люди «объединены владением и доменом, они не стремятся отделиться от общественного организма». Этот, по выражению Сен-Жюста, «нравственный и естественный порядок» исключал необходимость специального общественного договора, а вместе с ним — отчуждение общей связи членов общества государству и подмену ее порядком, основанным на «силе» (с. 261), т. е. насильственным.

Итак, социальный проект Сен-Жюста по самому замыслу противостоит насилию, исключает его как основу социального управления. Чем же тогда объяснить, что в памяти человечества имя Сен-Жюста и якобинцы в целом ассоциируются с системой насилия? Был ли порочен сам проект, была ли отягощена насилием центральная идея совмещения принципов естественной социальности со структурой гражданского общества? Может, существует «железный» для всех времен закон их несовместимости?³⁵ Однако над «железными законами» истории порой смеялся сам Маркс, которого догматические последователи превратили в апологета жесткого детерминизма и на которого нередко ссылаются ниспровергатели якобинской «утопии».

Идея «натурализации» гражданского общества и «социализации» естественной для него рыночной экономики была порождена, как я стремился показать, реальными тенденциями становления этого общества, которые вызвали реальный протест многомиллионных масс французских крестьян и ремеслен-

³⁵ Современная социальная наука, следуя позитивистским традициям XIX в., продолжает по общему правилу разделять непреодолимой стеной «общность» и «гражданское общество», относит первую к первобытности, а второе — к современным формациям. Но ловить мыслителей прошлого на незнании аксиом нашего мышления значит заведомо исключить какую-либо конструктивность их мысли. К тому же сами аксиомы успели прийти в противоречие с реалиями современного общественного развития, которое вряд ли можно объяснить, исходя из несовместимости различных социальных систем.

ников, добивавшихся гарантии существования и социальной защиты. Очевидно и то, что человечество вновь и вновь возвращается к этим не потерявшим злободневности вопросам, немало успев при том в поисках ответов.

Разграфляя всемирную историю на формационные клеточки, мы порой забываем об условности этой схемы периодизации и упускаем из виду общеисторическое, общечеловеческое содержание тех или иных этапов, а на известном этапе все общечеловеческое содержание истории логикой схемы оказалось сведенным к одному — к признаку социалистической формации. Когда идеал социальной защищенности сопоставляют лишь с «реальным социализмом», впадают в односторонность, вполне понятную для недавнего прошлого, но ничем не оправдываемую сейчас. Поздний капитализм демонстрирует немало свершений в духе якобинского или санкюлотского «протекционизма». И логично, если при таком сопоставлении Сен-Жюст покажется ранним (преждевременным?) Кейнсом, а максимум — предвосхищением Нового курса президента Рузвельта. Даже от самых радикальных актов якобинской диктатуры, какими считаются вантозские декреты, принципиально ближе к государственной поддержке семейного фермерства в современных странах Запада, чем, допустим, к коллективизации. Плодотворно было бы спроецировать социальный проект Сен-Жюста на современный Восток. Впечатляющее совмещение отдельных черт естественной социальности с гражданским обществом и рыночной экономикой произошло, как широко признается, в Японии, и в этом своеобразном корпоративном капитализме усматривают долгосрочный фактор, обеспечивший экономические успехи страны при большой стабильности в ее политической и социальной жизни. Отдаленные перспективы «японского чуда» на тех же путях очерчивает сейчас развитие некоторых других стран Восточной и Юго-Восточной Азии.

Мировой исторический опыт — при таком многомерном учете его — отнюдь не вынес какого-то приговора идее, вдохновлявшей Сен-Жюста и его сподвижников; но сделал еще более предосудительными употребленные ими методы. Само собой разумеется, что и методы требуют всесторонней оценки вместо привычной и поверхностной отсылки к диктатуре пролетариата и «красному террору». Корректный анализ непременно выявит объективное сходство исторической ситуации: апокалипсические настроения измученных войной и разрухой масс, общую зависимость от духовного, психологического и даже физиологического насилия, растворенного в порах дореволюционных порядков. Несомненно, должна идти речь о стремлении революционеров и их руководства навязать обществу планы его радикального и немедленного переустройства. Но различными были эти планы, различались и установки на их осуществление.

Не ведали якобинцы, что «насилие — повивальная бабка истории». Не было у них ни идеи диктатуры санкюлотов, ни учения о правящей партии как представителе последних. По всему своему мировосприятию, идейной формации не могли они принять претензии одного класса на преобладание в обществе; само понятие партии было для них одиозным, равнозначным раскольничеству. Они действительно не знали, «на какой класс надо опираться»,³⁶ в чем

³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 195.

их упрекал Ленин. Но не знали, потому что не хотели, потому что сознательно или полусознательно игнорировали классовую дифференциацию среди народа, противоречивые интересы отдельных его слоев, полагаясь на «общий интерес», «единую волю», «общественное мнение».

В господствовавшей версии стремление якобинцев к всеобщности, пропущенное сквозь призму одномерного классового подхода, многие годы подвергалось разоблачению. При толковании Великой французской революции, как и всякой буржуазной революции, исходившем исключительно или по преимуществу из буржуазного классового интереса, оно представлялось «лицемерием», и лишь в современную эпоху крушения догм было реабилитировано, притом даже получило противоположную нравственную оценку — «раннебуржуазное бескорыстие».³⁷

При явной несовместимости ценностей обе оценки методологически исходят в общем из одного источника. Основоположники марксизма, отметив тенденцию восходящего к господству класса выразить свои устремления в «форме всеобщности», проявили к этой «форме» сугубо двойственное отношение — как к «иллюзии», которая «вначале правдива».³⁸ Античная традиция в якобинизме и иллюстрировала для Маркса иллюзию всеобщности, в которую облекался буржуазный интерес. Мой вывод противоположен: обращение к античности было выражением действительности в якобинизме всеобщего интереса. За якобинской иллюзией всеобщности крылся интерес не только буржуазии и не столько буржуазии, сколько огромной небуржуазной части французского общества — поистине «всей массы общества в противовес единственному господствующему классу»,³⁹ или, точнее, в лице прежде всего жирондистской группировки, классу, который отстаивал претензию на единоличное господство. Оказавшись в перипетиях революционной драмы лишь кратким эпизодом жестокой борьбы, якобинское стремление к всеобщности рельефно воплотило, однако, ту тягу к абсолюту справедливого и гармоничного общества, что спустя столетия поддерживает интерес к революции XVIII в.

Защищая Робеспьера от обвинений в личной диктатуре, Сен-Жюст имел серьезные основания утверждать, что силой Неподкупного была власть над общественным мнением. И кстати, сам переворот 9 термидора показал, что власть эта не была материализована в каком-либо государственном учреждении. Робеспьеристы представляли меньшинство в правительстве, если подразумевать под этим два ведущих комитета Конвента, они не распорядились единолично ни правоохранительными органами, ни вооруженной силой. Их судьбу предрешили — неслыханное дело для современных диктаторов — парламентские дебаты. Вмешательство Парижской коммуны оказалось парализовано колебаниями между личной преданностью ее верхушки Робеспьеру и институциональной лояльностью Конвенту. Якобинский клуб, на который до конца опирались робеспьеристы, если и можно считать прообразом правящей партии, то такой, которая еще не сращена с государством. Реальной помощи своим лидерам он в трагический момент переворота не оказал.

³⁷ Французское Просвещение и революция. М., 1989. С. 63—64.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 47, примеч.

³⁹ Там же. С. 47.

Самое поразительное, что Робеспьер и Сен-Жюст признали свое падение, восприняв переворот как фатальное изменение общественного мнения, как выражение воли суверена, естественно, по их убеждению, обманутого. Напрашивается ссылка на «доктринерство» Робеспьера и его сподвижников, но она мало что объясняет. Принцип суверенитета был для них не просто догмой и не только данью философско-политической традиции Просвещения. Суверенитет являлся средоточием общественного мнения, означал национальное единство, общую связь членов общества и их общую волю. В таком восприятии суверенитет скорее восходил к единому началу общности, чем нисходил к норме правосознания современного гражданского общества.

Революционный порядок управления якобинцев, систематическое обоснование которого первым дал Сен-Жюст, явив государственную централизацию в невиданной дотоле степени и на неведомых Старому порядку началах, способствовал консолидации гражданского общества сверху. Но идеалом для того же Сен-Жюста вполне в духе общности являлась сильная общая связь членов общности при слабости государственной власти, когда не государство связывает людей, а люди, «связанные между собой, создавали государство» (с. 267). Сен-Жюст недвусмысленно подчеркивал вторичность государства и в качестве идеолога якобинской диктатуры отстаивал не тоталитарное государство, которое подмяло под себя или подменило собой все социальные связи, но общество, в котором превращалась в абсолют общая связь его членов. Этатизация, отчуждение революционной власти от общества явились следствием или воплощением этой абсолютизации.

В свою очередь, абсолютизация общей связи произошла не как прямое следствие приоритетности ее в проекте нового общества, а как следствие столкновения якобинцев с «федерализмом», который совершенно определенно трактовался ими не только как политическое, но и как социальное явление — распад социальных связей. Итак, нет внутренней необходимости для превращения проекта гражданской общины в практику государственного насилия над обществом, однако возможность такого поворота легко увидеть.

Не может не поразить контраст между последовательностью в умозрительном развитии принципов «нравственного и естественного порядка» для Франции и той безнравственностью и противоестественностью, с которыми граничило стремление к достижению искомого порядка. Насколько проникновение в психологию исторического деятеля может быть верным — чем мягче представлялись Сен-Жюсту нравы идеального общества, чем гармоничнее отношения между его членами, чем меньше основания для применения в нем насилия он видел, тем жестче оказался террористический порядок, установление которого он обосновывал и принципы функционирования которого защищал. Несомненно, Сен-Жюст был поражен контрастом между возлелеянным им общественным устройством и революционной действительностью его становления, это его тяготило и требовало разрешения. Но не будем вдаваться в психологию личности — не в ней дело!

Якобинцы оказались между силой притяжения общественного идеала и той самой обнаруженной Сен-Жюстом «силой вещей», которая вначале приблизила их к его осуществлению, а затем безжалостно отбросила. В 1791 г. Сен-Жюсту представлялось, что к идеалу ведет «длинная череда перемен»,

которые предстоит осуществить будущим поколениям (с. 246); в 1793 г. он почувствовал себя основателем нового общества; летом 1794 г., пребывая в глубоком скепсисе от реальности революционного созидания, он разрабатывает проект-завещание «Республиканские установления» и снова «бросает свой якорь в будущее» (с. 278). В этой психологической драме воплотилась историческая трагедия — трагедия якобинской попытки руководить революцией.

Когда в 1793 г. мощное социальное движение столкнуло революцию с магистральной прямолинейной буржуазной траекторией развития и вместо торжества гражданского общества поставило в повестку дня принципы естественной социальности, планы идеального и реального, вечных ценностей и повседневных нужд стали для якобинских лидеров стремительно сближаться. К реалиям расколотого войной гражданского общества стали примеряться критерии гармоничного состояния в естественной социальности. Моральность, выражавшая целостность общественного сознания и нерасчлененность различных сфер бытия социума-общности, превращалась в морализирование по отношению к политике и экономике гражданского общества. Приобретая политический характер, этика стала отождествляться с законностью; добродетель была поставлена над правопорядком; нравственное сознание ввели в основу революционного правосудия. Единодушие как органическое свойство общей связи в социально однородном человеческом коллективе подменялось официальным единомыслием. Общественное мнение — основание общей связи при безгосударственных структурах власти — использовалось в целях укрепления государственного порядка. Тотальность социума, в котором члены связаны личными отношениями, оборачивалась тоталитаризмом в условиях общества, основанного в возрастающей степени на вещных отношениях.

Утверждают, и не без основания, что ловушкой для якобинского демократизма оказалась теория и практика перехода к идеальному состоянию общества. Но, как мы видим, дело не в том, что якобинцы просто отказались от своих идеалов и, повинуясь «силе вещей» либо ссылаясь на нее, из апостолов стали «деспотами свободы», если перефразировать Марата. Верные принципам демократизма якобинцы программировали новое общество в соответствии с властно проявившимися устремлениями огромных масс французского народа. Но сама запрограммированность социальной политики обернулась для якобинцев разрывом с народными устремлениями, которые не могли не меняться по мере достижения тех или иных из поставленных целей и возникновения неожиданных и неблагоприятных последствий.

Противоречивые интересы различных слоев французского народа лишь на время можно было свести к общему знаменателю в виде, скажем, всеобщего максимума;⁴⁰ внедрение же его вызвало силу народного сопротивления, сопоставимую с той, что навязала его осуществление. Якобинцы не были способны — не столько субъективно, сколько из-за объективных условий тотальной войны — найти ту гармонию частного и общего, на которой зиждился проект гражданской общины. Признавая частный интерес частью всеобщего, они не

⁴⁰ О внутренней противоречивости всеобщего максимума с точки зрения выражения в нем различных социальных интересов см.: *Гордон А. В.* Классовая борьба и Конституция 24 июня 1793 г. // Французский ежегодник. 1972. М., 1974. С. 164.

могли воспринять интерес части французского народа в его противоположности другим и интересу общества в целом, всеобщему интересу, как они его понимали. Такой частный интерес отвергался ими как антиобщественный, как внушенный «заграницей», как результат в конечном счете «иностранныго заговора».

В якобинской республике не оказалось легального места для частных интересов и их волеизъявления. Кипучая энергия не щадивших себя якобинских лидеров и громадная сила политического режима растрачивалась на пресечение этого волеизъявления, на борьбу с «фракциями». Объективного смысла их появления руководители якобинской диктатуры не понимали или, что в данном случае одно и то же, не хотели понять. И, расставаясь с политической ареной, как урок или заклинание, Сен-Жюст твердил, что «фракции» порождаются тщеславием (с. 175).

«Запрограммированность» социальной политики якобинцев, о которой здесь говорится, вовсе не исключала тактической гибкости. Критическим моментом в истории диктатуры я бы назвал весну 1794 г., и именно в этот момент революционное правительство продемонстрировало наибольшую гибкость в социальных вопросах. Пойдя вантозскими декретами навстречу чаяниям неимущей части населения, оно одновременно предпринимает либерализацию экономического регулирования в интересах имущих слоев. Но этот же момент раскрыл ограниченность возможностей маневра у якобинской власти. Продвинувшись дальше ни в том, ни в другом направлении она так и не смогла. «Запрограммированными» надо считать не конкретные шаги и меры правительства диктатуры, — отпечаток «запрограммированности» лежит на диктатуре в целом. Проблема заключается не в фатальности революционного эксперимента, а в фатализме революционных деятелей, их убеждении в предначертанности своих деяний.

Даже при беглом чтении текстов Сен-Жюста обращает на себя внимание категория законов. Ее широкое употребление точно сигнализирует о придаваемом ей значении. А вместе с категорией законов в центре оказывается фигура Законодателя. Гражданская община может обойтись без правителя и без правительства, без чиновников и налогов на их содержание. Она не мыслится Сен-Жюсту без Законодателя. Разумеется, чувствуется озабоченность процессуальными вопросами разработки и принятия законодательных актов; но главное, что Законодатель, индивид ли это, либо коллектив, в представлении Сен-Жюста, как бы священнодействует. Он поистине «дает» законы. «Законодатель управляет будущим <...> Именно ему надлежит сделать людей такими, какими он хочет их видеть», — уверял Сен-Жюст членов Конвента, предлагая им свой конституционный проект (с. 45).

Законы, в понимании Сен-Жюста, не столько отражают, сколько творят общественные отношения; конституция не свод законов и даже не Основной закон, если говорить современным языком, а само общественное устройство страны. И в названии первого трактата, и особенно при передаче содержания последнего, перевод «constitution» сочетанием «общественное устройство» имеет немалые основания. А когда мысль Сен-Жюста под влиянием революционного опыта от категории законов обратилась к «установлениям», употребляемый в оригинале термин «institution» опять-таки многозначен: подра-

зумеваются не только законоположения, но и учреждения, не только правила регуляции, но и сами регуляторы, не просто руководства для нравственного поведения, а устои последнего.

Законодатель для Сен-Жюста соответственно не просто деятель на поприще законотворчества, а творец, и это слово, пожалуй, можно писать с большой буквы. Знаменательно, что среди законодателей прошлого, к опыту которых обращается Сен-Жюст, не только политические деятели античности, но и Моисей, Христос, Мухаммед. Разумеется, просвещенного мыслителя шокирует сама возможность прибегнуть к «чудесам», чтобы убедить людей в мудрости предлагаемых им законов; хотя возможность соответствующей манипуляции общественным мнением, использования людских слабостей в благодетельных целях и обращения пороков в добродетели Сен-Жюст не исключает.

Революционный идеолог обращается к традиции не только в поисках опыта и не только для «освящения», как говорил Маркс, для легитимации нововведений. Сен-Жюст просто не может обойтись без этой традиции; он укоренен в ней, но настолько глубоко, что не нуждается в простом заимствовании. Однако в санкции, и санкции внеисторической, надчеловеческой, он нуждается. Замышляемые им законы, или Закон, освящает Природа.

Пришло время уточнить, что категория «природного», или «естественного, состояния» имеет в публикуемых текстах не только историческое и онтологическое содержание, для их автора это, в первую очередь, категория ценностная, а при данном типе мышления ценность должна иметь особый статус: она над обществом и над историей. Это не только конкретно-историческая форма общества, каковую по преимуществу означала марксова «*Gemeinwesen*», и не только особое «универсальное» или «естественное» измерение любого человеческого общества. Это прежде всего взгляд на историю сквозь призму незыблемых начал общественного устройства, пред-Установлений, Закона, всегда остающегося в единственном числе.

При такой историософии в принципе не может быть нововведений, и революционные преобразования — «возвращение» или «возрождение», да еще, пожалуй, «спасение», ибо историософская схема до ужаса канонична: сначала «грехопадение» в виде «порчи» или «искажения» человеческой природы, затем революция — во спасение ее. Социальный эксперимент исключается — революция «запрограммирована». Спонтанное развитие общества подменяется «переходом» — из одного состояния в другое. Переход не может не быть революционным в самом буквальном смысле слова: это конвулсия социального организма. Сен-Жюст неизменно возвращается к мысли, что путь к идеальному обществу ведет через «круги падения» людей (с. 206), через «крайности порядка вещей» (с. 266). И как итог своего революционного опыта он заявляет: «Когда лишь общее зло достигнет предела, общественное мнение испытывает потребность в мерах, способных принести благо» (с. 290).

Итак, вся деятельность, как и мысль, Сен-Жюста подчинены Абсолюту, абсолюту спасения человечества в лице французского народа. Сен-Жюст — деятель бесстрашно и безнадежно устремлен к этому абсолюту; вся динамика этой непреклонной воли замкнута на нем. Сам пафос революционного творчества закрывает для Сен-Жюста историю; устанавливая для нее цель, он

кладет предел творческим возможностям революционного действия. Противоречия мысли обнажают заколдованный круг действия. Чтобы обрести в себе силы на свершение грандиозного социального эксперимента, революционеры нуждаются в таком идеологическом «обеспечении», которое придавало их акциям санкцию вечности. Несомненно, это вело к фанатизму, к абсолютизации идеала, к прямолинейному наложению его на действительность. Подобные абсолютизм и прямолинейность граничили с мученичеством, с почти религиозным подвижничеством у лучших из якобинцев, среди которых место Сен-Жюста. Слабость и сила якобинизма сплетены в неразрывный исторический узел, подобно иллюзиям революционного мышления и реалиям революционной деятельности.

Т. А. ЧЕРНОВЕРСКАЯ
ЛИЧНОСТЬ И СУДЬБА

«Есть нечто ужасное в священном чувстве любви к отечеству; оно столь исключительно, что заставляет пожертвовать всем, без сострадания, без страха, пренебрегая мнением людей во имя общественного блага».

Сен-Жюст

«Человек, почувствовавший себя способным сотворить себе новый характер благодаря чуждым его натуре обстоятельствам, не может избежать впадения в заблуждение».

Шарль Нодье

I

25 августа 1767 г. кюре церкви Сент-Аре в Десизе, провинция Ниверне, Эдмон Робино крестил сына своей племянницы Мари Анн Робино. Крестным отцом был Антуан Робино, священник из Верней (близ Десиза), под присмотром которого новорожденный, получивший имя Луи Антуан, воспитывался до четырех лет. Робино — священники и хирурги, аптекари и юристы — были известны в Десизе с XVI в. Отец Мари Анн Леонар был королевским нотариусом в Десизе, и хотя его отец был булочником, сам он удостоился должности эшевена. Муж Мари Анн Робино Луи Жан де Сен-Жюст де Ришбур не принадлежал по рождению, несмотря на аристократическое звучание имени, к дворянскому сословию, а происходил из сельской семьи, возвысившейся над своими соседями: его дед Шарль Адам де Сен-Жюст, оставаясь земледельцем, получил должность управляющего сеньории в Атиши (Пикардия); отец, Шарль де Сен-Жюст, управлял имением графа Брюне д'Эври по соседству в Намселе и арендовал у него же ферму. Луи Жан был пятым сыном в семье, и не рассчитывая на сколько-нибудь значительную долю отцовского наследства, избрал военную карьеру. За более чем тридцать лет безупречной службы он добился лишь звания капитана кавалерии и смог обзавестись семьей лишь в пятьдесят лет.

Вскоре после смерти отца и рождения сына мессир Луи Жан де Сен-Жюст вышел в отставку и перебрался вместе с женой на родину в Пикардию, унаследовав должность управляющего имением графа Брюне. В Намселе у них родились две дочери. В 1776 г. сбережения всей жизни и полученные наследства позволили Луи Жану приобрести дом в Блеранкуре и зажить там на доходы с принадлежавшей ему земли и пенсию.

Именно в Пикардии, в Блеранкуре, прошли детство и юность Луи Антуана Сен-Жюста. Именно здесь он увидел, что «там, где есть очень крупные

собственники, мы видим одних лишь бедняков: в областях крупной культуры ничего не потребляют» (с. 294). В Пикардии, с ее бескрайними равнинами и плодородной почвой раньше, чем в других областях Франции, сложилось крупное зерновое фермерское хозяйство: ферма Петрон, которую арендовал дед Луи Антуана, с ее 95 га земли не только не была чем-то исключительным, но и значительно уступала расположенным по соседству фермам Карьер (150 га), Лож (около 200 га) или Луар (более 288 га). Последняя находилась в руках Роже Лемуана, кузена Луи Жана и впоследствии опекуна его детей. Исключение представляли низменные речные долины в бассейне Уазы, и, в частности, в районе Блеранкура, где более трети земель составляли болота, лесистые склоны и прочие неудобья. Крупные фермы здесь были редки и не превышали 70—80 га, от трети до половины обрабатываемой земли занимали мелкие крестьянские хозяйства. Блеранкур был одной из самых бедных коммун кантона, социальные контрасты здесь были сглажены, крестьянская нужда несколько смягчена сохранявшими свое значение общинными распорядками.

Семья Луи Жана де Сен-Жюста заняла достаточно высокое положение в этом полусельском обществе, но сам он прожил в Блеранкуре лишь около года, скончавшись в сентябре 1777 г. В том же году Луи Антуана определили в коллеж Сен-Никола в Суассоне. В отличие от коллежа Людовика Великого, где учился Робеспьер, этот коллеж не принадлежал к числу привилегированных и издавна находился в руках монахов-ораторианцев, а не иезуитов. Как и в любом коллеже Франции того времени, в Сен-Никола основное внимание уделялось изучению древних языков и античной истории. Однако преподавание здесь велось не на латыни, а на французском языке, довольно основательно изучались математика, география, отечественная история, изящные искусства.¹ Риторiku в Сен-Никола преподавал будущий бабувист Сильви, логику — будущий член Конвента Дону; учителем Сен-Жюста называют также одного из будущих лидеров республиканских заговоров против Наполеона Эва Демайю. Коллеж имел неплохую по тем временам библиотеку, где были собраны отнюдь не только разрешенные цензурой книги. Основанная на заучивании различных текстов система обучения в коллеже, по-видимому, не слишком тяготила Сен-Жюста, обладавшего блестящей памятью, — среди бумаг его коллеги по Комитету общественного спасения Бертрана Барера сохранилась записка, сделанная рукою Сен-Жюста: «Если вас поразило изречение, мысль, или что-то еще в книге, прочтите раза два: вы это запомните».² Воспоминания современников, записанные через полвека после гибели Сен-Жюста, рисуют его сорванцом, с трудом подчиняющимся суровой дисциплине учебного заведения, но в то же время учеником одаренным и трудолюбивым.³

Судя по всему, Сен-Жюста в коллеже отличали, во-первых, вкус к тому роду литературы, который называли либертинажем, к литературе, сочетающей фривольность с известной долей свободомыслия, и во-вторых, интерес к

¹ Среди вещей Сен-Жюста, проданных с торгов 12 фрюктидора III года, была «складная флейта слоновой кости» (AR. 1923. P. 513), а в музее Блеранкура экспонировался выполненный им рисунок головы Антиноя.

² Barère B. Mémoires. Paris, 1842. T. 1. P. 129.

³ Fleury Ed. Saint-Just et la terreur. Paris, 1852. T. 1. P. 16—22.

истории своего края, древней Нейстрии, сердца раннефранкского государства. Таковы первые дошедшие до нас сочинения Сен-Жюста — история замка Куси и его сеньоров и поэма «Органт», первые песни которой также написаны в середине 80-х годов.

В то время когда для передовых мыслителей история служила формой завуалированной критики существующего порядка, способом доказать неправедность его возникновения, Сен-Жюст в своей «Истории замка Куси» целиком и полностью следует за официальной, в первую очередь церковной историографией. Он описывает историю Куси, если и не оправдывая, то во всяком случае объясняя жестокость его сеньоров духом времени, одобряя все их деяния во славу церкви и короля, в том числе и беспощадное подавление народных восстаний. Ничто в этом сочинении не предвещает будущего революционера, будущего «цареубийцу». Можно было бы предположить, что мы имеем дело просто со школьным сочинением, написанным в соответствии с требованиями отцов-ораторианцев. Но и в первых песнях поэмы «Органт», написанных в жанре рыцарской поэмы, мы видим Карла Великого и его окружение, военные подвиги и любовные приключения — и ни малейшего намека на недовольство, на критику современного общества, присущую последующим песням.

Создается впечатление, что Сен-Жюст в пору ранней юности очень серьезно относился к новому для его семьи социальному статусу, к приобретенному отцом на военной службе дворянскому достоинству. Этот традиционный путь аноблирования, связанный с происхождением и функциями дворянского сословия как сословия военного, стал в XVIII в. крайне редким, и юный Луи Антуан имел основания гордиться своим дворянством, хотя и новоприобретенным, но полученным по праву, а не купленным за деньги. Но, оторвавшись от своего круга, он так и не примкнул к новому, и в результате оказался практически в изоляции, в чем ему вскоре пришлось убедиться.

Первое юношеское чувство оказалось неожиданно сильным и глубоким. Терезе Желе было тогда пятнадцать лет, Антуану (она предпочитала это имя) — почти на год меньше. Вероятно, в конце 1785 или в начале 1786 г. он сделал предложение — и получил отказ от ее отца, нотариуса Антуана Желе. Его избранницу в июле 1786 г. спешно выдали замуж за сына другого блеранкурского нотариуса.⁴

Оставаться дома стало невозможно, да и пора было выбирать какое-то дело: ему исполнилось девятнадцать, колледж окончен. Однако ни юридическая карьера деда, ни духовная карьера крестного, сулившие благополучие и спокойную жизнь, его не привлекали. Только военная служба достойна дворянина, только в Париже и только в королевской гвардии, как заявил он позднее на допросе. Но для этого требовались немалые средства, а мать не желала тратить деньги впустую...

Собрав подвернувшиеся под руку серебряные вещи, Луи Антуан бежит в Париж. Но три недели спустя по просьбе матери его арестовывают и препровождают на полгода в исправительный пансион Мари де Сен-Колон.

⁴ Историю отношений Сен-Жюста и Терезы рассказала, опираясь на семейные архивы и на устную традицию, М. А. Шармело: *Charmelot M. A. Saint-Just, ou le chevalier Organt*. Paris, 1957.

Вынужденный досуг заставил Антуана о многом задуматься. Прежде всего, почему ему отказали? Почему верхушка третьего сословия Блеранкура отторгала его? И почему он арестован, заключен без суда и следствия? Преступления он не совершил: являясь законным наследником своего отца, он по достижении совершеннолетия становился владельцем всего движимого имущества.⁵ Полгода, проведенные в пансионе мадам де Сен-Колон, стали переломными. В одно и то же время Сен-Жюсту суждено было пережить личную драму и ощутить себя жертвою социальной несправедливости. И вот появляются в «Органте» сатирические строки, направленные против церкви, против королевского двора, против короля и самой королевской власти.

По-видимому, тогда же он остановил свой выбор на юриспруденции, полагая, что она будет не слишком мешать литературным занятиям: по выходе на свободу он поступил в качестве второго клерка к суассонскому прокурору Дюбуа-Дешарму. В октябре 1787 г. имя Сен-Жюста впервые фигурирует в экзаменационных листах юридического факультета Реймского университета.

Вероятно, именно в это время он начинает особенно внимательно наблюдать за жизнью окружающих его людей. А увидеть можно было многое. 13 июля 1788 г. над рядом районов Пикардии пронеслась буря с градом, уничтожив две трети урожая. Зима выдалась на редкость суровая. Смертность взрослых почти вдвое. Не случайно в песне XVI «Органта» появляются строки:

Рукою немощной, иссушенной нуждой,
Напрасно пахарь разрывает землю;
Вернется вечером, и страшное отчаяние
Сойдет в его печальное жилище:
Он увидит свою безутешную жену.
Нашу хижину, скажет она, ограбили.
Кто ж сделал это? спросит в ужасе супруг;
Кто ж сделал? это кто же допустил? — Король!

(V. 1. P. 170).

Память об этом тяжелом годе, когда Сен-Жюст, по словам его друга Пьера Гато, отправлялся «пешком, в непогоду», чтобы отдать «делу защиты обездоленных и угнетенных свои заботы, свое красноречие, свое состояние и самое жизнь» (V. 1. P. XI), сохранилась и в более поздних сочинениях Сен-Жюста. Но в эту страшную зиму он увидел не только бедствия. «Бедствия и взаимная помощь соединили сердца» (с. 183), — писал он два года спустя.

Поэма «Органт» была опубликована в мае 1789 г. Не отличаясь литературными достоинствами, она содержала резкую критику существующего порядка, неприкрытые намеки на события последних лет, а также любовные сцены, вольно изображенные. Того и другого было достаточно, чтобы возбудить преследования против книги и ее автора (поэма была издана анонимно). 10 июня 1789 г. парижская полиция приступила к разысканию и изъятию поэмы.⁶

Падение Бастилии избавило Сен-Жюста от угрозы ареста. Но в то же

⁵ Совершеннолетним во Франции того времени считался человек, достигший возраста 25 лет.

⁶ *Vellay Ch. Les poursuites contre «Organt» // Rev. bleu. 1907. Т. 8. № 6. P. 187—187.*

время он испытал серьезное потрясение, когда увидел, как «народ насаживал на пики головы особ самых ненавистных, пил их кровь, вырывал их сердца и пожирал их» (с. 185). Картины народного гнева напомнили Сен-Жюсту историю Древнего Рима, где «убийство некоторых тиранов совершалось как религиозный акт» (с. 185).

Пребывание в Париже бурным летом 1789 г., посещение заседаний Национального собрания и Якобинского клуба, знакомство с рядом политических деятелей, в частности с Камиллом Демуленом, открыли для Сен-Жюста новую сферу деятельности, новые возможности заявить о себе. В Блеранкур он возвратился осенью 1789 г. пламенным защитником идей революции. В городе на свой лад произошла одна из «муниципальных революций», которые прокатились по всей стране во второй половине 1789 г. В начале февраля 1790 г. из муниципалитета были удалены представители старой сеньориальной администрации (в том числе Антуан Желе), мэром Блеранкура был избран Луи Оноре, старый зажиточный крестьянин, а секретарем муниципалитета — Пьер Виктор Тюйе, друг и единомышленник Сен-Жюста. Сам Сен-Жюст из-за возрастного ценза (25 лет) не мог быть избран членом блеранкурского муниципалитета, но сблизился с его руководством и приобрел определенную репутацию среди местной общественности. В апреле 1790 г. граждане Блеранкура делегировали его на департаментское собрание в Шони, где должен был определиться главный город департамента Эна, а в середине мая он стал инициатором патриотической манифестации, сообщение о которой в виде адреса Блеранкурской коммуны было по постановлению Национального собрания отпечатано для распространения по всей Франции. Получив три десятка экземпляров листовки-памфлета, подписанной несколькими депутатами Национального собрания и направленной против принятого Собранием декрета о гражданском устройстве духовенства, Сен-Жюст добился созыва муниципалитета для публичного осуждения содержания этой листовки. Муниципалитет постановил сжечь памфлет, и Сен-Жюст, держа руку над пламенем, «произнес клятву умереть за отечество и Национальное собрание и скорее погибнуть в огне, как это сочинение, чем забыть свою клятву».⁷ Событие произвело впечатление на земляков.

В качестве заместителя командира Национальной гвардии Блеранкура Сен-Жюст принимает участие в создании ее отрядов в тех коммунах, где их еще не было, выступает в своем кантоне инициатором движения Федерации и в результате избирается почетным командиром отряда Национальной гвардии кантона, делегированного на национальный Праздник Федерации, который состоялся в Париже 14 июля 1790 г.

А примерно через месяц после возвращения он пишет свое первое письмо Робеспьеру, полное восхищения и одновременно преследующее вполне практическую цель. Сен-Жюст просил поддержать петицию о сохранении в Блеранкуре ежемесячных открытых рынков скота, которые для жителей местечка, деливших свое время между сельским хозяйством и ткацким ремеслом, имели жизненное значение.

Среди требований, выдвигавшихся французским крестьянством в первые

⁷ Hamel. P. 61—65.

годы революции, было возвращение общинам земель, отторгнутых сеньорами в результате триажа.⁸ Декретом Учредительного собрания от 15—28 марта 1790 г. право триажа отменялось на будущее время, и общины должны были вернуть себе земли, присвоенные сеньорами за последние тридцать лет. Еще раньше сельские коммуны получили право обжаловать через суд узурпацию общинных земель. Воспользовавшись этим, Блеранкурская коммуна обратилась в начале июля 1790 г. к администрации дистрикта Шони за разрешением земельных споров со сьером Грене. От имени Грене выступал его управляющий, нотариус Желе, защитником интересов своих сограждан был избран Сен-Жюст. Переговоры начались в октябре, и на первых порах создалось впечатление, что можно легко достигнуть договоренности, «благодаря доброте сердца сьера Грене» (V. 1. P. 228), как сообщал своим доверителям Сен-Жюст 17 октября 1790 г. Год спустя тон Сен-Жюста совершенно переменялся, но пока первые успехи революции настраивали его, как и большинство современников, в духе умеренности и оптимизма.

Этим духом проникнут и написанный Сен-Жюстом осенью—зимой 1790 г. и опубликованный в Париже в июне 1791 г. политический трактат «Дух Революции и Конституции во Франции». Рассказывают, что, работая над ним, Сен-Жюст в погожие дни прохаживался большими шагами вдоль грабовой аллеи, где на равном расстоянии один от другого были расставлены три стола с письменными принадлежностями, и, сформулировав какую-то идею, присаживался к ближайшему из них, чтобы ее записать, а вечером собирал все листы и приводил в порядок.⁹ Возможно, это лишь легенда, которая, однако, неплохо передает стилистические особенности «Духа Революции», да и большинства других сочинений Сен-Жюста — чеканную афористичность формулировок, далеко не всегда логически связанных между собой.

Автор «Духа Революции» несомненно находился под большим впечатлением от «Духа законов» Ш. Л. Монтескье, об этом свидетельствуют и название, и эпиграф, и композиция, и, самое главное, — основные идеи книги. В этом своем трактате Сен-Жюст опирается на политическую теорию Монтескье, обосновывая поддержку Конституции, над которой в это время работало Учредительное собрание. Он не только признает правомерность и необходимость конституционной монархии во Франции, он принимает и цензную систему избирательного права, категорически отвергая самое идею имущественного равенства:

Эта политическая умеренность столь резко отличает «Дух Революции и Конституции во Франции» и от антимоноархических выпадов в «Органте» («Трон — это всего лишь чурбан, на который каждый может воссесть» — V. 1. P. 131), и от его речей, произнесенных позднее с трибуны Конвента, что консервативный Э. Флери назвал книгу «шедевром разума по сравнению с тем, что было написано им до и после нее», утверждая, что она совершенно не вписывается в логику развития его мысли.¹⁰

⁸ Триаж — право сеньора получить при разделе общинных земель третью часть, дарованное королевским эдиктом 1669 г.

⁹ *Vellay Ch. Saint-Just. Premieres luttes politiques // Rev. de Paris. 1906. T. 5. P. 820.*

¹⁰ *Fleury Ed. Saint-Just et... T. 1. P. 113.*

Революция открыла перед Сен-Жюстом новое поле легальной деятельности, а ее первые успехи создали впечатление, что дворянство добровольно откажется от своих привилегий и построит царство разума и справедливости, о котором мечтали просветители, можно будет конституционным путем. Отсюда умеренность «Духа Революции», выразившаяся, в частности, в обращении к политической теории Монтескье. Однако Монтескье не единственный авторитет для автора: Сен-Жюст пытается соединить теорию разделения властей с учением Руссо об общей воле и народном суверенитете.

Казалось, Сен-Жюст мог надеяться, что успех книги, тираж которой был раскуплен в считанные дни, откроет перед ним путь к политической карьере, несмотря на юный возраст. Особые надежды он возлагал на выборы в Законодательное собрание, хотя ему более года не хватало до необходимых для избрания 25 лет. Популярность Сен-Жюста в кантоне и в дистрикте внушала надежду, и первичным собранием избирателей Блеранкура Сен-Жюст действительно был избран выборщиком. Однако собрание выборщиков департамента в начале сентября 1791 г. аннулировало мандат Сен-Жюста.

Эта неудача была воспринята Сен-Жюстом как катастрофа, и личная драма совпала с наступлением политической реакции после попытки бегства короля и расстрела республиканской манифестации на Марсовом поле в Париже. Двойная коллизия способствовала дальнейшей эволюции мировоззрения Сен-Жюста, на которую оказала влияние и подготовка к судебному процессу Блеранкурской коммуны против сьера Грене. В «Мемуаре», составленном Сен-Жюстом, тон по отношению к Грене становится резким и угрожающим. Важно отметить, что детальное изучение тех изменений, которые происходили в отношениях между общиной и сеньорами на протяжении более чем двух столетий, позволили Сен-Жюсту не только увидеть связь между сокращением общинных земель и уменьшением стад, ухудшением общего положения крестьянства, но и понять значимость общинного землевладения и общинных распоряжений (V. 1. P. 232—249). Деятельное сочувствие соседям-земледелцам вылилось в стремление понять причины общественного неравенства и найти способы его устранения. Примерно в этот период, между сентябрем 1791 и августом 1792 г., Сен-Жюст работает над новым филозофско-политическим трактатом «О Природе, Гражданском состоянии и Гражданской общине, или Правила независимости управления», который остался незавершенным. Написана была примерно половина, если судить по оглавлению, и потому мы не можем представить, как изменилась в целом система его взглядов по сравнению с «Духом Революции». Однако небезынтересно проследить, как от сочинения к сочинению меняется не только выбор «учителей», но и отношение к их учениям. В антицерковной сатире «Органт» Сен-Жюст *следует* за Вольтером («Орлеанская девственница»), а в социальной и политической критике — отчасти за более радикальными мыслителями Просвещения, например Руссо, но при этом в основном повторяет общие места. В «Духе Революции» *пытается проанализировать* политическое положение Франции, *опираясь* на учения Монтескье и Руссо, порою по-своему их *интерпретируя*. Наконец, в сочинении «О Природе, Гражданском состоянии...» он уже совершенно определенно стремится найти *собственный путь*, выработать собст-

венную систему взглядов, основываясь на учениях Монтескье и Руссо, Мабли и школы физиократов.

Полемизируя с Руссо, Монтескье и Гоббсом, Сен-Жюст строит свою теорию естественного состояния человека, которое он рассматривает, подобно физиократам и Мабли, как состояние общественное, а не как совокупность изолированных друг от друга индивидов. Причины перехода к гражданскому состоянию, т. е. к «отношению потребностей» людей Сен-Жюст усматривает в развитии торговли, земледелия и ремесла; именно это и привело к возникновению неравенства между людьми. Наконец, эти же занятия, а также завоевания привели к внесению в отношения между людьми фактора силы, присущего отношениям между государствами, к переходу в политическое состояние, которое Сен-Жюст называет еще «состоянием дикости».

В этом трактате Сен-Жюст впервые для себя формулирует некоторые черты эгалитарного идеала — установление максимума и минимума земельных владений, неотчуждаемость минимума, призванного обеспечить потребности человека, ограничение прав наследования. Но пока этот идеал представляет собою скорее не вполне определенную мечту об очень отдаленном будущем.

Восстание 10 августа 1792 г., свергнувшее монархию во Франции, открыло Сен-Жюсту «путь вверх». 5 сентября, достигнув наконец законного возраста, он был избран 349 голосами из 600 пятым депутатом департамента Эна в Национальный конвент.¹¹

II

13 ноября 1792 г. Конвент приступил к обсуждению вопроса о судьбе «бывшего короля французов». Открыл прения депутат Вандеи жирондист Мориссон, заявивший, что «закон нем по отношению к королю. Мы не вправе судить его». Вслед за ним слово взял депутат, почти никому не известный. Возражая Мориссону, возражая Комитету законодательства, по мнению которого короля следовало судить как простого гражданина, он выступал фактически и против мнения большинства Конвента. Но ни в его речи, ни в манере держаться не было и тени робости или неуверенности. Из сферы юридической он переводил дискуссию в сферу политическую и, делая практические выводы из теории общественного договора Руссо, доказывал, что обычные юридические нормы не применимы в отношении человека, стоявшего над законом, а следовательно, вне закона; что поскольку «невозможно царствовать и не быть виновным» (с. 13), короля «следует не столько судить, сколько покарать как врага» целой нации.

Оратор, дотоле неизвестный, был выслушан Собранием с напряженным вниманием. Поражал и чеканный стиль речи, хладнокровная убежденность, так неожиданно контрастирующие с его обликом: нежные правильные черты лица, большие серо-голубые глаза, кудри до плеч, тонкая стройная фигура делали его совсем юным, — и контраст этот еще усиливал впечатление от произносимых им слов. Назавтра слова его речи повторяли за стенами Кон-

¹¹ См.: *Fleury Ed.: Saint-Just et...* Т. 1. P. 150—151.

вента, а через несколько дней имя Луи Антуана Сен-Жюста, самого молодого из 749 депутатов Конвента, стало известно всей стране.

3 декабря, используя и развивая аргументацию Сен-Жюста, казни короля потребовал Робеспьер.¹² Требуя смерти, монтаньяры добились суда. Когда же жирондисты, не желавшие смерти короля, предложили вынести приговор Конвента на утверждение народа, Сен-Жюст, открывший прения 27 декабря, решительно высказался против этого плана, напоминая своим коллегам: «Не вы обвиняете, не вы судите Людовика — это народ в вашем лице обвиняет и судит его» (с. 31), Сен-Жюст был в числе тех 387 депутатов, которые 17 января 1793 г. голосовали за смертную казнь короля. «Поскольку Людовик XVI был врагом народа, его свободы и его счастья, я голосую за смерть», — мотивировал он свой вотум (D. P. 71).

Вопрос о суде над королем не случайно занимал одно из центральных мест в борьбе между Горой и Жирондой в первые месяцы деятельности Национального конвента — еще в первой своей речи Сен-Жюст отметил, что «республику вы будете устанавливать в том же духе, в каком будете судить короля» (с. 14). Однако это не значит, что Сен-Жюст тогда уже прочно занял место среди монтаньяров — сам водораздел между партиями тогда еще не сложился окончательно. Первые речи Сен-Жюста в Конвенте получили высокую оценку не только в якобинской, но и в жирондистской прессе. Бриссо после выступления Сен-Жюста 13 ноября писал: «Среди идей преувеличенных, свидетельствующих о молодости оратора, в речи есть блистательные места, талант, который может сделать честь Франции».¹³ А 30 ноября, после нового выступления Сен-Жюста, отмечал в своей газете «Патриот франсэ», что тот «делает честь своему таланту, защищая свободу торговли».¹⁴

Это была речь «О продовольствии» (29 ноября 1792 г.), которая занимает особое место в развитии мировоззрения Сен-Жюста, представляя собою поворотный пункт от трактатов с теоретизированием в несколько абстрактном духе века Просвещения к постановке острых проблем общественной жизни Республики. Резкое обострение продовольственного кризиса к концу зимы 1793 г., вызвавшее новые волнения в Париже, привело к несколько запоздалому и неожиданному отклику на речь Сен-Жюста, вышедшую к тому времени отдельным изданием: в середине февраля он сделался объектом резких нападков со стороны «бешеных». Его упрекали, в частности, за утверждение, что «положительный закон о продовольствии никогда не будет разумным» (с. 16), — этим словам аплодировали жирондисты.¹⁵ И ни те ни другие как будто не обратили внимания, что Сен-Жюст выступает не столько против каких-либо ограничений свободы торговли, «против вмешательства государства в экономические дела, сколько против неэффективности частичных вмешательств».¹⁶ Он стремится найти долговременное решение проблемы продовольствия, решение, которое было бы приемлемо и для крестьян-хлебопроиз-

¹² См.: *Робеспьер*. Т. 2. С. 133—141.

¹³ *Hamel*. P. 117—118.

¹⁴ *Ibid.* P. 133.

¹⁵ См.: *Матъез А.* Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М.; Л., 1928. С. 85.

¹⁶ *Michalet Ch.* Économie et politique chez Saint-Just: L'exemple de l'inflation (Actes. P. 186).

водителей, и для потребителей; выступая в Конвенте, он видел перед собою не только изможденные нуждою лица парижских санкюлотов, но и натруженные руки своих соседей-землепашцев, колышущиеся нивы Пикардии.

Речь «О продовольствии», удостоившаяся высокой оценки со стороны двух непримиримых политических противников, какими были Марат и Бриссо,¹⁷ создала Сен-Жюсту «репутацию государственного деятеля».¹⁸ На следующий день, 30 ноября, он был избран одним из шести секретарей бюро Конвента, 19 декабря — председателем Якобинского клуба, а в январе 1793 г. вошел в состав Конституционной комиссии Клуба. В Конвент и в Клуб сходились все нити общественно-политической жизни Республики, и Сен-Жюст получил таким образом возможность еще более расширить круг своих представлений о положении в различных департаментах и в целом по стране.

Вероятно, результатом его участия в Конституционной комиссии Якобинского клуба стало представление на суд Конвента собственного проекта конституции. В предпосланной ему большой речи (24 апреля 1793 г.) Сен-Жюст изложил принципы, положенные в основу этого проекта. Речь «О Конституции» представляется едва ли не самой оптимистической из всех, произнесенных им в Конвенте. В ней звучит уверенность в скорой и окончательной победе, для которой необходимо лишь дать французскому народу хорошую конституцию, соответствующую общей воле и естественной справедливости, чувствуется характерная для Просвещения вера во всемогущество мудрого законодателя. И в речи, и в проекте конституции нашли отражение многие идеи, вынашиваемые им еще со времен, предшествовавших созыву Конвента. В основу своего проекта, который он противопоставляет жирондистскому, представленному от имени Конституционной комиссии Конвента Антуаном Кондорсе, Сен-Жюст кладет теорию народного суверенитета Руссо. Для осуществления верховной власти народа, по мнению Сен-Жюста, необходима выборность на демократической основе всех должностных лиц Республики, но прямые выборы предусмотрены лишь при формировании законодательного корпуса, что и выделяет его несомненное верховенство. В противном случае все местные власти приобрели бы характер представительства, что привело бы, по мнению Сен-Жюста, к дроблению суверена. Подчиненное положение Исполнительного совета по отношению к законодательному корпусу вытекает из того же принципа: конституция должна обеспечить воплощенное в единстве власти единство нации и государства. Административное деление Франции призвано лишь облегчить «осуществление избирательного права и выражение воли народа» (с. 68). Поэтому в основе его должна лежать численность населения, а не территория административного округа. Иначе «народ разобщен, власть концентрируется в правительстве, трудно соединить воедино расчлененный суверен» (с. 68). Впоследствии обвинение в «федерализме», в стремлении к раздроблению суверена стало одной из основ обвинительного доклада против жирондистов.

Следует отметить, что, оспаривая мнения и планы жирондистов в общеполитических вопросах, Сен-Жюст вплоть до антижирондистского восстания

¹⁷ См.: *Марат Ж. П.* Избранные произведения. М., 1956. Т. 3. С. 186; *Hamel*. P. 133.

¹⁸ *Матьез А.* Борьба... С. 85

31 мая—2 июня 1793 г. оставался как бы вне непосредственной борьбы партий (D. P. 16). Не этим ли объясняется, что еще в конце мая Клод Фоше писал в своем «Журналь дез Ами» в отчете о заседании Конвента 24 апреля 1793 г., что «Сен-Жюст изложил свои взгляды и показал талант. Если он не позволит убийцам подрезать себе крылья, он сможет подняться к высотам гения» («убийцами» Фоше, как и другие жирондисты, называл монтаньяров).¹⁹ Возможно, внешне беспристрастная позиция Сен-Жюста стала одной из причин того, что обвинительный доклад против жирондистов после их свержения Комитет общественного спасения поручил именно ему.

К Комитету общественного спасения Сен-Жюст был присоединен 30 мая вместе с еще четырьмя депутатами, составившими комиссию по завершению выработки конституции. 5 июня они стали полноправными членами Комитета, а 10 июня представили результаты своей работы Конвенту. Определить точно роль Сен-Жюста в создании окончательного текста не представляется возможным. Конституцию 1793 г. роднит с проектом Сен-Жюста не только и не столько содержание отдельных статей, сколько единство духа и стиля.²⁰ В то же время следует сказать, что созданная после победы над жирондистами конституция отличалась несколько большей умеренностью, чем проекты, представленные монтаньярами ранее. Этого требовала необходимость сплотить силы перед лицом внутренней и внешней контрреволюции.²¹

Вероятно, этим же объясняется умеренность выводов, сделанных Сен-Жюстом в обвинительном докладе против жирондистов, произнесенном уже после того, как многие из них, бежав из Парижа, из-под домашнего ареста, в департаменты, подняли там восстание, сомкнувшись с роялистской контрреволюцией. Впрочем, доклад этот следует рассматривать как плод коллективного творчества: 24 июня он был представлен на рассмотрение Комитета общественного спасения, 2 июля одобрен им и лишь 8 июля представлен Конвенту.

Надеждам на умиротворение не суждено было осуществиться. Размах федералистского мятежа, рост внешней опасности сделали невозможным немедленное введение Конституции, получившей одобрение народа и торжественно провозглашенной на празднике Единства и Неделимости Республики 10 августа 1793 г. В ходе борьбы спонтанно складывались новые революционные формы управления страной. Однако официально революционный порядок управления был провозглашен лишь 10 октября (19 вандемьера II года по революционному календарю). Докладчиком Комитета общественного спасения и, следовательно, автором первого наброска «революционной конституции» Франции стал Сен-Жюст.

В этом докладе сошлись, как в фокусе, основные направления его мысли, отразились основные направления деятельности. Подчеркнув, что «заговоры постоянно вносят смуту в государство», что «отечество тысячу раз становилось жертвою снисходительных законов» (с. 94), Сен-Жюст значительную часть своего доклада посвятил обоснованию необходимости реорганизовать

¹⁹ Cit.: *Dautry J. Saint-Just et l'abbé Fauchet // AHRF. 1959. № 122. P. 189—190.*

²⁰ Детальное сравнение Конституции 1793 г. с проектом Сен-Жюста провел Е. Н. Кётис: *Curtis E. N. Saint-Just, colleague of Robespierre. New York, 1935. P. 352—355.*

²¹ См.: *Гордон А. В. Классовая борьба и конституция 1793 г. // Французский ежегодник. 1972. М., 1974. С. 155—157.*

всю систему управления. Однако, если в ноябре 1792 или в апреле 1793 г. ему казалось, что для этого достаточно выработать и принять хорошую конституцию, то теперь во временном отказе от ее применения, в установлении строжайшего революционного контроля над деятельностью администрации, вплоть до применения чрезвычайных мер, он видит необходимое условие создания системы управления, соответствующей этой конституции. Считая максимум лишь временной, вынужденной обстоятельством мерой, Сен-Жюст предусматривает, говоря современным языком, строгую централизацию учета и распределения продовольствия в пределах всей Республики, видя в этом надежный путь решения продовольственной проблемы. Но в своей практической деятельности, прежде всего во время миссий на фронт, он всегда считался с законом о максимуме, следил за неукоснительным его соблюдением. Сен-Жюст ясно понимал, что, облегчив несколько положение бедноты, максимум осложнил положение страны в целом. Он неоднократно говорит о необходимости дополнительного обложения богатых и даже об уменьшении размеров богатств. Он говорит о том, что «в мудро управляемом государстве хлеб по праву принадлежит народу», так как «зависимость от богача унижительна», а «хлеб, получаемый от богача, горек, он угрожает утратой свободы» (с. 96).

Следует заметить, что начавшийся годом ранее переход от теоретизирования к соединению теории и практики не обошелся без потерь: эгалитарный общественный идеал Сен-Жюста, складывавшийся под воздействием просветительской литературы, в результате наблюдения общественной жизни Пикардии не только не стал в первые месяцы Конвента целью его практической деятельности, но, казалось, был предан забвению. Теперь же саму необходимость установить во Франции революционный порядок управления Сен-Жюст мотивирует не только борьбой с внешней и внутренней контрреволюцией, но и задачами установления социальной справедливости.

Это было программой деятельности не только для правительства, но и личной программой автора, что проявилось уже во время миссии в Рейнскую армию, куда Сен-Жюст был направлен вместе со своим другом, членом Комитета общей безопасности Филиппом Леба в качестве чрезвычайных правительственных комиссаров в тот момент, когда положение в Эльзасе стало особенно угрожающим. Именно миссии в Рейнскую и Северную армии положили начало «легенде» о Сен-Жюсте.²² «Блеск его прокламаций, быстрота, с которой он принимал решения, непримиримость в принципиальных вопросах, быстро восстановленное положение — все это способствовало тому, что еще при жизни имя его было окружено ореолом славы и легенды».²³ Провозгласив в докладе «О революционном порядке управления» своего рода кодекс комиссара при армии, он сам неукоснительно следовал ему. Придавая огром-

²² Лучшая работа о миссиях Сен-Жюста: *Gross J. P. Saint-Just: sa politique et ses missions.* Paris, 1974. См. также: *Чупрун Н. И.* Сен-Жюст и организация обороны Франции в 1793 г. // Науч. зап. Днепропетровск. гос. ун-та. 1956. Т. 56, вып. 4. С. 109—126; *Собуль А.* О миссии Сен-Жюста в Рейнскую армию (брюмер II года Республики) // *Собуль А.* Из истории Великой буржуазной революции 1789—1794 г. и революции 1849 г. во Франции. М., 1961. С. 155—171, 287—371.

²³ *Собуль А.* Из истории... С. 155.

ное значение силе *примера*, Сен-Жюст настойчиво добивался того, чтобы наиболее важные и яркие из его постановлений были обязательно зачитаны с трибуны Конвента и таким образом становились известными всюду.²⁴

Для обеспечения эффективности миссии в дополнение к власти чрезвычайного представителя правительственного Комитета Сен-Жюст стремился завоевать личный авторитет у солдат и офицеров, у представителей местной администрации. Первое время он лично бросался в бой даже в тех случаях, когда в этом не было прямой необходимости. Солдаты оценили его храбрость, но с генералами было труднее. Пишегрю, принявший командование Рейнской армией, в него поверил, а с Гошем, командующим Мозельской армией, отношения не сложились.

Довольно сложно складывались и отношения с коллегами, депутатами Конвента, находившимися с различными миссиями в Эльзасе. Постоянно подчеркивая необычайный характер своей миссии, Сен-Жюст фактически противопоставил себя представителям при Мозельской армии Лакосту и Бодо. Конфронтация едва не стала причиной осложнений в военных делах. Когда совместные действия Рейнской и Мозельской армий поставили вопрос об их объединении, Сен-Жюст и Леба по согласованию с Комитетом общественного спасения назначили командующим соединенных армий генерала Пишегрю. Но когда они уехали на несколько дней в Париж, Лакост и Бодо сместили Пишегрю, назначив на его место Гоша. Назревавший конфликт едва удалось погасить благодаря вмешательству Комитета и проявленной Сен-Жюстом в этот момент терпимости. Полученный в Эльзасе урок не был для него напрасным, и в своих последующих миссиях в Северную армию он постоянно действует в тесном контакте с остальными комиссарами Конвента.

Из поездки в Париж Сен-Жюст и Леба возвращались в сопровождении Элизабет Дюпле, ставшей три месяца назад женою Филиппа, и составившей ей компанию его сестры Анриетты. Эту восемнадцатилетнюю девушку некоторые авторы со слов Элизабет Леба называют невестой Сен-Жюста. В переписке Филиппа с женою встречаются смутные намеки на начавшийся было роман и внезапный непонятный разрыв. Дружба Леба и Сен-Жюста от этого не пострадала, хотя в ней и появилась некоторая недосказанность; Леба не сопровождал Сен-Жюста во время последней миссии на Север, — но в это время Элизабет ждала ребенка. 9 термидора Филипп Леба по собственной воле разделил судьбу своих друзей — Максимилиана Робеспьера и Антуана Сен-Жюста.

Миссии Сен-Жюста и Леба в Рейнскую и Северную армии причисляют к наиболее успешным в истории революции. Самому же Сен-Жюсту этот опыт показал не только возможность, но и способы достижения общественного идеала. Условием восстановления боеспособности Рейнской армии, терпевшей одно поражение за другим, было не только усиление ее командного состава, не только укрепление воинской дисциплины. Последнее невозможно было без наведения порядка в снабжении армии и без создания надежного тыла. Вся тяжесть поставок для армии народные представители возложили на зажиточную часть местного населения — широкую известность получил, *например*,

²⁴ См.: Gross J. P. Saint-Just en missions: la naissance d'un mythe // Actes. P. 37—69.

приказ разуть в двадцать четыре часа десять тысяч страсбургских «аристократов», чтобы обути босых солдат. Но и сами солдаты, среди которых было немало волонтеров, оставивших дома семью, не должны были испытывать беспокойства о том, что земля их останется необработанной, что дети или престарелые родители окажутся без помощи и поддержки в трудное время. И в разные концы страны отправлялись письма комиссаров Конвента с требованием оказать помощь той или иной семье защитника отечества. В прифронтовых районах, в тех департаментах, на которые распространялась власть народных представителей в миссии, Сен-Жюст и Леба изыскивали способы оказания и непосредственной помощи «неимущим патриотам». Средства для этого дали девятимиллионный принудительный заем, наложенный на страсбургских богачей, и аналогичный пятиллионный заем в Нанси. Большая часть поступлений от этих займов предназначалась для нужд армии и для укрепления крепостей Страсбурга и Нанси, но соответственно два миллиона и один передавались в распоряжение муниципалитетов для помощи «неимущим патриотам».

Именно во время миссии в Эльзасе Сен-Жюст увидел в системе революционного порядка управления ту силу, те органы, на которые можно опереться при осуществлении программы более широких социальных преобразований — народные общества и наблюдательные, или революционные, комитеты. Еще до декрета 14 фримера (4 декабря 1793 г.), возложившего на эти комитеты «проведение революционных законов и мер общественной безопасности и общественного спасения», Сен-Жюст поручает наблюдательным комитетам Страсбурга и Нанси выполнение постановлений о принудительном займе, привлекает народные общества к распределению и выполнению реквизиций; он советуется с ними при назначении или смещении должностных лиц; муниципалитетам, коммунаам поручалось оказание помощи «неимущим патриотам». И именно на коммуны, народные общества и их наблюдательные комитеты декретом 13 вантоза (3 марта 1794 г.) возлагалась вся подготовительная работа на местах для определения «способов удовлетворить всех обездоленных за счет имущества врагов революции» (с. 119).

Идея использовать собственность врагов революции для удовлетворения нужд ее защитников, продиктованная самой логикой борьбы, стала популярной зимой 1793/94 г. Попытки осуществления предпринимались в различных департаментах по инициативе и местных органов, и комиссаров Конвента начиная с осени 1793 г. Подобные требования звучали в Генеральном совете Парижской коммуны и в Якобинском клубе. С предложением «просить Конвент принять декрет о передаче республиканцам земель, находящихся в руках врагов государства», выступил в конце октября Шометт. О необходимости «передать санкюлотам все, что теряют аристократы», говорил Анрио, командующий Национальной гвардией Парижа. 7 плювиоза (26 января 1794 г.) в Конвенте Кутон предложил «наложить секвестр на имущества лиц, арестованных как подозрительные», но предложение это не было принято.²⁵

²⁵ См.: Собыль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966. С. 337—340; Чупрун Н. И. Сен-Жюст и вантозские декреты // Проблемы якобинской диктатуры. Одесса, 1962. С. 441—442.

Однако, провозгласив программу вантозских декретов, Сен-Жюст не только подхватил популярные лозунги. Им руководили не прагматические соображения, а намерение произвести «революцию в гражданском состоянии» (с. 120). Начиная с 8 вантоза он во всех своих программных выступлениях говорит о необходимости установлений, «которые являются душою Республики» (с. 110), без которых «нет прочной свободы», поскольку «они поддерживают любовь к отечеству и самый революционный дух, когда революция прошла» (с. 167). «Только установления создают гарантии власти и заставляют человеческую гордость навсегда склониться перед общественной свободой» (с. 171). Более того, в принятый по его докладу декрет 27 жерминаля (16 апреля 1794 г.) «Об общей полиции» была включена статья, предлагающая Конвенту выделить из своей среды комиссию для составления «собрании гражданских установлений, предназначенных охранять права и дух свободы» (с. 170). Оставшиеся месяцы до 9 термидора Сен-Жюст, очевидно, был в основном занят разработкой системы республиканских установлений, которые, охватив все стороны жизни общества, все отношения его членов в единстве содержания и внешних его проявлений, должны были стать не просто дополнением к конституционным законам, но условием их действительности.

Оставшиеся разрозненные записи, изданные в 1800 г. под названием «Фрагменты Республиканских установлений», с наибольшей полнотой отразили представление Сен-Жюста о том, каким должно стать французское общество в результате революции. В этом обществе «не должно быть ни богатых, ни бедных», потому что «роскошь — это позор» (с. 294); в этом обществе каждый обязан трудиться, поскольку, «если все будет трудиться, установится изобилие <...> не будет больше порока» (с. 291). Огромное значение Сен-Жюст придает воспитанию достойных граждан республики, подготовленных к труду и к защите отечества; он вдохновляется установлениями древней Спарты и идеалами Платоновой республики, идеями Руссо.

В «Республиканских установлениях» особенно проявились характерная для Просвещения уверенность, что стоит дать народу разумные законы, соответствующие природе человека, и все встанет на свое место, а также присутствующее эгалитарной утопии стремление к жесткой, порою мелочной регламентации — от ежегодных отчетов граждан об употреблении своего состояния до предписания не есть мясо в определенные дни декады. Но в то же время интересны его соображения о связях между экономикой и «нравами»: «Эти два предмета имеют столь много общего, что почти невозможно рассматривать их по отдельности. Немногие правительства могут устоять перед пороками своей экономической системы» (с. 292). Рассматривая «нравы», т. е. традиции, обычаи в их положительном проявлении как цель и в то же время условие существования Республики, Сен-Жюст замечает, что «если бы у нас были (добрые. — Т. Ч.) нравы, все пошло бы хорошо; чтобы улучшить их, нужны установления» (с. 285), а в другом месте утверждает: «чтобы изменить нравы, нужно начать с удовлетворения потребностей и интересов; нужно всем дать немного земли» (с. 294). Теми же мыслями пронизаны его доклады 8 и 23 вантоза (26 февраля и 13 марта 1794 г.).

В программе вантозских декретов были и конъюнктурные моменты. Революционное правительство несколько месяцев подвергалось непрерывным ата-

кам и справа, и слева, причем левые в значительной мере опирались на поддержку муниципальных органов Парижа, на секции, выражали настроения народных масс. Со всех сторон звучали требования положить конец злоупотреблениям властью и необоснованным репрессиям.

Программа вантозских декретов была выдвинута от имени правительственных комитетов. Но ближайшие единомышленники Сен-Жюста Робеспьер и Кутон ни разу в своих публичных выступлениях не коснулись этого вопроса; к тому же оба в течение месяца отсутствовали из-за болезни.²⁶ Социальные идеалы Робеспьера и Сен-Жюста были сходными, но, возможно, пути достижения цели представлялись им по-разному. Высказывалось предположение, что союзниками Сен-Жюста здесь были скорее левые из Комитета общественного спасения, Бийо-Варенн и Колло д'Эрбуа.²⁷ Но Бийо-Варенн, чьи социальные идеи, судя по опубликованным в начале 1793 г. «Основаниям республиканизма», были действительно очень близки Сен-Жюсту,²⁸ находился в это время в миссии в Сен-Мало. Итак, не исключено, что большинство членов правительственных комитетов дало себя уговорить лишь из страха перед народным движением, рассматривая вантозские декреты как своего рода политический маневр. Аналогичная ситуация сложилась и в Конвенте, где большинство составляла «Равнина», депутаты, представлявшие интересы новой революционной буржуазии и поддерживавшие Революционное правительство лишь постольку, поскольку оно было необходимо для защиты позиций, завоеванных ими в ходе революции. Голосуя за принятие вантозских декретов, они рассматривали их скорее как способ успокоения народных масс. Последующее развитие событий пошло именно в этом направлении, и Сен-Жюст вольно или невольно играл в этом центральную роль.

III

Та роль, которую сыграл Сен-Жюст в политической жизни Республики весной 1794 г., представляется порою даже историкам, симпатизирующим робеспьеристам, несколько зловещей: четыре обвинительных доклада в Конвенте менее чем за месяц. Три политических процесса над ведущими деятелями революции, ответственность за которые он во многом взял на себя, сделали Сен-Жюста едва ли не центральной фигурой террора.

Через все программные доклады Сен-Жюста красной нитью проходит мысль о том, что построить, укрепить Республику можно лишь при условии единства всех патриотических, революционных сил. Фракции, «снисходительные» и «крайние», своей деятельностью разрушают это единство, раскалывают народ, — так считал Сен-Жюст. Ему, вероятно, казалось, что достаточно обезглавить фракции, чтобы, покончив с ними, расчистить путь республике равенства и справедливости.

²⁶ См.: Palmer R. R. *Twelve who ruled*. Princeton, 1941. P. 284.

²⁷ Ibid. P. 285.

²⁸ Abensour M. L. *Philosophie politique de Saint-Just* // AHRF. 1966. № 186. P. 350—356. Ср.: Жорес. Т. 6. С. 48—60.

Резкая активизация деятельности фракций и борьба между ними в январе—феврале 1794 г., в условиях относительной стабилизации положения на фронтах, сделала само существование фракций вопросом жизни и смерти для революционного правительства. Явился ли призыв к восстанию, прозвучавший 14 вантоза (4 марта 1794 г.) в клубе Кордельеров, лишь поводом для нанесения удара по его лидерам, сказалось ли это на мере пресечения их деятельности, но процесс и казнь эбертистов окончательно решили и судьбу их противников дантонистов.

В первоначальном варианте обвинительного доклада Сен-Жюста против дантонистов имелись неточности, и Робеспьер, по поручению ли Комитета или по собственной инициативе, взялся поправить его, а заодно дополнил сведениями, неизвестными Сен-Жюсту.²⁹ Окончательный текст был утвержден на соединенном заседании Комитетов общественного спасения и общей безопасности в ночь с 10 на 11 жерминаля, еще до того как был подписан приказ об аресте Дантона, Демулена, Делакруа и Филиппо. Год спустя Марк Вадье, член Комитета общей безопасности, рассказывал, что Сен-Жюст, настаивая, чтобы арест депутатов-дантонистов был произведен решением самого Конвента, чтобы обвинительный доклад был прочитан в присутствии самих обвиняемых, в гневе бросил в огонь свою шляпу, выскочил из зала заседаний комитетов, хлопнув дверью, и его едва удалось убедить в необходимости немедленно арестовать дантонистов, дабы не подвергать излишней опасности революционное правительство.³⁰

Конечно, главное из обвинений, выдвинутых против Дантона, — в стремлении восстановить во Франции королевскую власть — было абсурдно; конечно, отрицание всех его заслуг перед революцией было по меньшей мере несправедливым. Но, хотел того Дантон или нет, к весне 1794 г. он стал центром притяжения всех, кто, получив свое, разбогатев за годы революции, теперь стремился остановить ее. Сен-Жюст считал, что именно они тормозят проведение в жизнь вантозских декретов.

Едва ли не самое примечательное в обвинительных докладах Сен-Жюста — оптимизм победителя, непоколебимая уверенность в том, что стоит приложить еще одно усилие, устранить с пути еще одно препятствие, еще одну фракцию, и цель будет наконец достигнута, свобода наконец укрепится, и Республика подойдет наконец к осуществлению своих идеалов, к установлению царства добродетели. И эта уверенность придавала особую убедительность его словам.

На мажорный тон настраивали и личные дела. Вероятно, в середине марта состоялась помолвка Луи Антуана Сен-Жюста и Анриеты Леба: 16 марта он перебрался из гостиницы на улице Гайон, где в течение полутора лет снимал две комнаты за 72 франка в месяц, в квартиру на улице Комартен 3, задолжав примерно за 10 месяцев и оставив в залог голубой сюртук и короб бумаг.³¹ Но мебелировка новой квартиры, потребовавшая денег, так и осталась

²⁹ Mathiez A. Les notes de Robespierre contre Dantonistes // Mathiez A. Études sur Robespierre. Paris, 1973. P. 121—156. См. также: *Робеспьер*. Т. 3. С. 142—153.

³⁰ Vellay Ch. Saint-Just et le procès des Dantonistes // AR. 1908. An. 1. P. 101—102.

³¹ См.: *Alger J. P.* Paris in 1789—1794. London, 1903. P. 455.

незавершенной.³² Разрыв произошел еще до конца апреля, и, похоже, личная драма была связана с определенным надломом в мировосприятии Сен-Жюста.

Разгром фракций не дал желаемого результата, не привел к консолидации сил, необходимой и для борьбы с контрреволюцией, и для осуществления социальной программы; эффект от принятия вантозских декретов оказался много меньшим, чем Сен-Жюст, по-видимому, рассчитывал.³³ Они не решали проблем текущего момента; проведение же подготовительных работ наталкивалось на упорное, хотя и глухое сопротивление зажиточной верхушки города и деревни, в руках которой находились органы местного управления, и со стороны выражавшей ее интересы в Конвенте «Равнины».

Доклад Сен-Жюста «Об общей полиции» уже далеко не столь оптимистичен, как предыдущие, хотя в нем еще звучит надежда. По тону и по содержанию он во многом напоминает доклад «О революционном порядке управления» и даже речь «О продовольствии». Сен-Жюст вновь обращается к анализу экономических трудностей, пытается найти средства их преодоления. И вновь он указывает на необходимость упорядочения и централизации управления таким образом, чтобы были учтены все интересы. Он говорит о необходимости «успокоить приобретателей» (с. 156) национальных имуществ, сетует на крайнюю затрудненность торговли, предлагает меры поощрения промышленности. Как непохоже это на то, что он писал Робеспьеру из Страсбурга четыре месяца назад: «Фабриканты не патриоты, они не желают работать, их нужно принуждать к этому» (с. 343). Может создаться впечатление, что Сен-Жюст забыл о провозглашенной им в вантозе программе. Но за несколько дней до этого доклада он составил циркуляр, подписанный затем всеми членами обоих комитетов, в котором давались пространные указания относительно всех подготовительных работ.³⁴ А в статье 3 предложенного декрета предусматривалось создание к 15 флореаля народных комиссий для рассмотрения дел заключенных.

С принятием вантозских декретов Сен-Жюст получил возможность на законных основаниях добиваться осуществления своей социальной программы, которой оставался верен до конца. И когда в отсутствие Сен-Жюста, находившегося в очередной миссии, Конвент принял по докладу Барера декрет о создании «Книги национальной благотворительности», который фактически подменял программу вантозских декретов мерами по оказанию материальной помощи преимущественно нетрудоспособным, последовал циркуляр Комитета общественного спасения от 1 мессидора (19 июня 1794 г.), отправленный за подписью Сен-Жюста, где разъяснялось, что «декрет 22 флореаля и все последующие законы об общественной помощи и искоренении нищенства отнюдь не освобождают муниципалитеты от предоставления списков неимущих своих коммун в соответствии с декретом 13 вантоза».³⁵

³² См.: *Vauthier G.* La succession de Saint-Just // AR. 1923. An. 15. P. 513—514.

³³ См.: *Собуль А.* Парижские санкюлоты... С. 340.

³⁴ См.: *Schnerb R.* Les lois de ventôse et leur application dans le département du Puy-de-Dôme // ANRF. 1934. № 65. P. 408; *Чупрун Н. И.* Сен-Жюст и вантозские декреты... С. 462.

³⁵ *Schnerb R.* Les lois... P. 405, 407—408; *Чупрун Н. И.* Сен-Жюст и вантозские декреты... С. 461—465.

Но при этом меры, предложенные Сен-Жюстом после принятия вантозских декретов в интересах имущих слоев, были также закономерны. И те и другие были направлены на стабилизацию режима. Однако эти два пути стабилизации были трудносовместимы. Разочарование в возможности быстрого осуществления социальной программы в масштабах всей страны, ожесточенное сопротивление со стороны имущих мерам, которые он с таким успехом применил в Эльзасе в экстремальных условиях прифронтовых районов, вызвали у него горькие слова: «Революция оледенела... Применение террора притупило преступление, подобно тому как крепкие напитки притупляют вкус. Несомненно, что еще не настало время делать добро. Отдельные проявления добра — это паллиатив. Необходимо ждать всеобщего зла, достаточно великого, чтобы общественное мнение испытало потребность в мерах, способных творить добро. Тот, кто приносит общее благо, всегда страшен, или кажется странным, если начинает слишком рано» (с. 290).

Подчеркнув еще в докладе 8 вантоза отличие террора от непреклонного революционного правосудия (справедливости), Сен-Жюст несколько разошелся с Робеспьером, отождествлявшим эти два понятия: «Террор есть не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость».³⁶ В докладе 26 жерминаля Сен-Жюст требовал не усиления террора, а его централизации и упорядочения. Печально знаменитый закон 22 прериала (10 июня 1794 г.) был принят на следующий день после отъезда Сен-Жюста из Парижа с новой (последней) миссией по докладу Кутона и при непосредственном участии Робеспьера. За две недели до этого Сен-Жюст был вызван в Париж в самый разгар боевых действий, возможно, именно для обсуждения проекта этого закона — во всяком случае ничего более, что требовало бы его присутствия в Комитете, не обнаружено.³⁷ По логике вещей именно Сен-Жюст должен был внести в Конвент подобный законопроект — не случайно Жорж Лефевр усмотрел определенную связь между вантозским законодательством и законом 22 прериала.³⁸ Заметим, что еще ранее, также в отсутствие Сен-Жюста, Комитет общественного спасения постановил создать в г. Оранж народную комиссию из пяти членов для суда над мятежниками Юга, процессуальные нормы для которой определяли инструкции Комитета, ставшие прообразом закона 22 прериала. Закон этот, чрезвычайно расширивший толкование понятия «враг революции» и до предела упростивший судебную процедуру, закон, на который Робеспьер возлагал большие надежды, лишь еще более осложнил его положение, сделавшись орудием в руках его врагов.

Близкий друг Сен-Жюста Пьер Гато писал впоследствии, находясь в термидорианской тюрьме: «Я был свидетелем его негодования при чтении закона 22 прериала <...> Но, — добавлял Гато, — в то же время я должен сказать, что он неизменно с восхищением говорил о талантах и суровой добродетели Робеспьера, перед которым он всегда преклонялся» (V. I. P. XII—XIII). В своих целях и стремлениях Робеспьер и Сен-Жюст оставались едины.

³⁶ *Робеспьер*. Т. 3. С. 112.

³⁷ Едва ли не первым обратил внимание на странность этого вызова в Париж Э. Амель: *Hamel*. P. 512—514.

³⁸ См.: *Lefebvre G.* Sur la loi du prairial an II // *AHRF*. 1951. № 121. P. 225—256.

Из своей последней миссии Сен-Жюст возвратился в Париж 10 мессидора (28 июня 1794 г.), возвратился победителем: 7 мессидора был наконец взят Шарлеруа, а на следующий день армия Журдана нанесла поражение войскам герцога Кобургского при Флёрюсе. Столько сил и энергии вложил он в организацию этой победы, но победа его не радовала. Он даже отказался доложить о ней Конвенту.³⁹ С каждой новой победой французских армий уменьшалась угроза реставрации монархии, а вместе с нею уменьшалась и та сила, которая принуждала буржуазию мириться с ограничениями экономической свободы и с вмешательством государства в ее дела, а санкюлотов — с экономическими трудностями. Социальная база якобинской диктатуры все более размывалась. Новый заговор объединил остатки эбертистов и дантонистов и всех, кто по тем или иным причинам опасался революционного правительства. Противопоставить этому заговору можно было лишь единство правительства, но положение давно осложнялось соперничеством между комитетами общественного спасения и общей безопасности; теперь к нему добавились разногласия внутри Комитета общественного спасения, разногласия, вызванные не только различием политических устремлений, но и столкновением характеров.

Все же Сен-Жюст не отказывался от борьбы и за восстановление единства действий в правительстве, и за осуществление провозглашенной в вантозе программы. Ради этого он готов был пойти и шел на некоторые компромиссы. Так, на совместном заседании комитетов 4 и 5 термидора (22 и 23 июля 1794 г.) он согласился с отправкой на фронт канониров Национальной гвардии Парижа, являвшихся опорой робеспьеристской Коммуны, но добился принятия решения о создании четырех народных комиссий, предусмотренных декретом 23 вантоза — две первые комиссии были созданы в конце флореала и рассматривали дела заключенных парижских тюрем.⁴⁰ Тогда же комитеты поручили Сен-Жюсту представить Конвенту доклад о политическом положении, тот самый доклад, который ему так и не удалось произнести на заседании 9 термидора.

События 9 и 10 термидора достаточно хорошо известны. Мы никогда в точности не узнаем причин загадочного молчания Сен-Жюста во время бурного заседания Конвента, после того как Тальен прервал его речь. Мы никогда не узнаем, почему этот человек действия, единственный из робеспьеристов, кто действительно обладал военным опытом, ничего не сделал для организации вооруженных сил восставшей Коммуны.

Он не оказал никакого сопротивления при аресте и вечером 10 термидора молча и спокойно взшел на эшафот.

«Он остался воплощением Революции II года, во всем ее величии, как и во всех ее противоречиях», — заметил Альбер Собуль (D. P. 37).

³⁹ См.: *Barere B. Mémoires*. Paris, 1842. Т. 2. P. 158.

⁴⁰ *Mathiez A. Les séances 4 et 5 thermidor an II aux deux Comites de salut public et de sûreté générale // Mathiez A. Girondins et Montagnards*. Paris, 1938. P. 149—150, 161—162.

ПРИМЕЧАНИЯ

При жизни Сен-Жюста увидели свет два его больших сочинения, изданные самим автором еще до избрания его депутатом Конвента — поэма «Органт» (*Organt, poëme en vingt chants. Au Vatican [Paris], 1789*) и включенный в настоящее издание философско-политический трактат «Дух Революции и Конституции во Франции» (*L'Esprit de la Révolution et de la Constitution de France, par Louis Léon de Saint-Just, électeur au département de l'Aisne pour le canton de Blérancourt, district Chauni. Paris, 1791*).

В 1792—1794 гг. почти все выступления Сен-Жюста в Конвенте (в том числе все включенные в настоящее издание) публиковались в «*Moniteur universel*», как правило, в ближайшие день-два после самого выступления. Многие из них по решению Конвента были выпущены отдельными брошюрами, и титулы этих изданий, сведения о которых собраны Ш. Велле (*Vellay Ch. Essai d'une bibliographie de Saint-Just // RHRF. 1910. P. 418—425*), послужили основой для озаглавливания речей и докладов Сен-Жюста в настоящем издании. В «*Moniteur*» были опубликованы также некоторые из постановлений Сен-Жюста во время его миссий в Рейнскую и Северную армии. В 1800 г. вышли «Фрагменты республиканских установлений» (*Fragments sur les Institutions républicaines. Ouvrage posthume de Saint-Just. Paris, 1800*).

На протяжении XIX в. во Франции вышло в свет несколько более или менее совпадающих по содержанию изданий сочинений Сен-Жюста (см.: *Vellay Ch. Essai ... P. 425—435*).

В 1908 г. Ш. Велле выпустил двухтомное «Полное собрание сочинений Сен-Жюста» (*Saint-Just L. A. Oeuvres compl. de Saint-Just / Ed. Ch. Vellay. Paris, 1908. T. 1—2*), в которое вошли почти все известные к тому времени сочинения Сен-Жюста (не вошли по неясным причинам «История замка Куси» и комедия «Арлекин Диоген», которые сам же Ш. Велле частично или полностью опубликовал в *Revue bleu* 24 марта 1906 и 27 июля 1907 г.). Это издание стало основой для всех последующих публикаций вплоть до конца 40-х—начала 50-х годов, когда А. Собуль опубликовал в АНRF тексты поступивших в 1944—1946 гг. в Национальную библиотеку в Париже рукописей Сен-Жюста, в том числе «Республиканских установлений», «О природе, Гражданском состоянии и Гражданской общине, или Правила независимости управления» и «Переписки и деловых документов Сен-Жюста и Леба, посланных с чрезвычайной миссией в Рейнскую армию» (*Soboul A. 1) Les Institutions républicaines de Saint-Just d'après les manuscrits de Bibliothèque Nationale // АНRF. 1948. № 111. P. 193—262; 2) Notes inédits de Saint-Just // АНRF. 1949. № 116. P. 289—292; 3) Un manuscrit inédit de Saint-Just. De la Nature, de l'Etat civil, de la Cité ou les Règles de l'indépendance du Gouvernement // АНRF. 1951. № 124. P. 321—359; 4) Sur la mission de Saint-Just à l'armée du Rhine (Brumaire an II) // АНRF. 1954. № 136, 137*). Собулю же принадлежит первое и пока единственное критическое издание речей и докладов Сен-Жюста (*Saint-Just L. A. Discours et rapports / Introd. et notes d'A. Soboul. Paris, 1956*; неоднократно переиздавалось).

Наиболее полным сейчас является вышедшее в 1984 г. издание М. Дюваля: *Saint-Just L. A. Oeuvres compl. / Ed. M. Duval. Paris, 1984*. Настоящее издание было сверено с этим изданием и в ряде случаев существенно дополнено: Дюваль дает наиболее полное прочтение трудночитаемых и зачеркнутых мест рукописей. Сведения о происхождении публикуемых текстов почерпнуты в статье: *Gross J. P. L'oeuvre de Saint-Just: Essai de bibliographie critique // Actes. P. 345—363*.

Настоящее издание продолжает публикацию в серии «Литературные памятники» произведений деятелей Великой французской революции (*Марат Ж.Л. Избранные произведения. М., 1956. Т. 1—3; Робеспьер М. Избранные произведения. М., 1965. Т. 1—3*). Публикация книги «Речи. Трактаты» Сен-Жюста является первым систематическим изданием на русском языке работ виднейшего руководителя революционного правительства. В центре издания свод его речей и докладов в Конвенте (1792—1794 гг.). В настоящее издание не вошли краткие выступления в прениях 4 ноября 1792 г. в Якобинском клубе, 12 декабря 1792 г. и 12 февраля 1793 г. в Конвенте; речь 31 марта 1793 г. в Якобинском клубе, известная лишь по краткому газетному отчету; доклад

Конвенту 9 августа 1793 г., представляющий собою краткую преамбулу к проекту декрета, который не был принят. Включены все философско-политические произведения — трактаты, которые образуют органическое единство с выступлениями в Конвенте и находятся в прямой текстуральной связи с ними. С целью создания целостного представления о Сен-Жюсте как революционном деятеле и полного впечатления о его творчестве публикуются также тексты постановлений Сен-Жюста в качестве комиссара Конвента и наиболее существенные в биографическом и литературном плане личные письма.

Большая часть публикуемых произведений Сен-Жюста на русский язык не переводилась, за исключением следующих.

1. «Первая речь о суде над королем» // Беркова К. Н. Процесс Людовика XVI. М., 1923. С. 90—95.

2. Речь «О продовольствии»:

1) Речь Сен-Жюста по продовольственному вопросу, произнесенная в заседании Национального конвента 29 ноября 1793 г. // Захер Я. М. История Великой французской революции: Учебник и хрестоматия. Пг., 1923. С. 87—97 (отсутствует в 4-м изд.: Л., 1927); 2) Речь Л. А. Сен-Жюста в Конвенте о продовольствии 29 ноября 1792 г. // Документы истории Великой французской революции: Учебное пособие / Под ред. А. В. Адо. М., 1990—1992. Т. 1, 2.

3. «Вторая речь о суде над королем» // Беркова К. Н. Процесс... С. 201—203 (в сокр.).

4. Речь «О реорганизации армии»:

Речь Сен-Жюста в Конвенте о реорганизации армии 12 февраля 1793 г. // Документы истории Великой французской революции. Т. 1. С. 362—364 (в сокр.).

5. Речь «О Конституции Франции»:

Речь Сен-Жюста о конституции от 24 апреля 1793 г. // Захер Я. М. История... С. 103—109 (в сокр.; в 4-м изд. отсутствует).

6. Доклад «О революционном порядке управления»:

1) Доклад, сделанный от имени Комитета общественного спасения гражданином Сен-Жюстом о необходимости prolongировать существование временного правительства революционной Франции до заключения мира. 10 октября 1793 г. (19 вандемьера II г.) // Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента (1792—1794): Сб. документов и материалов / Под ред. Н. М. Лукина. М., 1927. С. 27—33 (в сокр.); 2) Доклад Сен-Жюста о необходимости провозгласить временный революционный порядок управления вплоть до подписания мира. 10 октября 1793 г. // Документы истории Великой французской революции. Т. 1. С. 231—237 (в сокр.).

7. Доклад «О лицах, содержащихся в тюрьмах»:

1) Заседание Конвента 26 февраля 1794 г. (8 вантоза II г.) // Революционное правительство... С. 535—538 (в сокр.); 2) То же // Документы истории Великой французской революции. Т. 2. С. 113—115.

8. Доклад «О способе проведения в жизнь декрета против врагов революции»:

О способе проведения в жизнь декрета, направленного против врагов революции 13 вантоза II г. // Интернациональная литература. 1939. № 56. С. 133—134.

9. Доклад «О фракциях, направляемых из-за границы»:

Заседание Конвента 13 марта 1794 г. (23 вантоза II г.): Речь Сен-Жюста по поводу восстания кордельеров // Революционное правительство... С. 543—547 (в сокр.);

О сообществах, состоящих на службе у иностранных держав. 23 вантоза II г. // Интернациональная литература. 1939. № 56. С. 134—145.

10. Доклад «О новом заговоре» // Дантон, министр юстиции Французской революции; его речи и суд над ним. Пг., 1917. С. 27—28.

11. Доклад «Об общей полиции»: Заседание Конвента 16 апреля 1794 г. (27 жерминаля II г.): Доклад Сен-Жюста, сделанный в связи с арестом дантонистов // Революционное правительство... С. 120—129 (в сокр.).

12. Миссия в Рейнскую армию:

1) Из приказов представителей народа Сен-Жюста и Леба, командированных в Рейнскую армию // Захер Я. М. История... С. 75—77 (в 4-м изд. отсутствует); 2) Народные представители в Рейнской армии Сен-Жюст и Леба — Комитету общественного спасения. Бич, 1 фримера II года — 21 ноября 1793 г. // Французская революция в провинции и на фронте. Л., 1924. С. 304—305; 3) Переписка и деловые документы народных представителей Сен-Жюста и Леба, посланных с чрезвычайной миссией в Рейнскую армию // События А. Из истории Великой буржуазной революции 1789—1794 годов и революции 1848 года во Франции / Под ред. А. В. Адо. М., 1960. С. 287—371.

13. Письмо Робеспьеру 19 августа 1790 г. // Переписка Робеспьера. Л., 1929. С. 86.

При подготовке текстов настоящего издания мы стремились следовать тем принципам, которые были предложены А. Д. Хаютиным для издания политических сочинений Ж. Ж. Руссо (*Хаяутин А. Д. Некоторые вопросы нового перевода политических сочинений Ж. Ж. Руссо // Из истории якобинской диктатуры. Одесса, 1962. С. 522—541*), используя также составленный им терминологический словарь. В ряде случаев для более адекватной передачи терминов, не имеющих полного эквивалента в русском языке, в скобках приводится французское слово.

В комментариях использованы примечания Ш. Велле и А. Собоуля (D.), а также примечания к изданным им рукописям Сен-Жюста в AHRF в 1948—1954 гт.

РЕЧИ И ДОКЛАДЫ

О департаментской страже

(О предложении окружить Конвент вооруженной стражей, набранной в 83 департаментах. Речь, произнесенная в Якобинском клубе 22 октября 1792 г. — *Sur la proposition d'entourer la Convention nationale d'une Garde armée, prise dans les 83 Départements*)

Уже 23 сентября 1792 г., через день после начала работы Конвента, Ролан после обличения «анархистов» предложил Конвенту для безопасности своих заседаний учредить специальную охрану. 24 сентября началась дискуссия, во время которой жирондисты яростно нападали на монтаньяров и на Коммуну Парижа, на «этот сброд, принципы и цели которого мне неизвестны». В итоге Конвент постановил назначить шесть комиссаров, обязанных представить отчет о положении в Республике, и в частности в Париже, и предложить меры для организации департаментской стражи (М. XIV. Р. 40). 8 октября Бюзо представил Конвенту доклад по этому проекту (М. XIV. Р. 159). Дискуссия была отложена, ибо исключительные меры, направленные против народа Парижа, были заведомо непопулярны. Вопрос был поставлен в Якобинском клубе, где Сен-Жюст и произнес 22 октября речь, которую, очевидно, приготовил, чтобы произнести с трибуны Конвента.

Эта речь, как сообщал *Journal des Jacobins* (№ 288. Р. 4), вызвала «аплодисменты не столько горячие, сколько заслуженные», и общество приняло решение опубликовать ее (см.: *Aulard A. La société des Jacobins. Recueil des documents pour l'histoire de club des Jacobins de Paris / Réd. et introd. par A. Aulard. T. 1—6. Paris, 1889—1897. T. 4. P. 417*).

Хотя декрет об образовании департаментской стражи не был принят, в Париж прибыли отряды федератов из департаментов Буш-дю-Рон, Кальвадос, Ла-Манш; они требовали права служить Конвенту вместе с Национальной гвардией Парижа. 10 ноября Военный комитет Конвента предложил отправить их на фронт. Тем не менее часть федератов осталась в Париже и попала под якобинское влияние. В конце декабря вместе с активистами парижских секций они создали в помещении Якобинского клуба свое объединение — «Общество защитников Республики единой и неделимой», которое было одним из инициаторов антижирондистских выступлений 9—10 марта 1793 г. (см.: *Caron P. Les «défenseurs de la République» // RF. 1933. P. 193—235*).

1 ...*окружить себя войсками...* — Слово «*milice*», употребленное в оригинале, не имеет в русском языке точного эквивалента. В дореволюционной Франции им обозначались в отличие от «линейных войск» (см. «Дух Революции», кн. 3, гл. XVI) внутренние войска, в мирное время отвечающие за охрану порядка, а во время войны включавшиеся в действующую армию.

2 ...*священное содружество с представителями всей республики.* — Здесь и далее цитируется доклад Бюзо Конвенту 8 октября (М. XIV. Р. 153).

3 ...*что вы всегда должны собирать ее представителей.* — М. XIV. Р. 154.

4 *Домен (domaine).* — Употребление этого слова в значении «достоинство суверена» связано с тем, что территория Французского государства сложилась в результате расширения королевского домена главным образом за счет присоединения к нему земель феодальных владетелей. Первоначально «домен» — личное наследственное владение государя.

5 *Магистрат.* — Понятия «магистрат», «магистратура» в политической мысли Просвещения и революционной эпохи связаны с представлениями об институтах Древнего Рима, о выборных должностных лицах и самих должностях соответственно. В политико-правовой практике Старого порядка и первых лет революции словом «магистраты» обозначали чаще всего не должностных лиц вообще, а определенную их категорию — судейских, а также коллегиальные органы городского самоуправления.

⁶ Если бы к этой бдительности *с* общественного организма. — Ср.: «О природе, гражданском состоянии...» кн. 1, гл. V. Эти идеи восходят к рассуждениям Руссо о суверене в трактате «Об Общественном договоре».

⁷ ...стража *с* генеральному штабу Лафайета. — М. XIV. Р. 155. Бюзо вызывает в памяти постоянные страхи, которые испытывала демократическая общественность в ту пору, когда Лафайет был командующим Национальной гвардией Парижа.

⁸ Сантер. — Командующий Национальной гвардией Парижа до весны 1793 г.

⁹ ...о заговорах... — Здесь: «factions».

¹⁰ ...установление... — Здесь: «institution».

¹¹ Не говорите ему *с* изощренным оскорблением. — Бюзо заявил: «Париж ниспроверг деспотизм, Париж совершил революцию, Париж хорошо послужил свободе и отечеству» (М. XIV. Р. 154).

¹² ...кого двор называл мятежниками... — Имеется в виду кампания жирондистов против монаньяров и Коммуны Парижа как организаторов восстания 10 августа.

¹³ ...позволяет преступному семейству возбуждать из тюрьмы... — Речь идет о королевской семье, заключенной в Тампле.

¹⁴ ...судите жестокого врага *с* вписаны повсюду кровью народа. — Людовика XVI.

Первая речь о суде над королем

(Мнение гражданина Сен-Жюста, депутата департамента Эна, относительно суда над Людовиком XVI. Речь, произнесенная в Национальном конвенте 13 ноября 1792 г. — *Opinion du Citoyen Saint-Just, député du département de l'Aisne, concernant de jugement de Louis XVI*)

После народного восстания 10 августа Людовик XVI был в ожидании суда помещен в Тампле. Созданный 16 октября Комитет законодательства долго обсуждал процедуру предстоящего процесса. 7 ноября Майль от его имени сделал заключение, что Людовик может быть судим, что король не может ссылаться на принцип королевской неприкосновенности, провозглашенный Конституцией 1791 г., поскольку он нарушил эту конституцию; наконец, сама эта конституция более не существует, поскольку нация в результате восстания 10 августа возвратила свои права. Но Людовик не может быть судим ни обычной судебной палатой, ни специальным трибуналом — только Конвент, которому поручено дать Франции новую конституцию, который в этом своем качестве представляет всю нацию, может судить короля и составить обвинительный акт (М. XIV. Р. 414).

Дискуссия в Конвенте по докладу Майля открылась 13 ноября 1792 г. с принятия предложения Петиона, потребовавшего, чтобы прежде был обсужден вопрос «Может ли король быть судим?». Мориссон, депутат от Вандеи заявил, что законной основы для процесса нет (М. XIV. Р. 464).

Тогда слово взял Сен-Жюст. На трибуну Конвента он поднялся впервые, и его речь произвела впечатление даже на Жиронду. «В этой речи есть, — писал Бриссо в своей газете, — блистательные места, талант, который может сделать честь Франции». Газета «Републикен» отмечала: «Невозможно царствовать и не быть виновным», — именно ты, Сен-Жюст, провозгласил так просто эту великую извечную истину. И именно ты доказал ее с не меньшей энергией с трибуны Конвента. Мы приглашаем всех, кто желает составить верное и точное представление об этом важном вопросе, касающемся суда над бывшим королем французов, прочесть мнение Сен-Жюста об этом предмете; они найдут там много рассуждений, глубокие взгляды и философию законодателя, столь необходимую тем, кто должен составить общественный договор великой нации (V. I. Р. 364).

По решению Конвента речь была опубликована отдельной брошюрой, переиздавалась в департаментах.

Открытие 20 ноября 1792 г. «железного ящика», потайного шкафа, сделанного по указанию Людовика в одной из стен Тюильри, и содержащихся в нем бумаг, которые раскрывали тайные связи короля с врагами Франции, сделало невозможным дальнейшее откладывание процесса. 6 декабря Конвент назначил комиссию, чтобы подготовить «документ, свидетельствующий о преступлениях Людовика Капета» (D. Р. 69—70).

¹ ...не гражданским законом, а законом международного права. — Начиная с первого трактата Сен-Жюст противопоставляет правопорядок внутри общества, основанный на естественных

связях и общих интересах гражданской общины, и правопорядок международных отношений, который основан на силе. Поскольку король выступал против народа, он, по логике Сен-Жюста, оказывается вне общества и по существу — вне закона. Затем та же логика обратилась против жирондистов, против лидеров клуба Кордельеров, против группы Дантона и т. д.

2 ...без всякого иного закона, кроме свободы Рима. — Убийство Гая Юлия Цезаря являлось популярным в революционной Франции нравоучительным примером, которым оправдывали исключительные меры в борьбе против деспотии и, в частности, против опасности личной диктатуры.

3 Мы стремимся к природе, а сами постоянно вооружены, подобно саврепым дикарям. — Противопоставление основано на том, что «природа», или «естественное состояние», — это для Сен-Жюста идеальная и гармоничная общественная жизнь. Напротив, «дикари» — это антиидеал, который применим и в первую очередь применяется Сен-Жюстом к людям современных обществ, пребывающих в «неестественном» состоянии.

4 ...после шести веков добродетели и ненависти к царям... — Эпоха Римской республики продолжалась от изгнания из Рима последнего царя Тарквиния Гордого в 510 (или в 507) г. до н. э. до 30 г. до н. э., т. е. менее пяти веков.

5 ...если Великобритания \in возрождения королевской власти... — Монархия в Англии была восстановлена в 1660 г.

6 Людовик \in не подлежит гражданскому суду. — Сен-Жюст обосновывает необходимость политического процесса.

7 ...наши обязательства по отношению к нему... — Согласно Конституции 1791 г., на которую ссылались защитники короля.

8 ...обагрили даже изображение Брута... — Изображение Брута украшало зал заседаний Конвента в Манеже.

9 Разве не произвел он смотра \in помешать им стрелять? — 10 августа Людовик XVI сделал смотр швейцарской гвардии, которая охраняла Тюильри. В начале боя он укрылся вместе с семьей в Законодательном собрании.

10 Разве не была подвергнута осуждению память Кромвеля? — Реминисценция римского закона об «осуждении памяти», предписывавшего поругание праха и уничтожение изображений одиозного властителя. Прах Кромвеля после реставрации монархии действительно был предан поруганию.

11 Не было ничего в законах Нумы \in судить Тарквиния... — Согласно античной традиции, Нума был вторым царем Рима, давшим ему многие из его установлений; Тарквиний Гордый — последним царем.

12 ...не было ничего в законах Англии \in судить Карла I. — Карла I судил в январе 1649 г. Верховный суд, назначенный Долгим парламентом, который незадолго до того провозгласил себя верховным органом государства. Из 135 комиссаров, составлявших суд, смертный приговор королю подписали 59.

13 ...нет необходимости представлять \in на утверждение народа... — Майль отверг это мнение, к которому склонялись многие жирондисты. Утверждение приговора народом дало бы Людовику шанс для спасения.

14 ...чем смерть Леопольда и Густава. — Леопольд II, австрийский император в 1790—1792 гг., один из создателей первой антифранцузской коалиции, был, по слухам, отравлен. Шведский король Густав III пал в 1792 г. от руки заговорщика.

15 ...что спас отечество. — Сен-Жюст имеет в виду Цицерона, который при ликвидации заговора Катилины пошел на нарушение закона и оправдывался тем, что спас отечество.

16 ...он виновник кровопролития в Бастилии, в Нанси, на Марсовом поле, в Турне, в Тюильри... — Имеются в виду взятие Бастилии (14 июля 1789 г.), подавление восстания солдат швейцарского полка Шатовье в Нанси (31 августа 1790 г.), расстрел на Марсовом поле участников подписания антимонархической петиции (17 июля 1791 г.), паника и разгром французских войск в Турне в Бельгии (30 апреля 1792 г.), штурм Тюильри (10 августа 1792 г.).

О продовольствии

(Мнение гражданина Сен-Жюста о продовольствии. Речь, произнесенная в Конвенте 29 ноября 1792 г. — Opinion du citoyen Saint-Just sur les subsistances)

Урожай 1792 г. был хороший, но зерно не поступало в обращение; землевладельцы и фермеры не спешили обменять его на обесценивающиеся ассигнаты. Приняты в сентябре 1792 г. зако-

ны давали возможность сломить сопротивление производителей, предписывая учет зерна и разрешая его реквизицию, но жирондисты, и в частности министр внутренних дел Ролан, саботировали их применение. С начала осени серьезные волнения, вызванные дороговизной продовольствия, охватили многие города и деревни. Бунтовщики требовали твердых цен на зерно и устанавливали их силой (см.: *Адо А. В. Крестьяне и Великая французская революция. М., 1987. С. 277—288*).

Дискуссия в Конвенте по проблеме продовольствия была открыта 3 ноября докладом Фабра из департамента Эро от имени Комитета земледелия и торговли, продолжена 16 и 29 ноября и завершена, по-видимому, 8 декабря принятием закона о свободе торговли (см.: *Жорес. Т. 3. С. 316—438*). Участие в дискуссии Сен-Жюста было замечено. Причем современники, и жирондисты, и «бешеные», обратили внимание прежде всего на осуждение им насильственных законов относительно торговли. «Сен-Жюст излагает вопрос фундаментально, во всех его политических и нравственных аспектах; он обнаруживает ум, горячность и философию и делает честь своему таланту, защищая свободу торговли», — писал 30 ноября в своей газете Бриссо (цит. по: *Namel. P. 133*). А в феврале «бешеные» нападали на Сен-Жюста за его утверждение, что невозможен хороший закон о продовольствии. Марат основной смысл речи Сен-Жюста увидел в ином: «Он очень хорошо, хотя и слишком пространно, показал, что мы далеко еще не свободны, что источником всех зол, терзающих нас, являются наш эгоизм, наши пороки, что если мы не примем предосторожности, свобода станет для нас лишь горестным сном, который закончится страшным пробуждением».¹

Собуль утверждал: «Монтаньяры оставались настолько привержены принципу экономической свободы, что лишь в результате крайнего обострения положения летом 1793 г. и последовавшего затем давления народа вынуждены были пойти на издание закона 29 сентября 1793 г., установившего всеобщий максимум. В этом проявилась ограниченность экономической мысли монтаньяров, включая робеспьеристов, и в частности Сен-Жюста» (*D. P. 85—86*). Однако, по мнению Ш. Мишале, Сен-Жюст уже в ноябре 1792 г. «выступал не столько против вмешательства государства в экономические дела, сколько против неэффективности частичных вмешательств» (*Michalet Ch. A. Économie et politique chez Saint-Just: l'exemple de l'inflation // Actes. P. 186*). Позицию Мишале во многом разделяет Ф. Готье, обратившая внимание на связь экономических взглядов Сен-Жюста с учением Мабли.²

¹ ... я не разделяю мнение Комитета... — Комитет земледелия и торговли подготовил проект закона о продовольствии, в котором предполагалась регламентация торговли.

² *Феро* *со* опирался на *Смита* и *Монтескье*. — Депутат от департамента Верхние Пиренеи *Феро* потребовал 16 ноября «самой полной» свободы хлебной торговли (*M. XIV. P. 493*).

Трудно сказать, был ли Сен-Жюст знаком с экономической теорией Адама Смита. М. Доманже считал, что Сен-Жюст лишь повторил это имя вслед за *Феро* (*Dommanget M. Position contraires de Saint-Just sur le plan économique // Dommanget M. Saint-Just. Paris, 1971. P. 178*). М. Лutfала уверен, что Сен-Жюст «знал Адама Смита» (*Lutfalla M. Saint-Just analiste de l'inflation révolutionnaire // Rev. d'histoire économique et sociale. Paris, 1966. Vol. 44. N 1. P. 243*). Ш. Мишале отметил несовместимость экономического индивидуализма А. Смита и антииндивидуалистических представлений Сен-Жюста о гражданской общине (*Michalet Ch. Économie... P. 194—195*).

³ *Бэфруа* *со* не указал, как их применять. — *Бэфруа*, депутат департамента Эна, предложил 16 ноября регламентацию торговли зерном (*M. XIV. P. 494*). *Бэфруа*, прокурор Ланской коммуны в 1790 г., член директории департамента Эна, был земляком Сен-Жюста, и их взгляды формировались в сходной социальной среде.

⁴ *Знаками* должны быть *со* а не сами земли. — Ассигнаты представляли стоимость владений, поступивших в продажу, а не только годичную продукцию; этот излишек перегружал денежное обращение.

⁵ ... в обращении находятся и фонды, их обеспечивающие. — Первоначально ассигнаты выпускались лишь крупного достоинства — не менее 50 франков; для облегчения размена «патриотические кассы» в Париже и в других крупных городах стали выпускать «билеты доверия»; вскоре к их выпуску приступила администрация отдельных дистриктов и даже частные компании.

¹ *Марат Ж. П. Избранные произведения. М., 1956. Т. 3. С. 186.*

² *Gauthier Fl. De Mably à Robespierre. De la critique de l'économique à critique du politique // La guerre de blé au XVIII siècle. Paris, 1988. P. 111—144.*

«Билеты доверия» не всегда были обеспечены соответствующими фондами и дополнительно отягощали обращение. 8 ноября 1792 г. Конвент принял декрет, запрещающий эмиссии «билетов доверия». В обращение должны были поступить ассигнаты в мелких купюрах, и к 1 января 1793 г. надлежало изъять «билеты доверия» из обращения путем обмена их на ассигнаты (см.: Жорес. Т. 2. С. 326; Т. 3. С. 335—340).

⁶ *Теперь же они ведут ее посредством своего золота.* — Речь идет прежде всего об Англии, которая открыто вступила в войну лишь после казни короля, в феврале 1793 г.

⁷ *...сетовал, что земледельцы живут в роскоши.* — Имеется в виду Бефруа, но тот в своей речи 16 ноября (М. XIV. Р. 494—496) говорил о преуспевании крупных фермеров, ведущих хозяйство на основе наемного труда, и специально подчеркнул, что свобода торговли пойдет на пользу им, а не крестьянам (см. также: Жорес. Т. 3. С. 419—422). Сен-Жюст обошел вопрос о противоположности различных категорий сельских хозяев и типов хозяйствования на земле. Сделал он это сознательно, с полным пониманием существа дела. Не случайно он использует в своей речи термин «laboureur» (пахарь), обозначающий представителей крестьянской верхушки — своего рода промежуточную категорию между крупными фермерами и крестьянской массой «земледельцев» (см.: Адо А. В. Крестьяне... С. 47—48).

⁸ *Вы можете дать народу отечество...* — Ср. выше: «Народ, который несчастлив, не имеет отечества». Собуль увидел здесь «некоторое предвосхищение идей Маркса» (D. P. 80).

⁹ *...после эдикта 1763 года...* — Собуль отмечал, что было два эдикта (1761 г. и 1766 г.), поощрявших распаху нови освобождением от налогов на 15 лет (см.: Жорес. Т. 3. С. 437, примеч. 53). В 60—70-х годах XVIII в. королевская власть издала ряд постановлений в пользу распахивания пустошей, лугов и т. п., раздела общинных угодий. Новая государственная политика отражала, по мнению историков, общественное движение в сторону «аграрного индивидуализма» (см.: Адо А. В. Крестьяне... С. 59—60). Сен-Жюст выступает против последнего, исходя из интересов крепкого семейного хозяйства, которое нуждалось в общинных пастбищах, не имея возможности проводить практику «огораживаний».

¹⁰ *...в течение сорока лет сеньоры трижды захватывали общинные земли.* — Речь идет о возобновлении практики триажа, одним из проявлений «сеньориальной реакции» во второй половине XVIII в.: согласно эдикту 1669 г., сеньор мог потребовать себе в случае раздела общинных земель их треть. В 1790—1791 гг. Сен-Жюст выступал в качестве адвоката Блеранкурской коммуны в судебном процессе против сьера Грене по поводу отторгнутых им общинных земель.

¹¹ *...либо путем передачи земель нашим кредиторам...* — Это и было первоначальной целью выпуска ассигнатов. 2 ноября 1789 г. имущества церкви были национализированы; 19 декабря Учредительное собрание приняло решение о продаже церковных имуществ на 400 миллионов ливров и о выпуске ассигнатов на соответствующую сумму. Ассигнаты представляли собою вначале доходные пятипроцентные бумаги, которые принимались в уплату за церковные имущества; по мере их возвращения после продажи церковных имуществ ассигнаты подлежали уничтожению. Таким образом погашался государственный долг. Однако, не имея наличных денег для нужд казны, Учредительное собрание 27 августа 1790 г. превратило ассигнаты в банковые билеты: перестав быть процентными бумагами, ассигнаты превратились в бумажные деньги. С тех пор эмиссия их постоянно росла.

¹² *Поземельный налог в государственные склады...* — В середине XIX в. это требование рассматривалось даже такими поклонниками робеспьеристов, как Луи Блан и Эрнест Амель, как рецидив Старого порядка (Hamel. P. 133; Блан Л. История французской революции. СПб., 1908. Т. 7. С. 331). Однако в период Конвента идея использовать различного рода натуральные платежи для обеспечения продовольствием армий и жителей городов получила распространение. Уже 11 января 1793 г. Конвент декретировал сохранение натуральной арендной платы в имениях, вошедших в состав национальных имуществ и еще не проданных, если это было предусмотрено арендным договором с прежним владельцем.

Вторая речь о суде над королем

(Речь о Людовике XVI, произнесенная 27 декабря <1792 г.> в Национальном конвенте гражданином Сен-Жюстом, депутатом от департамента Эна. — Discours prononcé le 26 décembre à la Convention nationale sur Louis XVI, par le citoyen Saint-Just, député du département de l'Aisne)

Процесс короля открылся 11 декабря 1792 г. чтением обвинительного акта, подготовленного Ленде, в котором подчеркивалась двусмысленность поведения короля во все критические момен-

ты революции. Сен-Жюст дважды брал слово в ходе процесса Людовика XVI. 16 декабря жирондисты первый раз попытались оттянуть процесс: они обвинили герцога Орлеанского, Филиппа Эгалите, сидевшего на скамьях Горы, и предложили изгнать из Франции всех Бурбонов. «Я требую изгнания всех Бурбонов, — заявил Сен-Жюст, — кроме короля, который должен остаться здесь, вы знаете почему» (М. XVI. P. 765). Речь Сен-Жюста 27 декабря была опубликована в «Монитёре» и по решению Конвента выпущена отдельной брошюрой (в отдельном издании ошибочно указана дата 26 декабря).

15 января началось поименное голосование. Первым был поставлен вопрос: «Виновен ли Людовик Капет, бывший король французов, в составлении заговора против свободы и в покушении на безопасность государства?» — на который Сен-Жюст ответил: «Да». В тот же день решался вопрос: «Должен ли приговор, каким бы он ни был, быть переданным на утверждение народа, созванного на первичные собрания?». Сен-Жюст заявил: «Если бы я не получил от народа право судить тирана, я получил его от природы. Нет». 17 января, на вопрос: «Какого наказания заслуживает Людовик, бывший король французов?», — Сен-Жюст ответил: «Поскольку Людовик XVI был врагом народа, его свободы и его счастья, я голосую за смерть». На вопрос: «Должно ли быть отсрочено исполнение приговора Людовику Капету?», — 19 января Сен-Жюст ответил: «Нет». (После 10 августа Людовику XVI, лишённому всех титулов и привилегий, было присвоено имя основателя королевской династии Уго Капета). 21 января 1793 г. Людовик XVI был казнен на площади Революции. О процессе Людовика XVI см.: Беркова К. Н. Процесс Людовика XVI. Пг., 1920; Soboul A. Le procès de Louis XVI. Paris, 1966.

¹ ...в Аргонских горах... — Местность, где происходили важнейшие события кампании 1792 г., завершившейся сражением при Вальми 21 сентября. А началась кампания капитуляцией в результате предательства крепостей Лонгви (23 августа) и Верден (2 сентября).

² ...кто действительно виновен. — Имеется в виду предложение, обсуждавшееся 16 декабря.

³ ...выжимать налоги руками самого народа... — В 1787 г. генеральный контролер финансов Калонн предложил для преодоления финансового кризиса провести реформу налоговой системы, предусматривавшую взимание налогов с привилегированных сословий. Для проведения этой реформы король созвал собрание нотаблей — представителей высшей аристократии, назначенных самим королем. После роспуска этого собрания Парижский парламент, которому новые законы были переданы на регистрацию, воспользовался правом ремонстрации и заявил, что любое изменение налоговой системы является прерогативой Генеральных штатов.

⁴ ...честолюбие с министра-плебея. — Имеется в виду Неккер.

⁵ ...одолела сословия с помощью народа. — Имеется в виду упразднение сословного представительства при превращении Генеральных Штатов (Etats généraux — буквально: объединение сословий) в Национальное собрание, происшедшем 17 июня 1789 г. по инициативе депутатов, представлявших третье сословие. Сам факт созыва Генеральных Штатов первое время рассматривался как союз короля с народом против аристократии.

⁶ Общины (communes). — Так по аналогии с палатой общин английского парламента называли себя депутаты третьего сословия, считавшие, что «название Третье сословие напоминает о былом рабстве» (см. письмо Робеспьера Бюиссару от 24 мая 1789 г. // Переписка Робеспьера. С. 46).

⁷ ...испускал крики радости по дороге из Версаля... — Имеется в виду «поход» парижан, главным образом женщин, на Версаль 6 октября 1789 г., результатом которого стал переезд королевской семьи, а за нею и Национального собрания в Париж.

⁸ ...так Людовик XI сзывал к небу. — Людовик XI, король Франции в 1461—1483 гг., завершивший в основном объединение страны, был известен своим коварством и жестокостью.

⁹ ...отказ подойти к алтарю на празднике Федерации... — Во время праздника Федерации 14 июля 1790 г. Людовик XVI, принося присягу на верность Конституции, не подошел к Алтарю отечества, а лишь привстал со своего кресла.

¹⁰ ...был развернут красный флаг. — Вывешивание красного флага означало введение военного положения. Сен-Жюст имеет в виду расстрел на Марсовом поле 17 июля 1791 г., когда был применен закон о военном положении.

¹¹ ...суммах, переданных Септейлю с переведенных за границу. — Септейль бы первым камердинером Людовика XVI и казначеем гражданского листа (средств, выделяемых Национальным собранием из бюджета на содержание короля, а также, отдельно, на содержание членов его семьи, находившихся во Франции, и двора). Через Септейля осуществлялись королевские спекуляции зерном, а также оплачивались расходы дворов эмигрировавших принцев.

¹² *Месье (Monsieur)*. — Старший из братьев короля, граф Прованский, будущий король Людовик XVIII.

¹³ *Пильницкий договор*. — Декларация 27 августа 1791 г. австрийского императора и прусского короля в защиту французской монархии, положившая начало образованию антифранцузской коалиции.

¹⁴ *...беспорядки в Авиньоне и мятеж в Жалесе...* — В Авиньоне, который с XIV в. был папским владением, в августе 1791 г. в результате революционного переворота был создан новый муниципалитет, обратившийся к Законодательному собранию с просьбой о присоединении к Франции. 14 сентября просьба была удовлетворена, но в середине октября там вспыхнул контрреволюционный мятеж, произошла жестокая резня. Несколько дней спустя мятеж был ликвидирован силами патриотов. В Жалесе, глухой местности на юге Франции (департамент Лозер) примерно в это же время образовался вооруженный лагерь роялистской контрреволюции.

¹⁵ *Почему на полях сделаны пометки его рукой?* — Сен-Жюст говорит о документах, найденных в «железном ящике».

¹⁶ *Жё-де-Пом (Jeu-de-Paume)*. — Зал для игры в мяч. 20 июня 1789 г. депутаты третьего сословия, найдя запертым зал заседаний Собрания, собрались в просторном и полупустом зале для игры в мяч и, презирая угрозу расправы, дали клятву не расколоться, пока не будет выработана и принята конституция.

¹⁷ *Нравственный порядок можно уподобить явлениям физическим*. — Это уподобление встречается в трактате «О Природе, Гражданском состоянии...» (кн. 1, гл. 1).

О полномочиях военного министра

(Речь, произнесенная в Национальном конвенте 28 января 1793 г. — Discours sur les attributions du ministre de la guerre)

Проблема национальной обороны с особой остротой встала в начале 1793 г., когда после вступления в войну Англии война приобрела всеобщий характер, и стала ощутимой необходимостью организации согласованных действий. 28 января Сен-Жюст впервые выступил по этому вопросу в дискуссии о проекте декрета об организации военного министерства, который предложил Сийес от имени Комитета общей обороны. Речь Сен-Жюста была опубликована в «Монитёре». Высказанное в ней предложение подчинить военную администрацию непосредственно законодательной власти, Конвенту, было реализовано декретом 10 октября 1793 г. об установлении во Франции революционного порядка управления.

¹ *Совет*. — Временный исполнительный совет был кабинетом министров Франции с 13 августа 1792 г. по 19 апреля 1794 г. Сен-Жюст последовательно выступал за ограничение его полномочий и усиление законодательной власти. Об опасности превращения Исполнительного совета в разновидность «королевской власти» он говорил и в речи «О Конституции» 24 апреля 1793 г., критикуя проект Конституционной комиссии.

² *Я поддерживаю установление экономата, предложенного Сийесом...* — Сийес предложил ввести орган надзора из пятнадцати членов и секретаря, дополняющий военное министерство — «*économat nationale*».

³ *Необходимо, чтобы в государстве была лишь одна воля...* — Сен-Жюст как бы мимоходом формулирует идею, которая была затем развита Робеспьером и заложена в основу революционного порядка управления. Средоточием единой воли должен был стать законодательный корпус как источник всех разновидностей власти, и поскольку в это время большинство в Конвенте еще шло за жирондистами, очевидно, что в этой идее выразились принципиальные соображения Сен-Жюста о государственном устройстве.

⁴ *...Камбон почувствовал со во все большем их печатании*. — О финансовой политике, проводившейся Камбоном, см.: Коротков С. П. Буржуа-монтаньяр в революции: Взгляды и деятельность Жозефа Камбона // Политические деятели античности, средневековья и нового времени. Л., 1984. С. 66—73.

⁵ *...чтобы сорвать плоды, они рубят дерево*. — См.: Монтескье. О духе законов. Кн. 5, гл. 13: «Когда дикари Луизианы хотят достать плод с дерева, они срубают дерево под корень и срывают плод. Таково деспотическое правление».

О реорганизации армии

(Речь, произнесенная в Национальном конвенте 12 февраля 1793 г. — Discours sur réorganisation de l'armée)

Одним из источников слабости французской армии были противоречия между подразделениями линейных войск старой королевской армии и батальонами волонтеров; последние получали более высокое жалование, выбирали себе офицеров, продолжительность их службы ограничивалась сроком одной кампании. От имени Военного комитета Дюбуа-Крансе 7 февраля 1793 г. предложил провести военную реформу, «амальгаму», состоящую в слиянии в полубригаду двух батальонов волонтеров и одного батальона линейных войск; при этом солдаты линейных батальонов должны были получать такое же жалование, как и волонтеры. «Эта операция, — говорил Дюбуа-Крансе, — направлена на то, чтобы укрепить братские связи, подать пример воинского мастерства и дисциплины одним, гражданской доблести и преданности отечеству — другим» (М. XV. Р. 384). Треть офицеров должна была назначаться прежним порядком, две трети — выбирались. Сен-Жюст поддержал предложение Дюбуа-Крансе, речь его была опубликована в «Монитёре». О проведении этой реформы см.: Лукин Н. М. Из истории революционных армий. М., 1923; Матье<з> А. Как побеждала французская революция. М., 1928.

¹ Хотя Барер <с> между военными организациями в Республике. — Барер высказался против «амальгамы» 7 февраля (М. XV. Р. 390).

² Революции не делаются наполовину. — Год спустя Сен-Жюст скажет: «Те, кто делает революцию наполовину, только роют себе могилу» (см.: доклад «О лицах, содержащихся в тюрьмах»).

³ ... три бунчука пашы. — Титул трехбунчужного пашы с вручением знака отличия в виде трех связок конских хвостов — бунчуков — присваивался в Османской империи визирию. Само же существование должности визирия, которому монарх препоручает ведение всех дел в государстве, Монтескье однозначно связывает с деспотией (О духе законов. Кн. 2, гл. 5).

⁴ Право выбирать <с> законным представителем. — Согласно декрету 10 октября 1793 г., принятому по докладу Сен-Жюста в рамках введения революционного порядка управления, командующие назначались Конвентом по представлению Комитета общественного спасения.

⁵ ... монархия существует <с> честью и карьерой военных. — Согласно Конституции 1791 г., король назначал командующих армии и флота и жаловал звание маршала Франции и адмирала. Он назначал две трети высших офицеров, треть полковников и подполковников, «согласно правилам продвижения по службе» (Конституции. С. 271—272).

О Конституции Франции

(Речь, произнесенная в Национальном конвенте 24 апреля 1793 г. — Discours de Saint-Just sur la Constitution de la France)

Национальный конвент был создан специально для того, чтобы дать Франции новую Конституцию, но к исполнению своей главной задачи приступил не сразу. 15 февраля 1793 г. Кондорсе от имени Конституционной комиссии Конвента представил проект конституции (М. XV. Р. 456, 473). Дискуссия развернулась в марте—апреле. Сен-Жюст выступал несколько раз, его речь 24 апреля была опубликована в «Монитёре» и по решению Конвента выпущена отдельной брошюрой.

¹ Всякое искусство порождает <с> в собственной гордости. — Сен-Жюст использовал здесь вычеркнутый абзац трактата «О Природе, Гражданском состоянии...» кн. 1, гл. 1. Сен-Жюст использовал при подготовке речи этот незавершенный трактат, в частности кн. 1, гл. 2, 3, 4; кн. 2, гл. 3.

² Монтескье считает <с> дрожит и бросается в бегство при виде нас... — Монтескье. О духе законов. Кн. 1, гл. 2.

³ Минос заложил в своих законах право на восстание... — Ср.: «Чтобы заставить своих правителей подчиниться, критяне придумали весьма своеобразное средство, а именно — восстание. Часть граждан восставала, обращала в бегство правителей и заставляла их вернуться к частной жизни. Это считалось законным образом действий. Кажется, что учреждение, обратившее мятеж в средство противодействия злоупотреблениям власти, должно было погубить любую республику; но оно не разрушило республику Крита» (Монтескье. О духе законов. Кн. 8, гл. 11). Сен-Жюст

рассматривает легендарную версию как исторический прецедент — «законы Миноса», с чем связан один из немногих документов, сохранившихся от деятельности Конституционной комиссии Комитета общественного спасения, созданной 30 мая 1793 г. Это письмо Эро де Сешеля библиотекарю Конвента: «...будучи обязан вместе с четырьмя моими товарищами подготовить к понедельнику план Конституции, я прошу Вас, от их и своего имени, доставить немедленно же законы Миноса, которые должны находиться в собрании греческих законов». По мнению А. Олара, Эро, человек с утонченной эрудицией, не мог не знать, что текста «законов Миноса» не существует, и, скорее всего, мистифицировал кого-то из своих коллег, возможно, Сен-Жюста, ссылавшегося на них в речи «О Конституции» (Олар. С. 362).

⁴ *Вот ее основной принцип — совет представителей.* — Речь идет о проекте конституции, предложенном Кондорсе: Исполнительный совет становился органом, избираемым непосредственно народом и независимым от законодательного корпуса (М. XV. P. 474).

⁵ ...*королевская власть министров...* (royauté de ministres). — Так Сен-Жюст называет Исполнительный совет, образованный в соответствии с проектом Кондорсе. См. примеч. 1 к речи «О полномочиях военного министра».

⁶ *Общая воля — выражает интерес большинства.* — Ср.: «Часто существует немалое различие между волею всех и общою волею. Эта вторая блюдет только общие интересы; первая — интересы частные и представляет собою лишь сумму изъявлений воли частных лиц. Но отбросьте из этих изъявлений воли взаимно уничтожающиеся крайности; в результате сложения оставшихся расхождений получится общая воля <...> Важно <...> чтобы получить выражение именно общей воли, чтобы в Государстве не было ни одного частичного сообщества и чтобы каждый гражданин высказывал только свое собственное мнение» (Руссо. Об общественном договоре. Кн. 2, гл. 3).

⁷ *Афины незадолго до своего конца — потеряю собственной свободы.* — Вероятно, имеется в виду вступление Афинской республики в общеэллинский союз, гегемония в котором принадлежала царю Македонии Филиппу; вскоре Афины вошли в состав Македонской державы.

⁸ *Ликургу выбили глаз...* — Согласно Плутарху, Ликург потерял глаз в уличной схватке с богачами, недовольными его нововведениями (Плутарх. Сравнительные жизнеописания: Ликург, XI).

⁹ *Тот, кто не выбран — не является его представителем.* — В проекте Кондорсе фактически сохранялась двухступенчатая система выборов депутатов; якобинская конституция 1793 г. устанавливала всеобщие и прямые выборы абсолютным большинством голосов.

¹⁰ *Опыт Конституции.* — «Опыт Конституции» Сен-Жюста является составной частью его выступления в Конвенте 24 апреля 1793 г. Месяц спустя, 22 мая, депутат-монтаньяр Гюффруа отметил в конвентской речи: «За исключением плана Сен-Жюста, у нас нет ни одного хорошего проекта Конституции <...> Сен-Жюст провозглашает истину, которую вы недостаточно понимаете; общество должно быть настолько упорядоченным, что где бы ни находилась какая-нибудь группа французов, она будет связана выполнением принятого договора; вот почему он хочет видеть французов не разобщенными, а таким образом организованными в общество, что даже если представить себе, что весь французский народ оказался бы перенесенным со своей территории, каждый индивид мог бы выполнять свои обязанности помогать другим и равным образом получать поддержку всех остальных» (цит. по: Curtis E. N. Saint-Just, colleague of Robespierre. New York, 1935. P. 73).

30 мая 1793 г. Сен-Жюст вместе с Эро де Сешелем, Рамелем, Кутоном и Матье был присоединен к Комитету общественного спасения в составе Конституционной комиссии. К 9 июня проект, основой для которого послужили проекты Кондорсе, Робеспьера, Сен-Жюста и других, был готов и представлен на рассмотрение Комитета, а затем и Конвента. Докладчиком от имени Конституционной комиссии выступил Эро де Сешель; его же рукою написаны как текст доклада, так и текст проекта Конституции. Однако, по мнению А. Олара, хотя перо и находилось в руках Эро, но мысли и язык вполне могли принадлежать другим. Позже, в докладе против дантонистов, Сен-Жюст говорил: «Мы помним, что Эро с чувством отвращения безмолвно наблюдал за работой тех, кто составлял проект Конституции, бесстыдным докладчиком которого он так ловко сделался». Детальное сопоставление проекта Сен-Жюста с проектом Конституционной комиссии см.: Curtis E. N. Saint-Just... P. 77—79; 352—355. «Опыт Конституции» был выпущен по решению Конвента отдельной брошюрой.

¹¹ *Невозможно царствовать и не быть виновным.* — Эпиграф взят Сен-Жюстом из его Первой речи о суде над королем.

¹² *Все голоса на выборах подаются открыто.* — Конституция 1793 г. в ст. 16 и 17 предоставляла право выбора способа голосования — открытого или путем подачи записки — каждому от-

дельному гражданину. Дебаты вокруг этого вопроса имели важное политическое значение. В итоге при обсуждении порядка референдума по принятию Конституции Конвент, увлекшись брошенной Барером фразой «нельзя оспаривать у добрых граждан права быть мужественными» (цит. по: Олар. С. 365), принял решение проводить его открытым голосованием.

13 *Каждый гражданин со представителями народа* (ст. 7—12). — Конституция 1793 г., провозгласив в ст. 21: «Народонаселение есть единственная основа народного представительства», утвердила иной способ его формирования — избрание по одному представителю от каждых 40 тысяч граждан, составляющих первичное собрание. В своем проекте введения «единого голосования» Сен-Жюст стремился осуществить руссоистский принцип неделимости суверенитета.

14 *О совете со носит шляпу* (гл. IX—XIII). — Конституция 1793 г. значительно меньше внимания уделила организации исполнительной власти, сохранив при этом отстаиваемый Сен-Жюстом принцип: Исполнительный совет избирается непрямым голосованием, он ответствен перед законодательным корпусом и представляет собою орган, промежуточный между законодательным корпусом и министрами; последние не образуют Совета и действуют изолированно друг от друга.

15 *...председатель Национального собрания носит шляпу*. — Согласно обычаю, председательствующий в Собрании надевал шляпу, если в зале возникал шум и беспорядок.

16 *О директориях округов со оставаться прежние* (гл. XI—XVI). — Ср. гл. II, а также ст. 2 и 3 Конституции 1793 г. И в проекте Сен-Жюста, и в Конституции подчеркивается несовпадение избирательных округов и административных единиц.

17 *Закон имеет обратную силу лишь по отношению к изменщикам родины*. — Не является ли отголоском процесса над королем это отступление от провозглашенного в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. принципа, что «никто не может быть наказан иначе, как в силу закона <...> изданного до совершения правонарушения»?

18 *Армия, которая выбирает себе командующего, объявляется мятежной...* — Предчувствие переворота 18 брюмера тяготело над общественным мнением Франции едва ли не с начала революции. Трудно сказать, чего здесь было больше — реминисценций, связанных с английской революцией («тень» Монка) и историей Древнего Рима (опыт Цезаря), или реальных угроз в связи с возвышением, например, Лафайета, затем Дюмурье. Во всяком случае революционные деятели были всерьез озабочены опасностью военной диктатуры, и Сен-Жюст отразил эту озабоченность в ст. 5 и 9 гл. VIII ч. II своего проекта.

О конституционном делении территории

(Речь, произнесенная в Национальном конвенте 15 мая 1793 г. — *Sur la division constitutionnelle de territoire*)

15 мая 1793 г. Сен-Жюст принял участие в дискуссии о территориальном делении Франции, поддержав принцип неделимости Республики и категорически отвергнув идею федерализма. Администрация департаментов в большинстве случаев поддерживала жирондистов; но кроме конъюктурно-политических соображений у Сен-Жюста прослеживается идейный принцип — сокращение до минимума посредников между центральной властью и самоуправляющимися группами населения — коммунами. Речь была опубликована в «Монитёре».

1 *Домен*. — См. примеч. 4 к речи «О департаментской страже».

2 *...по трибам...* — Сен-Жюст употребил древнеримский термин «tribus», означающий государственное деление на основе родоплеменной принадлежности. Объединяя трибы с коммунами, он противопоставляет территориальному принципу принцип естественного объединения индивидов в первичные коллективы.

3 *Вот эти статьи...* — Сен-Жюст дословно повторил вторую главу первой части «Опыта Конституции».

О максимуме населения в муниципалитетах

(Речь, произнесенная в Национальном конвенте 24 мая 1793 г. — *Sur le maximum de population des municipalités*)

24 мая в Конвенте обсуждался поставленный Конституционной комиссией вопрос: «Должен ли быть установлен максимум населения для коммун? И если население города превышает этот

максимум, должно ли оно быть разделено на несколько муниципалитетов?». В дебатах отразилась политическая борьба между Горой и Жирондой. Враждебный по отношению к Коммуне Париза проект Комитета предусматривал разделение столицы на несколько муниципалитетов. Речь Сен-Жюста была опубликована в «Монитёре».

¹ ...термин «муниципалитет» не имеет у нас точного смысла... — Подразумевается, что «муниципалитет» предполагает городскую автономию.

О жирондистах

(Доклад о тридцати двух членах Конвента, задержанных в силу декрета 2 июня, представленный <Национальному конвенту> от имени Комитета общественного спасения на заседании 8 июля <1793 г.> — Rapport fait au nom du Comité de salut public, dans la séance du 9 juillet, sur les trente-deux Membres de la Convention, détenus en vertu du décret du 2 juin)

Жирондистские лидеры, изгнанные из Конвента в результате восстания 31 мая—2 июня 1793 г., во исполнение декрета 2 июня были подвергнуты домашнему аресту. Тем же декретом Комитету общественного спасения предстояло определить меру их преступления. 16 июня Комитет поручил Сен-Жюсту и Камбону подготовить доклад об арестованных. 19 июня доклад был возложен на одного Сен-Жюста. 24 июня он прочитал доклад в Комитете, который, однако, отсрочил его окончательное утверждение. Доклад был утвержден 2 июля после обмена мнениями и внесения уточнений. Комитет принял также основы проекта декрета по докладу. Прочитанный Сен-Жюстом 8 июля 1793 г. доклад был утвержден Конвентом лишь 28 июля 1793 г. (М. XVII. P. 208). «Монитёр» от 10 июля дал краткое изложение доклада (М. XVII. P. 76). Полностью доклад был опубликован 18 и 19 июля (М. XVII. P. 146; 153). Анализ см.: *Chaumié J. Saint-Just et le procès des Girondins // ANRF. 1968. № 191. P. 14—26.* 3 октября 1793 г. дело жирондистов было передано в Революционный трибунал по докладу Амара; 31 октября 21 жирондист был казнен.

¹ ...с самого начала ваших *с* против членов вашего Собрания. — Нападки со стороны жирондистов на Марата, Робеспьера, Дантона в сентябре—октябре 1792 г.

² Один из членов *с* в подстрекательстве к беспорядкам. — Вероятно, Марат, представший 24 апреля 1793 г. перед судом Революционного трибунала и торжественно оправданный.

³ ...другой, высланный в Марсель, ожидает суда. — Филипп Эгалите, бывший герцог Орлеанский, после измены Дюмурье вместе с другими членами семейства Бурбонов, находившимися до этого времени на свободе во Франции, был по декрету Конвента от 7 апреля 1793 г. арестован и препровожден до суда в Марсель.

⁴ Побуждали Дийона *с* его мать регентшей... — Генерал Артур Дийон, получив известие о свержении монархии, приказал своим офицерам принести присягу королю и готовиться к походу на Париж. Уволен из армии 17 ноября 1792 г., казнен 13 апреля 1794 г. (см. доклад Сен-Жюста «О новом заговоре»). Сын Капета — Луи Шарль, которого после казни Людовика XVI роялисты провозгласили королем Людовиком XVII; его мать — Мария Антуанетта.

⁵ ...так две враждебные армии сражались под римскими орлами. — Сен-Жюст говорит о Риме эпохи гражданских войн I в. до н. э., в частности о войнах между Марием и Суллой, Помпеем и Цезарем, Антонием и Октавианом, результатом которых стало установление империи.

⁶ ...подобно римскому консулу *с* что спасли отечество. — См. примеч. 15 к Первой речи о суде над королем.

⁷ Если есть люди *с* Кобленцских мятежников. — Это высказывание Бриссо из его речи в Законодательном собрании 25 июля 1792 г. привел Робеспьер, выступая в Конвенте 28 мая 1793 г. (Робеспьер. Т. 2. С. 357). Кобленц — город у французской границы, место сбора контрреволюционной эмиграции — стал символом последней.

⁸ ...против двух палат. — Из доклада Кондорсе в Конвенте 15 февраля 1793 г. видно, что вопрос о двухпалатном законодательном корпусе находился в центре внимания Конституционного комитета, что сам докладчик и многие его коллеги отдавали предпочтение такому устройству законодательной власти, но понимали непопулярность этой идеи, поскольку верхняя палата ассоциировалась с аристократией (см.: Олар. С. 345, 348).

⁹ Герцог Йоркский. — Второй сын английского короля Георга III, командовавший войсками антифранцузской коалиции в районе Дюнкерка. После неудачного бегства Людовика XVI в 1791 г. замена Бурбонов иноземной династией рассматривалась в либеральных кругах как один

из вариантов спасения монархии. Герцог Йоркский имел реноме философа и просвещенного деятеля. В стремлении возвести его на престол монтаньяры обвиняли Жиронду еще осенью 1792 г.

10 ...*большие говорили об Орлеанской партии*. — Обвинение в тайном стремлении возвести на престол Орлеанскую ветвь Бурбонов адресовалось монтаньярам, поскольку ее глава Филипп Эгалите заседал в Конвенте на скамьях Горы и поддерживал монтаньяров.

11 *Петион подписал приказ Манда стрелять в народ 10 августа*. — На командующего Национальной гвардией Парижа Манда де Гайо была возложена охрана дворца Тюильри. Накануне восстания 10 августа он удвоил охрану дворца; когда восстание началось, приказал стрелять в повстанцев. Вызванный в ратушу для объяснений, ссылаясь на приказ мэра Парижа Петиона; был арестован и убит по дороге в тюрьму.

12 *Тот, кому было поручено сочувствующее республике?* — Верньо 10 августа председательствовал в Законодательном собрании и приветствовал утром короля: «Вы можете рассчитывать, государь, на твердость Национального собрания; его члены поклялись умереть, поддерживая права народа и установленных властей» (цит. по: Олар. С. 265). А на вечернем заседании, после взятия народом Тюильри, ему же пришлось сделать доклад о низложении Людовика XVI.

13 ...*чтобы народ в его присутствии стоял, обнажив голову*. — На первом заседании Конвента Манюэль, бывший прокурор Коммуны Парижа, предложил, чтобы «президент Франции», как он именовал председательствующего на заседании Конвента, располагался в бывшем королевском дворце, в который после ремонта должны были переместиться заседания Конвента, и чтобы при открытии председательствующим заседаний все вставали. Манюэль утверждал, что таким образом будет выражено уважение к суверенитету народа. Предложение было отвергнуто (М. XIV. Р. 6). Первым председателем Конвента был бывший мэр Парижа Петион.

14 ...*обвинять лишь невзгоды времени*. — Имеются в виду избиения в парижских тюрьмах, произошедшие под влиянием патристической тревоги и страха перед «пятой колонной» наступающих войск коалиции в самом Париже. Вину за этот народный самосуд жирондисты возлагали на Коммуну Парижа и близких к ней якобинских лидеров. Однако подобные события произошли и в провинции. «Меч сентября», как далее говорит Сен-Жюст, действительно прошелся по Франции довольно широко (см.: *Caron P.* 1) *Les massacres de septembre*. Paris, 1935; 2) *La première terreur*. Paris, 1953; *Адо А. В.* Крестьяне... С. 258—265).

15 *Требовали перенести ваши заседания в другое место*... — Жирондисты не раз предлагали сделать местом заседаний Конвента один из провинциальных городов, чтобы ослабить влияние секций и демократического люда Парижа на политическую жизнь страны.

16 *Ваш миллиардный заем*... — Принудительный заем в 1 миллиард франков был предложен Камбоном 20 мая 1793 г. и принят 21—22 июня после устранения из Конвента жирондистских лидеров. Займом облагались доходы богатых собственников по прогрессивной шкале.

17 *Они отказывались выпустить на свободу заключенных Лориана*. — 15 сентября 1792 г. в Лориане был убит местный негодник Жерар, которого уличили в попытке вывезти из Франции оружие под видом скобяных товаров. После вмешательства парижских секций, несмотря на сопротивление жирондистов, 2 ноября того же года был принят декрет в пользу освобождения участников этого самосуда (М. XIV. Р. 324, 369).

18 *все политические деятели Европы считали их сторонниками монархии*. — Характерный риторический прием, развитый потом в докладах против «фракций», — ссылка на то, что за границей уже давно знали о контрреволюционной сущности оппозиционеров и рассчитывали на них в своих планах.

19 ...*обвинения, выдвинутые Луве, Барбару со совершенно безнаказанно*. — 25 сентября 1792 г. Барбару и Ребекки обвинили в стремлении к диктатуре Робеспьера; в этот же день защищаться пришлось также Дантону и Марату. 29 октября обвинения были повторены Луве при поддержке Барбару и Ребекки.

20 *Петион и Манюэль были тогда магистратами Парижа*. — В сентябре 1792 г. до начала заседаний Конвента Петион продолжал числиться мэром Парижа, а Манюэль — прокурором Коммуны, но их фактическое влияние при новом Генеральном совете, возникшем 10 августа из комиссаров секций, было небольшим.

21 *Задержанные требовали со вызвать смуту в отечестве*. — Имеется в виду требование окружить Конвент департаментской стражей.

22 *Обращение к народу*. — Имеется в виду предложение вынести на референдум утверждение приговора королю.

23 *Большие надежды возлагали на Дюмурье со одержать победу*. — В начале 1793 г. Временный исполнительный совет и Комитет общей обороны Конвента утвердили план вторжения в

Голландию, предложенный Дюмурье. Первоначально наступление, начавшееся 16 февраля, было успешным, однако затем последовали неудачи. 29 марта Комитет общей обороны направил в Бельгию четырех комиссаров и военного министра Бернонвиля с приказом отрезать Дюмурье от должности и арестовать. Но Дюмурье сам арестовал военного министра и комиссаров и 1 апреля выдал их австрийцам. Однако армия не пошла за Дюмурье. 5 апреля он перешел к австрийцам с небольшой группой офицеров.

24 ...*молодого Орлеана*. — Сын Филиппа Эгалите, герцог Шартрский, будущий король Франции Луи-Филипп был генералом в армии Дюмурье и вместе с ним бежал из Франции.

25 ...*предлагали изгнание Бурбонов* *и выдали его палачам*. — Когда Бюзю предложил 16 декабря 1792 г. изгнать из Франции всех Бурбонов, Филипп Эгалите заседал в Конвенте среди монтаньяров, и изгнание его семьи из Франции в это время могло подвергнуть их опасности со стороны роялистов. Мадам де Сийери была воспитательницей детей Филиппа Эгалите и его любовницей.

26 *Дантон в октябре* *и за восстановление королевской власти*. — Вероятно, имеется в виду выступление Дантона 25 сентября 1792 г., когда, защищаясь от обвинений в стремлении к диктатуре, он заявил в Конвенте: «Примем же закон, карающий смертью всякого, кто выскажется в пользу диктатуры или триумвирата». Бюзю возразил, что против диктатора закон уже будет бессилен и что наказание надо предусмотреть для тех, кто предпримет определенные шаги к установлению диктатуры (М. XIV. Р. 42).

27 *Миранда писал Петиону* *и обнаружил у Дюмурье...* — Франсиско Миранда был заместителем Дюмурье в Северной армии, поддерживал дружеские отношения с Петионом; был смещен по подозрению в соучастии планам Дюмурье, но вскоре восстановлен на службе.

28 *Заговорщики* *и против объявления Орлеана мятежным городом*. — Члены Конвента Л. Бурдон и Жанбон Сент-Андре в марте 1793 г. находились в миссии в Орлеане для осуществления декрета 24 февраля о наборе в армию, вызвавшего почти повсеместное недовольство. Кроме того, Бурдон вызвал возмущение либеральной общественности и местных властей антижирондистскими призывами и угрозами в адрес богатей. Результатом стало нападение, в котором этот левый монтаньяр слегка пострадал. 17 марта по предложению Барера от имени Комитета общей обороны и Комитета общей безопасности Конвент принял декрет о смещении муниципальных властей Орлеана и объявлении города в состоянии мятежа (М. XV. Р. 742).

29 ...*победителями Бастилии...* — Так называлось воинское формирование из активных участников штурма Бастилии 14 июля 1789 г.

30 ...*задержан караульными у храма Ораторианцев...* — В известном храме на улице Сент-Оноре после его закрытия находился военный склад.

31 ...*тот же план будет воспроизведен* *и 31 мая...* — Характеризуя антижирондистские выступления 9—10 марта 1793 г., прелюдию народного восстания 31 мая—2 июня, как заговор самих жирондистов, Сен-Жюст следует традиции, возникшей одновременно с событиями. Идея насильственного устранения жирондистов из Конвента, выдвинутая активистами секций и демократических клубов 9—10 марта, была по политическим соображениям одиозной и оставалась неприемлемой для якобинцев даже после ее фактического осуществления. Отмежевываясь от этой идеи, якобинские лидеры оказывались в примечательной солидарности с жирондистами, которые клеймили события 9—10 марта как «заговор», но обвиняли в нем, естественно, своих противников. В этом, как и в последующих обвинительных докладах, Сен-Жюст отчасти отдавал дань типичному для эпохи расширительному употреблению понятия, отчасти использовал своеобразную манеру тех лет видеть за всеми общественными противоречиями происки «заговорщиков». О характере событий 9—10 марта см.: *Гордон А. В. Падение жирондистов*. М., 1988. Почва для противоречивых интерпретаций этих событий отчасти раскрыта в: *Viola P. Luites pour l'hégémonie au printemps 1793 // Actes du colloque Girondins et Montagnards*. Paris, 1980.

32 *Я не собираюсь напоминать вам* *и Томас Пейн...* — Томас Пейн во время суда над королем заявил, что его ненависть к королям общеизвестна, как и его сочувствие ко всем обездоленным; но зная, что смертный приговор королю мог бы оттолкнуть от Франции очень многих людей, он выступает за содержание короля в тюрьме до заключения мира, а затем высылку его в Соединенные Штаты (М. XV. Р. 200).

33 ...*удар* *и в лице Сен-Фаржо...* — 20 января 1793 г. член Конвента Мишель Лепеллетье де Сен-Фаржо, дворянин, монтаньяр, голосовавший за смерть короля, был убит роялистом Пари, бывшим телохранителем Людовика XVI.

34 *Паоли выступил на Корсике* *и прикрываясь законом*. — Историческая борьба Корсики за автономию стала приобретать к этому времени сепаратистский контрреволюционный характер.

В середине мая Конвент потребовал объяснений от президента директории департамента Корсика Паоли, но генерал, вместо того чтобы отправиться в Париж, объявил о созыве на острове Консульта. 29 мая на заседании Консульта был принят декрет против сторонников профранцузской ориентации на острове. Паоли вступил в секретные переговоры с Англией и в итоге передал Корсику англичанам.

³⁵ ...*Бюзо* *с* *требовал освободить* *с* *арестован.* — В конце апреля—начале мая 1793 г. произошли столкновения в ряде парижских секций между «умеренными» и «санкюлотами», а также манифестации буржуазной молодежи против решения Генерального совета Коммуны мобилизовать для подавления Вандейского мятежа прежде всего конторских служащих, приказчиков и т. п. По распоряжению Коммуны манифестации разогнали, их участников арестовали. Якобинские лидеры активно поддержали Коммуну, а жирондисты ее противников.

³⁶ ...*заместителей* *с* *собраться в Бурже.* — 18 мая жирондист Гюаде потребовал создать в Бурже вместо конвента новое Собрание из заместителей депутатов, которые были избраны вместе с последними.

³⁷ *Эта Комиссия* *с* *уводят Эбера из его дома.* — 25 мая созданная неделей раньше по требованию жирондистов для обеспечения общественного порядка в Париже Комиссия двенадцати отдала приказ об аресте Эбера и Варле. Широкое недовольство действиями Комиссии и движение секций за освобождение арестованных и за ее упразднение явились непосредственным прологом антижирондистского восстания 31 мая.

³⁸ *«Будут искать на берегах Сены место, где стоял Париж».* — Угрожающие слова содер­жались в ответе, который Иснар дал в качестве председательствующего на заседании Конвента 25 мая на требование делегации Генерального совета Коммуны Парижа об освобождении Эбера; см.: М. XVI. P. 479—480.

³⁹ ...*те самые секции, где у Лафайета было больше всего друзей.* — Сравнение позиций парижских секций накануне восстания 10 августа 1792 г. и восстания 31 мая—2 июня 1793 г. в общем подтверждает наблюдение Сен-Жюста об устойчивости разделения секций на демократические и консервативные (см.: Гордон А. В. Падение жирондистов. С. 78—79).

⁴⁰ ...*Сантонакс и Польверел* *с* *над Сан-Доминго.* — Якобинцы Сантонакс и Польверел 15 июня 1792 г. были посланы в Сан-Доминго, Французскую колонию в Карибском море, в качестве комиссаров Законодательного собрания. Опирались на поддержку цветного (мулаты) и негритянского населения, в том числе рабов, однако из-за неопытности, неосторожности и непонимания местных условий их деятельность привела к еще большему осложнению положения в колониях.

⁴¹ *Таков был характер заговора* *с* *мерам предосторожности.* — Сен-Жюст в ходе своего пространного доклада последовательно развивает две идеи, которые соответствуют не столько исторической действительности, сколько идеологическим целям, стоявшим в это время перед якобинскими лидерами, — опровергнуть федералистскую пропаганду против Парижа, народ и муниципальные органы которого обвинялись в узурпации высшей власти, и нейтрализовать сочувствующих жирондистам в самом Конвенте. Отсюда две центральные идеи доклада: что жирондисты пали жертвой собственного «заговора» и что не парижские секции, блокировавшие 2 июня Конвент батальонами Национальной гвардии, заставили принять декрет об аресте жирондистских лидеров, а сами депутаты вынесли этот вердикт как «меру предосторожности».

О революционном порядке управления

(О необходимости признать порядок управления революционным вплоть до заключения мира. Доклад, представленный Национальному конвенту от имени Комитета общественного спасения 19 числа первого месяца II года Республики <10 октября 1793 г.> — Sur la nécessité de déclarer le Gouvernement révolutionnaire jusqu'à la paix)

К октябрю 1793 г. во Франции уже сложились неконституционные формы правления. Конвент, роспуск которого был обусловлен принятием новой конституции в августе 1793 г., продолжал оставаться верховным органом государства; его члены, находясь в миссиях во всех армиях и во многих департаментах, осуществляли высшую власть на местах. Кроме них действовали издававшие также немалыми полномочиями комиссары Исполнительного совета, агенты различных министерств и комиссий. Низший уровень власти образовывали многочисленные революционные и наблюдательные комитеты, созданные то ли в силу декретов Конвента, то ли распоряжениями его членов в миссии. Наряду с этими комитетами продолжали существовать конституционно

образованные муниципальные органы власти. После доклада Сен-Жюста началось приведение этих разнообразных учреждений в единую систему управления страной. Кроме того, Сен-Жюст обосновывал отказ от конституционных прав и свобод и формулировал основы режима диктатуры. Доклад был опубликован в «Монитёре», выпущен по решению Конвента отдельной брошюрой, переиздавался в департаментах.

¹ *Ваш Комитет общественного спасения, поставленный в центр всех событий...* — Комитет общественного спасения Конвента явился главным архитектором революционного порядка управления и одновременно центральным пунктом процесса его создания. Он был учрежден 5—6 апреля 1793 г. вместо Комитета общей обороны и поставлен над Исполнительным советом как орган, контролирующий его деятельность. С осени 1793 г. Комитет общественного спасения стал высшим органом исполнительной власти, фактическим правительством Республики. Одновременно произошло радикальное изменение его состава. 10 июля ушел в отставку Дантон, 27 июля членом Комитета стал Робеспьер. Сен-Жюст оказался в составе Комитета вместе с другими членами Конституционного комитета накануне восстания 31 мая и остался в нем после 10 июля (см.: *Voilouzeau M. Le Comité de salut public. 1793—1795. Paris, 1962*).

² *Вы должны карать то, чего не делает для нее.* — Ср.: «Из остальных законов Солон особенно характерен и странен закон, требующий отнятия гражданских прав у гражданина, во время междоусобия не примкнувшего ни к той, ни к другой партии. Но Солон, по-видимому, хочет, чтобы гражданин не относился равнодушно и безучастно к общему делу <...> он, напротив, хочет, чтобы всякий гражданин сейчас же стал на сторону партии, защищающей доброе, правое дело, делил с нею опасности, помогал ей, а не дожидался без всякого риска, кто победит» (*Плутарх. Сравнительные жизнеописания: Солон. XX*).

³ *...с тех пор как французский народ изъявил свою волю...* — Видимо, ссылка на референдум по утверждению Конституции, принятой Конвентом 24 июня 1793 г. Результаты были обнародованы 10 августа 1793 г.

⁴ *...между народом и его врагами не может быть ничего общего, кроме меча.* — Эти идеи были развиты Робеспьером в его докладе 25 декабря 1793 г. (Робеспьер. Т. 3. С. 90—98).

⁵ *Генералы не испытывают то, не по выбору ее представителей.* — Генералов назначал военный министр. По докладу Сен-Жюста Конвент принял решение, что отныне сам будет назначать командующих армиями по представлению Комитета общественного спасения. Сен-Жюст выдвигал эту идею еще в речи «О реорганизации армии».

⁶ *...не найдется ни одного всеначальника то в пользу королей.* — Со второй половины лета 1793 г. в связи с тяжелыми поражениями республиканских войск в демократических кругах и в прессе развернулась интенсивная кампания против генералитета, которая насаждалась на более широкое движение за устранение дворян со службы (прежде всего из той же армии). Случаи прямой измены были: достаточно указать на Дюмурье. Но преобладали неспособность старого генералитета руководить республиканской армией и недоверие к нему и к старому офицерскому корпусу в целом со стороны солдат. Кампания, эхо которой отозвалось в докладе Сен-Жюста, релятивизовалась в радикальном обновлении командного состава.

⁷ *Шесть министров назначены на свои должности...* — Во Временный исполнительный совет входили министры внутренних дел, юстиции, иностранных дел, военных, морской, финансов.

⁸ *Богачи стали еще богаче то возможности совращать народ.* — Начало системы таксации датируется 4 мая 1793 г., когда под давлением массовых выступлений был принят декрет о максимуме цен на зерно. Как и предвидел Сен-Жюст (см. его речь «О продовольствии»), таксация вызвала расцвет спекуляции. В свою очередь последняя стимулировала переход к террору и оправдывала последний в представлении народных масс (см.: *Матъез А. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М.; Л., 1928*).

⁹ *...объявленных подозрительными...* — Декрет о подозрительных, принятый 17 сентября 1793 г., имел большое значение в складывающейся системе политического террора. «Подозрительными» наряду со «сторонниками тирании или федерализма и врагами свободы» признавались люди, которым было отказано в выдаче удостоверений о гражданской благонадежности, отпущенные от должности чиновники, родственники эмигрантов и т. д. «Подозрительные» подлежали заключению до окончания войны. Выявление и арест «подозрительных» возлагались на революционные, или наблюдательные, комитеты на местах.

¹⁰ *Вы приняли закон против скупщиков...* — Как следствие саботажа декрета 4 мая о максимуме и как дань общественному мнению, захваченному в этот момент пропагандой «бешеных»

(см.: *Захер Я. М. Движение «бешеных»*. М., 1961), Конвент 26 июля принял декрет, квалифицирующий утаивание предметов первой необходимости как уголовное преступление, караемое смертной казнью. Эффект применения нового законодательного акта был также незначительным (*Calvet H. L'accaparement à Paris sous la terreur. Essai sur l'application de la loi du 26 juillet 1793*. Paris, 1933).

11 *Таксация стала необходимой в силу обстоятельств*. — Суждение красноречиво характеризует Сен-Жюста как политического деятеля. Его принципиально негативное отношение к таксации не меняется, но он готов выполнять принятые законодательные акты и озабочен лишь эффективностью их осуществления. Такого рода двойственность, характерная не только для Сен-Жюста, делала якобинцев мишенью для критики в левой французской и советской историографии. Поскольку в политике таксации усматривали квинтэссенцию социального радикализма революционной диктатуры, подобная двойственность определялась как классовая («буржуазная») ограниченность якобинцев. Показательно, однако, что сходного мнения о таксации придерживался в своем «Опыте о первоначальной справедливости» один из наиболее радикальных социальных мыслителей революции Пьер Доливье: «...своими жалобами и ропотом он (народ. — Т. Ч.) наконец добился введения твердых цен на продовольствие; но эта мера, продиктованная обстоятельствами, сама есть зло и влечет за собой множество неудобств. Нужно добиваться такого средства, чтобы никогда не приходилось обращаться к ней» (цит. по: Жорес. Т. 6. С. 236).

12 *...честность французского народа может служить гарантией при отчуждении общественного домена*. — См. примеч. 11 к речи «О продовольствии». Уплачивая долги Старого порядка распродажей национализированных земель (и имуществ вообще), Учредительное собрание рассчитывало восстановить доверие к государственной власти. В ходе революции условия продажи менялись в пользу покупателей и к невыгоде государства, поскольку несмотря на инфляцию приобретатели продолжали расплачиваться ежегодным взносом ассигнатов, которые принимались по номиналу. Обосновывая переход к революционной диктатуре, Сен-Жюст в духе либеральных идеологов Учредительного собрания защищает принцип преемственности в отношении важнейшего социально-экономического акта последнего. Разрыв с либеральной традицией 1789 г. в фундаментальных установлениях революционного порядка управления не исключал, следовательно, и существенных элементов преемственности.

13 *...представить вам отдельный доклад относительно колоний*. — Доклад о колониях не был сделан, но вопрос о международной политике и торговле в Европе Сен-Жюст рассматривал в докладе «О законе против англичан».

14 *...продукты для герцога Йоркского...* — См. примеч. 9 к докладу «О жирондистах».

15 *...Конституция не может быть введена ☞ для ее же уничтожения*. — Речь идет о Конституции 24 июня 1793 г.

16 *...правительство строило заговоры ☞ остановить это бедствие*. — Восстание в Вандее началось 10 марта 1793 г., поводом к нему послужил принятый 24 февраля декрет о наборе в армию 300 тыс. человек. Реакционный переворот в Лионе произошел 28—29 мая. Федералистский мятеж назревал еще до народного восстания 31 мая—2 июня, удалившего жирондистов из Конвента; известие о восстании в Париже форсировало выступления против новой власти в Бордо, Марселе и др. Вожди жирондистов, против которых 2 июня был принят обвинительный декрет, бежав из Парижа, приняли активное участие в организации выступления, в которое к концу июня 1793 г. было вовлечено около половины департаментов (см.: *Гордон А. В. Федералистский мятеж // Французский ежегодник. 1967. М., 1968. С. 86—107*).

17 *...обязанности представителей народа при армиях*. — Институт представителей народа в миссии при армии был учрежден 9 апреля 1793 г. К этому моменту Конвент уже направил 82 депутата в департаменты для организации набора в армию. Декрет 9 апреля направлял 63 депутатов во все армии Республики. Облеченные неограниченными полномочиями, они осуществляли надзор за деятельностью агентов Исполнительного совета, за всеми поставками для армии, за поведением генералов, офицеров и солдат (D. P. 127). О характере их деятельности см. материалы миссий Сен-Жюста.

18 *Умирают от голода те, кто пощадил разоренную Бельгию*. — Имеется в виду оккупация Бельгии в ноябре 1792—марте 1793 г. В Конвенте существовали различные подходы к завоеванным территориям. Якобинцы вначале выступали против контрибуций и иных принудительных поступлений, но затем под давлением прежде всего практических нужд войск изменили позицию.

19 *У нас до сих пор нет ☞ которую мы должны основать*. — Сен-Жюст выдвигал те же идеи в «Духе Революции» (кн. 3, гл. XVI). См. также его речь «О реорганизации армии» и «Республиканские установления», фрагмент 15.

²⁰ Так, греки обязаны с фаланге, римляне — легиону с воинскую организацию. — Воинские подразделения Древней Греции и Рима составлялись первоначально по родовому принципу соответственно структуре общественного и государственного устройства.

²¹ Если французскую нацию с молниеносный удар. — Тактика и стратегия республиканских армий была определена в инструкциях Комитета общественного спасения от 14 гювюиоза II года (2 февраля 1794 г.): «Основное правило состоит в том, чтобы всегда действовать массой и наступательно, чтобы поддерживать в армии дисциплину суровую, но не мелочную, постоянно заниматься обучением войск, но не изнурять их <...> переходить при каждом удобном случае в штыковой бой и преследовать врага до полного его уничтожения» (D. P. 129).

О законе против англичан

(Доклад, представленный Национальному конвенту от имени Комитета общественного спасения 25 числа первого месяца II года Республики <16 октября 1793 г.> — Sur la loi contre les Anglais)

В общественном мнении республиканской Франции к осени 1793 г. произошел резкий поворот в отношении к иностранцам. В ожесточении войны, которая велась против Франции, в условиях втягивания в нее почти всех европейских стран идеи братства народов, не исчезая полностью, стали оттесняться на второй план настроениями, близкими к ксенофобии. В начале 1794 г., когда Сен-Жюст будет делать свои доклады против «фракций», разоблачая «иностраннный заговор», в массовом сознании уже утвердился образ всего международного окружения Франции как недифференцированно и неизменно враждебной «заграницы», а первые репрессивные меры против иностранцев были, как правило, ответом на подобные антифранцузские действия коалиции и последовали вместе с установлением террористического режима. На волне террористических настроений, особенно после захвата англичанами Тулона и находившейся там французской эскадры, последовали специально противанглийские действия. 9 октября как отражение непримиримости англо-французских торгово-экономических противоречий и как пролог будущей «континентальной блокады» был принят декрет, закрывающий доступ во Францию английских товаров. В тот же день Конвент декретировал арест всех англичан (кроме рабочих и детей до 12 лет), находящихся на территории Франции, и конфискацию их имущества (M. XVIII. P. 87—88). Депутат Пон (Pons) на заседании 13 октября поставил вопрос, почему англичан следует выделять среди подданных других государств, которые ведут войну против Франции. Было решено, что Комитет общественного спасения должен мотивировать принятие репрессивных мер специально против англичан (M. XVIII. P. 116).

Доклад Сен-Жюста был опубликован в «Монитёре» и по решению Конвента выпущен отдельной брошюрой.

¹ ...о том, что произошло в Тулоне, об убийствах представителей народа... — Тулон был сдан англичанам 28 августа 1793 г. При этом были захвачены два депутата Конвента Пьер Бейль и Бове. 22 сентября пришло сообщение о смерти первого из них (M. XVIII. P. 728). После освобождения Тулона выяснилось, что он покончил с собой в тюрьме, ожидая расправы (M. XIX. P. 114).

² У Питта в Англии с у Ролана было бюро общественного мнения. — Сен-Жюст сопоставляет антифранцузскую пропаганду английского правительства с пропагандистской деятельностью жирондистов, в частности с созданием Роланом в бытность его министром внутренних дел бюро общественного мнения при этом министерстве.

³ Бриссо ввел вас в заблуждение, выдвигая философские принципы... — Бриссо от имени Комитета общей обороны сделал на заседании Конвента 12 января 1793 г. специальный доклад «О намерениях британского правительства в отношении Франции и о мерах, которые надлежит принять». Доклад мог задержаться в памяти Сен-Жюста, потому что его автор выступал здесь с обобщением своей позиции и потому что за несколько недель до вступления Англии в войну тот сумел проглядеть реальную опасность этого вступления, серьезно преувеличив силу дружественного Франции демократического движения в стране (см.: Жорес. Т. 4. С. 432—437).

⁴ ...в Трое допустили для греков лишь одно исключение, для Синона. — Один из заключительных эпизодов Троянской войны связан с именем грека Синона, который, выдав себя за преследуемого, убедил троянцев везти в город оставленного отплывшими греками огромного деревянного коня, и он же открыл ночью спрятавшимся в нем грекам выход.

⁵ ...совершил Килмен, осыпанный у нас милостями. — Чарлз(Шарль) Эдуард Килмен — участник Войны за независимость США, в 1793 г. бригадный генерал в Северной армии, участвовал в сражении при Жемаппе. Когда в конце мая началась новая полоса поражений на фронтах, эти поражения были приписаны предательству командования, в частности Килмена. В дальнейшем — наполеоновский генерал.

⁶ ...лучшим возмездием Австрии *с* эшафот и бесчестие... — Сен-Жюст имеет в виду предание суду и казнь 16 октября 1793 г. Марии-Антуанетты, сестры австрийских императоров Иосифа II и Леопольда II.

О лицах, содержащихся в тюрьмах

(Доклад, представленный Национальному конвенту от имени Комитетов общественного спасения и общей безопасности 8 вантоза II года <26 февраля 1794 г.> — Rapport <...> relatif aux personnes incarcérées)

Революционное правительство в общественном мнении, в народных обществах и клубах, даже в самом Конвенте столкнулось с двойной оппозицией. Полагая, что непосредственная опасность устранена (к концу 1793 г. вандейцы были разгромлены, федералистский мятеж подавлен, границы освобождены), одни, «снисходительные», как их называли, требовали смягчения террора, другие, «крайние», настаивали на его усилении, особенно с начала февраля 1794 г., когда обострившийся продовольственный кризис вновь привел в волнение народные массы Парижа.

Кампанию «снисходительных» при поддержке Дантона открыл Демулен, который 5 декабря 1793 г. начал выпускать газету «Старый Кордельер». В третьем номере «Старого Кордельера», уже не довольствуясь нападка на «крайних», на Эбера, редактора газеты «Пер Дюшан», и его друзей из клуба Кордельеров, он, используя прозрачные аллюзии, поставил под вопрос систему террора в целом, принципы революционного правительства. В четвертом номере он требовал освобождения граждан, «которых вы называете подозрительными», и учреждения «комитета милосердия». Наступление «снисходительных» побудило Конвент 4 вантоза II г. (22 февраля 1794 г.) предписать Комитетам общественного спасения и общей безопасности рассмотреть вопрос о лицах, содержащихся под стражей, и сделать доклад о возможности их освобождения. В то же время Комитет общественного спасения попытался обезоружить оппозицию «крайних», удовлетворив одно из существенных народных требований: имущества лиц, признанных врагами революции, подлежали конфискации. Представить Конвенту соответствующий доклад было поручено Сен-Жюсту. Доклад был опубликован в «Монитёре» и по решению Конвента выпущен отдельной брошюрой; переиздавался в департаментах.

¹ ...два ваши Комитета *с* доклад относительно содержания под стражей... — Речь идет о содержании под стражей в силу закона о подозрительных от 17 сентября 1793 г. См. примеч. 9 к докладу «О революционном порядке управления».

² ...от примеров к террору. — Террор был декларирован Конвентом «в порядке дня» 5 сентября 1793 г. под давлением мощной народной манифестации в Париже; формирование системы террора происходило в сентябре—октябре. Сам Сен-Жюст во время своих миссий в качестве меры воздействия предпочитал «примеры» (см.: Gross J. P. Saint-Just: Za politique et ses missions. Paris, 1976).

³ ...установлений, которые являются душою Республики. — Именно в это время Сен-Жюст, по-видимому, вплотную занялся разработкой системы «республиканских установлений».

⁴ ...возвоят в культ атеизм, нетерпеливый и фанатичный... — Возглавлявшееся «крайними» движение за дехристианизацию развернулось в начале осени 1793 г. Кульминацией стал праздник Разума, проведенный 10 ноября 1793 г. в Нотр-Дам-Робеспьер и Комитет общественного спасения выступили против дехристианизации. 8 декабря был принят декрет о свободе культов. Однако многие церкви оставались закрытыми.

⁵ ...Филипп вызвал волнения в Афинах... — Филипп Македонский.

⁶ В 1787 году Людовик XVI *с* на улице Меле и на Новом мосту. — Сен-Жюст имеет в виду волнения в Париже в конце августа 1787 г., вызванные высылкой в Труа членов Парижского парламента, отказавшегося регистрировать королевские указы о новых налогах. Это были первые политические выступления народа в преддверии революции.

⁷ Подобные сцены *с* на Марсовом поле. — В ходе демократического движения, развернувшегося после бегства короля, 17 июля 1791 г. парижане собрались на Марсовом поле подписать ан-

тимонархическую петицию. Под предлогом беспорядков Учредительное собрание приказало мэру Парижа Байи рассеять сборище. Национальная гвардия открыла огонь по безоружной толпе, оставив на ступенях Алтаря отечества около пятидесяти трупов.

⁸ *Ваш Революционный трибунал за год покарал триста злодеев.* — 10 марта 1793 г. был учрежден Революционный трибунал для расследования всех контрреволюционных дел. С установлением режима террора после 5 сентября 1793 г. Революционный трибунал был разделен на четыре секции, две из которых функционировали одновременно. Крупные политические процессы начались в октябре. О статистике казненных см.: Greer D. The incidence of the terror during the French revolution. Cambridge (Mass.), 1935.

⁹ *...Бендер, который приказал сжигать детей в Бельгии!* — Сен-Жюст имеет в виду жестокое подавление восстания в Австрийских Нидерландах (Бельгии) войсками маршала Бендера в 1789 г.

¹⁰ *...изгнали Маргарота...* — Морис Маргарот был одним из основателей Лондонского корреспондентского общества, ставившего своей целью пропаганду в пользу Французской революции и демократических преобразований в Англии. По инициативе шотландских организаций этого общества в ноябре 1793 г. в Эдинбурге был создан общепарижский конвент демократических организаций, борющихся за всеобщее избирательное право. В декабре конвент был разогнан, а Маргарот, председательствовавший на нем, приговорен к четырнадцати годам изгнания и выслан в Ботани-Бей (Австралия).

¹¹ *...те, кто дает вам суровые советы, или те, кто дает советы снисходительные?* — Имеются в виду «фракции» «крайних» и «умеренных», или «снисходительных».

¹² *...их занимали не столько победы Республики, сколько некоторые памфлеты.* — Имеется в виду кампания К. Демулена в «Старом Кордельере».

¹³ *...в споры журналистов.* — Борьба между двумя фракциями якобинцев проявилась в ожесточенной полемике между «Старым Кордельером» и «Пер Дюшеном»; стены Парижа были оклеены афишами тех и других.

¹⁴ *...невозможно более обходиться молчалием, боится сам взойти на него.* — В это время продолжался скандал с Индийской компанией. Декрет о ликвидации компании был фальсифицирован Фабром д'Эглантинем и Делоне из Анжера, которые получили за это 500 тысяч ливров. Шабо, подвергшийся резким нападкам за свои связи с австрийскими банкирами братьями Фрей (он был женат на их сестре), чтобы выгородить себя, донес 25 ноября 1793 г. об этой афере. Фабр, «глава мошенников», отвлекая внимание Конвента, объявил об «иностранном заговоре», в который он зачислил левых якобинцев. В конце концов против Фабра и его сообщников был издан обвинительный декрет 28 вантоза II г. (18 марта 1794 г.).

¹⁵ *...эта снисходительность, стереть с лица земли города...* — Имеется в виду Лион. 2 октября 1793 г. после двухмесячной осады Лион был взят республиканскими войсками. Конвент постановил разрушить в городе все дома богатей. Тем же декретом от 12 октября Лион был переименован в Виль Афанши (Освобожденный город).

¹⁶ *Никогда Преси, никогда Ларуэри и Паоли, было бдительным и суровым.* — Граф Преси, бывший подполковник конституционной гвардии Людовика XVI, возглавил федералистский мятеж в Лионе; маркиз Ла Руэри организовал роялистский заговор в Бретани в 1792 г.; Паоли — см. примеч. 34 к докладу «О жирондистах».

¹⁷ *...с мая прошлого года...* — Со времени падения Жиронды (1793 г.).

¹⁸ *За это время Дюмурье, мы терпели неудачи в Пиренеях и в Мон-Блане.* — Бельгия была оставлена после поражения при Неервиндене, за этим последовало оставление левого берега Рейна; прусские войска осадили Майнц. После 2 июня против Парижа выступили федералистские департаменты. Из Кальвадоса к Парижу в июле направился вооруженный отряд. В мае вандейцы захватили территорию четырех департаментов, включая города Сомюр, Анжер, Туар, Фонтене. В июле 1793 г. австрийцы овладели Конде и Валансьенном, затем осадили Лекенуа и Мобёж. В Пиренеях испанцы перешли границу и продвинулись до Руссильона. Савойя (департамент Мон-Блан) была захвачена сардинскими войсками.

¹⁹ *Заговор правых.* — Заговор жирондистов.

²⁰ *Конституция слотила суверен.* — После восстания 31 мая—2 июня перед якобинским правительством встала задача сплотить французский народ и отклонить обвинения в узурпации власти. Этим в незначительной степени было обусловлено срочное принятие Конституции и вынесение ее на референдум (см.: Гордон А. В. Классовая борьба и Конституция 1793 г. // Французский ежегодник. 1972. М., 1974).

²¹ *...тогда снизились цены на продукты и несколько поднялся денежный курс.* — Террор как

орудие экономической политики способствовал проведению всеобщего максимума и затормозил падение курса ассигнатов.

22 ...*сила вещей*... — Другими словами, логика развития событий. Ссылаясь на чрезвычайное положение, Сен-Жюст и другие руководители якобинской диктатуры обосновывали чрезвычайные меры, в том числе в социальной политике. Само понятие встречается еще у Руссо, который сопоставлял «силу вещей» и «силу законов» (Руссо. «Об общественном договоре», кн. 2, гл. 11).

23 *Если вы издадите всеобщий закон со вся нация возьмется за оружие*. — Всеобщая мобилизация была декретирована 23 августа 1793 г.: «С настоящего момента и до тех пор, пока враги не будут изгнаны с территории Республики, все французы находятся в состоянии реквизиции для службы в армии» (D. P. 146).

24 *Чем больше функционеров занимают место народа*... — В этом докладе Сен-Жюст впервые употребляет слово «функционер» в значении, близком к современному: речь идет о выборных должностных лицах местного самоуправления, обретавших все признаки бюрократии. С весны 1794 г. это слово практически вытесняет в докладах Сен-Жюста слово «магистрат».

25 ...*говорил Уильям*. — Речь, видимо, идет о Дэвиде Уильямсе (Вильямсе), английском политическом мыслителе и правоведе, который в числе 18 знатных иностранцев (Вашингтон, Песталоцци, Шиллер, Костюшко, Пейн, Макинтош, Клоотс и др.) удостоился звания французского гражданина. Во Франции были известны его работы «Письма о политической свободе» (1782) и «Урок политических принципов» (1789). Участвовал в разработке французской конституции в 1792 г. После казни короля покинул Францию.

26 *Ни одно зло в правительстве со после террора, нежели до него*. — Как параллель террору Сен-Жюст употребляет слово «justice» в типичном для французского языка значении одновременно и «справедливость», и «правосудие». Эту двойственность следует иметь в виду при чтении и других текстов Сен-Жюста.

О способе проведения в жизнь декрета против врагов революции

(Доклад, представленный Национальному конвенту от имени Комитета общественного спасения 13 вантоза II года <3 марта 1794 г.> — Sur le mode d'exécution du Décret contre les ennemis de la Révolution)

Доклад является продолжением и развитием предыдущего. Он был опубликован в «Монитёре» и по решению Конвента выпущен отдельной брошюрой; неоднократно переиздавался в Париже и в департаментах вместе с докладом «О лицах, содержащихся в тюрьмах».

Вантозские декреты, принятые по докладам Сен-Жюста, являются одним из центральных пунктов дискуссии о природе якобинской власти. Ж. Жорес увидел в них «средство осуществления революционного равенства», притом средство долговременного действия (Жорес. Т. 6. С. 353). Программу новой социальной революции усмотрел в вантозских декретах А. Матьез, историк-робеспьерист (Mathiez A. La Terreur instrument de la politique sociale des Robespieristes: Les décrets de ventôse et leur application // Mathiez A. Girondins et Montagnards. Paris, 1930). Примерно с этих же позиций писал о применении вантозских декретов Р. Шнерб: Schnerb R. 1) L'application des décrets de ventôse dans le district de Thiers (Puy-de-Dôme) // AHRF. 1929. N 1, 2; 2) Les lois de ventôse et leur application dans le département du Puy-de-Dôme // AHRF. 1934. Напротив, Ж. Лефевр (Аграрный вопрос в эпоху террора. Л., 1936. С. 28) и А. Собыль (Парижские санюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966. С. 335—342) склонны усмотреть в них прежде всего политический маневр революционного правительства. Эти две линии интерпретации вантозских декретов мы можем проследить и в советской историографии, в частности в полемике между А. З. Манфредом (1) Великая французская революция. М., 1983. С. 179—180; 2) Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1978. С. 346) и В. Г. Ревуненковым (1) Вантозские декреты // Вестн. ЛГУ. История. Язык. Литература. 1975. Вып. 2. С. 74—76; 2) Очерки по истории Великой французской революции. Л., 1989. С. 404—406). Показательно, однако, что почти никто не высказывает сомнений в искренности стремления автора этих декретов наделить собственностью немущих патриотов. О применении этих декретов см. также: Gross J. P. Note sur la portée des décrets de ventôse dans le Centre et Sud-Ouest // AHRF. 1989. N 275. P. 16—25.

О Фракциях, направляемых из-за границы, о заговоре, замысленном ими во Французской республике, чтобы сокрушить республиканское правительство посредством разложения и уморить Париж голодом

(Доклад, представленный Национальному конвенту от имени Комитета общественного спасения 23 вантоза II года <13 марта 1794 г.> — *Rapport sur les Fractions de l'Étranger, et sur la Conjuratourdie par elles dans la République française, pour détruire le Gouvernement républicain par la corruption, et affamer Paris*)

После прозвучавшего на заседании клуба Кордельеров 4 марта призыва к восстанию в условиях обострившегося продовольственного кризиса, массового недовольства и брожения в народе Комитет общественного спасения решил ликвидировать оппозицию слева. 12 марта Комитет одобрил выводы подготовленного Сен-Жюстом обвинительного доклада. В ночь с 13 на 14 марта лидеры Кордельеров Эбер, Венсан, Ронсен, Моморо были арестованы. На процессе в качестве «иностранных агентов» к ним присоединили Клоотса, Проли, Дефьё, Перейру — людей иностранного происхождения. В «амальгаму» были включены также лица, никак лично не связанные и даже даже незнакомые с лидерами Кордельеров, но долженствовавшие своими роялистскими высказываниями или происхождением продемонстрировать справедливость обвинений в контрреволюционном «заговоре». 24 марта все обвиняемые, кроме полицейского осведомителя Лабура, были казнены. О характере оппозиции Кордельеров и о самом процессе см.: *Собуль А. Парижские санкюлоты...*; *Ревуненков В. Г. Гибель эбертистов // Вопросы истории. 1974. № 6. С. 133—145.* Доклад Сен-Жюста был опубликован в «Монитёре» и по решению Конвента выпущен отдельной брошюрой; неоднократно переиздавался в Париже и в департаментах.

¹ *Восстание является для народов гарантией ∞ она в справедливости и в добродетели народа.* — Эти идеи развивал Робеспьер в докладе «О принципах политической морали» 17 пловиоза (5 февраля 1794 г.).

² *В Республике зреет заговор ∞ помешать установлению свободы.* — К концу 1793 г. «complot de l'étranger» (букв. «иностранный заговор», или «заговор за границы») занял в общественном мнении место «заговора аристократов», с представлением о котором штурмовали Бастилию, шли на Версаль и т. д. По убеждению, разделявшемуся, очевидно, не только Сен-Жюстом, после упразднения монархии и разгрома аристократии подоплекой внутренних раздоров в конечном счете могли быть лишь промски извне. За годы революции измалось немало иностранцев, бежавших от политических преследований, но в своем большинстве утративших симпатии к новой родине с установлением революционной диктатуры. Немало было дельцов, привлеченных возможностью наживы в условиях грандиозного перемещения собственности, прежде всего в виде недвижимого имущества. Ввиду внешнеполитической изоляции Республики и отсутствия нормальных дипломатических отношений с другими странами иностранцев приходилось широко использовать для различных неофициальных миссий, характер которых уже сам по себе внушал подозрения, особенно при постоянных изменениях в руководстве французской дипломатии. Скандал с ликвидацией Индийской компании, выявив связи между коррумпированными депутатами и дельцами иностранного происхождения, завершил формирование образа «иностранный заговора» (см.: *Mathiez A. 1) La conspiration de l'étranger. Paris, 1918; 2) Un procès de corruption sous terre: l'affaire de la compagnie des Indes. Paris, 1920*).

³ *...наши декреты лишили врагов революции их имущества...* — См. ст. 2 декрета 8 вантоза (26 февраля 1794 г.) в тексте доклада Сен-Жюста.

⁴ *...там зарывали в землю съестные припасы ∞ вызвал волнения.* — Конец зимы 1794 г. был отмечен резким ухудшением снабжения, в частности в Париже. Общественное мнение, которое всякие трудности привычно связывало с каким-нибудь заговором, подхватило версию «голодного заговора» («complot d'affamer»). Реальной основой «заговора» было возрастание сопротивления таксации и реквизициям со стороны деревни, а поскольку группировка «крайних» резко выступала сторонницей ужесточения режима таксации и реквизиций, им и был инкриминирован этот «заговор».

⁵ *Первым вдохновителем заговора ∞ английское правительство.* — См. доклад «О законе против англичан» и вводное примечание к нему.

⁶ *Эти новоявленные Синоны...* — См. примеч. 4 к докладу «О революционном порядке управления».

⁷ *Вы приняли закон против иностранцев...* — Речь идет, в частности, о декрете 16 октября 1793 г. по докладу Сен-Жюста.

⁸ *Дело Шабо покажет вам, какое значение они сумели обрести в общественном мнении.* — Сен-Жюст шаржирует поведение лидеров Кордельеров. О «деле Шабо» см. примеч. 14 к докладу «О лицах, содержащихся в тюрьмах». Шабо был приговорен к смерти по процессу над Эбером и его сподвижниками.

⁹ *... в Нанси объявился некий Марат, а другой Марат появился в Страсбурге, он был контрреволюционер.* — Имеются в виду Може из народного общества в Нанси и Эйлож Шнейдер, общественный обвинитель уголовного трибунала в Страсбурге. Може, привлеченный к суду Революционного трибунала по обвинению в незаконных поборах, был оправдан 1 плевизоа II г. (20 января 1794 г.); Шнейдер, бывший викарий конституционного епископа Страсбурга, став общественным обвинителем, создал революционную комиссию, которая разрезжала по департаменту вместе с передвижной гильотиной. Сен-Жюст и Леба во время своей миссии в Рейнскую армию 24 фримера (14 декабря 1793 г.) отдали приказ о его аресте за превышение власти. Представ перед судом Революционного трибунала, Шнейдер был 12 жерминаля (1 апреля 1794 г.) приговорен к смерти.

¹⁰ *...взял себе имя героя, которому ни в чем не следует.* — Как свидетельство влияния античной традиции, ставшей особенно актуальной с началом дехристианизации, многие активисты народного движения меняли свои имена на имена великих людей античности — Брут, Гракх, Анаксагор, Анахарсис и т. п.

¹¹ *...подлеца, торгующего своим пером и своею совестью...* — Ср. ниже: «Какая заслуга в том, что вы слывете патриотами, если вы осыпаны благами, если памфлет принесит вам тридцать тысяч ливров дохода...» — неясные намеки — возможно, на Демулена, которого со времени выхода одиозного третьего номера «Старого Кордельера» постоянно обвиняли в том, что он продался аристократам; возможно, на Эбера, небывалый трехсоттысячный тираж газеты которого принес ему и значительный материальный успех; возможно, на Фабра д'Эглантина, литератора, автора Республиканского календаря и одновременно подделки декрета о ликвидации Индийской компании. Возможно, наконец, что Сен-Жюст рисует собирательный образ «флюгера» революции.

¹² *...так ужасный Анн Монморанси, взывая к Богу, истреблял граждан во славу неба!* — Коннетабль Анн Монморанси, командовавший католическими войсками в религиозных войнах середины XVI в., был известен особой жестокостью по отношению к побежденным гугенотам.

¹³ *Так начался мятеж Преси в Лионе.* — См. примеч. 16 к докладу «О лицах, содержащихся в тюрьмах».

¹⁴ *Распространились смутные слухи, требующие короля.* — Волнения, вызванные кризисом снабжения, обнаружили себя, в частности, листовками, разбрасываемыми на рынках, и афишами с мятежными призывами.

¹⁵ *...они делают вид, что враждуют, чтобы душиТЬ свободу.* — Развитие идеи, высказанной Робеспьером в докладе «О принципах политической морали» 17 плевизоа (5 февраля 1794 г.). Он говорил, что две фракции «двигаются под знаменами различных цветов и по разным дорогам, но они двигаются к одной цели: эта цель — дезорганизация народного правительства и гибель Конвента, то есть торжество тирании» (Робеспьер. Т. 3. С. 115).

¹⁶ *Где же Тарпейская скала?* — С Тарпейской скалы на Капитолийском холме в Риме сбрасывали преступников, осужденных на смерть.

¹⁷ *...не счастье Персеполиса предлагаем мы вам...* — Персеполь, столица персидского государства Ахеменидов, был символом изнеженной роскоши.

¹⁸ *...мы предлагаем вам счастье Спарты и Афин, вот счастье.* — Так Сен-Жюст формулирует господствовавший в тот момент демократический идеал — общество независимых мелких производителей, каждый из которых имеет свое поле или свою мастерскую и живет плодами своего труда, равно далекий от нужды и от излишеств.

¹⁹ *Пусть он следует совету Миноса, пусть преследует магистратов.* — См. примеч. 3 к речи «О Конституции».

²⁰ *...они готовы поднять мятеж.* — Лидеры Кордельеров Венсан и Ронсен были арестованы по доносу Фабра д'Эглантина в декабре 1793 г., но спустя два месяца освобождены под давлением широкого недовольства среди демократической общественности Парижа. Арестованные требовали отмищения преследователям.

²¹ *...подобно Герострату в Дельфах.* — Герострат сжег храм Артемиды не в Дельфах, а в Эфесе.

²² *...разве в этом достоинство патриотизма?* — Возможно, намек на «Старого Кордельера» Демулена.

²³ *Пале-Эгалите.* — Революционное название Пале-Руаяля, принадлежавшего Филиппу Эгалите.

24 ...они носят длинные брюки... — выдают себя за санкюлотов.

25 ...согласно закону от 14 фримера... — Декретом «Об организации временного правительства» от 14 фримера (4 декабря 1793 г.) Комитету общественного спасения поручалось принять все необходимые меры, чтобы провести реорганизацию установленных властей, указанную в этом декрете (разд. IV, ст. 1).

26 ...учреждается шесть народных комиссий. — Развитие выводов из докладов «О лицах, содержащихся в тюрьмах» и «О способах проведения в жизнь...».

27 ...внесение декрета в Бюллетень... — Декрет 14 фримера (4 декабря 1793 г.) предусматривал создание «Бюллетеня законов», который должен был ежедневно рассылаться по почте всем установленным властям и должностным лицам. Законы подлежали исполнению в 24 часа после получения «Бюллетеня». Однако первый номер его вышел лишь 22 прериаля (10 июня 1794 г.); см.: Олар. С. 435—436.

Об аресте Эро-Сешеля и Симона

(Доклад, представленный Национальному конвенту от имени Комитета общественного спасения 27 вантоза II года <17 марта 1794 г.> — Rapport sur l'arrestation de Herault-Séchelles et Simon)

Эро де Сешель и Симон были арестованы 15 марта 1794 г. по решению Комитета общественного спасения. Два дня спустя Сен-Жюст представил Конвенту соответствующий доклад. Доклад был опубликован в «Монитёре».

1 ...за явное нарушение закона, принятого 4 числа сего месяца против заговорщиков. — Возможно, следует читать «4 дня назад». Наказание за сношение с арестованными предусматривалось статьей 12 декрета 23 вантоза (13 марта 1794 г.).

О дантонистах

(О заговоре, составленном несколько лет назад преступными фракциями, чтобы свести Французскую революцию к перемене династии, а также против Фабра д'Эглантина, Дантона, Филиппо, Лакруа и Камилла Демулена, обвиняемых в сообщничестве с этими фракциями, и о других фракциях и преступлениях других лиц против Свободы. Доклад, представленный Национальному конвенту от имени Комитетов общественного спасения и общей безопасности 11 жерминаля II г. <31 марта 1794 г.> — Rapport ... sur la Conjuration ourdie depuis plusieurs années par les Factions criminelles, pour absorber la Révolution Française dans un changement de dinastie; et contre Fabre-d'Eglantine, Danton, Philippeaux et Camille-Desmoulins, prévenus de complicité dans ces factions et d'autres délits personnels contre la Liberté)

Одновременно с осуждением «крайних» революционное правительство решило нанести удар по «снисходительным». Решение об этом было принято Комитетом общественного спасения или соединенными комитетами не позднее 28 вантоза (18 марта 1794 г.): 29 вантоза Барер сообщал Конвенту, что Сен-Жюсту предстоит в скором времени представить доклад «о новом заговоре» (Hamel. P. 424). Неизвестно, когда был подготовлен первый вариант доклада и был ли он представлен Комитету; по своей ли инициативе, по просьбе ли Сен-Жюста, или по поручению Комитета Робеспьер взялся просмотреть и исправить этот текст. От последнего осталось лишь несколько строк на одном листе, попавшем среди заметок, сделанных Робеспьером к этому варианту:

«Друзья Бриссо говорили, что он дитя; что он непоследователен.

Дантон говорил о Фабре, что его голова — это пьеса с запутанной интригой, сборник комических историй; он выставял его в смешном виде, чтобы он не выглядел как заговорщик.

Дантон говорил об охоте, о ванне, о наслаждениях, о тех, чьего глаза он боится. Эро был серьезным в стенах Конвента, он был шутком в частной жизни.

Фабр доносил на Ронсена и Венсана; Дантон защищал их; он защищал всех на свете». (Mathiez A. Études sur Robespierre. Paris, 1958. P. 125).

Окончательный вариант доклада построен в значительной степени на заметках Робеспьера, повторяя их местами почти дословно (русский перевод «Заметок против дантонистов» см.: Робеспьер. Т. 3. С. 142—153; сопоставление см.: Mathiez A. Les notes de Robespierre contre les Dantonistes // Mathiez A. Études sur Robespierre. Paris, 1958).

Постановление об аресте Дантона, Демулена, Делакруа и Филиппо было принято в ночь с 30 на 31 марта 1794 г. на совместном заседании правительственных комитетов. Робеспьер подписал

его предпоследним, отказались подписать член Комитета общественного спасения Ленде и член Комитета общей безопасности Рюль. Ранним утром постановление было приведено в исполнение. Известие об аресте четырех депутатов вызвало волнение в Конвенте. Первым от имени комитетов выступил Робеспьер, затем на трибуну поднялся Сен-Жюст.

Конвент утвердил постановление комитетов. Доклад Сен-Жюста был опубликован в «Монитёре» и по решению Конвента выпущен отдельной брошюрой; неоднократно переиздавался в департаментах и в Париже.

1 ... в священном чувстве любви к отечеству... — «L'amour sacré de la Patrie» — начальная строка одного из куплетов «Марсельезы».

2 ... это чувство овладевает Манлием с привязанностями... — Во время войны римлян с латинянами в 340 г. до н. э. консулы Тит Манлий Торкват и Публий Деций Мус, дабы укрепить дисциплину, запретили всякое общение с врагом, включая поединки вне общего строя. Сын Манлия во время рекогносцировки убил в единоборстве командира отряда латинян. С торжеством вернулся он к отцу и рассказал о своей победе. Но суровый консул перед строем осудил его на смерть за нарушение приказа и, несмотря на ужас и мольбы всего войска, приказал казнить, показывая пример жестокой и необходимой дисциплины. См.: *Тит Ливий*. История Рима от основания города, XIII, 6—7.

3 ... оно увлечает Регула в Карфаген с на край бездны... — Марк Атилий Регул, консул 256 г. до н. э., командовавший римским войском во время Первой пунической войны. Попав в плен к карфагенянам, был отправлен ими в Рим вместе с посольством, в задачу которого входило заключение мира и обмен пленными. Вместо того чтобы, как рассчитывали карфагеняне, склонить римлян к заключению мира, рекомендовал сенату отвергнуть мирные предложения, за что впоследствии был замучен в плену. Воспринимался в годы революции как пример гражданской доблести.

4 ... помещает в Пантеон Марата, павшего жертвою своей самоотверженности. — Марат был похоронен в часовне бывшего монастыря Кордельеров, в котором располагался одноименный клуб, провозгласивший себя наследником идей Марата. Декрет о перенесении его праха в Пантеон и об удалении оттуда праха Мирабо был принят Конвентом в самом начале II года Республики. Однако лишь после термидорианского переворота, 21 сентября 1794 г., решение было приведено в исполнение: термидорианцы использовали его в пропагандистских целях, распространяя слухи, что лишь зависть Робеспьера не позволила сделать это раньше. Не прошло и года, как началось уничтожение изображений Марата, и прах его был выброшен в общую могилу. «Пантеон» для Марата здесь следует понимать в переносном смысле, как Пантеон истории, Пантеон славы.

5 ... требовали обновить Собрание... — На заседании 11 августа 1793 г. Делакруа (Лакруа) выступил с заявлением, что миссия Конвента окончена, поскольку принята новая Конституция, и что Конвент следует распустить.

6 Личные качества некоторых из них спасали отечество в моменты кризисов и измен... — Сен-Жюст мог иметь в виду роль Камилла Демулена в событиях, предшествовавших взятию Бастилии 14 июля 1789 г., или роль Дантона в организации отпора войскам коалиции в октябре 1792 г.

7 ... это она несколько раз предлагала с делая вид, что ее уничтожает... — См. вводное примечание к «Второй речи о суде над королем» и доклад «О жирондистах». 27 марта 1793 г., когда до Парижа дошли слухи об измене Дюмурье, в штабе которого был сын Филиппа Эгалите (см. примеч. 24 к докладу «О жирондистах»), предложение изгнать из Франции в недельный срок всех Капетов внес Робеспьер, но на сей раз воспротивились жирондисты.

8 Банкир Коонкноф. — Это, видимо, Ж. К. Кок, осужденный с группой Эбера.

9 Ганноверскому дому. — Королевскому дому Англии. См. примеч. 9 к докладу «О жирондистах».

10 Заграница поддерживала с оказала помощь Дюмурье... — Аргументы в пользу существования «иностранный заговора» см.: *Mathiez A. Conspiration de l'étranger*. Paris, 1918.

11 ... стал новым кардиналом де Рецем. — Кардинал де Рец, Жан Франсуа Поль де Гонди, активный участник Фронды принцев, будучи коадьютором, помощником архиепископа Парижского, завоевал популярность выступлениями против налоговой политики Мазарини. Несколько раз переходил из одного лагеря в другой ради кардинальской мантии. Посмертно изданные в 1717 г. «Мемуары» принесли ему славу одного из наиболее своеобразных писателей XVII в.

12 Народное общество с восхваляло в своем воззвании взгляды Эбера и Шометта. — Воззвание клуба в Мулене 24 фримера II г. (14 декабря 1793 г.). Опубликовано в Archives

parlementaires (1-re sér. Т. 81. Р. 433). Вместе с соседним департаментом Ньевр Алье, центром которого является Мулен, был очагом дехристианизации. Ньевр — родина Шометта, которую он посетил осенью 1793 г. В обоих департаментах протекала также миссия Ж. Фуше. См.: Захер Я. М. Дехристианизаторская деятельность Жозефа Фуше // Ежегодник музея истории религии и атеизма. М.; Л., 1959.

13 ...превратить атеизм в культ, еще более нетерпимый, чем суеверие. — См. примеч. 4 к докладу «О лицах, содержащихся в тюрьмах».

14 ...изображали вас людьми ослабевшими, изнуренными восемнадцатью месяцами трудов... — 24 плевизоза (12 февраля 1794 г.) на заседании клуба Кордельеров Моморо обрушился на «всех этих износившихся в Республике людей с переломанными в Революции ногами» (М. XIX. Р. 475), намекая в первую очередь на болевших Робеспьера и Кутона.

15 ...ты проводил счастливые дни в Арси-сюр-Об... — Арси-сюр-Об — родина Дантона, где находилось и его имение, приобретенное уже в годы революции.

16 Ты лег спать в эту ужасную ночь // ты спал! — Матъез указывает, что рассказ о поведении Дантона в ночь на 10 августа совпадает с записью в дневнике Люсиль Демулен (*Mathiez A. Etudes sur Robespierre*. Р. 142).

17 Ум может ошибаться, но ошибки сердца становятся преступлением. — Здесь издатели перевели словом «сердце» — «conscience», исходя из характерного для Сен-Жюста, особенно весной 1794 г., парного противопоставления «esprit»—«conscience» = «raison»—«coeur». См.: Theriot F. Saint-Just: esprit et conscience publique // ANRF. 1968. № 191. Р. 120—131.

18 Министр Лебрэн предложил Нозля // один из моих родственников. — Матъез утверждал, что через Нозля Дантон вел переговоры с Питтом во время процесса короля (*Матъез А. Новое о Дантоне*. М., 1928. С. 120—132).

19 Электоральное собрание. — Речь идет о собрании выборщиков Парижа для избрания депутатов Конвента.

20 ...хотел перебраться // за Луару. — Видимо, намек на предложение перенести заседания Конвента в Тур. См. примеч. 15 к докладу «О жирондистах».

21 ты отдал приказ, который спас Дюпора. — Адриан Дюпор в течение 10 дней находился в заключении в тюрьме г. Мёлена. 17 сентября суд этого города по инициативе Дантона освободил Дюпора. См.: *Mathiez A. Etudes sur Robespierre*. Р. 136.

22 Епископ Отенский — Талейран.

23 ...чтобы привлечь его к новым наборам в армию. — 8 марта 1793 г. после сообщения вернувшихся из Бельгии Дантона и Делакура о поражении французских войск (см. примеч. 23 к докладу «О жирондистах») Конвент направил своих комиссаров в парижские секции «призвать их от имени отечества поспешить на помощь своим собратьям в Бельгии», чтобы ускорить набор в армию, декретированный 24 февраля 1793 г.

24 Это ты первым // могло бы погубить тебя. — Дантон возвратился из своей первой миссии в Бельгию к концу процесса над королем и принял участие лишь в двух последних голосованиях. Голосовал за смертную казнь короля.

25 ...поджигательские послания // оправдывался задуманный федералистами мятеж. — Речь идет об антижирондистских посланиях, которые Якобинский клуб направлял народным обществам в провинцию. Образец, подписанный Дефьё в качестве председателя корреспондентского комитета клуба (см.: Олар. С. 507—508). Ф. Дефьё был одним из активных участников событий 9—10 марта (см. примеч. 31 к докладу «О жирондистах»), а поскольку он тогда также занимал видное место в Якобинском клубе, жирондисты использовали это обстоятельство, чтобы обвинить якобинцев в организации выступлений, которые, как очевидно из доклада Сен-Жюста „О жирондистах“, оставались одиозными для якобинцев даже после устранения жирондистов из Конвента, чего и добивались мартовские повстанцы. Дефьё, арестованный по доносу Фабра д'Эглантина, был присоединен к лидерам Кордельеров и осужден вместе с ними.

26 ...подобно Сиксту Пятому // чтобы достигнуть цели. — Сикст V (до посвящения в сан — Феликс Перетти) был избран на папский престол в 1585 г. Члены конклава рассчитывали, что его умственная неполноценность предоставит им полную свободу действий, однако вскоре выяснилось, что он лишь симулировал слабоумие.

27 ...удалось предотвратит попытку диктата с вашей стороны. — Анрио в качестве командующего Национальной гвардией Парижа предотвратил попытку депутатов Конвента прорваться через кольцо окруживших Тюильри батальонов секций, которые 2 июня блокировали дворец, добиваясь принятия декрета против жирондистов. «Канониры, к орудиям!» —скомандовал Анрио в ответ на требование председательствующего на заседании Конвента прекратить блокаду.

28 *Не защищал ли ты Стенделя, позволившего перебить аванпосты армии в Экс-ла-Шанпель?* — Стендель (Штенгель) в 1792 г. бригадный генерал под началом Дюмурье. 10 марта 1793 г. в Конвенте обвинен в измене, однако по предложению Дантона не привлечен к суду, а лишь вызван для объяснений. 28 мая оправдан Революционным трибуналом.

29 *...министра внутренних дел.* — Паре, который был министром внутренних дел Франции с 20 августа 1793 г. по 2 апреля 1794 г.

30 *В письмах испанского посла в Венеции герцогу д'Арандиа...* — Возможно, граф д'Арандиа, испанский премьер-министр, разделявший взгляды французских просветителей, смещенный в начале 1793 г., накануне вступления Испании в войну против Франции. Был заменен Годоем.

31 *Ты был в этом Комитете, Лакруа; и ты был там, Дантон.* — Дантон был наиболее влиятельным членом первого состава Комитета общественного спасения с апреля по июль 1793 г. 10 июля в связи с недовольством соглашательским курсом Комитета он был подвергнут на заседании Конвента решительному обновлению, при котором был исключен и сам Дантон, и Делакруа.

32 *...замешали в это дело со даже Марата; объявили, что он будет лишен Пантеона.* — Уже в ходе процесса над лидерами клуба Кордельеров распространились слухи, что «главой заговора» был Марат, основанные на известной фактической, а также усиленно декларировавшейся клубом преемственности политического курса. Генеральный совет Коммуны выступил с предостережением: те, кто будет пытаться подорвать уважение, «справедливо заслуженное» мучениками за дело свободы, будут рассматриваться как подозрительные (см.: Жорес. Т. 6. С. 379. Примеч. 45). См. также примеч. 9 к докладу «О фракциях, направляемых из-за границы».

33 *...их планы получают одобрение общественного мнения...* — Доклады министра внутренних дел основывались на сводках донесений агентов наблюдения о разговорах, что ведутся в общественных местах. См. публикации: *Schmidt A. Tableaux de la Révolution française.* Leipzig, 1867; *Paris pendant la terreur: Rapports des agents secrets du ministre de l'intérieur.* Paris, 1958—1964. Т. 1—6.

34 *...закон Валерия со заговорить о Тарквинии.* — Публий Валерий Публикола, один из первых двух консулов Рима после изгнания Тарквиниев. Очевидно, нечто подобное Дантон мог сказать лишь после свержения монархии. См. примеч. 26 к докладу «О жирондистах».

35 *...превратить Комитет общественного спасения в правительственный комитет...* — 1 августа 1793 г. Дантон, объяснив бедственное положение Республики слабостью государственной власти, предложил преобразовать Комитет общественного спасения во временное правительство, превратив министров в его агентов. В развернувшейся в Конвенте дискуссии идея была воспринята в общем положительно, лишь Робеспьер заявил, что «еще нет средств для ее осуществления». На следующий день Эро де Сешель, выступая от имени Комитета общественного спасения, разъяснил, что новое название ничего не даст Комитету по существу, а упразднение Исполнительного совета приведет к перегрузке его членов второстепенными вопросами. Не желал Комитет также отвечать за исполнение всех декретов Конвента. В то же время Комитет не возражал против предложенной Дантоном в его распоряжение суммы в 50 миллионов ливров, и Конвент 2 августа принял соответствующий декрет (М. XVII. Р. 294—295; 309—310).

36 *...этот министр, что составлял доклады о Париже...* — См. примеч. 29.

37 *...учредить для них комитет милосердия...* — 30 фримера (20 декабря 1793 г.) Робеспьер внес в Конвент предложение создать Комитет справедливости — особую комиссию, выделенную из числа членов правительства, которой надлежало собирать сведения о несправедливо арестованных и представлять результаты обследования правительству (*Mathiez A. Robespierre terroriste // Études sur Robespierre.* P. 72). Подхватив идею, Камилл Демулен в № 4 «Старого Кордельера» (датирован 30 фримера, вышел 4 нивоза — 24 декабря 1793 г.) предложил создать Комитет милосердия, осудив само понятие «подозрительный». 6 нивоза по докладу Барера и Бийо-Варенна предложение относительно Комитета справедливости было снято.

38 *...называл их проконсулами.* — Проконсулы — во времена поздней Республики наместники Римских провинций, обладавшие в них фактически неограниченной властью. Бытовала поговорка: «бедный проконсул приехал в богатую провинцию; богатый проконсул выехал из бедной провинции».

39 *Мы помним Эро со так ловко сделался.* — Глухой намек на соперничество Эро де Сешеля и Сен-Жюста в Конституционной комиссии. См. примеч. 3 к речи «О Конституции».

40 *...когда нас повсюду подстерегали ловушки со партия Эбера потребовала введения Конституции...* — В августе—сентябре 1793 г. в связи с отказом от введения в действие утвержденной народом Конституции Комитет общественного спасения, возглавлявший процесс установле-

ния режима диктатуры и эволюционировавший в ее высший орган, подвергался атакам как слева, так и справа.

⁴¹ ...за обращение к народу... — По поводу утверждения приговора королю. См. вводное примеч. к «Второй речи о суде над королем».

⁴² Узнав, что Шабо *с* имели целью погубить Дантона. — См. примеч. 14 к докладу «О лицах, содержащихся в тюрьмах».

⁴³ ...с гнусной Сент-Амарант, с Сартином-сыном... — Мадам де Сент-Амарант, вдова члена личной охраны короля, еще до революции держала в Париже салон сомнительной репутации, где вместе с дочерью Эмилией принимала многих видных политических деятелей, а также иностранцев. Мужем Эмилией де Сент-Амарант был сын генерального лейтенанта полиции Сартина, возглавлявшего в начале 80-х годов парижскую полицию. Все трое арестованы 12 жерминаля по постановлению революционного комитета секции Хлебного рынка; привлечены к суду Революционного трибунала и 29 прериала (17 июня 1794 г.) приговорены к смертной казни.

О новом заговоре

(Доклад, представленный Национальному конвенту от имени Комитетов общественного спасения и общей безопасности 15 жерминаля II года <4 апреля 1794 г.> — *Rapport sur une nouvelle conjuration*)

Процесс над дантонистами начался 13 жерминаля в накаленной обстановке. На третий день процесса в правительственные комитеты поступил донос от одного из узников Люксембургской тюрьмы Лафлота о заговоре с целью спасти дантонистов. Во главе этого заговора, сообщал Лафлот, стоит генерал Артур Дийон, приятель Камилла Демулена; заговорщиков субсидирует Люсиль Демулен, переславшая Дийону в тюрьму тысячу экю. Комитеты поручили Сен-Жюсту представить Конвенту соответствующий доклад. Принятый по докладу Сен-Жюста декрет позволил уже на следующий день завершить процесс. 16 жерминаля Дантон и его группа были приговорены к смерти и казнены.

¹ *Общественный обвинитель с* пока Конвент не примет мер. — Почти одновременно с доносом Лафлота комитеты получили отчаянное послание от общественного обвинителя Революционного трибунала Фукье-Тенвиля, не справлявшегося с подсудимыми, которые выступали с обвинительными речами, находившими бурный отклик в зале суда.

² ...письмо, которое *с* покажет, какой опасности вы подвергаетесь. — Имеется в виду донос Лафлота.

Об общей полиции, о правосудии, торговле, законодательстве и преступлениях фракций

(Доклад, представленный Национальному конвенту от имени Комитетов общественного спасения и общей безопасности 26 жерминаля II г. <15 апреля 1794 г.> — *Sur la police générale, sur la justice, le commerce, la législation et les crimes des factions*)

Переводя слово «police» в заглавии этого доклада как «полиция», мы следовали традиции. Однако следует иметь в виду, что само это слово, этимологически связанное с «полисом», сохраняло в конце XVIII в. множественность значений, в том числе «политика», «управление» (не связанные с «полицейскими» методами), но также «благонаравие», «благочиние», «правила поведения в обществе», «цивилизованность» и т. п. Многие из этих значений были полностью утрачены уже в XIX в., но некоторые сохраняются и по сей день. В контексте данного доклада «police générale» — это одновременно и «общая полиция» и «общее управление».

Разгромив «фракции», революционное правительство ощутило потребность уточнить принципы своей политики. Представить соответствующий доклад Комитет общественного спасения поручил Сен-Жюсту. Доклад был опубликован в «Монитёре», по решению Конвента выпущен отдельной брошюрой, переиздавался в Париже и в департаментах.

За декретом, принятым по докладу Сен-Жюста, последовала в ближайшие три дня серия постановлений, в том числе о создании при Комитете общественного спасения Бюро общей полиции для надзора за деятельностью административных властей. Во главе Бюро был поставлен Сен-Жюст, которого в его отсутствие замещали Робеспьер или Кутон.

Ввиду особой важности вантозских и жерминальских докладов Сен-Жюста Конвент постано-

вил выпустить их отдельной книгой: *Rapports faits à la Convention nationale, au nom de Comité de salut public et des Comités de sûreté générale et de salut public, réunis; par Saint-Just. Paris, An. 2 de la République.*

¹ *Вы помните, граждане, как со голоде, разразившемся в конце 1789 года.* — Возвращение Неккера в Королевский совет в качестве генерального директора финансов 26 августа 1788 г. было встречено с энтузиазмом. Популярность Неккера, несмотря на слабость его выступления при открытии Генеральных Штатов 5 мая 1789 г., была достаточно велика, и его отставка 11 июля взбудоражила Париж и в конечном счете привела к взятию Бастилии. 15 июля Неккер был возвращен в Совет, но не принял никаких действенных мер для предотвращения голода, который, соединившись с политическим кризисом, вызвал движение 5—6 октября 1789 г.

² *...задумал ввести двойное представительство со последним сословием...* — По докладу Неккера Королевский совет принял 27 декабря 1788 г. решение о двойном представительстве третьего сословия в Генеральных Штатах: оно должно было получить столько же депутатских мест, сколько духовенство и дворянство вместе. Это решение способствовало либерализации состава будущего органа.

³ *...какие законы были приняты со относительно колоний со нарушение торговли.* — Учредительное собрание в нарушение собственной Декларации прав человека и гражданина отказалось отменить рабство в колониях, так как эта мера задевала бы интересы крупных плантаторов, пользовавшихся влиянием в Собрании. Оспаривались даже политические права свободных мулатов. В конце концов это привело к восстанию цветного населения Сан-Доминго.

⁴ *...отменило декрет со с рассрочкой платежей на двадцать лет.* — Декретом Учредительного собрания от 14—17 мая 1790 г. предусматривалась возможность дробления земельных участков при продаже национальных имуществ, а также льготная рассрочка платежей на 12 лет с уплатой первоначального взноса в размере 13 процентов стоимости на момент покупки. Но уже полгода спустя декрет 3—17 ноября резко ограничил возможность дробления земель. 1 флореаля (20 апреля 1794 г.) депутат Изоре заявил в Якобинском клубе, «что ему неизвестен декрет, дававший право некоторым покупателям эмигрантских земель производить расплату в течение 20 лет» (*Лефевр Ж.* Аграрный вопрос в эпоху террора. Л., 1936. С. 70). Возможно, «20 лет» связано с предоставлением неимущим бона в 500 франков для приобретения эмигрантских земель, погашаемого с рассрочкой в 20 лет и без процентов (там же. С. 52).

⁵ *Дандре, который был соучастником со склады колониальных товарами.* — Дандре (д'Андре) — советник парламента Прованса, депутат Генеральных Штатов от Экс-ан-Прованс. При Законодательном собрании преследовался как скупщик; эмигрировал в Англию.

⁶ *Пришел черед выступить Эберу со огромный и великодушный город.* — Одной из излюбленных мишеней Эбера в его газете «Пер Дюшен» были торговцы. «Торговцы, черт их возьми, не имеют отечества, — писал он в сентябре 1793 г. — До тех пор, пока они считали, что революция им полезна, они помогали санкюлотам уничтожить дворянство и парламенты — но лишь для того, чтобы самим занять место аристократов» (D. P. 181).

⁷ *Таков был план заговорщиков.* — Эбера и группу Кордельеров обвиняли, в частности, в намерении вызвать в Париже голод, воспрепятствовав доставке продовольствия угрозами против торговцев.

⁸ *Марат был мягким в своей среде...* — Неоднократные упоминания Марата в программных докладах Сен-Жюста весной 1794 г. побуждают поставить вопрос об их идейных и духовных связях. Высоко оценен речь Сен-Жюста «О продовольствии», Марат фактически повторил аргументацию Сен-Жюста относительно причин продовольственного кризиса в феврале 1793 г. (*Marat J. P. Textes choisis. Paris, 1975. P. 232—234*). Марата и Сен-Жюста могло сблизить увлечение идеями Монтескье. Но, может быть, главное, что среди якобинских лидеров, пожалуй, только Марат и Сен-Жюст не воспринимали понятие «диктатура» однозначно негативно — правда, они проделали в этом вопросе противоположную эволюцию: если Марат шел от признания необходимости кратковременной диктатуры военного трибуна к коллективной диктатуре, то Сен-Жюст, по-видимому, наоборот, двигался от признания необходимости коллективной диктатуры общественного спасения к единоличной (см.: «Республиканские установления», фрагмент XVI).

⁹ *...те, кто стремился к добру со Кодр со Ликург со Фокион и Сократ...* — *Кодр* — последний царь Афин. По преданию, при нападении дорян на афинян в 1088 г. до н. э. оракул предсказал, что победу одержит та сторона, у которой будет убит царь. Кодр, переодевшись поселянином, пробрался в лагерь дорян, с умыслом затеял там ссору и был убит. Афиняне сочли, что никто не достоин занять его место, упразднили царское достоинство и учредили республику. *Ликург* —

см. примеч. 8 к речи «О Конституции». *Фокион* — государственный деятель Афин, предостерегал граждан от принятия необдуманных решений, которые могли бы спровоцировать Македонию; допустил захват Пирея и был осужден на смерть. *Сократ* был приговорен к смерти по обвинению в развращении молодежи и насаждении новых культов.

¹⁰ *Делалось все для того чтобы это справедливость и дружба...* — См. примеч. 24 к докладу «О лицах, содержащихся в тюрьмах». Обратим внимание, что первоначальное обращение Сен-Жюста к разуму (рассудку) вполне в духе просветительского рационализма с весны 1794 г. сменяется руссоистским приматом сердца над разумом.

¹¹ *...после того как вы подали пример суровости по отношению к самим себе...* — Имеются в виду акты «самоочищения» Конвента по отношению к Филиппу Эгалите, жирондистам, дантонистам.

¹² Слово «империя» («*empire*») здесь употреблено в значении «государство».

¹³ *Империя*. — Подразумевается Священная Римская империя; в XVIII в. императорская власть находилась в руках австрийских Габсбургов.

¹⁴ *Тиран оставил нам в наследство гражданскую войну...* — Людовик XVI был казнен 21 января 1793 г.; восстание в Вандее началось 10 марта; летом вспыхнул федералистский мятеж.

¹⁵ *Читали ли вы отчет где Стенхоп купленными лицами?* — 25 марта 1794 г. член палаты лордов Стенхоп выступил против проекта возбудить восстание против Конвента (М. XX. P. 201).

¹⁶ *В Риме не нашлось никого кто поправа в лице Катилины.* — См. примеч. 15 к «Первой речи о суде над королем».

¹⁷ *...она возмущается тем что естественных чувств.* — Атеизм и дехристианизация фигурировали среди обвинений, предъявленных Эберу. В декабре 1793 г. Конвент декретировал свободу культов. Впоследствии декретом 18 флореаля (7 мая 1794 г.), принятым по докладу Робеспьера, Конвент постановил, что «французский народ признает Верховное существо и бессмертие души» (*Робеспьер*. Т. 3. С. 180).

¹⁸ *...назвали кровожадными Гато и Тюийе...* — Гато и Тюийе — члены администрации продовольствия и снабжения армии, друзья Сен-Жюста. Тюийе был арестован и освобожден 29 апреля 1794 г. по приказу, подписанному Карно, Барером, Сен-Жюстом и Бийо-Варенном (*Charmelot M. A. Autour de Saint-Just // ANRF. 1966. № 186. P. 75*).

¹⁹ *...гражданские установления без них нет прочной свободы.* — О необходимости «установлений» Сен-Жюст впервые говорил в докладе «О лицах, содержащихся в тюрьмах», о них же идет речь в его произнесенной речи 9 термидора («В защиту Робеспьера»). Идея, что для существования республики недостаточно одних законов, а нужно и «хорошее управление», есть в речи «О продовольствии».

²⁰ *...и установленным им правительством.* — Речь, видимо, идет о самом Комитете общественного спасения.

²¹ *Народные комиссии должны быть учреждены к 15 флореаля.* — Предусматривались ст. 7 декрета 23 вантоза.

В защиту Робеспьера

(Речь, начатая Сен-Жюстом на заседании 9 термидора <27 июля 1794 г.>, переданная в бюро Конвента по его распоряжению. — *Discours commencée par Saint-Just en séance 9 thermidor dont le dépôt sur le bureau a été décrété par Convention nationale*)

На совместном заседании Комитетов общественного спасения и общей безопасности 4—5 термидора Сен-Жюсту был поручен доклад о политическом положении. 8 термидора после полуторамесячного перерыва на трибуну Конвента поднялся Робеспьер. Вечером он повторил свою речь, которую он назвал «завещанием», в Якобинском клубе. Его речь напугала многих и, возможно, ускорила развитие событий. В ночь с 8 на 9 термидора в Комитете общественного спасения между Сен-Жюстом и остальными членами Комитета произошло столкновение. Около пяти часов утра он покинул Комитет, обещав коллегам, что вернется к десяти и прочитает им свой доклад. Вместо этого он прислал записку: «Несправедливость замкнула мне сердце. Я раскрою его Конвенту». В двенадцать он был на трибуне, но едва успел произнести несколько фраз, как его прервал Тальен. С этой минуты и до того момента, как Конвент принял решение о его аресте и предложил передать в бюро текст произнесенной речи, Сен-Жюст неподвижно и молча стоял на трибуне, отступив на шаг.

Судя по тому, что в тексте говорится о событиях последней ночи, можно предположить, что значительные изменения в сам замысел речи были внесены Сен-Жюстом уже после того, как он покинул Комитет. Но неизвестно, встречался ли он в эти несколько часов с Робеспьером. Решением Конвента от 30 термидора (17 августа 1794 г.) произнесенная речь Сен-Жюста была выпущена отдельной брошюрой.

- 1 ...этой ночью... — На заседании Комитета общественного спасения.
- 2 Я буду говорить о нескольких лицах с властвовать более спокойно. — Сен-Жюст имеет в виду прежде всего Колло д'Эрбуа и Бийо-Варенна. Последний еще 1 флореаля (20 апреля) выдвинул в Конвенте слегка завуалированное обвинение против Робеспьера: «Каждый народ, заботящийся о своей свободе, должен защищать себя даже от добродетелей людей, которые занимают высокие посты» (D. P. 203).
- 3 ...его зовут Легрэ с соучастию в своем преступлении. — Легрэ выступил, в частности, с требованием ввести в действие демократическую Конституцию 1793 г. Дело Легрэ — одно из свидетельств разочарования активистов народного движения в революционном порядке управления. См.: Захер Я. М. Плебейская оппозиция в Париже накануне 9 термидора // Новая и новейшая история. 1962. № 5.
- 4 ...некоторые члены с решительно этому противились. — Вероятно, речь идет о примирительном заседании Комитетов 4—5 термидора.
- 5 ...если бы он стал преступником. — Имеется в виду Робеспьер.
- 6 Комитет общей безопасности с лишить его власти. — Намеки не беспочвенные: создание Бюро общей полиции при Комитете общественного спасения означало вмешательство последнего в прерогативы Комитета общей безопасности. См.: Ordning A. Le Bureau de police du Comité de salut public : Étude sur la terreur. Oslo, 1930.
- 7 ...Бисетр. — психиатрическая лечебница.
- 8 Вот как намеревались осуществить этот замысел... — Сен-Жюст ссылается на выступление в Париже 9—10 марта 1793 г., давая ему интерпретацию в духе «заговора». См. примеч. 31 к докладу «О жирондистах».
- 9 ...двадцать четыре роты канониров с какою была в этом необходимости. — Каждая парижская секция имела в составе своего батальона Национальной гвардии в качестве основной боевой силы роту канониров с двумя пушками. С весны 1794 г. Карно добивался перевода части этих рот в действующую армию. На совместном заседании обоих комитетов 4—5 термидора решение было принято. См.: Mathiez A. Les séances des 4 et 5 thermidor An II aux deux Comités de salut public et sûreté générale // Girondins et Montagnards. P. 139—169; Herlaut A. Carnot et les compagnies de canoniers des sections de Paris au 9 thermidor // AHRF. 1951. № 1.
- 10 ...в его присутствии он объявляет его своим другом... — Робеспьер, уязвленный нападками, примерно с 11 мессидора перестал посещать заседания Комитета и появился там лишь 4 термидора, когда и произошла упоминаемая попытка примирения между ним и Бийо-Варенном.
- 11 Не предупредив ни меня, ни моих коллег с из Самбро-Маасской армии. — 18 прериаля (6 июня 1794 г.) Сен-Жюст получил от Комитета полномочия «наблюдать за действиями армий от побережья до Рейна»; он, следовательно, должен был предварительно быть уведомлен о постановлениях Комитета общественного спасения, касающемся Самбро-Маасской армии.
- 12 ...я должен похвалить Приера, что он внял нашим просьбам. — Приер из департамента Кот д'Ор занимался в Комитете общественного спасения главным образом проблемами вооружения.
- 13 Сражение при Флёрюсе открыло путь в Бельгию. — После победы при Флёрюсе армии Журдана и Пишегрю пошли на соединение в Брюсселе; затем первый из них отбросил австрийские войска за Маасом, а второй — англо-голландские на севере.
- 14 ...нужно прославлять победы и забывать о себе. — Сен-Жюст был одним из организаторов победы при Флёрюсе, но по возвращении в Париж отказался не только сам представить Конвенту доклад об этом, но и дать дополнительный материал Бареру, заявив, что «все, о чем нужно сказать, он найдет в письме генерала Журдана» (Barère V. Mémoires. T. 2. P. 157—158).
- 15 ...над колесом Сиднея. — Олджерон Сидней — английский политический деятель и мыслитель. В гражданской войне 1642—1648 гг. встал на сторону парламента. Разойдясь с Кромвелем, в 1651 г. эмигрировал. После возвращения в 1677 г. в Англию сделался одним из вождей вигов и в 1679 г. был избран в парламент. Обвиненный в заговоре против Карла II и его брата Якова, в 1683 г. казнен. Автор трактата «Размышления о Правлении». Учение Сиднея о верхо-

венстве народа и о договорном происхождении государственной власти оказало влияние на Монтеスキе и Руссо.

16 ...*опираясь на изречение Макиавелли... — «Цель оправдывает средства».* В действительности, это положение из разряда тех, что называются «макиавелизм». См.: Юсим М. А. Этика Макьявелли. М., 1990.

17 *Когда я вернулся последний раз из армии... — 11 мессидора (29 июня 1794 г.).*

18 *Почти все члены Комитета отсутствовали с два или три человека с бразды правления.* — Кутон был паралитик и очень часто отсутствовал по болезни. Приер из департамента Марна, ведавший морскими делами, находился в миссии в Бресте; Жанбон Сент-Андре, тоже специалист по морским делам, — в миссии в Тулоне (Пор-ла-Монтань). Ленде занимался проблемами продовольственного снабжения, Приер из Кот д'Ор — вооружениями, и оба почти не выходили из своих бюро. В отсутствие Робеспьера, Сен-Жюста и Кутона общеполитическими вопросами ведали Барер и Бийо-Варенн с Колло д'Эрбуа.

19 ...*их собрали, чтобы направить по ложному пути.* — Имеется в виду совместное заседание обоих Комитетов 4—5 термидора.

20 *Гюитон, Лоран... — Гюитон-Морво и Лоран — представители народа при Северной армии.* Во время последней миссии Сен-Жюста заменили Леба в качестве ближайших его коллег. См. материалы миссии к Северным и Восточным границам.

21 ...*грозная полиция, прибывшая в Камбре... — В Камбре был послан в качестве комиссара Конвента Жозеф Лебон.* О его деятельности см.: Jacob L. Josef Le Bon: la terreur à la frontière. Paris, 1932.

22 ...*сочли неуместными и стыдятся упоминать о Божестве.* — Декрет 18 флореаля II г. (7 мая 1794 г.) о введении во Франции культа Верховного существа, принятый по докладу Робеспьера, встретил оппозицию со стороны некоторых членов правительственных комитетов. Причина была не столько в склонности к атеизму, сколько в том, что во введении нового культа усмотрели диктаторские устремления Робеспьера.

23 ...*появилась петиция Мажантье с слышим из уст народа.* — В требовании некоего Мажантье ввести смертную казнь за богохульство члены Якобинского клуба усмотрели маневр, направленный на дискредитацию культа Верховного существа; 6 термидора (24 июля 1794 г.) они потребовали его ареста (D. P. 213).

24 ...*фасции Суллы.* — Пучки прутьев с секирой, эмблема власти в Древнем Риме.

25 ...*на вашем последнем заседании... — На заседании Конвента 8 термидора, когда Робеспьер выступил с большой речью; Сен-Жюст защищает Робеспьера, не называя его.*

26 ...*к двору Филиппа с борющиеся против красноречия.* — Вероятно, Сен-Жюст имеет в виду Филиппа Македонского.

27 ...*Ришелье с оскорблен славой писателя.* — Кардинал Ришелье, пробовавший свои силы в литературе, был уязвлен успехом трагедии Корнеля «Сид»: под его влиянием основанная им Французская академия вынесла «Сиду» суровое осуждение за отклонение от правил трагедии. Правда, здесь были и политические мотивы: герой трагедии — испанец, а Ришелье в это время интриговал против Испании, и прославление испанского народного героя звучало как политический вызов.

28 *Разве Демосфен был тираном? с свободу всей Греции.* — Демосфен был вдохновителем и организатором борьбы афинян против Филиппа Македонского.

29 *Член собрания с кого он обвинял.* — Накануне Робеспьер не назвал никаких имен, и все почувствовали себя под угрозой. Сен-Жюст рассчитывал успокоить основную массу депутатов.

30 ...*а остальные с попытались воспользоваться их отсутствием.* — Так методом исключения обвинение Сен-Жюста сосредоточивается на Бийо-Варенне с Колло д'Эрбуа, а также на Барере и Карно, который, хотя и считался «специалистом», а не «политиком», как подразделялись члены Комитета, но в это время находился в прямом конфликте с Сен-Жюстом по вопросам руководства военными операциями.

ТРАКТАТЫ

Дух Революции и Конституции во Франции — L'Esprit de la Révolution et de la Constitution de France

Во французском языке XVIII в. слово «constitution» означало не только собственно «конституцию», основной закон государства, но зачастую употреблялось в более широком смысле, как «го-

сударственное устройство», «устройство общества». Непосредственное обсуждение в трактате статей подготовлявшейся Конституции побудило нас, тем не менее, отдать предпочтение переводу этого слова как «конституция», что ни в коей мере не исключает более широкого его толкования.

«Дух Революции и Конституции во Франции» — первое теоретическое, философско-политическое сочинение Сен-Жюста и единственное завершённое и опубликованное самим автором. Под заглавием стоит подпись «Луи Леон де Сен-Жюст, выборщик департамента Эна от кантона Блеранкур, дистрикта Шони», хотя по закону, не достигнув 25 лет, автор не мог быть выборщиком. Автор стремился продемонстрировать свою политическую зрелость, чтобы быть избранным в Законодательное собрание. Сен-Жюст работал над своим трактатом в конце 1790—начале 1791 г., в основном завершив его к концу января—началу февраля. В начале июня 1791 г. о выходе книги было объявлено в «Монитёре». По словам Бертрана Барера, «сочинение привлекло внимание просвещённых политиков Учредительного собрания, и издание было раскуплено в считанные дни» (*Barère B. Mémoires. Bruxelles; Leipzig, 1844. T. 4. P. 314*).

Интерпретацию этого сочинения см.: *Levi L. Saint-Just : était-il un disciple de Robespierre? // RF. 1919. T. 72. P. 387—414; Плавинская Н. Ю. Сен-Жюст и Монтескье // Из истории буржуазных революций нового времени. М., 1985. С. 63—78.*

1 «Если бы я мог *с* счастливейшим из смертных». — Монтескье. О духе законов. Предисловие. Сен-Жюст, взяв слова Монтескье в качестве эпиграфа, выпустил часть фразы: «во всякой стране, при всяком правительстве и на всяком занимаемом посту».

2 *Мысль написать с г. де Кюньер с* жег декларацию духовенства. — Отклик на зачитанный с трибуны Национального собрания 18 мая 1790 г. адрес Блеранкурской коммуны о патриотической манифестации 15 мая, героем которой был Сен-Жюст (см. статью Т. А. Черноверской). П. де Кюньер — реальное лицо: известно его письмо Робеспьеру от 16 сентября 1790 г. См.: Переписка Робеспьера. Л., 1989. С. 88.

3 *...несет ответственность за свою добродетель перед обществом.* — Сен-Жюст употребляет слово «vertu» — «добродетель» в характерном для гуманизма и Просвещения значении «гражданская доблесть».

4 *...что нашел с* доводов для повиновения... — Вероятно, Сен-Жюст имеет в виду следующее место: «Если бы я мог сделать так, чтобы у тех, которые повелевают, увеличился запас сведений относительно того, что они должны предписывать, а те, которые повинуются, нашли бы новое удовольствие в повиновении...» (Монтескье. О духе законов. Предисловие. С. 160).

5 *Парламенты, поднявшись против тиранов, низвергли ее.* — В 1787 г. Парижский парламент, высший судебный орган Франции Старого порядка, отказался регистрировать королевские указы о введении новых налогов. Итогом этой оппозиции королевской власти и стал созыв Генеральных Штатов в мае 1789 г.

6 *Нищета и тягота 1788 года всколыхнули народные чувства.* — В 1788 г. на Францию обрушилось сразу несколько стихийных бедствий: над хлебными районами Пикардии 13 июля пронеслась сильная буря с градом, а суровая зима привела во многих районах к гибели садов и виноградников.

7 *Бедя, постигшая Корнмана с* претерпеть несчастному. — Дело Корнмана произвело большой шум в первую очередь потому, что в него оказался замешан Бомарше: в 1781 г. он добился освобождения из-под ареста г-жи Корнман, заключенной в тюрьму своим мужем, страсбургским банкиром, по обвинению в супружеской неверности. В 1787 г. этому делу придал широкую огласку некий адвокат Бергас, представивший Корнмана пострадавшей стороной. Однако Бергас и Корнман проиграли процесс, и суд, признавший 2 апреля 1789 г. правоту Бомарше, приговорил их к уплате судебных издержек (см.: *Грандель Ф. Бомарше. М., 1985. С. 312—317*). Сен-Жюст откликнулся на дело Корнманов в конце XX песни «Органта»; в апреле 1789 г. им был написан небольшой памфлет «Разум в море», являющийся непосредственной реакцией на приговор суда. См.: *Vinot B. Un inédit de Saint-Just : La Raison à la merne // AHRF. 1991. N 284. P. 233—241.*

8 *Г-н де Ламуаньон с* удар восстания ниспроверг деспотизм. — Сен-Жюст излагает события, предшествовавшие взятию Бастилии.

9 *Месье.* — См. примеч. 12 к «Второй речи о суде над королем».

10 *Герцогиня Жюль де Полиньяк.* — Фаворитка Марии-Антуанетты, своей расточительностью немало способствовавшая падению престижа королевы.

11 *...министра де Калонна с* г-на де Бриенна... — Калонн и Ломери де Бриенн были в 80-х гг. генеральными контролерами финансов, их политика была крайне непопулярна.

12 *Морепа и Верженн.* — Граф Морепа, министр Людовика XV, с начала 1740-х гг. находившийся в опале из-за конфликта с мадам Помпадур, был возвращен Людовиком XVI, с 1774 г. ми-

нистр без портфеля, фактически возглавлявший правительство; граф Верженн, министр иностранных дел Людовика XVI, проводил политику мирного проникновения в Рейнскую область.

13 *Семейство Гемене*. — Роганы-Гемене были замешаны в скандале с бриллиантовым ожерельем королевы.

14 ...*распространялся на суверена*... — Сен-Жюст в этом сочинении использует два значения слова «суверен»: традиционное («государь») и новое, в духе Руссо («суверенный народ»).

15 ...*вырывал их сердца и пожирал их*... — Парижане носили на пиках головы Де Лоне и Фулона, голову и сердце Бертье.

16 *леттр де каше* («*lettre de cachet*») — открытый лист, содержащий приказ об аресте с подписью и печатью короля, позволявший заключать человека в тюрьму и содержать там без суда и предъявления обвинения. Практика *леттр де каше* отменена революцией.

17 ...*рассчитывал на истребление* ∞ *кинулся в Версаль*. — См. письмо Камилла Демулена к отцу от 16 июля 1789 г. в кн.: Свобода. Равенство. Братство. Великая французская революция: документы, письма, речи, воспоминания, песни, стихи. Л., 1989. С. 84.

18 *Народ, в свою очередь, ∞ еще не бывало*. — «Поход» парижан, главным образом женщин, на Версаль состоялся 5—6 октября 1789 г.

19 *О жевевце*. — В этой главе речь идет о Неккере. См. примеч. 1, 2 к докладу «Об общей полиции».

20 ...*подобно возвращению Александра в Вавилон*. — Александр Македонский, возвратившись в Вавилон, свою новую столицу, из похода в Индию, неожиданно умер в разгар подготовки к новому походу.

21 *О двух знаменитых людях*. — Имеются в виду Байи, мэра Парижа в 1789—1791 гг., и Лафайет, командующий Национальной гвардией Парижа.

22 ...*общин*... — См. примеч. 6 к «Второй речи о суде над королем». Здесь Сен-Жюст употребляет это слово расширительно, для обозначения Национального собрания в целом.

23 ...*для Сеяна проницательность и недоверие Тиберия*. — Луций Элий Сеян — префект преторианцев при императоре Тиберии, его фаворит. Готовил заговор против Тиберия, чтобы стать его преемником. Организовав своего рода контрзаговор, Тиберий обвинил Сеяна; сенат вынес ему смертный приговор.

24 *Дистрикты Парижа ∞ шли наперекор их замыслам*. — Для выборов в Генеральные Штаты Париж был разделен на 60 избирательных округов — дистриктов, которые и после выборов не прекратили своей деятельности, а их граждане объявили свои заседания непрерывными. Активностью и демократизмом выделялся дистрикт Кордельеров, населенный ремесленниками, рабочими, журналистами, актерами; в этом дистрикте начинали свою политическую деятельность многие видные деятели революции: Дантон, Демулен, Марат, Фрерон, Шометт. По административной реформе 1790 г. вместо дистриктов было образовано 48 секций, и дистрикт Кордельеров вошел в состав секции Французского театра.

25 ...*как политика Суллы пыталась вернуть свободу самому Риму*... — Вероятно, Сен-Жюст опирается на суждение Монтескье: «Сулла издал законы, которые могли бы уничтожить причину беспорядков, волновавших город. Они повысили авторитет сената, ограничили власть народа, регулировали власть трибунов. Прихоть, побудившая его отказаться от диктатуры, как будто вернула жизнь республике; но упоенный своими успехами, он совершил такие действия, которые лишили Рим возможности сохранить свою свободу» (Размышления о причинах величия и падения римлян, гл. 11. — Монтескье. С. 90; курсив мой. — Т. 4.).

26 ...*для территории меньших размеров*. — Связь формы правления с размерами государства была подчеркнута Монтескье — «О духе законов». Кн. 8, гл. 16, 17, 19. Идея была подхвачена Руссо и другими политическими мыслителями.

27 *Когда Кодр погиб, ∞ объявили царем Афин Юпитера*. — См. примеч. 9 к докладу «Об общей полиции».

28 *Природа свободы состоит в том ∞ она не должна нападать*... — В оригинале «быть пассивной». Ср.: Конституция 1791 г., раздел 6: «Французская нация отказывается от ведения каких-либо завоевательных войн и ни в каком случае не станет обращать свои вооруженные силы против какого-либо народа» (Конституции. С. 280).

29 *О природе равенства*. — В этом разделе Сен-Жюст солидаризуется с идеями Монтескье (О духе законов. Кн. 5, гл. 5 и кн. 8, гл. 3).

30 *О природе правосудия*. — Justice означает и «правосудие», и «справедливость».

31 ...*соответственно «территории, населению, налогам»*. — Согласно Конституции 1791 г., треть депутатских мест в Законодательном собрании распределялась между всеми депар-

таменами поровну («территория»), треть — соответственно численности населения каждого департамента, треть — соответственно общей сумме прямых налогов, поступающих от каждого департамента.

³² *Жребий хорош лишь в республике...* — Ср.: «Назначение по жребию свойственно демократии; назначение по выборам — аристократии» (Монтескье. О духе законов. Кн. 2, гл. 2).

³³ *...человека, не достигшего двадцати пяти лет, ибо душа его еще не возмужала...* — Интересное соотношение это заявление с возрастом автора (23 с половиной года) и с его претензией на политическую карьеру — «выборщик департамента Эна» в заглавии.

³⁴ *Нет другого различия между людьми, кроме различия в добродетелях и талантах.* — Ст. 6 Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Об этом противоречии говорил, в частности, Робеспьер 22 октября 1789 г. и в апреле 1791 г. (Робеспьер. Т. 1. С. 111—112, 122—135).

³⁵ *...народ — подвластный монарх и свободный подданный.* — Ср.: «В демократии народ в некоторых отношениях является государем, а в некоторых — подданным» (Монтескье. О духе законов. Кн. 2, гл. 2).

³⁶ *...победы окажутся не менее сокрушительными, чем поражения.* — Через год вопрос стал актуален и разделил жирондистов, агитировавших за революционную войну, и будущих монтаньяров.

³⁷ *Ныне без всякого шума и упразднили монашеские обеты.* — Декрет о национализации церковных имуществ был принят Учредительным собранием 2 ноября 1789 г.; 12 и 24 июля и 24 августа 1790 г. были приняты декреты о гражданском устройстве духовенства.

³⁸ *Пор-Рояль схватился с Сорбонной...* — Имеются в виду янсенисты и иезуиты. Янсенизм — религиозно-политическое течение XVII в. во Франции и Нидерландах, развившееся внутри католицизма, но рядом своих положений близкое протестантизму. Преследовался при Ришелье и Людовике XVI. К янсенизму примыкали Расин, Паскаль.

³⁹ *...магистратурой...* — См. примеч. 5 к речи «О департаментской страже».

⁴⁰ *Государственный долг был предлогом для изъятия церковных имуществ...* — Конфискованные декретом 2 ноября 1789 г. церковные земли составили так называемые национальные имущества, которые 19 декабря были пущены в продажу, и под эту продажу были выпущены ассигнаты, которыми выплачивался государственный долг.

⁴¹ *«Отмените в монархии привилегии и или народное государство, или деспотическое».* — Сен-Жюст неточно цитирует конец фразы: Монтескье писал о «деспотизме всех или деспотизме одного» (О духе законов. Кн. 8, гл. 6).

⁴² *...почему реальные права остались подлежащими выкупу.* — Согласно декрету Учредительного собрания 4—11 августа 1789 г. и принятым в развитие его декретам 15—28 марта и 3 марта—9 мая 1790 г. отменялись личные феодальные права, но сохранялись права и повинности «реальные» (в первую очередь поземельные), подлежащие выкупу на выгодных для дворян условиях.

⁴³ *Фьеф.* — то же, что феодал, условное наследственное земельное владение феодала.

⁴⁴ *Право дорожных поборов и обсаженные деревьями аллеи...* — Высадка деревьев вдоль дорог — одно из сеньориальных прав.

⁴⁵ *Поскольку знаменитый декрет и что им не принадлежало.* — Глава III декрета 15—28 марта 1790 г. восстанавливала «реальные» права тех сеньоров, чьи документы были уничтожены во время крестьянских восстаний лета 1789 г., а также тех, кого эти восстания принудили отказаться от своих феодальных прав.

⁴⁶ *Знаменитый декрет о наследственном дворянстве...* — 19 июня 1790 г. Учредительное собрание приняло декрет об упразднении наследственного дворянства и дворянских титулов.

⁴⁷ *...подобно закону критян и разрешив восстание и своеволие...* — См. примеч. 3 к речи «О Конституции».

⁴⁸ *Репудация.* — расторжение брака по воле и в интересах одной из сторон без учета воли и интересов другой; в Древнем Риме — отречение мужа от жены.

⁴⁹ *Преграждение сожительству без расторжения брака...* — «Отлучение от стола и ложа», единственная допускавшаяся в дореволюционной Франции и в первые годы революции форма фактического прекращения брака без его официального расторжения.

⁵⁰ *Народы, у которых развод и обмануть своих замодавцев.* — Ср.: «О Природе, о Гражданском состоянии...», кн. 2, гл. 8, 9, а также примечание 21 к этому сочинению.

⁵¹ *...знаменитый закон «tacetur diuturnitate et numero liberorum»* («Руководствуемся продолжительностью, а также числом свободнорожденных детей»). — Закон, увеличивающий долю наследства супруга или супруги в зависимости от продолжительности брака и числа детей.

52 *Законы виноваты* ∞ *должны были бы утешить*. — Декрет о правах незаконнорожденных был принят Конвентом 2 ноября 1793 г.

53 *О религии французов и о теократии*. — В этой главе чувствуется влияние одновременно и Монтескье (О духе законов. Кн. 24), и Руссо (Об общественном договоре. Кн. 4, гл. 8).

54 *...хитроумная уловка Филиппа* ∞ *нанесенное теми Аполлону*. — Поводом для вмешательства Филиппа Македонского в общегреческие дела в 352 г. до н. э. стал конфликт между Фивами и Фокидой; последняя была обвинена в святотатстве за захват участка земли, принадлежавшего дельфийскому оракулу.

55 *Священников обяжали* ∞ *кроме лишения церковных доходов*. — Декретом 27 ноября 1790 г. Учредительное собрание обязало духовенство присягнуть Конституции. Неприсягнувшие священники не допускались к отправлению культа и к занятию общественных должностей.

56 *Первый праздник Федерации всей Франции...* — состоялся 14 июля 1790 г. в Париже.

57 *Римский народ оспаривал* ∞ *дорожил своей славой*. — Монтескье. О духе законов. Кн. 2, гл. 17. С. 311.

58 *«Чтобы вынести смертный приговор, — пишет Монтескье, — нужен был закон»...* — О духе законов. Кн. 2, гл. 18.

59 *О салическом законе*. — Салический закон, или Салическая правда — древнейший (записан в начале VI в.) свод норм обычного права франков. В XVIII в. к этим нормам зачастую апеллировали сторонники естественноправовых теорий.

60 *Аллод*. — здесь: свободное (свободно отчуждаемое) наследственное земельное владение.

61 *О трибуналах, о судах, об обжаловании и об отводе*. — Сен-Жюст здесь касается некоторых статей главы пятой, раздела третьего Конституции 1791 г., а также принятого Учредительным собранием декрета о создании «семейных трибуналов».

62 *Поскольку права народа непередаваемы...* — Идея Руссо. См.: Об общественном договоре. Кн. 2, гл. 1.

63 *Сколь бы ни было велико* ∞ *право приговаривать к смерти...* — Руссо писал: «Смертная казнь, применяемая к преступникам, может рассматриваться приблизительно с такой точки зрения: человек, чтобы не стать жертвой убийцы, соглашается умереть в том случае, если сам станет убийцей» (Об общественном договоре. Кн. 2, гл. 5). Когда 30 мая 1790 г. Робеспьер выступал в Учредительном собрании против смертной казни, он начал свою речь аргументами, сходными с теми, что приводит Сен-Жюст (Робеспьер. Т. 1. С. 149).

64 *По простоте своей природы дикари* ∞ *и близки моему сердцу*. — Здесь «дикарь» — руссоистский «естественный человек»; позже в трактате «О природе, гражданском состоянии...» «дикарь» будет означать для Сен-Жюста человека, утратившего естественное состояние.

65 *Шатле*. — Королевский суд, занимавшийся разбором дел «смутьянов» и сбором материалов на лиц, подозреваемых в подстрекательстве. В 1790 г. против этого суда выступал Робеспьер.

66 *Я ничего не говорю о военном законе...* — Декрет о военном положении, позволяющий применять оружие в тех случаях, когда толпа отказывается разойтись по требованию властей. Принят 21 октября 1789 г. Против его принятия протестовал в тот же день Робеспьер (Робеспьер. Т. 1. С. 110—111). Закон был применен 17 июля 1791 г. — расстрел республиканской манифестации на Марсовом поле.

67 *Английская свобода столь же жестока* ∞ *сама убьет себя*. — Здесь можно усмотреть полемичку с апологией конституционного устройства Англии у мыслителей Просвещения, и в первую очередь у Монтескье.

68 *Камилла Демулена* ∞ *против него с разоблачениями...* — Вероятно, Сен-Жюст имеет в виду обвинение, выдвинутое 31 июля 1790 г. в Учредительном собрании против Марата и Демулена видным оратором правых Малюз. После выступления Робеспьера и поправки, внесенной Петрионом, имя Демулена было исключено из обвинительного декрета.

69 *Лустало*. — Элизе Лустало был первым редактором издававшейся Л. М. Приюдомом газеты «Революсьон де Пари». См.: *Попов Ю. В.* Публицисты Великой французской революции. М., 1989. С. 22—46.

70 *Марат был бы скифом в Персеполисе...* — Персеполис — см. примеч. 17 к докладу «О фракциях, направляемых из-за границы». Сен-Жюст, видимо, хотел подчеркнуть неприхотливость и суровость Марата.

71 *Жан Луи Карра*. — Издатель газеты «Анналь патриотик».

72 *Мерсье выказал смелость* ∞ *надменности его характера*. — Вероятно, Сен-Жюст имеет в виду газету «Бабийар» («Болтун»); она издавалась до революции и во время ее. Себастьян Мерсье был ее сотрудником.

⁷³ ...мудрость особенно проявилась в законодательном корпусе. — Декрет был принят Учредительным собранием 7 ноября 1789 г. по предложению Барнава, Дюпора и А. Ламета, стремившихся ослабить влияние Мирабо, который рассчитывал получить министерский пост; предложение было поддержано левыми — Робеспьером и Петионом.

⁷⁴ Обыкновение облагать налогом в видоизменением тех и других. — Развитие мыслей Монтескье: О духе законов. Кн. 7. Влияние различных принципов трех видов правления на роскошь и законы против роскоши, а также на положение женщин. Гл. 1—5.

⁷⁵ Размышление о патриотическом обложении и о двух знаменитых людях. — 6 октября 1789 г. Учредительное собрание приняло декрет о «патриотическом обложении» в размере четверти годового дохода, устанавливаемого на основании представляемых деклараций. О роли Неккера и Мирабо в принятии декрета см.: Жорес. Т. 1, 2. С. 29—30.

⁷⁶ Ло воздвиг свой банк на насильи в остановил разорение целого... — Джон Ло, шотландский финансист и теоретик кредитной системы, в 1716 г. основал во Франции частный банк с правом выпуска банковых билетов; в 1718 г. его банк был преобразован в королевский и Ло был поставлен во главе Индийской компании, получившей исключительное право на заморскую торговлю. В январе 1720 г. Ло назначен генеральным контролером финансов. Огромные прибыли, которые сулило участие в финансовой деятельности банка и Индийской компании, побудили многих вложить в них капитал; однако вскоре безудержный выпуск банковых билетов привел к краху банка. В декабре 1720 г. Ло бежал из Франции; правительство было вынуждено объявить о банкротстве.

⁷⁷ Учетная касса (Caisse d'escompte). — Государственный эмиссионный банк, выпускавший банковые билеты, которые подлежали обмену на звонкую монету по первому требованию; фактически в последние годы Старого порядка запасы звонкой монеты в Учетной кассе были почти исчерпаны и кредит поддерживался за счет принудительного курса банковых билетов.

⁷⁸ ...посредством жестокой монополии в у народа отняли его хлеб. — Возвращенный в августе 1788 г. на пост генерального директора финансов Неккер уже осенью ввиду неурожая воспретил экспорт хлеба; в ноябре он восстановил обязательную продажу хлеба только на определенных внутренних рынках; наконец, в апреле 1789 г. он разрешил учет и реквизицию хлебных запасов; все эти мероприятия усилили панику. 29 августа 1789 г. Учредительное собрание восстановило свободу хлебной торговли на внутреннем рынке, сохранив запрет на вывоз хлеба за границу.

⁷⁹ ...доменами... — См. примеч. 4 к речи «О департаментской страже».

⁸⁰ Семейный пакт. — Династический договор Франции с Испанией, заключенный в 1761 г.

⁸¹ ...после несчастного сражения в Нанси... — Имеется в виду восстание полка Шатовьё в Нанси 27—30 августа 1790 г. По официальным данным при подавлении этого восстания погибло несколько сот человек (современники говорили о трех тысячах, включая около четырехсот женщин и детей); жестокое подавление получило одобрение Учредительного собрания и вызвало возмущение демократической общественности Парижа.

⁸² Во всей Европе мне известны в это памятники Петру I, Фридриху и Генриху; но где в Дасса, Монтень, Поп, Руссо, Монтескье, Дюгеклен... — Фридрих — Фридрих II, прозванный Великим, король Пруссии в 1740—1786 гг., один из «просвещенных монархов», пользовался большой популярностью у французов; Генрих — Генрих IV; шевалье Луи д'Асса (или Дасса) — популярный герой Семилетней войны, погибший в битве при Кlostеркампе в возрасте 27 лет; Александр Поп (Поуп) — английский поэт и мыслитель первой половины XVIII в., автор широко известной в его время философской поэмы-трактата «Опыт о человеке»; Бертран Дю Геклен — выдающийся французский полководец времен Столетней войны, происходивший из бедного бретонского рода.

⁸³ Собрание сменило свое наименование «Генеральные Штаты» на «Национальное собрание». — 17 июня 1789 г. депутаты третьего сословия Генеральных Штатов провозгласили себя Национальным собранием.

⁸⁴ Меня могут спросить в которую эта свобода представляет... — По мнению Е. З. Серебрянской, Сен-Жюст неточно интерпретировал учение Руссо об общей воле: Серебрянская Е. З. Взгляды Сен-Жюста и их связь с философией XVIII в. // Труды МИФЛИ. М., 1940. Т. 6. С. 205.

⁸⁵ Национальное собрание отказалось в после королевской санкции... — Учредительное собрание декретом от 11 сентября 1790 г. предоставило королю право суспензивного (приостанавливающего) вето.

⁸⁶ Отчуждение церковных имуществ в последнее церковного собора... — Тридентский

собор (1545—1563 гг., с перерывами) осудил протестантизм вместе с полагаемой им секуляризацией церковных имуществ.

87 ...это было бы возвращением Алкивиада. — Алкивиад, полководец и государственный деятель Афин в период Пелопонесской войны (431—404 гг. до н. э.), был активным сторонником продолжения военных действий и после заключения так называемого Никиевого мира (421 г. до н. э.). В 415 г. до н. э. бежал от выдвинутого против него обвинения сначала в Спарту, затем в Персию. В 411 г. до н. э. верный демократической партии флот Афин выбрал его своим военачальником. Во главе флота Алкивиад одержал ряд блестящих побед, в 408 г. до н. э. вернулся в Афины, где был встречен с восторгом и облечен как военачальник неограниченной властью, но после первого поражения в 407 г. до н. э. вновь бежал. А в 404 г. до н. э. Афины вынуждены были признать свое поражение в войне.

О Природе, о Гражданском состоянии, о Гражданской общине, или Правила независимости управления — De la Nature, de l'Etat civile, de la Cité ou les Règles de l'indépendance du Gouvernement

Таракат, оставшийся незавершенным, стал известен историкам лишь в начале 50-х годов XX в., когда А. Собыль опубликовал текст рукописи: *Soboul A. Un manuscrit inédit de Saint-Just. De la Nature, de l'Etat civile, de la Cité ou les Règles de l'indépendance du Gouvernement // AHRF. 1951. № 124. P. 321—359.* Почти в самом конце тетради, исписанной менее чем наполовину (90 листов остались чистыми), Сен-Жюст записал план-оглавление трактата; с обратной стороны тетради на четырех листах — по-видимому, первоначальный вариант первых глав трактата; публикуются в «Дополнениях». Нами принята датировка основного текста рукописи, предложенная М. Абансуром, — лето—начало осени 1792 г. См.: *Abensour M. La philosophie politique de Saint-Just. Problématique et cadres sociaux // AHRF. 1966. № 183. P. 2.*

В настоящем издании сохраняются зачеркнутые автором строки и слова, которые удалось расшифровать М. Дювалю: *Saint-Just L. A. Oeuvres compl. / Ed. M. Duval. Paris, 1984. P. 921—957.* Они заключены в прямые скобки: []; неразобранные слова передаются многоточием <...>.

Интерпретацию этого сочинения см.: *Черновверская Т. А. К вопросу об эволюции мировоззрения Сен-Жюста: «О Природе, Гражданском состоянии и Гражданской общине, или Правила независимости управления» // Французский ежегодник. 1987. М., 1989. С. 15—29; Abensour M. La théorie des Institutions et les relations du législateur et du peuple selon Saint-Just // AHRF. 1968. № 191; Lienard A. Introduction // Saint-Just L. A. Théorie politique. Paris, 1976. P. 9—29; Torjussen S. Fonction de la création littéraire dans l'évolution de la pensée de Saint-Just (d'Organt à De la Nature) // Pensée. 1980. № 215. P. 151—160.*

1 «Об обществе». — Эта глава в значительной своей части совпадает с текстом «Республиканских установлений», фрагмент 2 «Об обществе».

2 Как существо самое чувствительное к жизни в обществе... — Мабли в «Сомнениях, предожженных философам-экономистам по поводу естественного и необходимого порядка политического общества» писал: «Соблаговолим рассматривать себя иногда существами разумными и чувствительными, которых объединяет разум и чувствительность...» (*Мабли Г. Б. Избранные произведения. М., 1960. С. 189.*)

3 Индейцы к дали верховному существу имя «неподвижный». — Сен-Жюст повторяет Монтескье. См.: О духе законов. Кн. 14, гл. 5.

4 ...Человек в естественном состоянии к все обращает в бегство. — См. примеч. 2 к речи «О Конституции».

5 Гоббс спрашивает к друг на друга и защититься... — Монтескье. О духе законов. Кн. 1, гл. 2. Нельзя исключить, что информация о Гоббсе заимствована у Монтескье.

6 Когда общественное состояние к между гражданами и государем... — Абансур предполагает в этом представлении о двойном соглашении непрямо влияние идей С. Пуффендорфа (*Abensour M. La philosophie... P. 342.*)

7 Нации не имеют ни договора, ни соглашения, лишь сила правит повсюду. — Эта глава, как и две предшествующие, представляет собою открытую полемику с теорией общественного договора Руссо. Ср.: в «Духе Революции»: «Общество есть договор» (ч. 4, гл. 7).

8 Минос почувствовал к брался за оружие и прогонял магистратов. — См. примеч. 3 к речи «О Конституции».

9 Поскольку человек и вещи стали смешиваться к как неравными были и вещи. — Здесь

можно увидеть влияние «Рассуждений о происхождении неравенства между людьми» Руссо, но скорее всего это собственное наблюдение Сен-Жюста об отношениях, говоря словами Маркса, «вещной зависимости», возникающих с развитием товарно-денежных отношений (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46, ч. 1. С. 99—108).

10 *Ибо всякий, кто нарушит закон, выходит из гражданской общины.* — Эта мысль была высказана применительно к Людовику XVI в «Первой речи о суде над королем»; позднее предствление, что борьба внутри общества является производной от межгосударственных отношений, эволюционировало в идею «иностранный заговора».

11 *Общественный закон есть ∞ Одно естественным образом вытекает из другого.* — В «Духе Революции» (ч. 3, гл. 3) Сен-Жюст отказывался рассматривать собственность как естественное право, но здесь изменилось само представление о том, что есть собственность.

12 *Римский народ ∞ который порвал общественные связи.* — По мере завоевания Римом территории Апеннинского полуострова земли населявших его народов превращались в *ager publicus* (общественное поле).

13 *...«творца»...* — Собуль прочитал это слово как «реуг» (страх) — р. 342; Дюваль — как «рёге» (отец, творец) — р. 938.

14 *Таким же образом обстоит дело с нашими метрополиями и цветным населением.* — Рабство во Франции было отменено Учредительным собранием 24 сентября 1791 г., во французских колониях — Конвентом 16 плювиоза II г. (4 февраля 1794 г.).

15 *Все революции в мире ∞ могли бы изменить лицо мира, не сотрясая его.* — Сен-Жюст употребляет здесь слово «революция» одновременно в новом, близком к современному, значении, и в старом, означающем «значительное изменение в управлении государством» (см.: История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера. Л., 1978. С. 109).

16 *...собственность на самого себя и на империю или территорию...* — Здесь четко выявляется, что для Сен-Жюста «империя» — это главным образом территория, принадлежащая определенному государству.

17 *...суверен никогда не умирает и не может передать империю ни королю, ни кому-либо другому...* — Ср. в «Мемуаре для жителей Блеранкура», написанном по поводу процесса против сьера Грене 21 октября 1791 г., где Сен-Жюст указывал, что «ее (общины, *commune*) права ненарушаемы и всегда представлены, что она не может ни отчуждать, ни терять, она не может сама ничем распорядиться <...> если, таким образом, она не имеет прав на самое себя, у узурпатора еще менее оснований приобрести права на нее» (V. I. P. 243—244).

18 *Руссо, рассуждая о законах ∞ о необходимости законодателя.* — Об Общественном договоре (кн. 2, гл. 6, 7).

19 *Один путешественник ∞ стоит дороже.* — Сен-Жюст напоминает здесь популярную в XVIII в. историю дикарки Йарико (см.: *Abensour M.* La philosophie... P. 15).

20 *На острове Формоза ∞ почитают как мать первую, законную жену.* — Сен-Жюст заимствует примеры у Монтескье: О духе законов. Кн. 23, гл. 4, 5.

21 *В известных нам обществах ∞ будет меньше разводов.* — Закон о разводах был принят Законодательным собранием 20 сентября 1792 г. Эта дата служит одной из опор для определения времени написания сочинения (см.: *Abensour M.* La philosophie... P. 152). Отношение Сен-Жюста к разводу изменилось по сравнению с «Духом Революции» (ч. 3, гл. 8; см. об этом: *Gouibert-Sledziewski E.* La femme, objet de la Révolution // AHRF. 1987. № 267. P. 10—13).

22 *Суровость законов о браке ∞ следствие развращенности общества.* — Пересказ в собственной интерпретации гл. 21 «О законах римлян для увеличения численности населения» кн. 23 трактата Монтескье «О духе законов» (С. 518—525).

23 *Нумидиец.* — Квинт Цецилий Метелл.

24 *О кровосмешениях.* — По мнению Абансура, в этой главе нашли отражение идеи, высказанные в книге м-м де Графиньи «Письма перуанки», которая имела в личной библиотеке Сен-Жюста в Париже (см.: *Abensour M.* La philosophie... P. 15; ср. также: *Монтескье Ш. Л.* Персидские письма. М., 1956. С. 164—175: Письмо LXVII. История Аферидона и Астарты).

25 *Есть народы ∞ считается кровосмешением, а у других нет.* — Монтескье. О духе законов. Кн. 26, гл. 14.

26 *Аттила ∞ большего уважения, чем Генрих IV ∞ забыл бога ∞ презрел жену и не женился на возлюбленной.* — Генрих IV несколько раз менял веру в зависимости от военно-политической ситуации. Здесь имеются в виду его первая жена Маргарита Валуа и «возлюбленная» Габриель д'Эстре. Есть определенная полемичность в предпочтении варвара Атtilы одному из самых популярных королей Франции.

²⁷ *Какое дело мне от притеснять меня.* — По замечанию Собоуля (р. 354), эта фраза, как и следующая, принадлежит к числу тех, которые Сен-Жюст записывал на подвернувшемся под руку листке, чтобы использовать в дальнейшем, и не имеет связи со всем текстом.

²⁸ *...закон есть выражение природы, а не выражение воли.* — Полемика с Руссо. См.: Об Общественном договоре. Кн. 2, гл. 1.

Республиканские установления. Фрагменты — Les Institutions républicaines. Fragments

Оставшиеся после Сен-Жюста разрозненные заметки, подготовительные материалы для нового теоретического сочинения, для произнесенных и не произнесенных докладов или для того и другого одновременно, были изданы в 1800 г. под названием «Фрагменты о республиканских установлениях» (Fragments sur les Institutions républicaines. Ouvrage posthume de Saint-Just. A Paris: chez Fayole. 1800) бывшим членом Совета пятисот П. Ж. Брио тиражом в 300 экземпляров. Несколько экземпляров попало в руки друзей Сен-Жюста, остальные Брио хранил у себя, но когда об этом стало известно полиции, уничтожил тираж. Брио был одним из лидеров республиканцев-якобинцев в Совете пятисот созыва 1799 г.; исключен во время переворота 18 брюмера. Видимо, проекты общественного устройства страны стали актуальными в связи с разработкой и принятием новой конституции 1799 г. К тому же эта разработка проходила в обстановке относительной терпимости к инакомыслию со стороны Бонапарта и новых властей. Название «Фрагменты» можно считать не случайным. К этому времени можно говорить об оформлении одноименного литературно-критического жанра со свойственной ему лапидарностью и афористичностью и одновременно независимостью. Теоретик этого жанра Ф. Шлегель отмечал: «Многие сочинения древних ныне стали фрагментами. Многие сочинения новых писателей были фрагментами уже при своем возникновении»;¹ заметки Сен-Жюста не только из-за незавершенности, но и по своему стилю, по свойственному автору способу мышления хорошо подходили под определение этого жанра.

Введением к этому изданию стали «Заметки относительно Сен-Жюста, извлеченные из бумаг гражданина***». Находившийся в тюрьме автор открыто бросал вызов властям: написанные через год после переворота 9 термидора заметки представляют собою пламенный панегирик Сен-Жюсту. «Я часто видел, как он проливал слезы над насилиями революционного правительства, над продлением устрашающего режима, который он надеялся умерить мягкими и милосердными республиканскими установлениями! Но он сознавал, что нужно не разорвать, а лишь ослабить титиву лука. И он стремился возродить общественные нравы и вернуть сердца добродетели и природе.

Его глубоко волновала испорченность людей, и он хотел уничтожить ее в зародыше посредством сурового воспитания и сильных установлений. — „Сегодня, — говорил он мне, — невозможно предложить суровый и благотворный закон, без того, чтобы интриги, преступления и ярость не наложили на него свою руку, сделав его орудием смерти на службе страстей и капризов”, — писал, в частности, о своем друге Пьер Гато (V. 2. P. XII).

Переизданное в 1831 г. Шарлем Нодье издание 1800 г. стало основой для всех последующих публикаций, вплоть до опубликования А. Собоулем текста рукописи, поступившей в 1946 г. в Национальную библиотеку в Париже (Soboul A. Les Institutions républicaines de Saint-Just, d'après les manuscrits de la Bibliothèque Nationale // AHRF. 1948. № 111. P. 193—262). По описанию Собоуля, она представляет собою листы разного формата, содержащие отчасти большие связанные отрывки текста, отчасти отдельные фразы, записанные в разное время и не всегда связанные между собою. Содержание рукописи в основном совпадает с «каноническим» изданием 1800 г., дополняя его в ряде случаев опущенными в нем указаниями на события и реалии революции. В то же время один из прежних владельцев отделил в рукописном комплексе подзаголовком «Разные фрагменты» несколько листов, часть которых также включена в «канонический» текст. Под тем же заглавием «Разные фрагменты» Велле поместил в своем издании «Страницы из записной книжки, найденной у Сен-Жюста 9 термидора» (V. 2. P. 536—539), где наряду с заметками, не связанными с «каноническим» текстом, есть «проект декрета» о цензуре, в основном совпадающий с текстом шестнадцатого фрагмента.

Неполное совпадение дополняющих друг друга вариантов текста вызывает потребность сведения их воедино, и первая попытка такой реконструкции была предпринята Собоулем еще в 1952 г.

¹ Литературные манифесты западноевропейский романтиков. М., 1980. С. 55.

в двуязычном франко-итальянском издании: *Saint-Just L. Frammenti sulle Istituzioni repubblicane*. Torino / Ed. Einaudi. P. 31—126. В основу Собыль положил имеющиеся в рукописи отдельные пометки, связанные с предполагаемой структурой задуманного труда. Более простым путем пошел М. Дюваль (*Duval*. P. 957—1009); взяв за основу случайную последовательность сброшюрованных листов рукописного комплекта, он в соответствующих местах дополнил этот текст недостающими фрагментами по «каноническому» тексту; следует добавить, что его издание отличается наибольшей полнотой расшифровки текстов.

Признавая правомерность обоих имеющихся вариантов, составители настоящего издания избрали свой путь, взяв за основу «канонический» вариант текста. Есть основания предположить, что Пьер Гато принял участие в подготовке издания 1800 г. не только тем, что предоставил Брио рукопись и свои заметки о Сен-Жюсте. Ему случалось исполнять функции секретаря своего друга, и, вероятно, он взял на себя сведение воедино разрозненных заметок в соответствии с известным ему хотя бы в общих чертах замыслом Сен-Жюста. В корпус «канонического» текста вносятся отсутствующие в нем фрагменты, известные по рукописям, в тех случаях, если они либо были опущены издателями 1800 г. в связанных текстах, либо связаны с тем или иным фрагментом по содержанию или непосредственным соседством на листах рукописи. Фрагменты текстов, связанные с основным корпусом «Республиканских установлений» не текстуально, а нахождением в обших рукописных комплексах, помещаются под рубрикой «Разные фрагменты»; сюда же вошли и «Страницы из записной книжки», впервые опубликованные Собылем вместе с комплексом «Республиканских установлений», но не входящие в него, а связанные с ним по содержанию.

В настоящем издании фрагменты текста, отсутствующие в «каноническом» тексте, выделены курсивом; имеющиеся только в этом тексте отмечены косыми скобками: / /; вычеркнутые автором — квадратными скобками: []; нерасшифрованные слова — многоточием: <...>.

¹ *Сципион был обвинен* ∞ *он был убит*. — Публий Корнелий Сципион Африканский, победитель Ганнибала, вскоре после возвращения вместе с братом Люцием из Малой Азии, где они одержали победу над Антиохом, был обвинен в утайке денег, захваченных у Антиоха. Оскорбленный, он уехал в свое имение и вскоре умер. Ходили слухи, что он был убит.

² *...так умер Демосфен у подножия статуи богов...* — Демосфен, после смерти Александра вновь возглавивший сопротивление афинян македонянам, покончил с собой в храме Посейдона, после того как последние одержали победу.

³ *Сидней*. — См. примеч. 15 к речи «В защиту Робеспьера».

⁴ *Барневелт* (Олденбарневелт). — Полководец и политический деятель эпохи Нидерландской буржуазной революции, был казнен в 72 года по обвинению в государственной измене.

⁵ *Франклин*. — Бенджамин Франклин умер в 1790 г. в возрасте 84 лет.

⁶ *Шалье*. — Мари Жозеф Шалье, глава лионских якобинцев, казненный во время контрреволюционного восстания в этом городе 17 июля 1793 г., третий «мученик за дело свободы» после Лепеллеттье и Марата.

⁷ *...эти слова вняты сердцу* ∞ *ум это софист, который ведет добродетель на эшафот*. — Здесь, как и в докладе «О дантонистах», мы перевели словом «сердце» — «conscience»: см. примеч. 17 к этому докладу.

⁸ *Есть такие люди* ∞ *молча сносят оскорбления*. — Вероятно, имеются в виду участвовавшие к лету 1794 г. обвинения против Робеспьера и против «триумвиров» (Робеспьера, Сен-Жюста и Кутона).

⁹ *...как в Лакедемоне, ввести преступные установления, чтобы предупредить рост населения?* — Сен-Жюст зачеркнул «Спарта» и написал «Лакедемон». Возможно, он имел в виду умерщвление новорожденных, если они были слабы и уродливы; может быть — криптии — ритуальные истребления илютов.

¹⁰ *Фрагмент третий. Общие положения*. — Издатели 1800 г. сделали к этому фрагменту следующее примечание (единственное): «Мы собрали здесь под разными заголовками общие идеи, разбросанные по рукописи автора, которые, несомненно, должны были найти себе место в речи, которая предвзвешивала бы проект установлений». Цит. по: АНRF. 1948. № 111. P. 204.

¹¹ *Арпан*. — Мера земельной площади, составлявшая в разных районах Франции от 34 до 42 аров. Наиболее распространен был парижский арпан — 34 ара (0.34 га).

¹² *Барон де Батц*. — Одна из таинственных фигур роялистской контрреволюции; в 1794 г. его считали руководителем «иностранный заговора». См.: *Lenotre G. Un conspirateur royaliste pendant la Terreur: le Baron de Batz*. Paris, 1896; *Lestapis A. La conspiration de Batz*. Paris, 1969.

¹³ *В Антиохии* ∞ *вызвали ужасающий голод*. — Ср.: «Когда Юлиан понизил цены на съест-

ные припасы в Антиохии, то вызвал этим в стране страшный голод» (Монтескье. О духе законов. Кн. 22, гл. 7).

14 *Фрагмент пятый. Разделение установлений согласно их содержанию.* — В рукописи под этим заглавием текст несколько иной — см.: «Дополнения».

15 *Об образовании.* — В отличие от предыдущих фрагментов, представляющих собою в основном связный текст, здесь издатели 1800 г. свели воедино записи, сделанные на разных листах и зачастую повторяющиеся. Анализ взглядов Сен-Жюста на образование см.: *Dommanget M. Saint-Just. Paris, 1971. P. 117—133.*

16 *О привязанностях.* — См.: *Fortunet F. L'amitié et le droit selon Saint-Just // AHRF. 1982. № 248. P. 181—195; Rolland P. La signification politique de l'amitié chez Saint-Just // AHRF. 1984. № 257. P. 324—338.*

17 *Если супруги не имеют детей в течение первых семи лет со оставить друг друга.* — М. А. Шармело обратила внимание, что Тереза Желе оставила своего мужа ровно через семь лет после свадьбы, 25 июля 1793 г. (*Charmelot M. A. Saint-Just ou le chevalier Organt. Paris, 1957. P. 60—61.*)

18 *Французский народ признает Верховное существо и бессмертие души.* — Этой фразой начинался принятый 18 флореаля (7 мая 1794 г.) по докладу Робеспьера декрет Конвента о культе Верховного существа.

19 *...подвергнуть там цензуре частную жизнь функционеров...* — Впервые слово «функционеры» встречается в значении очень близком к тому, что вошло в русский язык в XX в., в докладе «О лицах, содержащихся в тюрьмах»; см. примеч. 24 к этому докладу.

20 *...революционных армий, которые вы уничтожили...* — Революционная армия, созданная по требованию парижских санкюлотов 5 сентября 1793 г. особая вооруженная сила, «предназначенная для подавления контрреволюции, для проведения <...> революционных законов <...> а также для охраны продовольствия». В течение осени 1793 г. по образцу парижской создавались революционные армии и в провинции, однако декретом 14 фримера (4 декабря 1793 г.) они были упразднены. Революционная армия Парижа существовала вплоть до весны 1794 г. 7 жерминаля (26 марта), через два дня после казни группы Эбера, Конвент принял по докладу Барера декрет о ее роспуске. См.: *Cobb R. Les armées révolutionnaires. Instrument de la terreur dans les départements; Paris; La Haye, 1961—1963. T. 1, 2.*

21 *...постановляет следующее...* — Далее приводится текст «проекта декрета» (V. 2. P. 538—539), как более подробный. Соответствующий фрагмент «канонического» текста см.: «Дополнения».

22 *Она подошла тихим шагом со сказал он себе.* — Лирический отрывок представляет собой непосредственное продолжение предшествующего текста. М. А. Шармело, А. Оливье и Б. Вино высказывают предположение, что появление отрывка связано с воспоминаниями о Терезе Желе. С. Торжюссен усматривает в этом тексте определенную литературную завершенность: *Truci-Torjussen S. L'oeuvre littéraire de Saint-Just. Thèse de doctorat de 3-e cycle. Faculté des lettres de Besançon. Anné 1979—1980. P. XLVII—LIV.*

ДОПОЛНЕНИЯ

Миссия в Рейнскую армию — (Mission à l'armée du Rhin)

26 вандемьера II г. (17 октября 1793 г.) Комитет общественного спасения постановил: «Граждане Сен-Жюст и Леба, представители народа, немедленно отправятся в Рейнскую армию, чтобы на месте выяснить, что произошло у Виссамбура и Лаутебура; они наделяются всеми полномочиями, которые необходимы, чтобы принять все меры общественного спасения, которые они сочтут нужным» (V. 2. P. 105). Конвент утвердил миссию Сен-Жюста и Леба и расширил их полномочия специальным декретом 22 октября. Положение Рейнской армии стало критическим: после захвата Виссамбургских укрепленных линий крепость Ландау оказалась блокированной. Миссия Сен-Жюста и Леба завершилась отвоеванием Виссамбургских линий и снятием осады с Ландау. В первых числах января 1794 г. они возвратились в Париж.

Документы, относящиеся к миссии Сен-Жюста, разбросанные по многочисленным центральным и местным архивам, отчасти были собраны Велле при подготовке «Полного собрания сочинений» Сен-Жюста. Некоторые из своих постановлений Сен-Жюст направлял Конвенту, с трибуны которого они зачитывались и затем публиковались в «Монитёре». Проведенные в 60—

70-х годах Ж. П. Гроссом изыскания в местных архивах дали богатый новый материал.¹ Особое значение имеет составленный самим Сен-Жюстом реестр его переписки и деловых документов за первые 24 дня его миссии в Рейнскую армию. Реестр этот в 1947 г. поступил в Национальную библиотеку в Париже и в 1954 г. опубликован А. Собоулем в АНRF. 1954. № 136, 137; русск. пер. см.: *Собоуль А.* Из истории Великой буржуазной революции 1789—1794 годов и революции 1848 года во Франции. М., 1960. С. 156—181, 287—371.

По мнению Собоуля, реестр этот был составлен Сен-Жюстом по памяти и постфактум. Нельзя исключить, что инициатором был П. Гато, писавший 27 брюмера адъютанту военного министра Добины: «Было время, когда Сен-Жюст прибыл в эту несчастную армию. Он все воодушевил, оживил, возродил. Добродетельный террор производит здесь чудесным образом то, чего от разума и философии пришлось бы ждать целый век... Собрание всех его постановлений будет, несомненно, одним из лучших памятников Французской революции».²

Для настоящего издания отобраны наиболее важные и характерные документы из изданий А. Собоуля (до 24 брюмера) и Ш. Велле (с 24 брюмера) с указанием разночтений за 1—24 брюмера.

¹ 1. — Письмо из Саверна впервые опубликовано вместе с факсимиле текста в кн.: *Curtis E. N. Saint-Just, colleague of Robespierre.* New York, 1935. P. 357 и вклейка. Написано рукою Сен-Жюста.

² *Нёвиллер.* — В оригинале Утвиллер (Utwiller).

³ *Мы сообщили...* — Здесь Сен-Жюст исправил «я» на «мы» (*Curtis E. N. Saint-Just, colleague...* P. 357).

⁴ *...пришлите ∞ из Кана. Разоружите опасные города...* — Кан был одним из центров федералистского мятежа.

⁵ 3. — У Велле этот приказ составляет часть предшествующей прокламации, которая датирована у него 3 числом 2 месяца.

⁶ *...Рюана, Мило, Лакоста, Малларме и Бори.* — Бори, Рюан, Мило и Гийарден, представители народа, были посланы Конвентом в Рейнскую армию 19 июля 1793 г.; Малларме был послан Конвентом 23 августа в департаменты Мёрт, Вогезы и Верхняя Сона. Все они были отозваны 13 брюмера (3 ноября 1793 г.). Ж. Б. Лакост вместе с М. А. Бодо были представителями народа при Мозельской армии.

⁷ *Чрезвычайная миссия ∞ в Страсбурге. Сен-Жюст.* — В реестре Сен-Жюста постскриптум опущен. Выше, в конце текста письма, Сен-Жюст сделал вставку, отметив ее звездочкой.

⁸ 8. — Письмо в реестре Сен-Жюста опущено.

⁹ *...что вы уже возглавляете Рейнскую армию.* — См. письмо Комитету общественного спасения от 24 октября 1793 г. (№ 7).

¹⁰ *Неприятель ∞ на взятии Саверна ∞ до взятия линий...* — Эта часть письма повторяется в несколько иных выражениях в письме Комитету от 9 брюмера (30 октября 1793 г.), которое было оглашено Барером на заседании Конвента 14 брюмера и опубликовано в «Монитёре» (М. XVIII. P. 339-340); *...до взятия линий.* — Виссамбургских укреплений.

¹¹ *Пишегрю только что ∞ нанесем удар.* — В реестре Сен-Жюста эта часть постскриптума отсутствует.

¹² *Нёйману...* — В редакции, представленной Велле, Нёйман не упоминается (V. 2. P. 117).

¹³ 15. — Публикуется в редакции, представленной Велле (V. 2. P. 116).

¹⁴ *Меригье.* — Так у Велле (V. 2. P. 119); в своем реестре Сен-Жюст написал имя этого жан-дарма «Мекинье».

¹⁵ 24. — См. письмо к генералу Пишегрю от 3 ноября 1793 г. (№ 33), а также доклад «О революционном порядке управления».

¹⁶ 25. — Это постановление было отпечатано в виде афиши на двух языках. 11 брюмера, направляя письмо Робеспьеру, Леба переслал ему это постановление и ряд других: «Мы считаем, что было бы полезно огласить их в Конвенте, одобрение которого, повышая доверие, столь необ-

¹ *Gross J. P. Saint-Just: sa politique et ses missions.* Paris, 1976.

² *Courtois Edm. Rapport fait au nom de la commission de l'examen des papiers trouvés chez Robespierre, Saint-Just etc.* Paris, An. III (1795): Pièces justificatives, № XXXIX. Цит. по: *Чун-рун Н. И.* Сен-Жюст и организация обороны Франции в 1793 году // Науч. зап. Днепропетровск. ун-та. 1956. Т. 56, вып. 4.

ходимое нам, усиливает мужество и веру, уже в значительной мере восстановленные» (Переписка и деловые документы... // Собыль А. Из истории... С. 315). Барер огласил это постановление в Конвенте 14 брюмера (М. XVIII. Р. 340). Робеспьер упомянул о нем в своем выступлении в Якобинском клубе 1 фримера II г. (21 ноября 1793 г.), заметив по этому поводу: «Вы видите, как раздели богатых, чтобы одеть бедных» (М. XVIII. Р. 490). Детальный анализ проведения займа см.: Gross J. P. *L'emprunt forcé du 10 brumaire an II et la politique sociale de Saint-Just* // *Actes*. P. 71—149.

17 *Леклерк, он же Достен* (д'Остен). — Кавалерист полка Сермон-Прэнс-кавалери в 1762 г.; в 1788 г. — капитан, в 1791 г. уволен в отставку, в 1792 г. восстановлен в чине капитана, служил в Рейнской армии. 10 сентября 1793 г. назначен командиром эскадрона. 27 июня 1794 г. назначен командиром роты 10-го конно-егерского полка.

18 30. — Публикуется в редакции, представленной Велле (V. 2. P. 126). Страсбургское народное общество просило об освобождении арестованных администраторов Сен-Жюст и Леба от ветоли, оправдывая принятые ими меры, в письме от 24 брюмера (№ 75). Согласно постановлению от 13 брюмера еще несколько человек были избавлены от ареста (V. 2. P. 127).

19 33. — См. письмо к Пишегрю от 9-го числа 2-го месяца (№ 24).

20 34. — См. постановление от 9-го числа 2-го месяца (№ 30).

21 *Комбез*. — В 1753 г. был солдатом, в 1785 — капитаном; 16 брюмера народные представители при Рейнской армии назначили его командиром бригады, а затем 11 фримера — бригадным генералом; ранен в сражении у Ла Ванццо 7 брюмера; 9 плевизоа утвержден в чине бригадного генерала.

22 *Виль Афраниш*. — См. примеч. 15 к докладу «О лицах, содержащихся в тюрьмах».

23 42. — См. постановление от 10-го числа 2-го месяца (№ 25).

24 50. — См. постановление от 10-го числа 2-го месяца (№ 25).

25 ...*во исполнение статьи 2...* — Расстрел изменников предусматривался не 2-й, а 1-й статьей декрета (№ 9).

26 56. — Относительно ареста администраторов департамента Мёрт Малларме 9 нивоа выступил в Конвенте с протестом: это были администраторы-санкюлоты, назначенные народными представителями Мило и Субрани. Дело было передано в Комитеты общественного спасения и общей безопасности (М. XIX. Р. 83).

27 59. — Постановление было опубликовано в «Монитёре» (М. XVIII. Р. 513).

28 *Пьер Аргу*. — Был солдатом 3-го морского полка с 1779 по 1783 г.; 15 сентября 1791 г. был назначен капитаном в 1-й батальон волонтеров департамента Эн; с 21 января 1792 г. подполковник, заместитель командира этого же батальона. Аргу служил в Рейнской армии с 1792 по 1795 г. 1 сентября 1795 г. утвержден в чине бригадного генерала Комитетом общественного спасения. Погиб в 1804 г. в Кайене, куда был сослан в 1802 г.

29 *Транш ла Осс*. — Возможно, Франш ла Осс, которого Дж. М. Томсон называет наряду с Субербиелем семейным врачом Дюпле: *Thompson J. M. Robespierre*. New York, 1936. Т. 1. P. 185.

30 71. — Постановление было опубликовано в «Монитёре» (М. XVIII. Р. 513).

31 75. — См. постановление от 12-го числа 2-го месяца (№ 30). Послание было опубликовано в «Монитёре» (М. XVIII. Р. 513—514).

32 ...*белые кокарды...* — Знак роялистской контрреволюции.

33 76. — Постановление было опубликовано в «Монитёре» (М. XVIII. Р. 513).

34 79. — Большой фрагмент этого послания был оглашен Барером 5 фримера (25 ноября 1793 г.) в Конвенте и опубликован в «Монитёре» (М. XVIII. Р. 518).

35 *Дё-Пон*. — Французское название г. Цвейбрюкен.

36 80. *Письмо Гошу*. — После провалившейся попытки захватить Бич прусская армия под командованием герцога Брауншвейгского начала отступление в направлении Кайзерслаутерна. При этом был оголен правый фланг австрийской армии Вурмзера. Если бы Гош пошел на соединение с Пишегрю, ударив с тыла, австрийская армия едва ли спаслась бы от разгрома. Однако Гош 27 ноября предпринял наступление на Кайзерслаутерн, надеясь, что занятие последнего вынудит пруссаков снять осаду с Ландау. Наступление на Кайзерслаутерн, где у герцога Брауншвейгского были прочные позиции, оказалось неудачным. После упорных трехдневных боев (с 28 по 30 ноября) Гош вынужден был отступить, потеряв три тысячи человек.

37 81. *Письмо Робеспьеру*. — Представляет собою обширный постскриптум к письму Филиппа Леба (V. 2. P. 161—162).

38 ...*Общества...* — Общество друзей свободы и равенства — официальное название Якобинского клуба.

Первая миссия в Северную армию — (Mission à l'armée du Nord)

3 пловиоза II г. (22 января 1794 г.) Комитет общественного спасения направил Сен-Жюста в Северную армию в качестве комиссара Конвента «с целью ознакомиться с состоянием армии, установить особый надзор за положением в городах Лилль, Мобёж и Бушен и принять все необходимые меры, каких потребуют интересы Республики» (V. 2. P. 185).

Первая миссия Сен-Жюста и Леба на Север была непродолжительной, причем, по-видимому, окончилась раньше, чем они предполагали: 24 пловиоза Леба писал отцу из Амьена, с дороги, что им пришлось ускорить свой отъезд. Через несколько дней после возвращения, 1 вантоза, Сен-Жюст был избран очередным председателем Конвента.

Все документы приводятся по изданию Велле.

1 З. ...*принудительному займу*... — В данном случае речь идет не о введении нового принудительного займа, как было в Страсбурге или в Нанси, а об ускорении выплат по общегосударственному принудительному займу — см. примеч. 16 к докладу «О жирондистах». Окончательный декрет о способах реализации этого миллиардного займа был принят 3—7 сентября 1793 г. и снижал потолок обложения займом до 1500 ливров годового дохода, дохода менее чем среднего.

2 *Реюньон-сюр-Уаз*. — Так в годы революции назывался г. Гиз.

Вторая миссия в Северную армию — (Deuxième mission à l'armée du Nord)

На заседании 10 флореаля II г. (29 апреля 1794 г.) Комитет общественного спасения постановил «направить народных представителей Сен-Жюста и Леба в Северную армию, чтобы проследить за исполнением планов Комитета общественного спасения» (V. 2. P. 403). В тот же день Сен-Жюст и Леба покинули Париж в сопровождении Гато и Тюийе. 12 флореаля они прибыли в Нуайон, где Сен-Жюст оставил на несколько часов друзей, чтобы навестить в Блеранкуре свою мать; это была их последняя встреча. 14 флореаля депутаты прибыли в Реюньон-сюр-Уаз (Гиз), где получили известие о падении крепости Ландреси.

6 прериала II г. (25 мая 1794 г.) Комитет общественного спасения направил Сен-Жюсту письмо, требующее его срочного возвращения в Париж, поскольку «Комитету нужно объединить знания и энергию всех своих членов».¹ Письмо написано рукою Робеспьера и подписано всеми находившимися в Париже членами Комитета. Только 12 прериала Сен-Жюст нашел возможность возвратиться в Париж.

Все документы приводятся по изданию Велле.

Миссия к северным и восточным границам — (Mission aux frontières du Nord et de l'Est)

Пребывание Сен-Жюста в Париже было недолгим. Тяжелое положение в Северной армии вновь потребовало его присутствия. На заседании Комитета общественного спасения 18 прериала II г. (6 июня 1794 г.) Карно подписал постановление, наделявшее Сен-Жюста своего рода верховной властью над несколькими армиями Республики: «Члены Комитета общественного спасения постановляют, что их коллега Сен-Жюст незамедлительно отправится к северным и восточным границам, чтобы наблюдать за действиями армий Республики от моря до Рейна и следить за исполнением декретов Конвента и постановлений Комитета общественного спасения» (V. 2. P. 428). Сен-Жюст выехал из Парижа, по-видимому, 21 прериала; по свидетельству Карно,² он отсутствовал на заседании Конвента 22 прериала. Первые подписанные им постановления во время этой миссии, дошедшие до нас, датированы 25 прериала.

Эта последняя миссия Сен-Жюста завершилась взятием Шарлеруа 7 мессидора II г. (25 июня 1794 г.) и победой над австрийской армией при Флёрюсе 8 мессидора, решившей в пользу Республики исход кампании. В ночь с 10 на 11 мессидора Сен-Жюст возвратился в Париж.

Все документы приводятся по изданию Велле.

¹ Переписка Робеспьера. Л., 1929. С. 238—239.

² Carnot L. H. Mémoires sur Carnot / Par son fils. Paris, 1896. T. 1. P. 520.

ПИСЬМА

Камиллу Демулену

С Камиллом Демуленом, своим земляком, Сен-Жюст познакомился, вероятно, во время пребывания в Париже летом 1789 г. В номере 6 газеты «Револьюсон де Франс э де Брабан» Демулен опубликовал о поэме Сен-Жюста «Органт».

Это письмо — единственное сохранившееся от существовавшей, по-видимому, между ними переписки. Написано оно было, скорее всего, в начале мая 1790 г.: ассамблея в Шони, о которой пишет Сен-Жюст, это департаментское собрание, на котором решалось, какому городу, Лану или Суассону, быть административным центром департамента Эна. Сен-Жюст от имени своих сограждан выступил в пользу Суассона.

¹ *Несмотря на мое несовершеннолетие...* — Участвовать в работе любого выборного органа, избирать и быть избранным на любой пост мог лишь гражданин, достигший двадцати пяти лет, Сен-Жюсту же в этот момент не было двадцати трех.

² *Сьер Желе.* — Об Антуане Желе, постоянном политическом и личном противнике Сен-Жюста см. статью Т. А. Черноверской в настоящем издании.

³ *Граф Лоразе.* — Сеньор соседней с Блеранкуром коммуны Маникан, аристократ-либерал, летом 1790 г. на почве недовольства финансовой политикой Учредительного собрания сблизился с Бабефом. 30 июля 1790 г. он писал Бабефу: «Я нахожусь в самом центре восстания, которое поднял в окрестностях некий смутьян из Блеранкура по имени Сен-Жюст <...> Поскольку мой дом окружен широкими рвами с водою, я живу в нем, как в крепости, но если у меня кончатся запасы муки, я умру от голода». Любопытно, что при этом он жаловался Бабефу, что крестьяне Маникана не только отказались платить аренду, но и собираются приступить к разделу земли (*Vinot B. Les origines familiales de Saint-Just et son environnement social // AHRF. 1982. № 248. P. 177; Dommanget M. Saint-Just. P. 100—101*).

⁴ *...поступил как Тарквиний...* — Тарквиний Гордый, сшибая палкою головки самых высоких маков, дал понять своему сыну, как следует поступить со старейшинами города Габии (*Тит Ливий. История Рима от основания города. I, 54*).

Максимилиану Робеспьеру

Письмо, положившее начало отношениям между Сен-Жюстом и Робеспьером, было найдено после термидорианского переворота среди бумаг последнего и опубликовано в приложении к докладу Куртуа (*Courtois Edm. Rapport fait au nom de la commission chargée de l'examen des papiers trouvés chez Robespierre, Saint-Just, etc. Paris, An. III; № XXIII*).

¹ *...открытые рынки местечка Блеранкур...* — На открытые рынки Блеранкура, о которых идет речь, в первую пятницу каждого месяца сгонялось от двадцати до тридцати тысяч голов овец. Трудно сказать, сыграл ли какую-либо роль адрес Национальному собранию, о котором пишет Сен-Жюст, — этот адрес до сих пор не обнаружен — или проект переноса этих рынков в Ку-си оказался ложным слухом. Рынки существовали в Блеранкуре до тех пор, пока в середине XIX в. не были перенесены в Ла Фер (*Vellay Ch. Saint-Just en 1790 // RHRF. 1911. P. 385—386; Dommanget M. Saint-Just. P. 95—96; Vinot B. Saint-Just. Paris, 1985. P. 103—105; 127—130*).

Письмо свидетельствует как о значительно возросшей к августу 1790 г. популярности Робеспьера, так и о политическом выборе и демократической ориентации юного Сен-Жюста.

Адриану Байару

Младшая из сестер Сен-Жюста, Мари Франсуаз Виктуар, 27 ноября 1790 г. вышла замуж за Адриана Байара, нотариуса и мирового судью кантона Шолл, деп. Сомма. Эрнест Амель, один из первых биографов Сен-Жюста, приходился Адриану Байару внучатым племянником. По его свидетельству, Сен-Жюста и Байара связывала тесная дружба; в семье Байара долгое время хранились многочисленные письма Сен-Жюста, но почти все они сгорели до того, как Амель начал писать биографию Сен-Жюста. Два сохранившихся письма были опубликованы Амелем (*Hamel P. 54—57, 101*). Второе письмо написано вскоре после избрания Сен-Жюста депутатом Конвен-

та; Сен-Жюст сообщает о своем избрании и просит у Байара позволения воспользоваться на первое время его парижской квартирой.

Ж. Л. М. Вийену-Добиньи

Это письмо является, вероятно, наиболее загадочным из писем Сен-Жюста. Найденное после термидора в его бумагах, письмо это, по крайней мере в таком виде, скорее всего не было отправлено.

Адресат письма, Жан Луи Мари Вийен-Добиньи (или д'Обиньи) (1754—1805), друг и земляк Сен-Жюста, еще до революции перебравшийся в Париж. В 1792—1794 гг. был близок также с Робеспьером и с Дантоном. В 1793 г. получил должность в бюро военного министра, был секретарем Бушотта; присяжный Революционного трибунала в 1794 г. После термидора в отличие от Тюйе или Гато, сохранивших верность дружбе, обрушился на Робеспьера и Сен-Жюста, на революционное правительство в многочисленных типично термидорианских памфлетах.

В настоящее время ряд историков (*Ollivier A. Saint-Just et la force des choses*. Paris, 1966. P. 106—116; *Vinot B. Saint-Just*. Paris, 1985. P. 115—126) высказывают предположение, что письмо написано не в 1792, а в 1791 г. Они обращают внимание на то, что Сен-Жюст просит показать его письмо (?) Ламету и Барнаву, которые к лету 1792 г. сошли с политической сцены (Барнава с января 1792 г. вообще не было в Париже), а годом ранее они находились еще на гребне событий. Сен-Жюст сетует в письме на отсутствие денег. В 1791 г. он действительно испытывал финансовые затруднения, а весной этого года даже вынужден был прибегнуть к финансовой помощи своего зятя Франсуа Декэна (мужа старшей из сестер, Луиз Мари Анн) для издания книги «Дух Революции и Конституции во Франции». Между тем летом 1792 г., 20 июня и 24 июля, он приобретает земельные участки из национальных имуществ, «служа делу Революции».

Датировка письма 1791 годом позволяет объяснить тяжелое душевное состояние автора. В середине июня 1791 г. на первичном собрании избирателей Блеранкура при выборах в Законодательное собрание Антуан Желе вновь поставил вопрос о неизбираемости Сен-Жюста и представил доказательства. Хотя его заявление опять не было принято во внимание, хотя Сен-Жюст был избран одним из выборщиков от Блеранкура на вторичное собрание, но давно уже лелеяемые надежды стать депутатом, видимо, приходилось оставить, и это было воспринято как катастрофа.

¹ ...второе <письмо?>... — Высказывается предположение (А. Оливье), что это какой-то недошедший до нас памфлет Сен-Жюста, написанный в форме открытого письма.

² Побывайте у Демулена *с* меня больше не увидит... — В чем причина разрыва Сен-Жюста с Демуленом — неизвестно.

³ Я дал слово Кле... — Кле был капитаном национальной гвардии Блеранкура и доверенным лицом Сен-Жюста.

Пьеру Виктору Тюйе

Адресат письма, Пьер Виктор Тюйе, так же как и упоминаемый в нем Пьер Жермен Гато, — ближайшие друзья Сен-Жюста. Во время миссий Сен-Жюста в Рейнскую и Северную армии сопровождали его в качестве представителей администрации продовольствия и снабжения армии.

Письмо является, вероятно, ответом на письмо Тюйе от 3 сентября 1793 г., в котором он общал Сен-Жюсту:

«Я получил известие о жене Торена, и тебя по-прежнему считают ее похитителем. Она проживает в отеле Тюильри, на улице Сент-Оноре, напротив Якобинского клуба. Необходимо сделать все возможное, чтобы освободить общественное мнение от той клеветы, которая уже оставила след в сердцах честных людей, и восстановить тот почет и уважение, какими ты пользовался до этого похищения. Ты не представляешь себе всего, но это заслуживает твоего внимания. Прощай, мой друг, сейчас отходит почта; сделай для друга то, что обещал ему.

Искренне преданный тебе

Тюйе» (V. 1. P. 62).

¹ ...о гражданке Торен... — О Терезе Торен см. статью Т. А. Черновой. 25 июля 1793 г., ровно через семь лет после свадьбы, оставила мужа и уехала в Париж. 8 октября 1793 г. она, по

свидетельству Франсуа Торена, возвратилась в Блеранкур. 20 июля 1794 г. (2 термидора) по взаимному соглашению они получили развод, причем именно Тереза отказалась от примирения.

Что произошло в действительности в конце июля 1793 г. — неясно. Известно лишь, что Комитет общественного спасения 18 июля 1793 г. направил Сен-Жюста с миссией в департаменты Эна, Уаза и Сомма, но неизвестно, отправился ли он туда, поскольку 1 августа в эти департаменты были направлены другие представители. 29 июля он был в Париже — в этот день он подписывал постановления Комитета, отсутствие же его подписей в предшествующие дни не позволяет исключить возможность его отсутствия в Париже.

<О Природе, о Гражданском состоянии, о Гражданской общине...>

См. выше вводное примечание к основному тексту трактата.

**<О Природе, о Гражданском состоянии, о Гражданской общине, или
Правила независимости управления. Ранняя редакция>**

¹ *Монтескье определяет ∞ из природы вещей.* — О духе законов. Кн. 1, гл. 1.

² *Руссо увидел человека ∞ как и Гоббс.* — Сам Руссо, соглашаясь с Гоббсом в некоторых вопросах, неизменно подчеркивал свое несогласие с ним именно в представлении о природе человека. Ср.: Руссо. С. 48, 64 («О происхождении неравенства между людьми»).

³ *Ричард Кэмберленд.* — Епископ англиканской церкви, автор трактата «Философское рассуждение о законах природы», переведенного на французский язык в 1744 г. Был оппонентом Гоббса в вопросе о характере человеческой природы. П. А. Кропоткин выделил Кэмберленда как одного из предшественников в обосновании естественного происхождения нравственности (*Кропоткин П. А. Этика.* Пг.; М., 1921. Т. 1. С. 117—118).

<Республиканские установления> варианты фрагментов

См. выше примеч. 14 и 21 к основному тексту «Республиканских установлений».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абансур М., современный французский историк 450, 451
- Адо А. В., современный российский историк 374
- Август см. Октавиан
- Аландиа д' 147, 439
- Александр Македонский (356—323 до н. э.) 182, 187, 446, 453
- Алкивиад (ок. 450—ок. 404 до н. э.), государственный деятель Афин 251, 450
- Амар Андре (1755—1816), депутат Конвента от департамента Изер, член Комитета общей безопасности 424
- Амель Э. (1826—1898), французский историк 410, 418, 459
- Анаксагор (ок. 500—428 до н. э.), древнегреческий философ 435
- Анахарсис, скиф царского рода, изучавший греческие обычаи и культуру (VI в. до н. э.) 435
- Аннотье, родственница Адриана Байара 354
- Анрио Франсуа (1761—1794), командующий парижской Национальной гвардией с 31 мая 1793 г., казнен вместе с Робеспьером 147, 405, 438
- Ансен Мишель, волонтер Рейнской Армии 328
- Антиной (ум. 130), любимец римского императора Адриана 393
- Антиох III (421—187 до н. э.), царь Сирии 453
- Антоний Марк (ок. 83—30 до н. э.), политический деятель Рима 165, 424
- Аранда Педро, граф д' (1719—1798), испанский государственный деятель, дипломат см. д'Аландиа
- Аргу Пьер, офицер Рейнской армии 337, 456
- Аристид (ум. ок. 468/467 до н. э.), политический деятель Афин 202
- Арнольд Жак, постоянный комиссар Северного кантона 321
- Арт, временный комиссар кантона Трюшен 321
- Аттила, предводитель гуннов в 434—453 гг. 274, 451
- Бабёф Гракх (Франсуа Ноэль) (1760—1797) 369, 458
- Байар Адриан, друг и зять Сен-Жюста 353, 458, 459
- Байи Жан Сильвен (1736—1793), мэр Парижа в 1789—1791 гг. 432, 446
- Барбару Шарль Жан Мари (1767—1794), депутат Конвента от департамента Буш-дю-Рон 79, 81, 90, 93, 425
- Барер де Вьезак Бертран (1755—1841), член Учредительного собрания, депутат Конвента от департамента Верхние Пиренеи, член Комитета общественного спасения 39, 88, 393, 409, 421, 423, 426, 436, 439, 442, 443—445, 455, 456
- Барнав Антуан Пьер Жозеф Мари (1761—1793), член Учредительного собрания 143, 153, 354, 449, 459
- Барневелт (Олденбарневелт) Ян (1547—1619), нидерландский государственный деятель 278, 453
- Батц Жан Пьер, барон де (1754—1822), считался главою «иностранным заговора» 294, 453
- Бейль Пьер Мари (ок. 1753—1793), депутат Конвента 430
- Бендер (1713—1798), австрийский маршал 111, 432
- Бергас, адвокат 445
- Бергуэн Франсуа (1750—1829), хирург, депутат Конвента от департамента Жиронда 93
- Берже, член администрации департамента Нижний Рейн 330
- Бернонвиль Пьер (1752—1821), бригадный генерал в 1792 г., военный министр в 1793 г. 83, 84, 426
- Бертен, судья торговой палаты в Марселе 90
- Бертран (из Марселя) 90
- Бертран де ла Одиньер Шарль Амбруаз (17..—1819), депутат Конвента от департамента Орн, член Комиссии двенадцати 88, 93
- Бертье де Совиньи, Луи (1737—1789), интендант Парижа, растерзан толпой после взятия Бастилии 446
- Бефруа Луи Этьен (1755—1820), депутат Конвента от департамента Эна 17, 417, 418
- Бийо-Варенн Жан Никола (1756—1819), врач, адвокат, депутат Конвента от Парижа, член Комитета общественного спасения 173, 174, 177, 179, 407, 439, 442—444
- Бирото Жан Батист (1758—1793), депутат Конвента от департамента Восточные Пиренеи 93
- Блан Л. (1811—1882), французский историк и политический деятель 418
- Бове Шарль Никола (1745—1794), депутат Конвента от Парижа 430
- Бодо Марк Антуан (1763—1837), депутат Законодательного собрания и Конвента от департамента Сона и Луара 343, 404, 455
- Бомарше Пьер Огюст Карон де (1732—1799), французский драматург 445
- Бомон, вдова солдата Рейнской армии 337
- Бонапарт см. Наполеон
- Боннадль де, епископ Клермонский 30
- Бонтан Маргарита, сестра солдата 351
- Бори Жан (1756—1828), депутат Конвента, комиссар при Рейнской армии 322, 455
- Борри, полковник Рейнской армии 331
- Боссюз Жан Бенин (1627—1704), епископ Мо, французский писатель и историк 221

- Брауншвейгский, герцог, Карл Вильгельм Фердинанд (1735—1806), прусский полководец и государственный деятель 456
- Бриенн Этьен Шарль Ломени де (1727—1794), архиепископ Санса, генеральный контролер финансов в 1787—1788 гг. 184, 445
- Брио Пьер Жозеф (1771—1827), член Совет 500 от департамента Ду в 1799 г., издатель «Фрагментов республиканских установлений» 452, 453
- Бриссо Жак Пьер (1754—1793), политический деятель и публицист, депутат Законодательного собрания и Конвента от департамента Эр и Луар 75, 76, 80, 81, 82, 90, 107, 114, 115, 136, 137, 139—141, 143—148, 152, 153, 155, 400, 401, 415, 417, 424, 430, 436
- Бриссо мадам, жена Ж. П. Бриссо 87
- Брут Марк Юний (85—42 до н. э.), политический деятель Рима, глава заговора против Цезаря 13, 15, 133, 165, 416, 435
- Броне д'Эври, граф 392
- Буассель Франсуа (1728—1807), адвокат, член Якобинского клуба, автор «Катехизиса человеческого рода» 369
- Буйе Франсуа Клод Амур, маркиз де (1739—1800), французский генерал, командовал при подавлении восстания в Нанси 28
- Бурбоны 25, 131, 138, 139, 140, 223, 243, 244, 419, 424—426, 437
- Бурдон Леонар (1754—1807), депутат Конвента от департамента Луара 83, 426
- Бушотт Жан Батист Ноэль (1754—1840), военный министр с 4 апреля 1793 до 19 апреля 1794 г. 320, 459
- Бюзо Франсуа Никола Леонар (1760—1794), адвокат, член Учредительного собрания, депутат Конвента от департамента Эр 5, 8, 74, 77, 79, 82, 83, 87, 90, 93, 150, 414, 415, 426, 427
- Бюиссар Антуан, адвокат из Арраса, друг Робеспьера 419
- Вадье Марк Гийом (1736—1828), член Учредительного собрания, депутат Конвента от департамента Арьеж, член Комитета общей безопасности 408
- Валазе (Дюффриш-Валазе) Шарль (1751—1793), депутат Конвента от департамента Орн 85, 87, 88, 93, 173
- Валерий (Публий Валерий Публикола), один из первых консулов Римской республики (507 до н. э.): 149, 439
- Варле Жан Франсуа (1764—после 1830), деятель секции Прав человека в Париже, один из «бешеных» 427
- Вашингтон Джордж (1732—1799), первый президент США 433
- Вашо Марсиаль (1763—1813), генерал Рейнской армии 326
- Велле Ш., французский историк 412, 414, 452, 454—458
- Венсан Франсуа Никола (1767—1794), активный член клуба Кордельеров 150, 434—436
- Верженн Шарль Гравье, граф де (1717—1787), министр иностранных дел Людовика XVI 184, 243, 445, 446
- Верньо Пьер Виктюрьен (1753—1793), депутат Законодательного собрания и Конвента от департамента Жиронда 76, 78, 89, 93, 113, 139, 141, 151, 368—369, 372, 380, 425
- Вестерман Франсуа Жозеф (1751—1794), французский генерал 145
- Вийен-д'Обиньи см. Добиньи
- Вилво, капитан Рейнской армии 326
- Вимпфен Луи Феликс, барон де (1744—1814), член Учредительного собрания, генерал, командующий силами федералистов в Нормандии в 1793 г. 146, 147
- Вино Б., современный французский историк 454
- Виолетт, делегат г. Гиз на департаментской ассамблее в Шони в апреле 1790 г. 352
- Вольтер Франсуа Мари Аруэ (1694—1778) 398
- Вурмзер Максимилиан Константин (1743—после 1823), генерал австрийской армии 455
- Габриель д'Эстре, возлюбленная Генриха IV 451
- Ганнибал (247/246—183 до н. э.), карфагенский полководец 16, 100, 453
- Гардиен Жан Франсуа Мартен (1751—1793), депутат Конвента от департамента Эндр и Луара, член Комиссии двенадцати 85, 93
- Гарнье Антуан Мари Шарль (1742—1805), депутат Конвента от департамента Об 151
- Гаррингтон 84, 85
- Гато Пьер Жермен (ум. 1815), член администрации продовольствия и снабжения армии, друг Сен-Жюста 166, 355, 395, 420, 442, 452, 453, 457, 459
- Геллий Авл, римский писатель II в. н. э. 272
- Гемене, Роганы-Гемене 184, 446
- Генрих IV (1553—1610), французский король 183, 223, 247, 274, 449, 451
- Георг III (1738—1820), английский король 424
- Герострат 128, 435
- Гийар Жан, волонтер Рейнской армии 336
- Гийарден Луи (1758—1816), депутат Конвента, комиссар при Рейнской армии 455
- Гоббс Томас (1588—1679), английский философ 256, 359, 399, 450, 460
- Годой Мануэль (1767—1851), министр и фаворит Карла IV, короля Испании 439
- Горса Антуан Жозеф (1752—1793), журналист, депутат Конвента от департамента Сена и Уаза 74, 90, 93

- Гортензий (Квинт Гортензий Гортал, 114—50 н. э.), римский оратор, юрист 274
- Готье Ф., современный французский историк 375, 417
- Гош Лазар (1768—1797), генерал, командующий Мозельской армии в октябре 1793—марте 1794 г. 341—344, 404, 456
- Гракки, братья, государственные деятели Рима II в. до н. э. 278, 291, 435
- Графиньи Франсуаз д'Изамбур д'Аронкур, мадам де (1695—1758), французская писательница 451
- Грене, сенюр Блеранкура 397, 398, 418, 451
- Гросс Ж. П., современный французский историк 455
- Гусман Андре Мари (1753—1794), финансист, член комитета, организовавшего антижирондистское восстание 151
- Густав III (1746—1792), король Швеции 15, 416
- Гюаде Маргерит Эли (1758—1794), адвокат, депутат Законодательного собрания и Конвента от департамента Жиронда 78, 93, 145, 146, 427
- Гюитон-Морво Луи Бернар (1736—1816), депутат Законодательного собрания и Конвента от департамента Кот-д'Ор 177, 351, 444
- Гюфруа Арман Бенуа Жозеф (1740—после 1795), депутат Конвента от департамента Па-де-Кале 422
- Давид Жак Луи (1748—1825), художник, депутат Конвента от Парижа, член Комитета общей безопасности 177
- Даллар Жан Жозеф, капитан Рейнской армии 338
- Дандийон, инспектор госпиталей в Страсбурге 338
- Дандре (д'Андре) Эмери Антуан Балтазар Жозеф (1759—1825), член Учредительного собрания 157, 441
- Дантон Жорж Жак (1759—1794) 83, 136, 143, 146—153, 155, 158, 165, 172, 175, 235, 281, 364, 408, 416, 424, 426, 428, 431, 436—440, 446, 459
- Дасса (д'Асса) Луи, шевалье (1733—1760), герой Семилетней войны 207, 247, 449
- Дево 83
- Дежарден Жак Жарден (1759—1807), французский генерал 349
- Декэн Андре Франсуа Эмманюэль, родственник Сен-Жюста 459
- Делакруа (Лакруа) Жан Франсуа (1752—1794), депутат Законодательного собрания и Конвента от департамента Эр и Луар 136, 143, 145, 147, 148, 151—153, 155, 408, 436—439
- Де Лоне, герцог, комендант Бастилии 446
- Делоне из Анжера, Жозеф (1752—1794), адвокат, депутат Законодательного собрания и Конвента от департамента Мен и Луара 432
- Демайо Эв Антуан Франсуа (1747—1814), агент Комитета общественного спасения 393
- Демосфен (384—322 до н. э.) 178, 278, 285, 444, 453
- Демулен Камилл Люси Симплиций (1760—1794), журналист, депутат Конвента от Парижа 136, 148, 149, 151, 153, 233, 352, 354, 364, 396, 408, 431, 432, 435—437, 439, 440, 448, 458, 459
- Демулен Люсиль (1771—1794), жена Камилла Демулена 154, 438, 440
- Дефье Франсуа (1755—1794), виноторговец из Бордо, член Якобинского клуба 146, 173, 434, 438
- Деций (Публий Деций Мус), римский консул 340 г. до н. э. 437
- Дидье, член администрации департамента Нижний Рейн 330
- Дидье Сюзанна, вдова солдата Рейнской армии 333
- Дийон Артюр, граф (1750—1794), член Учредительного собрания, генерал-лейтенант Северной армии 74, 88, 150, 154, 424, 440
- Дионисий Галикарнасский, греческий ритор и исторический писатель конца I в. до н. э. 196
- Дионисий Младший (367—344 до н. э.), тиран Сиракузский 203
- Добиньи (Вийен-д'Обиньи) Жан Луи Мари (1754—1804), земляк Сен-Жюста, член клуба Кордельеров, адъютант военного министра 233, 354, 455, 459
- Доливье Пьер (1748—1817), кюре, идеолог деревенской бедноты 429
- Доманже М., французский историк 417
- Дону Пьер Клод Франсуа (1761—1840), преподаватель коллежа Сен-Никола в Суассоне, депутат Конвента от департамента Па-де-Кале 393
- Дюбуа-Дешарм, прокурор из Суассона 395
- Дюбуа-Крансе Эдмон Луи (1747—1814), член Учредительного собрания, депутат Конвента от департамента Арденны 39, 421
- Дюбюиссон Поль Ульрих (1746—1794), член Якобинского клуба, служащий миноистерства иностранных дел 150
- Дюваль М., современный французский историк 412, 450, 451, 453
- Дювейрье (1755—1839), выборщик и заместитель депутата от Парижа в 1789 г., участник взятия Бастилии 187
- Дюгеклен (Дю Геклен) Бертран (1320—1380), коннетабль Франции в 1370—1380 гг. 247, 449
- Дюко Жан Франсуа (1765—1793), негодник из Бордо, депутат Законодательного собра-

- ния и Конвента от департамента Жиронда 148, 157
- Дюмурье Шарль Франсуа (1739—1823), французский генерал 81, 82, 83, 89, 114, 137, 139—141, 143—149, 154, 158, 173, 367, 423—426, 428, 432, 437, 439
- Дюпле Элизабет (1773—1859), жена Филиппа Леба 404
- Дюпле 456
- Дюпон, заместитель генерального консула Франции в Филадельфии 81
- Дюпор Адриан Жан Франсуа (1759—1798), член Учредительного собрания 141, 144, 438, 449
- Дюре Ноэль, офицер Рейнской армии 333
- Дю Фо, парижский выборщик 1789 г., участник взятия Бастилии 187
- Дюфур, из Бордо 86, 87
- Жанбон Сент-Андре Андре (1749—1813), депутат Конвента от департамента Ло, член Комитета общественного спасения 83, 174, 426, 444
- Жансонне Арман (1758—1793), адвокат, депутат Законодательного собрания и Конвента от департамента Жиронда 93, 144, 146
- Желе Антуан, нотариус из Блеранкура 352, 394, 396, 397, 458, 459
- Желе Тереза Луиза Сигарда (1766—1806), дочь Антуана Желе 355, 393, 454, 460
- Жерар, негодичант из Лориана 425
- Жерар Дени, волонтер Рейнской армии 327
- Жерар вдова, его мать 327
- Жилле Пьер Мартен (ок. 1766—1795), депутат Конвента, комиссар при Северной армии 351, 352
- Жорес Ж. (1859—1914) 369, 371, 375, 433
- Журдан Жан Батист (1762—1833), генерал, командующий Арденнской армией в 1794 г. 350, 411, 443
- Изарн-Валади Жак Годефрау Шарль де Фрезине, маркиз д', депутат Конвента от департамента Аверон 85
- Изоре Жак (1758—1839), депутат Конвента от департамента Уаза 441
- Иосиф II (1741—1790), император Священной Римской империи 431
- Иснар (Инар) Анри Максимен (1751—1830), депутат Законодательного собрания и Конвента от департамента Вар 88, 427
- Йоркский, герцог, Фредерик (1763—1827), второй сын английского короля Георга III 76, 77, 98, 424, 425, 429
- Калонн Шарль Александр де (1734—1802), генеральный контролер финансов в 1783—1787 гг. 186, 419, 445
- Калькрейт, фон, командующий прусскими войсками при осаде Майнца 80, 81
- Камбон Пьер Жозеф (1756—1830), негодичант, депутат Законодательного собрания и Конвента от департамента Эро 38, 420, 424, 425
- Капет Людовик см. Людовик XVI
- Капет сын, Капет молодой см. Людовик XVII
- Капета жена см. Мария Антуанетта
- Капет Уго, основатель династии Капетингов во Франции (987—1328), от которой ведут свое происхождение и Бурбоны 419
- Карл Великий (742—814), франкский король, основатель Империи 394
- Карл I (1600—1649), английский король 14, 15, 31, 76, 416
- Карл II (1630—1685), английский король, сын Карла I 79, 443
- Карлан, генерал Рейнской армии 323
- Карно Лазар Никола Маргери (1753—1823), военный инженер, депутат Законодательного собрания и Конвента от департамента Падде-Кале, член Комитета общественного спасения 442—444, 457
- Карра Жан Луи (1742—1793), депутат Конвента от департамента Сона и Луара, журналист 140, 141, 153, 233, 448
- Кассий (Гай Кассий Лонгин), возглавлял заговор против Цезаря 165
- Кастелане, из Марселя 90
- Кастри Шарль, маркиз де, морской министр Людовика XVI 213
- Катилина Луций Сергий (108—62 до н. э.), римский политический деятель 15, 135, 148, 154, 164, 167, 416, 442
- Катон Младший Марк Порций, прозванный Утическим (95—46 до н. э.), римский политический деятель, противник Цезаря 167, 242, 274, 435
- Катон Старший Марк Порций, Цензор (234—149 до н. э.), римский политический деятель 122, 145, 178
- Кейнс Дж. М. (1883—1946), английский экономист и социолог 385
- Келлерман Франсуа Кристоф (1735—1820), командующий французскими войсками при Вальми 20 сентября 1792 г. 80, 145
- Килмен Чарльз (Шарль) Эдуард (1751—1799), англичанин, французский генерал 108, 431
- Клавьер Этьен (1735—1793), женеvский банкир, ближайший сотрудник Неккера; после 10 августа 1792 г. министр 239
- Кле, капитан Национальной гвардии Блеранкура 354, 459
- Клебер Жан Батист (1753—1800), французский генерал 351
- Клермонский епископ см. Боннальд
- Клоутс Анахарис (Жан Батист) (1755—1794),

- барон, депутат Конвента от департамента Уаза 140, 314, 433, 434
- Кобургский, герцог, Фридрих (1737—1815), австрийский фельдмаршал, командующий войсками антифранцузской коалиции 411
- Кодр, легендарный царь Афин 159, 191, 441, 446
- Кок Жан Конрад (...—1794), голландский банкир см. Коонкноф
- Колло д'Эрбуа Жан Мари (1751—1796), депутат Конвента от Парижа, член Комитета общественного спасения 173, 177, 179, 407, 455, 456
- Комбез Жан Франсуа (1732—1794), бригадный генерал Рейнской армии 332, 456
- Кондорсе Жан Антуан Никола Карита, маркиз де (1743—1794), философ—просветитель; депутат Законодательного собрания и Конвента от департамента Эна 401, 422, 424
- Константин Великий (ок. 280—337), римский император, поддерживавший христиан 216
- Коонкноф 140, 449
- Корде д'Армон Шарлотта (1768—1793), убийца Марата 148
- Корнель Пьер (1606—1684), французский драматург 444
- Корнман, страсбургский банкир 183, 445
- Корнман г-жа, жена банкира 445
- Костюшко Тадеуш (1746—1817), участник Североамериканской войны за независимость, руководитель польского восстания 1794 г. 433
- Кромвель Оливер (1599—1658), деятель Английской буржуазной революции XVII в., лорд-протектор Англии с 1653 г. 12, 14, 76, 79, 81, 416, 443
- Кропоткин П. А. (1842—1921) 460
- Куанде, из Лиона 90
- Куртуа Эдм Бонавантюр (1754—1816), депутат Конвента 458
- Кутон Жорж Опюст (1755—1794), депутат Законодательного собрания и Конвента от департамента Пуи-де-Дом, член Комитета общественного спасения 179, 405, 407, 410, 422, 438, 440, 444, 453
- Кэмберленд Р. (1631—1718), епископ англиканской церкви, политический мыслитель 359, 460
- Кётис Е. Н., американский историк 402
- Кюньер, англичанин 181, 445
- Кюстин Адам Филипп, граф де (1740—1793), французский генерал 114, 155, 164
- Лабуро Жан Батист, осведомитель на процессе группы Эбера 434
- Лавернье, братья, солдаты Рейнской армии 337
- Лакло Пьер Амбруаз Франсуа Шодерло де (1741—1803), писатель, генерал, советник Филиппа Орлеанского 143
- Лакост Жан Батист (1756—после 1816), депутат Конвента, комиссар при Мозельской армии 322, 343, 404, 455
- Лакруа см. Делакруа
- Ламет Александр, барон де (1760—1829), член Учредительного собрания 143, 207, 213, 354, 449, 459
- Ламеты, братья 140, 143, 153, 233
- Ламуаньон Кретъен Франсуа (1735—1789), министр Людовика XVI, хранитель печати 183, 445
- Ланьжье, из Марселя 90
- Ланжюине Жан Дени (1753—1827), член Учредительного собрания, основатель Бретонского клуба, депутат Конвента от департамента Иль и Вилен 91, 93, 140, 315
- Ларуэри (Ла Руэри) Тюффен Арман, маркиз де (1750—1793), руководитель восстания в Бретани в 1793 г. 114, 432
- Лас-Касас, испанский посол в Вене 150
- Лафайет Мари Жозеф Поль Ив Рок Жильбер дю Мотье маркиз де (1757—1834), член Учредительного собрания, командующий Национальной гвардией Парижа 6, 7, 88, 137, 139, 140, 143, 149, 153, 415, 423, 427, 446
- Лафлот Александр 440
- Леба Анриета, сестра Филиппа Леба 404, 408
- Леба Филипп Франсуа Жозеф (1764—1794), депутат Конвента от департамента Па-де-Кале, член Комитета общей безопасности 320, 323, 324, 326, 340, 341, 342, 344—350, 403—405, 413, 435, 444, 454—457
- Леба Элизабет см. Дюпле Элизабет
- Лебон Жозеф (1765—1795), депутат Конвента от департамента Па-де-Кале 444
- Лебрен Пьер Мари (1754—1793), министр иностранных дел в 1792—1793 гг. 144, 146, 438
- Легро Феликс, член народного общества Мобёжа 348
- Легрэ Франсуа Венсан, член революционного комитета секции Музея в Париже 172, 443
- Лежурдан, из Марселя 90
- Леклерк д'Остен, офицер Рейнской армии 330, 456
- Лемуан Роже, родственник Сен-Жюста 393
- Ленде Робер Жан Батист (1746—1825), депутат Законодательного собрания и Конвента от департамента Эр, член Комитета общественного спасения 179, 419, 437, 444
- Ленин В. И. 386
- Леопольд II (1747—1792), император Священной Римской империи 15, 416, 431
- Лепеллетье де Сен-Фаржо Луи Мишель (1760—1793), член Учредительного собрания, депутат Конвента от департамента Ионна 87, 134, 426, 456
- Лефевр Ж. (1874—1959), французский историк 369, 410, 433

- Ликург, легендарный царь Спарты 44, 45, 50, 72, 114, 159, 177, 190, 192, 204, 223, 248, 422, 441
- Ло (Лоу) Джон (1671—1729), шотландский экономист, генеральный контролер финансов Франции в 1720-х гг. 238, 239, 246, 449
- Лораге Луи Леон Фелисите да Бранка, граф (1733—1817) 352, 458
- Лоран Клод Илер (1741—1801), депутат Конвента 179, 444
- Лувре де Кувре Жан Батист (1760—1797), литератор, депутат Конвента от департамента Луаре 79, 90, 93, 425
- Лустало Элизе (1761—1790), адвокат и журналист 233, 448
- Лутфала М., современный французский историк 417
- Людовик XI (1423—1483), французский король 28, 419
- Людовик XIV (1638—1715), французский король 200, 247, 447
- Людовик XV (1710—1774), французский король 246, 445
- Людовик XVI (1754—1793), французский король 10—15, 24—34, 111, 183, 184, 219, 315, 400, 415, 416, 419, 424—426, 432, 442, 445, 446, 451
- Людовик XVII (1785—1795), Луи Шарль, сын Людовика XVI, провозглашенный королем роялистской эмиграцией после казни отца 74, 82, 89, 92, 151, 219, 424
- Людовик XVIII, граф Прованский, Луи Станислав Ксавье (1755—1824), Месье, младший брат Людовика XVI, король Франции в 1814—1824 гг. 29, 184, 420
- Люкнер Никола, барон (1722—1799), французский маршал 207
- Люлье Луи Мари (1746—1794), прокурор-синдик Парижского департамента 148, 151, 368
- Мабли Габриель Бонно де (1709—1785) 399, 417, 450
- Магомет см. Мухаммед
- Мажантье, член Якобинского клуба 177, 444
- Мазарини Джулио (1602—1667), кардинал и государственный деятель Франции 81, 437
- Майль Жан Батист (1754—1834), депутат Законодательного собрания и Конвента от департамента Верхняя Гаронна 415, 416
- Мак Карл, барон фон (1762—1828), полковник австрийской армии 131
- Макнавелли Николо ди Бернардо (1469—1527) 175, 443
- Макинтош Джеймс (1765—1832), шотландский политический мыслитель 433
- Малларме Франсуа Рене Огюст (1755—1835), депутат Конвента от департамента Мёрт 322, 455, 456
- Малле, житель Лиона 332
- Малуэ Пьер Виктор (1740—1814), член Учредительного собрания 144, 448
- Манда де Гайо Жан Антуан (1731—1792), командующий Национальной гвардии Парижа в 1792 г. 76, 425
- Манлий (Тит Манлий Торкват), римский консул 340 г. до н. э. 136, 437
- Манфред А. З. (1906—1976), советский историк 433
- Манюель Луи Пьер (1752—1794), прокурор Коммуны Парижа в 1791—1792 гг., депутат Конвента от Парижа 77, 80, 89, 140, 425
- Марат Жан Поль (1743—1793) 111, 117, 122, 136, 141, 144, 147—150, 159, 233, 278, 292, 375, 376, 388, 401, 417, 424, 435, 437, 439, 441, 446, 448, 453
- Маргарита Валуа (1553—1615), жена Генриха IV 451
- Маргарот Морис, основатель и председатель Лондонского корреспондентского общества 111, 432
- Марий Гай (156—86 до н. э.), римский полководец и политический деятель 424
- Мария-Антуанетта (1755—1793), жена Людовика XVI 88, 184, 424, 431, 445
- Маркс Карл (1818—1883) 365, 369, 386, 400, 417, 451
- Маршена, испанец 90
- Матье Жан Батист Шарль (1763—1833), депутат Конвента от департамента Уаза, член Комитета общественного спасения с 30 мая по 10 июля 1793 г. 90, 422
- Матъез А. (1874—1932), французский историк 433, 438
- Мекинье см. Меригье
- Мелсемер, постоянный комиссар кантона Хохфелден 321
- Менис, из Лиона 90
- Меригье Жак, жандрам Рейнской армии 327, 455
- Мерсье Луи Себастьян (1740—1814), писатель и журналист 233, 448
- Метелл Квинт Цецилий (Нумидиец), консул 109 г. до н. э. 272, 451
- Мило Жан Батист (1766—1833), депутат Конвента, комиссар при Рейнской армии 322, 455, 456
- Минос, легендарный царь Крита 44, 45, 127, 258, 260, 421, 422, 435, 450
- Мирабо Оноре Габриель Рикети, граф де (1749—1791), 138, 140, 143, 147, 153, 156, 233, 236, 237, 244, 437, 449
- Миранда Франсиско де (1750—1816), французский генерал, один из руководителей борьбы за независимость в Латинской Америке 83, 145, 426
- Мисси, офицер Рейнской армии 331
- Митридат VI Евпатор (132—63 до н. э.), царь Понта в 120—63 гг. до н. э. 100, 190

- Мишале Ш., современный французский экономист 417
- Мишель Ж. (1798—1874), французский историк 369
- Може, из народного общества Нанси 435
- Може-Мольвиль, из Марселя 90
- Моисей 259, 260, 390
- Мольво (1744—1816), депутат Конвента от департамента Мёрт, председатель Комиссии двенадцати 93
- Моморо Антуан Франсуа (1756—1794), печатник, член клуба Кордельеров, осужден вместе с группой Эбера 434, 438
- Монбаре, министр Людовика XVI 184
- Моне, мэр Страсбурга осенью 1793 г. 330
- Монестье, солдат Рейнской армии 332
- Монк Джорж (1608—1670), английский генерал, содействовал реставрации Стюартов 75, 82, 424
- Монморанси Анн де (1501—1568), коннетабль Франции 123, 435
- Монтень Мишель де (1533—1592), французский философ 247, 266, 449
- Монтескье Шарль Луи, барон де Секонда (1689—1755) 17, 38, 44, 181, 182, 203, 221, 222, 247, 256, 261, 273, 280, 358, 359, 397—399, 417, 421, 441, 443, 445—452, 460
- Моранд 80
- Морепа Жан Фредерик Фелипо, граф де, министр Людовика XV и Людовика XVI 184, 445
- Морис Жан Клод, солдат Рейнской армии 332
- Мориссон Шарль Луи Франсуа Габриель (1751—1817), депутат Законодательного собрания и Конвента от департамента Вандея 10, 11, 399, 415
- Мужа, член администрации департамента Нижний Рейн 330
- Мумий Луций, римский консул 153 г. до н. э. 318
- Мург, министр Людовика XVI 25
- Мухаммед (Магомет) 241, 248, 260, 390
- Мячински Юзеф (1743—1793), комендант крепости Верден 83
- Наполеон I Бонапарт (1769—1821) 364, 393, 452
- Нёйман, член администрации департамента Нижний Рейн 326, 330, 455
- Неккер Жак (1732—1804), генеральный директор финансов Франции в 1776—1781 и в 1788—1789 гг. 155, 156, 183, 185, 237, 239, 419, 441, 446, 449
- Нодье Ш. (1780—1844), французский писатель-романтик 393, 452
- Нозль, журналист 144, 438
- Нума Помпилий, второй царь Древнего Рима 15, 416
- Обер 84, 85
- Октавиан Август (63 до н. э.—14 н. э.), римский император 272, 424
- Олар А. (1849—1928), французский историк 422
- Оливье А., французский историк 454, 459
- Оноре Луи, мэр Блеранкура в 1790—1793 гг. 396
- Орлеан, мадемуазель, дочь Филиппа, герцога Орлеанского 82
- Орлеан сын, Орлеан молодой см. герцог Шартрский
- Орлеан Луи Филипп Жозеф, герцог Орлеанский, Филипп Эгалите (1747—1793), член Учредительного собрания, депутат Конвента от Парижа 76, 77, 136, 138, 140, 141, 143—149, 153, 154, 186, 419, 424—426, 435, 437, 442
- Орлеаны 76, 77, 138, 139, 152, 155, 156, 425
- Паоли Паскуале ди (1725—1807), руководитель сепаратистского движения на Корсике 87, 89, 114, 426—427, 432
- Папий Мутил Марк, римский консул 9 г. н. э. 96, 272
- Папийон Пьер, волонтер Рейнской армии 332
- Паран, из Бордо 86, 87
- Паре Жюль (...—1819), министр внутренних дел Франции в 1793—1794 гг. 439
- Пари, телохранитель Людовика XVI, убийца Лепеллетье де Сен-Фаржо 87, 426
- Паскаль Блез (1623—1622), французский религиозный философ, ученый, писатель 447
- Паш Жан Никола (1746—1823), военный министр в 1792 г., мэр Парижа 355
- Пейн Томас (1737—1809), общественный и политический деятель Великобритании и США, депутат Конвента от департамента Па-де-Кале 86, 426, 433
- Пердьё, генерал-адъютант Рейнской армии 327, 328
- Переира Жакоб (...—1794), банкир 434
- Песталоцци, Иоганн Генрих (1746—1827), швейцарский педагог-демократ 433
- Пети, администратор Аррасского округа 348
- Петион де Вильнёв Жером (1756—1794), член Учредительного собрания, мэр Парижа в 1791—1792 гг., депутат Конвента от департамента Эр и Луар 76—78, 80, 81, 83, 87, 90, 93, 139, 141, 147, 415, 425, 426, 449
- Петр I (1672—1725), русский царь 247, 449
- Пизистрат (ок. 600—528 до н. э.), афинский тиран 90, 174, 177
- Питт Уильям, Питт Младший (1759—1806), премьер-министр Англии 107, 117, 122, 430, 438
- Пишегрю Шарль (1761—1804), генерал, командующий Рейнской армией осенью 1793 г., командующий армией Самбры и Мааса весной 1794 г. 323, 325, 330, 331, 336, 341—344, 347, 349, 404, 443, 455, 456

- Платон (428/427—348/347 до н. э.) 406
 Плеуз, из Марсея 90
 Плутарх (46—119), древнегреческий писатель и историк 422
 Полиньяк Иоланда, супруга герцога Жюля де Полиньяка, фаворитка Марии Антуанетты 184, 445
 Польверел Этьен де, член Якобинского клуба в 1790 г. 89, 427
 Помпадур Жанна Антуанетта, маркиза де (1721—1764), фаворитка Людовика XV 445
 Помпей Гней (Помпей Великий) (106—48 до н. э.), римский полководец, воевавший против Цезаря 122, 161, 424
 Помоний Мела, римский юрист II в. н. э. 270
 Пон Филип Лоран (1759—1844), депутат Конвента 430
 Поп (Поуп) Александр (1688—1744), английский поэт 247, 449
 Поппей, римский консул 9 г. н. э. 96, 272
 Преси Луи Франсуа, граф де (1742—1820), военачальник мятежа в Лионе в 1793 г. 114, 115, 124, 432, 435
 Прива, из Лиона 90
 Приёр из департамента Кот д'Ор (Приёр-Дювернуа), Клод Антуан (1763—1832), депутат Законодательного собрания и Конвента, член Комитета общественного спасения 174, 179, 443, 444
 Приёр из департамента Марна, Пьер Луи (1756—1827), член Учредительного собрания, депутат Конвента, член Комитета общественного спасения 179, 444
 Про, прокурор-синдик дистрикта Агно 326
 Прованский, граф см. Людовик XVIII
 Проли Балтазар (1752—1794), финансист, австрийский подданный 135, 434
 Прюдом Луи Мари (1752—1830), журналист, издатель газеты «Революсьон де Пари» 448
 Прютен, комиссар по снабжению продовольствием Северной армии 346
 Пуффендорф Самуэль (1632—1694), немецкий юрист, политический мыслитель 450
- Рабо де Сент-Этьенн Жан Поль (1744—1820), депутат Конвента от департамента Об 91
 Рамель-Ногаре Доминик Венсан (1760—1820), член Учредительного собрания, депутат Конвента от департамента Об, член Комитета общественного спасения с 30 мая по 10 июля 1793 г. 422
 Ранкен, агент Временного исполнительного совета 335, 336
 Расин Жан (1639—1799), французский драматург 447
 Раффи, капитан Рейнской армии 339
 Реаль Пьер Франсуа (1757—1834), юрист, заместитель прокурора Коммуны Парижа в 1792 г. 84, 85
 Ребекки Франсуа (1744—1794), марсельский негодник, депутат Конвента от департамента Буш-дю-Рон 425
 Ревуненков В. Г., современный российский историк 433
 Регул Марк Аттилий, государственный деятель Рима III в. до н. э. 136, 437
 Рец Жан Франсуа Поль де Гонди (1613—1679), кардинал де 141, 437
 Ришар Жан, солдат Рейнской армии 334
 Ришелье Арман Жан дю Плесси, кардинал де (1585—1642) 178, 200, 444, 447
 Робеспьер Максимилиан Мари Исидор (1758—1794) 171, 173, 177, 233, 343, 353, 363, 375, 376, 378, 386, 387, 393, 396, 400, 404, 407, 408—410, 420, 422, 424, 425, 428, 431, 434, 436—440, 442—445, 447, 449, 453—459
 Робино Антуан, родственник Сен-Жюста 392
 Робино Леонар, дед Сен-Жюста по материнской линии 392
 Робино Мари Анн см. Сен-Жюст Мари Анн
 Робино Эдмон, родственник Сен-Жюста 404
 Ролан де ла Платьер Жан Мари (1734—1793), министр внутренних дел Франции в 1792—начале 1793 г. 17, 79, 80, 81, 107, 144, 147, 150, 414, 417, 430
 Ронсен Шарль Филипп (1751—1794), член клуба Кордельеров, командующий Революционной армией Парижа осенью 1793 г. 137, 140, 158, 434—436
 Ру Жак (1752—1794), священник, член клуба Кордельеров, один из «бешеных» 368
 Рузвельт Ф. Д. (1882—1945), президент США 385
 Руссо Жан Жак (1712—1778) 49, 159, 213, 221, 228, 229, 247, 249, 250, 258, 268, 280, 282, 359, 375, 398, 399, 401, 406, 415, 443, 445—452, 460
 Рюан Пьер Шарль (1750—1808), депутат Конвента 322, 455
 Рюль Филипп (1737—1795), депутат Законодательного собрания и Конвента от департамента Нижний Рейн, член Комитета общей безопасности 437
- Салль Жан Батист (1759—1794), член Учредительного собрания, депутат Конвента от департамента Мёрт 93
 Сантер Антуан Жозеф (1752—1808), командующий Национальной гвардией Парижа после 10 августа 1792 г. 7, 415
 Сантонакс, член Якобинского клуба в 1790 г. 89, 427
 Сартин, сын генерального лейтенанта полиции 151, 440
 Сенека Луций Анней (ок. 4 до н. э.—65 н. э.),

- римский государственный деятель, философ 242, 266
- Сен-Жюст Луи Жан де (1715—1777), отец Сен-Жюста 392, 393
- Сен-Жюст Луиз Мари Анн (1768—1857), сестра Сен-Жюста 459
- Сен-Жюст Мари Анн, урожденная Робино (1736—1811), мать Сен-Жюста 392
- Сен-Жюст Мари Франсуаз Викторар (1769—1832), сестра Сен-Жюста 458
- Сен-Жюст Шарль де, дед Сен-Жюста 392
- Сен-Жюст Шарль Адам де, прадед Сен-Жюста 392
- Сен-Колон Мари де, владелица исправительного пансиона на улице Пикпю 394, 395
- Сен-Рене, парижский выборщик 1789 г., участник взятия Бастилии 187
- Сен-Фаржо см. Лепеллетье де Сен-Фаржо
- Сент-Амарант, мадам 151, 440
- Сент-Андре см. Жанбон Сент-Андре
- Септейль, первый камердинер Людовика XVI, казначей гражданского листа 28, 419
- Сержероль Анне, солдат Рейнской армии 335
- Сеян, префект преторианцев при императоре Тибериусе 191, 446
- Сиасс, вдова солдата Рейнской армии 337
- Сидней Олджернон (1622—1683), деятель Английской революции XVII в., республиканец 175, 278, 443, 453
- Сийери Стефани Фелисите Дюкре де Сент-Обен, графиня де Жанлис (1746—1830), воспитательница детей Филиппа Орлеанского, писательница 82, 426
- Сийес Эмманюэль Жозеф (1748—1836), аббат, член Учредительного собрания, депутат Конвента от департамента Сарта 34, 36, 38, 420
- Сикст V, Феликс Перетти, папа римский в 1585—1590 гг. 147, 438
- Сильви, преподаватель в коллеже Сен-Никола в Суассоне 393
- Симон Филипп (1755—1794), депутат Конвента от департамента Нижний Рейн 134, 135, 436
- Симоно Жак Анри (ок. 1741—1792), мэр Этампа 375
- Синон, грек, участник Троянской войны 107, 122, 430, 434
- Смит Адам (1723—1790), английский экономист 17, 417
- Собуль А. (1914—1982), французский историк 369, 411, 412, 414, 417, 433, 450—455
- Сократ (470—399 до н. э.) 92, 142, 159, 441, 442
- Солон (ок. 640—560 до н. э.), афинский политический деятель-реформатор 45, 260, 428
- Солс, делегат г. Гиз на департаментской ассамблее в Шони в апреле 1790 г. 352
- Соттер, бригадный генерал Рейнской армии 320, 326
- Стенгель (Штенгель) Анри Кристиан Мишель (1744—1796), французский генерал 147, 439
- Стенкоп Чарльз (1753—1816), английский государственный деятель 163, 442
- Субербилье Жером (1754—1848), врач 456
- Субрани Пьер Амабль де (1752—1795), депутат Конвента от департамента Пуи-де-Дом 456
- Сулла Луций Корнелий (138—78 до н. э.), римский диктатор 177, 180, 190, 424, 444, 446
- Сципион Африканский Младший, Публий Корнелий (185—129 до н. э.), римский политический деятель и полководец 278, 453
- Сципион Луций, брат Публия Корнелия Сципиона 453
- Талейран-Перигор Шарль Морис (1754—1838), епископ Отенский, член Учредительного собрания, дипломат 144, 438
- Тальен Жан Ламбер (1767—1820), депутат Конвента от департамента Сена и Уаза 442
- Тапонье Александр Камилл (1749—1831), французский генерал 342
- Тарквиний Гордый, последний царь Древнего Рима 15, 149, 186, 203, 242, 352, 416, 439, 458
- Тексье, капитан Рейнской армии 333
- Тибериус Клавдий Нерон (42 до н. э.—37 н. э.), римский император 149, 189, 446
- Тиссак, жительница Марселя 90
- Томсон Дж. М., английский историк 456
- Торен Тереза см. Желе Тереза
- Торен Франсуа Эмманюэль, нотариус из Блранкура, муж Терезы Желе 460
- Торжюссен С., современный французский историк 454
- Транш ла Осс, врач 337, 456
- Трейяр Жан Батист (1742—1810), член Учредительного собрания, депутат Конвента от департамента Сена и Уаза 90
- Трётель, член администрации департамента Нижний Рейн 330
- Тюийе, член администрации продовольствия и снабжения армии, друг Сен-Жюста 166, 181, 355, 396, 442, 457, 459
- Тюрго Анн Робер Жак (1727—1781), французский философ-просветитель, экономист-физиократ, генеральный контролер финансов в 1774—1776 гг. 371
- Тюрью дела Розьер Жак Алексис (1753—1829), адвокат, депутат Законодательного собрания и Конвента от департамента Марна 187
- Уильям (с) (Вильямс) Дэвид (1783—1816), английский политический мыслитель 116, 433
- Ульпиан Домиций, римский юрист конца II—начала III в. н. э. 272
- Фабр д'Эглантин Филипп Франсуа (1750—1794), литератор, депутат Конвента от Па-

- рижа 136, 141, 143—151, 153, 154, 173, 315, 432, 435, 436, 438
- Фабр Клод Доминик Ком (1762—1793) из департамента Эро, депутат Конвента 417
- Фабр-Фон, брат Фабра д'Эглантина 145
- Феофилакт Акридский, византийский богослов XI в. 209
- Феро Жан Батист (1759—1795), депутат Конвента от департамента Верхние Пиренеи 17, 417
- Филипп II Македонский (382—336 до н. э.) 110, 178, 190, 216, 244, 285, 422, 431, 444, 448
- Филиппо Пьер Никола (1754—1794), депутат Конвента от департамента Сарта 136, 149, 151, 153, 408, 436
- Фламан, администратор дистрикта Сен-Поль 348
- Флэри Э., французский историк XIX в. 397
- Флоран-Гийо (1735—1834), депутат Конвента 345
- Фокион (402—318), афинский государственный деятель 159, 441, 442
- Фонфред (Буйе-Фонфред) Жан Батист (1760—1793), негодник из Бордо, депутат Конвента от департамента Жиронда 157
- Фоше Клод (1744—1793), аббат, конституционный епископ, депутат Законодательного собрания и Конвента от департамента Кальвадос 402
- Франклин Бенджамин (1706—1790), американский просветитель, государственный деятель 278, 453
- Франш ла Осс см. Транш ла Осс
- Фрей, братья, банкиры 140, 432
- Фрерон Луи Мари Станислав (1754—1802), журналист, депутат Конвента от Парижа 446
- Фридрих II (1712—1786), прусский король 247, 449
- Фуке-Тенвиль Антуан Кентин (1746—1795), общественный обвинитель Революционного трибунала 440
- Фулон Жозеф Франсуа (1717—1789), государственный советник в 1789 г., убит после взятия Бастилии 446
- Фуше Жозеф (1759—1820), депутат Конвента от департамента Нижняя Луара 438
- Цезарь Гай Юлий (100—44 до н. э.) 11, 15, 164, 165, 209, 242, 352, 416, 424
- Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.) 265, 416
- Шабо Франсуа (1756—1794), депутат Законодательного собрания и Конвента от департамента Луар и Шер 122, 124, 140, 142, 144, 151, 152, 153, 155, 432, 435, 440
- Шалье Мари Жозеф (1747—1793), глава лионских якобинцев 278, 453
- Шамбор, возможно, Шамфор Себастьян Рох Никола де (1740—1794), французский писатель 207
- Шарет де ла Контри Франсуа Атана (1763—1796), один из руководителей вандейского восстания 115, 124
- Шармело М. А., современный французский историк 394, 454
- Шартрский герцог (Орлеан сын, молодой Эгалите) (1773—1850), сын герцога Орлеанского, король Франции Луи Филипп в 1830—1848 гг. 82, 83, 426
- Шателен, солдат Рейнской армии 337
- Шварц, командир Национальной гвардии г. Вазелон 321
- Шиллер Иоганн Фридрих (1759—1805) 433
- Шлегель Фридрих (1772—1829), немецкий писатель-романтик 452
- Шнейдер Иоганн Георг Эйлож (1756—1794), священник, общественный обвинитель департамента Нижний Рейн 135, 435
- Шнерб Р., французский историк 433
- Шометт Анаксагор (Пьер Гаспар) (1763—1794), прокурор-синдик Коммуны Парижа 141, 142, 314, 368, 405, 437, 438, 446
- Эбер Жак Рене (1757—1794), издатель газеты «Пер Дюшен», лидер клуба Кордельеров 88, 136, 140, 141, 143, 148, 150—153, 157, 158, 165, 175, 427, 431, 434, 435, 437, 439, 441, 442, 454
- Эгалите молодой см. герцог Шартрский
- Эгалите Филипп см. Орлеан Луи Филипп Жозеф
- Элвер, мэр Саверна 321
- Энгельс Фридрих (1820—1895) 365, 369
- Эро де Сешель Мари Жан (1759—1794), депутат Конвента от департамента Сена и Уаза, член Комитета общественного спасения 134, 135, 136, 143, 150, 151, 153, 422, 436, 439
- Эстен Жан Батист Шарль Анри Гектор д' (1729—1794), французский адмирал 85, 88
- Юлиан Флавий Клавдий (331—363 н. э.), римский император 294, 453
- Яков II (1633—1701), король Англии в 1685—1688 гг. 443

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЧИ И ДОКЛАДЫ

О департаментской страже. 22 октября 1792 г. (Перевод Э. Я. Кушкиной)	5
Первая речь о суде над королем. 13 ноября 1792 г. (Перевод О. С. Заботкиной)	10
О продовольствии. 29 ноября 1792 г. (Перевод О. С. Заботкиной)	16
Вторая речь о суде над королем. 28 декабря 1792 г. (Перевод О. С. Заботкиной)	24
О полномочиях военного министра. 28 января 1793 г. (Перевод Э. Я. Кушкиной)	34
О реорганизации армии. 12 февраля 1793 г. (Перевод Э. Я. Кушкиной)	39
О Конституции Франции. 24 апреля 1793 г. (Перевод Э. Я. Кушкиной)	42
Опыт Конституции. (Перевод М. А. Бобовича)	51
О конституционном делении территории. 15 мая 1793 г. (Перевод Э. Я. Кушкиной)	67
О максимуме населения в муниципалитетах. 24 мая 1793 г. (Перевод Э. Я. Кушкиной)	70
О жирондистах. 8 июля 1793 г. (Перевод О. С. Заботкиной)	73
О революционном порядке управления. 10 октября 1793 г. (Перевод О. С. Заботкиной)	93
О законе против англичан. 16 октября 1793 г. (Перевод О. С. Заботкиной)	103
О лицах, содержащихся в тюрьмах. 26 февраля 1794 г. (Перевод О. С. Заботкиной)	109
О способе проведения в жизнь декрета против врагов Революции. 3 марта 1794 г. (Перевод О. С. Заботкиной)	118
О фракциях, направляемых из-за границы... 13 марта 1794 г. (Перевод О. С. Заботкиной)	119
Об аресте Эро-Сешеля и Симона. 17 марта 1794 г. (Перевод О. С. Заботкиной)	134
О дантонистах. 31 марта 1794 г. (Перевод О. С. Заботкиной)	136
О новом заговоре. 4 апреля 1794 г. (Перевод О. С. Заботкиной)	154
Об общей полиции... 15 апреля 1794 г. (Перевод О. С. Заботкиной)	155
В защиту Робеспьера. 27 июля 1794 г. (Перевод О. С. Заботкиной)	171

ТРАКТАТЫ

Дух Революции и Конституции во Франции. (Перевод М. А. Бобовича)	181
О Природе, о Гражданском состоянии, о Гражданской общине, или Правила независимости управления. (Перевод Э. Я. Кушкиной, Т. А. Черноверской)	251
Республиканские установления. Фрагменты. (Перевод О. С. Заботкиной, Т. А. Черноверской)	277

ДОПОЛНЕНИЯ

Миссия в Рейнскую армию. 22 октября— 29 декабря 1793 г. (Перевод О. С. Заботкиной)	320
Первая миссия в Северную армию. 28 января—3 февраля 1794 г. (Перевод О. С. Заботкиной)	344
Вторая миссия в Северную армию. 2 мая—29 мая 1794 г. (Перевод О. С. Заботкиной)	347
Миссия к Северным и Восточным границам. 13 июня—26 июня 1794 г. (Перевод О. С. Заботкиной)	350
Письма	352
Камиллу Демулену. Май 1790 г. (Перевод Т. А. Черноверской)	352
Максимилиану Робеспьеру. 19 августа 1790 г. (Перевод М. А. Бобовича)	353

Адриану Байару. 9 ноября 1791 г. (Перевод М. А. Бобовича)	353
Ж. Л. М. Вийену-Добиньи. 20 июля 1792 <?> г. (Перевод М. А. Бобовича)	354
Пьеру Виктору Тюийе. <Сентябрь 1793 г.> (Перевод О. С. Заботкиной)	355
<О Природе, о Гражданском состоянии, о Гражданской общине, или Правила независимости управления>. (Перевод Э. Я. Кушкиной, Т. А. Черноверской)	355
<План-оглавление>.	355
<Ранняя редакция>.	357
<Республиканские установления. Варианты фрагментов>. (Перевод О. С. Заботкиной, Т. А. Черноверской)	359
Фрагмент пятый	359
Фрагмент шестнадцатый	360

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список сокращений	363
А. В. Гордон. Иллюзии-реалии якобинизма	364
Т. А. Черноверская. Личность и судьба	392
Примечания. (Составили А. В. Гордон, Т. А. Черноверская)	412
Указатель имен. (Составила Т. А. Черноверская)	461

Луи Антуан Сен-Жюст

РЕЧИ. ТРАКТАТЫ

Утверждено к печати Редакцией серии «Литературные памятники»

Редактор издательства **Е. А. Смирнова**. Художник А. И. Слепушкин
Технический редактор А. Ф. Сергеев. Корректоры Л. М. Бова, Н. И. Журавлева,
Э. Г. Рабинович, А. Х. Салтанаева и Е. В. Шестакова

ЛР № 020297 от 27.11.91. Сдано в набор 22.12.93. Подписано к печати 27.02.95. Формат 70×90 1/16.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 35. Уч.-изд. л. 39.7.
Тираж 10 000. Тип. зак. № 3196. С 1028.

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН. 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1.

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН. 199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12.

Он остался воплощением
Революции во всем ее
величии, как и во всех
ее противоречиях.

Альбер Собуль

Художник Л. А. Яценко

ЛУИ АНТУАН СЕН-ЖЮСТ

РЕЧИ • ТРАКТАТЫ

Рабство есть зависимость
от несправедливых законов;
свобода — зависимость от
разумных законов; необузданность
слушается лишь себя самое.

Сен-Жюст

ЛУИ АНТУАН
СЕН-ЖЮСТ

РЕЧИ

ТРАКТАТЫ

